

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1976 г.

М. Н. Тихомиров
и летописеведение

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1976

Сборник включает статьи по древнерусскому летописанию, византийской и западноевропейской хронографии, связанные с отечественным летописанием. Сборник содержит разделы, относящиеся к конкретному источниковедению, историографии и археографии. Включены публикации новых летописных материалов и библиография (аннотированная) советской литературы по отечественному летописанию с 1960 по 1972 г.

Редакционная коллегия:

академик Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),

академик Л. В. ЧЕРЕПНИН,

доктора исторических наук

В. И. БУГАНОВ (заместитель ответственного редактора),

В. И. КОРЕЦКИЙ (ответственный секретарь),

А. Г. КУЗЬМИН, В. Т. ПАШУТО, К. Н. СЕРВИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ ·

Предлагаемый сборник, посвященный памяти выдающегося советского ученого академика Михаила Николаевича Тихомирова (1893—1965), открывается статьей, анализирующей его исследования по истории отечественного летописания X—XVII вв. Далее в сборнике помещены статьи его учеников, последователей и других специалистов по проблемам русского летописания и хронографии, которыми интересовался покойный ученый.

Исследования и другие работы сгруппированы по пяти разделам.

Первый раздел посвящен проблемам источниковедения. Тематика большинства статей связана с историей русского летописания XII—XVII вв. Н. Н. Воронин успешно продолжил изучение владимирского летописания XII в. Развивая наблюдения М. Д. Приселкова, автор подробно рассмотрел «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и «Повесть о междукняжии», включенные в состав одного из владимирских сводов, охарактеризовал владимирское летописание за 1158—1177 гг., свод 1177 г.; иначе в сравнении с предшествующей литературой поставлен вопрос об авторе этих произведений. Г. М. Прохоров делает попытку связать упоминание (под 1392 г.) Троицкой летописи (в выписках Н. М. Карамзина) о Летописце Великом Русском с текстом Рогожского летописца. С. Н. Азбелев выявляет устные источники, включенные в летописные Повести о Куликовской битве и Повести о Мамаевом побоище. В. А. Кучкин устанавливает один из источников т. н. Владимирского Полихрона (общерусского свода 1423 г. митрополита Фотия) — тверской летописный свод 1409 г. епископа Арсения. В. И. Корецкий путем детального текстологического анализа приходит к выводу о том, что главным летописным источником для Ивана Тимофеева, автора известного «Временника», была летопись Иосифа, келейника патриарха Иова, которая, как показал тот же автор в других своих работах, впоследствии была использована составителями Нового летописца, Латухинской Степенной книги, а в XVIII в. — В. Н. Татищевым. В статье Т. В. Диановой приводится подробное описание филиграней рукописи Пискаревского летописца, что дает возможность уточнить время ее составления — 40-е годы XVII в. Четыре статьи посвящены зарубежной хронографии: И. С. Чичуров исследует текст

«Хронографии» Феофана, византийского автора конца VIII—начала IX в., в той части, которая рассказывает о распаде Великой Болгарии. И. В. Шталь предметом своей статьи сделала сообщение о Руси средневекового автора XII в. Гервазия. М. В. Бибииков, анализируя исторические сочинения Иоанна Киннама и Никиты Хониата (с привлечением дополнительных сведений византийских писателей), рассматривает вопрос о локализации половецко-византийской войны 1148 г. на территории нижнего Подунавья. Интересны наблюдения Н. И. Щавелевой, которая вычленила и систематизировала сведения по истории Древней Руси, содержащиеся в т. н. Великопольской хронике, составленной, согласно новейшим исследованиям польских ученых, в XIV в. (рассказывает она о событиях с древнейших времен до 1271 г.).

Второй, историографический раздел состоит из двух статей. Они содержат анализ литературы об общерусском летописании Северо-Восточной Руси XIV в. (Л. Л. Муравьева) и славяно-молдавском летописании XV—XVI вв. (Ф. А. Грекул).

Раздел третий включает статьи по археографии. О. В. Творогов, успешно исследующий в последние годы памятники русской хронографии, дает в своей работе характеристику основным их разновидностям и ставит вопрос о необходимости издания хроник и хронографов, затрагивая одновременно вопрос о некоторых правилах публикации их текстов. Н. Н. Улащик пишет об открытии и изданиях Супрасльской летописи. Румынский историк-славист М. Дан представил интересный материал, характеризующий деятельность известного румынского ученого-слависта И. Богдана по изданию славяно-румынских (славяно-молдавских) летописей, его сотрудничестве, переписке со многими русскими учеными в конце XIX—начале XX в.

В четвертом разделе помещены три публикации — византийские хронографические сочинения в древнеславянской Кормчей X в. (Я. Н. Шапов), вологодско-пермские летописцы XV в. (Б. М. Клосс), Краткий Московский летописец конца XVII в. (В. И. Буганов).

Завершает том раздел, в котором находится библиографический обзор публикаций летописных текстов и исследований по истории русского летописания, вышедших с 1960 по 1972 г. Составлен он А. Н. Казакевичем, работа которого является продолжением труда Р. П. Дмитриевой¹.

Предлагаемый сборник является вторым среди неперIODических изданий подобного профиля².

Научно-организационную и техническую подготовку сборника к печати провели С. А. Богушев, Ю. П. Глушакова, Т. В. Кудрейко, Л. Ф. Кузьмина.

¹ Р. П. Дмитриева. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962 (учтены работы, вышедшие с XVIII в. до 1959 г.).

² «Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова». М., 1974.

М. Н. ТИХОМИРОВ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЛЕТОПИСЕВЕДЕНИЕ

В. И. Буганов

Тема «Русское летописание» была для Михаила Николаевича Тихомирова одной из ведущих в его научной деятельности по существу в течение всей творческой жизни. Не говоря уже о том, что в его многочисленных трудах по отечественной истории периода феодализма среди источников, привлеченных для исследования, летописи занимали исключительно важное место, им посвящено немало специальных трудов ученого.

М. Н. Тихомиров неоднократно ставил в печати вопрос о поисках рукописных источников, охране рукописей как важнейшего национального достояния нашего народа¹. Сам он не раз совершал поездки по различным городам страны, работал в их архивохранилищах, краеведческих музеях, составлял описания рукописных книг и документов. Естественно, наибольшее внимание в этом плане он уделял московским и ленинградским хранилищам, в которых изучил большое число источников. Им же составлены подробные описания рукописей, содержащих летописные памятники и хранящихся в московских архивах и собраниях².

Древнейшему русскому летописанию М. Н. Тихомиров посвятил несколько ценных работ. В одном из изданий, вышедших под его редакцией, опубликованы отрывки из Повести временных лет³. В трудах, имеющих целью изучение начального этапа, зарождения летописания и тем самым историографии в Древней Руси, Михаил Николаевич ставит вопрос о существовании древнейших памятников летописного типа в конце X или начале XI столетия. Это прежде всего Повесть о начале Русской земли, в которой говорится об основании Киева, правлении первых русских князей. Подробно рассказывает Повесть о времени Святослава, борьбе между его сыновьями, первых годах правления Владимира I Святославича. О времени после 988 г., т. е. после крещения Руси, и правлении Ярослава в Повести временных лет, включившей в свой состав Повесть о начале Русской земли,

¹ М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 361—369.

² М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — ИЗ, т. 13, 1942; он же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

³ «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.» М., 1960, стр. 137—180, 184—192 и др.

рассказывается гораздо менее подробно. К тому же князь Владимир изображен во враждебных тонах; наоборот, отношение летописца к князю Ярополку отличается доброжелательностью. Все это позволяет автору сделать заключение о том, что Повесть о начале Русской земли была составлена в правление Святополка Окаянного (1015—1019 гг.), который вел борьбу с Ярославом. Впоследствии Повесть о начале Русской земли была отредактирована в духе, угодном Ярославу Мудрому. Путем текстологического анализа М. Н. Тихомиров устанавливает, что ее текст лучше сохранился в Новгородской I летописи, чем в Повести временных лет⁴.

В другой работе Тихомиров склонен относить создание Повести о начале Руси к X в., которым он датирует зарождение светской, гражданской литературы, появившейся, по его мысли, почти одновременно с литературой церковной⁵.

Более подробно указанную тему М. Н. Тихомиров разрабатывает в третьей статье⁶. Автор снова возвращается к вопросу о произведениях летописного типа, которые предшествовали большим летописным сводам второй половины XI—начала XII в. (М. Н. Тихомиров оспаривает в своих работах мнение А. А. Шахматова о существовании Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг. и Новгородского свода 1050 г.). Наряду с указанными выше летописными памятниками (Повесть временных лет и Новгородская I летопись) автор привлекает для сравнительного исследования Устюжский свод, сохранивший некоторые древние чтения Начального свода 90-х годов XI в., «Историю Польши» Яна Длугоша, использовавшего один из древнейших памятников русского летописания, и «Память и похвалу» «мниха Иакова». Он выделяет отразившееся в тексте указанных памятников Сказание о русских князьях X в. (Игоре, Святославе и распри между его сыновьями), составленное, по его мнению, до 1007 г., скорее всего вскоре после крещения Руси (988 г.). Это Сказание — первое историографическое произведение Древней Руси. Повесть о начале Руси существовала уже в первой половине XI в., она говорит об основании Киева, убийстве Аскольда и Дира, правлении Олега и его смерти. Как видим, в этой статье М. Н. Тихомиров уточняет свои выводы о времени составления и содержании Повести, имеющиеся в его более ранних работах.

Наконец, анализируя древнейшие русские летописные известия в названном выше труде Яна Длугоша, М. Н. Тихомиров пишет, что они взяты польским историком из летописного источника, составленного в Киеве; его появление предшествует Повести временных лет и своду, отразившемуся в Новгородской I летописи.

⁴ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — СЭ, 1947, № VI—VII.

⁵ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 63 и сл.

⁶ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. — ВИ, 1960, № 5.

Этот источник по форме напоминает Повесть или Сказание о русских князьях X в.⁷

Несколько статей М. Н. Тихомирова связано с изучением летописей и хронографов периода феодальной раздробленности (XII—XV вв.). В одной из них Михаил Николаевич дает характеристику Новгородскому краткому летописцу конца XIII в., состоящему из «Летописца Никифора вскоре» (или «вкратце») и продолжений в виде византийских и русских статей; записи по русской истории доведены до 1279 г., взяты они из летописи, сходной с Лаврентьевской, или (за 60—70-е годы XIII в.) внесены современником событий. Автор, анализируя содержание русских статей, пишет о ростовском происхождении памятника, который издан им по тексту пергаменной новгородской кормчей, написанной примерно около 1280 г., но не позднее 1294 г.⁸

В уже упоминавшейся статье о светской литературе русского средневековья Михаил Николаевич дает высокую оценку Галицко-Волынской летописи, включенным в Ипатьевскую летопись повестям о князе Изяславе Мстиславиче, об убийстве Андрея Боголюбского и др.⁹ Он же издал летописную Повесть о Тохтамышевом разорении, являющуюся, по его характеристике, «ранним историческим памятником богатой и замечательной московской литературы конца XIV в.»¹⁰ В рецензии на книгу А. В. Арциховского («Древнерусские миниатюры как исторический источник». М., 1944) М. Н. Тихомиров пишет о большом значении Радзивилловской летописи, ее миниатюр как источника¹¹. Исследуя и публикуя список («именник») древних болгарских князей, включенный в Еллинский летописец, Михаил Николаевич считает, что составление летописца и вставка в его текст «именника» относятся к XV в., так как именно в это столетие происходит соединение Еллинского летописца с Новгородской IV летописью¹².

Следующий цикл трудов М. Н. Тихомирова связан с публикацией и источниковедческим изучением летописей конца XV—XVI в. Ему принадлежит большая заслуга в возобновлении известного издания «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). В одном из томов этого издания опубликован Московский летописный свод конца XV в. (записи доведены до 1492 г.)¹³. Из памятников

⁷ М. Н. Тихомиров. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша. — В кн.: М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

⁸ М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. — АЕ за 1960 г. М., 1962, стр. 234—239.

⁹ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв., стр. 63—66.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. VII. М., 1951, стр. 211—217.

¹¹ ВИ, 1945, № 2, стр. 147—148.

¹² М. Н. Тихомиров. Именник болгарских князей. — ВДИ, 1946, № 3, стр. 81—90.

¹³ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

XVI столетия им изданы: Вологодско-Пермская летопись (записи с древнейших времен до 1538 г., свод составлен в середине столетия)¹⁴, частично Постниковский летописец (записи за 1503—1547 гг., опубликован текст за 1533—1547 гг.; автор этих «русских мемуаров XVI в.», написанных в традиционной летописной форме, — дьяк Постник Губин Маклаков)¹⁵, Владимирский летописец (его текст — извлечение из свода, близкого к Троицкой летописи начала XV в.; издан текст за 1395—1513 гг.; автор летописца — москвич, лицо духовное, современник Василия III)¹⁶, Краткий Владимирский и Соловецкий летописцы XVI в., Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого и, наконец, несколько маленьких летописчиков того же столетия¹⁷.

Под общей редакцией М. Н. Тихомирова в серии ПСРЛ изданы важные памятники отечественного летописания конца XV—XVI в. — Никаноровская, своды 1493 г., 1495 г., 1497 г., 1518 г. (Уваровская летопись), «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», Александро-Невская, Лебедевская, Новгородская II (Архивская) летописи, Владимирский летописец¹⁸. Фототипическим способом переизданы Никоновская летопись и Тверской сборник¹⁹.

Эти и другие летописные источники, введенные в научный оборот ученым, расширили представления о развитии летописного дела в России эпохи образования и развития централизованного государства. В предисловиях к указанным публикациям М. Н. Тихомиров анализирует их состав и содержание, причем в связи с содержанием тех сборников, в которые они включены, и с развитием летописания в целом. Одному из изданных сводов — Вологодско-Пермскому — Михаил Николаевич посвятил специальное исследование²⁰.

Проанализировав и сопоставив друг с другом известные ему четыре списка летописи (А. А. Шахматов изучил три ее списка), М. Н. Тихомиров установил существование двух редакций — 1526 г. и середины XVI в. Он же высказал предположение, что наиболее древняя редакция была составлена в конце XV — начале XVI в.; оно было впоследствии подтверждено анализом

¹⁴ ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. — ИЗ, т. 46, 1954, стр. 278—288.

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца». — ИЗ, т. 15, 1945, стр. 278—300.

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. VII. М., 1951; он же. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — ИЗ, т. 10, 1941; он же. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В кн.: «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXVII—XXX. М.—Л., 1962—1965.

¹⁹ Там же, т. IX—XV. М., 1965.

²⁰ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — «Проблемы источниковедения», вып. III. М.—Л., 1940, стр. 225—244.

новых списков летописи²¹. Интересные наблюдения и ценные уточнения внес Я. С. Лурье (источники ПВЛ, ее взаимоотношения с Никаноровской летописью)²².

Из памятников XVII в. М. Н. Тихомиров ввел в научный оборот отрывки из нескольких летописцев — одного из новгородских сводов последней четверти XVII в. (автор называет его Новгородским хронографом XVII в.)²³, две повести о Московском восстании 1682 г.²⁴ Большой интерес представляет исследование о псковских повестях в составе псковских же летописей. Они посвящены событиям классовой борьбы во Пскове начала XVII в. Одна из повестей — О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства — написана, по его наблюдениям, вскоре после 1614 г. псковичом-горожанином (возможно, иконописцем Авраамием Ивановым), выражающим взгляды псковской феодальной верхушки и резко осуждающим действия восставших. Две другие — Повесть о разорении Пскова и Повесть о бедах и скорбех (составлены соответственно после 1613 г. и после 1625 г.) — принадлежат представителям псковского посадского мира, проникнуты сочувствием к социальным низам города, поднявшимися на борьбу против местных бояр и посадских богачей. Все повести являются выдающимися памятниками публицистики первой трети XVII в., посадской или «городской» литературы, развитие которой так характерно для начала «нового периода» русской истории²⁵.

Столь же большое значение имеет работа М. Н. Тихомирова о Пискаревском летописце, который, по его мнению, составлен вскоре после 1615 г. в кругах, близких к Шуйским. Автором, возможно, является Никита Федорович Фофанов или какой-либо другой московский печатник, проживавший в Нижнем Новгороде в 1612—1615 гг.²⁶

В ряде работ Михаил Николаевич дает общие характеристики русского летописания, например местному, в том числе новгород-

²¹ В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963; И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания (М. 3271). — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962.

²² Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — «Вспомогательные исторические дисциплины», V. Л., 1973, стр. 249—250.

²³ М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII в. — «Новгородский исторический сборник», вып. 7. Новгород, 1940, стр. 66—144.

²⁴ М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. — ИА, 1939, т. 11; он же. Записки приказных людей конца XVII в. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Псковские повести о Крестьянской войне в России начала XVII в. — В кн.: М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, стр. 11—22.

²⁶ М. Н. Тихомиров. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в. — «История СССР», 1957, № 3, стр. 112—122.

скому, и общерусскому X—XVII вв., высоко оценивает летописи как источник по истории русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны, а также многих народов Запада и Востока²⁷. Особо следует выделить два издания учебника по источниковедению отечественной истории, в которых автор, помимо рассмотрения конкретных летописных сводов, дает им общую оценку как памятникам феодальной идеологии, отражавшим интересы господствующего класса, и в то же время памятникам огромной национальной самобытности, национально-патриотического звучания, исключительного значения в истории русской и мировой культуры. В своих исследованиях М. Н. Тихомиров наряду с Б. Д. Грековым и другими учеными выступает пионером нового подхода к летописям как источнику, исходя из принципов марксистско-ленинской идеологии.

Наряду с изучением летописей как источника по истории России с древнейших времен до конца XVII в. М. Н. Тихомиров рассматривает их и как памятники историографии, общественно-политической мысли. Таковы его главы в обобщающем труде об отечественной историографии; они посвящены рассмотрению развития исторических знаний в X—XVII вв.²⁸ В ряде работ (например, в учебниках по источниковедению) автор дает характеристики трудов отечественных летописцев — А. А. Шахматова, Н. К. Никольского, В. М. Истрина, М. Д. Приселкова и др. Большой вклад А. А. Шахматова в исследование русских летописей Михаил Николаевич отметил в одном из докладов. По его словам, Шахматов занимает выдающееся место в отечественной и мировой историографии²⁹.

Вклад М. Н. Тихомирова в отечественное летописеведение трудно переоценить. Его публикации и исследования о русском летописании со времени его зарождения до заката — весомый вклад в изучение русских летописей. Его идеи и предположения лежат в основе многих изысканий, проводимых учениками и последователями Михаила Николаевича. Группа по изданию Полного собрания русских летописей Института истории СССР АН СССР (с февраля 1975 г. вошла в состав Сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода того же Института)

²⁷ М. Н. Тихомиров. Великий Новгород в истории мировой культуры. — В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 195—196; он же. Культурная жизнь России в XIV—XV вв. — Там же, стр. 237—238; он же. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 41—58, 105—113, 122—124, 129—137; изд. 2. М., 1962, стр. 31—68 и др.

²⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 48—105.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Что нового внес Шахматов в изучение древнерусских летописей. — В кн.: «Рукописное наследие акад. М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. Научное описание». Сост. И. П. Старовойтова. М., 1974, стр. 162—166.

после кончины М. Н. Тихомирова продолжает задуманную и начатую им серию изданий летописных памятников XV—XVII вв. — вышли в свет несколько летописцев XVII в. (в том числе Мазуринский, из которого М. Н. извлек опубликованную им Повесть о Московском восстании 1682 г.), ряд белорусско-литовских летописей³⁰, подготовлены к печати Густынская, белорусско-литовские, славяно-молдавские летописи, несколько кратких летописцев XVII в. и др. Велись и ведутся монографические исследования о русском, белорусско-литовском, славяно-молдавском летописании, историографии³¹ и археографии проблемы. Последующая работа по изданию и изучению русских летописей во многом будет связана с выполнением задач, намеченных в трудах выдающегося советского ученого Михаила Николаевича Тихомирова.

³⁰ ПСРЛ, т. XXXI—XXXII. М., 1968—1975.

³¹ В. И. Буганов. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975.

I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ОБ ОДНОЙ КОНЪЕКТУРЕ К «ХРОНОГРАФИИ» ФЕОФАНА

И. С. Чичуров

Рассказ хрониста Феофана (ок. 752—819) о распаде Великой Болгарии, к которому мы уже однажды обращались¹, своей сложностью и запутанностью неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Споры вызывали толкование терминов (πάκτον), названий (*Ογλος, ἐπὶ τὰ γένηα), вопрос о достоверности сообщаемого (легенда о пяти сыновьях Куврата), о характере взаимоотношений славянских племен и протоболгар. В этих спорах не раз высказывались сомнения в сохранности авторского текста «Хронографии», сомнения, приводившие византинистов к мысли о необходимости исправления (эмендации) текста памятника.

Одна из конъектур к «Хронографии» была предложена в 1927 г. болгарским историком В. Бешевлиевым². Речь идет о том месте сочинения Феофана, где описывается Огл (славянское Угол; Буджак) — местность, занятая ордой Аспаруха в низовьях Дуная. Приведем текст оригинала: ἔπειτα τούτων ὁ τρίτος, Ἀσπαρούχ λεγόμενος, τὸν Δάναπριν καὶ Δάναστριν περάσας καὶ τὸν *Ογλον καταλαβὼν βορειότερους τοῦ Δανουβίου ποταμοῦς μετὰ τὸ τοῦτο καί τινων φηκεν, ἀσφαλῆ καὶ δυσμάχητον εἶναι τὸν τόπον στοχασάμενος ἐξ ἑκάστου μέρους. Мы понимаем эту фразу следующим образом: «— затем третий из них (сыновей Куврата. — И. Ч.), называемый Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр, реки севернее Дуная, дойдя от Огла, поселился между последним (Дунаем. — И. Ч.) и первыми (Днепром и Днестром. — И. Ч.), рассудив, что место это (Огл. — И. Ч.) укрепленное и неприступное со всех сторон»³.

Как видно из сравнения перевода с оригиналом, мы нарушаем порядок слов «Хронографии», и это не случайно. Дословный перевод («переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла, реки севернее Дуная, поселился между этим и теми») внес бы только неясность: к рекам севернее Дуная пришлось бы отнести и Огл. Противоречие было замечено В. Бешевлиевым, предложив-

¹ И. С. Чичуров. Экскурс Феофана о протоболгарах. — «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования». М., 1976, стр. 65.

² V. Bechevliev. Zur Chronographie des Theophanes. — BZ, 27, 1927, S. 35.

³ «Theophanis Chronographia», rec. C. De Boor, v. I—II. Lipsiae, 1883—1885 (далее — «Theoph. Chron.»), v. I, 357. 27—358. 3.

шим изменить порядок слов в тексте памятника. Первый аргумент болгарского византиниста как раз и заключался в невозможности причисления к одному ряду Огла и рек (Днепра, Днестра), а второй — базировался на интерпретации слов *μεταξὺ τούτου καὶ κείνων* («между этим и теми»): Бешевлиев относил их не к глаголу *ᾤκησεν*, а к топониму *Ογλ*⁴.

С поправкой Бешевлиева фраза выглядит так: *ἔπειτα τούτων ὁ τρίτος Ἀσπαρούχ λεγόμενος τὸν Δάναπριν καὶ Δάναστριν περάσας βορειοτέρους τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ καὶ τὸν Ὅγλον καταλαβὼν μεταξὺ τούτου καὶ κείνων ᾤκησεν*. Соответственно изменяется и перевод: «— затем третий из них, переправившись через Днепр и Днестр, реки севернее Дуная, и дойдя до Огла, поселился между ним (Оглом. — И. Ч.) и теми (Днепром, Днестром, Дунаем. — И. Ч.)».

Конъектура Бешевлиева получила одобрение Д. Моравчика⁵, ее принял занимавшийся локализацией Огла румынский историк Н. Бэнеску⁶. Однако, если присмотреться к ней внимательнее, возникают возражения. Приняв конъектуру Бешевлиева, мы сталкиваемся с трудностью в понимании слов *μεταξὺ τούτου καὶ κείνων*. *Τούτου* (как противоположность *ἐκεῖνος*) следует относить к ближайшему существительному, т. е. к *Ογлу*, а *καὶ κείνων* — к более отдаленным Днепру, Днестру и Дунаю, из чего следует, что Аспарух поселился *между* *Ογлом* и реками севернее Дуная, но это невозможно, и вот почему.

Во-первых, Аспарух не мог поселиться *между* *Ογлом* и названными реками, коль скоро он поселился в самом *Ογλε*, согласно тексту «Хронографии»: *εἰς τὸν Ὅγλον ἐκλήνωσεν*⁷. Во-вторых, Аспарух, по Феофану, *переправился* (*περάσας*) только через Днепр и Днестр, а до *Οгла*, который располагался к северу от Дуная, лишь *дошел* (*καταλαβὼν*); тем самым подчеркивается, что протоболгарский хан *достиг* *Οгла*, но не прошел через весь *Οгл*, если это местность, и не *перешел* *Οгла*, если это река. Таким образом, *между* *Οглом* и реками *Днепром*, *Днестром* и *Дунаем*, как ясно из слов самого Феофана, Аспарух осесть не мог, и *τούτου* «Хронографии» надо относить не к *Ογлу*, а к Дунаю.

Необходимость конъектуры должна подтверждаться не только неясностью смысла текста, но и состоянием рукописной традиции⁸. В нашем случае мы располагаем возможностью тройной проверки текста памятника: во-первых, рукописной традицией самой «Хро-

⁴ V. Beševliev. Op. cit., S. 35: «Die Bezeichnung *μεταξὺ τούτου καὶ κείνων* dürfte wohl nicht als Objekt zu dem Verbum finitum *ᾤκησεν* aufgefasst werden sondern gehört eher zu τὸν Ὅγλον».

⁵ G. Moravcsik. Zur Geschichte der Onoguren. — UJb, X, 1930, S. 71, Anm. 3; cf. *idem*. Byzantinoturcica, Bd. II. Berlin, 1958, S. 213.

⁶ N. Bănescu. Ὅγλος — Oglu: le premier habitat de la horde d'Asparuch dans la région du Danube. — Byz, 28, 1958, p. 433 et n. 1.

⁷ Theoph. Chron., v. I, 358.13.

⁸ О порче рукописной традиции говорит, между прочим, и Бешевлиев, не аргументируя, однако, своей точки зрения (V. Beševliev. Op. cit., S. 35).

нографии»; во-вторых, рукописной традицией латинского перевода Анастасия Библиотекаря, выполненного немногим более полувека спустя после создания «Хронографии» и дошедшего до нас в списках более ранних, чем некоторые списки греческого оригинала; наконец, в-третьих, рукописной традицией «Бревиария» патриарха Никифора (?—829), использовавшего тот же, что и Феофан, несохранившийся источник в рассказе о событиях VII—VIII вв.

Начнем с рукописной традиции «Хронографии». Прежде всего следует отметить: ни один список «Хронографии» не сохранил каких-либо следов перестановки, о которой говорит Бешевлиев. Разночтения же, которые представлены рукописями группы Y (Vatic. Palat. 395, Coisl. 133, Monac. Graec. 391), — $\beta\omicron\rho\iota\omega\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon$ (вм. $\beta\omicron\rho\epsilon\iota\omicron\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\varsigma$), $\tau\omicron\upsilon\theta\ \Delta\alpha\nu\omicron\upsilon\beta\acute{\iota}\omicron\upsilon$ $\kappa\omicron\tau\alpha\mu\omicron\upsilon$ (вм. $\kappa\omicron\tau\alpha\mu\omicron\upsilon\varsigma$) $\omicron\upsilon\varsigma$ $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\iota}$ — не дают никакого смысла: конечно, грамматически можно было бы согласовать $\beta\omicron\rho\iota\omega\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon$ с $\tau\omicron\upsilon\theta\ \Delta\alpha\nu\omicron\upsilon\beta\acute{\iota}\omicron\upsilon$ $\kappa\omicron\tau\alpha\mu\omicron\upsilon$, но в таком случае остается неясным, куда следует отнести оборот. Если понять его как родительный независимый (с пропущенным $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$), то это противоречило бы реальному положению Огла: Огл был севернее Дуная, а не наоборот. Вместе с тем $\omicron\upsilon\varsigma$ («которых») также не у места в предложении: местоимение нельзя ни с чем согласовать. Итак, имеющиеся разночтения рукописной традиции оригинала не свидетельствуют в пользу предположения Бешевлиева о перестановке, они легко объяснимы как палеографические ошибки: $\beta\omicron\rho\iota\omega\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon$ — i. вм. $\epsilon\iota$ — итацизм, ω вм. \omicron — неразличение долготы и краткости, наконец, потеря конечной сигмы в $\beta\omicron\rho\iota\omega\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon$; $\kappa\omicron\tau\alpha\mu\omicron\upsilon$ $\omicron\upsilon\varsigma$ вм. $\kappa\omicron\tau\alpha\mu\omicron\upsilon\varsigma$ — повторением одного и того же дифтонга $\omicron\upsilon$. Чтение $\tau\omicron\upsilon\theta\tau\omega\nu$ («этих») списка g (Paris. Reg. 1711) опять-таки не говорит о перестановке.

Проверим текст «Хронографии» рукописной традицией перевода Анастасия, который передает смысл оригинала так: *deinde horum tertius, Asparuch dictus, Danaprin et Danastrin transiens et Onglon adiens, boreos interiores Danubio fluvios, inter hunc et illos habitavit tutum et dificelem ad expugnandum locum hinc inde conspiciens*⁹. Из перевода видно (в рукописной традиции разночтений нет), что у Анастасия такой же порядок слов, как и в оригинале. Поэтому предположение о том, что греческие и латинские списки сохранили авторский порядок слов, достаточно вероятно. Заметим попутно, переводчик сохраняет противопоставление оригинала: Аспарух *перешел* Днепр и Днестр ($\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\iota}\alpha\varsigma$ — *transiens*) и *дошел* до Огла ($\kappa\alpha\tau\alpha\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\nu$ — *adiens*)¹⁰.

Наряду с этим и местоимения в латинском переводе довольно определенно указывают на слова, к которым они относятся: «inter hunc et illos» («между этим и теми») — «hunc» может относиться к ближайшему существительному в единственном числе (Danubio), а «illos» — к более отдаленным Днепр, Днестр и, не обязательно,

⁹ «Theoph. Chron.», v. II, 226.11—15.

¹⁰ Ibid., 226.13—14.

Огл. Подчеркнем, что для нас в латинском переводе важно местоимение «hunc», связанное с «Danubio», но никак не с «Onglon», отстоящим слишком далеко от местоимения. В результате, ни рукописная традиция латинского перевода, ни рукописная традиция «Хронографии» не дают нам опоры для конъектуры Бешевлиева.

Таким образом, текст «Хронографии» в этом месте дошел до нас в виде, очень близком к автографу, и вопрос приходится ставить иначе, чем его ставил Бешевлиев: не эмендация текста и конъектура (из-за порчи рукописной традиции), а возможность ошибки самого автора. В том, что вопрос надо ставить так, а не иначе, нас убеждает и другое обстоятельство: Огл у Феофана всюду употребляется с артиклем мужского рода (τὸν *Ογλον, εἰς τὸν *Ογλον, πρὸς τῷ *Ογλῳ), т. е. речь идет о реке, а не о какой-то местности (ср., напр., ἡ Φάσις — город Фасис и ὁ Φάσις — река Фасис у Феофана¹¹). Этому предположению не противоречит фраза εἰς τὸν *Ογλον ἐσκήνωσαν («поселился у Огла»), так как поселиться можно и у реки (ср. латинский перевод apud Onglon¹²). Более того, несколько ниже, говоря об экспедиции Константина IV (668—685) против Аспаруха, Феофан пишет, что император отправил διὰ μὲν τῆς πρὸς τῷ *Ογλῳ καλουμένη καὶ Δανουβίῳ ἡπείρου τὰ περὶ τὰ («по суше, прилегающей к Оглу и Дунаю, несшее войско»)¹³. Под Оглом, к которому прилегает материк, суша, хронист мог скорее всего подразумевать реку, но не местность.

Иное дело у Никифора: Огл употребляется в «Бревиарии» без артикля¹⁴, в то время как названия рек (Куфис, Танаис, Истр, Днепр, Днестр) употребляются, как и должно быть, с артиклем мужского рода¹⁵. Все это наводит на мысль о том, что Феофан, в отличие от Никифора, видел в Огле реку, а не местность, и именно поэтому перенес упоминание о нем ближе к рекам Днепру и Днестру (ср. русский перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, где Огл становится рекой Ольгой¹⁶). Так Огл стал у хрониста рекой севернее Дуная.

Но если говорить о переносе Феофаном Огла, то, видимо, придется допустить существование иного, нежели в «Хронографии», порядка слов в использованном компилятором источнике. И вот здесь следует еще раз обратиться к сравнению с «Бревиарием». Никифор пишет о поселении Аспаруха в низовьях Дуная: τοῦτων ὁ λοιπὸς τρίτος ἀδελφὸς ὄνομα Ἀσπαρούχ τὸν Δάναπριν καὶ τὸν Δάναστριν ποταμὸν περαιωθεὶς περὶ τὸν Ἰστρὸν οἰκίζεται τόπον πρὸς οἰκησιν

¹¹ Ibid., v. I, 262.23, 391.20, 23, 393.16, cf. 329.31.

¹² Ibid., v. II, 226.23—24.

¹³ Ibid., v. I, 358.18—19.

¹⁴ «Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica», ed. C. De Boor. Lipsiae, 1880 (далее — «Niceph. Brev.»), 38.6, 18, 19, 23, 39.1.

¹⁵ Ibid., 38.7, 9, 11.

¹⁶ А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 277.

ἐπιτήδειον, *Οὔλον τῇ σφῶν καλούμενον φωνῇ, καταλαβόμενος, δυσχερῇ τε καὶ ἀνάλωτον πολεμίους ὑπάρχοντα («наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через реки Днепр и Днестр, поселился у Истра, дойдя до места, удобного для жилья, называемого на их (болгар. — И. Ч.) языке Огл, неприступного и недоступного для врагов»¹⁷). Огл у Никифора идет за описанием самого места, и именно места, а не реки. Пассаж Никифора не вызывает сомнений при переводе; напротив, у Феофана много неясного и в этой фразе, и в рассказе о протоболгарах вообще¹⁸.

И все же, если попытаться исправить текст хрониста (не ошибки писцов), то где тогда надо поставить слова καὶ τὸν *Οὔλον καταλαβόν Феофана? Здесь, нам кажется, надо ориентироваться на порядок слов «Бревиария», где фраза *Οὔλον... καταλαβόμενος стоит после слов περὶ τὸν Ἰστρον οἰκίζεται, τόπον πρὸς οἰκῆτιν ἐπιτήδειον («поселился в месте, удобном для поселения у Истра») и перед словами δυσχερῇ τε καὶ ἀνάλωτον πολεμίους ὑπάρχοντα («недоступное и неприступное для врага»). Соответственно у Феофана эта фраза стояла бы после слов μεταξὺ τούτου κακείνων ἤκειεν («поселился между последним и первыми») и перед словами ἀσφαλῇ καὶ δυσμάχητον εἶναι τὸν τόπον («укрепленное и неприступное место»), а весь пассаж выглядел бы так: ἐπειτα τούτων ὁ τρίτος, *Ἀσπαροῦχ λεγόμενος, τὸν Δάναπριν καὶ Δάναστριν περάσας βορειοτέρους τοῦ Δανουβίου ποταμοὺς μεταξὺ τούτου κακείνων ἤκειεν, καὶ τὸν *Οὔλον καταλαβόν, ἀσφαλῇ καὶ δυσμάχητον εἶναι τὸν τόπον στοχασάμενος ἐξ ἑκάστου μέρους («затем третий из них, называемый Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр, реки севернее Дуная, поселился между последним и первыми, дойдя до Огла, рассудив, что место это укреплено и неприступно со всех сторон»). Но повторим еще раз: это было бы, на наш взгляд, поправкой к авторскому тексту «Хронографии» и, следовательно, не могло бы быть внесено в критический текст «Хронографии».

Итак, подведем итоги. Предложенная Бешевлиевым конъектура не может быть принята в силу того, что она усложняет текст, с одной стороны, а с другой — так как ее необходимость не подтверждается рукописной традицией как греческого оригинала, так и латинского перевода. Кроме того, употребление Огла с артиклем мужского рода наводит на мысль об ошибке самого хрониста, принявшего Огл за реку и поставившего его в один ряд с Днепром и Днестром. В таком случае не может быть речи о конъектуре в собственном смысле слова. Наконец, сопоставление с «Бревиарием» показывает, куда можно было бы перенести Огл Феофана, если бы возникла необходимость поправки к авторскому тексту, и где он, видимо, находился в источнике «Хронографии» и «Бревиария».

¹⁷ «Niceph. Brev.», 34.5—12.

¹⁸ И. С. Чичуров. Указ. соч., стр. 67.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОЛОВЕЦКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЙНЫ 1148 Г.

М. В. Бибилов

В византийских знакомиях в честь василевса Мануила I Комнина при перечислении покоренных им в войнах народов обычно упоминаются «скифы»¹. Неоднократные столкновения с задонскими кочевниками в правление этого императора (1143—1180) вошли в комплекс сложных многосторонних византино-венгерско-русских отношений того времени². Первый из этих набегов «скифских» кочевников-куманов из-за Дуная на Византию произошел в 1148 г.³, в тот момент, когда Мануил отправился навстречу норманскому королю Сицилии Рожеру II для отвоевания греческих городов, захваченных сицилийцами⁴, обострение отношений с которыми, совпавшее со вторым Крестовым походом, привело к византино-норманской войне⁵.

Основным источником сведений об этом половецко-византийском конфликте является историческое произведение Иоанна Киннама, современника царствования Мануила⁶. Всего несколько слов о нем мы находим у Никиты Хониата⁷, хотя Мануилу посвящена добрая треть его «Истории». Это не удивительно: Никита Хониат, писавший позже Киннама, часто о событиях, подробно описанных предшественником, говорит кратко⁸; что же касаясь Мануила, то уже отмечались различия в оценках его деяний

¹ Напр., *Sp. Lampros*. 'Ο Μαντζουῆς κῶδις 524. — *Νέος Ἑλληνομνημον*, 8, 1911, 37.21—22; 44.21—23; 128.18—22; 146.14—26; 154.7—8.

² В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII в. Союз двух империй (1148—1155). — Труды, т. IV. Л., 1930, стр. 43 и сл.; Д. А. Расовский. Половцы. IV: Военная история половцев. — «Анналы института им. Н. П. Кондакова», т. XI. Белград, 1940, стр. 120 и сл.; ср. В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 207 и сл.

³ F. Chalandon. *Les Comnènes*, v. II. Paris, 1912, p. 385; В. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1972, с. 384 и сл.

⁴ E. Caspar. Roger II (1101—1154) und die Gründung der normannisch-sicilischen Monarchie. Darmstadt, 1968, S. 376 sq.; P. Lamia. Comneni e Staufer, v. I. Roma, 1955, p. 75—89.

⁵ P. Rassew. Zum byzantinisch-normannischen Krieg 1147—1149. — «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung». Nienis, 1954, S. 213—219.

⁶ Ioannis Cinnami Epitome. . ., rec. A. Meineke. Bonnae, 1836 (далее — Cinn.), 93.1—95.21.

⁷ «Nicetae Choniatae Historia», rec. I. Bekker. Bonnae, 1835 (далее — N. Ch.), 103.21—104.2.

⁸ G. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, Bd. I. Berlin, 1958, S. 446, cf. 326.

у двух историков: панегиристическое отношение — у Киннама и сдержанное — у Хониата⁹. Дополнительные сведения о половецкой кампании 1148 г. дают нам также некоторые произведения Иоанна Цеца¹⁰ и Георгия Торника — зфесского митрополита¹¹.

Известие о вторжении кочевников на территорию Византии застало византийского императора в конце зимы или начале весны у Филиппополя (совр. Пловдив) (Cinn. 93.1). Думается, этому не противоречит Хониат (103.21—104.2), хотя последовательность изложения событий у него и позволяет думать, что василевс оказался в Филиппополе только *после* завершения половецкой войны¹². Из описания опустошительных действий куманов, построенного как у Киннама, так и у Никиты Хониата в стереотипных выражениях о вторжениях варваров-кочевников, не следует заключать о непременно глубоком продвижении их во-внутрь империи. Они не только, несомненно, не перешли, вопреки мнению В. Г. Васильевского¹³, Балканский хребет, но и их распространение *вплоть* до Балкан¹⁴ не определяется четко источниками: выражение Хониата «опустошали земли при Геме» (ср. в разговорноязычной парафразе его «Истории»: «грабили Загорье») может относиться к территории Паристриона и даже пространству, близкому к Дунаю¹⁵.

Киннам сообщает о захвате половцами «значительного города» на Истре (93.4—5). Традиционное в науке¹⁶ отождествление зна-

⁹ А. П. Каждан. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. — BS, 24, 1963, стр. 27.

¹⁰ О нем см.: G. Hart. De Tzetzarum nomine, vitis, scriptis. — «Jahrbuch für classische Philologie», Supplb. 12. Lipsiae, 1880, s. 1 sq.

¹¹ J. Darrouzès. Notes sur Euthymios Tornikès, Euthyme Malakès et Georgios Tornikès. — REV, 23, 1965, p. 163 sq.

¹² А. А. Болсачов-Ghimpu. La localisation de la cité byzantine de Demnitzikos. — RESEE, V, 1967, N 3—4, p. 543.

¹³ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 30.

¹⁴ К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889, стр. 130.

¹⁵ И. Дуйчев. Из старата българска книжнина, т. II. София, 1944, с. 312, 328; ср. E. Stănescu. Beiträge zur Paristrion-Frage. — JÖBG, 17, 1968, S. 55—62.

¹⁶ Васильевский (указ. соч., стр. 30), отождествляя этот город с упоминаемой Киннамом чуть ниже «крепостью Демничик» (93.19), считал, что это — совр. Зимнич. Грот (указ. соч., стр. 132), справедливо ему возражая, что у Киннама речь идет о городе не на левом, а правом берегу Дуная, понимал под Демничиком Киннама совр. Свиштов; но сам же он отмечал, что в XII в. Свиштов был известен под другим именем (Б. Недков. България и съседните ѝ земи според «Географията» на Идриси. София, 1960, с. 79). Златарский предполагал, что этот город находился где-то около совр. Тутракана (указ. соч., II, с. 385). По Бăнеску, это — Зимнич (N. Bănescu. La domination byzantine sur les régions du Bas-Danube. — AR BSH, XIII, 1927, p. 11; *idem*. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946, p. 104). В последнее время появились две новые альтернативные локализации. По одной из них (А. А. Болсачов-Ghimpu. Op. cit., p. 546), Демничик — это античная Диногения, совр. Би-зерикуча-Гарван. По другой (P. Ș. Năsturel. Valaques, Coumans et Byzantins sous le règne de Manuel Comnène. — «Byzantina», 1, 1969, p. 171—

чительного дунайского города, разоренного куманами, с никому не известной крепостью Демничик безусловно. То, что о ней у Кинна говорится как об уже упоминавшейся (и это заставляет всех сближать ее с тем городом), может быть объяснено сокращенным вариантом, в котором дошел до нас труд византийского историка, и «швы» соединения (в целом искусного) частей произведения, видимо, проступают: случаи, когда ссылки Кинна на упоминание о чем-то ранее не подтверждаются, общеизвестны¹⁷. Может быть, в определении этого города нам поможет одно из писем Иоанна Цеца¹⁸, датируемое теперь не 1147¹⁹, а 1148²⁰ г. Оно адресовано митрополиту Дристры (Доростол, совр. Силистра), т. е., видимо, Льву Харсианиту, которому адресованы еще письма № 38 и 39 (Ер. 53.1; 56.18). В письме Цеца описана картина бедствий, которые причинили митрополиту Дристры «придунайские волки, часть скифов, племя вероломное, рабское и варварское» (Ер. 94.6—7). А. П. Каждан отнес эти события к набегу половцев 1148 г. Если это так, то не может ли быть интересующим нас городом Дристра, — как известно²¹, славный и очень крупный дунайский город XII в.? Тогда и общая локализация войны связывается с этим районом.

Узнав о вторжении куманов, Мануил направил из Константинополя к Дунаю корабль (Cinn. 93.6—8) для переправы через него или с целью, может быть, запереть кочевникам выход в задунайские степи, а сам ждал нападения «скифов». Но василевс получил известие, что враги, покинув ромейские пределы, перешли Дунай и раскинули лагерь где-то недалеко от реки (93.8—15). Переправившись на найденной на месте однодеревке (ибо корабль из столицы не пришел) через Дунай, Мануил с пятисотенным войском спешит настичь ушедших противников (93.15—94.5). По пути Мануилу встречаются две полноводные реки (94.5—6). Что это за реки, точно определить трудно²². Ясно, что они встре-

172), — это совр. Турну-Мэгуреле. Т. е. если в первом случае театр военных действий проходит от Добруджи на север к междуречью Сирета и Берлада, то во втором события передвигаются к Олту (самая западная локализация!).

¹⁷ G. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 325. Ведь и Лазарь и Сотас, обычно считавшиеся одним лицом, взятым в плен во время войны (Cinn. 95.14—21), теперь, наконец, не отождествляются друг с другом (P. Ş. Năsturel. Op. cit., p. 175, особенно прим. 24). Это — совершенно аналогичный случай!

¹⁸ Ioannis Tzetze Epistulae, rec. P. Leone. Lipsiae, 1972 (далее — Ер.).

¹⁹ G. Hart. Op. cit., S. 44; P. A. M. Leone. — Ер., p. XIX.

²⁰ А. П. Каждан. Рец. на издание Леоне писем Цеца. — ВВ, 34, 1973, стр. 289; там же — конъектура к тексту, в соответствии с которой приводится здесь фрагмент из этого письма.

²¹ П. Мутафчиев. Съдбините на средновековния Дръстър. — Избрани произведения, т. II. София, 1973, с. 86.

²² Обычно считали, что это Арджиш и Дымбовица или Веда и Арджиш (В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 31; В. Златарски. Указ. соч., с. 386), или, может быть, Арджиш и рукав самого Дуная (К. Я. Грот. Указ. соч., стр. 133—134). Теперь Большаков-Гимпу (op. cit., p. 547) думает, что эти реки — между Берладом и Сиретом, а Нăстурел — Веда и Телеорман (op. cit., p. 175), как полагал и Бэнеску.

тились ромеям вскоре после их перехода Дуная, ибо для переправы через эти две реки Мануил приказывает вернуться к Дунаю и отсюда на лошадях перетащить лодки (94.7—10). Это могли быть (помимо возможных традиционных определений) и Борча и Яломица.

Далее, миновав широкую равнину, преследователи приходят ἐπὶ ὄρος τέλου ὄρμον (Cinn. 94.11—12). Эта фраза у Киннама всегда вызывает споры. Несомненно, что это место текста испорчено (еще Грот отмечал грамматическую несостоятельность выражения²³): конъектура необходима. Васильевский предложил читать ἐπὶ τὸν Ὀροστέλου ὄρμον, т. е. пришли к местности города, тождественного совр. Урзичени на р. Яломица²⁴. Но такое чтение и понимание вызывают возражения. Слово ὄρος — «гора» необходимо сохранить, ибо о ней (в придаточном предложении ὅπερ: согласование в среднем роде) сказано, что она «возвышается вблизи пределов Тавроскифии» (94.12). В целом же из контекста ясно, что речь идет о горах; Урзичени же расположены в Нижнедунайской низменности. Другое чтение Васильевского — ἐπὶ ὄρος Τελοῦὸρμον — основано на предположении, что это — название какой-то отрасли Трансильванских Альп²⁵. Но подкрепить это предположение нечем. В. Томашек, читая Τέλου ὄρμον, усматривает здесь искаженный тюркский топоним Tele-orman, известный по р. Телеорман и валашскому району на р. Веда, и относит его к горе в низовьях Прута и Сирета на север от Дуная. Прут и Сирет же тогда оказываются теми двумя полноводными реками, через которые переправлялся Мануил вскоре после перехода Дуная²⁶. Эту точку зрения воспринял и Моравчик²⁷. Но такое отождествление необъяснимо. Нэстурел, естественно, понимает под нашим топонимом возвышенности по р. Телеорман²⁸. Но его толкование всего этого места все-таки произвольно (движение «по направлению к Тавроскифии» и т. п.). Пожалуй, общая локализация войны по линии от Дуная до Сирета более оправдана. Здесь же упомянутая гора помещается в район Рымникул-Сэрит²⁹. Однако и тогда не все становится ясным. Трудно предположить, чтобы пятисотенный византийский отряд, да еще вместе с императором, отправился так далеко в глубь половецкой земли, фактически оставляя за спиной берладскую территорию³⁰. К тому же, если учесть, что осенью того же года Мануил уже осаждает Корфу, то окажется слишком мало времени

²³ К. Я. Грот. Указ. соч., стр. 133—134.

²⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 31.

²⁵ В. Г. Васильевский. Рец. на книгу: Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. — ЖМНП, 1879, июль-август, стр. 91.

²⁶ W. Tomaschek. Zur Kunde der Hämushalbinsel, Bd. II. Wien, 1887, S. 15.

²⁷ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II, S. 305.

²⁸ P. Ş. Năsturel. Op. cit., p. 175.

²⁹ A. A. Bolşacov-Ghîmpu. Op. cit., p. 546.

³⁰ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 125; ср. С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 185.

(Cinn. 96.14—15), чтобы он с войском за этот промежуток 1) ждал встречи с половцами, 2) не дождавшись, двинулся бы их догонять, 3) прошел бы путь через Дунай, по Сирету с возвратом к Дунаю, 4) очутился на северо-западе от гирлы Дуная, 5) настиг половцев и 6) сразился с ними, 7) затем проделал бы весь обратный путь и 8) дальше — в сторону Корфа и 9) остановился зимовать в Веррии. Думается все-таки, что византийский отряд перешел Дунай выше по его течению, а преследование кочевников не заходило так далеко на север. Что касается темного места в «Истории» Киннама, то приходится констатировать отсутствие удовлетворительного его толкования: искаженный при передаче в тексте топоним интерпретируется лишь гадательно. Возможно, что речь идет о южных отрогах Восточных Карпат, что согласуется с сообщением нашего источника о близости этой горы к «Тавроскифской» земле, под которой здесь обычно понимают Галицкую Русь³¹. Действительно, западные пределы Галицкого княжества упирались в Восточные Карпаты. Таким образом, несостоятельным оказывается распространение далеко на юг (что делается *только* на основании этого свидетельства Киннама) границ Галицкой земли³². Половецко-византийская война 1148 г. скорее шла на более ограниченной территории, не только не распространившись на русские земли, но вряд ли заходя далеко в Половецкую степь. В середине XII в. низовья Днестра, Прута и Сирета, видимо, находились под контролем половцев³³, внедрявшихся, впрочем, в более северные районы Руси³⁴. Галицкая же территория, более или менее устойчивая граница которой проходила по городам Ушица, Кучелмин, Онут, Микулин, Коломыя³⁵, не доходила даже до места совр. Могилева на Днестре³⁶. Данные сочинения Киннама не опровергают таких представлений.

Найдя у отрогов Карпатских гор пустой куманский лагерь, Мануил отправляет для дальнейшего преследования врагов вспомогательный отряд «скифов» под командованием опытного военного Гифарда. Этот «скифский» отряд был, надо полагать, составлен из печенегов (возможно, и узов), служивших в византийском войске: нам известно о зачислении печенегов в византийскую армию после их поражения в 1122 г. (Cinn. 8.18—22; N. Ch. 22. 21—22). Помимо отмечаемых обычно свидетельств о Гифарде, следует указать, что в письме Георгия Торника, митрополита эфесского,

³¹ В. Г. Васильевский. Из истории Византии, стр. 31.

³² Например, К. Я. Грот. Указ. соч., стр. 134.

³³ К. В. Кудряшов. О местоположении половецких веж в северном Причерноморье в XII в. — «Труды Института этнографии», новая серия, т. I, 1947, стр. 109; ср. Д. А. Расовский. Половцы. III: Пределы «поля половецкого». — «Анналы института им. Н. П. Кондакова», т. IX. Прага, 1937, стр. 158; он же. Половцы. IV, стр. 120.

³⁴ С. А. Плетнева. Половецкая земля. — «Древнерусские княжества X—XIII вв.» М., 1975, стр. 280—281.

³⁵ К. В. Кудряшов. Половецкая степь, стр. 125.

³⁶ С. М. Середонин. Указ. соч., стр. 184—186.

к Алексею Гифарду, дукe феми Фракисион, упоминаются победы последнего над «скифами»³⁷, под которыми можно понимать, в частности, и куманов 1148 г.

Настигнув половцев, отряд Алексея Гифарда, вызвав остальное войско с Мануилом, вступает в сражение и разбивает противников (Синн. 94.20—95.13). Обратный путь византийского войска, должно быть, проходил по тем же пунктам, что и путь преследования, — вплоть до Филиппополя, откуда Мануил в конце лета этого же года отправляется на запад.

Итак, сравнительный анализ наших источников позволяет думать, что война охватила район Дристры, однако нет возможности говорить об очень широком территориальном распространении событий этой войны. Отнесение далеко на юг границ Руси также оказывается неоправданным, т. е. выводы советских ученых о пределах Галицкого княжества³⁸ не опровергаются.

В дальнейшем половецко-византийское столкновение 1148 г. интересно сопоставить с последующими событиями, относящимися к Северному Причерноморью и Руси, по византийским памятникам этого времени, а также с русскими летописными известиями и данными западноевропейских источников, представив этот конфликт в комплексе политических отношений русских княжеств с Византией, Венгрией и населением Причерноморских степей.

³⁷ J. Darrouzès. Georges et Démétrios Tornikès. Lettres et discours. Paris, 1970, p. 151.11.

³⁸ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 168—171.

РУСЬ В КОМПИЛЯЦИИ ГЕРВАЗИЯ ТИЛЬБЕРИЙСКОГО¹

И. В. Шталь

Интересное и содержательное сообщение Гervasия, средневекового автора XII в., о Руси («*Otia imperialia*», II, 7) послужило в современной исторической науке материалом для полемики, в которой одна сторона допускает возможность упоминания о Руси Червонной, другая — этого упоминания не усматривает². Полемика концентрируется в основном вокруг цитации античного автора, точнее «Фарсалии» (I, 402) Лукана, введенной в текст Гervasием: можно ли отождествить содержание луканова стиха с позицией Гervasия, или это — ничего не значащий литературный экскурс средневекового книжника. Полемика фактически переросла борьбу мнений по некоему частному историческому вопросу, выдвинув на передний план проблему восприятия цитации в средневековом источнике в целом.

Обратимся к тексту Гervasия. В историко-географическом описании Восточной Европы, принадлежащем Гervasию, находим некоторые сведения о земле, протянувшейся от Норвегии до Причерноморских степей. Землю эту Гervasий именует Русью (Russia): «... за Данией — Норвегия, за Норвегией — Русь по направлению к северу...» («*post Daniam Norveia, post Norveiam Russia versus septentrionem*»); «... между Грецией и Русью — половцы и коралли...» («*inter Graeciam et Russiam sunt Gethae Planeti et Corali*»); «... между Польшей и Русью две реки...» («*inter Poloniam et Russiam sunt duo fluvii*»).

Однако та Русь, о которой Гervasий собственно ведет рассказ и о которой его сведения наиболее определены, это Русь, пограничная с Польшей, т. е. Южная Русь. Именно эта Русь у Гervasия обозначена словом Рутения (Ruthenia). Иначе говоря, по Гervasию, Рутения (Ruthenia) — не столько Русь, сколько часть Руси (Russia), ее южная часть.

При таком понимании термина местоположение Киева, указанное Гervasием, не предстает как трогательный в своей

¹ Исследование ведется средствами текстологического анализа. Автор не претендует на завершенность исторических выводов. Положение Гervasия о разделении терминов «Russia» и «Ruthenia» может представляться исторически спорным.

² В. Т. Пашуто, И. В. Шталь. Забытое сообщение о рабстве у червонорусов (XI—XII вв.). — УИЖ, № 3, 1971, стр. 86—89; А. Поппе. Еще раз о сообщении Гervasия Тильберийского. — Там же, № 3, 1972, стр. 79—80.

наивности казус: «Далее (за Польшей. — *И. Ш.*) на восток простирается по направлению к Греции Рутения (Ruthenia), в длину протяженностью, как говорят, в сто дней пути, коей ближайший к Норвежскому морю город Киев (Chyo). А в той стороне, что по направлению к Гуннии (Hunnia), — город Галич (Galicia)». Киев — не ближайший к Норвежскому морю город Руси, но ближайший — Рутении.

Напротив, все, что на Руси находится севернее Рутении, известно Гервазию много хуже. Поэтому, как и полагается в сочинении добросовестного средневекового автора, его сообщение о том, что из города Руси (*civitas Russiae*) Владимира (Lodimiria) просматривается Польша, снабжено оговоркой «как будто» (*quasi*). При этом стоит обратить внимание: Галич и Киев — города Рутении, Владимир — Руси.

Наконец, когда при описании польских границ Гервазий опять-таки обращается к двум упомянутым терминам³, сводя их на едином предмете, значение этих терминов уже четко укладывается в намеченный смысловой эквивалент: «Польша с одной стороны смыкается с Русью (Russia), каковая же и Рутения (Ruthenia), о коей Лукан: «Рыжие рутены отрешаются от длительного покоя». Граничащая с Польшей Русь — Рутения.

Рутению населяет племя рутенов (*in hac gens Ruthenorum*), само наименование которого этимологический словарь Фасмера сопоставляет со словом «русин», «старым названием украинцев в Галиции», производным от «Русь», указывая на книжное приспособление формы «русинъ» к известному ранее названию *Ruteni* в Галлии⁴.

В тексте Гервазия цитата из Лукана, имеющая отношение, видимо, к кельтам Галлии, приурочена к «новым» рутенам, рутенам Руси, и призвана, в соответствии с традицией средневековья, восходящей к античности, подтвердить «историчность», иначе — достоверность сообщения Гервазия. При этом представление Лукана о русских, или желто-золотистых (*flavi*) рутенах войска Цезаря, видимо, не идет вразрез со сложившимися представлениями Гервазия о рутенах русской Рутении, иначе бы, в противном случае, цитата из Лукана доказательством положений Гервазия служить не могла.

Что же касается цитации Гервазия, то традиционность ее вне сомнения.

Еще блаженный Иероним в письме к Паммахию «О лучшем способе перевода» ссылается на авторитет своих античных пред-

³ Видимая смысловая синонимия терминов при явном смысловоразличительном оттенке значений характерна для поэтики средневековой словесности. См., например, «Статут государства и острова Корчула», где подобное явление введено в систему. Причина явления — в синкретизме художественного мышления средневековой словесности.

⁴ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 520.

шественников, Теренция, Цицерона и Горация, соответственно цитируя «Девушку с Андроса» (Пролог, 17), «О лучшем роде ораторов» (13—14), «Поэтику» (133 сл.).

При этом выборки из Цицерона и Горация Иероним предваряет словами, не оставляющими сомнения в целях его цитации. «Для меня довольно, — пишет он, — авторитета самого переводчика, который в прологе к тем же речам (т. е. речам Эсхина и Демосфена, переведенным Цицероном. — *И. Ш.*) говорит так: (цит. из Цицерона. — *И. Ш.*)»⁵. Иначе говоря, каждая приведенная цитата воспринимается и используется цитирующим в полном осмыслении ее содержания.

Традиции средневековой цитации ведут к античности, где цитата из Гомера для любого автора — весомый аргумент в пользу положений, высказанных самим автором. Отсюда прямые, входящие в авторский текст и служащие его продолжением цитаты гомеровских поэм у Демокрита. В передаче Азия: «Демокрит говорит, что и воздух разбивается на тела сходной формы и скатывается вместе с обломками звука (той же формы). Ведь «галка близ галки садится» и «равного с равным сводят бессмертные боги» (Од. XVII, 218)»⁶. И в свидетельстве Аристотеля⁷: «по Демокриту, душа и ум — просто одно и то же, ибо действительность — это то, что мы представляем себе; поэтому, говорит он, Гомер справедливо написал, что «Гектор лежит инакомысля» (Ил. XIV, — сбитый с ног камнем Аякса. — *И. Ш.*)»⁸.

Число соответствующих примеров, призванных иллюстрировать систему, может быть умножено.

Поэтому мнение А. Поппе⁹, сводящего цитацию из Лукана к «характерному для средневекового книжника стремлению показать свою начитанность», «к желанию показать себя знатоком римской поэзии», не выдерживает критики как нарушающее специфику средневековой поэтики, где цитата, даже вымышленная, должна согласоваться, хотя бы минимально, с бытующими или — реже — индивидуальными представлениями цитирующего.

⁵ «Памятники средневековой латинской литературы IV—IX вв.» М., 1970, стр. 43—44. Пер. под ред. И. П. Стрельниковой.

⁶ Aet. IV, 19, 13. Пер. С. Я. Лурье. Цитируется по кн.: С. Я. Лурье. Демокрит. Л., 1970, № 11, стр. 210.

⁷ Arist. De animo. 1, 2. Пер. С. Я. Лурье. Цитируется по кн.: С. Я. Лурье. Демокрит, № 67, стр. 223.

⁸ В традиционном тексте «Илиады» эта строка отсутствует.

⁹ А. Поппе. Указ. соч., стр. 80.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЛАДИМИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ 1158—1177 ГГ.

Н. Н. Воронин

1

Параллельно с церковно-литературной работой 60-х годов XII в.¹ во Владимире велись летописные записи, завершившиеся составлением летописного свода, начатого, как увидим, еще при жизни Андрея Боголюбского и законченного в конце 70-х годов. Для суждения об этой работе основным источником является текст Лаврентьевской летописи, где андреевское летописание предстает почти непосредственно: по заключению А. Н. Насонова, «до 1206 г. мы в Лаврентьевской имеем сравнительно «чистый» владимирский текст...»² Критический анализ летописания Северо-Востока, начатый трудами А. А. Шахматова³ и продолженный исследованиями М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова и Ю. А. Лимонова, позволил приблизиться к характеристике летописного свода времени Андрея, его источников и политических тенденций.

Наиболее интересны для нас основные выводы капитального исследования М. Д. Приселкова. Они сводятся к следующему⁴. Летописные записи начались во Владимире с 1158 г., с момента закладки Владимирского Успенского собора. Их преимущественно церковный характер приводит к заключению, что они и велись при Успенском соборе под руководством его «игумена» Феодула. Отсутствие интереса к деятельности самого Андрея и к его семейным делам показывает, что летописание было вне княжеского надзора.

¹ *Н. Н. Воронин*. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (из истории русско-византийских отношений XII в.). — ВВ, т. XXI. М., 1962, стр. 29—50; *он же*. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса. — В кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова». М., 1963, стр. 88—92; *он же*. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. — ВВ, т. XXIII. М., 1963, стр. 23—46; *он же*. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. — Там же, т. XXVI. М., 1965, стр. 190—218.

² *А. Н. Насонов*. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, стр. 168.

³ *А. А. Шахматов*. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской летописи. — «Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись», ч. II. СПб., 1902; *он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, главы I, III, VI.

⁴ *М. Д. Приселков*. Лаврентьевская летопись (история текста). — УЗ ЛГУ, № 32. Серия исторических наук, вып. 2. Л., 1939, стр. 90—107; *он же*. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 56, 64—78.

Делом того же Феодула было якобы и составление летописного свода. В части до 1175 г. свод использовал южный источник — летописец Переяславля-Русского, обладавший достаточно широким кругозором и сочувственный владимирским Мономахичам⁵, а в части до 1157 г. — летописные записи времени Юрия, дополненные несколькими рассказами самого князя Андрея о его воинских подвигах на юге. При этом жизнь Ростова и Суздаля, освещавшаяся Юрьевым летописцем, намеренно оставалась в тени, отражая борьбу за права новой столицы — Владимира. С 1158 г. внимание сосредоточивается на владимирских событиях, а после взятия Киева история юга рассматривается в свете владимирских интересов. Основная идея свода — главенство Владимира над Ростовом и перенос политического центра Руси из Киева во Владимир. Свод оканчивался пространным рассказом о борьбе за владимирский стол 1176—1177 гг. после смерти Андрея Боголюбского, что позволило назвать его «сводом 1177 г.»⁶ Он составлялся якобы в целях исторического обоснования перед патриархом и императором притязаний владимирской династии на учреждение самостоятельной епископии или митрополии и превращение Владимира в «политический и распорядительный центр» Руси⁷.

А. Н. Насонов в своем последнем труде, вместо анализа летописания Северо-Восточной Руси, предложил четыре интереснейших этюда: о характере летописных записей первой половины XII в., о рассказах о ратных подвигах князя Андрея Юрьевича на юге, о происхождении летописных редакций «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» и о социально-политической направленности летописных записей и текстов, вышедших из среды местного клира⁸. Эта заключительная тема решена очень уклончиво и робко. Собрав все данные о явно антибоярском настроении широких кругов Владимирской земли, исследователь оговорился: «Думаю, что неправильно понимать владимирского летописца как противника боярского землевладения вообще, а захват сел истолковывать как попытку ликвидировать боярское землевладение». «Смысл всего хода борьбы городов» состоял якобы только в том, что

⁵ Характер летописания Переяславля-Русского и его связи с киевским и владимирским освещены в исследовании А. Н. Насонова (указ. соч., стр. 80—111).

⁶ Смена установленной М. Д. Приселковым даты свода — 1177 г. на 1178 г., предложенная Ю. А. Лимоновым (Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, стр. 78), неубедительна. Ее единственным основанием служит текстуальное совпадение одного места из статей 1169, 1177 и 1178 гг. Оно объясняется тем, что и летописцем, и автором включенных в летопись повестей, и сводчиком было одно лицо — глава капитула Успенского собора и советник князя Андрея — поп Микула. Поэтому и свое «Сказание о чудесах владимирской иконы» он использовал в этом своде 1177 г. (там же, стр. 78).

⁷ Пора отбросить мнение, что русские летописи часто служили своего рода «пояснительной запиской», предъявлявшейся в Византию по тем или иным спорным поводам.

⁸ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 112—167.

Андрей (как позднее и его брат Всеволод III) пытался эмансипироваться от сильного боярства «старейшей дружины» и опирался на своих слуг и более широкие круги городского населения, «но игнорируя интересы низов».

Автор исследования о владими́ро-суздальском летописании в целом Ю. А. Лимонов «с порога» отверг выводы М. Д. Приселкова о политической направленности владимирского свода 1177 г., исходя не из анализа материала, а из априорной посылки, что «в период феодальной раздробленности ни о какой централизации, более того, ни о какой попытке централизации, когда еще не сложились экономические предпосылки этого процесса, не могло идти и речи»⁹. Автор справедливо подчеркивает рост могущества местного боярства и его острую вражду к Андрею и его политике единовластия. Но напрасно он считает, что и церковники были на стороне противников князя, — это простое недоразумение. Рассказ о деятельности и казни княжеского кандидата на владимирскую епископскую (или митрополичью) кафедру — Федора втиснут во владимирскую летопись под давлением митрополита. Это вышедший из митрополичьих кругов злобный памфлет на Федора, который в меру сил был смягчен владимирским сводчиком 1177 г.¹⁰ В своде якобы отразилась лишь узкая «чисто практическая цель»: защита и обоснование прав Успенского собора на землевладение, дани и десятину. Однако главным «двигателем прогресса» остаются бояре. Победа Михалки и Всеволода — результат «поддержки владимирских феодалов», даже владимирские «мезиние люди» — это не ремесленники и горожане, а те же бояре, только мелкого калибра. Горожане исчезают с исторической сцены. Освещению этих вопросов прежде всего помогает анализ «Повести о междукняжии» — заключительного, финального повествования владимирского свода, в котором как бы подведены политические итоги княжения Андрея.

2

К рассмотренной нами особо¹¹ «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» (произведению Микулы) в Лаврентьевской летописи непосредственно примыкает рассказ о событиях междукняжия¹². Он как бы прямо продолжает «Повесть об убийстве»: «Увидевше же смерть князю Ростовци и Суздальци и Переяславци и вся дружина от мала до велика съехашася к Володимерю» для решения вопроса о замещении княжеского престола. Это повествование впервые, на страницах владимирского свода, обращает внимание читателя на внутренние дела земли, следя шаг за шагом за развернув-

⁹ Ю. А. Лимонов. Указ. соч., стр. 78 и прим. 43.

¹⁰ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг, стр. 43—49.

¹¹ Н. Н. Воронин. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. — «История СССР», 1963, № 3, стр. 80—97.

¹² ПСРЛ, т. I, стр. 374—386.

шейся борьбой между Юрьевичами и Ростиславичами и стоящими за ними силами горожан, с одной стороны, и боярства — с другой. Изложение событий и их сложного переплетения ведется столь последовательно и связано, что не оставляет сомнения в первоначальной самостоятельности и цельности рассказа, введенного в летопись и приспособленного к ней путем расчленения хронологическими пометами: «в то же лето», «в лето 6684», «в лето 6685» между 1175—1177 гг. Целостность текста при этом нарушена всего один раз внесением в конце 1175 г. записей о венчании во Владимирском Успенском соборе севшего во Владимире Ярополка Ростиславича с дочерью Всеслава Витебского и изгнании из Смоленска Ярополка Романовича и посажении Ростислава Мстиславича¹³. Искусственность этой вставки очевидна, так как она (как и последующая годовая помета «в лето 5508») разрывает совершенно связанный текст рассказа: перед ней сказано о разделении «волости Ростовской» между Ростиславичами и посажении Ярополка во Владимире, а Мстислава в Ростове, после же вставки следует прямое продолжение рассказа: «Сядящема Ростиславичема в княженьи земля Ростовская. . .» и т. д. Рассказ явно не членился на годы, представляя особую «Повесть о междукняжии», обрывающуюся в Лаврентьевской летописи под 1177 г.¹⁴ и сохранившую свое окончание в ряде других сводов¹⁵.

Мы не будем пересказывать «Повесть» и ограничимся здесь напоминанием ее содержания. Съезд во Владимире решил пригласить на владимирское и ростовское княжение племянников Андрея — внуков Юрия Долгорукого Ярополка и Мстислава Ростиславичей, находившихся в Чернигове с дядей Михалкой

¹³ Там же, стр. 374; *А. Н. Насонов*. Указ. соч., стр. 159 и прим. 62. Исследователь предполагал, кроме того, «следы редакционного вмешательства официального представителя княжеской власти или самого князя [Всеволода III], выразившегося во вставке от слов «А хрестяного целованья забывше. . .» до слов «. . . рязанскою послу» (стр. 159—160). Приводимые автором улики редакционной вставки (ПСРЛ, т. I, стр. 372), на наш взгляд, несостоятельны. «Неожиданность» сообщения о рязанских послах относительна — перед тем упомянут сам князь Глеб Рязанский. Воспоминание о давнем нарушении боярством крестоцелования Юрию на его младших детях и избрании Андрея вовсе не противоречит самому духу «Повести», благосклонной к его делам и памяти. Это воспоминание очень кстати в кругу обвинений бояр и апологии владимирцев. Андрей же сам ушел Гна Север против воли отца.

¹⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 386. Д. А. Корсаков писал: «Повествование о борьбе Владимира с Ростовом по цельности рассказа можно почесть за отдельное сказание» (*Д. А. Корсаков*. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 117, прим. 24).

¹⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 605—606; т. VII, стр. 94—95 и др.; *К. Н. Вестружев-Рюмин*. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 107; *И. Хрущов*. О дневнорусских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетий. Киев, 1878, стр. 144; *С. М. Шпилевский*. Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. Ярославль, 1892, стр. 112 и сл.; *А. А. Шахматов*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 11; *Е. Ю. Перфецкий*. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922, стр. 23.

Юрьевичем. Ростиславичи уступают ему старейшинство и идут втроем, что вызывает гнев ростовского боярства. Михалка занимает Владимир, но изгоняется из города боярскими ставленниками Ростиславичами и уходит в Чернигов. Ярополк садится во Владимире, а Мстислав — в Ростове. Поддерживавшие Михалку владимирцы принимают Ярополка на условиях ряда о независимости от Ростова и его боярства. Однако Ростиславичи слушают бояр и начинают грабить землю, в частности отнимают города и дани Успенского собора. Возмущенные равнодушием боярства к их жалобам владимирцы посылают в Чернигов за Михалкой, который разбивает под Владимиром полки Мстислава Ростовского; он бежит в Новгород, а Ярополк в Рязань, Михалка же садится во Владимире как «великий князь всея Ростовская земли». Далее следует текст, аргументирующий правоту владимирских «мезиних» людей и неправду ростовского боярства, который мы рассмотрим подробно ниже. «Суздальцы» шлют к Михалке с приглашением «сотворить наряд». Он посещает Суздаль и Ростов и скрепляет ряд крестоцелованием, а затем, посадив брата Всеволода в Переславле-Залесском, идет в поход на ростовского союзника — Глеба Рязанского. Глеб просит мира и возвращает награбленное Ростиславичами. Смерть Михалки приводит на владимирский стол Всеволода. И снова ростовские бояре оказывают сопротивление, посылая в Новгород с приглашением на княжение Мстислава Ростиславича. Он ведет боярские дружины на Всеволода, отвергает его мирные предложения, но в битве под Юрьевом терпит поражение и бежит в Ростов, а оттуда в Новгород. Победивший Всеволод вернулся во Владимир «с чстью великой», а непринятый новгородцами Мстислав бросился в Рязань и поднял в поход на Всеволода своего зятя Глеба, который успел сжечь Москву. Зимой Всеволод с полками Ростовской земли и союзных князей пошел на Рязань, а Глеб повел свои и половецкие силы на Владимир, опустошил его округу, ограбил дворцовый храм в Боголюбове. Всеволод настиг его на Колокше и в битве на Прусковой горе разбил наголову, захватив в плен Глеба с сыном Романом, Мстислава Ростиславича и их дружинников. По требованию Всеволода рязанцы выдали ему и скрывавшегося на Воронеже Ярополка Ростиславича. Всеволод медлил с расправой над своими пленными врагами, что вызвало «мятеж велик» во Владимире, когда вооруженные «бояре и купци» приходили на княжий двор, требуя казни или ослепления ходивших на свободе пленных князей. Всеволод посадил их в поруб, «люди и деля абы утишился мятежь», но «людые вси и бояре» («многое мьножьство») снова ворвались на княжий двор с намерением ослепить их, «князю же Всеволоду печалну бывшу не могшу удержати люди и мьножьства их ради клича...»¹⁶ Последующее те-

¹⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 385—386. Из приведенных фрагментов «Повести» ясно, что «мятеж велик» был не столько боярско-купеческим, сколько массовым

чение событий не ясно, — Глеб, видимо, был убит, но Всеволод обманул восставших, так как фиктивно «ослепленные» Ростиславичи чудесным образом «прозрели» в церкви Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске и в дальнейшем, по приглашению новгородцев, сели в Новгороде и Торжке¹⁷.

Такова канва «Повести о междукняжии».

3

По своей целостности она очень напоминает «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского». Ее автор также сливает в продуманном изложении различный материал. Здесь и обстоятельное освещение княжеских и вечевых переговоров, и досконально точное описание сражений, дислокации воинских сил, хода битв и маневров противников и т. п.

Весь этот сложный ход разнородных событий объединен и освещен единой авторской точкой зрения на происходящее — уверенностью, что судьба Михалки и Всеволода и владимирских горожан неизменно находится под покровительством и защитой небесных сил, о чем автор постоянно напоминает читателю. Сами князья все делают, «възложив упование на бога и на святому богородицу», их полки не несут потерь, будучи хранимы «богомь и крестом честнымь», противники же отступают, «гоними божьим гневом», а Михалке «поможе бог. . . отца и деда его молитва и прадеда его и целованье крестное. . . богови паки помогающе ему и оправившиу предо всеми человекеы» и т. п. Особенно подчеркивается сила главной реликвии — Владимирской иконы. Так, автор, как бы продолжая «Сказание» о ее чудесах, освещает в своей «Повести» как «новое чудо святое богородици» тот случайный факт, что полки Михалки и Ярополка вместо встречного боя «божиим промыслом минустаня в лесех», т. е. разошлись¹⁸. Особенно интересен рассказ, как полки Всеволода III на походе против ростовского ополчения увидели «знамение», предвещавшее победу: «узреша чюдную Матерь Божью Володимерьскую и весь град и до основания аки на воздухе стоящ, яви Бог и святая Богородица новое чудо».

Попутно отметим здесь, что это «чудо» имеет вполне реальную основу. В ранние часы рассвета, когда поймы и низины вокруг Владимира скрыты в тумане, лежащий на горах город прекрасно виден над молочным морем. Особенно сказочно выглядит в эти минуты белокаменный Успенский собор, стены которого пламенеют в красноватых лучах восходящего солнца, кладущих огненный

восстанием горожан — «людьа». А. Е. Пресняков отмечал, что «слово «купца» имеет часто в старых летописных текстах широкое значение — горожане» (А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пг., 1918, стр. 46, прим. 2).

¹⁷ ПСРЛ, т. VII, стр. 94—95.

¹⁸ Там же, т. I, стр. 375.

блик на золотой шлем главы, тогда как земля под ним скрыта целеной клубящегося тумана; тогда город и собор действительно кажутся стоящими «аки на воздухе», предстают перед глазами как фантастическое «видение». Данный летописный текст говорит, конечно, не о «явлении иконы», а о здании собора, который многократно именуется в летописи просто «святой Богородицей»¹⁹. Правда, занесенное в летопись «видение» было «за Суждалем». Но описанный пейзаж города с его собором виден лишь с двух точек — с удаленных южных высот муромской дороги и с высот по суздальской дороге около села С у х о д о л под Владимиром. Может быть, первоначально в тексте и стояло сходное с названием Суздаля имя Суходол, позднее «переосмысленное переписчиками и сводчиками»²⁰.

Несомненно, однако, что в других местах «Повести» под «богородицей» разумеется именно Владимирская икона.

Автор порой прерывает повествование поучительными отступлениями. Таково рассуждение о богоустановленности власти, обращенное в пользу Всеволода²¹. Иногда благочестивые мотивировки событий обнаруживают ту же изворотливость мысли, какую можно наблюдать в рассказах владимирской летописи под 1169 г., где даже тяжелые удары по престижу Андрея преподносились читателю как проявление благоволения к нему небесных сил. Так и здесь. Осажденные с Михалкой во Владимире горожане упорно «быхуся с города святей богородице помогаючи им», и тут же рядом, когда через 7 недель владимирцы, не стерпев начавшегося голода, по существу изгоняют Михалку из города, — это также проявление верховной воли: та же «святая богородица избави град свой!»²² В другом случае, когда Глеб Рязанский с половцами пограбил Боголюбовский собор, пожег боярские села около Владимира и «поганые» повели жен и детей в полон, автор

¹⁹ В передаче данного «чуда» Степенной книгой так и сказано: «и ту узреша великую ту церковь святая богородица... Вкупе же с церквью видеша и весь град Владимир яко на воздухе стоящ» (ПСРЛ, т. XXI, стр. 223, 428—429; см. также т. V, стр. 166; т. VII, стр. 93). Любопытно, что в списке «Сказания о чудесах» собрания ОЛДП, представляющем, видимо, ростовскую редакцию, владимирский храм назван «ростовским»: «оттоль узреша великую ту соборную Ростовскую церковь пречистая Богородицы, в ней же бяша чудотворная сия икона пресвятая Богородици; вкупе же с церквью видеша и весь град Володимир, яко на воздухе стоящ» (ГПБ, Собрание ОЛДП, Q.СІХ(3119). 1642, л. 326 об.). Мотив видения града-крепости как символа божественной защиты, возможно, навеян рассказом жития Феодосия о том, как грабители, покусавшиеся на село Печорского монастыря, увидели его огражденным боевыми стенами («Успенский сборник XII—XIII вв.» М., 1971, стр. 120).

²⁰ См. это словопроизводство в труде Анании Федорова «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале...» («Временник ОИДР», кн. 22. М. 1855, стр. 2—3; см. также Н. Шаганов. Начало Суздаля и Кидекши. — «Владимирские губернские ведомости», 1848, № 23 (Сушьдаль, т. е. сухое место, сухой дол!).

²¹ ПСРЛ, т. I, стр. 381.

²² Там же, стр. 373.

«Повести» замечает, что тут нет ничего удивительного — «да не чюдится никтоже о сём: идеже множество грехов ту виденья всякого показанья — сего ради гнев простресе. . . и тако князь Глеб бога разгневи и святую богородицю. . .»²³ Так что Глеб, выступив в роли божьей кары «за множество грехов», сам же этим прогневил небо!

Но наиболее примечательной чертой «Повести», делающей ее особенно цельной и выделяющей ее в среде современной ей литературы, является признание того, что под защитой небесных сил, рядом с покровительствуемыми ими владимирскими феодалами есть третья могучая сила — народ, «людьє мезинии володимерьстие», тогда как за спиной Ростиславичей стоит грозное и враждебное горожанам боярство. «Повесть о междукняжии» и есть в сущности взволнованный рассказ о борьбе этих двух сил — горожан и старой знати, Владимира и Ростова, «старых и новых городов». В самой владимирской летописи «Повесть» «резко выдается посреди известий или династических или церковных», в ней «являются деятелями целые массы»²⁴.

Автор «Повести» теперь показывает на живых реальных событиях действие того союза «князь, город и люди», о котором в отвлеченной форме говорили церковно-служебные произведения, связанные с культом Покрова богородицы²⁵. Если в «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» Микула изобразил восстание горожан, увидев в нем нарушение божьих заповедей, бессмысленный и губительный «грабеж», то здесь горожане показаны как действенная, конструктивная сила, способная двигать историю, отстаивать свои интересы и интересы своей земли «безо князя будуще в Володимери граде». Они участвуют в съезде городов и дружины во Владимире, решающем призвать Ростиславичей; они отстаивают Владимир и Михалку во время 7-недельной осады и, увидев гибельную безнадежность сопротивления, «с плачем» удаляют Михалку; они принимают на стол Ярополка лишь на условиях независимости от ростовской знати, смотревшей на владимирцев как на своих холопов. И те же владимирцы, увидев грабительства Ярополка, заявляют, что они «волная князя прияли к собе» и «укрепившеся», т. е. приняв единое решение на городском вече, посылают в Чернигов за Михалкой.

Автор «Повести о междукняжии» — явный и открытый сторонник горожан: его светский публицистический пафос, столь необычный для духовного по положению писателя, дал повод считать его самого горожанином, патриотом Владимира²⁶. Как и Микула

²³ Там же, стр. 383.

²⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 109.

²⁵ Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в., стр. 208—214.

²⁶ «... едва ли можно приписывать разбираемое сказание княжескому летописцу, а не горожанину, желавшему возвеличить свой город и прославить заступление великой святыни этого города — Владимирской иконы Бо-

в его «Повести об убийстве», он непримиримый противник боярской знати. Боярство, его ставленники Ростиславичи, его союзники рязанские князья — это «злые человеки развратники», постоянно нарушающие обязательства, не ставящие ни во что крестоцелование. Это бояре повинны в нарушении ряда Юрия Долгорукого, о чем автор вспоминает в своем произведении²⁷, бояре убили Андрея, а теперь разжигают кровавую усобицу князей, грозящую единству Владимирской земли. Автор вместе с владимирцами делит «великую радость», «видяще у собе великого князя всея Ростовьскыя земли» — занявшего владимирский стол Михалку²⁸.

4

Особого рассмотрения заслуживает известное рассуждение автора «Повести» о божьем покровительстве «новым мезиним людям володимерьстим», о неправде боярской знати и правоте владимирских горожан. Оно прерывает ход изложения бурных событий, завершившихся вокняжением во Владимире Михалки, и является своеобразным вводным в круг этих событий историко-богословским трактатом, аргументирующим политическую позицию владимирцев. В этом тексте драгоценна каждая деталь, поэтому мы приведем его целиком. «Мы же да подивимся чюду новому и великому и преславному матере божья како заступи град свой от великих бед и гражаны своя укрепляеть: не вложи бо им бог страха и не убоюшася, князя два имуща въ власти сей, и боляр их прещенья ни во чтоже положиша за 7 недель, безо князя будуще в Володимере граде, толико възложише всю свою надежу и упованье к святей богородице и на свою правду. Новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на дому на веча сходятся — на что же старейшии сдумают на том же пригороди стануть. А зде город старый Ростов и Суждаль и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды божья, но како нам любо, рекоша, тако створим — Володимерь е пригород наш — противящеся богу и святей богородице и правде божье, слушающе злых человек развратников, не хотящих нам добра завистью граду сему и живущим в немь. Постави бо прежде градо-сь великий Володимер и потом князь Андрей. Сего же Михаила избра святая богородица яко в еуангельи глаголетъ: исповедаю ти ся, отче господи небеси и земли, яко утаил се от пре-

жней Матери» (К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 110). А. Н. Насонов называл автора «Повести» «клириком-горожанином» (указ. соч., стр. 74).

²⁷ Бояре зовут Ростиславичей, «хрестнаго целования забывше: целоваша к Юргю князю на менших детех на Михалце и на брате его и преступивше хрестное целованье посадиша Андрея, а меньшая выгнаша». По смерти Михалки владимирцы присягают Всеволоду, «помянувшие бога и крестное целование к великому князю Гюргю» (ПСРЛ, т. 1, стр. 372).

²⁸ Там же, стр. 377.

мудрых и разумен открыл еси младенцем. Тако и zde не разумеша правды божья исправити ростовци и суждалци давнии творящесе старейшии, новии же людье мезинии володимерьстии, уразумевше, яшася по правдѹ крепко и рекоша вси собе: любо Михалка князя собе налезем, а любо головы свое положим за святую богородицу и за Михалка. И утеши и бог и святая богородица чюдотворная Володимерьская, — его же бо человек просить у бога всем сердцемъ, то бог его не лишитъ: се бо володимерци прославлени богомъ по всей земли за их правду богами им помогающе».

Хотя этот текст начат и закончен словами о «новом чуде» Владимирской иконы, что очень напоминает «Сказание» о ее чудесах, смысл всего очень горячего рассуждения автора откровенно политический. Это прославление владимирских горожан и утверждение справедливости их борьбы за новые порядки, за свою «правду» (т. е. права)²⁹, олицетворенные в «хорошем» князе Михалке, полученном ими «божьей помощью» в трудной борьбе. Они не побоялись ни двух враждебных боярских князей — Мстислава и Ярополка, ни угроз ростовских бояр, и сами, уверенные в своей правоте, без всякого князя 7 недель отстаивали свободу своего города. Вечевые порядки вызывают критику автора, так как, руководимые боярством «старшего» города, они стали орудием интересов боярства, которое не ставило ни во что требования новых «пригородов», их нового торгово-ремесленного населения. По отношению к Владимиру — новой столице ростовская знать питала особую ненависть, угрожая вновь подчинить себе своих «холопов», посадив здесь посадника и превратив столицу в зависимый от Ростова пригород, или попросту сжечь город. Автор «Повести» особо клеймит «злых человек развратников, не желающих нам добра за вистью граду сему и живущим в немъ». Ссылка бояр на старину, на историческое старшинство Ростова, на традицию, вызывает насмешливое отношение автора. Он вовсе не считает старые порядки неприкосновенными и, прикрываясь господом богом, открывшим владимирцам понимание «новой правды», защищает ее. Владимирцы идут вовсе не против народных собраний — вечевых сходов, какие, несомненно, были и во Владимире в это тревожное время: они против прикрытой вечею боярской силы³⁰. А на аргумент об исторической «молодости» Владимира и «старейшинстве» Ростова автор возражает ссылкой на созданную еще в начале 60-х годов легенду: «постави бо прежде градо-сь великий Володимер, и потом князь Андрей»³¹, так что

²⁹ Под «правдой» владимирский летописец, несомненно, разумел управление, политическую независимость. Именно в этом смысле применен этот термин в сделанном скорее всего во Владимире русском переводе грамоты патриарха Луки Хризоверга к Андрею Боголюбскому: Андрей не хотел, чтобы его стольный Владимир был «под правдами епископы Ростовския и Суждальския» (РИБ, т. VI, СПб., 1908, стб. 65).

³⁰ В. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 233 и сл.

³¹ Н. Н. Воронин. «Житие Леонтия Ростовского»: и, стр. 33 и сл.

важнейший боярский аргумент от истории оказывается опровергнутым. Во всем этом сказывается прогрессивный, реформаторский дух «Повести» о судьбах «мезиних» владимирских людей. Их значение и смысл их «правды» раскрываются через некоторые детали текста.

При анализе «Жития Леонтия» мы обращали внимание на использованный в речи Андрея евангельский афоризм о «мудрых» и «младенцах», которым бог открыл нового святого, и предположили, что под «младенцами» разумелись владимирские горожане³². Этот же афоризм повторен в «Повести» и не оставляет сомнения в данном толковании образа. Эта же сентенция была использована в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, причем автор «Повести» повторяет ее с дословной точностью. Иларион приводит ее в связи с рассуждением о «старом» законе — иудействе-рабстве и «новой» благодати — христианстве-свободе. Здесь он вспоминает и о борьбе этих религий: «и не принимаше въ Иерусалиме христианская церкви епископа необрезана, понеже старейше творящися сущие от обрезания насилуваху на христианыя, рабичичи на сыны свободныя. . .» И далее: «Тако иудейство, аще и прежде бысть, но благодтию христиане болши беша». Иларион также утверждал, что для новой веры нужны новые люди: «Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди въсияти»³³.

Сравнивая подчеркнутые места «Слова» Илариона с приведенным текстом «Повести о междукняжии», можно утверждать, что ее составитель явно пользовался «Словом» Илариона. Здесь также «не разумеша правды божья исправити ростовци и суждалци да внии творящися старейшии, нови же людье мезинии володимерьсти и, уразумевше, яшася по правду крепко. . .» Автор «Повести» не только пользуется мыслями и словами Илариона, но этим он как бы дает понять подразумеваемую им аналогию: старая боярская правда подобна «ветхому закону» — иудейству, а городская «правда» подобна «новой благодати» — христианству. Автор так высоко ставил новую «правду» горожан, что приравнивал ее христианской вере! Вспомним, что «Слово» Илариона практически было направлено против Византии, в защиту равноправия с ней Руси, равенства Константинополя и Киева. И понятно, что это выдающееся произведение полемической литературы эпохи Ярослава Мудрого привлекло внимание владимирских писателей, продолжавших в новых условиях эту борьбу³⁴.

³² Н. Н. Воронин. «Житие Леонтия Ростовского». . . , стр. 31—32.

³³ Н. Н. Рогов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — «Slavia», год XXXII, 1963, № 2, стр. 155 и сл.

³⁴ Во Владимире «Слово» Илариона было не только использовано, но и получило новую редакцию (Н. Н. Рогов. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 48—49).

Автор излагает в «Повести» информацию различного происхождения, так как одно лицо не могло видеть и слышать то, что иногда одновременно происходило в разных местах. Этот разнородный материал объединен не только единством авторской точки зрения на происходящее, но и большим литературным умением, с каким события связаны между собой, превратившись из разрозненных фактов в последовательно развивающееся *п р и ч и н н о о с м ы с л е н н о е* повествование. Автор явно не новичок своего дела, но опытный писатель, обладающий художественным даром. Вспомним, например, превосходное описание встречи полков Михалки и Мстислава Ростиславича: «срете и Мстислав с своею дружиною изънезапа и выступи полк из загорья вси во бронех яко во всякомъ леду... и поидоша Мстиславичи кличюче, яко пожрети хотяще...» Или напомним скорбную картину угона полна половцами, приведенными Глебом Рязанским: «Ови ведутся полонени, другие посекаемы и до молодых детей, инии на месть даими поганым, друзии трепетаху, зряще убиваемых...» Рассказ богат живыми конкретными образами и сравнениями: преследующий Михалку Ярополк сообщает брату Мстиславу: «а аз по немъ иду, емля зад дружины его»; Мстислав выступает из Суздаля «борзо, якоже и на заяць»; бежавшему в Новгород Мстиславу новгородцы говорят: «ударил еси пятою Новѣгород... чему к нам идиши». Особую живость изложению придает умение автора выразить мысль почти пословичным оборотом («любо лихо, любо добро всем нам», «они же словом суще по них, а делом далече», «ты ему добра хотел, а он головы твоя ловить» и т. д.). Иногда в рассказ просачивается просторечие («с *ы н о к* его в Новегороде»; «постави бо преже *г р а д о - с ь* (вместо «град си» или «град сей») великий Володимер»; [церковь], «уже бо украсил Андрей *к н я з ь д о б р ы й*»). Все эти черты «Повести» говорят о художественности и своеобразии литературной манеры автора.

Задавая вопросом об авторе «Повести о междукняжии», М. П. Погодин считал, что это — то же лицо, которому принадлежит и «Повесть об убийстве Андрея»³⁵. М. Д. Приселков, повторяя мысль Погодина, присваивал этому автору и рассказы о воинских подвигах Андрея на юге³⁶.

Единство пронизывающей и объединяющей «Повесть» церковно-провиденциалистской точки зрения, последовательность ее проведения, вольная цитация подходящих к случаю церковных сочинений делают несомненным, что автор «Повести» — духовное лицо.

Согласно автору «Повести», прекратить усобицы можно лишь путем соблюдения «божьей заповеди», которая состоит в том, чтобы «креста честнаго не преступати и старейшаго брата чтити,

³⁵ М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. IV. М., 1850, стр. 59 и 64.

³⁶ М. Д. Приселков. История летописания... стр. 71.

а злых человек не слушати, иже не хотят межи братьею добра». Определение автора как духовного лица можно уточнить и сузить. Он принадлежит к клиру Владимирского Успенского собора, судьбы которого в тревожной обстановке усобицы очень его волнуют. Так, грабительство севшего во Владимире Ярополка якобы вызвало негодование владимирцев, особенно в связи с тем, что князь и бояре захватили соборные сокровища и лишили собор данных его капитулу Андреем городов и даней³⁷. Автор особо отмечает, что Глеб, уstraшенный походом на него Михалки, вернул все полученное им из награбленного Ростиславичами в соборе «до золотника. . . и что и до книг». Сообщение о погребении Михалки сопровождается написанием, что собор «создал брат его Андрей». С особым чувством изложено чудо о видении Всеволоду «аки на воздухе» Успенского собора и подчеркнуты другие случаи помощи князю и горожанам его святыни — Владимирской иконы.

И естественно, что возникает мысль, не был ли автором «Повести» выдающийся владимирский соборник поп Микула? В этом предположении нас поддерживает органическая связь его «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» и «Повести о междукняжии», литературное мастерство и идейная целостность обоих произведений. Оба они проникнуты идеей о богоустановленности княжеской власти, о покровительстве бога владимирской династии Юрьевичей. Но вторая повесть как бы развивает политическую концепцию первой. Если в «Повести об убийстве» вершителем божьего дела и судеб земли является князь Андрей и автор видит в нем нового святого мученика, то в «Повести о междукняжии» рядом с княжеской силой встает сила горожан, они как бы уравнены одинаковым покровительством им неба и особенно Владимирской иконы. Текст «Повести» об ограблении Глебом Рязанским дворцового собора в Боголюбове дословно повторяет часть его описания в «Повести об убийстве» («юже бе украсил Андрей князь добрый иконами и всяким узорочьем, златом и серебром и камением драгим»). К «Сказанию о чудесах», в составлении которого роль Микулы несомненна, «Повесть» близка простотой и ясностью изложения и проскальзывающими черточками пословичности и просторечности языка и интересом к чудесам Владимирской иконы, которые теперь перешли в летопись и приобрели более широкое военно-политическое звучание. Если полагать, что Микула был причастен к литературной документации открытия мощей епископа Леонтия и его прославлению, что очень вероятно³⁸, то и здесь мы найдем общие черты с «Повестью о междукняжии», где, как мы видели, развернуто использовано «Слово» Илариона, привлеченное и в «Житии Леонтия». Думаем, что сказанное дает достаточные основания, чтобы согласиться с предыдущими исследо-

³⁷ Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972. стр. 132.

³⁸ Н. Н. Воронин. «Житие Леонтия Ростовского». . . , стр. 27—28.

вателями, полагавшими, что автором «Повестей» об убийстве Боголюбского и о междукняжии было одно лицо, и добавить его имя — Микула.

5

«Повесть о междукняжии», как и связанная с ней «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского», помещена и в киевском своде (Ипатьевская летопись). Однако соотношение обоих текстов здесь иное и более сложное. Если «Повесть об убийстве» внесена в киевский свод в своем полном виде, а во владимирском своде она была дана в сильном сокращении, то сличение обоих текстов «Повести о междукняжии» свидетельствует, что Лаврентьевская содержит ее полный текст, оборванный лишь в конце повествованием о результатах владимирского мятежа 1177 г. и судьбе пленных рязанских князей и Ростиславичей. В Ипатьевской летописи тот же текст использован фрагментарно с крупными пропусками, но здесь некоторые сюжеты «Повести» переданы в более подробной и конкретной форме, а также есть сведения о конце владимирского мятежа. Совпадающие же части текста дают лишь малозначительные разночтения (напр., «сынок его мал», «целовавше. . . на меньших князех на детех», «не последе (вместо «ни зде») по Андреи помянушася», «идуть по князи на шемь» (вместо «по князи наши»), «коли у нас был» (вместо «коли у нас княжил»), «не забываютъ любви отця м о е г о» (вместо «отца нашего») и т. п.).

Присмотримся ближе к основным различиям обоих текстов.

Так, когда Ярополк тайно от Михалки отправился к дружине в Переславль:

Лаврентьевский текст

Ипатьевский текст

«Михалко же, видев брата ехавша, и еха Володимерю, а дружина вся [т. е. переславская], видевше князя Ярополка, целоваша и утвердившеся крестным целованьем, с ним ехаша к Володимерю на Михалка. Михалко же затворися в городе, не сущим володимерцем Володимери — ехали бо бяху по повелению ростовець противу князема с полторы тысяче и ти [т. е. владимирская дружина] тако [в смысле — так же, как переславцы] целоваша крест, приехаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю. . .»

«Михалко же, видевше брата ехавша, и ехаша к Володимерю и затворися в городе, дружине не сущи во граде — ехали бо бяху противу Ярополку [опущено, что это приказ ростовцев] и, видивше князя Ярополка, целоваша и утвердившеся крестным целованьем и с ним ехаша к Володимерю на Михалка. Михалко же [вторичное упоминание] затворися в городе и не сущим володимерцем Володимери — ехали бо бяху, по повеленью Ростовець противу князема с полторомъ тысяче и ти тако целова крест, приехаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю. . .»

Здесь в Ипатьевской летописи явная сознательная или случайная порча текста с дублированием сведений о том, что Ми-

халка сел в осаду во Владимире, намеренном (или по непониманию текста) устранении крестоцелования переславской дружины, почему оказалось, что владимирская дружина дважды присягает Ярополку и дважды отправляется к Владимиру на Михалка.

В тексте Ипатьевской летописи «Повесть» более расчленена собственно летописными вставками. Так, рассказ о недовольстве владимирцев Ростиславичами, держащимися советов боярства, прерван большой вставкой о походе Олега Святославича на Чернигов, рождении Олега Игоревича, раздоре с братией Романа Смоленского и его вокняжении в Киеве ³⁹. После этого выпущен рассказ «Повести» о решении владимирцев послать в Чернигов за Михалкой, и сразу под 6684 г. сообщается, что Михалко и Всеволод пошли из Чернигова во Владимир. И далее история похода Михалки с черниговской дружиной Владимира Святославича навстречу Ярополку, «о чуде», как полки противников разминулись, поражения Мстислава на Колокше «гневомъ божьимъ и святое богородици» и победы Михалки «богови паки помогающе ему» — изложена в Ипатьевской летописи с необычайной подробностью и конкретностью, обнаруживая осведомленность участника событий на данном этапе и почти полное отсутствие чудесного осмысления происходящего ⁴⁰. Оказывается, Святослав Черниговский приставил в помощь Юрьевичам полк под командой своего сына Владимира Святославича, и они вышли из Чернигова 21 мая в праздник Константина и Елены. На реке Свине Михалка тяжело заболел, и его еле живого донесли «до Кучкова, рекше до Москвы». Здесь их встретила владимирская дружина с князем Юрием Андреевичем, при этом автор отметил, что «одни бо володимирци бяху ему [Михалке] добри», что очень созвучно общему провладимирскому тону «Повести». Во время обеда в Москве Михалка получил известие о выступлении навстречу ему Ярополка, и сам двинулся из Москвы к Владимиру. Узнав об этом, Ярополк хитроумно уклонился от встречного боя («уступи им на сторону») и пошел прямо к Москве (никакого «чуда» нет!). С Михалкой, оказывается, пошла и московская дружина, но обходный маневр Ярополка заставил ее вернуться, «блюдуче домов своих». Здесь опущено сообщение Лаврентьевского текста «Повести», что Ярополк зашел в тыл малой дружине Михалки и сообщил об этом брату Мстиславу в Суздаль, который и двинулся «борзо, аки и на заецъ» навстречу Михалке. К этому времени Михалка перешел Колокшу, и шедший впереди полк Владимира Святославича вступил на Белехово поле. Тут-то неожиданно «из загорья» и ударил на него суздальский полк Мстислава. Михалка и Всеволод подтянули и расставили свои силы. Владимир Святославич повел черниговскую дружину, а Всеволод владимирскую, так как Михалка был еще болен и его

³⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 509 и следующие.

⁴⁰ Там же, стр. 600—102.

несли на носилках. Однако, несмотря на то что у Мстислава было «силы множество», «правда бяшетъ святыи Спас с Михалком». Его победа точно датирована «месяца июня в 15 день святого пророка Амоса в неделю» и добавлено, что Михалко и Всеволод, «одаривша Володимера Святославича, отпусти и восвояси». Они были радостно встречены владимирцами, и Михалка занял княжеский стол. Далее опять введено новое сообщение, что Святослав послал из Чернигова во Владимир жен Михалки и Всеволода, которых сопровождал до Москвы его сын Олег, вернувшийся затем в свою волость Лопасну, далее пошедший на Свирельск и победивший посланного Глебом Рязанским Ярополка Ростиславича ⁴¹.

Эти чернигово-рязанские известия в Ипатьевской летописи предшествуют большому пропуску в ее рукописи (конец л. 212 и весь его оборот оставлены пустыми). По ходу «Повести» в Лаврентьевском тексте здесь следует разобранное выше историко-богословское рассуждение о владимирской городской правде. Оно опущено, равно как и весь текст «Повести» о последующей борьбе владимирских Юрьевичей 1176—1177 гг. Его место в Ипатьевской летописи занимает (под 1177 г.) рассказ о борьбе Святослава Черниговского с Ростиславичами и его вокняжении в Киеве ⁴².

И далее совершенно неожиданно следует «с полуслова» текст «Повести» о возвращении Всеволода во Владимир после победы на Прусковой горе, почти идентичный тексту Лаврентьевской летописи, но дополняющий опущенный там финал мятежа владимирских бояр и купцов ⁴³. Оказывается, что по инициативе заточенного в порубе Мстислава Ростиславича владимирские узники отправили в Чернигов к Святославу послов просить заступничества, о чем его молила и жена Глеба Рязанского. Святослав послал во Владимир к Всеволоду черниговского епископа Порфирия и игумена Елецкого монастыря Ефрема, которые предлагали освободить Глеба под условием, что он оставит Рязань и уйдет «в Русь». Но Глеб отказался: «луче сде умру [а] не иду». Тогда же Глеб мертв бысть июня в 30, а Романа сына его одва выстояша целовавше крест [т. е. он был выпущен под клятвой]. А Мстислав и Ярополк в порубе бяста, и потомъ, изведшея и слепивше, пустиша».

Сделанный обзор особенностей передачи текста «Повести» в Ипатьевской летописи, состоящий прежде всего в детализации некоторых ее сюжетов, позволяет заключить, что либо она прошла черниговскую обработку, либо к ее изложению в летописи был привлечен черниговский летописный материал. Так, «Повесть» прервана явно черниговской летописной вставкой о походе Олега Святославича на Чернигов и далее о распри Святослава с Ростис-

⁴¹ Там же, стр. 602.

⁴² Там же, стр. 603—605.

⁴³ Там же, стр. 605—606.

славичами смоленскими и его вокняжении в Киеве ⁴⁴. В «Повести» детализирована именно история второго похода Михалки на Владимир, в который ходил черниговский полк Владимира Святославича. Его участие особо подчеркнуто; его Юрьевичи одаривают после победы. Возможно, что его информации и обязана конкретность и детальность сведений об этом этапе междукняжеской борьбы ⁴⁵. Далее сведения о почетном эскорте, данном Святославом женам Юрьевичей, отправленным во Владимир, и сращенность этих известий с последующим «летописным» текстом о дальнейших делах Олега Святославича свидетельствуют, что уже обработанный материал «Повести» был включен в черниговскую летопись. Выпадение основного текста «Повести» о тех событиях, которые не касались Чернигова, может быть, подтверждает эту мысль. И едва ли случайно сохранен интересный для истории Чернигова конец «Повести» о победе Всеволода и ходатайстве Святослава Черниговского за плененных владимирцами рязанских князей и Ростиславичей. Рязанская обработка «Повести» — интересный момент в ее литературной истории — драгоценна своими реальными сведениями о ходе междукняжеской борьбы за владимирский стол.

Существенно, что в «Повести» Ипатьевской летописи всюду рядом с Михалкой стоит имя Всеволода, внесенное, как полагал М. Д. Приселков, лишь во владимирском великокняжеском своде 1212 г. ⁴⁶ Всеволод действительно участвовал вместе с Михалкой в борьбе 1175—1177 гг.; отсутствие его имени в первоначальном тексте «Повести» в ее части до смерти Михалки свидетельствует, что «Повесть» писалась по свежим следам событий: до 1177 г. главным лицом этой борьбы, а потом и владимирским князем был Михалка. Следовательно, дополнявшаяся связанными с черниговскими интересами подробностями и деталями «Повесть» представляла уже не первоначальный текст, а его версию, прошедшую обработку владимирских сводчиков 1193 и 1212 гг. ⁴⁷ Может быть, это позднее включение «Повести» в южную летопись также обусловило крупные пропуски в рассказе о кипевшей во Владимире борьбе 70-х годов, потерявшей за давностью лет общий интерес, а также пропуск центрального по первоначальному замыслу «Повести» историко-богословского трактата о «правде» владимирских горожан и «неправде» «злых развратников» — ростовских бояр.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 509, 603—605.

⁴⁵ При отсутствии «чуждесного» истолкования победы Михалки помощью Владимирской иконы интересно, что «правда бжшеть святый Спас с Михалком». Главным храмом Чернигова был Спасо-Преображенский собор.

⁴⁶ М. Д. Приселков. История летописания. . . , стр. 85.

⁴⁷ Не с этим ли связано недоразумение в тексте о двойной присяге Ярополку владимирской дружины, устраняющее от этого акта дружину переславскую? (ПСРЛ, т. II, стр. 596—597). Владимирский свод 1212 г. дошел до нас в переславской обработке.

Мы сознательно выделили из состава владимирского свода вошедшие в его текст крупные литературные произведения и рассмотрели их до того, как приступить к наблюдениям как над характером свода 1177 г., так и над самим владимирским летописанием 1158—1177 гг.

Если присмотреться к тексту Лаврентьевской летописи на протяжении этих 18 лет, то прежде всего поражает краткость и скудость освещающих этот период известий. Полное ожесточенной борьбы, рискованных и необычных церковно-политических и военных предприятий, княжение Андрея отражено текстом объемом (пусть простит меня читатель!) менее одного печатного листа (36,5 тысяч знаков). К тому же в этот объем входит ряд частью рассмотренных нами пространных рассказов-повестей (под 1169 г. о чудесах богородицы — 5,5 тысяч (или 7,6 тысяч) знаков; под 1175 г. об убийстве Андрея — в сокращенной редакции — 4,4 тысячи знаков; под 1176—1177 гг. о событиях междоусобицы — 14,7 тысяч знаков), занимающих в общей сложности более половины текста (24,5 тысяч знаков). Таким образом, на собственно летописный рассказ о жизни Владимирской земли в княжение Андрея приходится немногим более четверти печатного листа!

Раньше чем мы обратимся к содержанию короткого летописного текста 1158—1177 гг., напомним об отношении сводчика к материалу ростово-суздальского летописания⁴⁸. Он руководился задачей всемерного возвеличения Владимирской земли и дел Андрея. Сводчик опускал все отрицательные факты, говорившие о слабости княжества, или просто невыгодные для местного патриотизма. Так, им был опущен рассказ о налете болгар на Суздаль в 1107 г. Хотя он был уже обработан сводчиком в благочестивом духе, текст не вошел в свод, сохранив, однако, следы принадлежности его редакции той же руке, которая составляла рассказ о походе на Новгород под 1169 г. («яко же древле Ниневитяне помилуеть. . .»). Затем опущены сведения об основании Владимира Мономахом и постройке им здесь церкви Спаса в 1108—1110 гг., об отравлении в 1118 г. болгарями деда Андрея — половецкого хана Аепы, запись о нападении болгар на Ярославль в 1152 г., но в то же время сохранено известие о победоносном походе Юрия на болгар в 1120 г. Совершенно не отражено на страницах свода строительство Юрием храмов и городов, что создавало выгодный пустой фон для сообщений о широком строительстве самого Андрея. Понятно, что запись 1154 г. о посылке Юрием Андрея в Рязань и его позорном бегстве оттуда не могла остаться в «Андреевском своде» (едва ли она была и в «Юрьевом летописце»). В рассказе об уходе Андрея на север сводчик умалчал о гневе Юрия на самовольство сына. Приход в Киев митрополита-

⁴⁸ Н. Н. Воронин. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания. — АЕ за 1964 г. М., 1965, стр. 19 и сл.

грека Константина в 1156 г., его торжественная встреча Юрием, получившим благословение нового главы русской церкви, описанные в Суздальской летописи, были опущены сводчиком, так как с патриархом и митрополитом шла борьба за автокефалию. Наконец, сводчик умолчал о ряде Юрия 1157 г., который был нарушен вокняжением Андрея.

Точно так же проандреевский сводчик бросил тень на историю оплота боярской знати — Ростова. Уже в суздальском летописании Юрия Долгорукого Ростов все более заслонялся Суздалем. Эта тенденция теперь развивается, но уже в пользу Владимира. При этом особенно удивительно, что такое крупное и важное для целей Андрея ростовское событие, как открытие мощей Леонтия, равно как и постройка Андреем грандиозного белокаменного собора на месте сгоревшей деревянной Ростовской церкви, не отмечены во владимирском летописании⁴⁹. Точные записи о закладке собора и обретении мощей Леонтия (1161) и об освящении собора (1162) мы находим лишь в сводах, восходящих к ростовскому летописанию, например в Тверском летописном сборнике⁵⁰, где сохранилась и запись о последующем учреждении в 1194 г. епископом Иоанном празднования Леонтию⁵¹. Возможно, что вокруг почитания новой святыни шла скрытая сейчас от глаз историка борьба. Была ли она связана с какими-то владимирско-ростовскими противоречиями, мы не знаем. Возможно также, что инициаторы владимирского свода сочли достаточным, что история епископа Леонтия и открытия его мощей была освещена в специальном документе — его «Житии» (краткой редакции). Однако сводчик сохранил известие 1160 г. о пожаре Ростовского собора: «Того же лета погоре Ростов и церкви все и сборная дивная и великая перкы святое Богородице [сгоре] и яко же не было, ни будеть»⁵². Оно явно копирует текст «ростовского» летописца, отличаясь от него лишь в деталях. В том же 1160 г. был закончен постройкой белокаменный Успенский собор во Владимире, предназначенный стать кафедральным храмом Владимирской епископии. Запись об этом, полная восхищения его красотой «паче иных церквий», помещена непосредственно перед цитированной записью о пожаре Ростовского собора⁵³. Панегирический характер последней в условиях борьбы за приоритет новой столицы — Владимира и его церковное главенство едва ли был уместен в своде 1177 г., проникнутом антиростовскими идеями. Думаем, что этот свод, заимствовав самую запись из ростовского летописца, передавал ее в более сдержанном тоне; возвращение же записи ее вос-

⁴⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 351.

⁵⁰ Там же, т. XV, стр. 233—235; см. также Н. Н. Воронин. «Житие Леонтия Ростовского»...

⁵¹ ПСРЛ, т. XV, стр. 281; см. также т. IX, стр. 230—231.

⁵² Там же, т. I, стр. 351.

⁵³ Там же.

торженно-горестного звучания является следом уже дальнейшей ростовской переработки свода.

Сводчик 1177 г., «очищая» ростово-суздальский летописец от сведений о Ростове, Мономахе и Юрии Долгоруком, проделывал ту же политическую операцию, какую в начале XII в., по воле Мономаха и его сына Мстислава, осуществили Сильвестр и редактор 1118 г. над «Повестью временных лет» Нестора, превращая ее из про-Святополкова летописца в летопись про-Мономахову. При этом возможно, что основная редакция «Повести» при передаче ее Сильвестром «исчезла совсем» или была «изъята из обращения»⁵⁴. Так же и поздние московские книжники XV—XVI вв. «вытеснили письменность местную, «провинциальную»; последняя исчезла почти бесследно, частью, может быть, и намеренно уничтоженная руками московских книжников»⁵⁵. Однако рукопись «Юрьева летописца» уцелела и была не раз использована позднейшими сводчиками⁵⁶.

Естественно, что и летописные записи за время княжения Андрея освободились от всего бросающего тень на его дела. Так, например, рассказ о неудачном походе ростово-суздальских полков под командой Изяслава Андреевича и рязанских князей на половцев в 1160 г. был опущен сводчиком. Его текст, уже препарированный в духе провиденциалистской концепции свода как новое проявление помощи бога и богородицы, донесла до нас лишь Никоновская летопись⁵⁷. Было обойдено молчанием и изгнание Андреем его мачехи вдовы Юрия — гречанки и младших братьев. Если киевский летописец удостоверял, что «поганые» половцы, взявшие с Мстиславом Киев в 1169 г., подвергли ограблению Печерский монастырь, и не пожалел сильных слов, чтобы ярче изобразить святотатство завоевателей, то владимирский свод об этом деликатно умалчивает. Характерно стремление смягчить рассказы 1169 г. о поражении владимирских полков под Новгородом и трагическом конце епископа Федора: и здесь и там Андрей выступает как орудие божьего промысла. Сводчик и здесь озабочен «не правдивостью передачи, а созданием таких повествований, которые в данном случае были бы выгоднее всего для местной политической власти»⁵⁸.

Считалось, что лишь в пору образования Русского централизованного государства, в конце XV и XVI в. впервые появляется тенденция, «влекущая летописание к сознательным искажениям действительности, к тенденциозному освещению событий в духе государственной идеологии своего времени», что до этой поры «тенденциозная обработка летописных источников лишь комби-

⁵⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. XV—XVII.

⁵⁵ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия Академии наук СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 709.

⁵⁶ М. Д. Приселков. История летописания. . . , стр. 74.

⁵⁷ ПСРЛ, т. IX, стр. 222.

⁵⁸ М. Д. Приселков. История летописания. . . , стр. 201.

нировала даваемые ими сведения, но почти не допускала сознательной лжи»⁵⁹. Анализ летописной работы во Владимире времени Андрея Боголюбского показывает, что летописание уже тогда стало вестись на этот путь, вынужденное к этому трудностями церковно-политической борьбы за приоритет Владимира в Русской земле. Положение владимирского летописца осложнялось и тем, что рядом с его трудом жили созданные в эту пору исторические мифы о древности христианства в Ростовской земле, о греческих его основоположниках Федоре и Иларионе, о греческом происхождении епископа Леонтия, об основании города Владимира Владимиром I. Развитие в «Житии Леонтия»⁶⁰ эти темы не отразились непосредственно во владимирском летописании, но его авторы и редакторы должны были быть особо тщательными, чтобы не впасть в противоречие с этими мифами, излагая текущие события, согласовывать факты с вымыслом, получившим значение государственной доктрины. Поэтому надо думать, что и тогда в княжеском архиве находилась не только чистовая рукопись готового свода, но и его рабочие варианты, предварительные заготовки и т. п., подобно тому как по свидетельству «Описи Царского архива» XVI в. в этом архиве были списки «черные, что писати в летописец лет новых»⁶¹. Эти «черные» списки владимирских летописцев, видимо, уцелели до более позднего времени, почему мы и находим, например в Типографской и Никоновской летописях, отрывки летописного материала XII в., в разной степени подвергнутые редакционной обработке сводчиком или же оставленные им в своем первоначальном виде (рассказы о нападении болгар на Суздаль в 1107 г. и на Ярославль в 1152 г., о походе на половцев 1160 г.).

Теперь, после сделанных наблюдений, мы можем обратиться к рассмотрению владимирского летописания времени Андрея.

7

Владимирские летописные записи открываются сообщением о закладке в 1158 г. Андреем Успенского собора, где кратко изложена «Уставная грамота» Андрея, обеспечившая новый храм земельными владениями и десятиной⁶²⁻⁶³; о начале сооружения новых укреплений Владимира и о приходе епископа-грека Леона. Под 1159 г. отмечена смерть княжеского брата Бориса Юрьевича и его погребение в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, изгнание епископа

⁵⁹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 360.

⁶⁰ Н. Н. Воронин. «Житие Леонтия Ростовского»...

⁶¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи... стр. 372.

⁶²⁻⁶³ Странным образом этот текст, как и «Устав», не упоминает о данных собору «городах», о чем известно из «Повести о междоусобице», сообщающей об отнятии их у собора Ярополком Ростиславичем: «Отъяста и городы ея и дани что же бышесть дал церкви той блаженный князь Андрей» (ПСРЛ, т. I, стр. 375).

Леона, сватовство Святослава Владимировича Вщижского к дочери Андрея и посылка им сына с воинской помощью Святославу, осажденному во Вщиже⁶⁴. Под 1160 г. отмечена присылка новгородцами к Андрею послов с просьбой дать на княжение сына. Далее — подробная запись об окончании постройки Успенского собора и его росписи в 1161 г.

После этих сообщений под следующими, 1162—1163, годами записей нет, а под 1164 г. помещен большой текст, говорящий сразу о нескольких событиях, — освящении церкви на Золотых воротах, закладке церкви Спаса и начале «ереси Леонтианьской». В этой связи дана справка об обстоятельствах ее возникновения, споре Леона с «владыкой Федором» (о котором раньше летописец не упоминал) и последующей истории Леона. Этот текст охватывает события явно не одного 1164 г. Далее следует рассказ о болгарской победе 1164 г., сходный с приведенной в «Сказании о чудесах» летописной выдержкой об этом и установлении праздника Спаса. Пропуск записей 1162—1163 гг. и суммарность текста 1164 г. совпадают с завершением в 1164 г. в основном работы владимирских книжников над составлением рассмотренных нами ранее⁶⁵ церковно-литературных произведений и позволяют предположить, что автор или авторы их в 1164 г. продолжили или включились в работу по летописанию.

Однако записи последующих лет содержат лишь известия о смерти князей — Андреева сына Изяслава (1165), его брата Ярослава Юрьевича (1166), погребенных в Успенском соборе, и Ростислава Мстиславича Киевского (1167). Это как бы фрагмент соборного синодика, куда добавлена лишь краткая фраза о походе Мстислава за Волк⁶⁶. Под 1168 г. сравнительно кратко рассказано о походе Мстислава Андреевича на Киев с обстоятельной мотивировкой его разгрома «за митрополичью неправду» и за его сопротивление «божьему закону». После краткой записи 1169 г. о посажении Глеба Юрьевича в Киеве и Владимира Глебовича в Переяславле-Южном в текст летописи входят три упомянутые выше повести — об изгнании и казни епископа Федора⁶⁷, чуде богородицы Десятиной, помогшей Юрьевичам Глебу и Михалке в борьбе с половцами, и рассказ о походе на Новгород.

После этого обширного, чисто литературного текста летописные записи снова поражают своей скупостью. Это вновь краткие заметки о кончине князей: Владимира Андреевича, погребенного в Киеве, и Мстислава Изяславича — во Владимире (1170), о рождении внука Андрея — Василия Мстиславича (1171), о смерти

⁶⁴ В этой записи странно, что вместо Владимира — резиденции Андрея, назван Ростов, куда приходят послы и возвращается Изяслав.

⁶⁵ См. выше, прим. 1.

⁶⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин считал эти записи Лаврентьевской и Ипатьевской летописей восходящими к «суздальскому летописанию» (К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 130).

⁶⁷ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. . .

и погребении у Спаса на Берестове Глеба Юрьевича (1172) и Мстислава Андреевича, погребенного в Успенском соборе, «юже учинил отець его князь Андрей» (1173), — вновь напоминающие соборный синодик.

Среди этих лаконичных заметок выделяется рассказ 1172 г. о зимнем походе Мстислава Андреевича по приказу отца на болгар. Окончившийся крупной неудачей, в сущности позорным бегством Мстислава, этот тяжелый поход снова преподнесен как проявление милости «святой богородицы», отвратившей гибель Мстислава, после чего якобы «хрестьяне, хваляще бога, возвратишася во своя си». Автор записи, видимо, скрыл, что Мстислав был тяжело ранен или заболел, так как той же зимой, в марте, он умер. По своей литературной манере (сочетанию конкретного описания неудачного похода с поучительной концовкой о новом чуде Владимирской иконы) и по самой изворотливости мысли этот рассказ ближайшим образом напоминает рассказ 1169 г. о походе на Новгород и «Повесть о междукняжии».

С тою же прямолинейностью действительная история конфликта Андрея с Ростиславичами и крупного провала похода коалиции его вассалов на Вышгород, о которой мы подробно знаем по киевской летописи, представлена владимирским летописцем (1174), так что читатель и не почувствует всей гибельности для Андрея этой катастрофы. Автор записи и сам прекрасно понимал это, так как здесь его рука уже не поднялась на обычный рефрен о помощи богородицы или божьем промысле.

И рядом с этим нарочито глухим и сжатым текстом снова записи о смерти Юрия Муромского и Андреева брата Святослава Юрьевича (1174). О последнем автор делает благочестивое отступление, объясняя какую-то тяжелую хроническую «болезнь злу», которой несчастный князь страдал от рождения, как его «избранничество» богом, и намекая, что «во истину святой Святослав божий угодник избранный во всех князех» имеет все основания войти в русский феодальный пантеон.

После краткого рассказа под 1175 г. об усобице, кипевшей вокруг Киева, и посольстве Ростиславичей к Андрею, о разрешении Роману занять киевский престол следует рассмотренный нами текст повести Миклулы об убийстве Андрея и междукняжии, освещающий события 1174—1177 гг.

Сделанный обзор состава и характера владимирского летописания 1158—1177 гг. свидетельствует о его большом своеобразии. Оно сказывается в скупости и краткости записей; в значительной своей части они напоминают внесенные в летопись датированные заметки из соборного синодика о кончинах князей, рассчитанные на нужды церковного поминовения или празднования. Собственно же летописные записи избраны по отношению к жизни Успенского собора или по связанности событий с возможностью оценить их как проявление чудесной силы бога и Владимирской иконы, что как бы продолжает в летописи «Сказание о чудесах». Только смысл

чудес теперь расширяется: если в «Сказании» они были направлены на помощь в бедах отдельным людям, то после чуда болгарской победы 1164 г. они приобретают государственный, военно-политический смысл. Эта тенденция вместе с патриотическим стремлением представить скудно отраженную действительность в обязательно положительном для Владимирской земли и князя Андрея свете, мыслить по принципу «ложь во спасение» — проходит красной нитью через все записи. Этот религиозно-политический «оптимизм» чрезвычайно роднит летописи с рассмотренными нами в свое время литературными произведениями 60-х годов. В сущности во владимирской летописи, или, точнее, своде, собственно летописный материал вытеснен на второе место ставшими рядом с ним крупными литературными произведениями. Это количественное соотношение меняет качество самого жанра: летопись становится по преимуществу литературным сборником, труд летописца сменяется творчеством писателя. Это обстоятельство во многом связано с решением вопроса о личности летописца и сводчика.

8

М. Д. Приселков полагал, что автор «Повести об убийстве Андрея», летописец времени Андрея и составитель свода 1177 г. — одно лицо, каковым исследователь считал игумена Феодула, упомянутого в «Повести»⁶⁸. После наших наблюдений над «Повестью об убийстве» ясно, что Феодул назван лишь в краткой (Лаврентьевской) ее редакции, где исчезли упоминания о Микуле и выплыло имя Феодула, а в полном (Ипатьевском) тексте Микулы нет имени Феодула. Ясно, что Феодул не был ни летописцем, ни составителем свода. Единственное, что он мог сделать, — это, на правах редактора, выхолостить взволнованную и полную жизни «Повесть об убийстве», сотворенную Микулой, до той мертвенной, бездарной отжимки, которая и сменила текст Микулы при последующей редакции свода 1177 г.

Б. А. Рыбаков подверг анализу «Повесть об убийстве»⁶⁹. Отрицая предложенную мною гипотезу о написании «Повести» главой капитула Успенского собора Микулой, он стремится обосновать новыми данными гипотезу, что автором «Повести» был Кузьмище Киянин, которого исследователь считает заходящим ремесленником-златокузнецом, «главным декоратором златокованных храмов Андрея», и даже делает его причастным к «чернигово-владимирскому» летописанию. За неимением места я не могу

⁶⁸ М. Д. Приселков. История летописания. . . , стр. 76.

⁶⁹ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, раздел «Кузьмище Киянин (чернигово-владимирское летописание в своде 1198 г.)», стр. 79—130, а также раздел «Киевское летописание в 1169—1174 годах», стр. 72—78.

здесь вступать в дискуссию, сошлюсь лишь на заключение покойного А. Н. Насонова, который в итоге своего анализа «Повести» задал вопрос: «Есть ли необходимость отождествлять составителя пространной (Ипатьевской) редакции с Кузьмищем Кияниным?» И ответил: «Думаю, что необходимости нет»⁷⁰. Я тоже так думаю. Тем более нет никакой необходимости и оснований возводить Кузьмищу в ранг летописца. «Повесть об убийстве» следует рассматривать в сопоставлении с другими памятниками владимирской литературы, где очевидна одна авторская рука: «Повесть об убийстве» связана с продолжающим ее и завершающим свод 1177 г. рассказом о междоусобице. Все это свидетельствует о работе над ним не киевского златокузнеца Кузьмищи, а постоянного владимирского составителя и автора, связанного с князем Андреем.

Обращаясь к характеристике Микулы, вспомним, что он выходец из Вышгорода, где давно велась литературная работа, где можно было изучать и «Чтение» и «Сказание» о Борисе и Глебе, следы знакомства с которыми есть в «Повести об убийстве»⁷¹. И, конечно, не случайно, что Микула с р а з у ж е по приходе во Владимир с вышгородской, а теперь Владимирской иконой Богоматери положил начало одному из замечательных произведений владимирской литературы — «Сказанию о чудесах» этой иконы⁷². Значит, он уже имел за плечами литературный опыт, видимо, определивший его роль и во владимирском летописании. Микула не покидал Владимира, пока был жив Андрей, также склонный к литературному творчеству. Может быть, Микула был княжеским духовником, собеседником и советчиком. Но, главное, — он был литературным рупором церковно-политических идей Андрея, сформировавшихся, возможно, не без его участия. Микула может быть сопоставлен с советником французского короля Людовика VI Толстого аббатом Сугерием, игравшим крупную политическую роль в борьбе за укрепление и усиление королевской власти⁷³. С вокняжением Всеволода III Микула, видимо, покинул Владимир и ушел в Вышгород: жизнь Владимирской земли и характер самого Всеволода требовали теперь людей иного склада.

Сходство литературной манеры и церковно-политической концепции как самих летописных записей, так и вошедших в свод повестей, автором которых частью был сам Микула, не оставляют сомнения в том, что именно он же был и летописцем и составителем-

⁷⁰ А. Н. Насонов. История. . . , стр. 158. Исследователь также пришел к заключению, что лаврентьевский и ипатьевский тексты «Повести» использовали общий протограф (стр. 153), что значительно уточняет их взаимоотношение.

⁷¹ А. Н. Насонов. История. . . , стр. 154, 155, 158. Отмечая эти точки соприкосновения, исследователь подходил вплотную к возможности определения автора — вышгородца Микулы, но не использовал ее.

⁷² Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. . . . , стр. 193—208.

⁷³ Т. Н. Грановский. Аббат Сугерий. — Сочинения, т. I. М., 1866.

редактором свода 1177 г. Объединение в одном лице летописца и сводчика сделали неувеличимыми границы летописных записей и редакторского труда. И в той и в другой своей ипостаси Микула мог внести в свод и свои литературные произведения-повести, и сведения соборного синодика. Поэтому нет нужды видеть в составе свода 1177 г. большое количество «источников»⁷⁴: автором части их был сам Микула. Вспомним также, что во владимирский свод 1177 г. был внесен и комплекс сочинений Владимира Мономаха, дополненный написанной князем Андреем молитвенной концовкой. Включение этих произведений в свод произошло уже после гибели Андрея. В эту пору свод уже был продвинут до известий XII в., так что Мономахово «Поучение» оказалось просто вложенным в текст под 1096 г.⁷⁵ В текст свода Микула также включил под соответствующими годами составленные самим князем Андреем рассказы об его бранных подвигах на Юге в 1149—1152 гг., внесенные им в летопись Переяславля-Русского⁷⁶.

Ведущую роль Микулы во владимирской литературе третьей четверти XII в. во многом определил его писательский опыт. Это сказалось и в отмеченном выше своеобразии свода, он был произведением литературным, по преимуществу обладающим идейной целостностью своего построения.

Отсутствие во владимирском летописании и своде сведений о внутренней жизни княжества, о деятельности Андрея внутри своей земли, о событиях в жизни княжеского дома, явный церковный дух, пронизывающий летописный текст, — все это, как мы упоминали, привело к заключению, что «летописатель, церковник главной церкви города Владимира, очевидно, был далек от княжеского двора и явно избегал вдаваться в описание деятельности и личной жизни своего князя», что «при Андрее Боголюбском не было летописания в смысле княжеской заботы о нем, а тем более руководства по его составлению»⁷⁷. Действительно, если Мономах лично вел летописные записи, если его сын Мстислав Владимирович участвовал в летописании, а племянник Боголюбского Владимир Глебович Переяславский был «не только редактором, но и информатором своего летописателя»⁷⁸, то владимирское летописание и свод, на первый взгляд, не дают никаких улик в причастности к ним князя Андрея. Это несомненно в том смысле, что он не завел типичного для времени феодальной раз-

⁷⁴ Ю. А. Лимонов. Указ. соч., стр. 78—79.

⁷⁵ Н. Н. Воронин. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха. — В кн.: «Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского)». М., 1962, стр. 265—271.

⁷⁶ Этим сочинениям Андрея и доказательству, что они не составляли самостоятельного «Летописца Андрея Боголюбского», как думает Ю. А. Лимонов (Ю. А. Лимонов. Указ. соч., стр. 61 и сл.), мною посвящено особое исследование, подготавливаемое в настоящее время к печати.

⁷⁷ М. Д. Приселков. История летописания. . . , стр. 76.

⁷⁸ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись, стр. 93; Д. С. Лизачев. Русские летописи. . . , стр. 180.

дробленности своего личного княжеского летописца. Но если полагать, что Андрей якобы никак не интересовался своим летописцем, то пришлось бы отнести за счет личных политических симпатий Микулы весь провладимирский патриотизм свода, всю его точно выдержанную направленность (порой ценой лжи или умолчаний) к «вящей славе отечества»; наконец, единство провиденциалистской позиции и пропаганду покровительства неба Владимирской земле мы должны бы были отнести, видимо, за счет сана Микулы и его «духовного» образа мыслей. Вспомним, однако, что летописец времени Юрия — также явно церковник — ничем не проявил своих религиозных взглядов на события, был несравненно «объективнее» в их освещении, не стремился восславить во что бы то ни стало самого Юрия или возвеличивать значение Суздальской Руси⁷⁹. Для последнего, впрочем, жизнь тогда еще не давала оснований, но ясно также, что сам Юрий мало интересовался работой суздальского историографа. Напротив, в княжение Андрея и летописание, и литература явно настроены в одном ключе, как в отношении своей провиденциалистской позиции, так и в смысле политической направленности: церковные сочинения нацелены на политические задачи, а летописание облачает политику владимирского княжого дома в одежду непогрешимости и божественного покровительства. Это свидетельствует об единой направляющей силе литературного и летописного труда, в которой скорее всего нужно признать руку Андрея, прятанного свои деяния за дымкой божественного промысла, почему и в летописи его личность и дела остались в глубокой тени. «Церковность» владимирской литературы и летописания — лишь специфическая форма выражения руководивших ими политических страстей и мирских интересов.

Последний вопрос — это хронологические рамки работы Микулы по составлению владимирского свода. Если его завершение в 1177 г. не вызывает сомнений⁸⁰, то начало этой работы следует отнести к более раннему времени. Едва ли мы ошибемся, если свяжем этот момент с 1169 г., когда Киев попал в руки Андрея и казалось, что борьба за владимирское господство в Русской земле увенчалась успехом. Это была вершина, достигнутая в военно-политической борьбе. И если летописание Киева XII в. «решительно упадет в широте того общерусского горизонта, с которого вглядывались и оценивали текущие события печерские летописатели XI—XII вв.»⁸¹, а попытка черниговского летописания Игоря Святославича стать общерусским не дала прочных результатов⁸², то владимирский свод 1177 г. закладывает основы о б щ е р у с с к о г о летописания⁸³.

⁷⁹ Н. Н. Воронин. К вопросу о начале. . . , стр. 39.

⁸⁰ М. Д. Приселков. История летописания. . . , стр. 65.

⁸¹ Там же, стр. 53.

⁸² Д. С. Лихачев. Русские летописи. . . , стр. 184 и сл.

⁸³ Там же, стр. 268.

Самый выбор Андреем и Микулой летописных источников для владимирского свода определялся стремлением получить наиболее широкий, общерусский охват жизни. Таким источником был летописец вотчины владимирских Мономашичей — Переяславля-Русского, характеризуемый широтой кругозора и продолжавший традиции летописания времени Мономаха с его объединительными идеями⁸⁴. При этом, если летописание времени Юрия Долгорукого уделяло много внимания южным событиям и борьбе за обладание Киевом, то с 1160 г. внимание владимирского летописца переносится на Владимир, складывается концепция «владимицентризма», в свете которой избираются и оцениваются летописцем события Южной Руси. Упорное напоминание владимирской литературой и летописанием, что владимирские князья — потомки Владимира Мономаха, было своеобразной аргументацией общерусских притязаний владимирской династии. Ведь Мономаху удалось ненадолго закрепить единство Русской земли; он был и великим князем киевским, и держал в своих руках не только Ростов, но и Киев с Переславлем, Новгород и Смоленск. Мономахова «Повесть временных лет», которая лежала в основе владимирского летописания, утверждала, что его династия «спасла» русский и многие нерусские народы от «усобиц», она «великим трудом» сколотила государство, она же должна и сейчас, когда «усобицы» с новой силой разъедают Русь, спасти политическое единство страны⁸⁵.

Но эта мысль свода, завершенного, уже после гибели Андрея, замечательной «Повестью о междукняжии», переросла свою феодальнокняжескую ограниченность, показав и прославив подлинных носителей идеи единства Руси — не бояр, а «мезиних» людей, горожан Владимирской земли.

Начатый сводкой в 1169 г., материал вновь пересматривался Микулой в конце его труда. Уликой правки летописных записей именно в конце 70-х годов является упоминание в рассказе о походе Мстислава Андреевича на болгар в 1172 г., что «воевода бе в то время и наряд весь держаше» Борис Жидиславич, перекинувшийся после убийства князя Андрея к Глебу Рязанскому, ставший «думцем» Мстислава Ростиславича и захваченный в плен владимирцами в битве 1177 г. на Прусковой горе⁸⁶.

Изложенное дает ответ и на вопрос о политической направленности свода 1177 г. Этот ответ в общем близок выводам М. Д. Приселкова и в корне расходится с концепцией Ю. А. Лимонова. Связанная этими сюжетами оценка деятельности Андрея Боголюбского и роли горожан и боярства в истории Владимирской Руси XII—XIII вв. заслуживает особого рассмотрения. Этому посвящена другая работа автора.

⁸⁴ Там же, стр. 275—276; А. Н. Насонов. История. . . , стр. 97—99.

⁸⁵ Б. Д. Греков. Первый труд по истории России. — «Исторический журнал», 1943, № 11—12, стр. 66.

⁸⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 364, 372, 384.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЗВЕСТИЯ ВЕЛИКОПОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ

Н. И. Щавелева

Русские известия в польских раннесредневековых хрониках изучены весьма недостаточно. В настоящей статье представлены сведения по древнерусской истории, содержащиеся в так называемой Великопольской хронике. Впервые она была обнаружена в сборнике под названием «*Chronica magna seu longa Polonorum*», куда, кроме нее, входил еще ряд польских источников, предназначенных для создания обширной истории Польши.

Большие споры ведутся по сей день по поводу времени возникновения хроники и ее автора. Первоначально создателями памятника считались епископ познаньский Богухвал, назвавший себя в разделе 89 (*Ego Boguphalus, episcopus . . . audivit*), и продолжатель его дела епископ Годислав Башко, также представившийся в хронике (раздел 143 и сл.). Соответственно и произведение датировалось временем их жизни — XIII в.¹

В недавних исследованиях польских ученых эта точка зрения пересмотрена, и в авторы хроники предложен Янко из Чарикова, подканцлер короля Казимира Великого, который, будучи «каноником познаньским, гнезненским, вроцлавским и краковским», имел дело «со всеми польскими кафедрами, а следовательно, мог собрать такой значительный материал, каким является «*Chronica magna*»². Дата составления хроники соответственно перенесена на XIV в.

Представляя собой обширную компиляцию, составляющими частями которой служили многочисленные рочники и хроники (в частности, сочинение Винцента Кадлубка — польского хрониста XII в. — являлось основным источником для великопольского автора при изложении событий до 1202 г.), как отечественные, так и иностранные, Великопольская хроника ведет свой рассказ с незапамятных времен до 1271 г., что позволяет проследить историю польского государства на протяжении четырех веков его существования.

Лучшее издание хроники выпущено в 1970 г. в новой серии «*Pomniki dziejowe Polski*»³. Благодаря этому изданию значительно расширились возможности изучения памятника.

¹ Об истории изучения хроники см.: В. Kūrbis. *Kronika wielkopolska*. — MPH, Ser. II, t. VIII. Warszawa, 1970, p. V—VIII.

² J. Dąbrowski. *Dawne dziejopisarstwo polskie*. Wrocław, 1964, str. 132.

³ MPH, Ser. II, t. VIII.

Исследователи отдали много сил Великопольской хронике, справедливо считая ее историческим трудом, который возникал постепенно. В ней ясно обнаруживаются два этапа исторической мысли XIII и второй половины XIV в., вследствие чего хроника является прекрасным источником как периода феодальной раздробленности, так и дальнейшего этапа развития историографии Польши, современного единому королевству Казимира Великого.

Великопольская хроника начинает свое повествование с легендарных праславянских времен. Особенно интересно предание о трех братьях — Чехе, Лехе и Русе, которые дали начало чешскому, польскому и русскому народам. Подтверждая распространенное в средневековье мнение об общей праотчизне славян, отцом этих братьев великопольский автор называет Пана, именуемого по названию общеславянской «колыбели», земли Паннонской.

В польских источниках образ Леха, мифического праотца поляков, впервые появляется именно в Великопольской хронике (причем в части, интерполированной в XIV в.). Аноним Галл не упоминает о нем. У Кадлубка это имя также не встречается, хотя он первый именует поляков *Lechitae*. Вслед за ним пользуется этим именем и францисканский хронист, так называемый Межва. Само слово «*lech*» впервые засвидетельствовано в чешской рифмованной хронике Далимила⁴, датированной началом XIV в., причем не как имя собственное. Чешский автор выводит своего эпонима из Хорватии и замечает, что «в той земле был лех, по имени Чех». Другой чешский хронист Ян с Пулкавы (1374) создает двух братьев — Чеха и Леха⁵. На этот источник ссылается автор шлёнской хроники (*Książąt polskich*) конца XIV в. Петр с Бычины и добавляет, что от Чеха названы чехи, а от Леха — поляки.

В XV в. Ян Длугош присоединяет к Чеху и Леху Руса — не брата, а внука Леха. Как видно, Великопольская хроника не служила ему источником. Но именно версия Длугоша повторялась последующими источниками XVI и XVII вв., которые добавляли к легенде все новые подробности.

С XVIII в. началась научная критика великопольской легенды. В образе Леха усматривали отзвуки давнего наезда чужеземцев-лехитов на славянский край. А. Нарушевич принимал Леха за образ, эпонимичный древнему названию поляков Лехичи—Лехове⁶. К. Шайноха⁷ усматривал в нем вождя норманнов, населявших некогда территорию Гнезно.

⁴ «*Nejstarší česká rýmovaná Kronika tak řečeného Dalimila*». Ed. B. Havranek i in. Praha, 1958, s. 20.

⁵ «*Przibiconis de Radenin dicti Pulkavae Chronicon Bohemiae*». — FRB, t. V. Praha, 1893, p. 4.

⁶ А. *Naruszewicz*. *Historia narodu polskiego*, wyd. 2, t. 2, cz. 2. Warszawa, 1824, str. 592.

⁷ К. *Szajnocha*. *Lechicki początek Polski*. Lwów, 1858, str. 6, 89—110.

В историографии второй половины XIX—XX в. получил преобладание взгляд о литературном происхождении легенды.

Некоторые ученые думали, что создателем «лехитов» и соответственно Леха был Кадлубек, образовавший их по подобию древнерусских летописных «ляхов». Вся же легенда возникла на основе чешского предания⁸. За чешскую первооснову высказывались также А. Брюкнер, К. Тыменецкий, Х. Ловмянский и Я. Домбровский. К. Тыменецкий совершенно справедливо объяснял возникновение легенды процессом пробуждения народного самосознания и ощущением славянского единства и чехов и поляков в XIV в. По его мнению, к Чеху-эпониму добавлен образованный от «лехитов» Кадлубка Лех; на польской основе появился и Рус⁹.

Немногие исследователи находили в великопольской легенде следы народного предания. В конце XIX в. С. Лагуна обратил внимание, что имя Лех было известно в древнепольском языке, а следовательно, могло возникнуть независимо от литературной традиции¹⁰. Были выдвинуты предположения о том, что Лех идентичен славянскому герою, погибшему в 805 г. и известному Галлу¹¹.

Интересен взгляд Б. Кюрбис на происхождение легенды. Она опровергает чешскую праоснову, допуская, что легенда складывалась из двух разных преданий: о трех братьях-славянах и об образовании Гнезна. Первое возникло в результате знакомства автора Великопольского сборника с хроникой Козьмы Пражского (XII в.), где упоминается Чех-эпоним. Исследовательница полагает, что польское изложение опередило чешскую хронику Яна с Пулкавы. Основой же предания об образовании Лехом с потомством Гнезна (гнезда) могло стать какое-либо местное великопольское сказание, появившееся в XIII в. от «лехитов» у Кадлубка и известное уже Галлу. При чем Галл мог опустить эту легенду, следуя своему принципу излагать только династические легенды, а магистру Винценту невыгодно было первым городом поляков считать Гнезно, поскольку он стремился обосновать столичное происхождение Кракова. В литературной великопольской среде обе традиции слились в одну¹².

В недавних изысканиях К. Шляского подведены итоги критическому изучению легенды. Он приводит результаты линг-

⁸ W. Nehring. Über die Namen für Polen-Lachen. — «Archiv für slawische Philologie», t. III, 1873, S. 463; K. Potkański. Lachowie, str. 210; *tenże*. Lechica. — KH, t. XII, 1898, str. 290—300.

⁹ K. Tymieniecki. Polska legenda średniowieczna. — «Przeszłość», № VII, zes. 4, 1935, str. 50, 56.

¹⁰ S. Łaguna. Rodowód Piastów. — KH, t. XI, 1897, str. 747.

¹¹ S. Zakrzewski. Historia polityczna Polski do schyłku XII w. — «Encyclopedia Polska», t. 5, cz. 1, dz. VI. Kraków, 1920; R. Grodecki i S. Zachorowski. Dzieje Polski średniowiecznej. Kraków, 1926, str. 17—19.

¹² B. Kurbis. Dziejopisarstwo wielkopolskie XIII i XIV wieku. Warszawa, 1959, str. 164, 169, 199—201.

вистических исследований, доказывающих, что имя Лех было известно в очень раннем польском средневековье¹³. Этимология возводит название Лехичи, Лех к этническому имени, происходящему от *lędy* (необработанное поле) и звучащему с носовым звуком. Таким образом становится понятной связь этого термина с *Lendizi* в списке племен Географа Баварского и с *Lendzeninoi* у Константина Порфирородного (948—949), обозначавшими далеких польских предков. По фонетическим законам других языков *Lech* перешел в Лях (русский язык), *Lach* (чешский), *Lenkas* (литовский) и т. д. Следовательно, Кадлубек мог из собственного языка привести бытовавшее издавна в народе название поляков — лехиты, не обращаясь за помощью к русским источникам.

В пользу того что интерполятор Великопольской хроники не вымышлял свою легенду, говорит его эпоним польского народа — Лех, а не, например, Полян, хотя до второй половины XIII в. название *Polska* — *Polonia* означало прежде всего Великую Польшу.

Вопрос о легендарных родоначальниках славянских народов, несомненно, заслуживает особого самостоятельного рассмотрения. На данном этапе, проследив за рассуждением исследователей интересного нам сообщения, можно сделать следующие выводы.

В великопольской легенде нашла свое окончательное утверждение народная традиция, повествующая об этническом родстве трех славянских народов. Имя Лех восходит к догосударственным временам польской истории. Чех как эпоним чехов появляется в источниках XII в., и, что особенно важно для нас, имя Рус, известное в Польше с давних времен (оно засвидетельствовано в гнезненской булле XIII в.), становится в польской хронике XIV в. эпонимом русского народа.

В Великопольской хронике сохранилось также сообщение об участии русских войск в сражении польских князей под Познанью¹⁴. Речь идет о русском князе, выступавшем со своим отрядом на стороне силезского князя Владислава II. Познаньское сражение было заключительным этапом в столкновении между сыновьями Болеслава III¹⁵.

Следует отметить важность этого момента для польской истории. Исследователи полагают, что именно Владиславу II принадлежала последняя попытка объединить государство, а поражение и изгнание этого «сеньора и начальника» окончательно утвердило феодальную раздробленность в Польше.

¹³ K. *Ślaski*. *Wątki historyczne w podaniach o początkach Polski*. Poznań, 1968, str. 51—60.

¹⁴ МРН, Ser. II, t. VIII, str. 50—51.

¹⁵ О предпосылках битвы см.: Н. И. *Щавелеса*. Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «обращении русских». — «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975». М., 1976 стр. 120—121.

Ипатьевская¹⁶ и Лаврентьевская¹⁷ летописи сообщают под 1145 г. о выступлении черниговских князей с Владиславом II против его младших братьев — мазовецкого князя Болеслава Кудрявого и великопольского Мешко¹⁸. В этот раз встреча соперников окончилась мирно. По-видимому, Владислав II в союзе с русскими соседями оказался неодолим, и младшие Болеславиичи пошли на очевидные уступки. Изрядный кусок (Визна, открывающая дорогу на Пруссию) достался русским союзникам. Владислав сумел занять Серадзко-Ленчицкую землю и разъединить провинции мазовецкого и великопольского князей.

О познаньском походе русские источники молчат. Тем большую ценность имеет сообщение Великопольской хроники. Но молчание летописей дает повод считать, что в данном случае Руси не удалось направить в Польшу значительного войска, так как тогда на Руси складывалась напряженная ситуация. После смерти киевского великого князя Всеволода Ольговича братья его были потеснены, на киевском столе сел волынский князь Изяслав Мстиславич (1146—1154). Начались изнурительные междоусобные войны.

Осада Познани датируется весной 1146 г. Интересно, что Магдебургские анналы засвидетельствовали прибытие Владислава II ко двору германского императора Конрада в марте этого года с намерением получить помощь в задуманном предприятии¹⁹. Содействие Германии запоздало. Конрад вступил в Польшу лишь в сентябре 1146 г., и его поход больше походил на интервенцию. Владиславу он уже не помог, а от Польши добился вассальной зависимости.

Хроника о Петре Властовиче XVI в.²⁰ сообщает, что Владислав II после упоминанной в ней расправы с ее героем (1145) отправился на Русь поохотиться (*causa venacionis*). Это свидетельство любопытно, особенно если вспомнить статью Ипатьевской летописи о том, что Болеслав Высокий, сын Владислава, женатый с 1141 г. на дочери черниговского князя Всеволода Ольговича, выступил в 1146 г. вместе со своим тестем, теперь уже киевским князем, против галицкого Владимира²¹. Причем во второй раз Болеслав называется именем отца: «посла къ Изяславу Мъстиславичю Володислава зятя своего», хотя уточнение «зятя» позволяет усмотреть здесь ошибку летописца. Предполагая существование другого, более полного, списка польской хроники

¹⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 318.

¹⁷ Там же, т. I, стб. 312.

¹⁸ G. Labuda. Zabiegi o jedności państwa polskiego w l. 1138—1146. — KH, t. LXVI, N 4, 1959, str. 1168.

¹⁹ «Annales Magdeburgenses». Ed. G. Pertz. — MGH SS, t. XVI. Hannoverae, 1859, p. 81, 87.

²⁰ «Chronica Petri comitis». Ed. M. Plezia. — MPH, Ser. II, t. III. Kraków, 1951, p. 25.

²¹ ПСРЛ, т. II, стб. 319—321.

XVI в., повествующего об этих событиях, можно, хотя и с большой осторожностью, допустить, что Владислав II перед Познаньским сражением все же побывал на Руси, с теми же целями, что позднее и при дворе германского императора. Воочию убедившись, что Русь на этот раз не может оказать ему серьезной поддержки, он обратился к императору Конраду.

Но все же какой-то отряд русских был выделен в Польшу²². Об этом есть сообщение в чешской хронике Винцента, написанной около 1170 г. (правда, событие ошибочно датировано 1149 г.), где сообщается, что «Владислав, князь Польши, собрав великое множество как сарацинов, так и русских... осадил Познань» («Wladizlaus, dux Polonie, collecta maxima tam Sarracenorum quam Ruthenorum multitudine Poznan... obsidet») ²³.

Из этой хроники автор Великопольской хроники мог заимствовать свои сведения: как известно, он широко пользовался чешскими источниками. Хотя, несомненно, он знал больше, раз сообщает даже детали о беседе русского князя с Владиславом II перед сражением. Причем анонимный русский князь из польской хроники, как видно, не одобряет действий Владислава и пытается отговорить от братоубийства («ille fratres, ut gracie pristinae restituat exhortatur»). Можно, конечно, усмотреть здесь авторскую хитрость — стремление осудить действия Владислава устами его же союзников, но все же нет оснований полностью отвергать известие, тем более что и другие источники признают участие небольшого русского отряда в Познаньской битве.

Приняв во внимание все вышесказанное, можно представить ход событий следующим образом. Владислав II, решившись на последнее столкновение с противником, снова ищет помощи на Руси, куда, возможно, отправляется сам, усиленно способствуя союзным русским князьям в их междоусобных войнах (1145—1146) (участие его сына Болеслава II в русских делах неоспоримо, об этом говорит русская летопись). Учитывая занятость восточных соседей, Владислав ищет поддержки в Германии (свидетельство Магдебургских анналов), хотя и не получает ее в нужный момент. Поскольку время не терпит, Владислав решается на сражение, набрав вспомогательные отряды русских и язычников (возможно, пруссов)²⁴, что находит отражение в чешской хронике Винцента и в Великопольской хронике.

Вниманию заслуживает и сообщение Великопольской хроники о гибели князя галицкого Романа в 1205 г. под Завихостом. Это загадочное событие в дальнейшем получило широкое распространение в польской устной традиции, что может в какой-то мере служить доказательством важности этой битвы для истории Польши.

²² Можно предполагать выступление какого-то князя, не участвовавшего в борьбе за киевский стол.

²³ FRB, t. II. Praha, 1874, p. 419.

²⁴ MPH, Ser. II, t. VIII, p. 32.

Большинство польских рочников сохранили записи об этом эпизоде. Самой старшей из них можно считать статью рочника Краковского капитула, написанную, как полагают многие исследователи, рукой самого магистра Винцента (XII в.)²⁵. Из хроник первая упоминает о завихостском сражении Великопольская, посвящая ему особый раздел под заголовком: «Как Лешко и Конрад владыку Руси Романа победили» («*Qaliter Lestko et Cunradus Romanum principem Russie vicerunt*»)²⁶. Здесь говорится о том, как Роман, «могущественный владыка Русских», возгордившись, отказался платить дань (*tributa*) и, дерзко и всевластно противопоставив себя князю Лешко, с огромным войском напал на пределы Польши. Польские князья с небольшим отрядом отразили натиск русских полчищ и победили надменного Романа: воинов обратили в бегство, а его самого убили, воздав по заслугам за намерение повоевать братьев своих (имеются в виду Лешко и Конрад). В рочнике Краковского капитула приведена та же причина, отличается лишь форма изложения: запись рочника обработана в духе церковной традиции. Можно полагать, что автор великопольского сборника заимствовал это сообщение либо из рочника, либо имел в руках более полный экземпляр хроники Винцента Кадлубка, куда уже была включена запись о поражении Романа.

Итак, польские источники в качестве причин битвы выдвигают отказ русского князя платить дань и попытку завоевания им соседних польских земель.

Из русских памятников об этом знает Лаврентьевская летопись: «Иде Роман Галичский на Ляхы и взя два города лядская и ставлю же ему над Вислою рекою и поеха сам в мале дружине от полку своего. Ляхове же наехавше оубиша и дружину около его избиша»²⁷. Но, как видно, о причинах похода летописец либо не был осведомлен, либо сознательно умалчивал.

Ипатьевская летопись — основной источник сведений по истории галицко-волинских земель — в этом месте прерывается, а Галицко-Волинская летопись, как известно, начинает свои записи с 1206 г. Хотя интересно сообщение этой летописи под этим же 1206 г. Здесь рассказывается о том, что после смерти Романа жена его бежала с сыновьями Даниилом и Васильком в «Ляхы», где ее с «великою честью» принял Лешко, сказав, что «дьяволъ есть воверг враждоу сию» между ним и Романом, а дьявол тот «бе бо Володислав»²⁸.

Следует указать еще один источник, хранящий свидетельство о походе Романа. Это хроника французского цистерцианца Альбера, в которой под 1205 г. записано: «Король Руси по имени

²⁵ МРН, т. II. Warszawa, 1961, р. 800; В. Кярби. *Op. cit.*, стр. 194.

²⁶ МРН, Ser. II, т. VIII, р. 79.

²⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 425.

²⁸ Там же, т. II, стб. 719.

Роман выступил из пределов своих, желая пройти через Польшу в Саксонию. . . [и] был убит двумя братьями князьями Польши Лешко и Конрадом у реки Вислы. . .»²⁹ Гибель его расценена как наказание божье за стремление этого «мнимого христианина» («*falsus christianus*»), как пишет хронист, разрушить мимоходом церкви.

Следовательно, перед нами несколько версий поражения Романа Галицкого на польской земле. Надменный Роман, отказавшись повиноваться малопольскому князю Лешко, вероломно напал на польские границы (польские источники), имея намерение пройти через Польшу в Саксонию (французская хроника), подстрекателем же Романа или, быть может, его соперников, спровоцировавшим военное столкновение родственных по крови и дружественных до сих пор князей, был некий Владислав (русская летопись).

Ни одно из этих сообщений нельзя оставить без внимания. Современное событию свидетельство цистерцианца Альберика исследователи считают весьма важным, поскольку тот «располагал хорошей информацией от кардинала Якова из Пренеста, который был местным аббатом, а в качестве папского легата посещал Венгрию»³⁰. В достоверности статьи Галицко-Волинской летописи трудно сомневаться. Что касается польских источников, то запись в рочнике Краковского капитула, пересказываемая последующими хронистами, появилась, несомненно, вскоре после описываемой битвы.

Можно предположить, что события разворачивались следующим образом. Роман, став в 1199 г. князем галицким, чему по данным польских источников немало способствовали дядя Романа великий князь Польши Казимир Справедливый, а впоследствии его сын Лешек Белый³¹, сумел в короткий срок объединить под своей властью немалые русские земли. В его руках оказались не только Галичина и Волынь, но и Киев. О силе русского князя красноречиво говорят эпитеты, которыми награждают Романа иностранные хронисты: могущественный владыка русских — *potentissimus princeps Ruthenorum*, король Руси — *rex Russie*, и т. д. Трудно допустить, что в таких условиях Роман выплачивал дань польскому князю, как утверждал великопольский автор. Укрепившись на киевском столе, Роман развернул широкие внешнеполитические действия, преследуя собственные цели. Полученный в наследство союз с Германией, а также старые торгово-политические поморские связи дали возможность Роману вмешаться в польско-немецкие дела. В 1205 г. Роман выступил против союзного саксонским Вельфам Лешка Белого, лелея надежду, включившись в борьбу за императорскую корону между Филиппом

²⁹ «*Chronica Alberici Monachi Trium fontium*». Ed. P. Scheffer-Boichorst. — MGH SS, t. XXIII. Hannoverae, 1874, p. 885.

³⁰ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 334.

³¹ «*Vincentii Chronicon Polonorum*». — МРН, t. II, p. 437.

Швабским, младшим сыном Фридриха I, и Оттоном IV, сыном саксонского Генриха Льва, укрепить «русско-поморские отношения, а заодно и русско-немецкие связи»³². По всей видимости, князь Роман поддерживал Филиппа в его притязаниях на Поморье, находящееся под властью как Германии, так и Дании. Интересно, что одновременно на Поморье был предпринят поход датского короля Вальдемара II (в Славянское княжество), в котором выступил соперник Лешко Белого великопольский князь Владислав Лясконогий: «В год 1205 совершен поход в Слaviю, в котором господину королю способствовал князь Владислав» («Anno 1205 expeditio facta est in Slaviam, ubi Lodislaus occurrit domino regi») ³³. По всей вероятности этот Владислав и явился тем самым дьяволом, который поссорил союзных до сего времени Романа и Лешко ³⁴. Ему было выгодно прежде всего отвлечь Лешко от подготовки к обороне Кракова, на который он постоянно претендовал. И кроме того, в его намерения входило воспрепятствовать Роману, направляющемуся в Поморье на помощь тогдашнему противнику Вальдемара Филиппу Швабскому.

Как видно, замысел его удался. Роман погиб на польской земле, что имело значительные последствия как для Руси, так и для Польши. В Юго-Западной Руси наступила длительная феодальная война. Польша вкупе с Венгрией получила возможность осуществлять вооруженные притязания на Галич и Волинь, впоследствии, правда, окончившиеся неудачей.

Следует сказать, что свидетельство Альберика подвергается сомнению польскими исследователями. Так, Б. Влодарский с трудом допускает, что польские источники ничего не знали о намерении русского князя продвинуться в Саксонию³⁵. Впрочем, если признать, что первую запись сделал Кадлубек, писавший в году правления и при дворе Лешко Белого, то легко объясняется намеренное умолчание польского хрониста о далеко идущих планах Романа и выдвижение на первое место неблагодарности русского князя, забывшего о благодеяниях польских родственников. Тенденциозность в изложении связана со стремлением оправдать попытки краковского князя распространить влияние на соседние русские княжества, особенно усилившиеся после гибели галицкого князя.

В Великопольской хронике сохранилось еще одно важное известие о Руси. Под 1228 г. автор сообщает о передаче вроцлавским князем Генрихом (Бородатым) Опатовского монастыря, аббат которого стал недавно первым епископом *in partibus* на Руси, любущскому костелу. Имя аббата обозначается лишь начальной буквой «G»³⁶. Ниже в списке духовных лиц, присутст-

³² В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 165.

³³ «Annales Waldemari». — MGH SS, t. XXIX. Hannoverae, 1892, p. 180.

³⁴ В. Włodarski. Polska i Rus. Warszawa, 1966, str. 28.

³⁵ В. Włodarski. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925, str. 19—21.

³⁶ MPH, Ser. II, t. VIII, p. 82.

вующих при канонизации святого Станислава мученика, упоминается Герард (Gerhardus) Ордена цистерцианцев, некогда первый русский епископ Руси из Опатова ³⁷, что дает основание именно Герарда подразумевать под инициалом «G», а также определяет Опатовский монастырь как цистерцианский.

Только Великопольская хроника сообщает об организации первого русского епископства. Ни русские источники, ни другие польские не знают об этом.

Созданию такого епископства способствовало несколько факторов. К 30-м годам, после смерти (1227 г.) князя Малой Польши Лешко, обострился конфликт между малопольскими и великопольскими князьями. Мазовецкий князь Конрад сблизился с соседними русскими землями, чему немало содействовали и тесные родственные связи (мать его — княгиня Елена была дочерью смоленско-киевского князя Ростислава) с Русью. Князь волынский Даниил Романович оказал Конраду весьма существенную помощь, в результате которой был предпринят успешный русский поход в Сandomирскую землю, отвоевана Силезия и потеснены вроцлавский князь Генрих Бородатый и великопольский соперник Конрада Владислав Лясконогий. Был заключен новый договор (1230 г.) в интересах укрепления польско-русских отношений. Активное вмешательство русских князей в борьбу за великокняжеский стол в Польше насторожило римскую курию (направлявшую деятельность польских католических орденов).

Приблизительно в это же время соперничающие друг с другом каноники доминиканцы и цистерцианцы стремились получить в Риме согласие на организацию (каждый под своей эгидой) латинской церкви путем установления особого (отдельного) епископства для Руси. 12 мая 1232 г. папа Григорий IX выдал Ордену доминиканцев разрешение на изучение возможностей создания такого епископства.

Вскоре возникает русское епископство. Однако русским епископом на польской земле стал представитель не доминиканского, а цистерцианского Ордена. В. Абрагам полагает, что тогдашний глава цистерцианцев Христиан воспользовался своими отношениями с русским князем Даниилом и опередил соперников ³⁸.

Руководствуясь данной ему папой Гонорием III буллой 1218 г., где узаконивалось право организации диоцезов и назначение епископов в странах обращенных народов, Христиан установил латинскую епархию *in partibus* на Руси и назначил туда Герарда, бывшего прежде аббатом в Опатове.

Посвящение Герарда падает на 1232—1233 гг., причем В. Абрагам полагал, что на выбор его мог повлиять сам Конрад, вла-

³⁷ Ibid., p. 99.

³⁸ W. Abraham. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904, str. 110.

девший тогда значительной частью Малой Польши и Сандомирщиной³⁹. Благодаря исследованию И. Шиманьского удалось отнести организацию опатовской канонической группы к временам правления Казимира Справедливого. Появление в 1206 г. в Опатове причта прелатов в полном составе (декан, схоластик, кантор) свидетельствует о намеренном создании основы для будущего епископства, которое должно было иметь не последнее значение в планах русской политики, проводившейся князем Казимиром, а затем и его последователями в союзе с патронирруемыми им цистерцианцами. Возможно, Герард с момента образования епископства стоял во главе опатовских каноников⁴⁰.

В чем заключалась деятельность этого первого епископа, неизвестно. Сохранились сведения лишь о том, что вскоре он столкнулся с претензиями любушского епископа и вынужден был, как можно судить из сообщения Великопольской хроники, отступить. Любушские претензии достигли цели благодаря перемене политических обстоятельств, поскольку Сандомирская земля, где находился Опатов, возвратилась к законному наследнику — Болеславу, сыну Лешка Белого. Опекуном малолетнего князя был плёнский князь Генрих Бородатый, который, заняв Сандомир, передал только что основанное русское епископство любушскому костелу (что называется, по-приятельски, поскольку был в добрых, дружеских отношениях с тамошним епископом Вовжином).

Несомненно, главную роль тут сыграло его желание захватить юрисдикцию русского епископства в свои руки. Поступок Генриха Бородатого выглядит для тех времен преступлением перед римской курией, узаконившей опатовское аббатство, и может быть истолкован только особыми причинами, из которых главной, по-видимому, стало обвинение Христиана в превышении своих полномочий, установленных упомянутой буллой 1218 г., поскольку епископство было основано не на землях «обращенных» варваров, а «в Опатове, и для русских в схизме»⁴¹. Этим, собственно, можно объяснить и отсутствие в источниках каких-либо следов сопротивления Герарда насильственному вторжению любущев. В. Абрагам относит это событие к 1235—1238 гг., что весьма правдоподобно и дает основание считать датировку автора Великопольской хроники ошибочной.

Домогательства именно любушского епископства современные исследователи понимают по-разному. Действительно, почему оно, столь отдаленное от русских границ, считало себя епископством *in partibus* на Руси. И. Плохи допускал фальсификацию документов на основании давней путаницы географических тер-

³⁹ W. Abraham. Op. cit., str. 111.

⁴⁰ J. Szymański. Kanonicy opatowscy w planach polityki ruskiej z przełomu XII i XIII wieku. — PH, t. LVI. Warszawa, 1965.

⁴¹ T. Manteuffel. Papieństwo i cystersi. Warszawa, 1955, str. 116.

минов Русь и Ругия⁴². Любушское аббатство, основанное в 1124—1125 гг., должно было осуществлять политические планы Болеслава Кривоустого, распространяя миссионерство в Ругии, на которую притязала в то время Польша. Благодаря такому «лингвистическому недоразумению» удобно было намеренно забыть о прежних «ругинах» и выдать их за русинов — Rutheni, что могло служить доказательством обоснованных претензий⁴³.

Кафедра любушская, вступив в права русского епископа Герарда, несомненно, обладала той же юрисдикцией на близлежащих землях, хотя о результатах миссии этого аббатства мы также не имеем сведений, за исключением поздних откликов каноников, которые жаловались в Рим на «вероломство русских правителей» и «злобу» населения (жителей)⁴⁴.

Таким образом, можно сказать, что первые попытки польских католических орденов установить епископство «для русских» были неудачны.

Т. Войцеховский приводил интересующий нас отрывок для подкрепления той мысли, что автор Великопольской хроники мог получить свою информацию от епископа любушского Петра, с которым был в весьма близких отношениях (а именно, находил у него убежище в трудный для себя 1371 г.). Такого же мнения держался Я. Домбровский⁴⁵, который полагал, что для Янко естествен интерес к истории родных ему сантоцких и близ них лежащих земель. Наконец, вспомним и о том, что стремление Казимира Великого насадить католическую иерархию на Руси приходится именно на то время, когда Янко (с 1364 г.) был королевским подканцлером и по долгу службы обязан был изучить вопрос о любушском епископстве. Несомненно, как помощник короля и архидиакон гнезненский Янко был в курсе проводимых мероприятий, особенно касающихся дел церкви.

Начиная со времен Казимира Великого (1333—1370), обнаружилось стремление к подчинению церкви государству, что служило на пользу шляхте, можновладству и богатому мещанству, как, впрочем, и самому королю. Овладев Галицкой Русью (с 1349 г.), Казимир начал (при поддержке панства) стремиться к организации латинской церкви на Руси, дабы усилить там влияние польских панов и шляхты. На завоеванной территории возникла сеть католических епископств (во Владимире-Волынском, в Холме, во Львове), которые, хотя и не имели «реальной ценности»,

⁴² А. В. Флоровский отметил, что «аналогия между именами «Русь» и «Ругия» становится обычной в письменной немецкой традиции и есть все основания датировать эту практику уже началом X века» (А. В. Флоровский. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. — В сб.: «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 69).

⁴³ T. Manteuffel. Op. cit., str. 117. Впрочем польские исследователи игнорируют допущение И. Плохи (MPH, Ser. II, p. 276).

⁴⁴ VMPL, t. I. Romae, 1860, N 144, p. 73.

⁴⁵ T. Wojciechowski. Szkice historyczne jedenastego wieku. Warszawa, 1925; wyd. 3, 1951, str. 78; J. Dąbrowski. Op. cit., str. 137.

поскольку их деятельность сводилась к исполнению обязанностей в других диоцезах на коренной польской земле⁴⁶, все же служили скрепляющим звеном между Русью и Польшей. Тогда в 1363 г. Казимир обратился с просьбой к папе Урбану V об установлении постоянного епископства во Львове, которое было бы подчинено гнезненской митрополии, а со временем превратилось бы в самостоятельную митрополию.

Замысел короля разбился о претензии именно любушских епископов, заявивших о своих давних правах на обладание юрисдикцией на Руси. Казимиру пришлось отказаться от своей затеи. И только после его смерти Владиславу Опольчику удалось преодолеть сопротивление любушцев и организовать в 1375 г. архиепископство в Галиче.

Не удивительно, что при таких обстоятельствах автору Великопольской хроники показалось важным включить в свой труд сообщение об организованном на полтора столетия раньше первом русском епископстве, в судьбу которого впервые вмешались любушские каноники.

⁴⁶ *J. Kaczmarszyk. Polska czasów Kazimierza Wielkiego. Kraków, 1964, str. 141.*

«ЛѢТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУСЬСКИЙ» АНАЛИЗ ЕГО УПОМИНАНИЯ В ТРОИЦКОЙ ЛЕТОПИСИ

Г. М. Прохоров

ГИПОТЕЗЫ И ДОГАДКИ

В выписках Н. М. Карамзина из пергаменной Троицкой летописи, сгоревшей в 1812 г., уцелело и сохранилось название какой-то другой, неизвестной летописи — «Лѣтописец Великий Русьский». В статье 6900 (1392) г. Троицкая, говоря о неуживчивости новгородцев с великими князьями, рекомендовала: «И аще хоцещи распытовати, разгни книгу «Лѣтописец Великий Русьский» и прочти от Великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго»¹.

Других упоминаний этого летописца мы не имеем, и что он представлял собой, остается загадкой. Ясно лишь, что работа над ним велась в третьей четверти XIV в. и что он существовал в 1392 г., а может быть и позже, т. е. был современником Лаврентьевской (рукопись 1377 г., текст доведен до 1305 г.) и предшественником Троицкой летописи (рукопись начала XV в., текст доведен до 1408 г.). Решение загадки Летописца Великого Русского, окажется оно возможным, пролило бы свет на один из самых важных и темных для науки периодов в истории русского летописания. Ученые, естественно, старались решить эту загадку.

А. А. Шахматов, опираясь на слово «Великий», полагал, что Летописец Великий Русский был общерусским летописным сводом: «... московскому летописцу начала XV в. была известна книга, содержащая общерусский свод, ибо что другое можно разуметь под «Великим летописцем?»².

М. Д. Приселкову, напротив, этот летописец рисовался как узко московская великокняжеская летопись, послужившая одним из источников общерусской митрополичьей Троицкой. Представление о ней М. Д. Приселков получал, исключая из реконструированного им текста Троицкой все немосковские известия, ведущие к мысли об иных летописных центрах. Оканчиваться эта летопись должна была, по мнению М. Д. Приселкова, 1389 г. — годом смерти Дмитрия Донского. Состав известий, «которые мы имеем основания отнести к собственно московскому великокняжескому своду 1389 г., — замечает историк, —

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1817, прим. 148.

² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 151.

...отличается необыкновенно замкнутым характером». В нем «мы не видим привлечения даже таких обычных для предшествующих сводов материалов, как новгородское летописание; нет известий по истории Суздаля или Твери; даже нет следов иного, кроме великокняжеского, летописания московского, хотя в XIV в. такие московские летописцы уже появились»³.

1389 годом, подобно М. Д. Приселкову, предположительно датирует Летописец Великий Русский Л. Л. Муравьева; отмечая ряд общих черт Владимирского летописца и Троицкой летописи (отличающих их от Симеоновской), она склоняется к мысли, что «объем известий русского летописания XIV в. был большим, чем представлялось до сих пор»⁴ (т. е., очевидно, — чем это представлялось М. Д. Приселкову).

В. Л. Комарович, сличив Троицкую летопись с близким к ней текстом Симеоновской летописи и Рогожского летописца, отметил, что общий текст этих последних тождествен с Троицкой в пределах до 6900 (1392) г., и пришел к выводу, что 1392 годом оканчивался летописный свод, предшествующий Троицкой летописи. На его взгляд, этот свод имел общерусский и митрополичий, а не великокняжеский характер: «В духе русско-литовской неделимости митрополии и московско-тверского политического равновесия и был составлен в 1392 г. первый в Москве летописный свод, инициатором которого есть... все основания признать самого митрополита Киприана». И как раз под этим самым 6900 г. упомянут в Троицкой «Летописец Великий Русский». Естественно, что ученый связал это название с определяемым и описываемым им Киприановым общерусским сводом 1392 г., «прямым источником Троицкой»⁵. У В. Л. Комаровича, как видим, взгляд на Летописец Великий Русский оказался, по сути дела, таким же, как и у А. А. Шахматова.

Коснулся вопроса о Летописце Великом Русском также Я. С. Лурье. «В курсах древнерусской литературы неизменно перечисляются, — пишет он — например, такие гипотетические своды, которые сам А. А. Шахматов скромно именовал «учеными фикциями», — «Древнейший Киевский свод» 1039 г., «Древний Новгородский свод» 1050 г., «Первый Киево-Печерский свод» 1073 г., «Второй Киево-Печерский свод» 1095 г., «Летописец ве-

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 128.

⁴ Л. Л. Муравьева. Об общерусском источнике Владимирского летописца. — «Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова». М., 1974, стр. 149.

⁵ «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 193—195. К сожалению, здесь напечатаны только основные положения исследования В. Л. Комаровича, лишенные почти всех доказательств. В полном виде текст его работы см.: В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора, глава «Начало московского летописания» (Архив ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 388).

ликий русский» 1382 г. (ошибка; следует читать: 1389 г. — Г. П.), «Владимирский Полихрон» 1418—1423 гг. и т. д.»⁶ Между тем А. А. Шахматов «ученой фикцией» Летописец Великий Русский не называл. Он писал, имея в виду свои гипотезы, некритически воспринятые М. Д. Приселковым, «о Древнейшем своде 1039 г., его Печерской редакции 1073 г., Начальном своде 1095 г. ... об этих научных фикциях»⁷.

Заметим, что Я. С. Лурье говорит не вообще о Летописце Великом Русском, а о Летописце Великом Русском 1389 г., имея в виду мнение М. Д. Приселкова⁸. Так же можно сказать о Летописце Великом Русском 1390 г., имея в виду мнение А. А. Шахматова, или о Летописце Великом Русском 1392 г., имея в виду мнение В. Л. Комаровича. Но вообще Летописец Великий Русский — не научная фикция, не плод расчета или воображения ученых, не гипотеза в отличие, например, от «свода 1305 г.» или «свода 1448 г.». Факт существования летописца под названием «Вѣликий Русьскій» засвидетельствован авторитетнейшим источником, Троицкой летописью. В чем мы можем быть твердо уверены, так это в том, что в 1391/92 (6900) г. летописец с таким названием существовал. Этот летописец — не фикция, а загадка.

Сам Я. С. Лурье считает, что для решения этой загадки «мы не располагаем необходимыми данными»: «в нашем распоряжении нет летописей, в которых можно было бы с достаточным основанием предполагать непосредственное (не через свод 1408 г.) ограждение «Летописца великого русского». По его мнению, об этом летописце можно высказать лишь ряд догадок: «1) если считать, вместе с М. Д. Приселковым, что «Летописец великий русский», доведенный до «сего князя нынѣшняго», — это великокняжеская летопись 1389 г., то придется признать, что такая летопись была первым опытом московского великокняжеского летописания, опиравшимся на очень бедную традицию XIV в. (семейный летописец московских князей, внемосковское летописание); 2) «Летописцем великим русским», доведенным примерно до времени Василия I (или Дмитрия Донского), мог именоваться свод великих князей суздальско-нижегородских, тоже добывавшихся в конце XIV в. владимирского престола; 3) под «Летописцем великим русским» мог подразумеваться и еще один великокняжеский свод, тоже составленный в конце XIV в., — свод великих князей тверских, тоже получивших от хана на короткое время великокняжеский престол. Правда, Я. С. Лурье думает, что тверской великокняжеский свод конца XIV в. именовался «Владимирским полихро-

⁶ Я. С. Лурье. К изучению летописного жанра. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 79.

⁷ А. А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. — «Научный исторический журнал», т. II, вып. 2, № 4. СПб., 1914, стр. 45.

⁸ Это разъяснил мне Я. С. Лурье; у него напечатано ошибочно 1382 г.; должно быть 1389 г.

ном», однако он не исключает существования у него второго, столь же многозначительного наименования»⁹.

Мысли Я. С. Лурье порождают ряд возражений. Во-первых, непонятно, отчего нижегородско-суздальской или тверской великокняжеской летописи надо было быть доведенной до московского, а не нижегородско-суздальского или тверского «сего князя нынѣшняго»: ведь вспомнить Летописец Великий Русский летописателя побудило сообщение о конфликте новгородцев с великим князем московским Василием Дмитриевичем. Во-вторых, как известно, не только в конце, но и на протяжении всей последней четверти XIV в. ни нижегородско-суздальские, ни тверские князья владимирскими великими князьями не становились; ими были исключительно князья московские. В-третьих, относя название «Владимирский полихрон» к тверской летописи, мы без всякой нужды круто отступаем от его прямого смысла (владимирский). И наконец, есть ли у нас вообще основание датировать Владимирский полихрон концом XIV в.?

О Владимирском полихроне Я. С. Лурье пишет: «На эту летопись Тверской сборник ссылается, говоря о могуществе великого князя Михаила Александровича. . . Не был ли «Владимирский полихрон» тверским летописным сводом, подкреплявшим претензии Михаила на владимирский престол (чем и объяснялось его название)? . . .»¹⁰

Название «Володимерьский полихрон» мы знаем из тверской летописи, сохранившейся в составе Тверского сборника. В XV в. тверской князь Борис Александрович повелел «написати от слова честь премудраго Михаила», своего прародителя. Ясно, что такой заказ мог быть тогда исполнен только на основании каких-то исторических источников («от слова» можно понять как «от писъменного слова» или «со слов»). «Пръвое честь мужу речем, — рассудил исполнитель заказа, — да всѣм вѣдомо будет, от которого богосадного корени таковаа добраплоднаа отрасль, или реку вѣтъ, израсте. . .» Писатель свидетельствует, перечисляя предков славимого князя Михаила, что все они самодержавно владели Русской землей: «И Александр же, иже такоже самодръжец бѣ, владѣяше землю Рускую, якоже и отець его Михаил и вси прадѣди его». Авторитетность сведений заверяется ссылкой на источник: «Дозде пишуцу, уставихом ис пръваго лѣтописца въображающе, якоже Володимерьский полихрон степенем приведе явѣ указывает и пречестнѣйша сего в князех являет, словуще имя Михаила Александровича, зань низмѣновах родове от престола, кождо сынове въсприемлюще и владыху землю Рускою от православнаго Володимера [и до] Александра, его же сын сый пресловуци Михаил,

⁹ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, стр. 53, 65; он же. Троицкая летопись и московское летописание XIV в. — В кн.: «Вспомогательные исторические дисциплины», т. VI. Л., 1974, стр. 105—106.

¹⁰ Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, XXVIII. Л., 1974, стр. 129, прим. 57.

о сем же слово начахом. . .»¹¹ Дальше речь должна идти, казалось бы, о могуществе и славных делах самого Михаила Александровича. Как ни странно, этого нет. Конкретно о княжении Михаила здесь не сказано ничего. Писатель ограничивается лишь самыми общими похвальными словами¹². За ними следует погодное изложение событий лишь с начала XV в. Значит, исполнитель заказа Бориса Александровича сведениями о деяниях князя Михаила не располагал. Источник (Владимирский полихрон) или источники (полихрон и «пръвый лѣтописецъ») позволили ему сказать лишь о предках Михаила Александровича. Согласно процитированной отсылке, эти данные почерпнуты «ис пръваго лѣтописца»; но и «Володимерьский полихрон», согласно той же отсылке, являл Михаила «пречестнѣйшим в князех» тем именно образом, что показывал, как его предки — «от православнаго Володимера [и до] Александра» — поочередно, постепенно, «владяху землею Рускою».

Похоже, что «пръвый лѣтописецъ» и «Володимерьский полихрон» — одно и то же. Исполнитель заказа располагал каким-то летописным текстом, повествующим о Киевской Руси и о Великом княжении Владимирском и в том, что касается тверских князей, ограниченным временем Александра Михайловича, т. е. первой третью XIV в. Точно такое же мнение о Владимирском полихроне составили и издатели Тверского сборника: «При изложении событий, предшествовавших (разрядка моя. — Г. П.) вступлению на престол Михаила Александровича, — читаем мы в предисловии к изданию, — составитель летописи, как он сам говорит, руководствовался Владимирским полихроном»¹³. Вот почему отнесение этого названия к тверскому княжескому своду конца XIV в. мне не представляется убедительным.

Не могу присоединиться к предположению Я. С. Лурье о втором, столь же многозначительном наименовании («великий русский») этого мнимого «Тверского владимирского полихрона» конца XIV в.

Предпочтительнее, нежели путь увеличения такого рода догадок, представляется путь анализа единственного источника наших сведений о Летописце Великом Русском — отсылки Троицкой летописи. Никто до сих пор, стараясь решить загадку этого летописца, такого анализа не проделал.

«ВЕЛИКИЙ ЯРОСЛАВ»

Отсылка к «Лѣтописцу Великому Русьскому» сделана явно москвичом, не одобрявшим своеволия новгородцев: «Таков бо есть обычай новгородцев: часто правают ко князю великому и паки

¹¹ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 464—465.

¹² Там же, стлб. 467—469.

¹³ Там же, стр. V.

рагозятся. И не чудися тому: бѣша бо челоуѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни. . . Кого от князь не прогнѣваша? Или кто от князь не угоди им, аще и Великий Александр Ярославич не уноровил им? . . . И аще хоцещи распытовати, разгни книгу «Лѣтописецъ Великий Русьскій» и прочти от Великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго». Это — весь наш исходный материал. Из него следует, однако же, немало.

1) В «Лѣтописце Великом Русьскомъ» рассказывалось о каком-то конфликте или конфликтах какого-то «Великаго» Ярослава с новгородцами.

2) И после рассказа о Ярославе читатель мог там найти примеры трений между новгородцами и князьями, включая Александра Ярославича Невского.

3) «Лѣтописецъ Великий Русьскій» доводил свое изложение до «нынѣшняго» великаго князя московскаго и владимирскаго Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.), у которого и произошел последний, современный для летописца, конфликт с Новгородом.

Первый вопрос, от ответа на который зависит очень многое: о каком Ярославе идет в отсылке речь — о Ярославе I Владимировиче Мудром (1019—1054 гг.) или о Ярославе II Всеволодиче (1190—1246 гг.)?

Принято считать, что «Великим Ярославом» именуется здесь Ярослав Мудрый и что его упоминание в связи с «Лѣтописцем Великим Русьскимъ» есть ясное свидетельство того, что в конце XIV в. в Москве не только велись отдельные записи, но существовал полный обзор всей русской истории «от Великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго», т. е. до Василия Дмитриевича Московскаго. Наличие в этом летописце киевских известий, — пишет Д. С. Лихачев, — нельзя понимать иначе, как то, что уже тогда во главе московской летописи находилась *Повесть временных лет*¹⁴.

Но как только мы допускаем, что «Великий Ярослав» — это Ярослав Мудрый, мы оказываемся в затруднении. Отношения новгородцев с князем Ярославом Владимировичем скорее могут служить примером их необыкновенной покладистости, нежели неуживчивости с князьями. Как известно, именно новгородцы, простив Ярославу предательское избиение своих «нарочитых мужей», доставили ему победу над соперником Святополком и отцовский киевский престол, за что и получили от него льготы в отношении налогов. Причина же конфликта Новгорода с Москвой в 1392 г. состояла как раз в том, что великий князь Василий Дмитриевич потребовал у новгородцев дополнительных податей, «черный бор», и возвращения грамоты, согласно которой митрополитъе право суда передавалось новгородскому архиепископу,

¹⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 295. Так же считает Л. Л. Муравьева (Л. Л. Муравьева. Указ. соч., стр. 143—144).

что означало требование одновременного восстановления подати, связанной с правом на суд; «новгородцы же того не послушаша». Обычно при столкновениях такого рода с князьями новгородцы первыми вспоминали Ярослава Мудрого и его льготные грамоты¹⁵. На грамоты Ярослава Мудрого «всегда ссылались новгородцы, когда им приходилось отстаивать свою независимость». «На протяжении ряда веков, вплоть до московского завоевания новгородцы связывали начало своей независимости с Ярославом Мудрым и теми грамотами, которыми он якобы снабдил Новгород»¹⁶. Например, под 6738 (1230) г. в Новгородской I летописи находится сообщение, что князь Ярослав Всеволодич «цѣлова святую Богородицю», т. е. присягал новгородцам, «на грамотах на всѣх Ярославлих и на всѣй воли Новгородчкыи»¹⁷. Невероятно, чтобы москвичи, ссорясь с Новгородом как раз из-за податей, стали бы сами напоминать читателям Ярослава Мудрого, автора льготных грамот.

И наконец, Ярослава Мудрого Великим, просто «Великим», летописи, за исключением одного известного мне случая¹⁸, не называют. Но летописцы не раз так называют другого Ярослава — Ярослава II Всеволодича. «Князь Ярослав Великий, — читаем мы в Лаврентьевской летописи, — отда Суждаль брату своему Святославу», «Батый же почти Ярослава Великого чествоу»¹⁹, в Рогожском летописце: «преставися Ярослав Вел[икий], сын Всеволодичъ»²⁰; в Новгородской I летописи под 6812 г.: «преставися великий князь Андрей Александрович, внук Великого Ярослава. . .».

Чуть раньше отсылки к Летописцу Великому Русскому упомянут в Троицкой, как мы видели, Александр Ярославич Невский, сын Ярослава Всеволодича, и тоже назван «Великим»: «. . .кто от князь не угоди им, аще и Великий Александр Ярославич не уноровил им?» Также и Рогожский летописец, и Симеоновская летопись дают нам пример величания Александра Ярославича, наряду с его отцом Ярославом, просто «Великим»: «В лѣто 6848 преставися князь великий всея Руси Иван Данилович, внук Великаго Александра, правнук Великаго Ярослава»²¹.

Третий князь, называемый в летописях «Великим», — это Всеволод Большое Гнездо, отец Ярослава и дед Александра:

¹⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I. М., 1962, стр. 219—220.

¹⁶ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — ИЗ, т. 25, 1948, стр. 260, 264.

¹⁷ НПЛ, стр. 70 и 278.

¹⁸ Случай этот обнаружен в сильно сокращенном, отрывочно кратком, Летописце епископа Павла (БАН, Собр. Доброхотова, № 18, 6562 г.): «Преставися Великий Ярослав в субботу 1. . .» По всей видимости, это результат сокращения текста.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л.; 1927, стлб. 467, 470.

²⁰ Там же, т. XV, вып. 1, стлб. 31.

²¹ Там же, стлб. 52; т. XVIII. СПб., 1913, стр. 93.

«В лето 6746, — находим мы в Лаврентьевской летописи, Рогожском летописце и Симеоновской летописи, — Ярослав сын Всеволода Вел[икого] сѣдѣ на столе в Владимири»²².

Перед нами — след традиции величания трех владимирских князей — деда, сына и внука — просто «Великими». Другие князья, за исключением Владимира Святославича (причем очень редко)²³, в летописях так не называются. И, кажется, эти князья в других летописях, кроме Рогожского летописца, Симеоновской и Троицкой летописей, так не называются.

Отсылая нас к Летописцу Великому Русскому, Троицкая летопись подряд упоминает двух из трех «Великих» князей: Ярослава и Александра. Ясно, что здесь имеются в виду отец и сын, т. е. «Великий Ярослав» — это не Ярослав Мудрый, а Ярослав Всеволодич, отец Александра Невского.

«...ПРОЧТИ ОТ ВЕЛИКАГО ЯРОСЛАВА»

Но как понимать слова «прочти от Великаго Ярослава»: «(пропусти начало летописца и) прочти (только) от. . .» или же «прочти (всё с начала до конца, т. е.) от. . .»?

Если бы речь шла о Ярославе Мудром, мы должны были бы понимать эту рекомендацию как предложение «разгнуть книгу», пропустив начало Повести временных лет. Поскольку же речь здесь идет, как мы выяснили, о Ярославе Всеволодиче, то понятно, что нам предлагают пропустить всю дотатарскую историю (и если в Летописце Великом Русском была Повесть временных лет, то, конечно, пропустить всю ее целиком).

Но ведь и прежде Ярослава Всеволодича князья сталкивались с новгородцами. Почему же нам предлагают пропустить так много и прочесть только «от Великаго Ярослава»?

Доходя «до сего князя нынешняго», Летописец Великий Русский не мог, конечно, продолжаться дальше, — по крайней мере в тот момент, когда на него ссылались, во времена великого князя Василия Дмитриевича. Стало быть, вторая указываемая нам граница — это конец Летописца. А первая граница — не указывает ли она на его начало?

Трудно, однако, представить себе, чтобы летопись того времени начиналась не с начала земли русской, вернее, не от сотворения мира или от расселения библейских народов, а прямо с «середины» русской истории. «Как правило, наиболее значительные русские летописи начинаются от сотворения мира, от потопа или от Вавилонского столпотворения, от которого, по средневековым пред-

²² ПСРЛ т. I, вып. 2, стлб. 467; т. XV, вып. 1, стлб. 29; т. XVIII, стр. 59.

²³ См. в Тверском летописном сборнике—ПСРЛ, т. XV, стлб. 386, 464. Возможно также, один раз — в Рогожском летописце: «Восстави бо прежде град сын Великий Владимир и потом князь Андрей» (т. XV, вып. 1, стлб. 24); однако столь же вероятно, что в этом случае «Великий» относится не к князю, а к городу: «град сын великий».

ставлениям, получили свое начало народы мира. От Вавилонского столпотворения расходится веер событий в «Повести временных лет». Отсюда ведут свое начало славяне. Начало славян переходит в сообщение сведений о разделении славян, разделение славян переходит в рассказ о русских племенах, затем выстраивается цепочка событий русской истории. Этот объединяющий все узел событий русской истории ложится в основу и местных летописей»²⁴. Троицкая и Лаврентьевская летописи начинаются Повестью временных лет, т. е. с раздела земель между сыновьями Ноя. Симеоновская должна была бы начинаться так же, но в ней просто отсутствует начало по статью 1177 г. Сложнее дело обстоит с Рогожским летописцем.

Рогожский летописец ведет свое повествование от сотворения мира, но обо всем начальном периоде истории — всемирной и русской дотатарской — говорит очень кратко. В нем есть краткая и подробная часть. Основному, подробному его изложению — в отличие от Троицкой и Лаврентьевской, где изложение сразу идет подробно и ровно, — предшествует большой объем сокращенного летописного текста.

Возможно, что нам потому предлагают пропустить, «разгибая» Летописец Великий Русский, его начало, что начало это было сокращенным, кратким, как в Рогожском летописце. Это текст не для чтения, скорее — для просмотра, связи, для напоминания «предыстории».

Обзорное благодаря краткости и «ступенчатое» благодаря хронологическим выкладкам и заголовкам, дробящим краткий этот текст на статьи²⁵, «вступление» Рогожского летописца подводит нас, как лестница, к главной, непрерывной и более подробной части повествования.

Кратким текст в Рогожском летописце перестает быть довольно резко на статье 6825 (1317) г. (Правда, дальше, на протяжении первой половины XIV в., попадаются кое-где короткие годовые статьи, состоящие всего из одного-двух лапидарных известий, тем не менее перемена характера изложения на статье 6825 г. хорошо заметна.) Но некоторая детализация изложения происходит раньше — в рассказе о первых десятилетиях XIII в., в районе известий о завоевании Руси татарами. Заголовку «На Калцѣ побоище» предпослана последняя, третья по счету, хронологическая выкладка — от Адама до битвы на Калке. Начало всемирной истории она цепочкой дат (через Христа, Константина, крещение болгар, «преложение книг», крещение Руси, первых русских князей, убийство Бориса и Глеба, перенесение их мощей

²⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 273—274.

²⁵ «Русская летопись вместе с этими статьями составляет одно целое, что видно из пометы на поле против заглавия первой статьи: «29» (л. 246), причем помета: «30» имеется на л. 364 при заглавии следующей за летописью статьи. . .» (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 311).

и взятие Киева половцами) связывает с началом истории под-татарской Руси. Это последняя хронологическая выкладка и и соседствующие с ней заголовки «На Калцѣ побоище» и «Плѣнение царя Батыя» как бы подводят черту подо всем, о чем коротко было сказано выше, отграничивает «предысторию» — историю библейскую, византийскую и русскую дотатарскую, — от истории Руси, покоренной татарами. Зрительно этот рубеж в летописи хорошо заметен.

Завоевание Руси татарами — понятный, естественный рубеж для историко-политического мышления эпохи татарского владычества: это последний порог «настоящего» того времени. Для нас же здесь интересно то, что время установления татарской власти на Руси есть время «Великаго» Ярослава Всеволодича. Подчинение татарами страны есть как раз момент восшествия Ярослава Всеволодича на престол великих князей владимирских, освободившийся вследствие гибели на реке Сити его брата, Юрия Всеволодича. В Рогожском летописце (а равно в Лаврентьевской и Симеоновской летописях) вслед за сообщением о Батыевом нашествии говорится: «В лѣто 6746 Ярослав сын Всеволода Вел[икого] сѣде на столѣ в Владимири. И бысть радость велика хр[и]стианом, ихже избави Бог от безбожных татар»²⁶.

Несколько более подробным, связным и непрерывным изложение в Рогожском летописце становится как раз «от Великаго Ярослава». Потому можно допустить, что указанные в отсылке на Летописец Великий Русский пределы свидетельствуют нам о композиции этого летописца. В таком случае слова «прочти от. . .» следовало бы понимать так: «(пропустив сокращенную библейскую, византийскую и русскую дотатарскую историю) прочти от (того места, где повествование делается более связным и подробным, т. е. от) Великаго Ярослава (Всеволодича). . .»

«И АЩЕ ХОЩЕШИ РАСПЫТОВАТИ...»

«Разгнув» Летописец Великий Русский, конечно, мы должны были бы обнаружить в нем свидетельства о конфликтах новгородцев с князьями, начиная с «Великаго» Ярослава и включая «Великаго» Александра Ярославича Невского.

В статье 6723 (1215) г. Рогожского летописца, на границе прерывистого «вступления» и непрерывной части (эта статья уже заметно отличается от предшественниц большей величиной), довольно обстоятельно рассказывается о вражде Ярослава Всеволодича с Новгородом, завершившейся битвой на Липице, в которой Ярослав потерпел поражение от предводимых Мстиславом Мстиславичем новгородцев (нач.: «Того же лѣта в Новѣгородѣ глад бысть. . .»; конец: «И побѣже Ярослав и паде Ярославлих

²⁶ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 29; ср. т. I, вып. 2, стлб. 467; т. XVIII, стр. 59.

бес числа, а иных изымаша»²⁷. Этот рассказ (общий у Рогожского летописца с Летописью Авраамки) является сокращением значительно большего по объему повествования Новгородской IV летописи (основанного в свою очередь на Новгородской I). Новгородская IV (вслед за Новгородской I) выставляет Ярослава в очень неблагоприятном для него свете, так что ее рассказ служить иллюстрацией мысли редактора Троицкой летописи не смог бы. В Рогожском же летописце мы видим характерное именно для центральнорусского прокняжеского редактора перемещение оценок: о пошедших в бой на переяславцев и суздальцев новгородцах говорится: «пойдоша брат на брата, отцы на сыны, сыны на отци, рабы на господу». Эти слова тоже взяты из Новгородской IV летописи, но там они относятся к с у з д а л ь ц а м («пойдоша сынове от отци, а отци на дети, брат на брата, рабы на господу, а господа на рабы») ²⁸. Таким образом, повествование Рогожского летописца «от Великого Ярослава» сразу дает нам пример конфликта с этим князем новгородцев, поданный, как это и должно быть в Летописце Великом Русском, в прокняжеском истолковании.

Далее в Рогожском летописце, в статье 6748 (1240) г., мы видим и то другое, что должны были бы увидеть в «Летописце Великом Русском», а именно — сообщение о конфликте новгородцев с Александром Невским: «А Александр князь поиде на низ, расприся с Новгородци» ²⁹. Как мы помним, в отсылке к Летописцу Великому Русскому Троицкой летописи было сказано, что «Великий Александр Ярославич не уноровил им».

Рогожский летописец оказывается единственной из круга близких летописей, удовлетворяющей и этому последнему, обязательному для Летописца Великого Русского условию, — сообщаящей о конфликтах «Великих» Ярослава и Александра с Новгородом ³⁰.

Подводя итоги, можем сказать, что Рогожский летописец связывается с Летописцем Великим Русским по трем признакам: во-первых, князья Ярослав Всеволодич и Александр Ярославич называются здесь, как и в отсылке Троицкой летописи, просто «Великими»; во-вторых, композиция Рогожского летописца дает возможность как-то понять указанные в отсылке границы рекомендуемого для чтения текста; и, в-третьих, Рогожский летописец содержит необходимую для Летописца Великого Русского информацию о конфликтах между новгородцами и «Великими» Ярославом и Александром.

²⁷ Там же, т. XV, вып. 1, стлб. 25—26.

²⁸ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, стр. 188.

²⁹ Там же, т. XV, вып. 1, стр. 30.

³⁰ О конфликтах князей с новгородцами говорится также в статьях 6777, 6778, 6822, 6823, 6824, 6825, 6874, 6875, 6880 и 6894 гг. Рогожского летописца. Но все эти сообщения, за исключением того, что в статье 6823 г., есть также в Симеоновской летописи. Эти сообщения в нашем случае не могут служить отличительным признаком.

ОБ УСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА) *

С. Н. Азбелев

1

Первоисточники подавляющего большинства летописных сведений — устные рассказы непосредственных участников и очевидцев описываемых в летописи событий. Впервые фиксируя тот или иной факт, летописец опирался исключительно на устные сообщения, если не был сам его непосредственным очевидцем. Письменные источники любого летописного свода (предшествовавшие ему своды, локальные летописи, исторические повести и т. п.), дававшие фактический материал, восходили в конечном счете к такого же рода устным повествованиям, какие составитель свода воспринимал на слух, собирая данные для изложения новейших событий. Все это могло бы показаться трюизмом, излишним в статье, обращенной к исследователям летописания, если не принимать в расчет разнообразие и сложность конкретных случаев. При изучении летописей далеко не всегда учитывается в достаточной мере тот факт, что сами устные их источники весьма разнородны и что они эволюционировали не менее интенсивно, чем письменные. Устные рассказы очевидцев — первоисточники, на основе которых появлялись и развивались исторические предания и легенды, героические сказания (влиявшие, в свою очередь, и на былины), исторические песни. Все эти устные жанры, наряду с самими рассказами очевидцев, использовались в качестве непосредственного источника при составлении летописей и тех исторических повестей, которые в летописи включались.

Говоря о фольклорных источниках летописной записи или летописной повести, особенно важно учитывать присущие им жанровые особенности переработки исходного материала и степень текстовой устойчивости произведений данного жанра при многократной изустной передаче (предшествовавшей занесению в летопись). Кроме того, существенно, что одно и то же устное произведение далеко не всегда привлекалось летописью однократно. В уже составленный на основе такого источника летописный текст позже — при появлении новых сводов или новых редакций летописной повести — вносились иногда дополнения и даже поправки на основе известных позднейшему редактору иных версий и вариантов того же

* Начало. Окончание статьи будет напечатано в следующем выпуске сборника «Летописи и хроники».

фольклорного произведения или иных устных откликов на тот же исторический факт.

Сказанное отнюдь не означает, будто вообще «мера фольклоризма» летописного сообщения обратно пропорциональна его достоверности. Отношение к действительности в разных жанрах фольклора весьма различно. Некоторым из них была свойственна высокая степень бережного обращения с фактом. Точность передачи таких произведений по памяти оказывалась порой очень велика. Стабильность повествования в устных вариантах могла быть даже выше, чем сходство разных списков произведения в некоторых из известных нам жанров древнерусской литературы. Литературная обработка, которой обычно подвергался устный источник, попадая в рукопись, нередко производилась весьма интенсивно. Она выражалась, насколько можно судить по текстам, преимущественно в переделке и распространении описаний с помощью привычных литературных клише и внесении религиозно-дидактических пассажей. То и другое обычно отдаляло содержание текста от его реальной фактической основы. Чем менее взятый из устного источника рассказ летописи «литературен», тем более он, как правило, достоверен. В частности, потому, что из самих фольклорных жанров летописцами привлекались те, в которых доля домысла была минимальной.

Достаточно полный учет обстоятельств этого рода позволяет несколько по-иному анализировать многие летописные тексты. Проиллюстрируем результаты такого подхода на примере цикла повествований, посвященных Куликовской битве.

В летописях повествования эти представлены двумя основными версиями, каждая из которых имеет несколько редакций, изводов и видов. Две версии, по-видимому, возникли в рукописях независимо одна от другой (хотя и восходят в значительной своей части к общим устным источникам). Поэтому можно считать их — согласно установившейся традиции — двумя различными повестями. Это Повесть о Куликовской битве и Повесть о Мамаевом побоище¹.

Оба эти памятника представляют собой ценнейший материал для исторической науки. На их данных базируется изучение одного из важнейших событий русской и мировой истории — Куликовской битвы 1380 г. Приходится с сожалением констатировать, что появившаяся недавно тенденция усиленно искать за повествованием нарративных источников развитие беллетристики не пощадила и эти важнейшие памятники. Новейшая точка зрения состоит в том, что «автор летописной повести о Куликовской битве», находившийся «под несомненным влиянием

¹ Последнюю чаще называют «сказанием». Я избегаю прилагать этот термин к письменным произведениям, поскольку сказания — вполне определенный жанр фольклора (отличный, например, от преданий или сказок), тогда как в применении к древнерусской литературе термин «сказание» практически равнозначен термину «повесть».

агиографических сюжетных схем», «подверг первоначальный фабульный материал рассказа «О великом побоище» (из свода 1408 г.) некоторой обработке, создал сюжет повествования, но сюжет этот был достаточно традиционным»². Поясним — под рассказом из свода 1408 г. имеется в виду чрезвычайно краткое описание Куликовской битвы в сгоревшей Троицкой летописи, Симеоновской летописи и Рогожском летописце. Это описание не сообщает подавляющего большинства тех конкретных фактов освободительной войны 1380 г., на которых строились до сих пор все посвященные ей исторические исследования.

Приведенная только что характеристика подробной летописной Повести о Куликовской битве исходит из недавно заявленного представления, будто повесть эта не является прямым отражением реальной исторической ситуации 80-х годов XIV в. (как принято было считать), а появилась спустя 70 лет после Куликовской битвы, — как отклик на шедшую в 40-х годах XV в. борьбу за великокняжеский престол. Соответственно этому трактуется содержание повести. Его объясняют тем, что «в обстановке 40-х годов автор «Летописной повести» уже не мог ограничиться, как составитель рассказа Троицкой летописи, изложением исторических фактов», а «приспособил их изложение к обстановке и потребностям своего времени». Этим объясняется не только угол зрения, но и сообщаемые в подробной повести фактические детали — например указание на то, что Дмитрий Донской храбро сражается с врагами, «став напреди всех»³, — под Дмитрием Донским Повесть имеет в виду, оказывается, или Василия Темного, или Дмитрия Шемяку (новейший исследователь колеблется в вопросе о том, какая из враждовавших группировок создала в 40-х годах XV в. эту повесть)⁴.

Можно было бы не уделять специального внимания столь экстравагантному взгляду на один из важнейших источников по отечественной истории, если бы изложение этого взгляда не претендовало на исчерпывающую текстологическую обоснованность, а соответствующая статья не аттестовалась затем весьма настойчиво в работах, претендующих на обобщения, как совершенно бесспорное достижение в изучении русских летописей⁵.

² «Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе». Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970, стр. 270 (автор данного раздела — Я. С. Лурье).

³ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Редакторы Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л., 1966, стр. 374.

⁴ Там же, стр. 376.

⁵ Кроме упомянутых выше «Истоков русской беллетристики», см.: Я. С. Лурье. Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей. — В кн.: «Текстология славянских литератур». Редакторы Д. С. Лихачев, Н. И. Балашов, О. А. Белоброва. Л., 1973, стр. 141; Я. С. Лурье. К изучению летописного жанра. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 81.

При дальнейшем изложении будут поэтому рассмотрены попутно все доводы, выдвинутые в подкрепление указанной точки зрения.

Что касается второго памятника — Повести о Мамаевом побоище, то он уже давно трактуется литературоведами (после работы С. К. Шамбинаго) ⁶ как своего рода исторический роман, в котором какие-то предания о реальных фактах, вероятно, использованы, но обработаны в интересах занимательности настолько, что практически почти не остается места для исторической достоверности ⁷.

Следует, впрочем, сразу оговориться, что противоположного взгляда придерживался на оба памятника А. А. Шахматов. Он считал, что подробная Повесть о Куликовской битве была составлена в ближайшие годы после 1380 г. ⁸ и что большинство уникальных фактических данных Повести о Мамаевом побоище «самый скептический ум не решится признать вымышленными» ⁹. Здравая точка зрения А. А. Шахматова была оставлена учеными, которые именно себя объявляют его последователями. Сделано это было без необходимого разбора аргументации А. А. Шахматова и сопровождалось обращенными в чужой адрес укорами по поводу того, что «при характеристике летописных повестей о борьбе с татарами в конце XIV в.» наблюдения А. А. Шахматова «учитываются совершенно недостаточно» ¹⁰.

А. А. Шахматов сделал больше, чем кто-нибудь другой, в разработке чрезвычайно сложной проблемы текстологических соотношений летописных и нелетописных текстов Куликовского цикла, сохранившихся, как известно, в сотнях рукописей. Но он почти не касался вопроса о соотношении письменных источников этого цикла и их устных оригиналов. В данной статье предпринята попытка рассмотреть исходный материал рукописей с учетом этого фольклористического аспекта — имея в виду существующие работы, но обращаясь к ним только в самых необходимых случаях. В конце будут уточнены и обоснованы коррективы, которые предлагается на основе изложенного ввести в общие построения А. А. Шахматова и писавших позже него.

⁶ С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

⁷ Новейшую интерпретацию этого представления см. в «Истоках русской беллетристики», стр. 292—309.

⁸ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — В кн.: «Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 году». СПб., 1910, стр. 121.

⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰ Я. С. Лурье. К изучению летописного жанра, стр. 80. Аргументы А. А. Шахматова, подкрепляющие его датировку подробной летописной Повести о Куликовской битве 80-ми годами XIV в., не были разобраны ни самим Я. С. Лурье, ни М. А. Салиной, вывод которой он повторяет здесь же на стр. 81 и 91.

Прежде чем говорить об устных источниках Повести о Куликовской битве, необходимо уточнить время и обстоятельства появления ее письменного текста. Наиболее полный и в целом наиболее близкий к первоначальному вид этой повести читается в составе Новгородской летописи Дубровского (далее — НЛД)¹¹. Этим текстом мы и будем оперировать в дальнейшем¹². А. А. Шахматов был убежден, что Повесть, несомненно, существовала в конце XIV в., так как заимствования из нее есть в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», которое, по заключению А. А. Шахматова, было составлено в конце этого столетия. Появление Повести он считал возможным отнести к ближайшему времени после 1380 г., а именно — к 1381 или началу 1382 г., так как в ней нет намеков на взятие и сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 г.¹³ Здесь нет возможности рассматривать заново «Слово о житии», которому позже было посвящено несколько специальных работ, причем авторы их в датировке между собой расходятся. Обратимся к другим данным.

Как справедливо отметил еще А. В. Марков, Повесть о Куликовской битве не могла появиться позже 1402 г., в котором умер рязанский великий князь Олег Иванович, поскольку о нем в Повести говорится с крайней степенью раздражения как о живущем, причем автор риторически обращается прямо к этому князю — «О, враже изменниче Олге!» (л. 244 об.—245) и грозит будущей расправой: «придет ему день, великий день господень в суд аду и ехидну!» (л. 244)¹⁴. Каскады бранных эпитетов, с исключительной страстностью обрушиваемые составителем Повести на Олега Рязанского, помогают датировать ее и более точно. Такое произведение не могло появиться позже 1386 г., в котором Олег окончательно и «навечно» помирился с Дмитрием Донским, после чего действительно до конца жизни не имел серьезных недоразумений с Москвой и не вел двусмысленной политики в отношениях между Русью и Ордой. Повесть же, несомненно, составлена в обстановке самой крайней неприязни к Олегу. Обострения отношений с ним Дмитрия Донского и его сторонников имели место трижды: в 1380 г. — в связи с войной против Мамаю, в 1382 г. — в связи с нашествием Тохтамыша и особенно — в 1385—1386 гг. Тогда Олег, нарушив договор с Москвой, захватил и разграбил Коломну, насильно увел оттуда московского наместника и бояр,

¹¹ Аргументация содержится в моей статье «Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского» (в кн.: «Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова». М., 1974, стр. 164—172).

¹² ГПБ, F.IV. 238, лл. 244 об.—256. Далее ссылки на листы этой рукописи даются в тексте.

¹³ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 119—121.

¹⁴ Ср. А. Марков. [Рец. на кн.:] С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. — ЖМНП, Новая серия, 1908, ч. XIV, № 4, стр. 435.

а карательный поход против Олега московских войск под начальством героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского окончился поражением. Олег долго оставался глух к мирным предложениям со стороны Москвы. Скорее всего именно это последнее обстоятельство имеет в виду автор Повести, когда характеризует Олега как «помраченного тмоу греховною и не восхотевша разумети» (л. 244 об.). Из контекста повести, говорящего о событиях 1380 г., не видно, что именно не восхотел разуметь Олег, — слова эти с ее содержанием прямой связи не имеют. Нарочитое подчеркивание Повестью военной доблести и боевых заслуг Владимира Серпуховского в 1380 г. было особенно естественно для сторонников Москвы в 1386 г., дабы сгладить впечатление от его неудачи в войне с Олегом.

Появление Повести вскоре после нашествия Тохтамыша маловероятно. Во-первых, горечь от самого события должна была отойти в прошлое, чтобы могло появиться сочинение, подобное Повести о Куликовской битве. Во-вторых, Олег Рязанский, показавший, как говорят летописи, путь войску Тохтамыша, получил тогда немедленное и двойное возмездие: земли его были разорены возвращавшимися татарами, а затем — московскими войсками, от которых «пущи ему бысть и тотарьския рати»¹⁵. Не было поэтому никаких причин возлагать надежды на грядущее возмездие Олегу. Довольно плачевным было, если верить летописям, и фактическое положение этого князя в 1381 г. — после Куликовской битвы. Сами же обвинения его в пособничестве тогда татарам (содержащиеся как раз в разбираемой нами Повести) уже давно представляются исследователям истории Рязанской земли сильно преувеличенными¹⁶. Думаем, что нет оснований совершенно отрицать двусмысленную позицию Олега в 1380 г., но, судя даже по самой Повести о Куликовской битве, реального участия Олега в войне против Москвы на стороне Мамаея не было, и крайнее негодование по его адресу автора этой Повести представляется в ней недостаточно мотивированным. Мешает отнести ее составление к 1381 или 1382 г. и тот факт, что литовский великий князь Ягайло называется в ней «поганым» (эпитет, прилагавшийся только к иноверцам). Так называть его могли лишь после того, как Ягайло перешел из православия в католичество, — в связи с Крестной унией 1386 г. Таким образом, составление Повести вероятнее всего отнести к 1386 г. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что само изложение событий в Повести несет признаки некоторой хронологической от них отдаленности: устный рассказ, составивший основу Повести, уже прошел, как увидим, стадию первичной фольклоризации, а для перечисления павших в 1380 г. использованы «книги животные» (т. е. синодики).

¹⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 339.

¹⁶ См., например: Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 171—177; А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965, стр. 220—225.

Есть и иные данные, помогающие уточнить обстоятельства появления Повести. Исследователи уже не раз обращали внимание на следующие ее фразы, сохраненные полностью в Новгородской четвертой летописи (Н4Л) и некоторых других: узнав о поражении Мамаю, «Литва съ Ягаилом побегоша назад с многою скоростию, ни ким же гоними: не видеша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружья его, токмо имени его Литва бояхуса и трепетаху, а не яко при нонешних временех: Литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беседу оставлеше и на подлежащее възвратимся»¹⁷. С. К. Шамбинаго полагал, что это намек на какой-нибудь из набегов Витовта на русские княжества (в 1395 г. или позже)¹⁸. А. В. Марков думал, что речь идет о событиях в Смоленске в 1400—1401 гг.¹⁹ Однако в это время уже не могла появиться отмеченная самим А. В. Марковым «в высшей степени резкая характеристика Олега»²⁰. К тому же, в смоленских событиях 1400—1401 гг. Олег Рязанский участвовал на стороне русского князя Юрия и успешно воевал против Литвы²¹. Этим отводится и предложенное А. В. Марковым указание на Смоленск как место появления Повести.

Однако есть вполне достаточные основания думать, что Повесть о Куликовской битве (по крайней мере в своем первоначальном, не дошедшем до нас виде) появилась не в Москве или Московском великом княжестве, а именно в Западной Руси. Приведенный выше пассаж об издевательствах со стороны Литвы следует сопоставить с предыдущим текстом. Весь этот отрывок Повести начинается так: «А отселе, от страны Литовския, Ягаило князь литовский прииде со всею силою литовскою и ляцкою Мамаю побобляти» (л. 255)²².

Это «отселе» указывает, что Повесть составлена на русской территории, входившей в состав Литовского великого княжества. Если учесть особое внимание, уделяемое в Повести полоцкому князю Андрею Ольгердовичу как герою Куликовской битвы, то естественно признать местом ее составления Полоцк, тем более

¹⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 323; ср. т. XVI. СПб., 1889, столб. 117. А. А. Шахматов считал, что это место, опущенное в Софийской первой летописи (С1Л), было еще в источниках «свода 1448 г.» и в самом этом своде (*Шахматов*. Указ. соч., стр. 116—118). В НЛД фраза об издевательствах опущена, но следы авторского отступления остались: «... токмо имени его бояхуса и трепетаху. Но мы сию победу оставлеше, на подлежащее возвратимся» (л. 255—255 об.). Слово «победу» в данном контексте явно вторично, что свидетельствует о наличии в протографе НЛД текста, аналогичного тому, который сохранен в Н4Л. Это обстоятельство ускользнуло от внимания А. А. Шахматова, который, по-видимому, считал, что в НЛД нет и последней фразы (*Шахматов*. Указ. соч., стр. 116—117).

¹⁸ С. Шамбинаго. Указ. соч., стр. 75—78.

¹⁹ А. Марков. Указ. соч., стр. 436.

²⁰ Там же, стр. 435.

²¹ См., например: ПСРЛ, т. XI. М., 1965, стр. 184—186.

²² Такой же текст в Н4Л, С1Л и других летописях (опущены лишь слова «и ляцкою»).

что незадолго до 1380 г. Андрей был изгнан оттуда Ягайлом, а вскоре после Куликовской битвы вновь утвердился в Полоцке и вел упорную борьбу против Ягайла, поддерживая тесные отношения с Дмитрием Донским²³. Последнее в достаточной мере доказывается тем обстоятельством, что на московской службе находился сын Андрея Полоцкого Михаил (русская летопись называет его в этой связи «крепким воеводою великого князя»), который погиб как раз во время неудачного похода Владимира Серпуховского против Олега Рязанского в 1385 г.²⁴

Если связывать появление Повести с Полоцком, то особенно легко понять ее страстно-негодующий тон в отношении Олега. Так же легко объясняются и резкие характеристики Ягайла, и фраза о надругательствах со стороны Литвы. Как раз в 1385 и начале 1386 г. особенно обострилась борьба Андрея Полоцкого против Ягайла; тогда последний послал против Андрея литовское и польское войско, которое постепенно заняло отвоеванные Андреем русские земли и осадило его самого в Полоцке. Когда город после отчаянной защиты был взят, Андрей попал в плен, из которого освободился в 1389 или 1390 г. Безуспешно пытавшись вернуть Полоцк, он княжил некоторое время в Пскове и погиб в 1399 г. на р. Ворскле, помогая Витовту против татар²⁵.

В 1386 г. для полочанина вполне естественно было горько сетовать на Литву и вспоминать Дмитрия Донского в связи с событиями 1380 г. Разумеется, составление здесь Повести требовало определенной атмосферы книжной образованности. Вряд ли есть основания сомневаться, что это условие наличествовало во второй половине XIV в.: спустя еще двести лет польско-литовского владычества, в 1579 г., Р. Гейденштейн, описывая взятие Полоцка Стефаном Баторием, отмечал, что «в глазах образованных людей почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей в ней было много сочинений греческих отцов церкви. . . все на славянском языке»²⁶. Если Повесть появилась в среде, окружавшей Андрея Полоцкого, то автор, конечно, мог располагать подробными устными рассказами о войне 1380 г. самих ее участников. Все изложенные в Повести конкретные факты были, разумеется, известны самому князю и его ближайшим сподвижникам.

Составление Повести могло быть связано с вероятными тогда надеждами на получение помощи от Москвы. Может быть, не случайно автор ее не только называет Ягайла «поганим», но и подчеркивает, перечисляя воевод Дмитрия Донского, что «быша у него тогда в передовом полку по божественей вере самообратныя князь Ондрей и Дмитрией Олгердовичи» (л. 250). Переход Ягайла в като-

²³ Подробно по источникам см. в кн.: В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, стр. 163—168.

²⁴ ПСРЛ, т. XI, стр. 86.

²⁵ В. Е. Данилевич. Указ. соч., стр. 167—170.

²⁶ Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 71.

личество, принятие им титула польского короля и уния Литвы с Польшей естественно побуждали его православных противников в Литве искать покровительства православной Москвы. Примечательно, что в НЛД Повесть говорит о победе на Куликовом поле «нашего государя христианского благоверного царя великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси» (лл. 252 об.—253).

Не беремся утверждать, что это выражение, созвучное титулованию XVI в., полностью читалось в тексте Повести XIV в. Может быть, кое-что добавил и сам составитель НЛД. Но, вероятно, царем Дмитрий Иванович был назван уже в источнике НЛД. В пользу этого говорит упоминавшееся «Слово о житии и преставлении. . . Дмитрия Ивановича, царя Русьского», читающееся под таким заглавием уже в Н4Л и С1Л. Даже если принять самую позднюю из предлагавшихся датировок этого «Слова», то все же очевидно, что для составителя «свода 1448 г.» не больше оснований было назвать Дмитрия Донского царем, чем для полочанина 80-х годов XIV в., надеявшегося на помощь Москвы против польского короля Ягайла. Заметим, что в рукописи, содержащей Троицкий список Новгородской первой летописи, перечень великих князей к имени Дмитрия Донского дает пояснение: «Тои бо Дмитрии съсвещася самодръжцем»²⁷. Перечень составлен не позже 1434 г., так как оканчивается Юрием Дмитриевичем. Сопоставляя эти данные, еще А. А. Шахматов справедливо писал: «. . . есть основания думать, что Дмитрий Иванович именовав себя царем русским»²⁸.

Для автора Повести о Куликовской битве, если он составлял ее в Полоцке в 1386 г., особенно естественно было назвать хотя бы один раз Дмитрия Донского царем, поскольку своего князя и его брата он один раз называет «велиции князи Олгердовичи» (л. 247). Как известно, Андрей Полоцкий, являвшийся старшим братом Ягайла, соперничал с ним за титул великого князя литовского. Поэтому в условиях, когда Ягайло становился польским королем, оба титулования Повести могли отражать и расчеты на совместную политическую программу²⁹.

В пользу данного предположения свидетельствуют и некоторые другие чтения Повести. Говоря о сборе войск в 1380 г., она сообщает, что прибыл «князь Андрей Полоцкий с полочаны» (л. 247). Это воспринимается, на первый взгляд, как порча текста: в 1380 г. Андрей Ольгердович княжил в Пскове, соответственно чему в С1Л, Н4Л и других летописях вместо «полочаны» читается «псковичи». Однако на самом деле именно это — скорее всего позднейшая поправка, основанная на сведениях о месте тогдашнего княжения Андрея: следы первоначального чтения сохранила не только НЛД,

²⁷ НПЛ, стр. 561.

²⁸ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 110.

²⁹ В «своде 1448 г.», как это видно по Н4Л и С1Л, титулование Дмитрия Донского царем было опущено, но выражение «велиции князи Олгердовичи» осталось.

но и Русский Хронограф³⁰, и так называемые «сокращенные летописные своды конца XV в.»³¹ Очевидно, что изгнанный из Полоцка Ягайлом в 1378 г. Андрей Ольгердович прибыл в Псков не один, а со своей полоцкой дружиной, которая была с ним и во время войны 1380 г. Указать на это было бы важно именно для автора, писавшего в Полоцке в 1386 г. Под впечатлением полоцких событий этого года могло появиться и дважды читающееся в НЛД ошибочное указание, что Ягайло отправился на помощь Мамаю «со всею силою литовскою и ляцкою» (лл. 245 и 255)³²: именно против Андрея Полоцкого была тогда послана Ягайлом «сила литовская и ляцкая».

Не исключено, что последний этап оформления Повести о Куликовской битве связан уже с Москвой или каким-нибудь из близлежащих центров книгописной работы: здесь изложение могло быть уснащено вставками из литературных источников, хотя по крайней мере часть их была скорее всего использована по памяти при самом составлении Повести. Может быть, здесь вставлен перечень убитых князей и «нарочитых» воевод — по синодикам. Но состав этого перечня позволяет думать, что включение его произошло еще в Полоцке, на основе попавшей после 1380 г. в тамошний синодик не очень тщательной выписки из синодиков московских: в перечень попали лица, убитые на самом деле не в 1380 г., а ранее, есть и имена, полного соответствия которым в реально сохранившемся синодике XIV—XV вв. не находится (подробнее об этом далее).

Повесть о Куликовской битве была построена на записи устного повествования о событиях 1380 г., хронологически удаленного от них пятью или шестью годами. Это — достаточная гарантия точности фактической основы Повести. Но оформление ее, а весьма вероятно, — и предшествовавшая ему запись — происходили в условиях большого накала политических страстей, что обусловило крайнюю тенденциозность в интерпретации некоторых фактов. Это воспрепятствовало полному включению Повести в ближайшие к времени ее появления летописные своды, составлявшиеся в иного рода политических ситуациях. В полном, как можно думать, виде Повесть попала только во вторую редакцию НЛД — приблизи-

³⁰ «Услышав же то князь Андрей Олгирдовичъ Полотъскый со всеми полочаны приде на помощь великому князю... и псковичи к нему же приидоша» (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 414).

³¹ «Услышав же то князь Андрей Олгирдовичъ Полотъскый и прииде... с всеми полочаны и псковичи на помощь» (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 252; ср. стр. 332).

³² В первом случае это чтение перешло и в другие летописи. Во втором случае было исправлено, очевидно, составителем «свода 1448 г.», так как слово «ляцкою» отсутствует в Н4Л и С1Л (но сохранилось, например, в Ермолинской летописи, лучше передающей и некоторые другие чтения Повести). Видимо, особыми условиями составления Повести объясняется и описка, давшая чтение НЛД «вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша» (л. 253), исправленная в летописях XV в.

тельно через 170 лет. Более или менее сокращенные извлечения, попавшие в предшествовавшие летописные своды, эволюционировали затем, вместе с окружающим летописным текстом, взаимодействовали одно с другим и т. д. В задачу этой статьи не входит исследование всей литературной истории Повести. Необходимо, однако, коснуться некоторых узловых фактов, принципиально важных для датировки Повести и представлений о ее первоначальном составе.

3

За 170 лет существования первоначального подробного извода Повести вне летописных сводов текст ее, как можно полагать, переписывался неоднократно: собирая материал для очередного свода, работавшие над ним лица делали списки используемых документов. Для дальнейшего свода переписывался не обязательно опять первоначальный протограф. В результате первоначальность отдельных чтений Повести о Куликовской битве в летописях отнюдь не стоит в прямой зависимости от того, насколько близок состав находящегося в той или иной летописи вида Повести к ее полному виду, дошедшему в НЛД. Некоторые чтения НЛД, несомненно, отражают позднейшие порчи текста, тем более что редактор этой летописи, как видно, сверял свой полный оригинал Повести с ее сокращенным текстом в Н4Л, которая была одним из источников НЛД³³. В результате появилась, например, следующая цепь чтений: в Симеоновской летописи, отражающей свод 1409 г., в перечне убитых названы «князь Феодор Романович Белозерский, сын его князь Иван Федорович»³⁴; в Ермолинской, отражающей через промежуточные звенья свод 1418 или 1423 г., — «князь Феодор Романович Белозерский, сын его князь Иван Феодорович Торусский»³⁵ (переписчик, как видно, отождествил двух Иванов Повести: князь Иван Торусский значится в перечне воевод перед боем, который читается теперь только в составе НЛД); в Н4Л и других летописях, восходящих к «своду 1448 г.», читается уже «князь Феодор Романович Белозерский, сын его Иван, князь Феодор Торусский»³⁶ (очевидно, переписчик плохо разобрал оригинал и отчество принял за имя). Аналогичное чтение — и в НЛД (л. 254).

Совершенно ясно, что упоминание Федора Тарусского перечнем убитых в 1380 г. — результат недоразумения. Это доказывается тем, что существовал и реальный князь Федор Тарусский, который, согласно летописным данным, погиб в 1438 г.³⁷

³³ Подробно см. в моей статье «Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского», стр. 168—169.

³⁴ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 130.

³⁵ Там же, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 126.

³⁶ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 321.

³⁷ Это последнее обстоятельство и послужило для М. А. Салиной, так сказать, фактическим основанием датировать появление самой Повести о Ку-

Но для проверки датировки Повести эти данные представляют существенный интерес. Ваятые сами по себе, без полного сличения содержащих их текстов, данные эти позволили бы думать, что эволюция одного чтения Повести — показатель истории разновидностей самой Повести, тем более что и в генеалогии сводов можно при желании найти этому подкрепление: сначала могла появиться краткая редакция Повести в своде 1409 г., отразившаяся в Симеоновской летописи, затем более подробная, попавшая (может быть, через ростовское летописание) в Ермолинскую летопись, а позднее — еще более подробная (в «своде 1448 г.»), которая читается теперь в Н4Л и С1Л (затем, возможно, просто распространенная в НЛД).

Краткая редакция Повести, находящаяся в Симеоновской летописи, А. А. Шахматову одно время казалась первоначальной (правда, не в связи с Федором Тарусским)³⁸. Но позже он согласился с выводом С. К. Шамбинаго, что «повесть по Симеоновской летописи... не больше как извлечение из обычной повести»³⁹. В связи с недавней попыткой пересмотреть этот вывод — и далеко идущими последствиями — сопоставим внимательно Повесть по НЛД с текстом Симеоновской летописи.

Само описание войны с Мамаем в издании этой летописи занимает 32½ строки. Это в 10 раз меньше объема Повести в НЛД. Свыше двух третей текста Симеоновской (более 300 слов из 450) — вся фактическая часть текста — это монтаж цитат из полного текста, дошедшего в НЛД⁴⁰. Остальная часть текста Симеоновской — это наполовину стилистические обороты, не несущие конкретной информации и тождественные оборотам предшествовавшего в Симеоновской описания войны с татарами в 1378 г. (битва на р. Воже)⁴¹. Остаток относится к относительно небольшому количеству слов — это главным образом союзы, частицы, местоимения и т. п.

Если допустить, что подробная редакция Повести есть распространение текста, дошедшего в Симеоновской, то следовало бы ожидать, что последний будет достаточно полно и, во всяком слу-

ликовской битве 40-ми годами XV в. Не заметив, по-видимому, сути различий в чтениях Симеоновской и Ермолинской летописей, М. А. Салмина решила (см. стр. 370—372 ее статьи), что ошибочное упоминание этого князя было в Повести с самого ее появления и возникло из-за того, что составитель Повести включил своего современника, только что убитого, в перечень павших на Куликовом поле.

³⁸ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1901, № 11, стр. 65.

³⁹ А. А. Шахматов. Отзыв, стр. 104; ср. стр. 124; С. Шамбинаго. Указ. соч., стр. 81—83.

⁴⁰ Почти все текстуальные совпадения Симеоновской с подробной редакцией перечислены М. А. Салминой (стр. 358), но, вопреки действительности, она пишет в другом месте, что совпадения эти «незначительны» (стр. 361).

⁴¹ Прочитав эти обороты, М. А. Салмина справедливо усматривает в них свидетельство того, что в Симеоновской описания Куликовской битвы и битвы на р. Воже писаны одним лицом — составителем свода 1409 г. (стр. 356—357), но она не ставит вопроса о том, перешли ли эти обороты и в подробную повесть, которая, как считает М. А. Салмина, основана на тексте свода 1409 г.

чае, равномерно читаться в составе подробной редакции. Однако этого нет. В ней совершенно отсутствуют как раз те обороты, которые на наибольшем протяжении текста совпадают в Симеоновской с предшествовавшим в ней же описанием битвы на р. Воже ⁴². Встречаются в подробной редакции только такие совпадения описаний 1380 и 1378 гг. Симеоновской летописи, которые представляют собой общераспространенные обороты и краткие стилистические клише, обычные для древнерусской письменности вообще ⁴³. Этот последний материал не доказателен и позволяет, к тому же, думать, что составитель Симеоновской мог почерпнуть такие клише, между прочим, и из бывшей в его распоряжении подробной редакции Повести — применив их в своем труде не только при описании Куликовской битвы, но и при описании битвы на р. Воже ⁴⁴.

В изложении хода войны 1380 г. текст Симеоновской, вследствие своей краткости, гораздо беднее фактами, чем текст НЛД. Но между этими текстами нет расхождений по существу — за исключением одного случая, который достаточно показателен. Приводим параллельные тексты, дав здесь же отрывок предшествовавшего описания в Симеоновской летописи войны 1378 г. Разрядкой выделено то, что совпадает в обоих текстах Симеоновской, но отсутствует в НЛД, а курсивом — то, что совпадает в НЛД и в Симеоновской (см. стр. 91).

Как видим, текст Симеоновской летописи отличается от НЛД уточнением: «другую весть» о том, что Мамай ждет за Доном Ягайла, Дмитрий Иванович получил, «переехав Оку». В НЛД нет этих слов, а сама переправа через Оку там описывается подробно,

⁴² «Се же слышав, князь великий Дмитрей Ивановичъ, събрав вой многы, поиде противу ихъ, ии поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю», потании «побегоша, а наши после». Все это в Симеоновской под 1380 г. — совершенно точное повторение соответствующих оборотов там же под 1378 г., но без текстуального соответствия в подробной редакции Повести.

⁴³ «Бьюще и секуще», «в реце истопоша», «гоними гневом божии», «князь же великий», «возвратися оттуду», «с победою великою», «многая кормь» и еще несколько случаев, когда совпадают только отдельные слова.

⁴⁴ Не касаемся здесь помещенных в этих и других летописях вслед за описанием Куликовской битвы известий о последующих событиях — отношениях с Рязанью, столкновении Мамай и Тохтамыша, гибели Мамай и отправке русских даров Тохтамышу. Весь этот текст в Симеоновской (кроме нескольких слов, не несущих самостоятельной информации) точно соответствует тексту НЛД (а также Н4Л, С1Л и др.). В последнем есть и некоторые детали, отсутствующие в Симеоновской, но частично присутствующие — в несколько иной интерпретации — в Ермолинской. Взаимоотношение этих текстов может быть и иным, чем взаимоотношение текстов самой Повести о Куликовской битве. Заметим, однако, что отсутствие в этом тексте резких выпадов против Олега нет нужды непременно объяснять (как это делает М. А. Салмина) предположением, что текст Симеоновской летописи первичен. Все это повествование как в ней, так и в других летописях восходит, очевидно, к записям, появившимся в иной политической ситуации, чем Повесть о Куликовской битве.

Симеоновская летопись		НЛД
1378 г.	1380 г.	
<p>Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичъ, събравоя многы и поиде противу ихъ в силе тяжце, и переехав за Оку, вниде в землю Рязаньскую ⁴⁵.</p>	<p>Се же слышав, князь великий Дмитрей Ивановичъ, събравоя многы, <i>поиде противу ихъ, хотя боронити своя отчины, и за святая церкви и за правоверную веру христианскую, и за всю Русскую землю. И переехав Оку, прииде ему паки другая вестъ, поведаша ему Мамая за Дономъ събравшася, в поле стояща и ждуща к собе Ягаила на помочь, рати Литовския</i> ⁴⁶.</p>	<p>Поидем противу окаяннаго сего и безбожнаго, и нечестивого и темного сыроядца Мамая, за православную веру христианскую и за святая церкви, и за вся младенца и старца, и за вся христианы сущая. . . И поиде противу ихъ вборзе с Москвы, <i>хотя боронити тьи своя отчины...</i> Приде великому князю Дмитрею Ивановичю другая вестъ, и поведаша ему Мамая за Дономъ и собравшася в поле стояща, и ждуща к собе на помощ князя литовскаго Ягаила с литвою, да егда соберутся вкупе и хотят победу сотворити со единого ⁴⁷.</p>

но гораздо позже (чему нет параллели в Симеоновской). Можно было бы с одинаковым правом предполагать ошибку или в Симеоновской, или в НЛД, если бы не параллель в той же Симеоновской под 1378 г. Ясно, что слова «и переехав Оку» были взяты составителем свода 1409 г. из текста 1378 г. механически, так как оттуда же он только что выписал всю первую половину содержащей эти слова фразы. Монтируя обороты из своего описания битвы на р. Воже с краткими выборками из подробной Повести о Куликовской битве, составитель свода 1408 г. не заметил, что произошла фактическая неточность (так как весь последующий текст Повести, описывающий путь к месту боя, был им опущен).

Если бы мы допустили, что подробная Повесть возникла путем распространения текста Симеоновской, то нельзя было бы объяснить, зачем слова «и переехав Оку» были опущены в этом ее известии, а само оно помещено много ранее описания переправы через Оку. Никаких оснований для такого изменения в текстах нет.

Среди использованных Повестью о Куликовской битве литературных источников существенное место принадлежит Житию Александра Невского. Подробно писавший об этом С. К. Шамбинаго, правда, слишком увлекся в своем сближении

⁴⁵ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 127.

⁴⁶ Там же, стр. 129.

⁴⁷ ГПБ, F. IV. 238, лл. 245 об., 246.

этих памятников⁴⁸. Очевидно, что не только Повесть о войне 1380 г., но и аналогичные ей по теме описания военных действий, попавшие в Житие, были основаны на фактах, во многом аналогичных. Кроме того, существовала, конечно, определенная традиция устных повествований о такого рода событиях. То и другое, отразившись в Житии и в Повести, само по себе обуславливало некоторое их сходство. А это уже, в свою очередь, побуждало составителя Повести к текстуальным реминисценциям из известной ему редакции Жития.

Существенно, что сходство с ним есть как в тех частях подробной Повести, которые не отражены в тексте Симеоновской летописи, так и в тех, которые совпадают в Симеоновской полностью или частично с подробной Повестью⁴⁹. Следы влияния Жития в тексте Симеоновской именно своей малочисленностью и фрагментарностью подтверждают восхождение этого текста к подробной редакции Повести. Гораздо менее вероятно, чтобы Житие привлек сначала в очень малой степени составитель свода 1409 г., а позднее составитель подробной Повести привлек ту же разновидность этого Жития для дальнейшего распространения по нему же тех самых оборотов, которые ранее использовал оттуда составитель свода 1409 г.

Обратимся к перечню погибших в 1380 г.⁵⁰ Кроме уже упомянутого различия в одном имени, текст Симеоновской вообще гораздо короче⁵¹. Сокращая в 10 раз саму Повесть, составитель

⁴⁸ Натянутость части его сопоставлений заметил еще А. А. Шахматов (Отзыв, стр. 122).

⁴⁹ Ср. у С. К. Шамбинаго на стр. 66—71 его книги примеры 1-й, 10-й, 13-й, 14-й и 15-й. Черты сходства рассказа Симеоновской летописи с Житием признает и М. А. Салмина. Она истолковывает это таким образом, что Житие Александра Невского повлияло в этих случаях на подробную Повесть о Куликовской битве через посредство краткого рассказа Симеоновской (стр. 366—367 статьи М. А. Салминой). Но в другом месте, противореча себе, она утверждает, что «никаких литературных источников» в рассказе Симеоновской летописи «не обнаруживается» (стр. 356).

⁵⁰ Полный текст этого отрывка по НЛД: «Тогда же на том побойщи убыен бысть на сеступе князь Федор Романович Белозерский и сын его князь Иван, князь Федор Торуский и брат его князь Мстислав, и князь Дмитрей Манастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич, сын тысяцкого, Михаил Иванов сын Окифович, Иван Александрович, Андреи Серкиза, Тимофеи Васильевич Окачевич нарицаемый Волун, Михаилу Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Дмитрии Мининич, Александр Пересвет бывши прежде боярши брянский, и нини мнози, их же имена писана суть в книгах животных. Зде же не всех писах избенных имена, токмо написах князен, бояр и воевод старепших и нарочитых. А прочих бояр и слуг оставих имена и не писах множества ради имен, яко число превосходить мя, мнози бо на тои брани побьены быша. А поганых агаря избитых не бы числа, по дубравам главы аки камене валяхся» (л. 254).

⁵¹ Полный ее текст: «И ту убыени быша в суиме князь Феодор Романовичъ Белозерский, сын его князь Иван Федоровичъ, Семен Михайловичъ, Микула Васильевичъ, Михаилу Ивановичъ Акифовичъ, Андреи Серкизов, Тимофеи Волун, Михаилу Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет и нини мнози» (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 130).

свода 1409 г. сильно сократил ее и в этой части. Он убрал указание на источник, пояснения писца и данные о соотношении числа убитых русских и татар⁵². Он исключил читавшиеся в перечне ошибочно имена Дмитрия Монастырева, павшего еще в 1379 г.⁵³, и Дмитрия Минича, убитого еще в 1368 г.⁵⁴, — может быть, на основе соответствующих данных собственного летописного текста. Но возможно, что перечень убитых, читавшийся в подробной Повести, просто был сверен сводчиком 1409 г. с бывшим у него под руками синодиком. В пользу этого говорит тот факт, что сокращено еще несколько имен, а остались только те, которые есть в дошедшем до нас синодике того времени, где отсутствует, однако, имя Пересвета, оставленное, вероятно, вследствие широкой известности его подвига⁵⁵.

Так или иначе, очевидно, что в Симеоновской летописи — сокращение подробного перечня, сохранившегося в НЛД, а не в НЛД — распространение читающегося в Симеоновской⁵⁶. Невозможно допустить, чтобы составитель «свода 1448 г.» (этот же перечень — в Н4Л и С1Л) стал вписывать в Повесть о Куликовской битве имена лиц, о гибели которых в летописных источниках этого свода говорилось под 1368 и 1378 гг. В своде же 1409 г. опущены не только имена, но и пояснения к именам оставленным: в подробной Повести говорится «Микула Васильевич сын тысяцкого», «Тимофеи Васильевич Окадьевич нарицаемый Волюи», «Александр Пересвет бывыи прежде боярин брянский», в Симеоновской же подчеркнутых слов нет. Гораздо естественнее объяснить это сокращением, чем думать, что перед нами добавления, внесенные составителем «свода 1448 г.» почти через 70 лет после Куликовской битвы.

Можно привести и другие данные, свидетельствующие, что описание Куликовской битвы в Симеоновской летописи отражает сокращение подробной редакции Повести, читающейся в составе НЛД. Но думаем, что в этом нет нужды, так как тезис представ-

⁵² Судя по контексту НЛД, можно думать, что в выражении «число прехосходить ми» последнее слово — искажение цифры „м“ (48 000). Из других летописных данных следует, что общее число погибших в 1380 г. со стороны русских было 100—160 тысяч. В московских поминаниях, составленных сразу после Куликовской битвы, 48 000 имен могло поэтому присутствовать.

⁵³ Последнее замечено С. К. Шамбинаго (стр. 72 его книги).

⁵⁴ Замечено М. А. Салминой (стр. 371 ее статьи).

⁵⁵ Насколько можно судить по изложению М. А. Салминой (на стр. 370), она полагает, что именно тот состав синодичной записи, который представлен упомянутым выше дошедшим синодиком (текст публиковался неоднократно, приведен и ею), послужил непосредственным источником для перечня погибших в своде 1409 г. Но такому предположению мешает отсутствие в этом синодике имени Пересвета.

⁵⁶ Говоря о других летописях, а не о Симеоновской, М. А. Салмина (на стр. 371) пишет, что «выпадение имен» из списка убитых довольно обычно при общем сокращении текста повести.

ляется в достаточной мере доказанным. Серьезных аргументов в пользу обратного соотношения нам неизвестно ⁵⁷.

Удачное сокращение подробной Повести дошло в составе Ермолинской летописи. Это побуждало некоторых исследователей предполагать первоначальность ее текста ⁵⁸. Однако протограф Ермолинской летописи, несомненно, сокращал свой источник, которым был именно текст, аналогичный дошедшему в составе НЛД. Это ясно видно при сопоставлении последнего и текста Ермолинской с летописями, отразившими «свод 1448 г.» Выясняется, что в Ермолинской сохранились некоторые чтения, дошедшие в НЛД, но опущенные или измененные в «своде 1448 г.»: «со всеми силами», «в помощь посылати», «исполчився», «и яко бысть в 6 час дни», «на род хрестьяньский», «тако же и погании видеша полки, по воздуху парящих, избивающих немилостивне», «с дружиною своею», «и бояря» ⁵⁹. Следовательно, краткий текст, дошедший в Ермолинской летописи, находится в такой же зависимости от полного извода подробной редакции Повести (который дошел в НЛД), как и еще более краткий текст в летописи Симеоновской.

По текстам Н4Л, С1Л и других летописей видно, что «свод 1448 г.» в наименьшей степени сократил Повесть. Оставлены были даже выпады против Олега Рязанского (тактично убиравшиеся более ранними сводами). В 30-х и 40-х годах были для этого основания, так как тогдашний рязанский князь Иван Федорович заключил союзный договор с Витовтом, а несколько позже — с врагом Василия Темного Юрием Дмитриевичем Галицким, и только в 1447 г. признал зависимость от Василия Темного, обязавшись, как и предшествовавшие князья Рязани, не помогать

⁵⁷ Не были разобраны только те доводы М. А. Салминой, которые базируются лишь на субъективном прочтении текста или недоразумениях. Ограничимся перечислением. Неверно, будто подробная Повесть отличается от текста Симеоновской тем, что в первой «рядом идут две стилистические системы: книжно-риторическая и летописно-документальная» (стр. 360). То и другое (если принять терминологию М. А. Салминой) есть и в Симеоновской. Присутствует в ней и то, что М. А. Салмина считает повторениями и «нарушениями плана», принадлежащими только подробной Повести (стр. 360). Нет оснований утверждать, что стилистическая «формула боя» в подробной Повести распространена сравнительно с Симеоновской (стр. 361). Столь же вероятно обратное, но последнее подкрепляется текстом Жития Александра Невского. Неверно, будто отсутствие в Симеоновской цитат из других литературных источников Повести — свидетельство первичности (стр. 359). Эти цитаты находятся в риторических пассажах Повести и должны были выпасть при сокращении, оставившем только самое главное из фактической основы Повести. М. А. Салмина убедительно показала слабость большей части доводов С. К. Шамбинаго (на стр. 360—364 ее статьи), но сам защищавшийся им тезис (подтвержденный затем и А. А. Шахматовым) ею не опровергнут.

⁵⁸ См., например: М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. — ВИ, 1955, № 8, стр. 15.

⁵⁹ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 125—126. Ср., соответственно, примеры № 2, 3, 9, 11, 17, 19, 26 и 28 отличий НЛД от Н4Л и С1Л в моей статье «Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского».

Литве и татарам. Но в «своде 1448 г.» было полностью опущено все, что могло хоть в какой-то мере быть истолковано в ущерб престижу Дмитрия Донского, — даже сведения о выдающейся роли в 1380 г. его двоюродного брата Владимира Андреевича. Это естественное следствие происходившей в то время ожесточенной борьбы за единовластие прямых потомков Дмитрия Донского и за введенный им порядок престолонаследия. В связи, очевидно, с событиями того времени был выпущен и подробный перечень воевод перед описанием боя: очевидно, что не все их потомки были в одном политическом лагере в 40-х годах XV в.

Впрочем, некоторые сокращения не были связаны с соображениями этого рода: составителю показалась неуместной после фразы о видении русским Бориса и Глеба фраза «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно». Из-за ее пропуска оказалась неувязка, так как по смыслу следующей оставленной фразы речь идет все еще о видении татарам. Упоминание множества избитых врагов, оказавшееся рядом со вставкой по синодику, было, очевидно, сочтено в таком соседстве также неуместным⁶⁰.

Основная ценность текста Повести о Куликовской битве по НЛД в том, что этот текст дает извод памятника не только наиболее ранний, но и наиболее полный в отношении фактической его основы. Исключив из текста все, что является результатом литературной обработки, можно представить с достаточной степенью приближения повествование участника событий. Но прежде необходимо подготовить материал для сопоставления с другим вариантом устного повествования о тех же событиях.

4

Материал для сопоставления содержит Повесть о Мамаевом побоище, которая, в отличие от Повести о Куликовской битве, дошла, как известно, не только в составе летописей. Многочисленные списки распадаются на ряд редакций, изводов и видов. Здесь нет не только возможности, но и необходимости далеко вдаваться в проблематику истории ее текстов. Считаем верной неоднократно высказывавшуюся разными исследователями мысль, что не существует списка, который точно передавал бы первоначальный текст этой Повести. Восстановление ее архетипа — задача будущего. Но можно попытаться определить, какая из разновидностей Повести в целом лучше отражает ее авторский текст. Есть достаточные основания признать этой разновидностью тот извод основной редакции Повести, который, с легкой руки С. К. Шамбинаго, довольно неудачно именуют обычно «печатной группой» списков (потому только, что когда этот исследователь приступал к своей работе, другие разновидности Повести не были еще напечатаны).

⁶⁰ Отличия текста Повести в «своде 1448 г.» подробно продемонстрированы в названной мной статье.

Главное отличие данного извода от остальных — это обилие пассажей, в которых особенно ярко видна близость к героическим сказаниям устной поэзии. Большая часть этих пассажей в той или иной мере текстуально близка Задонщине, хотя они не могут быть даже приблизительно возведены к протографу какого-либо из сохранившихся ее списков. Самостоятельные текстуальные вставки такого рода есть и в некоторых списках Повести, не относящихся к этому изводу (помимо того что они повторяют, в несколько сглаженном виде, большинство соответствующих мест этого извода). Но в них инородный характер таких дополнительных вставок обычно ясно виден, встречаются даже ремарки писцов, указывающие на вставку. В той разновидности текстов, которую С. К. Шамбинаго именовал «печатной группой» и которую мы будем далее условно называть авторским изводом Основной редакции, все без исключения такие пассажи в тексте совершенно органичны (причем нередко — и более пространны), а по количеству их больше, чем в любой из остальных разновидностей Повести. Уже одно это обстоятельство является, на наш взгляд, достаточно веским аргументом в пользу первоначальности именно данного извода. Но есть аргумент и чисто текстологический.

В Повести о Мамаевом побоище сохранились бесспорные следы того, что при ее составлении было соединено не менее двух письменных источников. Так, например, в разных ее редакциях в одном и том же месте (перед описанием возвращения русских сторожей с татарским «языком») есть фраза: «си же паки оставим, на пръвое възвратимся»⁶¹. Такая ремарка — обычное указание на переход от одного источника к другому. Есть повторение, ясно указывающее на возврат к прежнему источнику: «Князь же великий повеле вою своему Дон возитися. Сторожи же мнози ускоривают, яко ближуются татарове», далее отрывок на другую тему, затем: «Вестницы же ускорияют, яко близжат погани. Уже бо напрасно прибеже 7 сторожей в 6 час дни в субботу»⁶². Очевидно, что составитель вернулся здесь к оставленному на время источнику. Соединение двух источников не всегда проведено достаточно согласованно. Так, после сообщения о том, что накануне битвы великий князь отправил князя Владимира Андреевича Серпуховского вместе с воеводой Дмитрием Боброком «вверх по Дону», рассказывается, что тот же Дмитрий Боброк и великий князь вместе выехали в поле для испытания примет⁶³.

⁶¹ «Повести о Куликовской битве». Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (далее — «Повести»), стр. 60; ср. стр. 94, 139, 185; «Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского», изд. И. Снегирева. — В кн.: «Русский исторический сборник», т. III, кн. 1. М., 1838 (далее — *Снегирев*), стр. 37.

⁶² *Снегирев*, стр. 39—40; ср. «Повести», стр. 61—62, 95, 186—187.

⁶³ *Снегирев*, стр. 44—45; ср. «Повести», стр. 97, 142—143, 189; «Русские повести XV—XVI веков». Сост. М. О. Скрипица. М.—Л., 1958, стр. 30. Но это противоречие снято путем перестановки в списке ГПБ, О.IV.22 и сходных («Повести», стр. 64—66).

В наибольшей мере следы соединения разных источников сохранил первый вид авторского извода Основной редакции. Здесь дважды говорится о том, как русские гнались за татарами, Мамай убежал с четырьмя приближенными, и погоня возвратилась. Приведем этот отрывок: «Мамай же царь рече алпаутом своим: «Побегнем, братия! Ничто же убо добра чаяти имам, хотя, братие, головы своя унесем!» Абие побеже с четырьмя мужи. Мнози же от крестьян гонишася за ним, но конми их не одолеша, цели бо кони под ними, яко не быша в бою. Возвратив же ся и обрете трупия мертвых татар об ону страну реки Непрядвы, идеже не быша руския полки. Сия бо биты суть от святых мученик Бориса и Глеба, о них же провиде Фома Хаберцьев. Иные же удалые люди гонишася, егда всех доступиша. Токмо царь Мамай убеже с четырьмя мужи. И возвращаху же ся руския сынове коиждо под знамя свое»⁶⁴.

Такое чтение находится только в списках этого вида, из которых в целом наиболее исправным оказывается именно тот, который был опубликован И. М. Снегиревым⁶⁵. Есть и менее ярко выраженные текстологические приметы, на которых подробно останавливаться сейчас не будем. Источники, соединенные автором, различались по стилю. Возникшие при их соединении чисто стилистические швы (при отсутствии неувязок в содержании) особенно заметны именно в этих списках. Остальные разновидности Повести о Мамаевом побоище несут на себе следы большей или меньшей нивелировки стиля сравнительно с авторским ее изводом.

И содержание и стиль этого извода Повести позволяют следующим образом охарактеризовать ее состав. Повесть состоит из трех основных частей (не в смысле их последовательности, а по происхождению).

1) Текст собственно авторский. Это наименее ценные для историка части повести: вымышленные эпизоды, в которых участвует митрополит Киприан (на самом деле тогда отсутствовавший в Москве), пространные молитвы и высокопарные речи великого князя и других лиц, риторические распространения и отступления и т. п. Все это, несомненно, лишено достоверной исторической информации. «Факты», заключенные в этих частях повести, в одних слу-

⁶⁴ Снегирев, стр. 60—61.

⁶⁵ Местонахождение оригинала неизвестно. Списки этого вида дефектны, некоторые не содержат этой части текста. Приведенный повтор читается в рукописях БАН, 16.17.22, лл. 41 об.—42; ГПБ, Собр. Погодина, № 1626, лл. 57 об.—58 и ГПБ, Собр. Помяловского, № 124, стр. 55—56. Некоторое подобие этого повтора, но в ином чтении, появившемся, очевидно, независимо, содержит не относящийся к данному виду и изводу список ГПБ, Q.IV.342: «И рече своим: «Побегнем, ничто же бо добра имам обрести и аще ли своя главы упасем!» И абие побеже с четырьмя мужи. Мнози же гнаша по нем, но не удолеша близе ноши суще. Того ради обратишася гнавшие их. Царь же убеже с четырьмя мужи своими. Трупия же мертвых оба поде Непрядны идеже была непроходна, сиречь глубока, наполнися трупия поганных. Сии убо суть от святых мученик Бориса и Глеба. Они же гнавшие и възвратишася под свое знамя» (л. 33).

чаях явно ложны (например, все, что связано с Киприаном), в других случаях — это домыслы, не лишённые порой некоторого вероятия, но, безусловно, не могущие служить серьёзной опорой для историка — за исключением одного места, где пространно повествуется о посещении Дмитрием Донским Троицкого монастыря.

Нет оснований считать достоверными речи Дмитрия и Сергия Радонежского, как и некоторые другие детали. Но самый факт поездки великого князя к Сергию Радонежскому незадолго до Куликовской битвы, вероятно, имел место, поскольку об этом говорит кратко первая редакция Жития Сергия, составленная ещё Епифанием Премудрым, который был в качестве инока этого монастыря современником событий⁶⁶. Подробный рассказ об этом в Повести составлен, скорее всего, на основе разросшегося к тому времени монастырского предания. Но стилистически он стоит в одном ряду с явно вымышленными частями авторского слоя в тексте Повести. Это обстоятельство и та исключительная роль, которая отводится в ней самому Сергию, заставляет предполагать, что авторская работа над Повестью велась именно в Троице-Сергиевом монастыре.

2) Текст, восходящий к записи устного сказания. Это в основном довольно чётко отличимый по стилю слой, близкий своей образной и речевой системой записям фольклора, но, разумеется, не тождественный им. Перед нами, конечно, не совершенно буквальная повсюду запись, а в той или иной мере запись-пересказ (совершенно точные записи прозаических текстов осуществляются только в наши дни с помощью магнитофона). Кроме того, устные сказания XIV—XVI вв. не могли, конечно, быть тождественны по языку и стилю фольклору нового времени.

Содержание этих частей Повести основано на реальных фактах. Изложение же их претерпело ко времени записи известную эволюцию по сравнению с той стадией, которую зафиксировала возникшая через несколько лет после 1380 г. Повесть о Куликовской битве (сохранённая в НЛД). Эволюция выразилась в том, что принято называть процессом фольклоризации исходных исторических фактов. Это сказалось, прежде всего, в некоторых домыслах.

Наиболее заметными из них следует признать тексты грамот, которыми обмениваются некоторые «периферийные» персонажи. Это весьма распространённый в фольклоре прием. Его образцы довольно обычны в былинах, записанных ещё в XIX и XX вв. Такие эпистоли, возникая в устной традиции, оживляют повествование и одновременно создают иллюзию достоверности. Основу их в данном случае составили, очевидно, слухи о событиях, которые в той или иной степени действительно имели место.

⁶⁶ «Древние жития Сергия Радонежского». Собраны и изданы Н. Тихомировым. М., 1892, отд. 1, стр. 59.

Вторая заметная особенность — великий князь литовский именуется, вопреки действительности, не Ягайлом, а Ольгердом (который на самом деле умер за 3 года до Куликовской битвы). Мы не разделяем предположения, что такая замена имен могла быть произведена «из политических соображений» автором⁶⁷. Прием, слишком наивный и требующий от исследователя допущения, что Повесть создана непременно при жизни Ягайла. Проще объяснить это тем, что долго княживший Ольгерд, который многократно совершал опустошительные походы на русские земли, несомненно, был в ту пору персонажем, хорошо известным фольклорному репертуару. А фольклору свойственна та закономерность, что имена запомнившихся исторических лиц вытесняют имена, менее известные. Достаточно вспомнить, что имя Батия фигурирует во многих былинах о борьбе с татарами — даже в повествующих о свержении татарского ига. Имя Батия вытеснило другие реальные имена. Легко понять, что имя Ольгерда в свое время подобным же образом вытеснило имя Ягайла, который вообще не был фигурой, имевшей основания оставить сколько-нибудь устойчивый след в русской устной традиции.

Третья особенность этого слоя Повести — наличие в нем эмоционально приподнятых собственно поэтических пассажей, перекликающихся порой текстуально с Задонщиной и другими письменными отражениями устного зпоса⁶⁸. Такое чередование прозаического текста и поэтических пассажей — устойчивая особенность жанровой структуры для некоторых видов устного зпоса у многих народов. В частности — у тех, которые являлись ближайшими соседями русских в средние века и с которыми были длительные и тесные контакты. Если, например, скандинавские саги, включавшие в себя скальдические строфы, дошли только в форме их фиксации средневековыми рукописями, то дастаны тюркоязычных народов — потомков кочевников южнорусских степей — сохранились в живом бытовании до сих пор. В дастанах прозаическое повествование также перемежается поэтическими вставками. Эти параллели в достаточной мере объясняют чередование прозаического и поэтического текста в русском устном сказании средних веков. В современном русском фольклоре данная особенность почти исчезла (она сохранилась только в некоторых разновидностях сказок).

Поэтические части устного сказания в основном построены на «общих местах», несущих конкретную информацию часто лишь постольку, поскольку применение их обусловлено реальной фактической ситуацией соответствующего эпизода сказания.

При всем том Сказание о Мамаевом побоище — так уместнее всего было бы называть то устное произведение, запись которого

⁶⁷ «Повести», стр. 422.

⁶⁸ См. об этом специально в кн.: «Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.)». Редколлегия: В. Г. Базанов, Г. П. Макагоненко, А. Д. Соимонов. Л., 1970, стр. 56—65 (автор главы С. Н. Азбелев).

составила основу Повести о Мамаевом побоище, — дает в целом довольно правдивую информацию об основных моментах отраженных этим сказанием исторических событий. Это Сказание создано, по-видимому, в устном репертуаре на основе соединения созданного Софонием Рязанцем поэтического Сказания о Задонщине и прозаического предания о событиях 1380 г.⁶⁹

3) Не менее любопытная часть Повести представляет собой источник, безусловно письменный, а не устный. Это хорошо видно по его стилю, который отличается от обеих других частей лапидарной сухостью, деловитостью и большой насыщенностью повествования информацией. В руках у автора Повести был текст, который по своему жанру чрезвычайно близок официальным разрядам. Можно было бы даже думать, что это и есть не сохранившийся в отдельном тексте разряд, повествующий о событиях 1380 г. Но такому заключению препятствуют, как нам представляется, два обстоятельства. Во-первых, отсутствие данных о том, что разряды в собственном смысле этого термина составлялись ранее 1475 г. Как установил В. И. Буганов, «записи до 1475 г. в составе разрядных книг являются комплексом выписок из летописей и других источников»⁷⁰. Во-вторых, некоторые фактические расхождения этой части текста Повести о Мамаевом побоище и соответствующей части Повести о Куликовской битве. Сопоставив тексты их об «уряде» полков перед боем, В. И. Буганов пишет: «... всего вероятней, что в XIV — первой половине XV в. разряд (распределение воевод по полкам) производился в устной форме»⁷¹. Этот вывод представляется справедливым.

Но в Повести о Мамаевом побоище (в отличие от Повести о Куликовской битве) говорится не только об «уряде» полков. В ней есть целый комплекс известий, приблизительные, а иногда и точные параллели которым можно указать в древнейших собственно разрядных книгах⁷². Эти известия почти не отражены дошедшими до нас летописями, хотя сомневаться в правдивости самих данных оснований по большей части нет. Напротив, некоторые из них были подтверждены анализом других источников⁷³. М. Н. Тихомиров считал, что данные подобного рода «были записаны еще во времена, близкие к Куликовской битве»⁷⁴.

⁶⁹ Некоторые рукописи связывают и само это Сказание с именем Софония (в том числе три списка авторского извода Повести о Мамаевом побоище).

⁷⁰ В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, стр. 106.

⁷¹ Там же, стр. 107.

⁷² Ср., например: «Разрядная книга 1475—1598 гг.» Подготовка текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966; П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.

⁷³ Так, например, правильность перечня гостей-сурожан была выяснена отчасти еще В. Е. Сыроечковским, а затем более полно — М. Н. Тихомировым (М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, стр. 107—108, 206).

⁷⁴ Там же, стр. 205.

Действительно, если содержание устного Сказания о Мамаевом побоище позволяет думать, что между самими событиями и записью сказания о них прошел более или менее значительный отрезок времени, то части Повести, близкие по своему жанру к разрядным книгам, заставляют предполагать фиксацию фактов по памяти вскоре после того, как они произошли в действительности.

Любопытен в этой связи заголовок самой Повести о Мамаевом побоище в рукописи, относящейся как раз к первому виду авторского ее извода: «О нашествии Мамаеве на Рускую землю и брань с ним великая, и грозно побоище великому князю Дмитрию Ивановичу. Сказание Софония иерея рязанца, похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичю. Память о Мамаеве побоище, яко же было тогда лета 6888-го»⁷⁵. Судя по этому заглавию, в основу своего сочинения автор Повести положил два текста: «сказание» и «память». Что такое «память»? Скорее всего примерно то же самое, что именно под таким названием в какой-то степени заменяло еще в XV в. современные событиям разрядные записи: фиксация фактов, произведенная спустя какое-то время по памяти. Это не разряд в собственном смысле слова, но жанр деловой письменности, предшествовавший, как можно полагать, самим разрядам⁷⁶.

Если попытаться выделить из текста Повести о Мамаевом побоище то, что отражает запись устного сказания, и отдельно — то, что передает текст этой памяти, то получим материалы, сопоставимые с извлекаемым из Повести о Куликовской битве текстом, отражающим запись повествования участника событий 1380 г.

⁷⁵ БАН, 16.13.2, л. 69 (текст в составе так называемого Едомского летописца XVII в.).

⁷⁶ Памяти, сохранившиеся, например, в составе разрядной книги 1475—1598 гг., были составлены в связи с местническими интересами, и содержание их поэтому довольно специфично. Естественнее всего думать, что предшествующие появлению самих разрядов памяти вообще должны были представлять собой нечто среднее между собственно разрядом и летописными известиями.

ТВЕРСКОЙ ИСТОЧНИК ВЛАДИМИРСКОГО ПОЛИХРОНА

В. А. Кучкин

Владимирским Полихроном в литературе о русском летописании принято называть общерусский летописный свод, составленный около 1423 г. при дворе митрополита Фотия. И указания на существование такого свода, и его условное название принадлежат А. А. Шахматову¹. Владимирский Полихрон в чистом виде не сохранился. Его существование было доказано А. А. Шахматовым теоретически на основании изучения главным образом Софийской I и Новгородской IV летописей. В своих доказательствах А. А. Шахматов исходил из разработанных им общеметодических принципов анализа русского летописания. «Можно с уверенностью сказать, — писал он, возражая И. А. Тихомирову, разлагавшему каждый поздний летописный свод на отдельные местные летописи, погодные записи и сказания, — что все дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других более древних сводов, лежащих в их основании. Поэтому исследование их должно приводить к определению (предположительному) этих основных сводов. . . »² Сличая между собой Софийскую I и Новгородскую IV летописи³, А. А. Шахматов установил наличие в них общего материала. Общий источник С I и Н IV А. А. Шахматов называл сначала сводом 1448 г., а позднее Новгородско-Софийским сводом 30-х годов XV в.⁴ В Новгородско-Софийском своде новгородский материал оказался соединенным с общерусским (известиями московскими, тверскими, ростовскими, нижегородскими и др.). Этот-то общерусский материал А. А. Шахматов и возводил к Владимирскому Полихрону.

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, 11; 1901, № 11. А. А. Шахматов датировал свод Фотия 1423 г. (там же, 1900, № 9, стр. 116, 118, 162). М. Д. Приселков считал, что Владимирский Полихрон составлен в 1418 г. (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 142—145). А. Н. Насонов предложил вернуться к старой дате — 1423 году (А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, стр. 356, 357).

² А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — «Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова» («Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2). СПб., 1899, стр. 108.

³ В дальнейшем для удобства будем пользоваться условными обозначениями этих летописей: соответственно С I и Н IV.

⁴ См. статью А. А. Шахматова «Летописи» в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона, т. XXV.

Владимирский Полихрон А. А. Шахматов считал сводом именно митрополичьим, а не епископским, княжеским и даже не великокняжеским. Основанием для такого вывода послужили наблюдения не только над летописным текстом, но и над самим ходом исторического развития Северо-Восточной Руси. В первой четверти XV в. единственной фигурой, защищавшей не узкоместные, а широкие общерусские интересы, был, по мнению А. А. Шахматова, митрополит Киевский и всея Руси. Ему А. А. Шахматов и приписывал составление Владимирского Полихрона. Выводы А. А. Шахматова, опубликованные им в 1900—1901 гг., были в то время в известной степени гипотетичными. В настоящее время после изучения Симеоновской летописи и воссоздания на ее основе Троицкой основные выводы А. А. Шахматова можно считать доказанными. Во-первых, общерусские известия С I и Н IV, несмотря на сокращение, обнаруживают иногда и большую полноту и ту же последовательность, что и общерусские известия Симеоновской (Троицкой) летописи. Следовательно, в основе Новгородско-Софийского свода действительно лежал обширный общерусский свод. Во-вторых, анализ идейной и политической направленности восстановленной с помощью Симеоновской Троицкой летописи показывает, что последняя была митрополичьим сводом, а тесная связь ее с общерусским материалом С I и Н IV позволяет считать, что этот материал заимствован составителем Новгородско-Софийского свода также из митрополичьего свода.

Если доказательства А. А. Шахматова о существовании митрополичьего Владимирского Полихрона 1423 г. прочно вошли в науку, то объем Полихрона и методика, с помощью которой А. А. Шахматов определял этот объем, представляются сомнительными. К своду Фотия он отнес все общерусские известия за 1391—1422 гг.⁵, читающиеся в самых разнообразных летописях, в том числе и поздних: Симеоновской, Софийской II, Тверском сборнике, Воскресенской, Никоновской и др.⁶ Такой прием восстановления свода Фотия не может считаться убедительным. Последующие исследования самого А. А. Шахматова, его продолжателей М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова показали, что одновременно с Владимирским Полихроном создавались своды в Ростове, Новгороде Великом, Твери, Пскове, которые содержали и общерусский материал. Материал ростовских, новгородских, тверских и других местных сводов отразился в общерусском летописании второй половины XV—первой половины XVI в. Становится очевидным, что нет оснований общерусский материал конца

⁵ А. А. Шахматов полагал, что своду митрополита Фотия 1423 г. предшествовал свод митрополита Киприана 1390 г., и потому все общерусские известия по 1390 г. в своде Фотия он считал заимствованными из свода Киприана, а с 1391 по 1422 г. — из иных источников: местных летописей, сказаний и т. п. (А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1901, № 11).

⁶ Там же.

XIV—первой четверти XV в., имеющийся в позднем летописании, возводить обязательно к своду Фотия. Требуется более дифференцированный подход. Поэтому при восстановлении Владимирского Полихрона, определении его объема и составных частей осторожнее исходить из общерусского материала, сохранившегося в С I и Н IV.

Настоящая работа не ставит своей целью изучение Владимирского Полихрона, в частности его источников, в полном объеме. Речь пойдет лишь об одном из компонентов — тверском летописном памятнике, использованном в своде Фотия. Вопрос о тверском летописном источнике Полихрона был впервые поставлен А. А. Шахматовым, который определил его как свод 1412 г. епископа Антония⁷, основываясь на том, что Рогожский летописец кончался на статье 1412 г. Коснулся этой проблемы и А. Н. Насонов. Тщательно проанализировав тверские известия, А. Н. Насонов уточнил вывод А. А. Шахматова. «Итак, — писал он, — если Владимирский Полихрон кончался не позже 1423 г., то тогда кроме Тверской летописи еп. Арсения 1409 г. составителем были использованы в части после 1409 г. извлечения из тверского летописного материала; если же Полихрон кончался не ранее 1425 г., то тогда в его состав вошла кашинская редакция 1425 г. За недостатком данных не имеем возможности, таким образом, сделать определенный вывод. Однако считаю первое из высказанных мною предположений более вероятным»⁸.

Для решения указанной А. Н. Насоновым дилеммы следует обратиться к С I и Н IV. Чтобы составить представление о тверском источнике Владимирского Полихрона, следует из известий, общих С I и Н IV, и из известий только С I или только Н IV, которые можно возвести к их источнику, т. е. Новгородско-Софийскому своду, извлечь все сведения о событиях в Твери и Тверском княжестве, известия о тверских князьях, владыках и т. п. Тверской источник Полихрона содержал, по-видимому, не только тверские известия, но и известия, касавшиеся других русских княжеств и земель. Часть таких известий, вероятно, попала в Полихрон, а оттуда в Новгородско-Софийский свод, но выделить такие нетверские известия тверского источника чрезвычайно трудно, поэтому приходится ограничиться анализом лишь тверского материала. Естественно, что сведения о Твери могли попасть в Новгородско-Софийский свод и в его источник — Владимирский Полихрон — не только через тверской летописный памятник, но и через новгородские, ростовские и московские (митрополичьи) летописные компиляции конца XIV—начала XV в. Поэтому,

⁷ А. А. Шахматов. Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909, стр. 3.

⁸ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия Академии наук СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 761.

привлекая летописные своды Новгорода Великого, Ростова и Москвы, необходимо выделить сначала тверские известия, которые могли попасть в Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в. или в свод Фотия 1423 г. из этих источников.

К новгородскому источнику могут быть возведены следующие известия о событиях, связанных с историей Твери, читающиеся как в Н IV, так и в С I летописях: под 6797 г. о походе князя Дмитрия Александровича с новгородцами на Тверь⁹; под 6801 г. о бегстве князя Дмитрия Александровича из Пскова в Тверь, о переговорах в Торжке между новгородцами и тверским владыкой и князем Святославом, о мире между Дмитрием и Новгородом Великим¹⁰; под 6812 г. текст от начала статьи до слов «разъѣхашася разнѡ до приѣзда князєи» включительно¹¹; под 6815 г. о том, что Михаил сел на стол в Новгороде Великом¹²; под 6820 г. о войне Михаила с Новгородом и о мире¹³; под 6822 г. о столкновении Дмитрия Михайловича Тверского с Новгородом¹⁴; под 6823 г. о взятии Торжка Михаилом Ярославичем¹⁵; под 6824 г. о неудачном походе Михаила Тверского на Новгород¹⁶; под 6825 (в С I — под 6826) г. о походе на Тверь Юрия Московского, татар и новгородцев¹⁷; под 6829 г. о походе Юрия Московского против Дмитрия Тверского и о мире между ними¹⁸; под 6830 г. о получении Дмитрием Тверским в Орде великого княжения и о нападении Александра Тверского на Юрия Московского¹⁹; под 6833 г. о приходе из Орды в Тверь князя Александра²⁰; под 6835 г. о разгроме Твери и Кашина татарами²¹ и фраза об иссеченных Александром Тверским хопыльских гостях²²; под 6836 г. о поездке Константина Тверского вместе с Иваном Калитой и послом от Новгорода Великого в Орду²³; под 6838 г., вероятно, весь рассказ о походе Ивана Калиты на Псков против Александра Тверского²⁴; под 6839 г. сообщение о посажении во Пскове Александра Тверского «из литовской руки» и о поездке в Орду

⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2. Пг., 1915, стр. 247; т. V. СПб., 1854, стр. 204; НПЛ. М.—Л., 1950, стр. 326.

¹⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 248; т. V, стр. 202; НПЛ, стр. 328.

¹¹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 252 (здесь и далее цитаты приводятся по Н IV); т. V, стр. 204; НПЛ, стр. 332.

¹² ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 253; т. V, стр. 204; НПЛ, стр. 332.

¹³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 255; т. V, стр. 205; НПЛ, стр. 335.

¹⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 256; т. V, стр. 205; НПЛ, стр. 335.

¹⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 256; т. V, стр. 206; НПЛ, стр. 336—337.

¹⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 257; т. V, стр. 206; НПЛ, стр. 337.

¹⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 257; т. V, стр. 207, под 6826 г.; НПЛ, стр. 337—338.

¹⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 258; т. V, стр. 216; НПЛ, стр. 338.

¹⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 258; т. V, стр. 216; НПЛ, стр. 339.

²⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 260; т. V, стр. 217; НПЛ, стр. 340.

²¹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 260—261; т. V, стр. 217—218; НПЛ, стр. 341.

²² ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 261; т. V, стр. 217; НПЛ, стр. 341.

²³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 261; т. V, стр. 218; НПЛ, стр. 341.

²⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 262—263; т. V, стр. 218; ср. НПЛ, стр. 342, год 6837 г.

Константина Тверского ²⁵; под 6841 г. о крещении новгородским епископом Василием сына Александра Тверского Михаила ²⁶; под 6845 г. о поездке Александра Тверского в Орду ²⁷; последнее известие статьи 6846 г. ²⁸; под 6848 г. о хождении в Орду вместе с другими русскими князьями Константина Тверского ²⁹; под 6849 г. о приезде в Новгород юного княжича Михаила Александровича Тверского учиться грамоте ³⁰; под 6880 г. текст от слов «И ту же и первое всего сrete воевода ихъ. . .» до слов «попыли внизъ по Тферци» ³¹; под 6891 г. о поездке Михаила Александровича Тверского в Орду ³²; под 6907 г. краткое известие о смерти Михаила Александровича ³³; под 6920 г. о поездке Ивана Михайловича Тверского вместе с Василием Дмитриевичем Московским в Орду ³⁴; под 6921 г. о пожаре Твери ³⁵; под 6924 г. об участии тверского епископа Антония ³⁶ в поставлении новгородского архиепископа; под 6925 г. о море в Твери и других русских городах ³⁷.

К ростовскому источнику могут быть возведены следующие тверские известия: вероятно, сообщение под 6804 г. о ссоре Михаила Тверского и Даниила Московского с великим князем Андреем Александровичем и об их примирении ³⁸; под 6823 г. о выходе из Орды Михаила Ярославича вместе с татарскими послами ³⁹; под 6833 г. о поездке князя Дмитрия в Орду и убийстве Юрия Московского ⁴⁰; под 6834 г. иное сообщение о гибели Юрия ⁴¹; под 6835 г. о поездке Ивана Калиты в Орду и о разгроме Твери войсками татар и Москвы ⁴²; под 6848 г. о хождении в Орду Александра Тверского и его сына Федора ⁴³ и об их убийстве там ⁴⁴;

²⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 264 и 265; т. V, стр. 219 и 220; НПЛ, стр. 343 и 344.

²⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 265; т. V, стр. 220; НПЛ, стр. 345.

²⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 266; т. V, стр. 220; НПЛ, стр. 348.

²⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 267; т. V, стр. 221; НПЛ, стр. 349.

²⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 267; т. V, стр. 222, под 6849 г.; НПЛ, стр. 351.

³⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 270; т. V, стр. 223; НПЛ, стр. 354.

³¹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 298—299; т. V, стр. 232; ср. НПЛ, стр. 371—372.

³² ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, изд. 2. Л 1925, стр. 339; т. V, стр. 238; НПЛ, стр. 379.

³³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 383; т. V, стр. 251, под 6906 г.; НПЛ, стр. 394.

³⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 412; т. V, стр. 258; НПЛ, стр. 403.

³⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 413; т. V, стр. 259; НПЛ, стр. 404.

³⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 414; т. V, стр. 260; НПЛ, стр. 406.

³⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 417; т. V, стр. 260; НПЛ, стр. 408.

³⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 249; т. V, стр. 202; т. I, вып. 3, изд. 2. Л., 1928, стл. 528.

³⁹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 256; т. V, стр. 206; т. I, вып. 3, стл. 529.

⁴⁰ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 260; т. V, стр. 217; т. I, вып. 3, стл. 530.

⁴¹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 260; т. V, стр. 217; т. I, вып. 3, стл. 530.

⁴² Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 261; т. V, стр. 217 (известие несколько сокращено); т. I, вып. 3, стл. 530.

⁴³ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 268—269; т. V, стр. 221, под 6847 г.; т. I, вып. 3, стл. 531.

⁴⁴ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 270; т. V, стр. 222, под 6847 г.; т. I, вып. 3, стл. 531.

под 6879 г. текст от слов «выиде изъ-рды на великое княжение князь Михаило. . .» до слов «и Мологу пожьже» ⁴⁵.

По-видимому, из митрополичьего летописного свода, составленного в Москве, попали в текст Владимирского Полихрона и далее в Новгородско-Софийский свод сообщения под 6797 г. о походе Дмитрия Ростовского на Кашин и о смерти епископа Симеона Тверского ⁴⁶; под 6798 г. известие о поставлении епископом во Тверь Андрея ⁴⁷; под 6806 г. о том, что Михаил Тверской и Даниил Московский отстояли Переяславль от посягательств великого князя Андрея Александровича ⁴⁸; под 6812 г. о разгроме под Переяславлем тверской рати боярина Акинфа ⁴⁹; вероятно, известие под 6813 г. о приходе из Орды Михаила Ярославича, о его походе на Москву и о мире с московским князем ⁵⁰; под 6819 г. о несостоявшемся походе Дмитрия Михайловича Тверского на князя Юрия Московского ⁵¹; под 6876 г. об осеннем походе Дмитрия Московского на Тверь и об отъезде в Литву Михаила Александровича Тверского ⁵² и последнее известие статьи 6891 г. ⁵³

За вычетом тех тверских известий, которые могли попасть в Новгородско-Софийский свод и во Владимирский Полихрон через новгородские, ростовские и московские (митрополичьи) летописи, среди материала, содержащегося в С I и Н IV летописях, остается ряд известий, связанных с историей Тверского княжества и находящихся аналогии главным образом в текстах Рогожского летописца, Тверского сборника и Никоновской летописи, где, как установил А. Н. Насонов, отразилось тверское летописание. Эти известия следует возводить к тверскому источнику Владимирского Полихрона. Перечислим их.

Под 6827 г. в С I читается большой рассказ об убийстве в Орде тверского князя Михаила Ярославича ⁵⁴. Хотя рассказ имеется только в С I, А. А. Шахматов на основании наблюдений над характером работы составителей С I и Н IV относил его к источнику С I и Н IV — Новгородско-Софийскому своду ⁵⁵. Мнение А. А. Шах-

⁴⁵ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 295; т. V, стр. 231; т. I, вып. 3, стл. 533—534.

⁴⁶ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 247; т. V, стр. 201; т. XVIII. СПб., 1913, стр. 81—82, под 6795 и 6796 гг.

⁴⁷ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 247; т. V, стр. 201; т. XVIII, стр. 82, под 6797 г.

⁴⁸ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 250; т. V, стр. 202; т. XVIII, стр. 83, под 6805 г.

⁴⁹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 252; т. V, стр. 204; т. XVIII, стр. 86, под 6814 г.

⁵⁰ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 253; т. V, стр. 204; т. XVIII, стр. 86, под 6814 г. Известия о мире в Симеоновской лет.

⁵¹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 255; т. V, стр. 205; т. XVIII, стр. 87.

⁵² Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 294; т. V, стр. 231; т. XVIII, стр. 107—108.

⁵³ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 339; т. V, стр. 238; т. XVIII, стр. 135.

⁵⁴ Там же, т. V, стр. 207—215.

⁵⁵ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 107—108.

матова может быть подкреплено дополнительными данными. Во-первых, в статье 6827 г. С I Суздальская земля названа Низовской⁵⁶ — термин, характерный для Великого Новгорода. Очевидно, это след правки текста в Новгородско-Софийском своде. Во-вторых, в рассказе о Куликовской битве, помещенном как в С I, так и в Н IV и, следовательно, читавшемся в их общем источнике, есть следующая фраза: «Самому же князю великому бѣаше видѣти всѣ доспѣхъ его бити и язвѣнъ, но на тѣлеси его не бѣше язвы никоея же»⁵⁷. Как указал в свое время А. С. Орлов⁵⁸, она заимствована из рассказа о Михаиле Тверском: «Самому же князю Михаилу видѣти доспѣхъ свои весь язвѣнъ, на тѣлеси же его не бысть никоея же раны»⁵⁹. Естественнее всего полагать, что при составлении летописной статьи о Куликовской битве были использованы материалы предшествующих летописных статей того же свода. Статья о победе над Мамаем была в Новгородско-Софийском своде. Следовательно, рассказ о Михаиле Тверском был или в этом своде, или в его источнике. Неновгородский характер статьи 6827 г., читавшейся в Новгородско-Софийском своде, ведет к Полихрону. Сопоставление рассказа о смерти Михаила Тверского в С I с рассказом в Рогожском летописце и Тверском сборнике (текст статей 6826—6827 гг. от слов «тому же лѣту исходящоу. . .» до слов «положиша его честнѣ въ церкви святаго Спаса»)⁶⁰ показывает, что текст С I значительно полнее. В нем есть описание событий, предшествовавших поездке Михаила Ярославича в Орду; сообщается, что в ханской ставке Михаила стерегли 7 сторожей; что готовился побег Михаила; описан путь, которым везли гроб с телом тверского князя на Русь, и т. д. В Никоновской летописи текст ее тверского источника о смерти Михаила Ярославича переработан на основании летописных статей о том же событии московских летописей, о чем свидетельствует нарушение внутренней хронологии рассказа Никоновской летописи и наличие в рассказе многочисленных повторов⁶¹.

Следующие тверские известия читаются как в Н IV, так и в С I.

Под 6835 г. помещено описание тверского восстания против Щелкана⁶². Рассказ иной, чем в Рогожском летописце и Тверском сборнике. Он совпадает с рассказом Никоновской летописи,

⁵⁶ ПСРЛ, т. V, стр. 208—209.

⁵⁷ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 324. В Софийской I: «Самому же великому князю Дмитрею Ивановичю бѣаше видѣти доспѣхъ весь бити на немъ и язвѣнъ, но на тѣлеси его не бысть раны никоея же» (там же, т. VI. СПб., 1853, прибавление к Софийской I летописи, стр. 96).

⁵⁸ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, стр. 205.

⁵⁹ ПСРЛ, т. V, стр. 209.

⁶⁰ Там же, т. XV, вып. 4. Пг., 1922, стл. 38—40; т. XV. СПб., 1863, стл. 441—443. Цитаты даны по Рогожскому летописцу.

⁶¹ Там же, т. X. СПб., 1885, стр. 180—187.

⁶² Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 261; т. V, стр. 217.

который более подробен ⁶³. В Никоновской нет только слов, приписанных в Н IV и С I великому князю владимирскому Александру Михайловичу Тверскому: «и да будет отме[с]тникъ богъ крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрея, зане проля кровь праведноу» ⁶⁴. Возможно, эта фраза относится к первоисточнику.

Под 6844 г. очень кратко сообщается о выезде из Орды Федора Александровича, старшего сына изгнанного из Твери Александра Михайловича ⁶⁵. Известие есть в Рогожском летописце, а более пространное — в Никоновской летописи ⁶⁶.

Под 6848 г. помещен довольно любопытный текст о смерти Александра Тверского и его сына Федора: «призвалъ бо ихъ царь Озбикъ, с лестью рекъ: «хощеть васъ царь жаловати»; онѣмъ же послоушавшимъ поганого лестныхъ словесъ, приемша тамо горкую и нужную смерть» ⁶⁷. Текст не имеет аналогий в новгородских, московских и ростовских летописях. Его следует признать сокращением того рассказа об убийстве Александра и Федора, который читается в Рогожском летописце, Тверском сборнике и Никоновской летописи ⁶⁸.

Под 6878 г. помещено краткое сообщение о поездке Михаила Тверского в Орду ⁶⁹. Более полное известие читается в Рогожском летописце, несколько менее подробное — в Никоновской летописи под 6879 г. ⁷⁰

Под 6880 г. читается большое известие о походе Михаила Александровича Тверского и литовских князей на Дмитров, Переяславль и Кашии: текст от слов «индикта 1, по Велицѣ дни, въ Фомину недѣлю» до слов «а князь Михаило Тферьскіи в городѣ Торжку посадилъ свои намѣстники» ⁷¹. По своему происхождению известие тверское ⁷². Оно есть в Симеоновской летописи, в Тверском сборнике, Рогожском летописце и Никоновской летописи ⁷³. В указанных летописях поход описан с различной степенью полноты, хотя происхождение статей из одного источника очевидно. В Н IV и С I помещена самая подробная статья, в которой есть данные, отсутствующие даже в Никоновской летописи.

⁶³ Там же, т. X, стр. 194.

⁶⁴ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 261; ср. т. V, стр. 217.

⁶⁵ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 266; т. V, стр. 220.

⁶⁶ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 47; т. X, стр. 207, в обеих летописях под 6843 г.

⁶⁷ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 270; т. V, стр. 222, под 6847 г.

⁶⁸ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 49—51; т. XV, стл. 418—421; т. X, стр. 209—211; в Рогожском летописце и Никоновской летописи под 6847 г.; в Тверском сборнике начала статьи нет.

⁶⁹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 295; т. V, стр. 231.

⁷⁰ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 93; т. XI. СПб., 1897, стр. 13.

⁷¹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 297; т. V, стр. 232.

⁷² А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 726, 734—736.

⁷³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 112—113, под 6881 г.; т. XV, стл. 431; т. XV, вып. 1, стл. 99—100; т. XI, стр. 17—18.

Правда, эти данные есть в Симеоновской летописи (состав литовской рати), Рогожском летописце (о сожжении церквей в Переяславле), но зато в последних нет других сведений, которые есть в Н IV и С I и которые находят себе соответствие в Никоновской летописи (например, о том, что Михаил Тверской посадил в Торжке своих наместников). Под тем же годом в Н IV и С I рассказывается о взятии Торжка Михаилом Александровичем. Отрывок от слов «того же лѣта о Петровѣ заговѣнии» до слов «и побѣждени быша Новгородци»⁷⁴ восходит к тверскому источнику. Сходный текст читается в Рогожском летописце, Тверском сборнике и Никоновской летописи⁷⁵, причем в Рогожском текст самый распространенный. В Н IV и С I текст сокращен, но в нем читаются некоторые подробности, которых нет в Рогожском: о том, что новгородцы пограбили тверских «гостей» и захватили у них лады с «товаром», о том, что Михаил ждал ответа от новоторжцев на свой ультиматум «ото утра», что на бой с тверским князем выехали «сами бояре Новгородцкие» и «гражанѣ» новоторжцы.

К тверскому источнику следует отнести еще два сообщения Н IV и С I под тем же 6880 г.: о соединении войск Ольгерда и Михаила Тверского под Любутском 12 июня и возвращении Михаила в Тверь после мира с Дмитрием, будущим Донским⁷⁶. Те же известия есть в Рогожском летописце и Тверском сборнике⁷⁷, в Никоновской летописи — только первое⁷⁸.

Под 6883 г. в Н IV и С I читается большой рассказ об осаде Твери Дмитрием Московским. Рассказ компилятивный, он составлен на основании разных летописных источников. К тверскому источнику может быть отнесен текст от слов «и бысть июля 29» до слов «а посади и церкви и монастыри пожгоша» и от слов «стоящимъ же ратемъ 3 дни» до слов «падоша и оумроша»⁷⁹. Сходные отрывки есть в Рогожском летописце, Тверском сборнике и Никоновской летописи⁸⁰. Наиболее сокращенно их текст передан в Тверском сборнике, но даже здесь есть деталь, отсутствующая в других летописях: о том, что Михаил Тверской произвел вылазку через Волжские ворота⁸¹. В Рогожском текст распространеннее, еще более подробное описание в Никоновской летописи. Однако самые обширные отрывки помещены в Н IV и С I. Укажем на отдельные детали рассказа в этих летописях, отсутствующие в Рогожском летописце, Тверском сборнике и Никоновской летописи: точно определена дата выступления войск Дмитрия с Волока и их вторжения в Тверское княжество — 29 июля;

⁷⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 297—298; т. V, стр. 232.

⁷⁵ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 101—103; т. XV, стл. 431—433; т. XI, стр. 18.

⁷⁶ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 300; т. V, стр. 233.

⁷⁷ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 103—104; т. XV, стл. 433.

⁷⁸ Там же, т. XI, стр. 19.

⁷⁹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, стр. 301—302, 302—303; т. V, стр. 233—234.

⁸⁰ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 111; т. XV, стл. 434—435; т. XI, стр. 23.

⁸¹ Там же, т. XV, стл. 434.

сказано, что кашинцы и новоторжцы захватили порубежные места, что московская рать взяла Городок и пограбила жито, и некоторые другие мелкие детали. Правда, в Н IV и С I по сравнению с Тверским сборником, Рогожским летописцем и Никоновской летописью не сообщается, что Михаилу Тверскому удалось зажечь туры осаждавших, но это свидетельствует о том, что во всех летописях, содержащих тверские фрагменты, был по-разному сокращен обширный текст недошедшего тверского источника.

Под 6907 г. в Н IV и С I помещен большой рассказ о смерти Михаила Александровича Тверского⁸². Текст близок только тексту статьи 6907 г. Тверского сборника⁸³, хотя между ними есть некоторые отличия. В целом текст Тверского сборника представляет собой сокращение текста, близкого к Н IV и С I, где есть дополнительный материал. Так, в Н IV и С I сказано, что Михаил велел епископу Арсению встретить икону, присланную тверскому князю от цареградского патриарха; кратко изложена духовная Михаила; приведена точная дата его смерти — 26 августа во вторник на ночь, «в куроглашение». Таких деталей нет в рассказе Тверского сборника. Однако там указано, что тверской протопоп Данило «з други», принесший икону от патриарха, был послан в Царьград «за годъ». Следовательно, тексты Н IV, С I и Тверского сборника восходят к одному источнику, по-разному сокращенному в этих летописях.

Под 6908 г. в Н IV и С I читается известие (в Н IV с точной датой) о вокняжении Ивана Михайловича Тверского⁸⁴. В Рогожском летописце то же известие, но без даты; в Тверском сборнике известие несколько распространено, однако дата не указана⁸⁵. В Никоновской летописи такого известия нет⁸⁶.

Под 6911 г. в Н IV и С I помещено краткое известие о посылке рати Иваном Тверским на Кашин, бегстве кашинского князя Василия Михайловича в Москву, о посредничестве московского князя Василия в примирении тверского и кашинского князей⁸⁷. Более подробно те же события изложены в Тверском сборнике и в Никоновской летописи⁸⁸.

Под 6917 г. только в Н IV помещен большой рассказ о смерти тверского владыки Арсения⁸⁹. По мнению А. А. Шахматова, этот рассказ читался в Новгородско-Софийском своде⁹⁰. В Рогожском

⁸² Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 386—389; т. V, стр. 251—252.

⁸³ Там же, т. XV, стл. 459—461. В Рогожском летописце и Никоновской летописи текст иной. Ср. там же, т. XV, вып. 1, стл. 167—176; т. XI, стр. 175—183.

⁸⁴ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 390; т. V, стр. 252.

⁸⁵ Там же, т. XV, вып. 1, стл. 176; т. XV, стл. 470.

⁸⁶ Ср. там же, т. XI, стр. 183—184, под 6908 г.

⁸⁷ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 395; т. V, стр. 252.

⁸⁸ Там же, т. XV, стл. 470—471; т. XI, стр. 188.

⁸⁹ Там же, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 407—409.

⁹⁰ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI веков. М., 1938, стр. 156, прим. 1 и стр. 157.

летописце помещено лишь краткое сообщение о смерти Арсения⁹¹, еще короче запись в Тверском сборнике⁹². В Никоновской летописи под 6918 г. помещено подробное описание смерти тверского епископа⁹³. Тексты Н IV, с одной стороны, и Никоновской летописи, с другой, обнаруживают значительную близость и в то же время имеют ряд отличий. Так, в Н IV указана точная дата, когда заболел Арсений, сообщается, что 10 чернецов сидели у постели больного, уже «глубоць нощи сущи». В Никоновской летописи приведено название монастыря — Желтиков, где похоронили Арсения, сказано, что монастырь стоял на реке Тьмаке. Очевидно, оба текста восходят к одному источнику, который поразному сокращен и обработан в Никоновской летописи и Н IV. Далее тверских известий, общих, С I и Н IV летописям, не обнаруживается.

Проанализированный материал показывает, что во Владимирском Полихроне был использован обширный тверской летописный источник. В целом ряде случаев (статьи 6827, 6880, 6883, 6907, 6908, 6917 гг.) оказывается, что его известия гораздо подробнее известий кашинского свода 1425 г., отразившегося в Никоновской летописи, не говоря уже о статьях тверского свода, использованного в Рогожском летописце и Тверском сборнике. Характерно, что тверские известия, имеющиеся как в Н IV, так и в С I, кончаются рассказом о смерти тверского епископа Арсения. В работе о тверских летописных сводах А. Н. Насонов на основании анализа содержания статей 6902, 6909, 6911, 6912, 6914, 6915 и 6918 гг. Никоновской летописи пришел к выводу о существовании большого тверского свода 1409 г. епископа Арсения⁹⁴. Новые данные подтверждают мнение А. Н. Насонова о существовании обширного тверского свода, который следует отождествить со сводом 1409 г. епископа Арсения. Вместе с тем становится очевидным, что именно свод Арсения явился одним из источников Владимирского Полихрона.

⁹¹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стл. 186.

⁹² Там же, т. XV, стл. 485.

⁹³ Там же, т. XI, стр. 211—212.

⁹⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия Академии наук СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 756—757.

ОБ ОСНОВНОМ ЛЕТОПИСНОМ ИСТОЧНИКЕ ВРЕМЕННОКА ИВАНА ТИМОФЕЕВА

В. И. Корецкий

Вопрос об источниках знаменитого Временника является одним из наименее изученных в сложном творческом наследии дьяка Ивана Тимофеева. Уже давно установлено, что дьяк не столько собирал и излагал факты о «Смутном времени», сколько размышлял о них. Но откуда в основном черпал он их — из памяти, со слов очевидцев или из письменных источников? С. Ф. Платонов, выяснив время написания Временника и дав его общую характеристику, указывал на то, что «предметом особой монографии должно быть исследование состава Временника, его отдельных показаний и тех источников, какими пользовался его автор»¹. Сам С. Ф. Платонов, не вдаваясь специально в решение вопроса об источниках Временника, склонился к выводу о том, что «Тимофеев должен считаться писателем самостоятельным. Если он и заимствовал откуда-нибудь отдельные свои фактические показания (курсив мой. — В. К.), то всегда перерабатывал их в самостоятельный рассказ. Большая часть его сообщений прямо обличает в нем очевидца или современника их, передающего факты или по личным впечатлениям, или по свежим слухам. Строго выдержанная точка зрения на эпоху, своеобразный язык, одинаковый с начала до конца рассказа, исключает всякую мысль о том, что Тимофеев мог заимствовать что-либо от своих литературных предшественников (курсив мой. — В. К.). Сравнение Временника с более ранними произведениями о смуте, известными нам, также показывает полную независимость от них Тимофеева. Таким образом, во Временнике мы имеем, без всякого сомнения, оригинальное произведение очевидца смуты»².

В этом рассуждении С. Ф. Платонова содержится по сути подмена одного вопроса другим. Вопрос о литературных источниках, о том, откуда И. Тимофеев брал факты, подменяется вопросом об их оригинальном, органическом использовании дьяком, уже отошедшим от простого компилирования и довольно последовательно проводившим свою точку зрения. С. Ф. Платонов, хотя и отметил по ходу изложения зависимость И. Тимофеева от «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» и официальных грамот В. Шуйского и первого ополче-

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 211.

² Там же, стр. 211—212.

ния, все-таки отдавал решительное предпочтение его «личным впечатлениям» и «свежим слухам». Мысль о заимствовании чего-либо Тимофеевым от своих литературных предшественников, кроме отмеченных выше отдельных фактических показаний, решительно отвергалась исследователем. В этом выводе его укрепило сравнение Временника с более ранними публицистическими произведениями о «смуте», зависимость от которых Тимофеева обнаружить не удалось.

П. Г. Васенко, ученик С. Ф. Платонова, отметив использование Тимофеевым житийной литературы — Жития Никиты Переяславского и, возможно, Жития Михаила Клопского³, обратил внимание на дословное повторение во Временнике мысли, высказанной в Похвальном слове великому князю Василию III, включенном затем почти целиком в «Степенную книгу», об уподоблении царя богу⁴. Это касалось «старины» во Временнике. Однако каких-либо существенных соображений об источниках Временника по «Смутному времени» П. Г. Васенко не привел. В заключение он писал: «Остается выяснить, откуда взялась «новизна», так сильно заявившая себя во Временнике. Мы не беремся указать на ее литературные источники. Нам кажется даже, что их, пожалуй, и не было»⁵.

Специально вопросом о литературных источниках Временника занимался советский историк И. И. Полосин. Он обратил внимание на хорошее знакомство Тимофеева с хронографами. К сожалению, этот раздел его оригинального монографического исследования о Временнике остался наименее разработанным⁶. Очевидно поэтому указанный раздел и не был включен в посмертно изданную работу И. И. Полосина о дьяке Иване Тимофееве⁷.

Отмечая использование во Временнике Тимофеевым какого-то летописного источника по «смуте», что нашло отражение в указаниях «инде», «яко же во всеосложении многословие о сем речено бысть» и других подобного рода, И. И. Полосин пришел к выводу о том, что этим летописным источником явился Хронограф 1617 г.

³ Укажем со своей стороны на знакомство И. Тимофеева с Житием Варлаама и Иоасафа [«Временник Ивана Тимофеева». М.—Л., 1951, стр. 25 (далее ссылки на это издание даются в тексте — Вр.)], широко привлекавшимся в публицистике XVI в. (В. И. Корецкий. Новые послания Зиновия Отенского. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 123).

⁴ П. Г. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли). — ЖМНП, 1908, № 3, стр. 99.

⁵ Там же, стр. 120.

⁶ ГБЛ, ф. 428 (И. И. Полосин), к. II, № 4, «Источники «Временника» и «Летописца вкратце». См. также хранящуюся там же машинопись подготовленной им докторской диссертации «Очерки русской историографии XVII—XVIII вв. (Тимофеев и Ломоносов)».

⁷ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. — В кн.: «Социально-политическая история России XVI в.» М., 1963, стр. 347, прим. а.

(второй редакции), одним из составителей которого, по его предположению, был сам дьяк⁸. «Оказывается, что дьяк Иван Тимофеев, — пишет автор в заключении ко всей работе о Временнике, — был близок к летописному делу еще в конце XVI в.: может быть, в 1591 и во всяком случае в 1598 г. В своем Временнике, т. е. в своем личном архиве, дьяк сохранил чрезвычайно интересные наброски для теоретического трактата на тему: «Задачи и методы исторического изложения». И далее продолжает, конкретизируя свои мысли на этот счет: «Фактографом Тимофеев не был. Страстный патриот-обличитель, он не мог обо всем рассказать так, как хотел в официальном тексте Хронографа 2-й редакции, одним из составителей которого он был. . . Автор пытался создать свой Временник, свой Летописец вкратце. Ни то, ни другое ему не удалось: в его архиве оседали лишь беглые заметки его личных наблюдений и слухов, его размышления по поводу текстов официальной историографии. Можно думать, что дьяк Иван Тимофеев сам был в числе официальных летописцев, но у себя и для себя хранил материал, непригодный для официального летописания. Мы видели, какие сложные мотивы двигали его работу вперед. Мы понимаем, почему его работа увидела свет в единственном почти никем не читанном экземпляре»⁹.

И. И. Полосин совершает некоторую модернизацию. Если С. Ф. Платонов недооценивал новаторства дьяка в деле использования трудов предшественников, то И. И. Полосин переоценивает возможности Тимофеева, вменяя ему задачу, которую он перед собой в силу времени и не ставил, — создание теоретического трактата о целях и приемах работы историка.

Неприемлем главный вывод автора о Временнике как личном архиве дьяка, в котором сохранились беглые, разрозненные, не связанные между собой случайные заметки. Во Временнике чувствуется определенное построение по царствованиям, остаток не преодоленной до конца летописной формы.

Нельзя согласиться с И. И. Полосиным, когда он призывает видеть в Тимофееве официального летописца чуть ли не с конца XVI в. Документально это положение недоказуемо, ибо известно, что официальное летописание прервалось в конце 60-х годов XVI в. (Александро-Невская летопись) и было возобновлено лишь после «смуты».

Неполон и сделанный И. И. Полосиным отбор ссылок Тимофеева на другие сочинения, которые использованы во Временнике. Прямые ссылки на чужие труды типа «нецыи сказуют» и другие он либо не учитывает вовсе, либо пытается трактовать вопреки их прямому смыслу как отсылки к сочинениям, принадлежащим самому Тимофееву.

Атрибуция Хронографа второй редакции Ивану Тимофееву наталкивается на препятствия. Во-первых, набор фактов во Вре-

⁸ Там же, стр. 300—302, 325, 341.

⁹ Там же, стр. 341—342.

меннике значительно шире, чем в Хронографе, и интерпретируются они по-другому, и, во-вторых, просто трудно представить Тимофеева автором официального летописного сочинения, создававшегося в Москве и законченного в 1617 г., когда дьяк находился в оккупированном шведами Новгороде. Видимо, создавая шаткость своих построений, И. И. Полосин, перечисляя в конце своей работы назревшие задачи в изучении Временника, указывал и на то, что, «в частности, необходимо тщательно выяснить вопрос об участии дьяка Ивана Тимофеева в русском летописании начала XVII в., точнее в составлении Хронографа второй редакции»¹⁰, хотя выше считал возможным утвердительно говорить не только об участии его в составлении Хронографа 1617 г., но и в летописании конца XVI в.

Попробуем собрать воедино указания Временника, которые могут быть расценены как ссылки на чужие труды, — типа «нецыи сказуют» и другие (рассказы очевидцев Тимофеев обозначает словами «глаголют ведцы»), и сопоставить их с сохранившимся комплексом сочинений о «Смутном времени», прежде всего с Хронографом второй редакции и другими хронографами, Новым летописцем и другими летописными произведениями. Задача сравнительного анализа сильно затруднена, и не только тем, что Тимофеев, обладая самобытным стилем, довольно органически перерабатывает материалы предшественников, но и тем, что во Временнике письменные источники перемежаются с рассказами очевидцев, а на все это накладываются личные воспоминания дьяка, участника многих событий «смуты».

Первая такая ссылка связана с изложением Тимофеевым обстоятельств кончины Ивана Грозного, дни которого были насильственно сокращены злоумышлением Бориса Годунова, Богдана Бельского и еще третьего их сообщника, не названного по имени: «Жизнь же яростиваго царя, глаголют нецыи, преже времени ближнии сего зельства его ради сокращения угасиша: Борис, иже последи в Росии царь бысть, сложившийся купно з двема в тайномыслии о убиении его с настоящим того времени царевым приближным возлюбленником неким, глаголемым Богданом Бельским» (Вр., стр. 15, 178).

Еще С. Ф. Платонов указал на близость этого известия к Новому летописцу¹¹. Здесь в главе 9 «О приходе черни в город и о Богдане Бельском» читаем: «Того же лета ненавидя враг добра роду христианского, хотя привести в последнюю пагубу, вложи в человецы мысль такую, что будто Богдан Белской [со] своими советники извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет бояр побити и хочет подыскать под царем Феодором Ивановичем царства Московскаго своему советнику. . .»¹² В Латухинской степен-

¹⁰ И. И. Полосин. Указ. соч., стр. 247.

¹¹ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 174, прим. 2.

¹² ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, стр. 35 (далее ссылки на Новый летописец даются в тексте — НЛ).

ной имя советника, которому хотел добыть царство Бельский, сохранено. Это — Борис Годунов: «и царство Московское советнику своему Борису Годунову прочит»¹³. Согласно Новому летописцу, восставшие, осадившие Кремль, кричали: «выдай нам Богдана Бельского! Он хочет известь царской корень и боярские роды» (НЛ, там же).

С известием о насильственной смерти Грозного, — причем с той же ссылкой «нецыи же глаголют», — мы встречаемся в летописце, принадлежавшем перу представителя кремлевского соборного духовенства, возможно, близкого к патриарху Гермогену, частично включенном позднее в 30-х годах XVII в. в Московский летописец. Там сказано: «Царю бо Ивану вскоре преставльшуся. Нецыи же глаголют, яко даша ему отраву ближние люди. И духовник ево Феодосей Вятка возложил на него, отшедшего государя, иноческий образ, и нарекоша во иноцех Иона»¹⁴. В Хронографе второй редакции подобное известие отсутствует.

Далее во Временнике красочно повествуется о том, как бояре поначалу не могли прийти в себя, думали, что смерть Грозного им только приснилась, а затем воспрянули духом, принялись своевольничать и третировать Федора. Однако Борис Годунов вскоре победил их всех одного за другим: «вмале же селентияры вси от срабного Бориса одолени, погибоша всяко един по единому; и яже по сих — о сем пространнее впреди слово о нем бывшая изъяви» (Вр., стр. 16, 178). Действительно, во Временнике ниже подробно говорится о воцарении Бориса Годунова и о свержении его самозванцем, так что указание «и яже по сих — о сем пространнее впреди слово о нем бывшая изъяви» следует расценить как ссылку Тимофеева на этот свой труд. Никаких же подробностей о борьбе Бориса с боярами во Временнике мы не находим. Зато характеристике этой борьбы в том же плане посвящена специальная 11-я глава Нового летописца «О розни и недружбе боярской». Важные подробности содержатся в Латухинской степенной (ЛС, лл. 879 об.—880 об.). Тем самым определяются границы использования в данном случае Тимофеевым другого письменного источника, имеющего общие черты с Новым летописцем и Латухинской степенной и, очевидно, известного какому-то автору из кремлевских церковных кругов, писавшему в 10-х годах XVII в.

Вторая ссылка относится к смерти наследника престола Ивана Ивановича: «Непщую сего быти и к страданию близ, от рукоблания бо отча, глаголют нецыи, живот ему угасе за еже отцеви в земных неподобство некое удержати хотя. Нань же очи всех о державе царствия упованием исчезоша. . .» (Вр., стр. 19, 182). Это из-

¹³ Горьковская областная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел ценной книги, Ц-2658/2, л. 873 (далее ссылки на Латухинскую степенную даются в тексте — ЛС).

¹⁴ В. И. Бузанов, В. И. Корещий. Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32. М., 1971, стр. 150.

вестие выходит за хронологические рамки Нового летописца. Бегло о смерти царевича говорится в целом ряде сказаний о «смуте», кратких летописцах, хронографах. Упомянуто об убийстве царевича Ивана Ивановича Грозным и в Хронографе второй редакции со ссылкой на какой-то предшествующий труд: «О нем же *нецыи глаголаху*, яко от отца своего ярости прияти ему болезнь и от болезни же и смерть, лета 7089, ноября в 29 (так! — В. К.) день»¹⁵. Но наиболее обстоятельный рассказ с драматическими подробностями дан в Латухинской степенной, где сообщается о неудачной попытке Бориса Годунова заступиться за царевича Ивана Ивановича и о клевете, возведенной на него Федором Нагим, едва не стоившей Годунову жизни (ЛС, лл. 824—825 об.).

Третья ссылка сделана в связи с рассказом о бескорольеве в Польше, наступившем в 1573 г., когда, по одним источникам, находившимся в распоряжении Ивана Тимофеева, Литва просила Ивана Грозного дать в короли Ивана Ивановича, а по другим — Федора Ивановича: «*Прочи же глаголют*, яко о Феодоре, брате сего, тех прошение бысть» (Вр., стр. 22, 186).

В сохранившихся русских нарративных источниках обнаружить такие контраргументы не удается.

Четвертая ссылка дана Тимофеевым при изложении обстоятельств смерти Федора Ивановича: «И сего святожительнаго в предипреподобии и правде царя, *глаголют нецыи*, не еще в настоящем у законоположения ему богом вся жизни его лета к пределу смерти в конец приспеша тогда, егда незлобивей души его от чистаго телеси бе исход, не якоже прилучися, но той же властолюбец злый и желатель его царствию зломудрием своим некако виновну ему смерти сущу бывша (Борис Годунов. — В. К.) по всему вешем облачающим его, яко же и о уишем брате сего царя (царевич Дмитрий. — В. К.), он же явлен убийца бысть. Не человеком единым точию, но и небу и земли та суть ведома» (Вр., стр. 26, 190).

Далее Тимофеев обличает современников за молчание, которое, последовав за явным убийством царевича Дмитрия, вдохновило Бориса на тайное убийство царя Федора. Сомневающимся в изложенной версии смерти царевича Дмитрия и царя Федора он предлагает обратиться к первоисточнику: «А еже колик и каков того умолчание суть еже и о равноратубийстве и еже о царех, неискуснии во утвержение *сии книги да почтут. И паки предиреченным имемся*» (Вр., стр. 27, 191).

Выделенная нами концовка свидетельствует о заимствовании фактического материала Тимофеевым из другого письменного источника. Так обычно и поступали компиляторы, оставляя используемый источник и переходя к дальнейшему повествованию.

¹⁵ РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 1276. В Псковской летописи сказано: «*Глаголют нецыи*, яко сына своего царевича Ивана того ради остнем поколод, что ему учал говорити о вручении града Пскова» («Псковские летописи», вып. II. М., 1955, стр. 263).

В то же время слова Тимофеева о том, что в находившихся в его распоряжении письменных материалах — «книгах» говорилось не только об убийствах царевича Дмитрия и царя Федора Ивановича, но и «о *царях*», указывают на их содержание. Значит, в них имелись, по-видимому, как минимум рассказы о царе Иване и царе Борисе.

Как уже отмечено выше, в Новом летописце упоминалось о заинтересованности Бориса Годунова в смерти Федора Ивановича лишь в виде слухов, ходивших в 1584 г. Латухинская степенная со ссылкой «глаголют же нецыи» утверждает версию о том, что Федор принял смерть «от Борисова злохитрства от смертоносного зелия». В Латухинской степенной, кроме того, говорится и об отравлении Борисом Годуновым и своего дяди: «. . . паче же сродника своего Григория Васильевича Годунова отравою уморил, занеже возбранял ему от властолюбия и обличал его о неправдах и о гонительстве на неповинных» (ЛС, л. 916). Из Хронографа третьей редакции узнаем, что Г. В. Годунов был отравлен незадолго до отравления Федора Ивановича: «Такоже и от сродных своих ужика своего Григория Васильевича Годунова злоковарным своим ядовитым отравным зелием опоив, занеже много возбраняше ему (Борису Годунову. — В. К.) и понося в таком начинании его, яко начинаше выше меры своея, той бо и царя храняше от него крепче, но прежде незадолго государевы смерти почтен быть смертию, потом же не по мнозе времени его и царь такоже вкуси»¹⁶. Согласно Новому летописцу, Г. В. Годунов был единственным из Годуновых, кто возражал против убийства царевича Дмитрия. К тому же он являлся очень близким к Федору человеком (НЛ, стр. 40, 43).

Псковский летописец сообщал дополнительную подробность: Федора Ивановича «отравою окорми» сестра жены Бориса Годунова «княгиня Димитриева Шуйского» Екатерина, дочь Малюты Скуратова, которую позднее будут обвинять в отравлении князя М. В. Скопина¹⁷.

В Хронографе же второй редакции нет и намека о насильственных смертях Грозного и Федора Ивановича.

Попробуем установить, чему соответствует ссылка Тимофеева на имевшиеся у него и, очевидно, достаточно известные «книги» в связи с версией о насильственной смерти царевича Дмитрия. Это не так-то просто. Пожалуй, почти нет такого нарративного русского источника о «смуте», в котором не излагалась бы версия

¹⁶ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 215.

¹⁷ «Псковские летописи», вып. I. М., 1941, стр. 125. В Морозовском же летописце рассказ об отравлении Федора обрамлен баснословными подробностями, что заставляло Н. М. Карамзина сомневаться в достоверности самого известия (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1892, прим. 366). В «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича» чисто легендарные черты сочетаются с отдельными интересными реалиями (РИБ, т. XIII, стб. 755—836).

об убийстве царевича Дмитрия «повелением властолюбца» Бориса Годунова. Однако все-таки рассказ Временника находит наибольшую близость в Новом летописце.

Соумышленником Бориса Годунова («зело злых злейша») является, по Тимофееву, некий Луппа, волк, «брат си свойством и делом» (Вр., стр. 29, 193)^{17а}. Андрей Клешнин выдвинут на первый план как главный организатор убийства царевича и в Новом летописце (НЛ, стр. 40). Царевич Дмитрий сравнивается во Временнике с Глебом, убитым Святополком ради «царствования» (Вр., стр. 30, 194). Такое же сравнение приведено и в Новом летописце (НЛ, стр. 40).

Сходство между Временником и Новым летописцем наблюдается и в рассказе о расправе угличан с убийцами царевича. Во Временнике сказано, что «и грешницю дерзнувших убийцы кров пси полизаша на мсташ» (Вр., стр. 29, 193). В Новом летописце тела убитых повергли в яму «псам на снадение» (НЛ, стр. 42).

И во Временнике, и в Новом летописце царь Федор на известие о смерти младшего брата одинаково реагирует плачем и решением послать следственную комиссию в Углич:

Временник	Новый летописец
<p>Таковое возмещение егда же о безгодней смерти брата в царских слуги самобратнаго Феодора еще вииде, тогда царь, во братский на жалость подвиг естеству того понужающе, возстенав от скорби зело и прослези умильнныя глаголы, иже тацех сродству достойныи и царским разумом, премудростию украшенныя, испусти, могущая яко чело-веческия увидети слухи сущих ту всех в неудар-жим плачь подвигнути, слышавшим людем всем господа своего, такову смерть горьку и безгодну приемша, аще не бы ото убийца взора прещения убоишася, от слез удержатася. Абие царь, от плача престае, скоро им твердо повеле о случшемся възмыслию быти. Посылается им един от святоименных отец, Сарский митрополит, с ним же от синглит велможа благороден велми . . . (Вр., стр. 30, 194).</p>	<p>Царь же, слыша убьение брата своего, на мноз час плакашеся и не можаше ничто проглаголати. И посла про то сыскати и тело его праведное погresti боярина князя Василия Ивановича Шуйского да с ним Андрея Клешнина и властей. . . (НЛ, стр. 42).</p>

^{17а} Н. М. Карамзин приводит надпись на каменной плите в Боровском Пафнутьеве монастыре, из которой следует, что Андрей Клешнин действительно имел такое прозвище: «Лета 7107 (1599), апреля в 6 день, представился раб божий, великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича всея России дятко, окольничей, Лупп зовомый, Андрей Петрович Клешнин, во иноцех Левкий схимник» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, прим. 27). С. Ф. Платонов указал на «давнюю близость Клешнинных и Годуновых», обратив внимание на данную 1575/76 г. (С. Ф. Шереметьев. Грамоты с подписями Б., Д. и С. Годуновых. — «Чтения ОИДР», 1897, кн. 1, стр. 7; С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 176, прим. 2).

Не трудно видеть, что Тимофеев в угоду своим взглядам о «царском достоинстве» и Федоре как «царе-иноке», хранителе высшей божественной и царской мудрости, идеализирует Федора. Он вменяет царю «умильные глаголы», произнесенные сквозь слезы, слова, «иже тацех сродству достойныя и царским разумом, премудростию украшенныя», скорое прекращение плача («збие царь, от плача престав»), твердое повеление о расследовании («тверду повеле о случшемся взысканию быти»). Все это далеко от поведения реального Федора, который, как повествуется в Новом летописце, получив трагическое известие, долго и безутешно плакал, не имея возможности произнести ни слова. Поскольку следственная комиссия посылается Федором, Тимофеев пропускает имя одного из главных следователей — Андрея Клешнина, заклеяменного выше как организатора убийства, включение которого в состав комиссии не вязалось бы с мудрыми, твердыми и решительными действиями царя. Но при всех этих отличиях общая ситуация нарисована во Временнике та же, и события разворачиваются в той же последовательности, что и в Новом летописце, хотя в последнем источнике реакция Федора на весть о смерти царевича передана значительно реалистичнее.

Только во Временнике и Новом летописце содержится известие о награждении Борисом Годуновым родственников убийц царевича, погибших от рук восставших угличан:

Временник	Новый летописец
<p>Послежде поущением божиим убийчески же не точию род, но и племя все, аще и далечни суть, Борис тогда всех изыскав и именьми вельми обогатив, различие же ему сущу и довольно одарив (Вр., стр. 29—30, 194).</p> <p>Он же владыкоубийцеск род и племя, иже волю его сотворивших, не точию и сих казни предати, ли чим вмаде озлобити, но вся изыскав и тех руки исполни мздою, именьми и дарми многими (Вр., стр. 45, 210).</p>	<p>Тех же окаянных и убийцов повеле хранити и погрести их окаянное тело честно; тое же окаянную мамку Волохову и тех убийцов жен устроиша: подавал и жалование многое и вотчины (НЛ, стр. 42).</p>

Это уникальное известие. Передавая его, составитель Нового летописца фиксировал внимание на пожалованиях Волоховой и женам убитых, Иван же Тимофеев шел по линии обобщения, отметив пожалования всех родственников. Здесь заметна даже стилистическая близость:

Временник	Новый летописец
<p>...и тех руки исполни мздою, именьми и дарми многими.</p>	<p>...и тех убийцов жен устроиша: подавал и жалование многое и вотчины.</p>

Отмечая черты сходства между Временником и Новым летописцем, нельзя пройти и мимо различия. Согласно Тимофееву, царевич якобы был заклан «предо очима своею ему матере» (Вр., стр. 29, 193), тогда как в Новом летописце в момент смертельного ранения царевича матери при нем не было (НЛ, стр. 41). Это расхождение объясняется, на наш взгляд, влиянием грамот царя Шуйского, в частности грамоты от имени Марии Нагой к воеводам сибирских городов от 21 мая 1606 г.¹⁸, которые Тимофеев, как установлено С. Ф. Платоновым, знал и версию которых ввел во Временник, очевидно, для усиления драматического воздействия на читателей.

Пятая ссылка, завершающая рассматриваемый раздел о смерти царевича Дмитрия и ближайших ее последствиях, перекликается с четвертой. Тимофеев ставит здесь вопрос о том, как историк должен писать о царях, оценивая их деятельность. Если речь идет о «первосущих» — истинных царях, даже совершавших худые поступки (очевидно, имеется в виду Иван Грозный. — В. К.), то «о таковых, — пишет Тимофеев, — творити тцанно и страхаприступно *списателе обыкоша и нас научиша*» (Вр., стр. 33, 198). Ложные цари, «наскакивающие на царство» (очевидно, имеются в виду Борис Годунов и Лжедмитрий I. — В. К.), заслуживают всяческого обличения. Ссылка на литературных предшественников сделана Тимофеевым в данном случае совершенно определено. Но мы должны вспомнить, что в четвертой ссылке, где слова «глаголют нецѣи» раскрывались как наличие в руках Тимофеева какого-то довольно известного письменного источника («книг»), речь шла об убийствах двух братьев — царевича Дмитрия и царя Федора Ивановича и «еже о царех». Следовательно, у своих предшественников (или предшественника?), описавших до него главных деятелей и события «Смутного времени», Тимофеев заимствовал не только факты, но и подход к оценке по крайней мере таких царей, как Иван Грозный, Федор Иванович, Борис Годунов и Лжедмитрий I.

И в дальнейшем наблюдается сходство между Временником и Новым летописцем.

Три несчастья («зла»), случившиеся в мае—июне 1591 г. «ко искушению» русских людей — убийство царевича Дмитрия в Угличе, пожар в Москве в Занеглинье, нашествие Казы-Гирея, — перечислены и изложены во Временнике в той же последовательности, как и в Новом летописце (см. стр. 123).

В Хронографе второй редакции последовательность событий иная, не соответствующая действительности. Там сначала ошибочно под 20 июля 1591 г. («В лето 7099, июля 20 день») рассказано о приходе под Москву Казы-Гирея и лишь затем под 15 мая («Того же лета, мая в 15 день») — об убийстве в Угличе царевича Дмитрия. Причем рассказ о гибели царевича предельно краток

¹⁸ ААЭ, т. II. СПб., 1836, № 48.

Временник	Новый летописец
<p>Во время же некоего времени, иже по седьмой тысящи 99-летное обхождение круга, внутрь самые благочестивые державы, седьмому исполняющеса лету от святопомазания на царствие преблагеннаго Феодора Ивановича, государя всеа Русии, три по числу нам зло поущением божиим купно тогда стекошася ко искушению. <i>Первое— иже, яко Иродобуйственною рукою, от раба царска сежени негловиваго отрока несправедное закление. Второе же зло—внезапное пожжением запаление до иже во испепеление положение большия части всего царствия, пребогатых жителей дома, обремененны всяко довольные потребами, иже обонюл Неглинны реки бывшее. . . Третье же зло—Агарянско нахождение самонришествена с восток нечестивна царя, даже пред моя забрало внешня граду приблизитися смевшу, яко николиже тако бывающу толико безстудству (34—35, 199).</i></p>	<p>Глава 25. О убиении царевича Дмитрия Ивановича и о запустении града Углича.</p> <p>Глава 26. О пожарах Московских. Того же месяца июня по убиению царевича Дмитрия. . . Бысть пожар на Москве велик, загорелся в Чертолье, и выгоре Белый город, весь от Чертольских ворот по самую Неглинную.</p> <p>Глава 27. О приходе царя Крымского под Москву и о пророчестве царя Федора.</p>

и не имеет каких-либо общих черт с Временником, кроме стереотипного указания на то, что царевич был убит «повелением московского боярина Бориса Годунова»¹⁹. Известие же о московском пожаре, уничтожившем Занеглинье, вообще отсутствует. Интересно отметить, что в Сказании Авраамия Палицына имеется некоторое сходство с Временником в части рассказа о московском пожаре 1591 г., и этот пожар описан даже подробнее. Известие о пожаре правильно помещено после известия о гибели царевича Дмитрия и о суровой расправе Бориса Годунова над Нагими и восставшими угличанами. Но зато в Сказании Авраамия Палицына ни слова не сказано о приходе под Москву Казы-Гирея^{19а}.

Таким образом, отмеченные черты сходства в расположении материала убеждают нас вновь в близости Временника к Новому летописцу, а не к Хронографу второй редакции, как полагал И. И. Полосин.

Наблюдения в этом плане могут быть продолжены. И во Временнике, и в Новом летописце при приходе Казы-Гирея к Москве царь Федор усердно молится и его святая молитва отгоняет татар:

¹⁹ РИБ, т. XIII, стб. 1280—1281.

^{19а} «Сказание Авраамия Палицына». М.—Л., 1955, стр. 101—103.

Временник	Новый летописец
<p><i>Безбожнаго же Измайлта к царю-ющему тогда пришествием приближение граду туне бе, нам же по всему безпакостно, явленаго ради заступления вседержавныя христианом на враги помощницы, внушившу скоро донесением сыну тоя мольбу по святых своего угодника, мироподобнаго государя нам Феодора, те-зоверна царя (стр. 35, 200).</i></p>	<p>Царь же крымской со всеми людьми прииде паскоро под Москву и ста в Коломенском. . . (стр. 42).</p> <p><i>Он же праведный государь стояше на молитве день и ночь, беспрестани моляшеся богу. . . (стр. 43).</i></p> <p>Затем приведено пророчество Федора о скором бегстве татар, поведенное им Г. В. Годунову.</p>

Дальнейшее совпадение Временника с Новым летописцем носит уникальный характер:

Временник	Новый летописец
<p>Не едино же тогда пришедших Измайльтян нашу пленовати землю огненпальная грома орудия от царствия устрашением си повелительные отгнаша, но еще к сим единочасне купно и другое тогда чюдо сотворися богом, яко в той час, в онь же нападе на ня страх, вложи бог в мысль вошу некоему же благочестию в самом тех пришествии под град яту и держиму ими, принужден по вопрошением их поведати им. «Чесо ради, рцы нам, — тому они глаголаша, — таково нами видимо во граде в нощи сей молнеобразное блистание ото оружных сосуд, на ны битва со огнем яростно испущаема? Кая во царствии иже со царем затворенным удобь внезапно пребысть радость, изорцы нам?» — рекоша ему, вскоре к сим и муками испыташа, и не тяжче же. Он же, благоумен сый, яко весть чин православных: благочестия ради не туне в муках и велию претерпети болезнь, укрепляем о бозе от добраго приставника ангела своего ему хранителя, елика скорость уму его вопрошаемое объяти, сши словом добромыслено потребу времени грехопростительну лжу, затворенным во граде к свободе приличную, сказа противным, о Христе уповав, аще сим веруют. «Яко сего ради, — глагола им, — радость во граде, иже от западных стран, Новоградцкия и Псковския земля, предипущенными повеленьми царь, в споможение граду ратей вооруженных многочислие тем днесь купнопришествене ускориша во град, их же царь наш и людие града вси чаянием спешне удобь ожидаху». И егда си неверных врази от сказателя услышавше, веру паче о сих многу ноцным знамением явленным чувствы емше, купно словом, тоя же нощи, без пождания всяко днѣ, устремившася в прямое бегство. . . (стр. 36—37, 201).</p>	<p><i>Тое же нощи в полках у воевод бысть всполох велий; царь же крымской се слышав и веле привести перед себя полоненников и вопроша их: «Что есть тако на Москве великой шум?».</i></p> <p>Они же рекоша царю, что «приидоша к Москве многая сила новгородская и иных государств Московских, прити сее нощи на тебе».</p> <p>Царь же, слышав от них такое слово, той же час побегоша ж от Москвы и коши пометав; татаровя ж видяху царев побег, бежаху и друг друга топтаху (стр. 43).</p>

В других сохранившихся литературных памятниках «Смутного времени» этого известия о допросе русских полоняников крымским ханом и их «грехопростительной» лжи нет. Суть повествования во Временнике и Новом летописце одна. Сходство между обоими памятниками наблюдается даже в стилистике. И в том и другом наличествует одна и та же вопросительная форма: «Чесо ради. . .» и т. п. «Что есть тако. . .» и т. п. (НЛ). И во Временнике, и в Новом летописце согласно говорится о приходе многочисленных войск из Новгорода. Однако рассказ Тимофеева по сравнению с Новым летописцем более риторичен и многословен. Кроме того, во Временнике одного русского полоняника допрашивают татары, тогда как в Новом летописце русских полоняников — крымский царь. По-видимому, мы имеем здесь дело с чисто литературным приемом.

Далее Тимофеев строит свое повествование на основании устных рассказов, воспоминаний «ведцев», непосредственных очевидцев, скорее всего из окружения Воротынских, об изобретении князем М. И. Воротынским гуляя-города и дает его подробное описание (Вр., стр. 37—38, 202—203).

Но в заключении этого раздела опять-таки обнаруживается близость с Новым летописцем:

Временник	Новый летописец
<p>Но честнлюбивый изветом веры, содеяннаго ради тогда божия по истинне чудеси, на месте обознем, идеже бе всего ратнаго собрания православное ополчение, возградил новокоженовданен храм во имя пресвятыя богородица, порекло Донския, и лавру о нем устрои: вещи убо видения благоделно, истинною же — паче своего превосходны тщеславия имя о победе сим возвышая в роды (стр. 43, 208).</p>	<p>28. О поставлении монастыря пречистые Богородицы Донския. Повеле же на том месте, где стоял обов, воздвижнути храм во имя пречистые Богородицы, именуемые Донския, и повеле устроити монастырь, общее жителство инокам, и даде в монастырь вся потребная и вотчины. Ныне же тот монастырь именуется Донской (стр. 43).</p>

Текстуальное совпадение здесь налицо. Тимофеев излагает простой факт, который внутренне не распространяет. Тимофеевская дидактика следует за изложением факта: Борис Годунов обличается за стремление увековечить свое имя в связи с победой над татарами, хотя, как показывает выше сам Тимофеев, он имел к этой победе весьма косвенное отношение.

В разделе «О пострижении Борисом царицы Марии, матери царевича Дмитрия, по смерти его, и с Углича ссылка ея» Тимофеев снова возвращается к рассказу о гибели царевича злоумышлением Бориса Годунова, по сути повторяя уже сказанное (Вр., стр. 30—31). Те же три факта, уже приведенные выше, свидетельствуют, по мысли Тимофеева, о виновности Годунова: 1) суровое наказание угличан; 2) щедрое награждение даже дальних родственников

своих агентов в Угличе; 3) отказ от погребения царевича в усыпальнице московских государей и членов их семей — московском Архангельском соборе. К этим трем фактам им прибавляется здесь еще один: отказ Б. Годунова от производства строгого расследования обстоятельств гибели царевича, которое он не захотел приравнять даже к тому расследованию, какое производилось о смертях «нечестивых деспод», «иже некогда в землю сию от язык при державнем Феодоре в служение ему с восток сыну Агарянска царя и потом от западных двема сыновом Латынских кралей пришедшим, иже zde нанесеными от тогожде смерти измершим» (Вр., стр. 45, 214).

И. И. Полосин склонен видеть в «сыне Агарянска царя» Симеона Бекбулатовича²⁰. Это неверно, ибо он не приезжал служить Федору, а уже в 1575—1576 гг. занимал царский трон при Грозном. К тому же Симеон Бекбулатович пережил не только Федора, но и Бориса. Поэтому остается в силе предположение С. Ф. Платонова о том, что под «сыном Агарянска царя» надо разумеать крымского царевича Мурата («Малат-Кирея»), а под двумя сыновьями «Латынских кралей» — принцев Иоганна датского и Густава шведского²¹. В современных летописных заметках приезд царевича Мурат-Кирея в Москву датируется 16 июля 1585 г., а его отъезд в Астрахань 18 июля 1586 г.²² Любопытно отметить, что глава 15 Нового летописца посвящена приезду к царю Федору «Крымского царевича Малат-Кирея», в главе же 24 рассказывается о его смерти в Астрахани и о производстве там о ней строгого расследования. Следом за этой главой идет 25-я «О убийении царевича Дмитрия Ивановича и о заустении града Углича». В Новом летописце, однако, ничего не говорится о смерти царевича Мурата в результате происков Б. Годунова. Между тем подобные слухи тогда ходили и русскому правительству приходилось их опровергать в сношениях с Крымом²³. Согласно же версии Нового летописца смерть царевича Мурата произошла от ведунов, присланных из Крыма и из нагайского Казыева улуса (НЛ, стр. 39). Затем подробно рассказывается о суровом расследовании, произведенном по повелению Федора, фактически — Бориса Годунова, в Астрахани Евстафием Михайловичем Пушкиным и о жестоком наказании виновных: «царь же Федор Иванович посла в Астрахань Остафья Михайловича Пушкина про царевича сыскивать, и тех

²⁰ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 282.

²¹ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 181, прим. 1.

²² ГИМ, Синодальное собр., № 963, л. 96.

²³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, прим. 254, со ссылкой на Крымские дела, кн. 19, лл. 136 и 235. «Учинилась царю Казы-Гирею весть из Астрахани, что Мурат-Кирея окормили зельем, а после другая весть, что племянника его Кумык-Кирея окормили. . . Те ссорные слова сказывали лихне люди; а царевичей Мурат-Кирея не стало от его людей. . . Государь посылал в Астрахань дворянина своего Остафья Пушкина. . . и царица (жена Мурат-Кирея. — В. К.) писала о том Казы-Гирею».

ведунув попытать велел накрепко: по чьему умыслению царевичев и цариц и татар испортили; а пытав их велел государь пережечь». Далее следует детальное описание пыток и расправы над ведунами с участием некоего лекаря Арапа, награжденного потом царем (НЛ, стр. 39—40).

Теперь становится понятным, какого «крепкого» расследования «со истязанием» требовал от Бориса Годунова в Угличе Тимофеев, — образцом ему служило описанное в Новом летописце расследование об обстоятельствах смерти царевича Мурат-Кирея в Астрахани незадолго до трагической гибели царевича Дмитрия.

Известие о приезде в Москву и о смерти Иоганна датского, жениха Ксении Годуновой, сохранилось в главе 81 Нового летописца (НЛ, стр. 56—57). Популярность «королевича» вызвала подозрения царя Бориса, поддержанные его дядей Семеном Годуновым, ведавшим политическим сыском, Аптекарским приказом и докторами. Когда принц заболел, Семен Годунов пригласил к себе докторов. Произошла выразительная сцена. На вопрос Семена Годунова, можно ли вылечить Иоганна, доктора ответили утвердительно. Тогда он посмотрел на них «свирепым оком», не сказав ни слова. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы доктора не стали лечить принца, который вскоре и умер. Дополнительные подробности приводит В. Н. Татищев в Выписке, представляющей подготовительные материалы к той части «Истории Российской», где должно было говориться о «Смутном времени». Оказывается Борис боялся, что после его смерти русские люди, «вспомняув», как он «государей своих фамилию и по них все знатные роды искоренил», могут вместо его сына избрать на царство Иоганна, ставшего мужем Ксении²⁴.

Скорее всего именно этот эпизод с Иоганном имел в виду Тимофеев, распространив злоумышление Бориса Годунова и на царевича Мурат-Кирея, и на Густава шведского, первого жениха Ксении, испытавшего немилость Годунова и сосланного в Углич. О приезде в Москву Густава повествует глава 67 Нового летописца (НЛ, стр. 51).

Однако Густав умер не в царствование Годунова, а в 1607 г.²⁵ Иван Тимофеев в угоду своей основной задаче — доказательству причастности Бориса Годунова к гибели царевича Дмитрия — произвел своеобразную компоновку имевшегося у него материала, соединив известие об умерщвлении Иоганна датского с известием о суровом расследовании, предпринятом для выяснения обстоятельств смерти царевича Мурат-Кирея.

Вместе с тем обнаруживается близость Временника еще с семью главами Нового летописца (главы 15, 24—28, 67, 81), из которых четыре главы образуют компактное ядро, соответствующее рассказу Временника о гибели царевича Дмитрия и последовавших затем событиях, а остальные тесно с ними связаны.

²⁴ В. Н. Татищев. История Российская, т. VI. М.—Л., 1966, стр. 290.

²⁵ К. Буцов. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961, стр. 85.

Шестая прямая ссылка на использованный Тимофеевым какой-то письменный источник сделана в разделе, озаглавленном «О Богдане Бельском». Здесь Тимофеев рассказывает о жестокой расправе Годунова с Богданом Бельским и его сторонниками и сообщает об их возвращении в Москву с воцарением Лжедмитрия I, «егда той (самозванец. — В. К.) онаго (Б. Годунова. — В. К.), яко козел ногама, збод и с престола долу сверг, — о сем инде вьще сказася» (Вр., стр. 48, 213). И. И. Полосин полагал, что «образ «козла» и новое указание «инде» позволяют нам уверенно раскрыть ссылку автора на Хронограф 1617 года»²⁶. Однако в Хронографе 1617 г. Лжедмитрий I сравнивается не с «козлом», а с «кровоядным львичным щенком» или с «мерзоядным вепрем», который «борзыми ногами наскочи»²⁷. И в этом случае более примечательны общие моменты, которые удастся установить между Временником и Новым летописцем. Тимофеев пишет об удалении Богдана Бельского после смерти Ивана IV из столицы «за наставшую о нем в царствии тогда бывшую крамолу» (Вр., стр. 46, 212). Но именно этот вопрос занимает центральное место в главе 9 «О приходе черни в город и о Богдане Бельском» Нового летописца. В соответствии с главой 74 «О поставлении Борисова города» Нового летописца излагаются Тимофеевым и обстоятельства строительства Б. Бельским Царева-Борисова и его опалы в 1600 г. Тимофеев определеннее, чем составитель Нового летописца, говорит об оговоре Б. Бельским перед царем Борисом: «и оттуду оному нанесением лжесловне оклеветаше сего, соткмиша бо и к пребольшему желанием царства готову бывшу о сем, в самодаряющем мнении нань» (Вр., стр. 47, 212). Клеветники предъявили Б. Бельскому самое большое политическое обвинение — желание царства. К. Буссов вкладывает в уста Б. Бельского слова, будто бы сказанные им после постройки Царева-Борисова, что «он теперь царь в Борисграде, а Борис Федорович — царь на Москве». Немцы, служившие при Бельском, не любившем иностранцев, донесли об этом царю. Самозванный борисградский царь был доставлен в Москву, где его ожидала смертная казнь. К. Буссов полагает, что Бельский не был казнен лишь потому, что Б. Годунов «дал обет в течение 15 лет не проливать крови»²⁸. Важное известие о Бельском, приведенное в Выписке

²⁶ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 282, прим.

²⁷ РИБ, т. XIII, стб. 1289, 1291. В Хронографе 1617 г. под 7107 (1598/99) г. лишь упомянуто о строительстве Б. Бельским Царева-Борисова, но о конфликте с Борисом Годуновым ничего не говорится (там же, стб. 1284).

Сравнение Лжедмитрия I со «скименом злым» — злым львенком — появляется во Временнике гораздо позднее (Вр., стр. 94, 266). Сходство в терминологии наблюдается и между Временником и Новым летописцем. Так, например, во Временнике Москву освободили «останки малыми людьми» (Вр., стр. 96, 268). В Новом летописце во второе ополчение собрались «Московского государства последние люди» (НЛ, стр. 117; ср. стр. 99, 109, 111).

²⁸ К. Буссов. Указ. соч., стр. 92—93.

В. Н. Татищевым, вносит ясность в этот темный вопрос: «Другие рассказывают, якобы Бельской отцу духовному в смерти царя Иоанна и царя Федора каялся, что зделал по научению Годунова, которое поц тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, по котором немедленно велел Бельского, ваяв, сослать. И долго о том, куда и за что сослали, никто не ведал»²⁹. В. Н. Татищев противопоставляет это оригинальное известие Новому летописцу, версия которого изложена им ранее, но, по-видимому, оно не противостоит, а дополняет рассказ Нового летописца. Немыслимое, на первый взгляд, показание Бельского — в той критической ситуации, в которой он оказался, будучи приведенным из Царева-Борисова в Москву, — не только спасло его от смертной казни, но и сохранило ему жизнь в ссылке.

И во Временнике, и в Новом летописце говорится о лишении Б. Бельского имущества и о наказании вместе с ним его сторонников. Только у Тимофеева они не названы по имени, а в Новом летописце названы, может быть, частично: «Дворян же старых, которые были с ним, а на него не посягатели, Афонасья Зиновьева с товарищи также повеле разорити» (НЛ, стр. 55)³⁰.

Следует отметить совпадение уникальных известий во Временнике и Новом летописце о присутствии патриарха Гермогена при встрече мощей царевича Дмитрия в Москве в июне 1606 г. Тимофеев был очевидцем этой церемонии, которую подробно описал, вплоть до одежды царевича, в разделе «О пренесении мощей святого царевича Димитрия», следующем за разделом «О Богдане Бельском» (Вр., стр. 49—51, 214—217). «Странно поэтому, — отметил С. Ф. Платонов, — читать его показание, что «Гермоген, всеа Россия великий патриарх, всесоборне иконам воследуя во сретении новомученики» (л. 88 об.). Об отсутствии Гермогена узнаем из официальных источников, которые несколько расходятся с разбираемым Временником и в описании одежды царевича (Собр. гос. Гр. и Д., № 147. — Акты Арх. Эксп. II, № 48). Впрочем, Тимофеев сознается, что кое-что «моему . . . забвися виду»³¹. Но патриарх Гермоген встречает мощи царевича и в Новом летописце (см. стр. 130).

В Хронографе 1617 г. и других известных нарративных источниках о встрече мощей царевича Дмитрия патриархом Гермогеном ничего не говорится. Как видим, еще С. Ф. Платонов отметил противоречие этого известия Временника официальным

²⁹ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. VI, стр. 289.

³⁰ По данным А. Л. Станиславского, А. Ф. Зиновьев, выборный по Брянску в 1589 г., в служилом списке 1602—1603 гг. не значится. Нет ни его, ни его даточных людей и в росписи похода против Лжедмитрия I 1604 г. В 1607 г. упоминают на новом земском дворе царя В. Шуйского. Эти данные свидетельствуют об опале А. Ф. Зиновьева при царе Борисе и о возвращении его к служебной деятельности после его смерти, чем подтверждаются показания Временника и Нового летописца.

³¹ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 182, прим. 2.

Временник	Новый летописец
<p><i>Первоверхотелъный Гермогенъ, всеа Росіа великій патріархъ, всесоборне ꙗконамъ послѣдуя во сретеніе новомученика, та же во славе своей царь и по немъ того синклита чинъ, потомъ не-счотенное всенародное множество. . .</i> (Вр., стр. 49, 214—215).</p>	<p>И егда бысть близъ града Москвы, встрѣте ево самъ царь Василій и съ патріархомъ и со всеми властями и зъ бояры и со всемъ народомъ Московскаго зосударства. . . (НЛ, стр. 70).</p>

грамотам В. Шуйского. По-видимому, Тимофеев, которому к моменту написания этого раздела Временника «забылись» не только некоторые детали одежды царевича, но и то, кто же из высших церковных иерархов встречал его мощи в столице, вновь обратился к письменному источнику, близкому к Новому летописцу.

Седьмая ссылка на какой-то письменный источник сделана Тимофеевым в связи с рассказом о венчании Бориса Годунова на царство в 1598 г. Поведая об отравлении Федора Ивановича Борисом Годуновым и о том, как московские жители молили Годунова, удалившегося в Новодевичий монастырь, принять царский венец, о Серпуховском походе и венчании Бориса, Тимофеев заключает: «Толикие бо гордости вознесся о царствии, еже вмаде не сравнися зъ богомъ послѣде; но получение таковыя славы от своего ему яве желанія по всему яко ножъ наостренъ самъ принесе своему сердцу, имъ же себе збодъ и, низпадъ, сокрушися, *якоже и во другихъ о семъ пространнее речеся мѣстехъ*» (Вр., стр. 58, 225)³².

Особенность этого текста Временника в том, что в нем на первоначальную основу накладываются воспоминания самого дьяка Ивана, бывшего свидетелем колоритной сцены упрасивания Бориса в Новодевичьем монастыре и участником Серпуховского похода, подробно описанного во Временнике и Новом летописце, но даже не упомянутого в Хронографе 1617 г.

Однако этот письменный источник обнаруживается уже в начале рассматриваемого раздела, когда Борис Годунов вновь обвиняется в отравлении Федора Ивановича и убийстве царевича Дмитрия: «Принесе господску животу смертенъ ядъ и уби и некропролитие аще, убивательне же обаче, *якоже отрочате брату сего прежде той же*» (Вр., стр. 52, 218).

Эти обвинения перекликаются со ссылкой четвертой, где они приведены с указанием «глаголютъ нещии». Как уже говорилось, соответствие они находят в Латухинской степенной, Новом летописце и Выписке В. Н. Татищева. В данном же тексте имеются

³² Ошибочен перевод О. А. Державиной последних слов: «о чемъ пространнее *будетъ* (курсив мой, — В. К.) рассказано в другомъ мѣстѣ» (Вр., 225), поскольку в данномъ случаѣ мы имеемъ дело съ формой прошедшаго времени (аористомъ).

и другие совпадения с Новым летописцем. При перечислении причин, заставивших Бориса Годунова укрыться в Новодевичьем монастыре, Тимофеев на первое место выдвигает боязнь его возмущения москвичей, горько оплакавших смерть неалобивого Федора: «первое, страх о сем име в сердцы си, да увестъ истее, *аще ли отнюдь не быти внезапну востанию нань людий, огорчившемся по зельнем плачи вкусом о смерти царя*, и ускорят вослед его на убивство мщенъем» (Вр., стр. 52, 218). В Новом летописце «жестокий плач» по Федору описан следующим образом: «И бысть же на Москве в той день погребения его (Федора Ивановича. — В. К.) *плачь и вопль велий, яко же и пения не слышати от плача, и что друг ко другу глаголаху, и не можаша ся слышати в плачи*» (НЛ, стр. 49). Конечно, можно предположить, что Тимофеев был свидетелем плача по Федору и ему не нужно было обращаться к письменному источнику. Но как увидим, то же указание на горький плач народный будет сделано Тимофеевым и при описании смерти М. В. Скопина-Шуйского, когда Тимофеев находился в Новгороде, и опять-таки оно найдет параллель в Новом летописце!

В связи с обсуждением в 1598 г. кандидатуры Б. Годунова в Новом летописце сказано, что «князи же Шуйские едины ево не хотяху на царство: узнаху его, что быти от него людем и к себе гонению; оне же от него потом многие беды и скорби и тесноты прияша» (НЛ, стр. 50). В Латухинской степенной Шуйские игнорируют Земский собор 1598 г.: «точию, Шуйские не похотеша на избрании том быти, ведяху бо яко будет от Бориса им гонение велие» (ЛС, л. 917).

Объяснение причины отъезда Годунова в Новодевичий монастырь приведено в Выписке Татищева. Когда Борис отказался исполнить требование бояр о выдаче крестоцеловальной записи, «Шуйские начали говорить, что непристойно более его просить, понеже в большей просьбе и его таком отрицании может быть не без вреда, и представляли, чтоб обирать иного, а особливо, что они, зная его скрытную злость, весьма его допустить не хотели»³³.

Весьма примечательно, что только во Временнике и в Выписке В. Н. Татищева приведены конкретные данные о неприязненном отношении царя Бориса к Шуйским. У Тимофеева М. И. Татищев в угоду Годунову досаждают В. И. Шуйскому «вплоть до рукоблания» (Вр., стр. 101, 273). В. Н. Татищев говорит о гонениях на Шуйских вместе с Романовыми в 1600 г. и о ссылке В. И. Шуйского Б. Годуновым за тайную переписку с самозванцем³⁴.

Наглядно близость Временника и Нового летописца в этом разделе выступает и из совпадения датировки прошения о воцарении Бориса Годунова: «День же того прошения тогда в *Сырней седмицы вторник бе*» (Вр., стр. 53, 219). И согласно Новому летописцу, прошение состоялось «на *Сырной недели во вторник*» (НЛ,

³³ В. Н. Татищев. История Российская, т. VI, стр. 287.

³⁴ Там же, стр. 288, 300, 310.

стр. 50). В Латухинской степенной сказано, что прошение было подано «в неделю Сырную» (ЛС, л. 917)³⁵.

Восьмая ссылка (согласно изданию О. А. Державиной или первая по И. И. Полосину) на какой-то письменный источник сделана Тимофеевым в связи с повествованием об изменнических действиях некоторых русских купцов («коэмиков») и дворян, перешедших ради сохранения своих богатств на сторону интервентов, заседавших вместе с ними в совете, заключавших с ними соглашения («много сложение творяху») (Вр., стр. 112, 286). Заключает этот обличительный отрывок Тимофеев следующими словами: «Но эде слово вмаде сих, инде же многократно потонку речеса о них» (Вр., стр. 113, 286).

И. И. Полосин, комментируя этот текст Временника и отмечая, что в самом Временнике такого материала не так уж много, пишет: «Говоря «инде», автор отсылал читателя к какому-то другому историческому источнику. Действительно, в Новом летописце, например, отыскивается многочисленный и разнообразный обличительный материал о преступных действиях и купцов и дворян. Не к этому или подобным трудам отсылал Тимофеев читателя?»³⁶ К этим наблюдениям И. И. Полосина добавим, что в Новом летописце имеется специальная глава 238 о заключении договора о признании королевича Владислава, где действия бояр оцениваются как изменнические (НЛ, стр. 100), о предательских действиях окольного Михаила Салтыкова, «всему злу настоятеля», и московского купца Федора Андропова (гл. 239, стр. 101; гл. 252, стр. 106; гл. 247, стр. 103) и др.

Девятая ссылка на другой письменный источник заключает рассказ о воцарении Шуйского, восстании И. И. Болотникова, которое характеризуется как «непослушное самовластие рабов» (Вр., стр. 113, 287), и движении Лжедмитрия II, когда Василий Шуйский дважды оказался осажденным в столице, а по городам умножилось «злоначество» и «самовластие», «колебанием о цари люди распыхавхуся неуставне и воспения море житейское неукротимо; лют бо тогда в живущих от ярости гнева пламень распалашеся возжигаем; он же, вправду яко огонь, леты

³⁵ Подобная датировка («во вторник Сырные недели») встречается еще в Московском летописце, причем там добавлено, что произошло это на «сороковой день» по смерти Федора и пострижении Ирины (В. И. Бузанов, В. И. Корецкий. Указ. соч., стр. 159). В Пискаревском летописце указана дата 21 февраля, на которую и приходился в 1598 г. вторник Сырной недели (О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — В кн.: «Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955, стр. 101; О. А. Державина. Исторический и географический комментарий. — «Временник Ивана Тимофеева», стр. 479, прим. 146—147). В Бельском летописце наречение на царство Бориса Годунова происходит «в великий пост на Федоровой неделе во вторник» (В. И. Корецкий. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова. — ВИ, 1971, № 5, стр. 139). В Хронографе второй и третьей редакций и в «Сказании Авраамия Палицына» точная датировка отсутствует.

³⁶ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 266.

многими обтек, испепели убо, яко же во всесложении многословне о сем речено бысть» (Вр., стр. 114, 288).

И. И. Полосин, предполагая, что об этом рассказывал в другом месте «или сам автор, или кто-то другой», задавал вопросы: «Где? Когда?»³⁷ Обращение к Новому летописцу рассеивает сомнения и на этот раз. Там действительно с такой подробностью, как ни в каком другом из известных сочинений о «смуте» повествуется о событиях восстания И. И. Болотникова, осаде им Москвы, волнениях в других городах, действиях Лжедмитрия II и его польских и русских сторонников (НЛ, главы 124—166). Здесь присутствуют автобиографические моменты, прерывающие изложение по письменному источнику (о нахождении дьяка в осажденной И. И. Болотниковым Москве, о последующем отъезде в Великий Новгород, об обстоятельствах, при которых он попал «в плен» к шведам, занявшим город).

Завершается эта часть Временника, основанная на каком-то письменном источнике, словами: «Но паки предиреченных имеем» (Вр., стр. 115, 288), после чего следует пространный автобиографический рассказ Тимофеева о его бедствиях в шведском плену и о причинах, побудивших его к творчеству.

Десятая отсылка произведена Тимофеевым в связи с повествованием о всеобщем разделении русских людей, сговора части их с интервентами — и не только незначительных служилых людей, но и бояр, когда Лжедмитрий II стоял в Тушине и участвовали «тушинские перелеты»³⁸. «Восташа бо наша сами на ся и разделишася в разделения зла приразишася ко иноплеменных сонмом, и совокупишася со языки, и навывкоша дела их и, инде речеся, изыдоша от нас. . .» (Вр., стр. 123—124, 298—299).

Хотя о событиях восстания И. И. Болотникова и о Лжедмитрии II говорится и у Авраамия Палицына³⁹, и в Хронографе 1617 г.⁴⁰, но довольно кратко, что противоречит словам Тимофеева о «всесложении многословне», сделанном в девятом отрывке. По своему же содержанию десятый отрывок оказывается связанным с восьмым и девятым, а многочисленные персональные указания на измены как мелких, так и крупных русских феодалов приведены именно в Новом летописце (НЛ, главы 169, 171, 181, 185, 187 и др.). Вспомним, что восьмую ссылку и сам И. И. Полосин склонен был связывать с Новым летописцем или каким-то близким к нему памятником.

Одиннадцатая ссылка сделана в рассказе, ведущемся от имени Великого Новгорода, из которого «дивный стратиг» князь М. В. Ско-

³⁷ Там же, стр. 297.

³⁸ И. И. Полосин почему-то думает, что в данном случае И. Тимофеев «вспоминает Грозного и его опричнину, не давал, однако, открытой ссылки» (И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 300). Все последующее изложение неоспоримо свидетельствует о событиях времени осады Москвы Лжедмитрием II.

³⁹ «Сказание Авраамия Палицына», стр. 119.

⁴⁰ РИБ, т. XIII, стб. 1302—1303.

пин-Шуйский «с наятими Еллины» нанес сокрушительный удар по тушинцам: «о нем же пространнее инде слово сказа» (Вр., стр. 126, 300). О князе М. В. Скопине-Шуйском повествуют многие памятники «Смутного времени», находим мы рассказ о его походе к Москве и в Хронографе 1617 г., и в Сказании Авраамия Палицына, но они предельно кратки. Наиболее подробное повествование о пребывании его в Новгороде и походе на Москву сохранилось опять-таки в Новом летописце, и, что на наш взгляд главное, только в Новом летописце и во Временнике приведены подробности, исключительно согласные друг с другом относительно обстоятельств неудачного побега князя М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода при получении известий о переходе на сторону Лжедмитрия II Пскова.

Временник	Новый летописец
<p><i>Егда же от Плескова с прочими, яже о нем, возжеся огнь прелести самовластия и доиде до зде в слуги иже сего великаго (М. В. Скопина. — В. К.), — не вем, како словес прелестию восхити сего, яко волк агнца незлобива, и отнес на раме в дебрь третий отъде сначаланик, иже по нем, ему же и соименен бе кроме княжества (Михаил Татищев. — В. К.). . .; обаче повинуся убо великий совету злоумнаго: пошепта, якоже древле змия Евзе, во уши, бегством сего изводит из града. Соизволяет же и способствует того совету и от втораго чина самописчий некто (дьяк Ефим Телепнев. — В. К.). . . (Вр., стр. 128, 129, 304).</i></p>	<p><i>Во Пскове же, не помня крестного целования, государю измениша, целовали крест вору. Вестъ же прииде ко князю Михаилу Васильевичу в Новгород, что псковичи измениша. Князь Михайло ж, советова с Михайлом Татищевым да и з дьяком Ефимом Телепневым, и, побоясь от новгородцов измены, побегоша из Нова города. . . (НЛ, стр. 84—85).</i></p>

И во Временнике, и в Новом летописце существо и последовательность событий полностью совпадают, названы, и это особенно примечательно, те же два советника с тем лишь различием, что у Тимофеева их имена зашифрованы, переданы иносказательно, а в Новом летописце — названы прямо. Ни в каком другом памятнике «Смутного времени», включая Хронограф 1617 г., Сказание Авраамия Палицына, Повесть о М. В. Скопине-Шуйском, которую И. И. Полосин склонен приписать перу Ивана Тимофеева⁴¹, упоминаний о злом совете именно Михаила Татищева и дьяка Ефима Телепнева нет. Дополнительным по отношению к Временнику известием Нового летописца надо считать мотивировку побега: «побоясь от новгородцов измены». Близость Временника к Новому летописцу в этой части отмечена еще

⁴¹ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 301.

С. Ф. Платоновым. Подробно передав текст Временника, он заключает: «Таков рассказ Тимофеева, подтверждающий и дополняющий показания Нового летописца. Тимофеев, как и автор Нового летописца, не винит ни в чем самого Скопина. Он представляет его жертвою лукавого Татищева (и добавим от себя — дьяка Ефима Телепнева, также присутствующего в обоих источниках. — В. К.). . .»⁴²

В этой части Временника, где рассказывается о событиях в Новгороде, участником и очевидцем которых был дьяк Иван Тимофеев, его собственные воспоминания сказались, безусловно, очень сильно. Ряд подробностей сохранил только Временник. Тем знаменательнее отмеченная параллель Временника с Новым летописцем.

Двенадцатая ссылка на другой письменный источник типа «скажут нецци», ясно свидетельствующая, что Тимофеев имеет в виду чужое, а не собственное произведение, знакомит нас с трагическими обстоятельствами смерти князя М. В. Скопина-Шуйского: «Вмале же от сродных си, о добрых взавиден быв, смертным уязвен ядом; угашению жизни его, скажут нецци, носяй венец стрый его виновен бе» (Вр., стр. 135, 312). Эта ссылка перекликается со ссылками первой и четвертой (того же типа — «глаголют нецци»), где говорится об отравлении Ивана Грозного и Федора Ивановича. Первая из них, как мы установили, получает косвенное подтверждение в Новом летописце и вторая — прямое — в Латухинской степенной (с той же ссылкой — «глаголют нецци»), обе сразу — в Выписке В. Н. Татищева.

В Хронографе 1617 г. вопрос о причине смерти князя М. В. Скопина обойден молчанием. Зато в Повести о его смерти и о погребении, включенной в состав Хронографа из Собрания Погодина № 1451, и одной «Степенной с добавлением»⁴³, она указана со всей определенностью — полководца отравила жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского — Мария (ошибка: надо — Екатерина. — В. К.), дочь Малюты Скуратова⁴⁴. Однако причастность самого царя Василия к умерщвлению племянника полностью отрицается: «Но буди вам известно, яко и сам царь Василей, егда от погребения возвратися, и пришед в полату свою и на злат стол свой царьский ниц пад, и плачяся, захлебаяся горко, смоча слезами стол, слезы на пол с стола каплющи»⁴⁵.

В Новом летописце, несмотря на то, что там нет прямого указания на отравление М. В. Скопина-Шуйского своим венценосным дядей, присутствует ряд известий, подводящих читателя к этому выводу. В главе 210 Нового летописца говорится об опрометчивом письме Прокопия Ляпунова князю М. В. Скопину-Шуйскому

⁴² С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 202.

⁴³ РИБ, т. XIII, стр. XXXVIII—XXXIX.

⁴⁴ Там же, стб. 1333.

⁴⁵ Там же, стб. 1345.

с поздравлением «на царство», после чего царь Василий и «братья царя» «на князь Михайла нача мненне держати» (НЛ, гл. 210, стр. 92—93). В главе 227 рассказывается о беспрестанных предостережениях Делягарди Скопину скорее покинуть столицу, которые тот делал, «видя на него (Скопина. — В. К.) на Москве ненависть» (НЛ, стр. 96). Народ восторженно встречал удачливого полководца, освободителя Москвы. Ясно, что здесь недвусмысленный намек на дядю («стрыя») и его братьев. Поведая о внезапной злой болезни Скопина и его кончине, летописец замечает: «Мнози на Москве говоряху то, что испортила ево тетка ево княгиня Екатерина князь Дмитриева Шуйскова, а подлинно то единому богу [ведомо]» (НЛ, стр. 96—97). Завершает свое повествование летописец правоучительной сентенцией о том, что судьба князя М. В. Скопина определялась богом: «Вседушно мняху все людие *по той ненависти*, что грех ради наших *друг друга ненавидяху и друг другу завидовашу*, видяще, кому бог даст храбрость и разум, и тех не любяху; силою же никому у бога не взять: всяк бо званный от бога честь приемлет; власть дает бог; кому хочет, тому и дает. Також и сему храброму князь Михаилу Васильевичу дано от бога, а не от человек» (НЛ, стр. 97). В главе 229 отмечено, что Прокопий Ляпунов думал по-другому и готовился «мстить смерть царю Василию князь Михайла Васильевича» (НЛ, стр. 97). Мы видим, что хотя в Повести и прямо говорится об отравлении Скопина, но ее известия отстоят далеко от сообщения Тимофеева об его умерщвлении происками «стрыя» (дяди) — самого царя Василия. Кроме того, в ней присутствует и прямая ошибка — жена Дмитрия Шуйского названа Марией, тогда как в действительности имя ее было Екатерина, а Марией звалась ее сестра, бывшая замужем за Борисом Годуновым и погибшая в 1605 г. Рассказ же Нового летописца, перекликающийся с содержащимися в нем слухами и толками о смерти Ивана Грозного, известиями Латушевской степенной и Выписки В. Н. Татищева об отравлении Борисом Годуновым царя Федора, а в Выписке и Грозного, самим подбором и трактовкой фактов ведет читателя к выводу о причастности царя Василия и его братьев к гибели племянника, который в глазах своих сторонников становился главным претендентом на царский престол.

Закрывающая же рассказ Нового летописца сентенция соответствует тексту Временника, который следует за рассказом об отравлении Скопина *из-за зависти и ненависти*. Это рассуждение на ту же тему, что и летописца, но только более конкретизированное применительно к отношениям М. В. Скопина и В. И. Шуйского. Так же, как и там, бог является тем верховным существом, которому был обязан Скопин своей «крепостью» и который только и мог увенчать его главу — очевидно, царским венцом, за его воинские подвиги. Во Временнике читаем: «Ничто же бо *во время зависти*, егда она царствава, сродство обоих пользова; дерзаго же паче на суде, осудив, посрамит, зане убиенный (Скопин. — В. К.) убившему (царю Василию. — В. К.) искрено послужу, он же

ему се ненависть преложи, якоже Саул иногда Давидови, о похвалях устрелен завистию, яко елень в ребра, сего ради и сотрясен бысть поражением от духа нечиста. Но кто от земных мощен бе подвиг дельма доброхвальнаго главу венчати, разве не иже ли крепость тому подавый?» (Вр., стр. 135, 136, 312).

И. И. Полосин склонен отнести известие Временника о смерти Скопина к Повести еще и потому, что Повесть в Хронографе подробно рассказывает о том плаче, которым почтил народ умершего князя ⁴⁶. Однако он упускает из вида, что о плаче по Скопине сообщают и Новый летописец, и другие сочинения «Смутного времени», но что только при сопоставлении текста Временника с Новым летописцем проявляются слова Тимофеева о «перводесподском плаче»:

Временник	Новый летописец
Его же (Скопина. — В. К.) в самом царствия недре земвороднии со младенцы вси при гробе его небоязнено перводесподским почтоша плачем, не внемлюще отнюдь владущаго страху. . . (Вр., стр. 136, 312).	На Москве же плач бысть и стонание велие, яко уподобитися тому плачу, како блаженные памяти по царе Федоре Ивановиче плакашу. . . (НЛ, стр. 96).

Оказывается, под «перводесподским плачем» Временника следует, по-видимому, разуметь не просто плач «как бы о царе» (Вр., стр. 312 — перевод О. А. Державиной), а плач по первом царе, упомянутом и во Временнике и в Новом летописце (известия и то и другое об оплакивании царя Федора Ивановича приведены выше), который был оплакан москвичами, ибо по Ивану Грозному не плакали. Согласно Временнику, бояре от радости не хотели верить известию о смерти Ивана и поначалу думали, что все это им приснилось во сне (Вр., стр. 15—16, 178). В Новом летописце такой щекошливый момент, как радость по поводу смерти Грозного, обойден молчанием, но и об оплакивании его ничего не сказано (НЛ, стр. 35).

Тимофеева в столице в 1610 г., когда там хоронили безвременно умершего Скопина, не было (он находился в Новгороде), поэтому зависимость его рассказа о смерти Скопина от какого-то письменного источника («скажут нецыи»), близкого к Новому летописцу, проявилась особенно сильно.

Тринадцатая ссылка связана с описанием ратных подвигов князя М. В. Скопина во время похода его к Москве. Запись сделана Тимофеевым скорее всего в промежуток с 1614 по 1617 г.: «Мы zde (в Новгороде. — В. К.) затворении ясне подробну к сказанию не довлени, потонку же вся сведят с ним же бывшая в прилуч-

⁴⁶ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 302.

шихся, нам же и нужная вписавшем, елика вmale от слуха приемшим» (Вр., стр. 143, 320). Тимофеев отмечает, что, находясь в оккупированном шведами Новгороде, он мог писать о походе Скопина к Москве лишь понаслышке. Подробности же этого похода, тут же добавляет он, надо искать в другом историческом труде — «*О сиз же явлене в прочих скажется местех*» (Вр., стр. 143, 320). Может быть, о существовании такого исторического труда Тимофеев знал уже на начальной стадии своей работы над Временником и в какой-то мере был знаком с его содержанием? Хотя о походе Скопина говорится в Сказании Авраамия Палицына (с момента подхода к Троице-Сергееву монастырю)⁴⁷, в Хронографе 1617 г. (в самых общих словах)⁴⁸ и в Повести о рождении князя М. В. Скопина-Шуйского (в связи с военными действиями в районе Калязина монастыря)⁴⁹, но весь поход в целом с момента выступления Скопина из Новгорода до вступления в Москву наиболее обстоятельно описан лишь в Новом летописце (НЛ, главы 201—203, 206—211, 218, 223—226).

За повествованием о князе М. В. Скопине-Шуйском следует раздел «О патриархе Гермогене». Он выдержан в панегирическом по отношению к Гермогену духе (Вр., стр. 143—144, 320—322). Но исключительно высоко расцениваются слова и действия патриарха Гермогена и в Новом летописце (НЛ, главы 238—239, 256, 262, 286). Правда, в Хронографе 1617 г. помещена отповедь в защиту патриарха от его критиков. Однако некоторых деталей, общих для Временника и Нового летописца, в Хронографе 1617 г. мы не находим. Так, во Временнике говорится об упорной борьбе Гермогена с «латынянами» и соединившимися с ними русскими изменниками, об их обличениях патриархом. Среди русских изменников Тимофеевым названы М. Салтыков и Ф. Андронов (Вр., стр. 144). В Новом летописце в главе 252 рассказывается о столкновении патриарха с М. Салтыковым, который оскорблял патриарха словесно и бросился на него с ножом. За это патриарх проклял М. Салтыкова (НЛ, стр. 106). Осуждается в Новом летописце предательство Ф. Андропова (НЛ, гл. 247, стр. 103). В Хронографе же упоминается один Ф. Андронов в связи с его пленением и казнью после освобождения Москвы вторым ополчением, имя М. Салтыкова отсутствует.

Факты о предательстве М. Салтыкова и Ф. Андропова, приведенные Тимофеевым в разделе «О патриархе Гермогене», перекликаются с восьмой ссылкой, где Тимофеев обличает изменнические поступки некоторых русских купцов и дворян. По-видимому, и в разделе «О патриархе Гермогене» Тимофеевым был использован тот же самый письменный источник, близкий к Новому летописцу, что и в ссылке восьмой.

⁴⁷ «Сказание Авраамия Палицына», стр. 180.

⁴⁸ РИБ, т. XIII, стб. 1303—1305.

⁴⁹ Там же, стб. 1329—1331.

Ссылки четырнадцатая и пятнадцатая находятся в «Летописце вкратце». Если ссылка четырнадцатая дублирует ссылку первую и четвертую о насильственной смерти Ивана Грозного и его сыновей Дмитрия и Федора от рук подданных, под которыми подразумевался прежде всего Борис Годунов, с тем же указанием, что об этом «глаголаху же неции» (Вр., стр. 151, 328), то ссылка пятнадцатая носит поистине синтезирующий характер. Рассказав о царе Федоре, рождении у него дочери Феодосии, о царевиче Дмитрие, погибшем злоумышлением Бориса Годунова, который сравнивается с Иродом, Тимофеев восклицает: «Увы, яко сих двобратных кончиною прерван купно род, по смерти Российских деспод весь благородия корень! По сих же от синглитских чинов срабне на царствия верх возводити начаша, но различне, — ов сице, ов же инако, в них же первый Борис и потом Рострига и иже по сих, их же бе дерзость по всему безстудна и воцарение странно; сих ради и земля, не стерпеваема, селико лет даже доселе о цари смущаема, колебашеся неуставно, *о них же подробно на се довлеными в подобных местех скажется ясно, не иже нами*» (курсив мой. — В. К.) (Вр., стр. 152, 330).

И. И. Полосин пишет, что «ссылка на какой-то другой, общеизвестный, может быть, и официальный («подобный»), летописец дана здесь автором с предельной ясностью»⁶⁰. Но из этой ссылки предельно ясно также и то, что не на свой летописный труд при этом ссылается Иван Тимофеев, а на какой-то летописец, принадлежащий перу другого лица, — «скажется ясно, не иже нами».

В Хронографе 1617 г. трудно видеть этот Летописец, как хотелось бы И. И. Полосину, ибо там ничего не говорится о рождении Феодосии и специально не выделяется вопрос о пресечении царского корня и появлении неистинных царей и самозванцев. Между тем эти вопросы рассматриваются пристально и в Новом летописце, автор которого, по наблюдению Л. В. Черепнина, «основную причину» «смуты» видит в насильственном пресечении «благочестивого корня» — царской династии⁶¹. Но точно так же в приведенной выше цитате определяет основную причину «смуты» и Тимофеев.

Близость между Временником и Новым летописцем обнаруживается и тогда, когда в этих сочинениях говорится о самозванцах и той среде, из которой они появились (см. стр. 140).

О самозванцах Петре, Августе, Лаврентии и Гурии говорится также в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства», что и позволяло С. Ф. Платонову видеть в «Плаче» источник Временника, однако в отличие и от Временника и от Нового летописца там по-другому определяется среда, поставляв-

⁶⁰ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, стр. 305.

⁶¹ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, т. 14, 1945, стр. 83.

Временник	Новый летописец
<p>И по всей земли яко огонь ненависти скоро возжеся о нем (Василии Шуйском, осажденном в Москве сначала Болотниковым, а потом Лжедмитрием II. — В. К.), и грады многи егова крестопреступна повеления и отписашася имени и повеления, и начаша по жестам мнози, яко елико град, студный и лжеименные вознущати цари от мельчайших и безыменных людий, паче же от последних страднических четьи... (Вр., стр. 153, 331; см. также стр. 32, 196).</p>	<p>О ворах Астраханских, кои назывались царевичи. Грех ради наших дьявольским научением <i>возставаху, нечем откуды имавху такие вори</i>, называхуся праведным коренем: иногда цари Ивановым сыном Васильевича, иногда царевича Ивана Ивановича сыном, а ин назвася цари Федора Ивановича сын. Како же у тех окаяных злодеев уста отверзашеся и язык проглагола, неведомо, откуда взявся; а <i>называхуся таким праведным коренем иной боярской человек, а иной мужик пашенной</i> (НЛ, стр. 89).</p>

шая самозванцев («И мнози от грабителей и насытных кровоядцев царьми именоваша себе». . .) ⁵².

Только во Временнике и в Новом летописце упоминается о большой радости на Москве по случаю рождения дочери Феодосии у царя Федора Ивановича, притом в таких словах, которые указывают на текстологическую зависимость:

Временник	Новый летописец
<p>...произвед во дни своя от царских си чресл дщерь едину, жизнию же непотребитку; но обаче и <i>сея рождением тогда в людех премнога сотворися радость</i>. . . (стр. 152, 329—330).</p>	<p>37. О рождении царевны Феодосии Федоровны. Того же году (1592. — В. К.) родися у государя благочестивая царевна Феодосия Федоровна, и <i>бысть радость на Москве велия</i>. . . (стр. 45).</p>

В Ином сказании о царевне Феодосии упомянуто в общей форме в связи с тем, что самозванец Илейка называл себя Петром Федоровичем, тогда как автор Иного сказания стремился подчеркнуть, что сыновей у Федора Ивановича не было ⁵³. В Хронографе второй редакции о Феодосии ничего не говорится.

Итак, на протяжении всего текста Временника обнаруживается определенная близость с Новым летописцем по содержанию, порядку расположения материала, уникальным известиям, встречающимся только в этих сочинениях, а в некоторых случаях даже текстологическая. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксом: Временник, как установлено С. Ф. Платоновым, написан раньше

⁵² РИБ, т. XIII, стб. 228.

⁵³ Там же, стб. 97—98.

Нового летописца⁵⁴. Признание этого факта и заставляло С. Ф. Платонова и И. И. Полосина, отметив отдельные черты сходства Временника с Новым летописцем, отказываться от дальнейших наблюдений. Теперь, однако, можно объяснить этот парадокс. Как нам удалось установить, в основу Нового летописца была положена летопись монаха Иосифа, келейника патриарха Иова, работавшего затем в Москве, в окружении патриарха Гермогена. Эта же летопись, как показано нами в других работах, была использована позднее Тихоном Желтоводским при составлении Латухинской степенной⁵⁵, а в середине XVIII в. — В. Н. Татищевым в подготовительных материалах к «Истории Российской» — Выписке⁵⁶. Очевидно, близость уникальных известий Временника с Новым летописцем, Латухинской степенной и Выпиской В. Н. Татищева следует объяснить использованием Иваном Тимофеевым и составителями этих сочинений одного и того же летописного источника — «Истории о разорении Московском» Иосифа, которую очень высоко ценил В. Н. Татищев, но которая, к сожалению, сгорела после смерти историка в его имении⁵⁷.

М. Н. Тихомиров высказал интересное суждение о том, что Временник Ивана Тимофеева будто бы и является этой исчезнувшей «Историей» Иосифа, привлеченной В. Н. Татищевым при написании «Истории Российской». Основанием для такого вывода М. Н. Тихомирову послужил отмеченный еще В. Н. Татищевым факт, — в «Истории Иосифа» о последних годах правления Грозного говорилось кратко, а о последующих событиях «смуты» до избрания на царство в 1613 г. Михаила Романова — подробно. Во Временнике, указывает М. Н. Тихомиров, расположение материала такое же⁵⁸.

Хотя ни по общему содержанию, ни по стилю, ни по хронологическим рамкам отождествить Временник с «Историей» Иосифа не представляется возможным, в суждении М. Н. Тихомирова имелось рациональное зерно. Если Временник — и не «История» Иосифа, то между ними наблюдается непосредственная связь, ибо последняя, как мы стремились показать, послужила Тимофееву основным летописным источником для написания его знаменитого произведения.

⁵⁴ С. Ф. Платонов. Указ. соч., стр. 209, 318.

⁵⁵ В. И. Корецкий. К вопросу об источниках Латухинской степенной книги. — В кн.: «Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Соснова». М., 1974, стр. 328—337.

⁵⁶ В. И. Корецкий. История Иосифа о разорении русском — летописный источник В. Н. Татищева. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 251—285.

⁵⁷ В. И. Корецкий. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. — В кн.: «Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Б. А. Рыбакова». М., 1968, стр. 282—290.

⁵⁸ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 42.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ РУКОПИСИ ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Т. В. Дианова

Научная ценность Пискаревского летописца¹ как памятника, раскрывающего события XVI—начала XVII в., широко известна. Но мнения авторов, останавливающихся на вопросах его датировки, разноречивы.

В каталоге славяно-русских рукописей, составленном А. Е. Викторовым, под № 176 указан «Русский летописец от начала русской земли до восшествия на престол царя Алексея Михайловича, скоропись первой половины XVII в. Писан скоро по восшествии на престол ц. Михаила Федоровича, потому что следующий далее краткий перечень событий царствования ц. Алексея Михайловича (на 2 листах), очевидно, приписан после, на оставленных нарочно для продолжения летописца белых листах»². Для рукописи XVII в. датировка первой половиной века слишком широка и неопределенна.

Далее приводим выдержку из статьи М. Н. Тихомирова относительно времени написания летописца: «Пискаревский летописец, судя по водяным знакам, был написан примерно в 20—30-х годах XVII столетия. . . О. А. Яковлева, частично опубликовавшая этот летописец, относит водяные знаки рукописи «к концу первой четверти XVII в.», указывая на «кувшинчик», близкий к знаку, датируемому Тромониным 1626 г. (№ 1763). Однако М. В. Щепкина отмечает, что в Пискаревском летописце свыше 20 сортов бумаги, в том числе и более поздней, чем бумага первой четверти XVII в. (первой трети XVII в.)»³. К сожалению, филигрны Пискаревского летописца в названных работах не приведены, а также нет отсылок на альбомы-справочники. Указанный в альбоме Тромонина «кувшинчик» под № 1763 имеет настолько отдаленное сходство с филигранями этого типа, выявленными нами в рукописи, что основанием для датировки памятника служить не может.

Более точная датировка рукописи может быть произведена лишь на основе тщательного изучения водяных знаков.

¹ ГБЛ, ф. 228 (Пискарева), № 176.

² «Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева». Составлен А. Е. Викторовым. М., 1871, стр. 46.

³ М. Н. Тихомиров. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в. — «История СССР», 1957, № 3, стр. 112.

Произведенный нами полистный анализ филигранных летописца позволил выявить 9 различных сортов бумаги, из них 3 имеют наряду с правильными рисунками поврежденные варианты. Приведем их полностью.

1) Лотарингский крест под короной с двумя буквами «С» и контрамаркой «IR» — с начала рукописи до л. 26⁴;

б) этот же тип знака в поврежденном варианте — л. 6.

2) Гербовый щит под короной с перевязью, под ним монограмма из букв «GVD» и контрамарка «IC» рядом со щитом — лл. 30—51.

3) Кувшин одноручный под полумесяцем, с буквами «IC» на тулове;

б) поврежденный вариант этого знака с утраченными двумя бусинами над носиком кувшина и перекошенным поддоном, оба варианта на лл. 53—60, 86—126, 143—196, 245—284, 513—515, 520—538, 593—600.

4) Кувшин одноручный под полумесяцем, крупного размера, с буквами «F/IR» на тулове и лилией на поддоне — лл. 127—134, 221—244, 578—592.

5) Столбы, между ними буквы «PGR», над ними виноград — лл. 197—220, 539—575;

б) поврежденный вариант этого знака с утратой столбов (виден лишь виноград) — лл. 2, 299—318, 516, 604—639.

6) Гербовый под короной щит с геральдической лилией — лл. 328—342, 503—512, один лист без пагинации между лл. 522 и 523.

7) Гербовидный щит без заполнения, под ним буквы «IDM» — лл. 63—84, 135—142, 285—292, 343—470, 665—707, 710.

8) Кувшин одноручный, под полумесяцем, крупного размера, с буквами «I/QQ» на тулове и лилией на поддоне — лл. 319—326, 641—664.

9) Орел одноглавый под короной, на тулове рог изобилия — лл. 471—501, 708—709, 715—770.

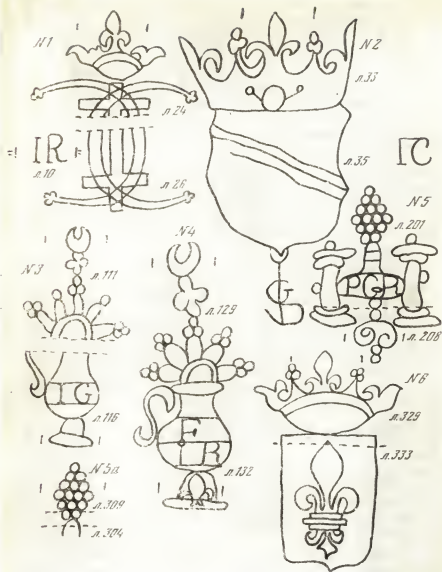
Анализ чередования приведенных сортов бумаги в различных частях рукописи доказывает одновременность создания памятника. Наличие такого количества сортов характерно для рукописных книг такого объема, как Пискаревский летописец или каждый из томов Милютинских Миней⁵, а также для бумаги книг, отпечатанных на Московском печатном дворе в XVII в., филигранных которых нами выявлены.

По набору типов водяных знаков бумаги Пискаревский летописец близок также к печатным книгам Москвы 40-х годов XVII в. Это же сочетание типов филигранных можно обнаружить в Минее служебной за сентябрь (М., 1644), хотя в иных вариантах.

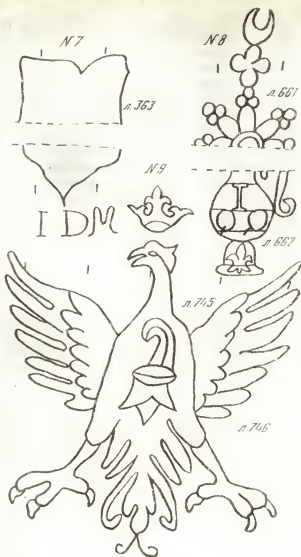
Переходим к рассмотрению каждого типа филигранных бумаги.

⁴ Указана пагинация, идущая по нижнему полю листов.

⁵ ГИМ, Сия. 797—808.

Типы филигранных Пискаревского летописца

Типы филигранных Пискаревского летописца

1) Лотарингский крест, контрамарка «IR». В альбоме Гераклитова имеется близкий по рисунку знак, но без контрамарки под № 356 — 1643 г. Идентичный знак с указанной контрамаркой обнаружен нами в печатной Минее служебной за январь (М., 1643—1644 гг.)⁶.

2) Гербовый щит с перевязью. Эта филигрань в альбоме Гераклитова воспроизведена в варианте с искаженной монограммой «GVD» под щитом — № 244 — 1642 г. и № 248 — 1642 г. В датированных материалах Отдела рукописей ГИМ идентичный знак встречен нами дважды: в рукописной грамоте 1645 г.⁷, а также в печатной книге «Маргарит» (М., 1640—1641 гг.)⁸.

3) Филигрань «кувшинчик» с буквами «IG» на тулове. Прямых аналогий этот водяной знак в литературе не имеет. Такого же рисунка и размера кувшин, но с иными буквами «ADC» встречен нами в печатной «Службе и житии Николая чудотворца» (М., 1643 г.)⁹.

4) Филигрань «кувшинчик» с буквами «F/IR». В справочных альбомах не найдена, но точно такой знак встречен нами в рукописной коллекции Н. П. Тихомирова, хранящейся в ГИМ, под 1642 г.¹⁰

5) Филигрань «столбы». Этот сорт бумаги характерен для печатных изданий и рукописных книг в Русском государстве 30—40-х годов XVII в. В книгах московской печати он получает особенное распространение с конца 30-х годов. В 1643 г. на Московском печатном дворе выходит «Служба и житие Николая чудотворца», полностью отпечатанная на бумаге только этого сорта¹¹. Среди филиграней этого издания имеется близкий к нашему вариант, но с иными буквами между столбами — «TRO». В альбоме Хивуда помещен под № 3492 сходный вариант с буквами «IDR» под 1640 г. Прямых аналогий этот знак в альбомах не имеет.

6) Гербовый щит с лилией. Точных аналогий разновидности этого знака в альбомах найти не удалось. Но близкие варианты этого типа филигрانی по альбому Гераклитова начинаются с № 208 — 1642 г.

7) Гербовый щит, под ним буквы «IDM». В альбоме Гераклитова (№ 1422 — 1642 г.) эта филигрань сопровождается буквами «LDM». Неправильное прочтение литер связано с труднейшими условиями работы А. А. Гераклитова. Идентичная филигрань зафиксирована нами в печатной Триоди постной (М., 1642 г.)¹².

8) «Кувшинчик» с буквами «l/QQ» на тулове. В справочных альбомах не отмечен, но встречен нами в сентябрьской книге

⁶ ГИМ, Цар. А 141.

⁷ Там же, Син. грам. 1026.

⁸ Там же, Щап. 146.

⁹ Там же, Щап. 1365.

¹⁰ Там же, Син. 472 до 1646 г.

¹¹ Там же, Щап. 1365, Мнш. 1326, Цар. А 129.

¹² Там же, Цар. А 127.

Милютинских Миней, написанных в Троице-Сергиевом монастыре в 1646—1654 гг.¹³

9) Орел одноглавый с рогом изобилия на тулове. Данная разновидность в справочных альбомах отсутствует, но зафиксирована нами в печатной Псалтыри с воследованием (М., 1640 г.)¹⁴, а также в августовской книге Милютинских Миней¹⁵.

Подводя итог всему сказанному, можно четко определить хронологические границы водяных знаков рукописи Пискаревского летописца — 1640—1646 гг. М. Н. Тихомиров указал на связь этого памятника с Москвой¹⁶. Наличие большей части филигранных летописца в бумаге московских печатных изданий 40-х годов позволяет оставить узкими хронологические рамки Пискаревского летописца, не добавляя обычного времени на залежность бумаги, и определить время написания рассматриваемой рукописи 40-ми годами XVII в.

¹³ Там же, Сия. 797.

¹⁴ Там же, Хлуд. печ. 140.

¹⁵ Там же, Сия. 803.

¹⁶ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 112. М. Н. Тихомиров предполагает, что составителя этого произведения следует искать «в среде печатников» (стр. 121). Это предположение тем более вероятно, что среди орнаментальных украшений летописца наряду с орнаментикой на лл. 296, 407, 618, 641, 681, 748 помещены заставки, гравированные с одной и той же доски. Эту же гравированную заставку употребляют на Московском печатном дворе в книгах с 1616 по 1651 г. (А. С. Зернова. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв. М., 1952, Альбом, л. 39, № 265).

II. ИСТОРИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМА ОБЩЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV В.

А. А. Муравьева

Проблема общерусского летописания XIV в. является составной частью большой темы о развитии летописного дела в период интенсивного пробуждения духовной жизни на северо-востоке русских земель. Содержание этой проблемы самым тесным образом связано с состоянием общественно-политической мысли времени расцвета самостоятельности отдельных феодальных княжеств и одновременно первыми успехами объединительного и освободительного движения. Созданные с этого периода литературные памятники, в том числе летописные, лежат у истоков общерусского духовного наследия.

Постановка и изучение проблемы общерусского летописания в литературе и эволюция взглядов на нее находятся в зависимости от развития социологических взглядов ученых, отражающих философско-историческую концепцию буржуазной и советской науки.

Тема в целом не знает особой историографической традиции, она не поставлена до сих пор в монографических исследованиях. В работах, посвященных летописным сводам и вопросам летописания XV—XVI вв., последнее рассматривается лишь в общих чертах. Вместе с тем вопрос о возрождении общерусского летописания и его месте в развитии летописного дела в XIV в. на северо-востоке Руси встал почти с самого начала научных изысканий в отношении летописных памятников и не сходит со страниц связанных с ними работ до последнего времени. Затронутая тема нашла место в источниковедческих разделах общих курсов по русской истории, а также истории литературы. Введение в научный оборот новых летописей и их списков стимулировало интерес к ней и вносило коррективы в предшествующие исследования.

Существенное влияние на характер постановки вопроса общерусского летописания XIV—XV вв. оказала успешная разработка истории Северо-Восточной Руси. Большое значение в осмыслении проблем имело проведение научных исследований в области изучения хода объединения земель в этой части Руси и образования единого Русского государства, а также связанных с ними изменений в экономической и общественно-поли-

тической жизни. Важное место здесь заняли, в частности, последние работы советских ученых¹.

Первые шаги были сделаны в буржуазный период русской историографии. Уже тогда факт возобновления с XIV в. общерусского летописания в северо-восточной части Руси получил в основном признание. С самого начала изучения темы появление общерусских сводов связывалось, как правило, с процессом объединения русских северо-восточных земель и ведущей ролью Москвы в этом процессе. Использование принципа историзма в развитии общественных явлений и их внутренней обусловленности в исследованиях буржуазных ученых проявилось здесь довольно заметно. С. М. Соловьев², Н. И. Костомаров³, К. Н. Бестужев-Рюмин⁴, Д. И. Иловайский⁵, М. О. Коялович⁶ при характеристике летописей высказали ряд общих замечаний о том, что по мере собирания русских земель появлялись «огромные своды», «летописные сборники», наряду с местными летописями существовали «общие», «целорусские» летописи. Они представляли собой механическое соединение повестей, сказаний с летописными записями, разбитыми по годам. Основой этих летописных сводов служило официальное или полуофициальное местное летописание, что свидетельствовало о попытке освещения событий не одного княжества, а всей Русской земли. В их составе был выделен памятник Киевской Руси — Повесть временных лет. Проведена параллель между возникающим северо-восточным общерусским летописанием и более ранним — южным. Было обращено внимание на важность указания, заключенного во вступлении Тверского сборника XV в., о пользовании летописцем в качестве источника Владимирским Полихроном. По мнению Н. И. Костомарова, это указание свидетельствовало о ведении летописей во Владимире в XIII—XIV вв., а название Полихрон — о том, что летописи уже в то время начали принимать значение «целорусских, обнимающих течение дел во всей русской земле».

О большом общественном и официальном значении русских летописей писал М. О. Коялович, отмечая до периода «Московского времени» активную «авторскую летописную деятельность». Он выделил в истории русского летописания так называемые

¹ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946; В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, стр. 638—640.

³ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории. СПб., 1862, стр. 21—26, 88, 99.

⁴ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 29—35.

⁵ Д. И. Иловайский. История России, т. II. М., 1884, стр. 125—128.

⁶ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, стр. 11—14, 21—22, 29—30.

суздальские «летописи переходного времени», которые появились в Восточной Руси после татарского нашествия и просуществовали до того, как Москва получила решительное преобладание над всеми другими княжествами. К летописям такого рода М. О. Коялович отнес старый Ростовский летописец, Летописец Переяславля-Суздальского, Владимирский Полихрон, тверскую летопись. Описание событий Суздальской земли середины XIII—XIV в. более отчетливо, чем в Лаврентьевской летописи и с продолжением, прослежено исследователем в Троицкой летописи и Тверском сборнике. По его наблюдениям, это были «особые» летописи, а не областные (как Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, которые после второй половины XII в. расходятся и будто бы теряют общерусский характер), их возникновение вызывалось усилением Суздальской земли и отражало длительные колебания в этой части Руси, связанные с политическим соперничеством Владимира, Твери, Рязани и Москвы. Не случайно М. О. Коялович называет эти летописи памятниками «переходного времени».

Высказанное Н. И. Костомаровым мнение об использовании материалов Владимирского Полихрона в Тверском сборнике подтвердил И. А. Тихомиров. Характеристики Полихрона он не касался. Ученый отнес к Полихрону известия второй части сборника, связанные с родословной князя Михаила Александровича Тверского⁷. И. А. Тихомиров относился к летописному своду, как официальной компиляции, «отражающей взгляд на события и людей ее составителей», что нашло выражение в его кратком обозрении состава Лаврентьевской летописи⁸. В этой летописи XIV в. он выделил «последний отдел», обнимающий известия от кончины Александра Невского и до смерти его сыновей, и отметил подборку в нем с пропусками местных летописных записей, проведенную редакторской рукой монаха Лаврентия.

Основанием для такого вывода ему послужил дополнительный материал местного летописания ростовского, владимирского, тверского, костромского происхождения за середину XII—начало XIV в., который исследователь обнаружил в Никоновской летописи⁹. Общей оценки памятника, как и его последнего отдела, И. А. Тихомиров не дал. Но судя по определению им второй части памятника Тверской летописи как сборника, составленного из отрывков и записей летописей разных княжеств и в летописного материала, Лаврентьевская летопись понималась не более как летописный свод местного значения.

Подобный подход И. А. Тихомиров проявил также к первоначальному московскому летописанию. Изменение характера московского летописания он связал с ростом политического значения

⁷ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью. — ЖМНП, 1876, № 12, стр. 280—281.

⁸ Там же, стр. 305, 306.

⁹ И. А. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. — ЖМНП, 1884, № 10, стр. 269—270.

Москвы; «летописные сборники» в Москве возникли, по его мнению, далеко после ее появления на страницах истории, «уже в период ее могущества, когда она объединила под своей властью почти всю древнюю Русь». К середине XV в. московские летописные своды заключали в себе летописи всей Руси соответственно ее роли объединительницы русских земель; этот вид летописных сводов открывался памятником Киевской Руси — Повестью временных лет. Он считал, что в отличие от них местные официальные летописи, которые велись до этого в Москве, касались преимущественно церковных или внутрикняжеских событий, где описание сферы политической жизни и отношений между отдельными княжествами заполнено записями из других летописей¹⁰. Необоснованность и определенная неисторичность вывода И. А. Тихомирова о довольно позднем появлении в Москве летописных сводов общерусского значения и в известной степени была вызвана недостаточной изученностью хода образования единого Русского государства. Уже А. А. Шахматов резонно заметил, что в его исследовании не был учтен сам процесс соотношения между постепенным ростом Москвы, который проходил в упорной и продолжительной борьбе с сильными удельными княжествами, и развитием московского летописания¹¹. Кроме того, И. А. Тихомиров провел свои изыскания на основании ограниченного числа памятников, содержащих московские летописи, в частности, он не привлек известную тогда по выпискам Н. М. Карамзина Троицкую летопись.

Особое место в разработке проблемы занимают исследования А. А. Шахматова. Сравнительно-текстологическое изучение ученым целого комплекса летописных сводов XV—XVI вв. как литературных памятников впервые в летописеведении позволило наметить источники для дошедших летописных текстов и определить общую картину взаимной зависимости этапов летописной работы на северо-востоке Руси. Дальнейшие изыскания о северо-восточном летописании XIV—XV вв. находились в тесной связи с рядом сделанных им основных выводов и указаний, включая вопрос о месте общерусского летописания в начальный период объединения русских земель. Основные достижения ученого в разработке этой проблемы, хотя и очень важные, следует рассматривать с учетом его общего методического подхода к летописям только как историко-литературному явлению.

Такой подход не решал вопроса об «историческом облике» наших летописей¹². Главные выводы А. А. Шахматова по проб-

¹⁰ И. А. Тихомиров. Обзор составы московских летописных сводов. — ЛЗСК, вып. 10. СПб., 1895, стр. 3.

¹¹ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзор летописных сводов Руси северо-восточной». — «Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова» («Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению», т. IV, № 2). СПб., 1899, стр. 119.

¹² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 5.

леме находятся в тесной зависимости от присущей буржуазной науке переоценки государственного начала, в том числе церковно-политических отношений, в общественном развитии.

А. А. Шахматов отводил большую роль общерусским сводам в северо-восточном летописании XIV в. Точка зрения о возрождении общерусского летописания XIV в. в его работах получила дальнейшее развитие. Этого взгляда он придерживался в полемике с И. А. Тихомировым, который в своих исследованиях несколько поколебал еще не утвердившееся полностью мнение о первых общерусских летописных памятниках Москвы тем, что определил их появление серединой XV в., когда образовалось русское объединенное государство во главе с Москвой. Главная мысль А. А. Шахматова о выделении общерусского направления в летописной работе на северо-востоке Руси заключалась в том, что это новое направление проявилось с начала XIV в. и формировалось в процессе собирания русских земель. Однако при постановке темы вопрос о специфике первых опытов кодификации летописной работы в XIV в., в отличие от последующего столетия, когда общерусское летописание приобретает наиболее широкое и полное звучание, не был фактически поднят. В связи с этим остался в принципе открытым вопрос об отличии общерусских опытов ведения в Москве летописного дела XIV в. и господствующего в то время местного летописания, представленного в том числе сводами-компиляциями крупных княжеских центров.

Характеризуя Лаврентьевскую летопись, А. А. Шахматов заметил, что в основании этого сборника лежит ростовский свод первой половины XIII в., осложненный последующим летописным рассказом о событиях второй половины XIII и начала XIV в.¹³ Затем он распространил эту характеристику, высказав предположение об использовании в последней части Лаврентьевской летописи в качестве главного и единственного источника Владимирского Полихрона начала XIV в. (имевшего в основании Владимирскую летопись). Следует допустить, что это название памятнику ученый дал по аналогии с общерусской компиляцией первой четверти XV в. (свода Фотия). Использование составителем Лаврентьевской летописи этого источника устанавливается им с конца XII в. (заимствования до 1205 г., а также в части от 1205 до 1305 г. — «все, что не имеет явно ростовского характера»). А. А. Шахматов считал, что Владимирский Полихрон также отразился, но в значительно меньшей степени, в Ипатьевской и Новгородской I по Синодальному списку летописях. В Полихроне, или, как он еще его назвал, Великом летописце, ученый видел общерусскую по составу компиляцию, в которой соединены известия не двух-трех центров древнерусской жизни, а всей Северо-Восточной и частью также Южной Руси. Составление Полихрона

¹³ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова, стр. 112.

он связывал с двором митрополита Петра, с 1300 г. находившимся во Владимире и бывшим в то время единственным центром, на его взгляд, где могло созреть сознание об общерусском деле и создан свод, в котором слились все местные летописи и записи, ведшиеся при церквях и монастырях в Твери, Рязани, Ростове, Чернигове, Костроме. Время создания этой митрополичьей летописи отнесено к первому—второму десятилетиям XIV в.¹⁴

Позднее А. А. Шахматов подтвердил и раскрыл это положение¹⁵. Так, например, он дал краткое обобщающее заключение о состоянии летописного дела XIV в., которое сводится к тому, что в начале этого века произошел значительный перелом в русском летописании, ознаменованный созданием общерусского свода при митрополичьей кафедре во Владимире; на этой не дошедшей до нас сложной компиляции основывались все своды XIV в. Данный вывод был распространен им и на московский летописный свод, представленный Троицким списком; по мнению ученого, в его основание положена Лаврентьевская летопись предположительно с дополнением по Владимирскому общерусскому своду и продолжением преимущественно по московской княжеской летописи. Летописание XV в. развивалось по пути, который был намечен составлением общерусского свода начала XIV в.¹⁶ Общерусский характер митрополичьего летописного дела был воспринят в XV в. великокняжеским летописанием в Москве. Под влиянием митрополичьего летописания в XV в. приобретает общерусское значение ростовское летописание¹⁷.

Более обстоятельно это ключевое положение было изложено при рассмотрении вопроса о происхождении и составе московского общерусского свода первой четверти XV в.¹⁸, который А. А. Шахматов проследил в разных извлечениях в Суздальской летописи по Московско-Академическому списку (в части 1238—1419 гг.), в Русском Хронографе редакции 1512 г., в своде 1448 г. — через Новгородскую IV и Софийскую I летописи, в своде, представляемом Супрасльским списком, в Московском своде 1480 г. — через Воскресенскую и Ростовскую летописи. Здесь он отчетливо провел идею о связи политической жизни Москвы и развития в ней летописного дела, охватившего всю предшествующую работу разрозненных местом и временем летописцев XII—XV вв.

Ученый ставил своей прямой целью доказать, что московское летописание к началу XV в. приобретает ярко выраженный об-

¹⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 13, 15, 18—20.

¹⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 245—247.

¹⁶ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов, стр. 365—366.

¹⁷ А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 236—245.

¹⁸ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 90—176; № 11, стр. 135—200; 1901, № 11, стр. 52—80. Он называет настоящий памятник сводом 1423 г. по приблизительному времени его составления.

щерусский характер, когда Москва еще далеко не завершила объединительной политики. При этом отличительной чертой возрождения общерусского значения летописной работы он считал обращение к широкому использованию в своде местных летописных записей, выражающих различные точки зрения на события. На его взгляд, это отражало стремление к беспристрастности изложения материала. Кроме того, указывалось на богатый внелетописный материал, в том числе в виде отдельных литературных произведений, как составную часть общерусских компиляций. Большой интерес у ученого вызвали Троицкая летопись (где использован общерусский свод) и Полихрон Фотия как общерусские памятники, появившиеся задолго до приобретения Москвой значения подлинно общерусского центра. Возникновение общерусских по характеру памятников объясняется влиянием сознания в обществе исконности единства всей Руси, солидарности всех ее частей, а осуществление работы по их составлению связывается с инициативой и непосредственным участием митрополита, представляющего интересы всех русских земель. Тем самым ученый признавал тесную зависимость летописной работы, связанной с созданием памятников, общерусских по значению с политической жизнью Северо-Восточной Руси. А. А. Шахматов писал, что с большой долей вероятности можно говорить, о своде первой четверти XV в., как о продолжении «великого летописания» при митрополичьей кафедре. Представляется, что своду Фотия предшествовали две общерусские компиляции начала и конца XIV в.: первая — свод Петра, восстанавливаемый путем сравнения обеих редакций Новгородской I и Лаврентьевской летописей, другая — свод Киприана, отразившийся в Троицкой и Симеоновской летописях. Таким образом, здесь ученый дополнил первоначальную характеристику митрополичьего летописания положением о трех последовательно сменяющих друг друга этапах работы по составлению общерусских памятников. Окончание первого он определяет 1305 г., второго — 1390 г. (год утверждения митрополита Киприана в Москве). Редакция митрополичьего свода 1390 г. была известна, по его мнению, составителю Троицкой летописи под названием Великий летописец.

А. А. Шахматов предполагал впоследствии заняться работой по выяснению источников первых митрополичьих сводов. К сожалению, эти планы не были осуществлены. Составлен обзор только редакции времени Фотия. Он назвал последнюю редакцию Владимирским Полихроном. Данное название взято им из прямой ссылки на этот источник, заключенной также под 1399 г. в Новгородской IV летописи, где использован искомый памятник. А. А. Шахматов не поясняет (как и другие исследователи до него и после), каким образом этот Владимирский Полихрон, упоминаемый в Новгородской IV летописи и Тверском сборнике, ассоциируется исключительно со сводом первой четверти XV в.

В основе этого памятника, полагал ученый, лежит одна из общерусских компиляций, но оставил открытым вопрос, какой это был свод; он предположительно высказался о возможности непосредственного пользования последним составителем первоисточниками для более полного освещения исторических событий, описание которых было опущено предшественниками. Отмечена большая слитность составных частей свода Фотия, тесное переплетение в нем летописного материала разного происхождения. Поэтому проявлена известная осторожность в суждениях о его составе. В числе источников указаны южнорусский свод, доведенный до Повести о Курском княжении, которая помещена под 1284 г., и Владимирский свод. Первый из них, по мнению А. А. Шахматова, представлял собой черниговскую летопись, которая читалась в составе Ипатьевской летописи и Владимирского Полихрона начала XIV в., второй — владимирский памятник того же Полихрона времени митрополита Петра. На его взгляд, второй свод был тождествен с одним из источников Лаврентьевской летописи и доведен до начала XIV в. Ученый видел большую трудность восстановления состава этого памятника, поскольку в своде Фотия к нему примыкает и перемежается с ним местная московская летопись. Ему представлялось, например, что составитель свода Фотия заимствовал ряд известий XIII в., неизвестных по компиляции начала XIV в., непосредственно из московской летописи, о чем свидетельствует, по мнению ученого, материал Троицкой летописи (московско-великокняжеской по происхождению). Он считал, что трудно учесть объем материала до 1390 г., который восходит к Летописцу Великому Русскому в редакции Киприана. Указывал на большую редакторскую работу над источниками, предпринятую при составлении свода первой четверти XV в. Исходя из этого, А. А. Шахматов остановился на анализе текстов местных летописей и отдельных внелетописных источников, содержащихся во Владимирском Полихроне, только в границах после 1391 г. В значительной степени ему осталось неясным, к какому из летописных сводов относится целый ряд самостоятельных внелетописных произведений, в том числе различные повести и сказания современного происхождения.

Специальное изучение взаимоотношения Симеоновской летописи с Троицкой и некоторыми другими сводами не прояснило в общем оценку ученым общерусского летописания XIV в. К тому же эта работа не была завершена. Вместе с тем для постановки вопроса о летописном своде 1390 (1389) г. большое значение имело проведенное сопоставление в отношении, в частности, введенных им в оборот новых двух памятников и связанное с этим сопоставлением заключение о глубокой взаимозависимости их с древнейшими текстами в пределах до конца XIV в.¹⁹ Привлекает внимание

¹⁹ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, кн. 2. СПб., 1900, стр. 455—552.

наблюдение А. А. Шахматова об использовании московским летописцем свода 1409 г. (Троицкой летописи) так называемой Владимирской летописи через общерусскую компиляцию начала XIV в.²⁰

Положения А. А. Шахматова о развитии летописного дела на северо-востоке Руси XIV в., высказанные в виде отдельных замечаний или предварительных соображений в связи с определением генеалогической зависимости летописных памятников XV—XVI вв., нашли отражение и при характеристике ряда других летописей и более поздних этапов летописания. При обосновании состава Московского свода 1480 г. он отметил обратную зависимость памятника от Симеоновской летописи, которая сближается с ним почти на всем протяжении, и объяснил это сходство прямым использованием в нем Троицкой или родственной с ней летописи²¹. Тем самым указана та нить, следуя которой можно пополнить наши сведения об общерусских сводах XIV в.

Следует напомнить замечание ученого об общерусском своде в редакции, предшествующей Полихрону 1423 г., как источнике старшей редакции Ростовского владычного свода, следы которого обнаружены им в своде 1448 г., в частности, через Новгородскую IV и Софийскую I летописи. Эта редакция отождествлена с тем летописным памятником, куда впервые был занесен под 1396 г. перечень ростовских владык до Григория, и на основании общего источника Ермолинской, Уваровской и Московско-Академического списка Суздальской летописи 1419 г. в пределах XIII—XIV вв. предположительно установлено время ее появления до 1418 г., т. е. до составления свода Фотия. Какой именно общерусский свод здесь имеет в виду А. А. Шахматов, не уточняется²². Возможно, речь идет о той же общерусской компиляции, которая усмотрена им в основе Полихрона первой четверти XV в. Не исключено, что он видел в обоих случаях свод Киприана, а не сменивший его какой-то другой митрополичий свод.

Заключение А. А. Шахматова о появлении общерусских сводов XIV в. получило более отчетливую формулировку у его ближайших последователей, которые видели в этом факте выражение идейного развития и общественного сознания московских правящих кругов; и уже в отличие от А. А. Шахматова (как и до него) придавали кодификации летописной работы полуофициальное или официальное значение. Вместе с тем А. А. Шахматов, и особенно его последователи, распространив характеристику великокняжеских летописных памятников (например, Троицкой летописи) как сводов, основанных на общерусских компиляциях, поставили под сомнение исключительное право, которое они утверждали для митрополичьей кафедры на общерусское летописание в период его становления в XIV—начале XV в.

²⁰ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов, стр. 38—39.

²¹ Там же, стр. 256—366.

²² Там же, стр. 158—159, 222—228, 291—292.

Основной вывод А. А. Шахматова о развитии русского северо-восточного летописного дела XIV в. по линии двух параллельных ветвей (общерусского, возникшего при митрополичьем дворе, и местного значения, включая официальное великокняжеское летописание) получил рельефное выражение в библиографическом труде В. С. Иконникова²³⁻²⁴. Главной северо-восточной летописью названа им Суздальская, или Владимиро-Ростовская, с которой связывается упоминаемый в Тверском сборнике Владимирский Полихрон. Взгляд В. С. Иконникова на летописную работу Северо-Восточной Руси XIV в. нашел отражение при характеристике Троицкой летописи, которая определена исследователем как «общий свод русских известий», где главным источником является общерусская митрополичья компиляция в редакции 1390 г. (Летописец Великий Русский), дополненная известиями до 1409 г. Он видел в этом московском великокняжеском памятнике вслед за А. А. Шахматовым первые два московских свода, которые впитали в себя Повесть временных лет, южнорусское и суздальское летописание через Владимирский Полихрон и другие местные летописи²⁵.

Мысль А. А. Шахматова о ведущем направлении северо-восточного летописания XIV в. повторили в своих литературоведческих работах также М. Н. Сперанский²⁶ и А. Е. Пресняков²⁷.

В одном из историографических очерков близкую точку зрения на летописное дело в XIV в. высказал и А. С. Лаппо-Данилевский²⁸. В советское время в связи с широким фронтом изучения летописного дела в истории средневековой Руси вопросы северо-восточного летописания XIV в. стали предметом постоянного внимания в работах ученых. Постепенно овладевая марксистской методологией, советские исследователи достигли новых, положительных результатов в разработке проблем летописеведения. Применение исторической критики к летописным сводам позволило расширить границы характеристики этих письменных памятников как источников социально-политической истории и духовной культуры феодального общества. Отсюда проблема изучения истории развития летописания приобрела более объемное содержание, появились новые задачи исследования летописной тематики,

²³⁻²⁴ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 498, 520—523, 908—915, 965—966, 972—978, 1005—1023, 1049—1054.

²⁵ Там же, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1137—1144, 1148, 1157—1160, 1166, 1186.

²⁶ М. Н. Сперанский. Развитие областной литературы. Общая ее характеристика в связи с ходом истории областей и местными интересами. — В кн.: «История русской литературы до XIX в.», т. I. М., 1916, стр. 219—221, 240—243.

²⁷ А. Е. Пресняков. Летописное дело в XIV—XVI вв. — В кн.: «История русской литературы до XIX в.», т. I, стр. 253—260.

²⁸ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. Введение. — «Русский исторический журнал», 1920, кн. 6, стр. 6, 10—11.

отвечающие целям рассмотрения летописей с точки зрения их классового политического значения.

Разработка проблемы о северо-восточном общерусском летописании XIV—начала XV в. была значительно продвинута вперед работами М. Д. Приселкова²⁹. Известно, что в его работах предпринята первая серьезная попытка определить политическое содержание летописей, т. е. «исторически объяснить происхождение этих памятников, вскрыть политическую обстановку времени их появления, указать назначение и преследуемую ими цель»³⁰. Результаты этой попытки, как первоначальной, в основном довольно плодотворны, и многое из сделанного принято на вооружение современными советскими исследователями. Однако, как отмечено в литературе, новый принцип изучения летописных памятников не стал у М. Д. Приселкова главным фактором его исследований, и поэтому они страдают известными недостатками и некоторыми малообоснованными выводами, присущими предшествующей историографии. Последние проистекали из его ошибочного представления о самой политической истории Руси, о взаимоотношениях церкви и государства, выразившегося в чрезмерном преувеличении церковно-политического вопроса и, в частности, церковно-политических русско-византийских отношений. Как и прежде, летопись рассматривалась им изолированно от других письменных памятников, в частности актового материала. Летопись М. Д. Приселков понимал главным образом как дипломатический памятник, составленный для обоснования прав князей в одних случаях на самостоятельную или общерусскую митрополию, в других — на великое княжение³¹.

М. Д. Приселков высказал решительное возражение против положения А. А. Шахматова о взаимозависимости этапов митрополичьей и княжеской летописной работы, сохранив нетронутым мнение учителя о приоритете митрополичьей кафедры на летописание «всей Руси». Исходя из более тщательного анализа «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, использовавшего Троицкую летопись, он усмотрел общерусский характер ее известий за период 1319—1409 гг. и сделал отсюда вывод, что этот памятник — едва ли не оригинал того общерусского митрополичьего свода, который был замыслен Киприаном и составлен при его дворе, вероятно, в 1409 г., поглотив «в своем составе все реки русского летописания XIV в.» Историк обосновывает свои соображения рассмотрением отношения свода Киприана к после-

²⁹ М. Д. Приселков. Летописание XIV века. — В кн.: «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 24—39; *он же*. История русского летописания XI—XV вв., главы IV—VII, IX; *он же*. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, Введение, стр. 7—46.

³⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 13—14.

³¹ В. Т. Паашто. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. — ВИ, 1950, № 11, стр. 145—148.

дующему общерусскому митрополичьему летописанию (свод 1423 г.) и предшествующему (свод Максима или Петра) путем сличения Симеоновской (Троицкой) с Софийской I и Новгородской IV летописями: устанавливается отличие свода 1423 г. от свода 1408 (1409) г. М. Д. Приселков дал совершенно обратный ответ и на вопрос о Летописце Великом Русском как источнике свода 1408 (1409) г. Он видел в нем московскую великокняжескую летопись, которая оканчивалась предположительно известием о смерти Дмитрия Донского. Он выразил одновременно сомнение в том, что общерусский свод, который лежит в основании Лаврентьевской летописи и в чистом виде читается с последних десятилетий XIII в. и до конца (1305 г.), едва ли может быть назван митрополичьим памятником. Этому противоречит, по мнению ученого, содержание известия 1300 г. о перенесении митрополичьей кафедры во Владимир, отсутствие известий о южнорусских землях, куда распространялась власть митрополита, и дата окончания посвященного митрополиту Максиму свода 1305 г., которая предшествует дате его смерти.

Составление свода 1305 г. М. Д. Приселков относит к продолжению традиции ведения летописи в том общерусском смысле, который жил со времени Андрея Боголюбского в представлении деятелей и носителей великокняжеского владимирского титула, реально охватывающих своей властью Ростово-Суздальский край и Великий Новгород, а теоретически — и законный киевский стол. Историк полагает, что, по-видимому, великокняжеский летописец, традиционно доводившийся до смерти предшествующего князя, носил название Летописец Великий Русский. Продолжение работы по составлению великокняжеского летописца в новой редакции ученый видит в Москве и связывает это с перенесением туда митрополии; допускает, что в новых условиях свод «омосковился», превратился в нерасторжимый фонд митрополичьих, великокняжеских и местных княжеских летописных записей. Объединение «летописания церкви и московского трона» представляется явлением далеко не случайным и объяснено самой тесной связью с обстоятельствами жизни Москвы, которая в то время становится великокняжеской и религиозной столицей всех феодальных русских княжеств и независимых городов. При этом общерусское значение митрополии падает, она оказалась тогда неспособна, по словам исследователя, сохранить авторитет Византии ни в русско-литовских распрях, ни в столкновениях Москвы с другими центрами Северо-Восточной Руси. Ведение великокняжеской летописи с общерусской основой, в том числе Летописца Великого Русского, как отдельно, так и совместно с митрополичьей кафедрой, рассматривается вне основного русла формирования общерусских памятников письменности этого времени. Более того, М. Д. Приселков считал, что на первых этапах московское великокняжеское летописание проявляет своеобразный политический эгоцентризм, который свидетельствует об

исключительно замкнутом его характере, далеко ушедшем от горизонтов даже тверской летописной обработки великокняжеского свода 1305 г.

Развитие великокняжеского летописания после Летописца 1389 г. М. Д. Приселков рассматривает в тесной зависимости от первых общерусских митрополичьих сводов 1408 (1409) и 1418 (1423) гг., отразивших ведение летописного дела при дворе митрополита. Выделение митрополичьего летописания в самостоятельную ветвь отнесено ко времени митрополита Киприана, при котором сомкнулись в одну митрополию все фактически и политически давно уже распавшиеся княжества. Это выделение произошло в сложном мире противоречивых политических стремлений, борьбы и деятельности великих князей Северо-Восточной Руси, с одной стороны, русских княжеств в составе Литовского государства — с другой, и было задумано как общерусское летописное мероприятие всей митрополии. Начало было положено созданием свода 1408 г., известного по Н. М. Карамзину как Троицкая летопись. Духовная власть «всея Руси» становилась во главе общерусского по своему характеру летописного дела, которое ставилось в прямую связь с процессом консолидации русских северо-восточных княжеств, укреплением влияния митрополии на русских землях, включая и находившиеся под властью Литвы.

В новом своде впервые в русском летописании, по мнению исследователя, нашли большое место известия о Литве, под властью которой находилась большая часть Руси; значительно расширены церковные статьи за счет привлечения к летописному рассказу житийной литературы и ослаблен материал о жизни великих князей. Указано на присутствие в Троицкой летописи богатого местного летописного материала, внелетописной Повести о нашествии Эдигея, которая венчает свод. Историк представляет, что введение литовских известий в русское летописание согласуется с толкованием Киприаном и особенно потом Фотием значения кафедры «всея Руси» как учреждения, стоящего выше московско-литовского спора за объединение русских земель. В Троицкой летописи выявлены, кроме Летописца 1389 г., как непрерывного стержня памятника, еще два великокняжеских свода — Тверской и Суздальский.

Почти одновременное обращение к одно и той же древней общерусской письменной основе для ведения великокняжеского летописания в трех феодальных центрах вызывалось, по заключению ученого, их соревнованием за политическое преобладание на северо-востоке Руси. В составе свода 1408 г. М. Д. Приселков прослеживает также следы новгородского, ростовского, рязанского, смоленского и московского источников. Ввиду того что свод 1408 г., по мнению М. Д. Приселкова, был оформлен после смерти Киприана, его композиционный замысел не был полностью осуществлен, вместо беспристрастности изложения материала в своде

прозвучали большие московские симпатии. В нем был придан особый акцент значению московской княжеской династии дома Калиты. Это проявилось, в частности, в подборе и обработке материалов источников и прежде всего свода 1389 г. Он считает, что большой труд, задуманный Киприаном, несмотря на неудачу, как первая попытка ведения общерусского летописания, лег в основу новых летописных сводов, составленных в 1412—1413 гг. в Твери и Ростове. Чтобы придать более общерусский характер работе, этот свод «с его московским характером и пренебрежением к местным летописцам» где-то к 1418 г. был переписан; он известен как Полихрон Фотия, который читается в Новгородской IV, Софийской I, Ермолинской, Уваровской, Ростовской летописях, Хронографе древней редакции. Задача, поставленная перед его составителем, пишет М. Д. Приселков, была осуществлена за счет новых извлечений материалов из уже использованных местных источников и сокращения известий, касающихся Москвы, путем привлечения большого материала внелетописных памятников, как-то: сказаний, и т. д. Работа, проведенная в этом направлении, принесла большой успех новому своду — памятнику общерусского значения.

А. Н. Насонов, занимаясь исследованиями об общерусских сводах XV в., сделал ряд существенных замечаний о предшествующей летописной работе³². По своему характеру эти замечания находятся в основном в соответствии с выводами М. Д. Приселкова. Русское летописание XIV в., согласно А. Н. Насонову, развивалось в условиях дальнейшего процесса дробления страны и татарского гнета, признаки ослабления которого наблюдаются только с середины столетия. Летописная работа, ведшаяся в Новгороде Великом, Пскове, Ростове, Твери и затем Москве и Нижнем Новгороде, оживает только около первой четверти XV в.

Ведущую роль в организации летописного дела в это время играет не московский княжеский дом, поглощенный внутренними смутами, а митрополит, объединявший под своей властью в церковно-административном отношении феодальные земли и княжества. Поэтому первыми общерусскими сводами были митрополичьи по происхождению, начало которым положила Троицкая летопись. Только в 50—70-х годах XV в. появляются общерусские своды, открывшие новую традицию великокняжеского летописания. Вместе с тем в предшествующем великокняжеском летописании, как вообще в областном, он видел проявление народного самосознания, средство мобилизации сил для борьбы с иноземными захватчиками, как, например, в псковском летописании, и выражение народной потребности к объединению, с особенной силой проявившееся в московской летописной традиции. Общественно-политическая жизнь Руси являлась главным стимулом развития

³² А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969, гл. II, стр. 169—225, 246—274.

русского летописания разных времен и областей, и не случайно, по его мнению, в нем цементирующую роль играло киевское летописание, отражая черту «единого явления» — стремление к общерусскому размаху, широту интересов составителей сводов еще со времени местного владимирского летописания³³. Первоосновой для формирования великокняжеской летописной работы этого времени, по его заключению, служили памятники тверского летописания XIV в.³⁴ Ученый отмечал для великокняжеского летописания, в частности для нижегородского, стремление связать местную летопись с общерусской летописной традицией³⁵.

А. Н. Насонов отверг предположение о существовании Полихрона начала XIV в. и путем сравнительного анализа Ермолинской летописи со сводом 1479/1480 г. определил общие в их составе до 1472 г. летописные памятники, в том числе искомый общерусский северо-восточный источник, «ранее неизвестный», составленный позднее Владимирского Полихрона.

Ученый выразил сомнение относительно известного заключения А. А. Шахматова о том, что общим протографом Симеоновской летописи и Рогожского летописца в пределах 1390—1412 гг. является тверской летописный свод. В Никоновской летописи и Русском Временнике, по его мнению, кроме кашинской редакции свода 1425 г., содержится комплекс тверских известий, источником которых был Владимирский Полихрон Фотия. В своде 1479 г., в летописях Воскресенской, Ермолинской и Львовской им выделены сходные тверские известия, которые доходят до 1409 г.

Близкое изложение этого ряда тверских известий обнаружено в Софийской I и Новгородской IV летописях, как отразивших старшую редакцию Владимирского Полихрона. Данные наблюдения позволили высказать предположение, что протографом Владимирского Полихрона является летописный памятник епископа Арсения, который был дополнен до 1425 г. новым тверским материалом. Он усматривал наличие летописного памятника, составленного около 1409 г. при ближайшем участии епископа Арсения, и в составе свода 1409 г., известного по Троицкой летописи.

Освещение некоторых вопросов северо-восточного летописания XIV в. заняло заметное место в 40—50-х годах в литературоведческих статьях и очерках, опирающихся на новые источниковедческие изыскания.

Я. С. Лурье поднял вопрос о роли тверской литературы, в том числе летописей, в идеологической подготовке образования Русского национального государства. Исходя из заключения А. Е. Пресня-

³³ А. Н. Насонов. О русском областном летописании. — «Известия Академии наук СССР», Серия истории и философии, 1945, т. II, кн. 4, стр. 290—292.

³⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия Академии наук СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 709—738; № 10, стр. 739—773.

³⁵ А. Н. Насонов. История русского летописания, стр. 169—191.

кова о характере процесса усиления политического единства, охватывающего одновременно несколько княжеств, исследователь делает вывод, что Тверь могла попытаться взять на себя функции национального объединителя, например, в середине XIV — начале XV в., т. е. в княжение Михаила Александровича или Ивана Михайловича, когда особенно обострилась борьба с феодальной раздробленностью внутри княжества и за установление в нем сильной великокняжеской власти. На это время падает новое возрождение тверского великокняжеского летописания³⁶.

Н. Н. Воронин высказывался о необходимости выделения XIV в. в отдельный период с учетом того, что культурная ценность этого особого периода перекрывает его хронологические границы. Ученый писал, что дошедшие до нас памятники XIV в. далеко не отражают письменного наследия этого времени, и следует предполагать уже тогда создание произведений, обобщающих интересы всей Северо-Восточной Руси, в том числе при митрополичьей кафедре или великокняжеском столе. Совпадение известий и повестей разноместного происхождения в новгородской, суздальской и других летописях приводит его к заключению, что в основе их лежит общерусский летописный свод, созданный в первом десятилетии XIV в.³⁷ Это заключение возрождало идею А. А. Шахматова о Полихроне начала XIV в.

В. Л. Комарович провел ряд дополнительных наблюдений над летописанием Московского княжества³⁸. Старший московский свод датируется им 1392 г. На его взгляд, этот свод составлен в духе русско-литовской неделимости митрополии и московско-литовского равновесия по инициативе и в соответствии с деятельностью митрополита Киприана, а Троицкая летопись 1409 г. является продолжением митрополичьего летописания, от предшествующего свода она отличается московским областным патриотизмом, который был затем развит в общерусских сводах XV в. Все это соответствует в основном выводам А. А. Шахматова.

А. С. Орлов отметил, что московская летопись в это время утверждает роль Москвы как объединительницы русских княжеств; она включает в свой состав другие областные летописи и обнаруживает отчетливую связь с киевской литературой времени единства Русской земли и осуждает политику князей, разрушавших это единство, зовет к защите общенародных интересов. Слабо развитая еще в предшествующем периоде московская летописная школа, как и вся московская литература в целом, ус-

³⁶ Я. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. — УЗ ЛГУ, № 36, Серия исторических наук, вып. 3. Л., 1939, стр. 85—109.

³⁷ Н. Н. Воронин. Областные литературы периода феодальной раздробленности (1220—1370 гг.). — В кн.: «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 8—15.

³⁸ В. Л. Комарович. Литература Московского княжества XIV—XV вв. Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в. — В кн.: «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 69—70, 99—96, 189—197.

пешно соревнуясь с Новгородом и Тверью, выходила с конца XIV в. на первое место не только по количеству памятников, но и по широте своего общественно-политического кругозора, вбирая в себя лучшие традиции областного литературного творчества³⁹.

С. К. Шамбинаго коснулся характеристики основных этапов тверского летописания. Основная мысль его близка выводам А. Н. Насонова и сводится к тому, что в начале XV в. во время междоусобицы внутри Тверского княжества при участии епископа Арсения было предпринято составление «общетверского летописного свода», который был завершен к 1409 г. и потом взят за основу для московского общерусского свода⁴⁰.

Н. К. Гудзий называл первым общерусским сводом, как и М. Д. Приселков, Троицкую летопись⁴¹.

Среди работ по истории русской литературы следует выделить исследование Д. С. Лихачева, явившееся заметной вехой в разработке новых тем проблемы.

Д. С. Лихачев наметил в общих чертах картину развития русских летописей с точки зрения их культурно-исторического значения. В процессе складывания русской национальной культуры ученый выделяет особый период так называемого возрождения и сменившего его подъема, связанного с разнообразным и напряженным творчеством, с интенсивным слиянием местных культурных течений в один могучий поток, на гребне которого совершалось политическое и идейное объединение Русской земли, и относит его к концу XIV—XV в. Этот культурный подъем охватил чрезвычайно широкий круг явлений и проходил во всех областях духовной жизни общества, включая литературу. В области литературы он отразился в усиленной работе исторической мысли, выразившейся в составлении летописных сводов и других исторических сочинений⁴². Привлекает большое внимание высказанное Д. С. Лихачевым положение о том, что общерусские летописные памятники играли существенную роль в идеологической подготовке создания единого Русского государства. Он критически оценивает взгляды А. А. Шахматова, видевшего в истории общественной мысли только смену политических концепций отдельных княжеских центров, а не их идеологий и борьбу этих идеологий. Развитие летописания представлялось А. А. Шахматову как цепь однообразно составленных сводов, в которых меняются только исторические концепции; в этом отношении, по мнению Д. С. Ли-

³⁹ А. С. Орлов. Литература времени объединения Северо-Восточной Руси. Введение. — В кн.: «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 165—170.

⁴⁰ С. К. Шамбинаго. Литература Тверского княжества XIII—XIV вв. Литература Тверского княжества конца XIV—XV в. — В кн.: «История русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 97—100, 241—244.

⁴¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 7. М., 1966, стр. 255—256.

⁴² Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV—начало XV в.). М., 1946, стр. 6—7, 19—21 и др.

хачева, М. Д. Приселков пошел дальше, отнесясь к летописи как явлению общественного мировоззрения.

Утверждая глубокий и яркий историзм всей древней русской литературы и большую весомость исторических знаний в древней русской культуре вообще, он полемизирует с Н. Л. Рубинштейном, который чрезмерно упростил и архаизировал процесс исторического мышления на Руси. Последний считал, что переход от конкретной регистрации событий в местных летописях к летописным сводам общерусского характера — факт механический, хотя и связанный с реальным объединением земель. Его заключение, что территориальное поглощение княжеств сопровождалось упразднением их идеологических памятников былой самостоятельности, и связанный с этим вывод о времени составления сводов после присоединения областей к Москве находится, по замечанию Д. С. Лихачева, в противоречии с уровнем общественного сознания русского средневековья⁴³.

Д. С. Лихачев выделил в самостоятельную веху период истории русского летописания, предшествующий его подъему. Он пишет, что в середине XIII в. наступает задержка в развитии летописного дела, которая сменяется в начале XIV в. оживлением, с попытками в изложении событий выйти за пределы области и местных интересов; именно в этих еще слабых усилиях, например в Твери, лежала будущность великокняжеского летописания, продолжавшая традиции летописания Владимира. Однако только на исходе XIV в. летописание было перенесено в Москву, где пустило прочные корни.

По мнению ученого, Москва с конца XIV в. возглавила идейное собрание всего исторического прошлого русского народа на основе идеализации киевского периода, опережая реальный процесс объединения русских земель вокруг нее. Летописание в Москве становится важнейшим государственным делом. При участии митрополитов и великих князей туда свозятся различные областные летописцы, чтобы придать летописной работе размах и использовать их для ведения летописей уже не узкоместного, а общерусского значения.

Д. С. Лихачев, констатируя слабую изученность московского летописания XIV в., отмечает тот бесспорный факт, что московская летопись уже велась во второй четверти века при переехавшем дворе митрополита Петра; если с самого начала московское летописание сосредоточивалось в двух центрах (митрополичьем и великокняжеском), то в середине века оно сливается; московская летопись обнаруживает в своем изложении нерасторжимое единство церковных и княжеских интересов. В конце XIV в. Москва уже

⁴³ Д. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. — ВИ, 1948, № 9, стр. 21—40; Н. Л. Рубинштейн. Летописный период русской историографии (Историография феодальной Руси XI—XVII веков). — УЗ МГУ, вып. 93, История, кн. 1. М., 1946, стр. 3—19.

имела официальную летопись — полный обзор всей русской истории, известие о которой читалось под 1392 г. в Троицкой летописи. Ученый подтвердил мнение М. Д. Приселкова о том, что Летописец Великий Русский продолжил тверское великокняжеское летописание, традиции которого восходили к владимирским великокняжеским летописям Мономаховичей, и открывался Повестью временных лет — памятником Киевской Руси. Замечено, что Повесть временных лет была известна в Москве также в редакции нижегородского свода Дмитрия Константиновича, использованного в начале XV в. в московском летописании; это была редакция текста Повести временных лет из знаменитой копии свода 1305 г., снятой Лаврентием в 1377 г. Нижегородский князь, являвшийся тогда главным соперником Дмитрия Донского в борьбе за великое княжение владимирское, смотрел подобно тверским, суздальско-владимирским и московским князьям на Повесть временных лет как на «родовую летопись». Тем самым в разработке проблемы об общерусском летописании XIV в. был сделан новый важный шаг. Д. С. Лихачев выразил более отчетливое отношение к тому, что появление северо-восточных общерусских сводов в обиходе русской письменности обозначало формирование официальных идеологических памятников, поставленных на службу насущных потребностей времени. Сама организация этого общерусского по характеру мероприятия отвечала цели идейного обоснования необходимости борьбы против феодальной раздробленности и сепаратизма отдельных княжеств, за объединение Руси. Частью этой идеи времени, заключенной в летописных произведениях, являлась мысль о преемственности великими князьями Москвы власти князей Киева и Владимира — периода независимости и единства русских земель.

Не случайно поэтому был поднят вопрос об общерусском характере великокняжеского летописания, начиная с Летописца Великого Русского в редакции 1392 г. Переход к общерусскому летописанию трактуется исследователем как новое явление, которое с XIV в. получило распространение в развитии русской письменности и было обусловлено интенсивным возрождением духовной культуры Северо-Восточной Руси с центром в Москве.

Д. С. Лихачев значительно расширил характеристику предшествующих наблюдений о Троицкой летописи и прежде всего с точки зрения отражения в ней идеи единства Русской земли. Он отметил сугубо московский характер свода 1409 г.; указал на намеренное сохранение в памятнике обвинений новгородской летописи против тверичей, московской летописи — против новгородцев, чтобы столкнуть областные интересы и тем удобнее восхвалять политику московских князей — потомков Ивана Калиты, которому составитель свода посвятил особую, не отвечающую исторической действительности похвалу (обеспечение сорокалетней «великой тишины», отдых народу от «истомы» и «тягостей» татарских насилий); обратил внимание на явное преобла-

дание известий по истории Москвы. Но главное назначение свода 1409 г. ученый увидел в пересмотре всей истории Руси на основе идейных позиций и исторических выводов Повести временных лет, которая использована составителем как своеобразное мерило.

В соответствии с мнением А. А. Шахматова Д. С. Лихачев возводит к заключительной части свода Повесть о нашествии Эдигея. Предполагается, что Повесть написана несколько ранее включившего ее в свой состав памятника, где-то около 1408 г. во Владимире, куда удалился митрополичий двор во время нашествия Эдигея на Москву. При включении в свод это произведение было несколько расширено и обрамлено рассуждениями летописца в соответствии с духом Повести временных лет; Повесть и остальной текст неразрывно связаны и, вероятно, написаны одной рукой. Поэтому нет оснований, по его мнению, видеть в ней, как это делал М. Д. Приселков, какие-то оппозиционные по отношению к Москве тверские настроения и относить ее к тверской обработке свода 1409 г.; Троицкая летопись рассматривается как первый большой опыт в создании памятника, обеспечивший переход к победе общерусского летописания в XV в. с присущим ему «объективным» характером в отношении к историческому прошлому всей Русской земли ⁴⁴.

Широкий историографический и исторический аспект изучению летописной тематики XIV—XV вв. придал М. Н. Тихомиров. Одной из задач работ историка являлось стремление показать, как русская историография этого времени служила делу объединения разрозненной Руси в единое государство с центром в Москве, которое начинало складываться и развивалось в условиях феодальной раздробленности русских земель. Развитие летописного дела как области исторических знаний он самым тесным образом связывал с ведущим процессом своего времени. Начиная с XIV в. в русском летописании им наблюдается два течения. Эти наблюдения заключались в том, что одни исторические произведения выражали идеологию феодально раздробленной Руси с ее сепаратистскими стремлениями, как, например, летописи, составленные в Новгороде, Пскове и Твери, другие — проводили идею общерусского государства и стремились дать историю не одной какой-либо земли, а всей Русской земли в целом, как московские летописные своды. При этом он отмечал, что сама идея общерусского единства в литературе формировалась постепенно и не являлась, конечно, только московским достоянием, но получила особенное развитие именно в Москве. По его мнению, уже первые общерусские своды, вышедшие из правящих феодальных кругов, последовательно развивали идею единства Руси и отстаивали необходимость объединения земель под главенством Москвы; они отражали напряженную политическую борьбу Москвы за ликвидацию феодальной раздробленности; идейным оружием в этой борьбе служила

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 280—306.

теория преемства Московской наследия Киева и Владимира, теория прямого наследования московскими князьями власти князей киевских и владимирских. Уже в первых общерусских летописных произведениях звучит призыв к борьбе с татарами, вековыми врагами Руси, и московские князья сравниваются с киевскими, также боровшимися со «степняками».

В числе первых летописных сводов Н. М. Тихомиров вначале признает «свод 1392 г.⁴⁵ и его продолжение до 1409 г.», а позднее Летописец Великий Русский, который называет «великокняжеским». Характеризуя летописи XIV—XV вв. как исторический источник, он писал о необходимости принимать во внимание, что летописное дело в это время находилось в основном в руках духовенства. Поэтому памятники, особенно XIV в., рассказывают главным образом о политических и церковных событиях, отражая жизнь феодальной верхушки, и только эпизодически дают материал по экономической и социальной истории. Ученый характеризует летописные своды не только как особую форму исторического повествования, но и как исторические произведения компилятивного характера, соединившие в себе многие источники с различными политическими и классовыми тенденциями.

Само возникновение общерусских летописных сводов рассматривается М. Н. Тихомировым в свете практических задач времени. Он признавал общую оценку, данную в литературе этим сводам, как систематизации разнообразного и противоречивого материала о различных русских землях и княжествах XIV—XV вв., и возможное их составление при митрополичьей кафедре, которой были близки и интересы великого княжения всей Руси и митрополии. Но вместе с тем он отмечал, что далеко не все ясно в истории их появления, как, например, не может быть доказано на основании сохранившихся сводов предположение А. А. Шахматова об общерусском своде XIV в., составленном при митрополите Петре. Этому мешает, в частности, по мнению историка, разное объяснение основных этапов московского летописания в трудах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова⁴⁶. Выделенная М. Д. Приселковым для XIV—XV вв. целая цепочка сменяющих один другой не дошедших до нас сводов и соображения, высказанные им на этот счет, являлись, по замечанию М. Н. Тихомирова, весьма интересными, но недостаточно подтвержденными гипотезами. Историк упрекает М. Д. Приселкова в недооценке первоначаль-

⁴⁵ Более распространено название — свод 1389 г.

⁴⁶ М. Н. Тихомиров. Москва — столица Московского великого княжества. XIV в. — вторая половина XV в. — В кн.: «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 26—80; он же. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве X—XVII вв. — «Очерки истории исторической науки СССР», т. I. М., 1955, стр. 48—105; он же. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVII в., вып. I. М., 1962, стр. 184—188; он же. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, стр. 245—250, 255—285.

ных московских памятников летописания и в чрезмерном преувеличении значения митрополичьего двора в составлении летописей. Важный ключ к решению вопроса М. Н. Тихомиров видел в уяснении роли Москвы как центра русской культуры, начиная с XIV в.

И. У. Будовниц посвятил небольшое исследование московским и тверским летописным памятникам XIV в., как основному источнику по идеологической борьбе двух соперничающих княжеств за гегемонию и объединительное движение Северо-Восточной Руси. В этом исследовании он говорит о ведении в XIV в. интенсивной летописной работы в Твери и отчасти в Москве, одной из задач которой было оправдание действий своих князей и обоснование их прав на великое княжение. Ученый указывает на Тверской сборник и Рогожский летописец, где отразилась в основном без поздних редакционных переделок тверская точка зрения на важнейшие события развивающейся в XIV в. борьбы за возглавление всех земель Северо-Восточной Руси, и на Симеоновскую и Никоновскую летописи, в которых особенно ярко выступает московская тенденция и трактовка в освещении этих же событий. Эти наблюдения приводят автора статьи (в отличие от многих других) к выводу, что уже на начальном этапе процесс создания Русского государства сопровождался усиленной работой общественной и публицистической мысли, с конца XIII—начала XIV в. русская летопись в целом сбрасывает с себя феодальную замкнутость, расширяет свой горизонт и приобретает общерусский характер⁴⁷.

Позднее И. У. Будовниц при разработке истории общественно-политической мысли Древней Руси уделял значительное внимание развитию летописания, включая XIV в. Он осветил в основных чертах наиболее характерные направления в становлении литературных жанров и прежде всего летописных памятников и отчетливо показал, что они являются важными источниками по эволюции общественно-политической жизни и неразрывно связаны с политической борьбой и классовыми столкновениями. По заключению ученого, уже начальный этап объединения Северо-Восточной Руси сопровождался вынесением на страницы литературных произведений, в том числе летописей, кардинальных вопросов социальной и политической жизни общества. Русское летописание конца XIII—начала XIV в., преодолевая феодальную замкнутость, как и вся русская письменность, постепенно расширяло свой горизонт и приобретало общерусский характер. Вновь русская летопись пронизана идеей о единстве Руси и борьбе за независимость, наполнена духом публицистичности. Великокняжеское летописание обнаруживает стремление к описанию событий всей Русской земли. В московском летописании, в отличие от тверского,

⁴⁷ И. У. Будовниц. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 79—104.

более рельефно проявляется широта взглядов и ясность поставленных задач общерусского значения, над которым, по словам исследователя, совместно трудились светская и духовная власти ⁴⁸.

Весьма существен высказанный в историографическом курсе взгляд Л. В. Черепнина на летописные своды XIV—XV вв. Ученый характеризует их как исторические произведения, типичные для периода объединения русских земель и идеологической борьбы этого времени. В появлении летописных сводов им отведена активная роль сильной княжеской власти. Л. В. Черепнин полагает, что в отличие от идеологического обоснования объединительной политики наиболее крупных князей до XIII в., отразившейся в местных сводах, в известной мере претендовавших на общерусское значение и строивших свое изложение на основе восприятия по Повести временных лет понятия Русской земли, с XIV в., когда центром объединения делается Москва, идея единства возрождается на иной основе. Этой основой послужили развитие экономических и политических связей между отдельными княжествами, формирование великорусской народности и ее борьба за независимость с монголо-татарским игом, с наступлением польско-литовских феодалов, с агрессией ливонских рыцарей. Вместе с тем московские летописцы продолжают рассматривать историю Руси XIV—XV вв. в тесной зависимости от истории Древнерусского государства, в начале их лежит Повесть временных лет, «Начальный летописец Киевский». XIV—XV вв. — один из этапов в развитии исторических знаний ⁴⁹.

Следует отметить среди немногих специальных работ статью М. А. Ючаса, где освещается вопрос о русских летописях XIV—XV вв. как важнейшего источника по истории Литвы и русско-литовских отношений. Эта статья содержит характеристику русских летописных сводов, начиная с Троицкой летописи, как памятников феодальной эпохи, отражающих классовые и политические воззрения этого времени и отличающихся богатством материала по истории России и ее взаимоотношений с другими странами. Вместе с тем автор статьи обращает внимание на слабую изученность русских летописных сводов XIV—XV вв. как идеологических памятников. Он отмечает разногласия в советской историографии относительно происхождения и политической направленности Троицкой летописи — первого общерусского свода. Одну из причин этого ученый видит, например у М. Д. Приселкова, в увлечении текстологическими сопоставлениями, иногда очень сомнительными, и фактическом отсутствии подхода к памятнику с точки зрения конкретно-исторической обстановки, в которой он возник. Он указывает на допущенную М. Д. Приселковым

⁴⁸ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, стр. 355—462.

⁴⁹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957, стр. 51—54, 73—77.

недооценку при характеристике свода 1409 г. развития в объединительной политике Северо-Восточной Руси русско-литовских отношений в конце XIV в. М. А. Ючас смотрит на Троицкую летопись как на памятник, где освещается русская история с точки зрения единства всей Русской земли и более спокойного отношения к Литве (чем в своде 1423 г.); он придерживается мнения, что Повесть о нашествии Эдигея является составной частью свода, отвечая смыслу и идее, заложенным в нем. Ученый усматривает в этом идеологическом памятнике отражение борьбы государства и церковно-боярской знати по ведущим вопросам внутренней и внешней политики⁵⁰.

Вновь поддержал мнение М. Д. Приселкова о Троицкой летописи как о первом общерусском своде Б. Н. Путилов⁵¹.

В заключение упомянем работу О. В. Орлова. Он написал об усиливающемся влиянии идеи государственного объединения в XIV—XV вв. на областное летописание и в первую очередь на тверские летописцы. Он противопоставил московский свод — Летописец Великий Русский как памятник местного значения своду Фотия (даже не Троицкой летописи) с его общерусской направленностью. Последний свод определен как новый тип летописей. Исследователь отмечает для Владимирского Полихрона областные летописные материалы и переводные сюжеты, смягчение противоречий текстов разных летописцев, высокую оценку его составителем роли народных масс в исторических событиях (Повесть о нашествии Тохтамыша). При этом О. В. Орлов полагает, что предшествующее летописание XIII—начала XIV в. — это продолжение традиций киевского летописания, когда летопись несмотря на местнопатриотическую настроенность отражает общерусские интересы, интересы всего восточного славянства (осуждение феодальных «катор», иноземного вторжения, гражданская скорбь). К этим памятникам отнесены Лаврентьевская и Галицко-Волынская летописи⁵².

В результате проведенных научных изысканий проблема приобрела важное значение для восстановления и понимания истории русского летописания и вместе с тем, ввиду многих нерешенных связанных с ней вопросов, спорности и разных точек зрения на некоторые из них, — право и возможность на самостоятельное изучение. Дальнейшее изучение проблемы следует направить, в частности, на выработку понятия общерусских сводов XIV—начала XV в. и связанных с ним критериев.

⁵⁰ М. А. Ючас. Русские летописи XIV—XV вв. как источник по истории Литвы. — «Труды Академии наук Литовской ССР», Серия А, № 2 (5). Вильнюс, 1958, стр. 69—82.

⁵¹ Б. Н. Путилов. Литература конца XIV—XV в. — В кн.: «История русской литературы в трех томах», т. I. М.—Л., 1958, стр. 169—171, 186.

⁵² О. В. Орлов. Литература. — В кн.: «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 2. М., 1969, стр. 122, 140.

ИСТОРИОГРАФИЯ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XV—XVI ВВ.

Ф. А. Грекул

Славяно-молдавские летописи ¹ — главные памятники историографии молдавского народа XV—XVI вв., важнейший источник для изучения политической истории, общественной мысли и культуры средневековой Молдавии.

Первые молдавские исторические источники летописного типа относятся к началу XV в. Это в основном синодики-поминальники, содержащие некоторые хронологические и генеалогические данные о молдавских господарях, духовных лицах и других представителях господствующего класса ². В то же время начали составляться в Молдавии и первые собственно исторические сочинения (летописи), в которые в форме погодного изложения событий включались важнейшие сведения из истории Молдавии, а также соседних стран (России, Валахии, Польши, Турции, Венгрии, Украины и др.).

Молдавский летописец Григорий Уреке (1590—1647) отмечает, что при написании своей летописи на молдавском языке он широко использовал сведения, содержащиеся как в славяно-молдавских, так и в некоторых иностранных летописях и хрониках ³. Особенно часто упоминает и цитирует Уреке «нашу молдавскую летопись» ⁴ (на славянском языке) от образования Молдавского государства (1359 г.) до правления молдавского господаря Петра Хромого (1574—1577, 1578—1579, 1582—1591) ⁵. А один из интерполаторов Уреке — Семен Даскал — добавляет, что он пользовался и «молдавской летописью», доводящей изложение исторических событий до правления молдавского господаря Василия Лупу (1634—1653) ⁶. Другой же интерполатор Уреке — Авксентий

¹ Славяно-молдавскими летописями принято называть молдавские летописи, написанные на славянском языке. Славянский язык был в Молдавии официальным государственным языком господарской канцелярии, употреблялся в богослужении и в памятниках письменности с момента образования Молдавского государства, т. е. с середины XIV в., и до середины XVII столетия, когда во все сферы общественно-политической, государственной и культурной жизни страны проник молдавский язык. Славянский язык сохранился частично и позже.

² D. P. Bogdan. *Pomelnicul mănăstirii Bistrița*. București, 1941.

³ Григоре Уреке. Летописецул цэрпий Молдовей. Кишинэу, 1971, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 58, 61, 68, 69, 70, 76 и др.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 59.

Урикарул — дважды цитирует «Сербскую летопись» (т. е. молдавскую летопись на славянском языке) монаха Азария ⁷.

Таким образом, из летописи Уреке узнаем о существовании в Молдавии ряда славяно-молдавских летописей XV—первой половины XVII в. Их составление было связано с расцветом славянской культуры и письменности в Молдавии ⁸.

Однако вследствие неоднократных татарских нашествий, турецких вторжений в пределы Молдавии и особенно в результате частых феодальных усобиц многие исторические памятники были уничтожены и погибли безвозвратно. Некоторые еще и теперь постепенно обнаруживаются и издаются.

Одна из первых славяно-молдавских летописей («Сказание вкратцѣ о молдавскихъ господарехъ отколе начаса Молдавская земля въ лѣто 6867») стала известна исследователям еще в начале 90-х годов XVIII в. Она была обнаружена в России в составе Воскресенского списка Воскресенской летописи, опубликованного в 1793—1794 гг. ⁹ В 1856—1859 гг. Воскресенская летопись была издана по пяти спискам, в трех из которых содержалась славяно-молдавская летопись 1359—1504 гг. ¹⁰ Однако эта летопись привлекла внимание молдавских и румынских ученых значительно позже.

Румынский буржуазный историк и филолог-славист Б. П. Хашдеу (1838—1907), говоря о «Сказании вкратце о молдавских господарях» Воскресенской летописи, именует это «Сказание» «славяно-румынской хроникой», т. е. «хроникой, отредактированной молдаванином в начале XVI века, но на славянском языке, официальном диалекте румын в ту эпоху» ¹¹. В другой же своей работе Б. П. Хашдеу называет вышеуказанную славяно-молдавскую летопись 1359—1504 гг. «молдаво-славянской» летописью ¹².

Румынский буржуазный историк Д. Ончиул (1856—1923) именует «Сказание вкратце о молдавских господарях» 1359—1504 гг. «молдавской хроникой, составленной в начале XVI века на русском языке» ¹³. Позже Ончиул, очевидно, пересмотрев свою прежнюю точку зрения, пишет, что вышеназванная славяно-молдавская летопись попала в Россию, вероятно, в конце XV столетия

⁷ Там же, стр. 81, 83.

⁸ Е. М. Руссов. Культурно-историческое значение молдавских летописей. — «Днестр», Кишинев, 1957, № 5, стр. 61—62.

⁹ «Русская летопись с Воскресенского списка», ч. I. СПб., 1793, стр. 53—58.

¹⁰ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 256—259.

¹¹ B. P. Hasdeu. Cronica cea mai veche a Moldovei. — «Arhiva istorică a României», t. III. București, 1867, p. 26.

¹² B. P. Hasdeu. Istoria critică a românilor, t. I, ed. 2. București, 1875, p. 9. Об историографии славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг. см.: А. В. Болдур. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи. — АЕ за 1963 г. М., 1964, стр. 72—86; *idem*. Cronica slavomoldovenescă din cuprinsul letopisei ruse Vosresenski. — «Studii», București, 1963, N 5, p. 1099—1120.

¹³ D. Onciul. Zur Geschichte der Bukowina. Czernowitz, 1887, S. 27.

по случаю бракосочетания дочери молдавского господаря Стефана Великого Елены с Иваном Ивановичем Молодым, сыном великого князя московского Ивана III, которое состоялось в 1483 г.¹⁴

Более подробно анализирует этот памятник известный румынский буржуазный историк и филолог-славист И. И. Богдан (1864—1919), переиздавший текст «Сказания» и сопроводивший его обстоятельной вводной статьей, а также обширными комментариями и примечаниями.

В результате анализа текста «Сказания» и других источников Богдан пришел к выводу, что оригинал летописи был написан в Молдавии на славянском языке, а затем переписан в Москве на русский язык, чтобы эта хроника не отличалась от остальных мест Воскресенской летописи. Текст же, пожалуй, совсем не был изменен. Сохранилось даже слово *планины*, которое русский не знает в значении «гор», почему компилятор и прибавил за ним глоссу: «сии рече горы»¹⁵. «Хроника, обнаруженная в Слатинском сборнике, — продолжает Богдан, говоря об источниках «Сказания» и его родственных редакциях, — является нам на помощь и позволяет определить без малейших сомнений, что «Сказание вкратце» Воскресенской летописи — это молдавская хроника, более или менее пострадавшая от стилистических изменений в руках русского переписчика, но все-таки сохранившая почти целиком ее молдавскую форму»¹⁶.

Этот взгляд Богдана разделял видный киевский ученый-славист Н. И. Петров (1859—1924), который был хорошо знаком не только с Воскресенской летописью, но и с киевским рукописным сборником № 116, содержащим три славяно-молдавские летописи, одна из которых (Путнянская I) частично совпадает со «Сказанием вкратце о молдавских господарях» Воскресенской летописи. Так, Петров, говоря о так называемой «Сербской летописи» от смерти Стефана Душана (1355 г.) до 1490 г., отмечает: «А по примеру их (сербов. — Ф. Г.) стали составлять славянские летописи Молдавии. Одна из таких летописей издана была в России еще в 1856 году (точнее, в 1793 г. — Ф. Г.). Другую — из славяно-молдавских летописей представляет «Сказание вкратце о молдавских господарях» сборника (киевского)»¹⁷.

Таким образом, Петров говорит о двух одинаковых по заглавию и аналогичных в основном по содержанию славяно-молдавских летописях (1359—1504 и 1359—1526 гг.): из киевского сборника собрания Почаевской лавры (№ 116), хранившегося тогда в библиотеке Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, и из списка Воскресенской летописи Библиотеки Академии наук (№ 34.5.24).

Богдан, уточняя свою мысль о времени и месте написания

¹⁴ D. Onciul. Opere, t. I. București, 1946, p. 311.

¹⁵ I. Bogdan. Scrieri alese. București, 1968, p. 316.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ «Бессарабия». Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1892, стр. 76.

и редактирования славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг., отмечает, что последняя была переписана и отредактирована (со славянского оригинала) в России в начале правления молдавского господаря Иоана Богдана, сына и преемника господаря Стефана Великого, т. е. между 1504—1508 гг., так как на этом государе заканчивается рассказ «Сказания вкратце о молдавских господарях»¹⁸.

К этому же времени относил написание и редактирование славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг. румынский буржуазный историк Г. Брэтиану¹⁹.

Богдан, так же как и его предшественник Ончиул, считал, что оригинал «Сказания вкратце о молдавских господарях» Воскресенской летописи был доставлен из Молдавии в Россию в конце XV в. одним из посланников великого князя московского Ивана III, с которым молдавский господарь Стефан Великий имел тесные связи и дружеские отношения и сын которого, Иван Иванович Молодой, женился на дочери Стефана Великого, Елене Волошанке²⁰.

Что же касается названия, авторства и исторического значения этой интересной летописи, то Богдан писал: «Мы называли ее анонимной (курсив автора. — Ф. Г.), так как не знаем ни места, ни имени ее составителя, но наименования «славяно-румынская» или «молдаво-славянская» кажутся нам неподходящими»²¹.

«Значение анонимной хроники, — говорит далее Богдан, — заключается в первой ее части, которая сохранила нам одно из самых любопытных молдавских преданий о начале Молдавии»²², т. е. она содержит довольно пространный (в своей основе правдоподобный) рассказ о происхождении молдавского народа и основании самостоятельного Молдавского феодального государства в 1359 г.

Ценность и историческое значение этого памятника состоят, однако, не только в его первой части, но и во второй, летописи в целом, так как она дает некоторые сведения, не встречающиеся в других славяно-молдавских и иных летописях, а также говорит о традиционных русско-молдавских связях.

Иной точки зрения (о месте и времени написания, источниках и авторе «Сказания вкратце о молдавских господарях» Воскресенской летописи) придерживался русский буржуазный историк-славист А. И. Яцимирский (1873—1925). Полемизируя с румынским ученым И. И. Богданом по поводу того, что оригинал славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг. был написан в Молдавии на славянском языке, а затем уже в Москве переписан на русский

¹⁸ *I. Bogdan. Op. cit., p. 317.*

¹⁹ *G. Brătianu. Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești. București, 1945, p. 150—151.*

²⁰ *I. Bogdan. Op. cit., p. 318.*

²¹ *Ibid., p. 316—317.*

²² *Ibid., p. 318.*

язык, он пишет: «С этим согласиться нелегко, так как, во-первых, отдельных слов далеко не достаточно, чтобы видеть в них следы среднеболгарского оригинала, во-вторых, первая часть нашего «Сказания вкратце» ни в коем случае не была написана на языке среднеболгарском»²³; «... первая часть Сказания Воскресенской летописи не только книжного происхождения, но даже в чисто русской литературной обработке»²⁴.

Совсем иное дело — вторая часть Сказания, которая, по нашему мнению, — говорит Яцимирский, — начинается словами: «И бѣ въ нихъ человекъ разумень и мужественъ, именемъ Драгошь». Рассказ об основании Молдавского княжества еще составляет переход от связного и многоречивого повествования первой части к сжатому и стереотипному по форме перечню молдавских господарей, кончая Стефаном V Великим, второй части. Но и в рассматриваемом отрывке нельзя не видеть близость известий, иногда даже текстуальную, к польско-молдавской хронике Николая Бржецкого, написанной в Яссах в конце 1566-го года, причем русское Сказание более пространно; конечно, все подробности — самого общего характера, и, несомненно, оригиналом для второй части Сказания о молдавских господарях послужила какая-то неизвестная славяно-молдавская летопись, представляющая среднюю редакцию между Путнянской анонимной летописью и польско-молдавской 1566 года»²⁵.

Подводя итоги своих изысканий и наблюдений, Яцимирский пишет, что изучение «Сказания вкратце о молдавских господарях», включенного в Воскресенскую летопись, привело его «к следующим выводам:

1. По своему происхождению Сказание прежде всего должно быть разделено на две части, соединенные вместе, быть может, при самом внесении его в летописный свод, во всяком случае, не ранее самого начала XVI века.

2. Первая часть Сказания — безусловно книжного происхождения, имевшая в своей основе, пожалуй, одну лишь теорию о римском происхождении румын и обработанная по некоторым русским источникам. ... Составителем ее мог быть Пахомий Серб.

3. Вторая часть Сказания представляет просто копию с неизвестной пока славяно-румынской (точнее, славяно-молдавской. — Ф. Г.) хроники, но очень близкой к польско-молдавской летописи Бржецкого.

4. Все Сказание редактировано русским книжником, по-видимому, *ad hoc*, а именно для внесения его в официальную московскую летопись»²⁶.

²³ А. И. Яцимирский. «Сказание вкратце о молдавских господарях» в Воскресенской летописи. СПб., 1901, стр. 12; см. также: ИОРЯС, т. VI, кн. 1. СПб., 1901, стр. 86—119.

²⁴ Там же, стр. 20.

²⁵ Там же, стр. 20—21.

²⁶ Там же, стр. 32.

Румынский историк А. В. Болдур²⁷, подробно рассмотрев точки зрения своих предшественников, в том числе Яцимирского, подтвердил его выводы критике²⁸.

Б. П. Хашдеу, переиздавая молдавско-польскую летопись 1352—1564 гг., опубликованную еще в 1844 г. в Варшаве польским историком К. В. Войцицким (1787—1869)²⁹, пришел к необоснованному выводу, что она является «самой древней хроникой Молдавии»³⁰.

С другой стороны, на основании анализа польского текста молдавско-польской летописи 1352—1564 гг. Хашдеу пришел к заключению, что эта «хроника» в основной своей части за 1352—1552 гг. является не чем иным, как переводом на польский язык и переработкой одной из молдавских летописей, написанных на славянском языке. Вторая же часть молдавско-польской летописи за 1553—1564 гг., по мнению Хашдеу, была составлена автором на основании личных наблюдений и рассказов очевидцев³¹.

Автором молдавско-польской летописи 1352—1564 гг. Хашдеу считал Августина Айкинжера, немца из Польши, жившего в Молдавии при господаре Александре Лапушняну (1552—1561, 1564—1568), с концом правления которого в основном заканчивается молдавско-польская летопись³².

Богдан, спустя двадцать четыре года после публикации молдавско-польской летописи Хашдеу, полагал, что именно ему, Богдану, удалось не только обнаружить «древнейшую» славяно-молдавскую, или Путнянскую I, летопись 1359—1526 гг., содержащуюся в известном киевском сборнике Почаевской лавры (№ 116), но и установить, что якобы Путнянская I летопись является одним из основных источников молдавско-польской летописи 1352—1564 гг.³³

Однако истина выяснялась постепенно, и сама жизнь впоследствии внесла коррективы во взгляды Богдана, когда им же в России и Тульче, в Добрудже, были обнаружены более древние славяно-молдавские летописи, в том числе и Бистрицкая летопись³⁴.

Богдан, идя по следам Хашдеу, основоположника молдавской и румынской буржуазной историографии о славяно-молдавском летописании XV—XVI вв.³⁵, также делил молдавско-польскую

²⁷ А. В. Болдур. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи, стр. 72—86.

²⁸ Там же, стр. 73—75, 78—81 и др.

²⁹ К. W. Wojcieki. Spisanie kroniki o ziemi Woloskiej. — «Biblioteka starożytna pisarzy polskich», t. VI. Warszawa, 1844, str. 51—67.

³⁰ B. P. Hasdeu. Cronica cea mai veche a Moldovei. — «Arhiva istorică a României», t. III. București, 1867, p. 5—6.

³¹ Ibid., p. 8—9.

³² Ibid., p. 29.

³³ I. Bogdan. Vechile cronice moldovenesti pînă în Urechia. București, 1891, p. 165.

³⁴ I. Bogdan. Cronice inedite atîngătoare de istoria romînilor. București, 1895, p. 3—78.

³⁵ I. Bogdan. Scrieri alese. București, 1968, p. 270.

летопись 1352—1564 гг. на две самостоятельные части. Первая часть, охватывающая 1352—1552 гг., по мнению Богдана, является почти целиком «добросовестным переводом одной из молдавских хроник», которая якобы была Путнянской I летописью. Вторая же часть (1553—1564 гг.), об уездах и волостях Молдавии, господарских придворных боярах-слугах, войске и судопроизводстве, представляет собой добавление переводчика 1566 г.³⁶

Богдан полагал, что переводчиком и автором молдавско-польской летописи был польский посол при турецком дворе Николай Бржеский на том основании, что он продолжительное время (около трех месяцев) находился при дворе молдавского господаря Александра Лапушняну и его имя фигурирует в самой заглавии рукописи, включающей эту летопись³⁷.

Этот вывод Богдана был принят и одобрен почти всеми последующими историками³⁸.

Румынский историк-славист П. П. Панайтеску (1900—1968), напротив, считал, что вероятнее всего молдавско-польская летопись была составлена в Молдавии каким-то анонимным поляком на основании несохранившегося славянского оригинала-протографа времен Стефана Великого. В Молдавии же поляк-аноним собрал и дополнительные сведения, которые включил в свою хронику (о молдавских придворных боярах, судопроизводстве, уездах страны, армии и др.)³⁹.

Молдавско-немецкая летопись 1457—1499 гг.⁴⁰ вызвала дискуссию, в ходе которой были выдвинуты и поставлены на очередь для разрешения большие и сложные проблемы, а также высказан ряд точек зрения: о месте и времени составления летописи, ее

³⁶ I. Bogdan. *Scriseri alese*, p. 302—303.

³⁷ Ibid., p. 398—406.

³⁸ П. А. Сырку. Рец.: I. Bogdan. *Cronice inedite atingătoare de istoria românilor*. București, 1895. — ИОРЯС, т. I, кн. 1. СПб., 1896, стр. 100, 103—104; А. И. Яцимирский. Указ. соч., стр. 21, 32.

³⁹ «Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan». Ediție revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959, p. 165—166; P. P. Panaitescu. *Cronica moldo-polonă*. — «Revista istorică română», N 1. București, 1931, p. 113—123.

⁴⁰ O. Gorka. *Kronika czasow Stefana Wielkiego Moldawskiego*. Kraków, 1931, 119 str.; *idem*. *Cronica epocii lui Ștefan cel Mare*. — «Revista istorică română», N IV. București, 1934, p. 215—279; N V—VI, 1935—1936, p. 1—85; *idem*. *Cronica epocii lui Ștefan cel Mare (1457—1499)*. București, 1937, 161 p.; N. Iorga. *Nouă cronică germană a lui Ștefan cel Mare, descoperită de O. Gorka*. — «Buletinul Comisiei istorice a Romaniei», N IX. București, 1933, p. 187—195; I. Nistor. *O nouă cronică asupra domniei lui Ștefan cel Mare*. — «Codrul Cosminului», N VI. Cernăuți, 1929—1930, p. 484—485; P. P. Panaitescu. *Recenzie critică asupra ediției lui O. Gorka*. — «Revista istorică română», N 1. București, 1931, p. 156—160; R. Huss. *Die deutsche Chronik eines Bistritzers aus dem Jahre 1499 und die Bistritzer Kanzleisprache des 15—16. Jahrhunderts*. — «Siebenbürgische Vierteljahrschrift», N 56 (LVI), 1933, S. 122—164; I. C. Chițimia. *Cronica lui Ștefan cel Mare*. — «Cercetări literare», vol. III. București, 1939, p. 219—293; *idem*. *Cronica lui Ștefan cel Mare*. București, 1942; *idem*. *Probleme de bază ale literaturii române vechi*. București, 1972, p. 29—89.

источниках и составе, о ее историческом значении и авторе, о взаимосвязи с различными летописями и их редакциях, о начале славяно-молдавского летописания и др.

Так, польский историк, профессор Львовского университета О. Горка (1874—1941), обнаруживший в 1911 г. в Мюнхенской государственной библиотеке молдавско-немецкую летопись (1457—1499 гг.) и издавший последнюю в Кракове в 1931 г., в своем обширном введении пришел к следующим основным выводам.

Во-первых, летопись с самого начала была написана на средневековом немецком языке на основании официальных annales двора Стефана Великого. Иными словами, не может быть и речи о переводе какого-то местного источника; мы имеем дело с оригинальным произведением.

Во-вторых, летопись была составлена по собственной инициативе ее автора, так как она содержит сведения, которые явно не понравились бы господарю Стефану Великому, правившему Молдавией в то время.

В-третьих, автором летописи не мог быть никто иной, как немец при дворе Стефана Великого. Он был полонофилом, потому что не описывает пространно поражение поляков у Козминского леса в 1497 г. и говорит, что это было для них «большим несчастьем».

Автором молдавско-немецкой летописи 1457—1499 гг. был белгородский пыркалаб-посадник Герман, по происхождению трансильванский немец-саксонец, который был послан Стефаном Великим в апреле 1499 г. в Краков с дипломатической миссией, для заключения молдавско-польского мирного договора.

В-четвертых, белгородский пыркалаб-посадник Герман написал свою летопись в 1499 г., ибо этим годом заканчивается ее повествование, т. е. Герман составил летопись до своей дипломатической поездки в Польшу, чтобы последняя служила источником и средством информации польского королевского двора.

В-пятых, обнаруженная в Мюнхенской государственной библиотеке рукопись датирована 28 апреля 1502 г. В феврале же этого года в Нюрнберге находилось молдавское посольство Стефана Великого с поручением подыскать ему хорошего врача. Это посольство, состоявшее из Ульриха и Антониуса, имело с собой вышеназванную летопись. Нюрнбергский врач Хартман Шкедель снял с летописи копию, ставшую после его смерти (вместе с другими рукописями и книгами) собственностью Мюнхенской государственной библиотеки.

В-шестых, оригинал рукописи бесследно исчез на обратном пути из Нюрнберга в Молдавию вместе с посольством Стефана Великого, которое, как свидетельствуют источники, не достигло Сучавы — столицы Молдавского государства.

В-седьмых, молдавско-немецкая летопись 1457—1499 гг., обнаруженная в Мюнхене, и Бистрицкая славяно-молдавская летопись 1359—1507 гг., открытая несколько раньше И. И. Богданом

в Тульче, содержат одни и те же сведения, параллельно и последовательно ведут свое повествование вплоть до 1486 г., используя до этой даты один общий источник — протограф, который не сохранился. Отсюда, т. е. с 1486 г., и до конца летописи (1499 г.) автор Мюнхенской летописи перестал пользоваться придворными анналами Стефана Великого и написал эту часть на основании личных наблюдений и воспоминаний.

Далее О. Горка утверждает, что поскольку обнаруженная им летопись была написана с самого начала на немецком языке белгородским пыркалабом-посадником Германом, по происхождению трансильванским немцем-саксонцем-колонистом, и наряду с этой древнейшей молдавской летописью имеется еще одно современное ей произведение на немецком же языке о Владе Цепеше (Дракуле), то можно заключить, что славяно-молдавское летописание сложилось под влиянием немецко-саксонской (западной) культуры, а не славянской, как это считалось и было принято до последнего времени ⁴¹.

Румынский буржуазный историк Н. Йорга (1871—1940) в рецензии на публикацию О. Горки отметил, что, хотя последний двадцать лет готовил свою публикацию, она издана неудовлетворительно ⁴².

Йорга полагал, что молдавско-немецкая летопись 1457—1499 гг. была составлена каким-то немцем-саксонцем из г. Байя, а его источником послужила местная монастырская летопись, которая содержала сведения якобы только до 1475 г. После этой даты (1475—1499 гг.) автор «хроники» писал последнюю на основании личных наблюдений.

По словам Йорги, летопись была переведена со славянского оригинала, или, может быть, даже с румынского, на что указывают собственные имена и географические названия. Йорга считал, что она была написана между 1495—1504 гг. ⁴³

Румынский буржуазный литературовед Н. Картожан (1883—1944) на основании текстологического анализа новооткрытой Мюнхенской летописи, а также сравнительного изучения славяно-молдавских летописей пришел к выводу, что он, несомненно, имеет дело с летописью, переведенной и переработанной со славянского оригинала, написанного при дворе молдавского господаря Стефана Великого и очень близкого к списку редакции Бистрицкой летописи 1359—1507 гг.

Гипотеза О. Горки о том, что автором молдавско-немецкой летописи является великий боярин Герман, пыркалаб-посадник

⁴¹ O. Gorka. Kronika czasow Stefana Wielkiego Moldawskiego. Kraków, 1931, str. 5—90; I. C. Chifimta. Probleme de bază ale literaturii române vechi. București, 1972, p. 34—35.

⁴² «Revista istorică română», XIX. București, 1933, p. 194—195.

⁴³ N. Iorga. Noua cronică germană a lui Ștefan cel Mare, descoperită de O. Gorka. — «Bulletinul Comisiei istorice a României», N IX. București, 1933, p. 187—195.

Белгорода, по мнению Картожана, не может быть принята ⁴⁴.

Другой румынский ученый, П. П. Панаитеску, в своей обстоятельной рецензии на издание О. Горки отметил как достоинства, так и недостатки рассматриваемой публикации. Он согласился с некоторыми выводами автора и опроверг другие как необоснованные. Так, Панаитеску согласен с тем, что автором Мюнхенской летописи является какой-то западноевропейский немец, но он никак не мог быть Германом (пыркалаб-посадник Белгорода). Панаитеску считает автором Мюнхенской летописи анонимного немца, служившего при дворе Стефана Великого.

По словам Панаитеску, летопись не является копией или переводом официальных анналов двора Стефана Великого (в которых излагалась политическая история Молдавии 1359—1486 гг.), а их переработкой, ибо автор Мюнхенской летописи описывает исторические события и после 1486 г.

Панаитеску, так же как и Горка, пришел к выводу, что Мюнхенская летопись до 1486 г. была составлена на основании местного летописца, близкого к списку Бистрицкой летописи, а с 1486 г. писалась на основании личных воспоминаний и наблюдений автора, который после 1486 г. даже изменил летосчисление от сотворения мира на летосчисление от рождения Христова.

Аналогичное явление наблюдается и при составлении молдавско-польской летописи 1352—1564 гг., автор которой проделал такую же работу, что и составитель молдавско-немецкой летописи 1457—1499 гг.

Далее Панаитеску опроверг утверждение Горки о том, что молдавские придворные анналы Стефана Великого могли быть написаны на латинском языке. Они были написаны на славянском языке, официальном языке государства, что легко доказать путем текстологического анализа молдавско-немецкой и славяно-молдавских летописей ⁴⁵.

Венгерский филолог, профессор Дебреценского университета Р. Хукз посвятил молдавско-немецкой летописи обширное исследование, в котором пытался доказать, что ее автором является немец Бистрицкой волости, так как язык летописи имеет характерные черты говора немцев данной местности. Однако он сравнивает язык летописи XV в. с немецким говором первой половины XX в. Кроме того, он несколько ниже пишет, что язык молдавско-немецкой летописи в целом приближается к нюрнбергскому диалекту, а в заключение приходит к выводу, что Герман, автор летописи, был немцем из Бистрицы, а не немцем-саксонцем из южной Трансильвании, как утверждал О. Горка ⁴⁶.

⁴⁴ N. Cartoian. *Istoria literaturii române vechi*, vol. I. București, 1940, p. 32; I. C. Chițimia. *Probleme de bază*. . . , p. 35—36.

⁴⁵ P. P. Panaitescu. *Recenzie critică asupra ediției lui O. Gorka*. — «*Revista istorică română*», N 1. București, 1931, p. 156—160; «*Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI*». București, 1959, p. 24—27.

⁴⁶ R. Husz. *Op. cit.*, S. 122—164; I. C. Chițimia. *Probleme de bază*. . . , p. 36—37.

Румынский ученый Д. Симонеску приводит некоторые дополнительные аргументы в пользу точки зрения о том, что молдавско-немецкая летопись является переводом и переработкой славянского оригинала ⁴⁷.

Другой румынский ученый, историк К. К. Жюреску, соглашаясь с О. Горкой, отмечает, что автором вышеупомянутой летописи «является военный немец-саксонец, находившийся на службе у Стефана Великого, Герман, пыркалаб Белгорода» ⁴⁸.

Наконец, румынский литературовед И. К. Кидимя, переиздавший в 1942 г. по рукописи эту летопись, считает, что она была переведена на латинский язык со славянского оригинала каким-то поляком, а затем в 1502 г. в свою очередь с латинского языка была переведена врачом, историком и географом Хартманом Шкеделем на немецкий язык ⁴⁹.

По словам Кидими, если существуют различные точки зрения об авторе, месте и времени написания молдавско-немецкой летописи, о ее языке и протографе, то никто из исследователей не сомневается в том, что вышеупомянутая летопись была доставлена в Германию в 1502 г. посольством Стефана Великого, отправленным последним в Нюрнберг в поисках хорошего врача ⁵⁰.

Таким образом, в ходе развития историографии славяно-молдавского летописания XV—XVI вв. были выдвинуты и поставлены на очередь для разрешения три основные проблемы: 1) о происхождении и начале славяно-молдавского летописания, о месте и времени составления той или иной летописи; 2) о редакциях, источниках и соотношении или связи различных летописей; 3) об авторе той или другой летописи и среде, из которой она вышла.

При всем разнообразии и противоречивости точек зрения отдельных русских и иностранных ученых относительно времени и места составления первых славяно-молдавских летописей все же их можно разделить на две основные группы. Первую группу составляют те, кто считает, что монастыри Нямец, Бистрица, Молдавица и другие являлись первоначальными центрами составления славяно-молдавских летописей, что последние появляются в самом начале XV столетия, в годы продолжительного правления молдавского господаря Александра Доброго (1400—1432), когда были учреждены первые молдавские монастыри ⁵¹. При Стефане же Вели-

⁴⁷ D. Simonescu. *Cronica lui Ștefan cel Mare*. — «*Tinerimea română*», VI. București, 1937, p. 105—109.

⁴⁸ C. C. Giurescu. *Istoria românilor*, vol. II. București, 1937, p. 596.

⁴⁹ I. C. Chițimia. *Probleme de bază*. . . , p. 48—54.

⁵⁰ Ibid., p. 37.

⁵¹ I. Bogdan. *Vechile cronice moldovenești pînă la Urechia*. București, 1891, p. 25; *idem*. *Scrieri alese*. București, 1968, p. 290; N. Iorga. *Noua cronică germană a lui Ștefan cel Mare, descoperită de O. Gorka*. — «*Buletinul Comisiei istorice a Romaniei*», N IX. București, 1933, p. 187—195; A. B. Боядур. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи, стр. 80—81.

ком славяно-молдавское летописание достигает своего расцвета. Так, известный румынский историк и филолог-славист И. И. Богдан, внесший основной вклад в выявление, публикацию и изучение славяно-молдавских летописей, отмечает, что первые опыты молдавской историографии относятся ко времени правления Александра Доброго, когда были основаны и первые монастыри Нямец, Бистрица и Молдавица⁵².

Русский буржуазный историк-славист А. И. Яцимирский, обнаруживший и издавший ряд славяно-молдавских летописей, а также посвятивший некоторым из них специальные исследования, пишет:

«На фоне бедных событиями и жалких в литературном отношении южнославянских летописей славянские летописи румынского (точнее, молдавского. — *Ф. Г.*) происхождения кажутся великолепными памятниками художественной историографии.

Эти летописи, которые принято называть славяно-молдавскими, возникают в Молдавии приблизительно через сто лет после основания господства марамурешским воеводой Драгошем (1359 г.), и есть основания связывать начало славянской историографии у румын (точнее, у молдаван. — *Ф. Г.*) с Нямецким или Бистрицким монастырями вообще и с книжной деятельностью загадочного до сих пор еще монаха Гавриила, в частности. Несомненно, что первые опыты в этой области относятся к (первой. — *Ф. Г.*) половине XV века и охватывают события господства почти до времени вступления на престол Стефана Великого (1457 г.).

За «бистрицким» периодом славяно-румынской (т. е. славяно-молдавской. — *Ф. Г.*) историографии следует «путнянский», охватывающий все правление этого знаменитого молдавского государя-героя, а также его ближайших преемников. Известно несколько редакций славяно-молдавских летописей этого периода, редакций, отличающихся друг от друга и по количеству исторических сведений, и по форме их изложения, но связь их прототипа (т. е. протографа. — *Ф. Г.*) с монастырем Путной — несомненна.

Время кратких «анналов», — по словам А. И. Яцимирского, — оканчивается приблизительно на переломе (т. е. на стыке. — *Ф. Г.*) первой и второй четвертей XVI века, и затем наступает время пространных, художественных и объединенных известной традицией «хроник» в стиле изящного византийца Константина Манассии, которому молдавские хронисты подражали⁵³.

Ко второй группе принадлежат ученые, считавшие, что возникновение славяно-молдавского летописания относится ко второй половине XV столетия и связано с именем молдавского государя Стефана Великого, при дворе которого началось составление пер-

⁵² *I. Bogdan. Scrieri alese, p. 290.*

⁵³ *А. И. Яцимирский. Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг. — ЖМНП, 1909, № 5, стр. 134—135.*

вой славяно-молдавской летописи по поручению и заказу господара как главы государства ⁵⁴.

Что же касается редакций, соотношения или связи различных славяно-молдавских летописей, то И. Богдан, Н. Йорга, И. Владеску и А. И. Яцимирский считали, что в Молдавии первоначально существовали по крайней мере две летописи (Бистрицкая и Путнянская), которые были составлены независимо одна от другой, а затем их редактирование продолжалось, особенно при Стефане Великом, который подчинил летописное дело господарской канцелярии и задачам внутренней и внешней политики ⁵⁵.

С. Орешану, И. Миня, О. Горка, Н. Картожан и другие отмечают, что вышеупомянутые две летописи являются родственными между собой по тексту ⁵⁶. По словам же П. П. Панаитеску, в основе всех летописей XV столетия лежит «одна летопись-протограф», которая якобы была составлена и отредактирована при дворе молдавского господара Стефана Великого. Самой же древней и наиболее близко стоявшей к не обнаруженному пока протографу является дошедшая до нас Бистрицкая летопись 1359—1507 гг. ⁵⁷

Как известно, от XVI столетия до нас дошли три славяно-молдавские летописи, представляющие собой памятники официального господарского и митрополичьего летописания и принадлежащие перу видных представителей духовной феодальной знати: Макария, Евфимия и Азария.

Епископ романской епископской кафедры Макарий, написавший свою летопись 1504—1551 гг. по поручению господара Молдавии Петра Рареша (1527—1538, 1541—1546) и великого логофета господарской канцелярии Федора, отмечает, что он, Макарий, продолжает полезное летописное дело, начатое «списателями любомудрствующими», передававшееся из поколения в поколение до 1504 г., «и нам чадом их многочислене передаша». Ученик же и продолжатель дела Макария, игумен Евфимий, составивший свою летопись по заказу молдавского господара Александра Лапушняну, описывает исторические события 1542—1554 гг. Наконец, опять-таки ученик и продолжатель Макария Азарий написал

⁵⁴ B. P. Hasdeu. Cronica cea mai veche a Moldovei. — «Arhiva istorică a României», t. III. București, 1867, p. 33—36; S. Orășanu. Ceva despre cronicile moldovene. — «Convorbiri literare», XXXI. București, 1897, p. 549—551; I. Minea. Letopisețele moldovenești scrise slavonește. Iași, 1925, p. 25—26; I. Ursu. Ștefan cel Mare. București, 1925, p. 423; I. Vlădescu. Izvoarele istoriei românilor. Letopisețul de la Bistrița și letopisețul de la Putna. București, 1925, p. 62—67, 97; O. Gorka. Kronika czasow Stefana Wielkiego Moldawskiego. Kraków, 1931, str. 73—75; N. Cartoian. Op. cit., vol. I, p. 37—38.

⁵⁵ I. Bogdan. Cronicе inedite atigătoare de istoria românilor. București, 1895, p. 15—17; N. Iorga. Istoria literaturii românești, vol. I. București, 1925, p. 126—131; I. Vlădescu. Op. cit., p. 99—100.

⁵⁶ S. Orășanu. Op. cit., p. 658; I. Minea. Op. cit., p. 27, 66; O. Gorka. Kronika czasow. . . , p. 75; N. Cartoian. Op. cit., p. 33—39.

⁵⁷ «Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan». Ediție revazută și completată de P. P. Panaiteescu. București, 1959, p. XI—XIII.

свою летопись по заданию молдавского господара Петра [Хромого, великого логофета господарской канцелярии Иоана Голзэя и митрополита Молдавии Анастасия.

Органическая связь между несколькими поколениями летописцев и их летописями, первоначальным неофициальным («любо-мудрствующим») и последующим официальным («царским повеле-нием») господарским летописанием, между тремя различными списками славяно-молдавской летописи самого Макария и такая же связь с летописными произведениями его учеников и продолжа-телей, Евфимия и Азария, и, может быть, Исайя и Романа дают воз-можность говорить уже о целой школе летописцев и о существо-вании в Молдавии прочной летописной традиции, уходящей своими корнями довольно глубоко.

Вот почему нам представляется, что правы те исследователи (И. Богдан, Д. Ончиул, А. И. Яцимирский, П. А. Сырку, А. В. Бол-дур и др.), которые пришли к выводу, что первые молдавские ле-тописи на славянском языке появились в Молдавии приблизительно через полвека после образования самостоятельного Молдавского феодального государства в 1359 г. Возникновение же славяно-молдавского летописания было обусловлено прежде всего разви-тием феодальных отношений и образованием Молдавского кня-жества, а не только влиянием византийского ⁵⁸, немецкого ⁵⁹, болгаро-сербского ⁶⁰ и другого иностранного летописания, как это утверждали многие представители буржуазной историографии.

Нельзя также согласиться с утверждением румынского буржуаз-ного историка И. Мини о том, что славяно-молдавские летописи XVI в. (Макария, Евфимия и Азария) не отражают молдавскую действительность, идеологию, культуру и общественно-политич-ескую мысль, так как они составлены под сильным влиянием византийского летописца-поэта XII в. Константина Манассии ⁶¹.

* * *

Говоря о русской, молдавской и румынской марксистско-ленинской историографии, прежде всего следует отметить исследо-вания Л. В. Черепнина ⁶², Е. М. Руссева ⁶³, П. П. Панаи-

⁵⁸ V. Grecu. Originea cronicelor românești. — «Omăgiu lui I. Bănuș». Bucu-
rești, 1927, p. 217—223.

⁵⁹ O. Gorka. Kronika szasow. . . , str. 23—39.

⁶⁰ «Бессарабия». Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1892, стр. 76.

⁶¹ I. Minea. Letopisețele moldovenești scrise slavonește. Iași, 1925, p. 71—
73, 80, 101.

⁶² Л. В. Черепнин. Из истории общественной мысли в России и Молдавии на
рубеже XV и XVI веков. — «Вековая дружба». Материалы научной
сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся
27—29 ноября 1958 г. Кишинев, 1961, стр. 87—110.

⁶³ Е. М. Руссев. Указ. соч., стр. 91—104; он же. Историография славяно-молдо-
веняско дин викуриле XV—XVI. — «Инвазторул советик», Кишинев,
1958, № 9—12, паж. 23—29; он же. У истоков молдавской мемуаристики. —
«Кодры», Кишинев, 1972, № 6, стр. 148—152; он же. Слова кроникарьско-
екоул батрыней Молдове. Кишинев, 1974.

теску⁶⁴, А. В. Болдура⁶⁵, И. К. Кицими⁶⁶, Д. П. Богдана⁶⁷, Г. Михэила⁶⁸ и других⁶⁹, внесших свой вклад в изучение славяно-молдавских летописей XV—XVI вв., рассматривая их как главные памятники историографии молдавского народа XV—XVI вв., важнейший источник для освещения политической истории, общественной мысли и культуры средневековой Молдавии. Эти памятники, как правило, недооценивались представителями румынской буржуазной историографии. В указанных выше работах, посвященных различным проблемам, предпринята попытка пересмотреть с марксистских позиций и ряд вопросов, имеющих отношение к славяно-молдавским летописям XV—XVI вв., которые нуждаются в специальном монографическом исследовании⁷⁰.

По словам румынского литературоведа, профессора Бухарестского университета И. К. Кицими⁷¹, а также молдавского историка-литературоведа Е. М. Руссева⁷², одна из основных дискуссионных проблем, которая привлекала и привлекает внимание ученых-специалистов, — это проблема о времени, месте и обстоятельствах возникновения первых летописных памятников в Молдавии, появившихся начало молдавской историографии.

Н. А. Мохов, касаясь вопроса о славяно-молдавских летописях XV—XVI вв., пишет, что первая славяно-молдавская летопись-протограф, была составлена при дворе Стефана Великого не ранее 1487 г. «Этот год, — по словам автора, — и нужно считать наиболее ранней известной датой написания прототица (т. е. протографа. — Ф. Г.) молдавской летописи»⁷³. В работе, приуроченной к XIII Международному конгрессу историков 1970 г. в Москве, Я. С. Гросул и Н. А. Мохов, говоря о за-

⁶⁴ P. P. Panaitescu. Les chroniques slaves de Moldavie au XV-e siecle. — «Romanoslavica», I. București, 1958, p. 146—168; он же. Характерные черты славяно-румынской литературы. — «Romanoslavica», IX. București, 1963, p. 269—281.

⁶⁵ A. V. Boldur. Cronica slavo-moldovenescă din cuprinsul letopisei ruse Voskresenski, p. 1099—1120; он же. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи, стр. 72—86.

⁶⁶ I. C. Chițimia. Probleme de bază ale literaturii române vechi. București, 1972.

⁶⁷ D. P. Bogdan. «Letopisețul de la Bistrița», la plus vieille des Chroniques roumaines en langue. — «Revue des études Sud-Est Europeennes», t. VI, N 3. București, 1968, p. 499—524.

⁶⁸ G. Mihăilă. Istoriografia română veche (sec. al XV-lea începutul sec. al XVII-lea) în raport cu istoriografia bizantină și slavă. — «Romanoslavica», XV. București, 1967, p. 157—196; *idem*. Ioan Bogdan (1864—1919). — *I. Bogdan*. Scrieri alese. București, 1968; *idem*. Contribuții la istoria culturii române vechi. București, 1972.

⁶⁹ Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 35—39; «История Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1965, стр. 265—267; «Istoria României», II. București, 1962, p. 671—677, 1019—1023.

⁷⁰ Е. М. Руссев. Слова кропникэряск—экоул бэтрыней Молдове. Кишинэу, 1974, стр. 10.

⁷¹ I. C. Chițimia. Probleme de bază... , p., 13.

⁷² Е. М. Руссев. Слова... , стр. 10.

⁷³ Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 36.

рождении исторической науки в Молдавии, пишут: «Первые исторические сочинения в Молдавии в виде летописей появились в XV в., вскоре после образования Молдавского государства (XIV в.) и распространения здесь письменности»⁷⁴.

Как отмечалось выше, румынский историк А. В. Болдур считает, что «первые опыты молдавской историографии (относятся. — Ф. Г.) ко времени Александра Доброго, когда были учреждены и первые монастыри Нямец, Бистрица и Молдавица»⁷⁵. По словам же Л. В. Черепнина, «вопрос этот сложный и мало изученный»⁷⁶.

Е. М. Руссев, так же как П. П. Панаитеску и И. К. Кицимя, относит появление первого летописного памятника-протографа ко второй половине XV в., ко времени правления Стефана Великого⁷⁷. Он пишет: «Здесь и не место, и не подходящий случай, чтобы углубляться в анализ этих проблем, так как они являются предметом специального и обширного монографического исследования, а ограничимся только высказываниями и выводами специалистов, разделяемыми в настоящее время»⁷⁸. А несколько ниже Е. М. Руссев, соглашаясь с П. П. Панаитеску, подчеркивает: «С полным основанием было отмечено, что официальная летопись Стефана Великого, произведение, сохранившееся в нескольких местных и иностранных редакциях на рубеже XV—XVI вв., не является летописью Молдавской земли, а биографией господаря»⁷⁹.

Однако с этим согласиться трудно, так как, во-первых, в указанных восьми летописях идет погодное повествование и содержится весьма интересные сведения об образовании Молдавского государства в 1359 г. вплоть до начала XVI в., во-вторых, сами заглавия летописей («Сии летописец отколи начася. . . Молдавская земля», «Сказание вкратце о молдавских господарях отколе начася Молдавская земля в лето 6867» и др.) опровергают цитированное выше утверждение.

Само собой разумеется, что славяно-молдавские летописи XV—XVI вв., будучи написаны видными представителями светской и духовной знати, как правило, по поручению правителей Молдавии, в основном освещали деятельность своих заказчиков и других высоких государственных сановников, защищая интересы господствующего класса. Тем не менее они представляют значительный интерес как важнейшие исторические источники и как главные памятники древней молдавской историографии, написанные на славянском языке.

⁷⁴ Я. С. Гросул, Н. А. Мохов. Историческая наука Молдавской ССР. М., 1970, стр. 5.

⁷⁵ А. В. Болдур. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи, стр. 80—81.

⁷⁶ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 102.

⁷⁷ Е. М. Руссев. Слова. . ., стр. 11.

⁷⁸ Там же, стр. 10.

⁷⁹ Там же, стр. 29.

Отдельные наши расхождения с некоторыми авторами старых и новых работ уже рассматривались нами ⁸⁰.

Развитию исторической науки в Молдавии в значительной мере способствовало выявление и издание различных исторических источников учеными-археографами и источниковедами — русскими, молдавскими, румынскими и других стран.

Если издателям Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII—VIII) были известны только пять списков, из которых лишь три содержали «Сказание вкратце о молдавских господарях отколе начаса Молдавская земля в лето 6867», то теперь, благодаря изысканиям С. А. Левиной ⁸¹, А. Е. Преснякова ⁸², В. И. Буганова ⁸³, Э. И. Конюховой ⁸⁴, Г. Михэилэ ⁸⁵ и нашим ⁸⁶, обнаружено более десяти новых списков славяно-молдавских летописей.

⁸⁰ Ф. А. Грекул. Аграрные отношения в Молдавии в XVI—первой половине XVII в. Кишинев, 1961, стр. 25—33.

⁸¹ С. А. Левина. О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 375—379; она же. К изучению Воскресенской летописи. — Там же, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 689—705; она же. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — «Труды МГИАИ», т. 10. М., 1957, стр. 402—405; она же. Тринадцатый список Воскресенской летописи. — АЕ за 1967 г. М., 1969, стр. 96—99.

⁸² А. Е. Пресняков. Мелкие заметки к Воскресенской летописи. — ЛЗАК, вып. XIII. СПб., 1901, стр. 3—5.

⁸³ В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, стр. 61—62, 67.

⁸⁴ Э. И. Конюхова. Славяно-русские рукописи XIII—XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского университета (Описание). М., 1964, стр. 10, 15—16.

⁸⁵ G. Mihăilă. Ioan Bogdan (1864—1919). — I. Bogdan. Scrieri alese. București, 1968; *idem*. Contribuții la istoria culturii române vechi. București, 1972, p. 132—133.

⁸⁶ В. И. Буганов. Об падании русских летописей. — АЕ за 1971 г. М., 1972, стр. 22; М. Цебогэ. Летопись рассказывает. — «Правда», 16 мая 1973 г., № 136 (20010).

ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗДАНИЯ ХРОНИК И ХРОНОГРАФОВ

О. В. Творогов

Начнем наши заметки с уточнения терминов «хроника», «хронограф», «хронограф особого состава» и «хронографический сборник».

Хотя между переводными хронографическими сводами и между оригинальными, созданными на Руси, принципиального различия нет, первые принято называть хрониками (Хроника Георгия Амартола и т. д.), а вторые — хронографами, включая в этот разряд как хронографические компиляции типа Летописца Еллинского и Римского, так и разновидности Русского хронографа (Хронограф редакции 1512 г., Хронограф западнорусской редакции, Хронограф редакции 1617 г. и др.). Эти хронографы можно назвать каноническими редакциями: для подавляющего большинства их списков характерна постоянная структура — определенное число определенных глав и статей, относительная устойчивость в формулировках заголовков и т. д.

«Хронограф особого состава» — это индивидуальная (т. е. существующая чаще всего в единственном списке) хронографическая компиляция, основанная обычно на каком-либо «каноническом» хронографе, но существенно изменившая его состав: текст либо сокращен, либо дополнен новыми статьями, как извлеченными из других хронографов, так и самостоятельными памятниками. Грань между канонической редакцией и «хронографом особого состава» порой довольно зыбка. Так, хронограф, текст которого дополнен одной-двумя статьями, мы будем все же рассматривать среди списков соответствующей редакции, но если дополнений или пропусков много, то предпочтительнее определить рукопись как «хронограф особого состава».

«Хронографический сборник» — это и не хронограф, поскольку в нем отсутствует объединяющее текст членение на главы и статьи и поскольку входящие в сборник памятники могут сохранять свою структуру, свои индивидуальные названия и т. д., но и не обычный сборник исторических статей, ибо входящие в него компоненты подчинены «хронографическому принципу», т. е. расположены в хронологической последовательности.

Примером хронографического сборника может служить рукопись ГПБ, F.IV.243. Первые сто листов ее занимает изложение библейской истории от сотворения мира до рассказа об Иакове.

В эту компиляцию входят и отрывки из Хронографа редакции 1617 г. Затем выписки из Хронографа становятся более пространными (иногда сохраняются заголовки соответствующих статей Хронографа); между этими выписками помещаются различные статьи: «О Палестинской земле», апокрифическое «Сказание Афродитиана», апокрифическое Никодимово евангелие и др., однако место всех этих статей обусловлено хронологической соотнесенностью описываемых в них событий с событиями, изложенными в основном, извлеченном из хронографа тексте¹.

На беглый просмотр любого из списков «канонической» редакции Русского хронографа даже исследователь, специально занимающийся этим памятником и располагающий заранее составленным списком «примет», потратит минимум три-четыре часа.

Если же список имеет какие-либо дефекты (утрачены или перепутаны листы, отсутствуют киноварные заголовки, что значительно затрудняет ориентировку в тексте, и т. д.), то просмотр рукописи займет гораздо больше времени. Постатейное же описание хронографа занимает, в зависимости от сложности текста, от нескольких часов до нескольких дней, а иногда и несколько недель. Достаточно напомнить, что в хронографе около тысячи статей, и даже механическая переписка их заголовков займет значительное время².

И тем более досадно, что исследователь хронографов, обратившись к самому подробному постатейному описанию, не всегда будет удовлетворен: с одной стороны, он обнаружит массу излишней информации (например, имеет ли смысл перечислять заголовки всех статей, если данная редакция хронографа издана? нужно ли отмечать различия в заголовках статей, если сам текст в них традиционный?), а с другой, найдет неточности и ошибки в куда более важных элементах описания. Известны случаи, когда в постатейных описаниях, выполненных в последние годы, Хронограф западнорусской редакции принимали за Хронограф редакции 1512 г., не различали редакции 1512 г. и 1601 г. и т. д.

Я далек от мысли упрекать археографов: причины подобных ошибок не в их невнимательности или недостаточной квалификации, а в отсутствии разработанных исследователями хронографов «примет», которые бы позволили быстро и безошибочно классифицировать рукописи. На первый взгляд, перед нами замкнутый круг: исследователь ждет от археографов описания рукописей, а археограф не всегда может составить удовлетворительное

¹ Ср. также хронографические сборники БАН, 16.17.28 и 17.15.14 («Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. III, вып. 2. Составили: А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1965, стр. 89—93).

² Наглядный пример: в «Описании Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР» (т. III, вып. 1. М.—Л., 1959) перечень статей одного списка хронографа занимает в среднем 10—15 страниц печатного текста.

описание, не располагая необходимыми сведениями и текстологическими приметами³.

Мне кажется, что из этого замкнутого круга есть выход: работа над описанием хронографов должна вестись по этапам. На первом этапе исследователь устанавливает круг примет, с помощью которых археограф определяет редакцию хронографа. Второй этап — археографическая работа на основании упомянутых примет. На этом этапе следует, видимо, отказаться от описаний «хронографов особого состава», ограничившись лишь определениями типа: «Хронограф особого состава, сходный с Хронографом редакции 1512 г.»⁴ Описание канонических редакций также должно быть лаконично: оно может содержать указания на наличие вводных статей, краткую характеристику хронографа, сведения о статьях, следующих за основным текстом хронографа, сведения о состоянии рукописи («текст обрывается на 67-й главе», «текст начинается со статьи «О создании Константинограда»»).

Даже подобное предварительное описание хронографов, особенно когда оно будет проведено в масштабе всей страны, принесет огромную пользу: во-первых, оно позволит выделить хронографы среди других памятников (известны случаи, когда хронографы даже в печатных описаниях, вышедших в недавнее время, именуется летописцами, когда с хронографами путают палеи, и т. д.); во-вторых, такое описание предопределил целенаправленную работу специалистов. Например, если в каком-либо отдаленном городе обнаружится список Еллинского летописца — это «научная сенсация», и исследователь наверняка поспешит с ним ознакомиться, но едва ли кто решится сейчас пуститься в длительный вояж, чтобы просмотреть две-три рукописи, о которых известно лишь, что это «хронографы», и которые могут оказаться представителями широко распространенных редакций памятника.

Следующий, третий этап — подробное описание хронографов, думается, дело исследователей: только специально занимаясь данной редакцией, можно определить, что существенно, а что лишь деталь оформления (например, изменение заголовка), обнаружить вставку, даже если она не оформлена как отдельная статья, и т. д. Такие описания будут элементами исследования определенных редакций (или даже видов) хронографов, которые и потребуют учета и тщательного изучения всех имеющихся списков. Естественно, что подобные описания будут производиться не по коллекциям, собраниям или архивам, а по редакциям и видам, и в каждом случае исследователь будет стремиться охватить не

³ Едва ли стоит упрекать и исследователей в нежелании самим создать квалифицированные описания: в Ленинграде и Москве, например, хранятся сотни списков хронографов, и на описание их потребуется не один месяц работы.

⁴ Желательно, впрочем, чтобы были указаны наиболее интересные компоненты таких хронографов, например входящие в его состав апокрифы, жития, извлечения из летописей и т. д.

все хронографы данного собрания, а все списки данной редакции, в каких бы собраниях они ни находились.

Итак, создание сводного каталога хронографов, т. е. перечня списков с краткой характеристикой памятника, — задача, чрезвычайно важная для изучения русской хронографии и, думается, легко осуществимая в течение самых ближайших лет.

Что же касается выработки свода примет, на основании которых археографы смогли бы быстро и точно определять редакции хронографов, то эта работа в основном завершена: опубликованы методические пособия по определению хронографических сводов XIV—XV вв. и редакций Русского хронографа⁵.

* * *

Выявление списков переводных хроник и русских хронографических сводов позволит поставить вопрос об их издании; на насущную потребность в таких изданиях еще в начале нашего века указывал А. А. Шахматов⁶.

Хронографические памятники применительно к интересующему нас вопросу можно разделить на три группы: переводные хроники, хронографические своды XV—XVI вв. и редакции Русского хронографа. Рассмотрим памятники, входящие в каждую из этих групп.

Из переводных хроник для истории русской хронографии наибольший интерес представляют хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Мартина Бельского, а также Паралипомен Зонары.

Хроника Георгия Амартола издана В. М. Истриным⁷. В основу издания положен Троицкий список (ГБЛ, МДА № 100, конца XIII — начала XIV в.), отражающий, по мнению В. М. Истрина, «первооригинал перевода»; варианты к нему подведены по спискам второй редакции Хроники. По той же редакции восполнен и недостающий в Троицком списке текст (там отсутствует более четверти полного объема Хроники).

В настоящее время появилась возможность опубликовать полный текст той редакции Хроники, которая была известна до сих пор лишь по Троицкому списку. Автор данной статьи обнаружил принадлежащий к той же редакции текст Хроники в списке XVI в.

⁵ О. В. Творогов. Описание хроник, хронографов и хронографических compilаций. — «Методические указания по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР», вып. 1. М., 1973, стр. 224—260 (ротапринт); В. А. Рыбин и О. В. Творогов. Материалы к классификации списков Русского хронографа. — Там же, вып. 2 (в печати).

⁶ См. «Записку А. А. Шахматова», в которой обосновывается необходимость издания Еллинского летописца, Хронографической палеи и Русского хронографа (ЛЗКАК, вып. XVII. СПб., 1906, стр. 38—40).

⁷ В. М. Истрин. Книги временныя и образыя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I—III. Пг.—Л., 1920—1930.

Текст разделен на два тома: первый том — рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 1008; второй — рукопись того же собрания, № 732. Важно было бы опубликовать фрагмент из Хроники Георгия Амартола, содержащийся в рукописи ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 7/1084; по нашим наблюдениям, он отражает ту редакцию Хроники, которую В. М. Истрин называл «первой», но которая до сих пор не была известна ни в одном списке⁸.

Осуществленное В. М. Истриным издание Хроники Иоанна Малалы (оно выходило отдельными выпусками в 1897—1914 гг.)⁹ сейчас труднодоступно и не вполне удовлетворяет нас по своим принципам. Но древнеславянский перевод Хроники представляет исключительный интерес не только для русской, но и для византийской хронографии: известен только один дефектный греческий список Хроники (в другом сборнике содержится фрагмент из первой книги), славянский перевод является надежным средством для реконструкции греческого оригинала¹⁰. Хроника Иоанна Малалы явилась, наряду с Хроникой Георгия Амартола, одним из важнейших компонентов Еллинских летописцев, а через вторую редакцию этого памятника отразилась в различных редакциях Русского хронографа. Поэтому издание текста Хроники представит большую ценность для филологов и историков различных специальностей.

Однако трудность заключается в том, что славянский текст Хроники Иоанна Малалы не дошел до нас в отдельном списке: мы располагаем лишь извлечениями из нее в составе Еллинских летописцев, Архивского, Виленского, Троицкого, Тихонравовского, Софийского и Академического хронографов, обеих редакций (Полной и Краткой) Хронографической палеи и других памятников. Следовательно, речь может идти лишь об издании реконструкции того типа славянского перевода Хроники, который лег в основу древнерусских хронографических компиляций. Мне представляются возможными следующие принципы создания такой реконструкции. Основной текст издается по Архивскому хронографу (книги 1, 2, 4—10), по Софийскому и Тихонравовскому (книги 3, 11 и 12) и по Еллинскому летописцу первой редакции (остальные книги). В этот основной текст вносятся исправления в тех случаях, если какой-либо из памятников, содержащих фрагменты Хроники, сохранил чтение, более отвечающее греческому оригиналу, чем чтение основного списка. Все такие исправления оговариваются, при этом приводятся параллельные чтения по всем использованным источникам. Реконструируемый текст

⁸ О Хронике Георгия Амартола подробнее см. в кн.: *О. В. Творогов*. Древнерусские хронографы. Л., 1975, стр. 12, 13, 98—110.

⁹ Сведения об издании см. в кн.: *Р. П. Дмитриева*. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962, № 1081, 1200, 1273, 1354, 1379, 1401, 1416, 1437.

¹⁰ *Э. М. Шусторович*. Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы (История изучения). — ВВ, т. 30. М., 1969, стр. 132—152.

должен быть сопровожден подробным текстологическим и лексикостилистическим комментарием, в котором будут указаны отличия от греческого оригинала, пропуски и вставки славянского текста, случаи «свободного перевода» и т. д.

Что касается Хроники Мартина Бельского, то большую ценность для исследователей хронографии представило бы издание фрагментов древнерусского перевода этого памятника, и именно тех, которые были использованы составителем Хронографа редакции 1617 г.

Желательно осуществить новое издание Паралипомена Зонары, явившегося одним из источников Русского хронографа. Он известен пока по одной рукописи (ГБЛ, Волоколамское собр., № 655). Издание Паралипомена¹¹ давно уже стало библиографической редкостью, к тому же оно не сопровождается текстологическим исследованием, лишено необходимого справочного аппарата.

Среди памятников второй группы, т. е. хронографических сводов XV—XVI вв., предшествовавших созданию Русского хронографа или возникших параллельно с ним, наибольший интерес представляют Троицкий хронограф и обе редакции Еллинского летописца. Троицким хронографом был назван хронографический свод, дошедший до нас в трех списках XV в.: ГБЛ, Собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728; его копия — ГБЛ, Собр. Ундольского, № 1; ГПБ, Новое собрание рукописных книг (1918 г., № 27). Троицкий хронограф, наряду с хронографическим сводом — протографом Архивского и Виленского хронографов, и архетипной редакцией Еллинского летописца, является одним из древнейших хронографических сводов¹². Он важен для истории русской хронографии и тем, что отражает не дошедший до нас Хронограф по великому изложению¹³. В составе Троицкого хронографа сохранились древнейшие списки и версии нескольких литературных памятников (Александрии второй редакции, апокрифического Прения Петра и Павла с Симоном волхвом, Сказания о Софии Цареградской и т. д.). В основу издания следует положить Троицкий список хронографа и подвести варианты по спискам Ундольского и ГПБ. Кроме того, следует решить вопрос о возможностях восполнения большой лакуны, которая имеется во всех трех списках Хроники (пропущен текст от описания правления Веспасиана до Констанция Хлора). Однако можно полагать, что частично этот текст сохранился в составе Тихонравовского хронографа (ГБЛ, Собр. Тихонравова, № 704)¹⁴; соответствующий фрагмент Тихо-

¹¹ «Паралипомен Зонарии». С предисловием О. Бодянского. — «Чтения ОИДР», 1847, № 1, заседание 31 мая 1847 г.

¹² О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, стр. 74—97.

¹³ Троицкий хронограф отражает его второй вид, а хронографические пален и вторая редакция Еллинского летописца — третий вид.

¹⁴ В. М. Истрин, введший в научный оборот этот памятник, считал, что Тихонравовский хронограф близок к Полной хронографической палее (В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова. — ИОРЯС, т. XVII, кн. 3. СПб., 1912, стр. 17 и сл.).

правовского хронографа целесообразно было бы издать в виде приложения к основному тексту Троицкого хронографа. Сложные взаимоотношения Троицкого хронографа с Полной и Краткой хронографическими палями, Тихомировским хронографом и Еллинским летописцем второй редакции побуждают к тому, чтобы Троицкий хронограф был издан не в «Полном собрании русских летописей», а отдельно, и снабжен подробнейшим текстологическим комментарием; так, например, как была издана Н. А. Мещерским «История Иудейской войны» Иосифа Флавия¹⁵.

К сожалению, до сих пор не изданы обе редакции Еллинского летописца — одного из важнейших памятников русской хронографии. Первая редакция Еллинского летописца известна сейчас по четырем спискам (ГИМ, Синодальное собр., № 280; ГИМ, Собр. Уварова, № 10/1334; ГПБ, Собр. Погодина, № 1437 и БАН, 45.10.6). В Синодальном и Уваровском списках содержится полный текст памятника. По предварительным наблюдениям, текст редакции лучше всего сохранился в Уваровском списке, который, возможно, и придется взять за основной в будущем издании.

В начале нашего века К. К. Истомина предпринял издание второй редакции Еллинского летописца. В связи с первой мировой войной издание было прервано; сохранились корректуры первой половины тома (они хранятся в архиве ЛОИИ и в библиотеке Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР)¹⁶.

За основной список К. К. Истомина принял список Чудовского собрания (см. ниже). Этот выбор не представляется удачным, ибо изучение истории текста Еллинского летописца привело к иным, чем у К. К. Истомина, выводам.

В настоящее время известно девять списков второй редакции Еллинского летописца, представляющих два ее вида: Академический¹⁷ и Чудовский¹⁸, а также несколько фрагментов из Еллинского летописца в составе сборников и хронографических compilаций¹⁹.

В основу издания следует положить Академический вид, который лучше, чем Чудовский вид, сохранил первоначальный текст редакции. За основной следует принять список БАН, 33.8.13,

¹⁵ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

¹⁶ [К. К. Истомина]. К вопросу об издании Еллинского летописца второго вида. — ЛЗЭК, вып. XVII. СПб., 1906, стр. 41—43.

¹⁷ Списки: БАН, 33.8.13; ГВЛ, Собр. Пискарева, № 162; ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/6 и его продолжение — ГИМ, Синодальное собр., № 86; ГПБ, Софийское собр., № 1520; ГВЛ, Собр. Ундольского, № 720 и Собр. Егорова, № 867.

¹⁸ Списки: ГИМ, Чудовское собр., № 51/353; ГПБ, F.IV.91 и ГПБ, Собр. ОЛДП, F 33.

¹⁹ Особенную ценность представляют фрагменты в составе хронографа особого состава ГВЛ, Собр. Румянцева, № 453.

восполнив отсутствующее в этом списке начало текста по Пискаревскому списку, который, как показали исследования, является копией со списка БАН или со списка, близкого к нему²⁰⁻²¹. Варианты должны быть подведены по всем остальным спискам Академического и Чудовского видов, исключая список Ундольского, в котором содержится значительно переработанный и искаженный текст Академического вида. К изданию должен быть привлечен также текст Еллинского летописца, входящий в состав второго и третьего томов Лицевого свода (БАН, 17.17.9 и ГПБ, F.IV.151). В настоящее время ведется подготовка текста Еллинского летописца к изданию в одном из томов «Полного собрания русских летописей».

Несомненный интерес для исследования истории русской хронографии представила бы публикация хронографической части хронографических палей, которая является извлечением из Хронографа по великому изложению и совпадает частично с соответствующим текстом Троицкого хронографа. В связи с этим я хотел бы поставить вопрос о возможности особого типа издания — публикации «материалов для исследования». Поясню свою мысль. По современным текстологическим правилам мы не можем, например, издавать «сводный» текст по нескольким памятникам, издавать текст фрагментарно, привлекать к изданию не все списки и т. д. Следовательно, речь может идти об отдельных изданиях Полной хронографической палеи, Краткой хронографической палеи, Тихоноравовского хронографа, Троицкого хронографа и т. д. Дело не только в том, что осуществление всех этих изданий в ближайшее время не реально, но прежде всего в том, что особый интерес представляют не столько эти памятники сами по себе, сколько их соотношения, и при этом только в той, общей для всех их части текста, которая восходит к Хронографу по великому изложению. В рассматриваемом случае было бы чрезвычайно полезно издать «хронографическую часть» Краткой палеи, приведя все разночтения по Полной палеи (различия текстов обеих редакций палеи в хронографической части незначительны, но очень показательны) и «избранные» разночтения по Троицкому и Тихоноравовскому хронографам. Такая публикация чрезвычайно расширила бы наши возможности в изучении истории текста древнерусских хронографических сводов.

* * *

Перейдем к рассмотрению редакций Русского хронографа. В настоящее время научно изданы лишь две из них²². Оба издания не вполне могут нас удовлетворить (в частности, выяснилось, что не совсем удачным был выбор списков, представляющих раз-

²⁰⁻²¹ Б. М. Кloss. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32. М., 1971, стр. 65.

²² Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. — ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911; Русский хронограф. Хронограф западнорусской редакции. — Там же, т. XXII, ч. 2. Пг., 1914.

личные виды редакции 1512 г.), но тем не менее первоочередной задачей является издание хронографических сводов конца XVI—XVII в.

При отборе редакций, которые желательно опубликовать в первую очередь, можно руководствоваться различными принципами: либо историей хронографического жанра, либо ценностью отдельных редакций в историографическом или литературном отношении. С точки зрения истории жанра следовало бы издавать редакции в той последовательности, в какой они появлялись: редакцию 1599 г., редакцию 1601 г., Основную редакцию 1617 г. и т. д. Но, учитывая трудоемкость каждого издания и реальные перспективы публикаций, целесообразнее исходить из принципа историко-литературной ценности отдельных редакций. На мой взгляд, в первую очередь следовало бы издать Основную редакцию 1617 г., открывающую собой новый этап в развитии Русского хронографа²³, а затем редакцию 1601 г., интересную (по преимуществу в литературном отношении) переработку Хронографа 1512 г., или же один из разрядов Хронографа редакции 1620 г. Я остановлюсь здесь на некоторых принципах издания хронографов 1617 и 1601 гг.

Хронограф редакции 1617 г. Эта редакция известна в двух вариантах — Основном и Распространенном. Речь пойдет об Основной редакции 1617 г. Существующее ее издание не только представляет библиографическую редкость, но и совершенно не научно: опубликован случайный список, при этом относящийся к одному из вторичных вариантов памятника; список издан без разночтений и т. д.²⁴ Итак, по существу научного издания редакции еще нет.

Как удалось установить, Основная редакция 1617 г. известна в шести видах²⁵. Это ставит вопрос о возможности двух различных типов издания. В одном случае можно ограничиться изданием одного — древнейшего вида редакции. Прием раздельного издания редакций (или видов) широко применим при публикации небольших литературных памятников, но там, как правило, издается параллельно несколько редакций (видов), и в результате читатель получает представление об эволюции текста памятника. В издании хронографа мы лишены такой возможности параллельного издания нескольких видов редакции. Поэтому представляется более перспективным издание редакции в совокупности всех ее разновидностей. Этот принцип был применен С. П. Розановым в издании

²³ О. В. Творогов. К истории жанра хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 220—226.

²⁴ «Летописец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям...» Издание Амфилохия, епископа Угличского. М., 1892.

²⁵ О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1970, стр. 162—177.

Хронографа редакции 1512 г. и достаточно себя оправдал: именно с помощью этого издания мы без труда идентифицируем вновь обнаруживаемые списки и получаем возможность судить о характерных особенностях каждого вида памятника, а порой и о причинах, приведших к тем или иным изменениям текста. Но этот тип издания имеет и свои трудности.

Хронограф — памятник значительного объема, каждая редакция его сохранилась во многих десятках списков — поэтому, к сожалению, нельзя и пытаться издать Хронограф 1617 г. по всем известным нам спискам. Дело не только в «археографических» трудностях подготовки такого издания²⁶, не только в колоссальном объеме работы, но и в том, что такое издание будет чрезвычайно неудобно для использования: в обилии индивидуальных разночтений десятков списков потонут те, сравнительно немногочисленные, признаки видов, выявить и подчеркнуть которые издание призвано.

Можно предложить такой путь осуществления рассматриваемого издания. Во-первых, издатель должен попытаться учесть и классифицировать все списки данной редакции. Во-вторых, следует выделить среди списков каждого вида группы «основных». Дело в том, что текст хронографа в принципе очень устойчив. Достаточно взглянуть на издание Хронографа 1512 г., чтобы убедиться, как мало смысловых разночтений даже у списков различных видов. Столь же устойчив текст старших списков Хронографа 1617 г. Но в конце XVII и особенно в XVIII в. появляются списки, создатели которых с большой свободой, чем их предшественники, относятся к хронографическому тексту, поновляя лексику, изменяя структуру фраз, добавляя новые заголовки и т. д. Едва ли стоит проводить формальную «временную» грань, заявив, например, что мы отказываемся от привлечения списков XVIII в. (среди них есть и списки, в которых сохраняется устойчивый текст вида), но исследователь вправе, специально это оговорив, отказаться от привлечения к изданию списков со значительными индивидуальными отклонениями: целью издания остается все же отражение эволюции текста в его основных (видовых) направлениях. Итак, в результате отбора мы выделяем круг списков, сохраняющих устойчивый текст каждого вида.

Опыт издания Хронографа 1512 г. показал, что привлечение к изданию по одному списку — представителю каждого вида может исказить действительную картину видовых соотношений²⁷.

²⁶ Под «археографическими» трудностями я имею в виду прежде всего недоступность некоторых списков, хранящихся в областных архивах и библиотеках, длительность и дороговизну изготовления десятков микрофильмов с рукописей по несколько сотен листов. Обо всем этом нельзя забывать, предпринимая колоссальный труд по изданию хронографов.

²⁷ Так, использованный в издании Хронографа 1512 г. список Воскресенского монастыря содержит много индивидуальных чтений, не подтверждаемых другими списками вида.

Третий, самый ответственный этап работы должен состоять в том, чтобы среди оставленных после отбора списков выделить по два-три списка каждого вида, по которым и будут приведены все разночтения. Такое издание, основанное на материале 12—18 списков, представляющих все шесть видов редакции, думается, будет и достаточно объективным и удобным для последующей текстологической работы.

Хронограф редакции 1601 г. Хронограф 1601 г. вместе с Хронографом 1599 г. восходят к общему протографу (назовем его Пространным хронографом). Пространный хронограф представляет собой дополненный новыми статьями и существенно переработанный текст Хронографа 1512 г. (его Сокращенного вида). Наиболее распространенным приемом переработки был следующий: составитель Пространного хронографа обращался к тем же источникам, которые были использованы в соответствующих статьях его предшественником — составителем Хронографа 1512 г., но передавал эти источники более подробно, иногда делая из них дополнительные вставки, а иногда заменял пересказ, имевшийся в Хронографе 1512 г., дословным цитированием²⁸.

Списки Пространного хронографа пока не обнаружены, но известно несколько списков восходящих к нему редакций 1599 г.²⁹ и 1601 г.³⁰ В основном текст обеих редакций совпадает. Значительные отличия обнаруживаются лишь в двух случаях. Во-первых, в Хронографе 1599 г. текст, соответствующий главам 110—129³¹, заменен извлечениями из Еллинского летописца второй редакции и Хронографа редакции 1512 г., тогда как в Хронографе 1601 г. параллельный текст передает, видимо, текст Пространного хронографа. Во-вторых, в редакции 1599 г. дополнены и переработаны главы 177, 178 и 190—195, а в Хронографе 1601 г. текст этих глав соответствует тексту Сокращенного вида Хронографа 1512 г.

Исходя из сказанного, можно предложить следующие принципы издания. В основу кладется один из списков Хронографа 1601 г. (Большаковский или Музейный), остальные списки (кроме

²⁸ Основные отличия Хронографа 1601 г. от Хронографа 1512 г. указаны С. П. Розановым в статье «Заметки по вопросу о русских хронографах» (ЖМНП, 1904, № 1, стр. 108—128), но если сейчас установлено, что большая полнота текста в Хронографе 1601 г. сравнительно с редакцией 1512 г. — явление вторичное, то С. П. Розанов объяснял этот факт тем, что Хронограф 1601 г. более полно отразил некую редакцию, общий его источник с Хронографом 1512 г.

²⁹ Списки: БАН, 31.6.27 и ГИМ, Собр. Уварова, № 23/1362.

³⁰ Списки: ГБЛ, Собр. Большакова, № 24; ГБЛ, Музейное собр., № 4440; ГБЛ, Собр. Овчинникова, № 485; ГИМ, Собр. Уварова, № 16/1363; ГПБ, Собр. Погодина, № 1441 и ГПБ, Собр. Титова, № 143. Кроме того, известен ряд хронографов особого состава, основанных на Пространном хронографе или Хронографе редакции 1601 г.

³¹ В списках хронографов 1599 и 1601 гг. номера глав встречаются в единичных случаях и совпадают с нумерацией глав Хронографа 1512 г. Поэтому для удобства указываются номера соответствующих глав Хронографа 1512 г.

позднего и дефектного Титовского) используются в вариантах. В разделе «Примечания» следует привести разночтения по списку БАН Хронографа 1599 г.³² Кроме того, обязательно должен быть изучен так называемый «Русский временник», основанный на каком-то виде Пространного хронографа³³. Этот памятник поможет уточнить взаимоотношения редакций 1599 и 1601 гг. и в необходимых случаях должен быть использован (в разделе «Примечания») в издании Хронографа 1601 г.

* * *

В заключение несколько слов о справочном аппарате «Полного собрания русских летописей». Он существенно отличается от справочного аппарата, традиционного для текстологических изданий, осуществляемых литературоведами (например, в серии исследований-изданий Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР³⁴). Быть может, стоит задуматься над возможностью сближения принципов обеих серий.

Первое отличие касается содержания двух групп подстрочного аппарата. В литературоведческих изданиях верхнюю группу («этаж») составляют «примечания», т. е. справки о палеографических особенностях основного списка, а нижнюю — «разночтения». В ПСРЛ наоборот — разночтения помещаются в верхнем этаже аппарата, а примечания — в нижнем. Но дело не только в этом. В ПСРЛ в примечаниях, помимо справок о написаниях основного списка, приводятся и комментарии, в частности — параллели из других памятников. Необходимость таких комментариев бесспорна, а помещение их непосредственно под издаваемым текстом — необходимость, вызванная тем, что в отличие от литературоведческих изданий в ПСРЛ издаваемый текст не сопровождается текстологическим исследованием. Но в изданиях хронографических памятников, как видно из предыдущего изложения, примечаний-комментариев будет достаточно много. В связи с этим, быть может, стоит попытаться разделить примечания на два «этажа»: в верхний вынести примечания палеографические, в нижний (поместив его вслед за разночтениями) — примечания текстологического характера. Примечания палеографические (их, так правило, не очень много) могут быть соотнесены с текстом с помощью

³² По предварительным наблюдениям, Уваровский список является копией списка БАН. Если это предположение верно, Уваровский список можно не привлекать к изданию.

³³ Наиболее основательное исследование «Временника» принадлежит А. Н. Насонову (А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, стр. 418—476). Помимо известных А. Н. Насонову списков «Временника» (он называет памятник «Хронографическо-летописным сводом 1533 г. в редакции первой трети XVII в.»), укажу еще список ГПБ, F.IV.244.

³⁴ Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 496—498; Д. С. Лихачев. Текстология (На материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962, стр. 511—525.

знака «звездочка» (первая сноска — одна звездочка, затем две и т. д.), а текстологические — с помощью букв.

Второе отличие относится к группе разночтений. В ПСРЛ разночтения нумеруются постранично (т. е. каждая страница издания начинается с разночтения под цифрой 1). Эта система сопряжена с немалыми трудностями: нумерацию разночтения получают лишь на стадии верстки, а перетяжка даже одной строки или части строки на соседнюю страницу влечет за собой изменение всей нумерации разночтений на странице. Не следует ли и в ПСРЛ применить традицию литературоведческих изданий, когда все разночтения нумеруются самим издателем, нумерация сплошная от 1 до 100, а каждая следующая сотня сносок предваряется порядковой римской цифрой (т. е. после разночтений I, 1, 2, 3, . . . 99, 100 следует II, 1, 2, 3 . . . и т. д.)? В этом случае нумерация разночтений не будет зависеть от переверстки³⁵.

И, наконец, последнее — о принципах отбора разночтений. Д. С. Лихачев справедливо указывает, что «при самой точной публикации нет смысла приводить все разночтения: графические, пунктуационные, орфографические и т. д.» В частности, «орфографические разночтения следует давать, только если памятник ценен с точки зрения своего языка и если издание его предназначается для лингвистов»³⁶. При этом, однако, чрезвычайно важно выработать систему, по которой производится отбор приводимых разночтений, ибо разночтения «в пределах определенной системы их подачи . . . должны быть даны абсолютно все»³⁷.

Приведение всех разночтений, включая орфографические, не только значительно увеличивает объем издания, но и делает его справочный аппарат «слепым», лишает наглядности. Приведение разночтений — не самоцель, не своеобразный отчет издателя о количестве проделанной им работы. Разночтения — это, во-первых, материал, подводящий итог исследования и подтверждающий аргументированность установленной истории текста памятника и классификации его списков, а во-вторых, материал для будущих текстологических разысканий. Не имеет смысла напоминать о сложности и трудоемкости текстологических сопоставлений, но необходимо подчеркнуть, что, приводя все без исключения разночтения, мы значительно усложняем эту работу будущих исследователей, ибо характерные разночтения, которые могут служить аргументами в текстологических построениях, буквально тонут среди непоказательных, случайных, по сути дела никому не нужных сведений. В связи с этим я хочу напомнить о важном

³⁵ Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 517.

³⁶ Там же, стр. 514. Замечу при этом, что лингвист едва ли обратится к изданию летописи с ее упрощенной передачей текста для исследования вопросов древнерусской орфографии и морфологии; следовательно, орфографические и морфологические разночтения не представляют интереса и для лингвистов.

³⁷ Там же, стр. 515.

принципе «обязательности соответствий»: перестановки слов, даже пропуски (не говоря уже о сходстве орфографических вариантов, которые могли возникать в разных списках совершенно независимо друг от друга) мало показательны, я бы даже сказал «текстологически нейтральны». Иное дело — общие вставки, общие замены одних слов другими. Эти две категории разночтений, как правило, говорят, что содержащие их списки имеют общий источник, независимый от источника списков, в которых такие чтения отсутствуют. Именно эти разночтения особенно ценны для текстологов.

Итак, ограничив число приводимых разночтений строгими принципами избирательности, мы, казалось бы, облегчим и работу издателя, сэкономив его время и труд, и работу будущего исследователя, избавив его от необходимости пересматривать сотни разночтений, выбирая среди них в лучшем случае десяток-другой показательных, способных стать аргументами в текстологических построениях.

Но почему же этого же происходит? Почему издатели летописных текстов предпочитают приводить все без исключения разночтения, включая, например, пары «великий» — «великый», «лестью» — «лестию», «блаженago» — «блаженнаго» и т. п.? Дело в том, что, заявив, например, что он намерен не приводить орфографических (или морфологических) разночтений, издатель (а особенно издатель-историк) сталкивается с немалыми трудностями языковой классификации разночтений. В результате раздумья над характером отдельных разночтений потребуют значительно большего времени, чем «механическое» подведение всех без исключения разночтений. Из этой трудности есть выход. Один вариант: издатель обязуется приводить только текстуальные (пропуски, перестановки, вставки) и лексические разночтения (т. е. замены одних слов другими)³⁸. В этом случае будут приведены действительно только показательные разночтения. Второй вариант: издатель оговаривает несколько «моделей», типов разночтений, которые он не приводит (например, случаи смешения «-ье», «-ья», «-ью» и «-ие», «-ия», «-ию»; «ки» и «кы», «ѣ» и «е» и т. д.). Если эти модели четко сформулированы, то издатель может производить отбор почти «механически», не затрачивая времени на классификацию каждого конкретного случая. Контрольные подсчеты показали, что, даже применив второй, более ограниченный вариант, мы избавляемся от 30—35% разночтений (от общего количества), что представит немалый эффект, если учесть большие объемы летописных и хронографических текстов. К вопросам некоторого упрощения и изменения принципов подачи справочного аппарата ПСРЛ, думается, еще стоит специально вернуться.

³⁸ Разумеется, следует оговорить, как мы относимся к смешению, например, личной формы глагола и причастия, считаем ли за разные слова дублеты типа «яко» и «ако» и т. д.

ОТКРЫТИЕ И ПУБЛИКАЦИИ СУПРАСЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Н. Н. Улащик

До появления в 30—40-х годах XIX в. «Древней истории литовского народа» Теодора Нарбута¹ единственным как бы курсом истории Литовского государства была «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» Мацея Стрыйковского, вышедшая в свет в 1582 г.² Те разделы «Хроники», которые посвящены Великому княжеству Литовскому, написаны, согласно указанию самого Стрыйковского, главным образом на основании летописей русских или литовских. Ссылки на эти источники весьма многочисленны (больше 300), и поэтому читатель, критически относящийся к «Хронике», естественно должен был заинтересоваться, какие это были летописи? Однако такой вопрос возник лишь на определенной стадии развития исторической науки, говоря точнее — в первые десятилетия XIX в.

У В. Н. Татищева, который широко пользовался трудом Стрыйковского, вопрос о наличии и достоверности источников, на основании которых написана «Хроника», еще не возникал. Он лишь отметил, что рассказ Стрыйковского о приезде в Литву 500 семей итальянской знати — «сущая басня»³. Общего вопроса об источниках «Хроники» и их достоверности этот автор не поднимал.

Впервые этим занялся А.-Л. Шлёцер, причем он полностью отверг версию, будто Стрыйковский пользовался литовскими летописями. Шлёцер знал, что во времена Стрыйковского литовская письменность лишь зарождалась, и поэтому его скептицизм относительно литовских летописей был весьма обоснованным. «Стрыйковский говорит, — писал Шлёцер, — что к сему сочинению (т. е. «Хронике». — Н. У.) употреблено 12 литовских летописей (литовских? а Литва недавно еще выучилась грамоте), 5 польских, 5 прусских, 4 киевских, 4 ливонских, множество русских, потом еще московских, болгарских, словенских. Да что он называет летописями? Каковы были им употребляемые? Куда они девались? Если кому вздумается рассмотреть его критически, то верно найдется, что всякая истинная древняя история взята им, как и у Длугоша, у русских»⁴.

¹ *T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego, t. I—IX. Wilno, 1835—1841.*

² *M. Strykowski. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi. . . w. Krolewcu, 1582.*

³ *В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 290.*

⁴ *[А.-Л. Шлёцер]. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, ч. I. СПб., 1809, стр. рлг, рлд.*

Не все эти замечания обоснованны прежде всего потому, что в той части «Хроники», где говорится о Великом княжестве Литовском, есть ссылки только на рукопись Дюсбурга, литовские и русские летописи, что же касается всех остальных названных Шлёцером источников, то они относятся к другим разделам труда Стрыйковского. Кроме того, Шлёцер, очевидно, не знал, что литовскими называли (а иногда называют и в наши дни) все источники, имеющие отношение к Великому княжеству Литовскому и созданные в этом государстве.

Однако как ни рассматривать этот вопрос, как ни называть источники, на которые ссылался Стрыйковский, было ясно, что если летописей, содержащих те же данные, которые изложены в «Хронике» со ссылкой на «русские» или «литовские» летописи, нет, то сомнения в том, что Стрыйковский ими пользовался, останутся в силе. В выяснении вопроса о наличии и достоверности источников Стрыйковского были заинтересованы прежде всего ученые Виленского университета, так как в первые десятилетия XIX в. историей Великого княжества Литовского занимались исключительно специалисты этого университета. То обстоятельство, что они рассматривали Великое княжество как составную часть Речи Посполитой или даже как провинцию Польши и что они писали на польском языке, ни в коей степени не изменяло положения.

Первым из ученых, у которого тема Великого княжества Литовского составляла главный жизненный интерес, был воспитанник, а затем профессор Виленского университета Игнатий Данилович. Уроженец Подляшья, т. е. области, до 1569 г. входившей в состав Великого княжества Литовского, где языком населения был белорусский, происходивший из семьи униатского священника, Данилович рос и учился в окружении лиц или польской национальности, или же хотя и не поляков по происхождению (как он сам), но выросших в традициях польской культуры.

Человек широко образованный и огромной работоспособности, Данилович основной целью своей жизни поставил разыскание и публикацию источников по истории Великого княжества Литовского.

Ссылки Стрыйковского на труды Петра Дюсбурга, Яна Длугоша, Михалона Литвина не вызывали у Даниловича сомнений, так как работы названных авторов были широко известны и эти ссылки всегда можно было проверить. Однако упоминания о 12 использованных литовских летописях не казались убедительными, и Данилович писал, что ему трудно поверить, будто было 12 летописей, названных Стрыйковским литовскими (т. е. что они написаны на литовском языке. — Н. У.), так как, кроме духовных, книг на литовском языке никто не видел. «Известные со времен Миндовга такие источники, как трактаты и документы общественного характера написаны на языках немецком, латинском, а всего больше на русском. Русский язык был языком дипломатики и двора,

на нем говорили в суде и обращались к властям. На нем отвечали король, урядники и судьи, поэтому и видно, что литовцы не имели своего языка» (т. е. письменности на своем языке. — *Н. У.*)⁵.

В свое время Стрыйковский писал, что выписок из разных хроник и летописей он сделал столько, что поместить их на одну телегу было бы трудно. Однако автор «Хроники», замечает по этому поводу Данилович, не сказал, что это были за источники — печатные или рукописные, когда они были написаны и на каком языке, имелись ли среди них дефектные и т. д.⁶

Все это было написано Даниловичем, когда у него уже была Супрасльская летопись и когда поэтому основной вопрос — были ли в о о б щ е у Стрыйковского такого рода летописи, на которые он ссылаясь, — отпадал. Оставалось выяснить, сколько их имелось и почему ранее о них ничего не было известно. Данилович объяснял это таким образом. После крещения литовского народа (конец XIV—начало XV в.) духовенство присылалось в Литву или из Италии, или из Польши. В обоих случаях духовные лица поучали литовцев, т. е. разъясняли им основы христианской религии, на языке латинском, и относились ко всем остальным языкам с пренебрежением, считая их варварскими. Поэтому и литовские хроники (т. е. летописи), написанные на русском (выражаясь современным языком — на старобелорусском), и притом буквами славянского алфавита, были для них недоступны. Духовенство (которое Данилович, очевидно, считал единственно способным для написания исторических трудов) не выказывало никакого желания читать эти летописи и тем более передавать их на латинском языке⁷. Последующие рассуждения Даниловича об источниках труда Стрыйковского тоже написаны задним числом, т. е. после находки Супрасльской летописи, но они, безусловно, отражают его мысли, возникшие намного раньше.

Прекрасная работа Стрыйковского, писал Данилович, который без всякой критики переписывал труды своих предшественников, тогда только станет важной (т. е. основательной), когда все его источники будут критически проверены, и чем больше будет найдено источников, подтверждающих соответствующие места этой работы, тем более достоверной станет его «Хроника»⁸.

Где же следовало искать летописи, если считать, что они должны быть?

Основным центром, в котором сосредоточивались старинные письменные памятники, в 20-х годах XIX в. (как, впрочем, и позже) была Вильна. В архивах, монастырях, при костелах

⁵ «Latopisiec Litwy i kronika ruska; z rękopisu słowiańskiego przepisane; wypisami z wremiennika Sofijskiego pomnożone, przypisami i objaśnieniami dla czytelników polskich potrzebnymi, opatrzone. Staraniem i pracą Ignacego Daniłowicza». Wilno, 1827, str. 6.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid., str. 3, 4.

⁸ Ibid., str. 5, 6.

и церквях, а также у частных лиц в этом городе находилась огромная масса всевозможных документов, но где они находились и что собой представляли, видимо, не знал никто. И в разных городах края, в монастырях и у помещиков тоже имелись богатые собрания рукописей, о которых тоже почти ничего не было известно.

Поиски старинных рукописей Данилович начал в 20-е годы, причем главной своей задачей он ставил разыскание первого Литовского статута (Данилович по специальности был историк права). В очень короткий срок он (вопреки утверждению знаменитого в то время ученого Т. Чацкого, что подобных рукописей не существует) нашел три списка Статута, написанных на языке оригинала, т. е. на старобелорусском (русском). Продолжая поиски, Данилович обнаружил и летопись («чисто литовскую. . . дотоле никому неизвестную»). Эта летопись, которую Данилович называл «Литовской», сейчас известна под именем Супрасльской, поскольку она была обнаружена в Супрасле в монастыре, ранее православном, потом униатском⁹ (Супрасль сейчас находится в пределах Польской Народной Республики).

Каким образом Данилович нашел эту летопись, не совсем ясно. Бесспорно известно лишь то, что большое участие в поисках принимал другой профессор Виленского университета, униатский каноник Михаил Бобровский.

П. О. Бобровский, офицер Генерального штаба, автор капитального исследования о Гродненской губернии (в составе которой в то время находился и Супрасль)¹⁰, очень определенно утверждал, что летопись в 1823 г. «в гряде всякого монастырского хлама» нашел его дядя, М. К. Бобровский, по просьбе которого Супрасльский монастырь передал на время рукопись Даниловичу, и что М. К. Бобровский «помог Даниловичу разбирать эту летопись», о чем будто бы писал и сам Данилович¹¹. Чтобы у читателя не оставалось сомнений в том, кто нашел рукопись, П. О. Бобровский еще раз написал, что: 1) М. К. Бобровский «открыл южнорусского летописца, известного по польскому изданию Даниловича под именем «Литовского летописца и русской хроники», и 2) что сам М. К. Бобровский был намерен издать летопись русским шрифтом, однако это оказалось невозможным, так как у каноника не было средств на издание, кроме того, он жил в Шерешеве (местечко в Гродненской губ.), где печатать было невозможно и при наличии средств¹².

⁹ И. Данилович. О литовских летописях. — ЖМНП, 1840, № 11, стр. 100, 101.

¹⁰ П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. 1, 2. СПб., 1863 (в серии: «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба»).

¹¹ П. Бобровский. Еще заметка о Супрасльской рукописи. — ЖМНП, 1888, № 4, стр. 347.

¹² П. О. Бобровский. Михаил Кириллович Бобровский (1785—1848). Историко-биографический очерк. СПб., 1889, стр. 92.

Даниловичем обстоятельства находки изложены несколько иначе и, кажется, более правильно. Этот автор пишет, что он посещал Супрасль во время вакаций, причем был там не менее двух раз (последний раз в 1824 г.), оба раза был там вместе с М. К. Бобровским. Если принять версию П. О. Бобровского, что рукопись была обнаружена в 1823 г. даже весной (во время пасхальных каникул), то скорость, с которой летопись была подготовлена к печати (она стала печататься в т. III «Виленского дневника», а этот том издания, выходившего три раза в год, был последним), кажется невероятной. Даниловичу (если рукопись была обнаружена весной 1823 г.) не более чем за 4 месяца было необходимо переписать летопись латинскими буквами (об этом см. ниже), сочинить предисловие, дать переводы многих слов на польский язык и сравнить текст летописи с соответствующими местами хроники Стрыйковского. Даже учитывая, что Данилович первоначально намеревался издавать только меньшую часть летописи (ту, в которой изложены события Великого княжества Литовского), это слишком короткий срок. Поэтому более вероятным кажется то, что Данилович и Бобровский встретились в Супрасле (во всяком случае начали там совместно работать) в конце лета 1822 г., поскольку Бобровский возвратился из своей пятилетней заграничной командировки в августе 1822 г.¹³

Данилович писал, что Бобровский, которого он ценил очень высоко, оказал ему при изысканиях в Супрасле «богатейшую помощь» и что тот способствовал пересылке рукописи в Вильну, однако прямо о том, что летопись нашел Бобровский, не говорит, вернее, из работ Даниловича следует, что Бобровский указал на наличие в Супрасле огромной массы рукописей, не выделяя ничего¹⁴. В более же поздней работе Данилович прямо говорит, что рукопись была «дотоле никому неизвестна»¹⁵.

Поездка в Супрасль в 1824 г. была совершена Даниловичем опять совместно с Бобровским, «беглым славянином», т. е. большим знатоком славистики, причем ими было просмотрено «около 80 томов русских рукописей», преимущественно религиозного содержания. Книги эти были разного формата и содержания, причем многие из них отличались красотой. Имелись там и рукописи с рисунками, часть которых была выполнена золотом, а когда-то в монастыре было евангелие, целиком написанное золотом. Многие из пергаменных рукописей были XII—XIII вв. «Не одна из них, — сообщал Данилович, — может служить прекрасным пособием при изучении церковных дел. Там исследователь различных переводов священного писания на славянский язык может открыть богатые материалы. Дипломатика и палеография славянская могут обогатиться там значительными приобретениями»¹⁶.

¹³ Там же, стр. 55.

¹⁴ «Latopisiec Litwy i kronika ruska», str. 7.

¹⁵ И. Данилович. Указ. соч., стр. 101.

¹⁶ «Latopisiec Litwy i kronika ruska», str. 326, 327.

В настоящее время Супрасльская летопись находится в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР (ф. 115, № 143); она составляет основную часть рукописного сборника. Рукопись в четвертку; переплет — липовые доски, обтянутые сильно потертой кожей, на верхней доске переплета сохранились два (из пяти) медных «жука», на нижней все «жуки» утеряны. Бумага везде плотная белая с сильным желтоватым оттенком. Поскольку переписчик указал год, когда он закончил переписывать сборник (7027, т. е. 1519), то возникает вопрос лишь о том, когда были созданы те протографы, с которых переписан сборник. Всего листов в рукописи 176. Большая часть сборника (лл. 3—116, 127—173) писана одной рукой, полууставом; оставшиеся чистыми листы 125 и 126 заполнены записями на старобелорусском языке разными почерками XVII в. На лл. 1а, 2 приведена родословная князей Одинцевичей (книга переписана для князя Семена Ивановича Одинцевича). На л. 173 имеется запись переписчика такого содержания: «Как заец рад избегал тенета, так же всяки мистр радуется, свое делцо скончав. Исписан сии летописец в лето 7028, луна 17 индикта, 9 октября, на память святого апостола Фомы замышлением благоверного и христолюбивого князя Симиона Ивановича Одинцевича его милости на здорове и щастье и на жизнь вечную, на отпущение грехов. Боже милостивый, их милости дай его милости княгини Екатерине, их милости чадомь рукоделъе. Многогрешного раба божиего Григория Ивановича богу в честь и во славу во веки. Аминь».

Подготовка рукописи к печати потребовала напряженной работы, тем более что Данилович издал ее очень своеобразно.

Летопись разделяется на три части. В первой, самой пространной (лл. 3—72 об.), содержатся данные общерусского характера. За этой частью следует краткая выписка из Повести временных лет (несколько строк) об истоках и устьях Днепра, Двины и Волги. Далее без заголовка или какой-либо отметки начинается часть (лл. 72 об.—87), посвященная главным образом деятельности великого князя Витовта — рассказ о его неудавшейся коронации и смерти, о вокняжении Свидригайлы и его борьбе с князем Сигизмундом и «похвала» Витовту; в конце помещен ряд смоленских известий. Последняя часть (лл. 87—108) имеет киноварный заголовок: «Летописец великих князей литовских». Летописец начинается перечислением сыновей великого князя Кейстута и оканчивается сообщением о захвате (после смерти Витовта) Каменца поляками.

Публикуя летопись, Данилович ставил перед собой несколько задач. Он готовил издание для читателей, привыкших к польской графике, не знавших кириллицы и плохо знавших или не знавших совсем русской гражданской печати. Затем, учитывая, что для читателей летописи и при такой передаче останется много незнакомых слов, он дал под строкой многочисленные переводы на польский тех слов, которые, по его мнению, читатели могли не знать.

Кроме того, Данилович проделал огромную работу, сверяя текст летописи с соответствующими местами хроники Стрыйковского, указывая на расхождения в обоих источниках и пытаясь уяснить, у кого данные более верные. Чтобы читатель получил ясное представление о летописи, Данилович дал подробное палеографическое описание рукописи, причем ошибся на год в дате (год, указанный переписчиком, — 7027 — перевел не как 1519, а как 1520) и назвал бумажный водяной знак короной, тогда как это папская тиара. Стремясь, чтобы его публикация дала как можно больше сведений читателю по истории Великого княжества Литовского, Данилович включил в свое издание все данные о Литве, которые имелись в опубликованном к тому времени «Софийском временнике», напечатав текст «Временника» тоже латиницей, но курсивом¹⁷.

Первоначально Данилович хотел напечатать только вторую и третью части, как содержащие почти исключительно данные по истории Великого княжества, причем, придерживаясь хронологического принципа, он на первое место поставил часть третью, а затем вторую. Однако под воздействием читателей, которые очень заинтересовались летописью, ему пришлось напечатать не только всю общерусскую часть, но и добавить отрывки из «Временника». Данилович писал, что его намерение не печатать общерусскую часть «пришлось изменить вследствие нажима многих лиц, чтобы и русская хроника, находящаяся в рукописи, была напечатана», и далее им высказаны соображения относительно характера летописи. «Все меня убеждает, — сообщает Данилович, — что настоящая рукопись не может быть названа сборником, то есть компиляцией, слепленной из трудов одного Нестора и приписок, сделанных позже из разных рукописей, приписанных переписчиками с расширением почти каждой повести, путем добавления пространств комментариев, а именно: о святых мучениках, с подчеркиванием многих тяжелых событий, а также путем добавления соответствующих мест из священного писания... Нашествие на Русь татар с Батыем описано, как и в прочих рукописях; оно заимствовано из сообщений какого-то свидетеля событий»¹⁸.

Супрасльская летопись первоначально печаталась в виленском журнале «Виленский дневник». Вся она уместилась в четырех номерах (в № 3 за 1823 г. и в № 1—3 за 1824 г.)¹⁹. Печатаемая ле-

¹⁷ «Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год», ч. 1, 2. М., 1820, 1821 (последние известия, имеющиеся во «Временнике», относятся к 1553 г.).

¹⁸ «Latopisiec Litwy i kronika ruska», str. 16, 18, 73, 74.

¹⁹ «Dziennik wileński», 1823, Wilno, т. III, вступительная статья — стр. 241—265; текст летописи — стр. 369—413; 1824, т. I, вступительная статья — стр. 37—40; текст — стр. 40—60, 158—187, 283—312, 447—476; т. II, стр. 23—59, 403—433; т. III, стр. 29—57, 166—184. Из «Софийского временника» перепечатаны данные за следующие годы (в скобках даны даты в переводе на современное летоисчисление: 6539 (1031), 6576 (1068), 6577 (1069), 6581 (1073), 6585 (1077), 6592 (1084), 6635 (1127), 6639 (1131),

топись в журнале, Данилович делал добавочные оттиски, и затем, в 1827 г., эти оттиски были сброшюрованы и изданы отдельной книгой. По сравнению с журналом, в отдельном издании добавлено послесловие, а, кроме того, выписки из «Временника» следуют до 1537 г., тогда как в журнале они заканчиваются 1513 г., все выписки из «Временника» напечатаны курсивом, и хотя на стр. 184 т. III «Дневника» за 1824 г. следует запись, что продолжение следует, больше в журнале напечатано не было ничего.

Когда летопись печаталась отдельным изданием, Даниловича уже не было в Вильне (он удален оттуда в 1824 г.), и наблюдение за изданием вел профессор Виленского университета Сосновский. Издавая летопись, Сосновский поставил полностью имя и фамилию Даниловича (сам Данилович подписал предисловие в «Дневнике» в 1823 г. только инициалами) и дал новое название памятнику²⁰. Пространное заглавие 1827 г. такое: «Летопись Литвы и русская хроника, переписанная со славянской рукописи, увеличенная выписками из Софийского временника, оснащенная приписками и объяснениями, необходимыми для польского читателя, старанием и трудами Игнатия Даниловича, ординарного профессора Харьковского университета, напечатанная частями в 1824 г. в «Виленском дневнике», а сейчас собранная, закончена и перепечатана»²¹.

В какой мере текст, переданный другой графикой, соответствует оригиналу? Обычай передавать тексты, писанные кириллицей, польской графикой к моменту издания Супрасльской летописи имел давние традиции и, несмотря на то что при подобной передаче нарушалось одно из самых основных положений археографии, закрепился и в дальнейшем. Почти как правило документы, писанные в XV—XVII столетиях кириллицей, в XVIII в. переписывались латинскими буквами. Во второй половине XVIII в.

6698 (1190), 6708 (1200), 6711 (1203), 6718 (1210), 6727 (1219), 6730 (1222), 6733 (1225), 6734 (1226), 6749 (1241), 6753 (1245), 6766 (1258), 6771 (1263), 6773 (1265), 6774 (1266), 6775 (1267), 6843 (1335), 6846 (1338), 6849 (1341), 6850 (1342), 6852 (1344), 6854 (1346), 6855 (1347), 6856 (1348), 6862 (1354), 6873 (1365), 6881 (1373), 6885 (1377), 6886 (1378), 6888 (1380), 6889 (1381), 6894 (1386), 6896 (1388), 6898 (1390), 6901 (1393), 6902 (1394), 6904 (1396), 6905 (1397), 6907 (1399), 6913 (1405), 6914 (1406), 6916 (1408), 6919 (1411), 6922 (1414), 6925 (1417), 6929 (1421), 6931 (1423), 6933 (1425), 6936 (1428), 6937 (1429), 6938 (1430), 6950 (1442), 6953 (1445), 1454, 1456, 1479, 1480, 1482, 1483, 1484, 1485, 1489, 1490, 7000 (1492), 7001 (1493), 7003 (1495), 7005 (1497), 1499, 1500, 1501, 6010 (1502), 6011 (1503), 1506, 7016 (1508), 7017 (1509), 1511, 1514, 7023 (1515), 1517, 7026 (1518), 1519, 1526, 7041 (1533), 7042 (1534), 7043 (1535), 7044 (1536), 1537.

²⁰ «Latopisiec Litwy i kronika ruska», str. 325, 326.

²¹ В «Виленском дневнике» летопись была названа Даниловичем так: «Литовская летопись начала XV в., написанная безымянным автором на русском языке, взятая из рукописи 1520 г., содержащая русско-литовскую историю, впервые дословно напечатанная латинскими буквами» («Latopisiec litewski na początku XV wieku, przez bezimiennego pisarza w ruskim języku ułożony, wyjęty z rękopismu r. 1520, obejmującego dzieje rusko-litewskie, po raz pierwszy dosłownie łacińskiemu literami do druku podany»).

были переписаны те материалы Литовской метрики, которые ранее писались кириллицей (то же произошло с хроникой Быховца). Позже, в 1841 г., когда в Познани печатался сборник историков, главным из которых был Литовский статут 1529 г., подготовленный к печати Даниловичем и Лелевелем, то Статут, в оригинале писанный кириллицей, был передан латиницей²².

Наиболее разительным примером передачи кириллических текстов латиницей являются документы, помещенные в сборнике, который содержит акты унии Королевства Польского с Великим княжеством Литовским. Этот сборник вышел под редакцией С. Кутшебы и В. Семковича²³, крупнейших польских историков и археографов, в 1932 г. В сборнике помещены документы, писанные на языках латинском, польском, старобелорусском и староукраинском. Все они напечатаны на языке оригинала, но латиницей, причем редакторы придерживались правила, что печатный текст должен быть передан как можно ближе к оригиналу. Однако в польской графике отсутствуют такие знаки, которые могли бы передать букву «ять», нет в ней и знака, соответствующего букве «ъ». Смягчение согласных передается в польской графике путем значка над буквой, но этот значок ставится только над строго определенными буквами (н, с, ц, з), тогда как в кириллических текстах, помещенных в сборнике, было необходимо поставить их и над другими (например, над «в»), поэтому в текст пришлось вставить знак «ъ», неизвестный в польской графике. Единых правил передачи латиницей кириллических текстов не было и при печатании Супрасльской летописи. Данилович старался приблизить летописный текст к современному русскому языку и передать собственные имена так, как было принято во время печатания текста, независимо от того, что было в оригинале.

В оригинале очень часто слова оканчиваются мягким знаком (потомъ, приняль, держаль, осадиль и т. д.), почти все такие слова даны без мягкого знака (потом, принял, держал, осадил и т. д.), и лишь в очень редких случаях дано так, как было в рукописи (отець — otecъ). Очень часто при перепечатании добавляется «й» в конце слова после гласной, которого в оригинале нет. Так, в оригинале написано «старши», а в передаче «старший», в оригинале «велики», в передаче «великий» и т. д. В печатном тексте исправлены (а в данном случае искажены) написания личных имен. В оригинале, например, написано «Олигрдоу», а в печатном тексте «Ольгирду», в оригинале «Евнуотию», а в печатном тексте «Явнуотию», в оригинале «Воидоломъ», в передаче «Воидилом». Встречаются и просто ошибки: в рукописи «и оуже», а в печатном тексте «нуже», в оригинале «Полтеск», в передаче «Плотеск». Есть места, делаю-

²² «Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563». Poznań, 1841.

²³ «Akta unji Polski z Litwą 1385—1791. Wydali Stanisław Kutszeba i Władysław Siemkowicz». Kraków, 1932.

щие печатный текст непонятным. Так, в оригинале написано «и к Полоцку», в передаче «ик Полоцку». Все эти примеры взяты с первых страниц публикации, но и в дальнейшем текст летописи напечатан по тем же правилам, что и начало. Поскольку в польском языке букв «ѣ» или «ъ» никогда не было, то «ять» вообще передается как «е», а что касается «ъ», то он иногда передан апострофом над буквой.

Переводы не понятных для польского читателя слов сделаны весьма квалифицированно, хотя есть и неудачные. Так, слова «правду наборзе загубил» переведены как «нарушил договор самым плохим образом» (стр. 34), а это место следует передать словами: «свою присягу нарушил очень быстро»; слово «порты» переведено как «рвань, старая одежда» (стр. 39), тогда как «порты» в данном контексте означают одежду вообще независимо от состояния; слово «скудельница» переведено как «глиняная посуда, или место, откуда брали глину для изготовления посуды» (стр. 66), такой перевод в другом контексте верен, однако в данном случае говорится о братской могиле для умерших во время эпидемии. В общем, такие ошибки редки.

Больше всего внимания при издании летописи Данилович уделил сличению текста летописи с текстом хроники Стрыйковского, отмечая под строкой результаты своих наблюдений. Так, им отмечено, что о замужестве дочери Витовта Софьи у Стрыйковского сказано несколько иначе, чем в летописи (стр. 46). Обстоятельства смерти и погребения князя Скиргайла изложены в летописи точнее, чем у Стрыйковского, притом приведено имя монаха, отравившего князя (Фома) (стр. 47). У Стрыйковского не отмечено, какие подарки были сделаны друг другу при встрече в Смоленске великого князя московского Василия Дмитриевича с Витовтом (стр. 49). По-разному излагается история Подольского вопроса, причем Стрыйковский, следуя в изложении за Кроммером, считал текст тех летописей, которыми он пользовался, преднамеренно искаженными (стр. 50). Причины и обстоятельства убийства князя Сигизмунда Кейстутевича у Стрыйковского есть, а в летописи отсутствуют (стр. 67) и т. д.

Таким образом, издание Даниловича передает текст летописи с большими отступлениями от оригинала, и в настоящее время им можно пользоваться только для уяснения истории как рукописи, так и ее издания, а также чтобы проследить развитие критического изучения текста хроники Стрыйковского.

Граф Румянцев предлагал Даниловичу напечатать летопись русским шрифтом²⁴. Это не было выполнено, очевидно, по двум причинам: вследствие смерти Румянцева и потому, что с 1824 г. Данилович находился за пределами Вильны, т. е. что оригинала летописи при нем не было.

²⁴ «Latopisiec Litwy i kronika ruska», str. 328.

Вскоре после издания Супрасльская летопись исчезла так надолго, что когда в 1898 г. С. А. Белокуров печатал Никифоровскую летопись, то недостающие места последней он дополнял по тому тексту Супрасльской, который был издан Даниловичем, т. е. в латинской транскрипции, так как ему было неизвестно, где находится рукопись и существует ли она вообще²⁵. В действительности рукопись затерялась до 1840 г., когда она была найдена и передана в Археографическую комиссию²⁶. Обнаружили ее сотрудники Археографической комиссии у себя лишь к тому времени, когда т. XVII ПСРЛ готовился к изданию. В 1832 г. С. В. Руссов в издании «Воспоминания на 1832 год» напечатал «Летописецъ великих князей литовскихъ» и отрывок из общерусской летописи, содержащей данные об основании Владимира (кн. IV, стр. 19—48; кн. V, стр. 16—30; кн. VI, стр. 64—68). Издатель пользовался текстом Даниловича, но передал его русским шрифтом по правилам русского правописания того времени, т. е. ставя перед гласной *i*, в конце слова после согласных везде *ъ* и *т. д.*

В 1907 г. Супрасльская летопись была напечатана в т. XVII ПСРЛ (стб. 1—84). Опубликована она по тем же правилам, по которым напечатан весь этот том, т. е. с точной передачей рукописи. С. Л. Пташицкий, который подготовил том к печати, настолько строго придерживался оригинала, что воспроизвел все знаки препинания рукописи, т. е. совершенно игнорируя современную пунктуацию, а если вносил в строку выносные согласные, за которыми должна следовать гласная (причем не было никакого сомнения в том — какая это должна быть гласная), то он ее все же не ставил (например, слово «своег»), лишь набирая надстрочную букву курсивом.

Никифоровская летопись, очень близкая к Супрасльской, была при издании т. XVII ПСРЛ использована для подведения вариантов. В общем же, готовя к печати Супрасльскую летопись, Пташицкий отметил разночтения не только по Никифоровской, но и по некоторым другим летописям, в частности он часто обращался к Новгородской IV.

Таким образом, несмотря на то что Супрасльская летопись обнаружена более 150 лет назад, она до сего времени не была напечатана согласно современным правилам издания летописей. Необходимо отметить при этом, что летописи, подготовленные к изданию Пташицким, очень точно передают рукописи; опечатки если и встречаются, то крайне редко.

²⁵ «Чтения ОИДР», 1898, кн. IV, отдел 1, стр. 18—77.

²⁶ А. А. Шахматов. О Супрасльском списке западнорусской летописи. — ЛЗАК, вып. XIII. СПб., 1901, стр. 4.

ИЗДАНИЕ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
РУМЫНСКИМ СЛАВИСТОМ ИОАНОМ БОГДАНОМ
И ЕГО СВЯЗИ С РУССКИМИ СЛАВИСТАМИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

М. П. Дан

Иоан Богдан (1864—1919), основоположник румынской научной славистики, начал свое образование в Ясском университете, а затем, в 1887/88 учебном году, продолжал его в Венском университете, будучи там учеником выдающегося ученого Ватрослава Ягича. По совету Ягича¹ Богдан к концу сентября 1888 г. приезжает в Петербург, где 27 сентября записывается на историко-филологический факультет. В осеннем семестре 1888/89 учебного года Богдан слушал следующие курсы лекций: курс истории русского литературного языка знаменитого русского филолога, палеографа и историка А. И. Соболевского, курс новоболгарского языка, славянского языка и истории болгарской литературы П. А. Сырку, курс истории византийского искусства Н. П. Кондакова и курс русской литературы А. И. Морозова².

В весеннем семестре 1888/89 учебного года Богдан посещал курс лекций по старославянскому языку Соболевского, делая заметки по старославянской фонетике и морфологии, которыми в дальнейшем пользовался в своем курсе старославянского языка, читанном в Бухарестском университете³. В весеннем же семестре 1888/89 учебного года Богдан продолжал посещение лекций по истории русского литературного языка, читанных, как и в предыдущем семестре, Соболевским, а также слушал лекции по элементарному курсу литовского языка⁴.

В рукописи № 5229 из Академической Библиотеки СРР среди заметок о курсах, прослушанных Богданом, мы находим и не-

¹ *I. Lupăș. Ioan Bogdan în lumina unor fragmente din corespondența sa.* — «Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii istorice». Seria a III-a, vol. XXVII și în extras. București, 1945, p. 20; письмо В. Ягича к И. Богдану, Вена, 25 XII. 1888 г., в котором бывший профессор И. Богдана пишет ему, что приоритет в славянских исследованиях принадлежит Петербургскому университету по отношению к Венскому.

² *D. P. Bogdan. Legăturile slavistului Ioan Bogdan cu Rusia.* — «Studii privind relațiile romino-ruse», vol. III. București, 1963, p. 183—184 и письма под № 6, 7 и 9 (p. 215—216, 218—219). В этом исследовании Д. П. Богдан использует, между прочим, личное дело Иоана Богдана, хранящееся в Архиве Ленинградского университета.

³ Библиотека Академии наук СРР, Отдел рукописей, Рук. № 5228, 5224 (*D. P. Bogdan. Ioan Bogdan și manuscrisele lui din Biblioteca Academiei Române.* — «Raze de lumină», VII. București, 1935, N 1—2, p. 24).

⁴ *D. P. Bogdan. Op. cit.*, p. 184 и Прил. № 20, 21, 23.

сколько по новоболгарскому языку, вероятно по лекциям П. А. Сырку. Сырку был доцентом славянской филологии в Петербурге, но читал лекции и по румынскому языку и румынской литературе. Наше предположение основывается на том, что Сырку был специалистом по болгарскому языку и болгарской литературе, а также на том, что непосредственно за заметками по новоболгарскому языку следуют в той же рукописи Богдана заметки по болгарской литературе⁵, которые, уточняет Богдан, являются «заметками по курсу господина Сырку».

Наконец, еще одним курсом, прослушанным И. Богданом в 1888/89 учебном году в Петербургском университете, был курс профессора Соболевского, — он посвящен грамматическому и историческому анализу летописи Нестора. По этому курсу румынский славист сделал заметки на румынском языке⁶.

Возможно, что во время пребывания в Петербурге Богдан посещал лекции и по курсу русской и старославянской истории и палеографии Соболевского, автора учебника по славяно-русской палеографии, пользуясь в то же время палеографическими исследованиями крупнейшего русского палеографа И. И. Срезневского.

Во время своего обучения в Петербурге Богдан познакомился с известным славистом В. И. Ламанским, у которого он бывал⁷, знаменитым археографом и библиографом И. А. Бычковым⁸, историком литературы А. Н. Пыпиным⁹, великим филологом и лингвистом А. А. Шахматовым¹⁰, выдающимся филологом А. Н. Веселовским¹¹.

Летом 1889 г. Богдан побывал в Москве¹², а весной 1890 г. румынский славист поехал в Киев для исследований. Пребывая в России с осени 1888 г. до весны 1890 г., он связывал обучение в Петербургском университете с исследованиями в архивах, музеях и библиотеках Петербурга, Москвы и Киева. Его научный интерес был направлен на исследования памятников древнерусской литературы, дако-румынских документов, штемпелей, глоссариев, евангелий и т. д.

Однако уже тогда Богдан интересовался и древней славяно-молдавской историографией. Так, в марте 1890 г., посещая библиотеку Киевской духовной академии, бывшей Академии Петра Могилы, И. Богдан открыл «очень интересный славянский сбор-

⁵ Библиотека Академии наук СРР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5229, лл. 121 р. — 129 в.

⁶ Там же, лл. 133 р. — 175 в.

⁷ D. P. Bogdan. Op. cit., p. 187 и Прил. № 12 и 25.

⁸ Ibid., p. 180.

⁹ Ibid., p. 187 и Прил. № 12.

¹⁰ Ibid., p. 188 и Прил. № 77.

¹¹ Ibid., p. 189 и Прил. № 12; ср. G. Mihăilă. Ioan Bogdan (1864—1919). — I. Bogdan. Scrieri alese. București, 1968, p. 16.

¹² I. E. Torouțiu, G. Cardaș. Studii și documente literare, I. București, 1931, p. 236—241.

ник, в котором находится старая летопись господарей Молдавии до середины XVI века». Получив копию летописи, сделанную для Константина Эрбичану, Богдан сверяет ее с текстом сборника ¹³, а затем издает ¹⁴. Из этого же сборника И. Богдан скопировал неизвестную болгарскую летопись и древнейшие сербские анналы, которые являются «одним из самых древних и значительных местных источников по истории болгарского и сербского народов» ¹⁵.

В эти же годы румынский славист обнаружил в Московской синодальной библиотеке среднеболгарский перевод византийской хроники Константина Манассии, главный источник древних румынских и русских летописей, который его бывший профессор Ягич посоветовал ему скопировать и издать ¹⁶. В 1891 г. Богдан писал, что готовит к печати хронику Манассии по синодальному кодексу из Москвы ¹⁷. К сожалению, как мы увидим, издание вышло в свет лишь после его смерти, в 1922 г., под редакцией Иона Биану ¹⁸.

Богдан в период учебы в России сделал выписки из летописи Михаила Моксы, хранившейся в московском Музее Н. П. Румянцева ¹⁹, а также слыл изданием Б. П. Хашдеу с подлинником этой летописи ²⁰.

В 1889—1890 гг. Богдан собрал в русских архивах, музеях и библиотеках громадное количество рукописных источников. Ясно, что ни тогда, ни позже, во время своих исследовательских поездок в Россию, румынский славист не мог бы сделать столько, если бы русские ученые не оказали ему помощи. Так, И. А. Бычков, директор Петербургской публичной библиотеки, предоставил ему все интересовавшие его рукописи ²¹, а А. Н. Пыпин помогал ему своими советами, высоко оцененными Богданом ²².

¹³ D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea științifică și didactică. — «Romanoslavica», vol. III. București, 1958, p. 190.

¹⁴ Ср. I. Bogdan. Vechile cronicе moldovenеști pină la Ureche. București, 1891, p. 82; D. P. Bogdan. Legăturile..., p. 203 и Прил. № 38, 39, 40.

¹⁵ P. P. Panaitescu. Ioan Bogdan și studiile de istorici slavă la romîni. Văleni de Munte, 1928, p. 16; ср. I. Bogdan. Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtsschreibung. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. XIII, 1891, S. 481—542; И. Богдан к И. Неруцци, Киев, 22 III.1890 г. (I. E. Toroufiu, G. Cardaș. Op. cit., p. 230—231; ср. M. Dan. Румынский славист И. Богдан и болгарите. — «Славянин», XV, кн. 7. София, 1959, стр. 10—11).

¹⁶ В. Ягич к И. Богдану, 23 VIII.1889 г. (I. Lupaș. Op. cit., p. 21).

¹⁷ Ср. I. Bogdan. Vechile cronicе moldovenеști..., p. 76, nota 2.

¹⁸ Подробности см.: D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea științifică și didactică..., p. 197—204.

¹⁹ Библиотека Академии наук СРР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5219, лл. 133 р., 139 р.

²⁰ Там же; И. Богдан к И. Неруцци, Москва, 18 XII.1889 г. (I. E. Toroufiu, G. Cardaș. Op. cit., p. 240—241).

²¹ D. P. Bogdan. Legăturile..., p. 187.

²² Ibid., p. 200 и Прил. № 12.

В Москве Богдану большую помощь оказал В. А. Уляницкий, сотрудник Главного архива Министерства юстиции, который дал ему возможность работать в архиве, не требуя официальной рекомендации²³. Молодому румынскому слависту, которому в то время было 25 лет, во многом помог и В. Н. Щепкин. В. Н. Щепкин — почти ровесник Богдана, тогда сотрудник Московского исторического музея, а позже один из самых знаменитых русских славистов. С В. Н. Щепкиным Богдана связала прочная дружба, продолжавшаяся всю жизнь. Благодаря помощи В. Н. Щепкина румынский славист смог за очень короткое время скопировать большую часть румынских глоссариев из славянской рукописи XVI в., отданной на археологическую выставку из Москвы зимой 1889/90 г.²⁴ Когда позднее Богдан писал в Румынии работу о древних молдавских летописях до Уреке, В. Н. Щепкин посылал ему ряд библиографических справок, которые Иоан Богдан использовал при отождествлении теологических, грамматических, астрономических (календарных), догматических, полемических и апокрифических материалов из киевского сборника²⁵. Через В. Н. Щепкина Богдан завязал дружбу с его братом Е. Н. Щепкиным, историком, преподавателем Московского университета начиная с 1892 г., а потом профессором того же университета, преподававшим затем в Нежине и Одессе, откуда он был удален из-за своей революционной деятельности²⁶.

Трогательный пример научного сотрудничества между русским профессором и его румынским учеником дал знаменитый славист А. И. Соболевский. Когда Богдан написал в Петербурге, в марте 1889 г., работу по славяно-румынской дипломатической критике, относящейся к Бырладскому диплому, Соболевский поддержал молодого румынского ученого, сообщив ему, между прочим, что и он считает упомянутый диплом подложным. В своих тогдашних дискуссиях с Богданом это подтвердил и известный русский историк и византинолог В. Г. Васильевский²⁷. Несколькими месяцами позже, в январе 1890 г., Богдан прочел вместе с А. И. Соболевским на заседании VIII Археологического съезда в Москве доклад о подложности Бырладского диплома. В докладе Собо-

²³ Ibid., p. 200, 237, Прил. № 33.

²⁴ Cp. *I. Bogdan. Letopisețul de la Bistrița. Letopisețele moldovenești în limba slavonă*. — «Convorbiri literare», XXIX. București, 1895, p. 777.

²⁵ Cp. *I. Bogdan. Vechile cronicе* . . . , p. 2, 12.

²⁶ *D. P. Bogdan. Legăturile* . . . , p. 199 и Прил. № 63 (письмо И. Богдана к своей жене, Москва, 21 VIII. 1908 г.; cp. *G. Mihăilă. Op. cit.*, p. 16—17).

²⁷ *I. Bogdan. Diploma birlădeană din 1134 și principatul Birladului*. — «Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii istorice», Seria II, vol. XI. București, 1891, p. 69, nota 4 (заседание от 28 апреля 1889 г.); *А. И. Соболевский. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.* — «Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890 года», т. II. М., 1895, стр. 173—174; *P. P. Panătescu. Diploma birlădeană din 1134 și a lui Iuga Coriatovici*. — «Revista istorică română», II. București, 1932, p. 2, 48.

левский разработал лингвистическую часть, а Богдан — дипломатическую и историческую части диплома ²⁸.

Большую помощь оказали Богдану и киевские слависты В. З. Завитневич, Н. И. Петров, А. С. Крыловский, которые облегчили ему исследование киевского сборника и других славяно-молдавских рукописей во время его двухнедельного пребывания в Киеве весной 1890 г., дав ему, таким образом, возможность после возвращения на родину издать летописи до Уреке ²⁹. В Киеве его приютил у себя библиотекарь А. С. Крыловский, а литератор и историк Н. И. Петров, директор Церковно-археологического музея, разрешил молодому ученому исследовать на квартире у Крыловского все интересующие его рукописи (некоторые из них весьма ценные, как, например, киевские листки (кирилловские отрывки XI в.), Богдан сличил с изданием 1878 г. Срезневского) ³⁰.

Во время учебы в России Богдану помогали в его исследованиях и другие русские слависты — А. Ф. Бычков, его сын И. А. Бычков, тогдашний руководитель Отдела рукописей Петербургской публичной библиотеки, А. Н. Веселовский, ученый большой эрудиции и друг Б. П. Хашдеу, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин, А. А. Куник и К. Н. Бестужев-Рюмин. Их имена и адреса я нашел записанными карандашом Богданом на письме, полученном им в 1891 г. из Петербурга от польского слависта И. Корзеневского ³¹. Это письмо Богдан взял, вероятно, с собой в Петербург в 1894 г., когда, следуя указаниям польского слависта, он открыл в Петербургской публичной библиотеке молдавско-польскую летопись, приписанную им Николаю Бржескому ³². Из этой записи Богдана, которая содержит, между прочим, и имена русских славистов с мировой известностью, видно, сколь обширными были научные связи румынского слависта.

К сожалению, мы пока не располагаем другими сведениями о помощи, оказанной Богдану русскими славистами во время его учебы в России. О том, что эта помощь должна была быть более существенной и в этот период деятельности Богдана, убеждают нас факты, что она продолжала оказываться и во время его позднейших исследовательских поездок в Россию и что его русские

²⁸ D. P. Bogdan. Legăturile . . . , p. 185, 201 и Прил. № 39; G. Mihăilă. Op. cit., p. 17, где отмечается, что краткое изложение сообщения Богдана дано в «Трудах VIII Археологического съезда», т. IV. М., 1897, стр. 163—164.

²⁹ Ср. I. Bogdan. Vechile cronice . . . , p. 2—3.

³⁰ D. P. Bogdan. Legăturile . . . , p. 203 и Прил. № 39.

³¹ И. Корзеневский к И. Богдану, Петербург, 19 XII. 1891 г. (M. Dan. Legăturile lui Ioan Bogdan cu filologii poloni. — «Romanoslavica», vol. IV. București, 1960, p. 322—323).

³² I. Bogdan. Cronice inedite atingătoare de istoria rominilor. București, 1895, p. 105—106; M. Dan. Op. cit., p. 322—323. Молдавско-польскую летопись см.: «Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ioan Bogdan». Ediție revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959, p. 164—187.

друзья, как видно из переписки румынского слависта с ними, постоянно поддерживали и оценивали усилия Богдана в области славянских исследований.

Продолжая исследования, предпринятые в России в годы своей учебы, Богдан и позднее совершал поездки в Россию, чтобы пополнить, сверить некоторые материалы, собранные в прошлом, открыть новые источники и восстановить прежние дружеские отношения.

Первая его поездка в Россию для научных исследований была осуществлена в 1894 г. и зимой 1894/95 г. Как уже сказано выше, Богдан тогда обнаружил молдавско-польскую летопись, приписанную им Николаю Бржескому, и, кажется, тогда же летопись Молдавии и Валахии Мирона Костина (обе в Петербургской публичной библиотеке) ³³.

Вторую поездку в Россию Богдан предпринял в 1908 г. ³⁴ 17 августа 1908 г. Богдан был в Киеве, где он снова увидел своих друзей Н. И. Петрова, директора музея, библиотекаря А. С. Крыловского и профессора Т. Д. Флоринского ³⁵. В течение 3—4 дней, которые он провел в Киеве, Богдан сверил текст тех трех летописей, которые он опубликовал в 1891 г., со сборником Исаия из Слатины, намереваясь осуществить новое издание всех славяно-молдавских летописей, написанных на славянском языке ³⁶. Из Киева Богдан уехал в Москву и оттуда в Петербург, стремясь изучить акты времени Стефана Великого. В Москве он пробыл с 21 августа по 28 сентября 1908 г. 20 сентября 1908 г. Богдан сделал сообщение в Обществе истории и русских древностей при Московском университете. Это сообщение столь понравилось Е. В. Барсову, что он предоставил в распоряжение румынского слависта молдавскую летопись, которую Богдан использовал в научно-справочном аппарате к изданию летописи Азария ³⁷.

Тогда же Богдан исследовал в русских архивах и библиотеках необъятный дипломатический и штемпелеграфический материал. Кроме того, Богдан обнаружил в Публичной библиотеке в Петербурге, по указаниям, сделанным в Бухаресте его другом А. И. Яцимирским, сборник, содержащий летопись Азария, которую Богдан скопировал и издал в Бухаресте в следующем году ³⁸.

³³ Cp. *I. Bogdan. Cronice inedite . . .*, p. 105—106.

³⁴ *I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I. București, 1913*, p. X.

³⁵ И. Богдан к своей жене, Киев, 17 VIII.1908 г. (см. «Cudget clar», I. București, 1937, N 47, p. 744—746; *D. P. Bogdan. Legăturile . . .*, p. 206 и Прил. № 60).

³⁶ *D. P. Bogdan. Legăturile . . .*, p. 205—207.

³⁷ *Ibid.*, p. 200 и Прил. № 83, 84.

³⁸ См. письмо И. Богдана к Н. Йорге, Петербург, 6 X. 1908 г. (*I. E. Torouțiu. Studii și documente literare, VII. București, 1935*, p. 152—153). *I. Bogdan. Letopisețul lui Azarie. — «Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice», Seria II, vol. XXXI. București, 1908—1909*, p. 61. Славянский текст (рукописная копия) летописи Азария хранится в Библиотеке Академии наук ССР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5212; *D. P. Bogdan. Legăturile . . .*, p. 182 и Прил. № 89, 91.

В 1908 г. Иоан Богдан сделал ряд фотокопий рукописей летописи Азария, две фотокопии отрывка летописи Макария, находящегося в рукописи из коллекции московского слависта Е. В. Барсова³⁹, фотокопию одной страницы из «Chronika ziem moldawskich i multanskich» Мирона Костина, которую Богдан издал в 1895 г. в «Cronicile inedite», а также фотокопии трех страниц из румынской рукописи, тогда еще неизвестной, которая содержала сочинение Мирона Костина «Де нямул молдованилор», в копии его сына Николая.

Третью исследовательскую поездку в Москву и Петербург Богдан предпринял весной 1911 г., скопировав много дипломатических материалов. К 25 августа 1911 г. он возвратился в Румынию⁴⁰, договорившись с С. А. Белокуровым, главным архивариусом Московского главного архива Министерства иностранных дел, о копировании документов, характеризующих отношения России с Молдавией⁴¹.

Как некогда, в годы учебы, так и теперь, во время исследовательских поездок в Россию, румынский славист не смог бы сделать так много, если бы ему не помогли русские друзья. Приведу лишь несколько примеров. В 1908 г. друг Богдана, Н. М. Сперанский, давал ему книги из своей личной библиотеки, а также древние рукописи и редкие печатные издания из библиотеки Румянцевского музея. В архивной работе помог Богдану С. А. Белокуров⁴². В том же 1908 г. работа Богдана в Петербургской публичной библиотеке была облегчена И. А. Бычковым, который предоставил рукопись летописи Азария и сообщил Богдану все необходимые библиографические сведения⁴³. И. А. Бычков показал ему и несколько румынских рукописей, которые Иоан Богдан хотел скопировать⁴⁴. В Петербурге в 1908 г. румынскому слависту помогли его профессор А. И. Соболевский и археограф В. Г. Дружинин. Много внимания ему уделил тогда А. А. Шахматов, разрешивший Богдану работать весь день в библиотеке и пригласивший его на обед, чтобы тот не терял время на посещение ресторана⁴⁵. Весьма ценные документальные материалы XVII—XVIII вв. из Московского главного архива Министерства иностранных дел не были бы

³⁹ Библиотека Академии наук ССР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5219, лл. 178 р. — 199 р.

⁴⁰ Последнее письмо из Москвы — 20 VIII. 1911 г. (*I. E. Torouțiu. Studii și documente* . . . , VII, p. 176). Уехал из Москвы 22 VIII. 1911 г. (*D. P. Bogdan. Legăturile* . . . , p. 207, Прил. № 125).

⁴¹ С. А. Белокуров к И. Богдану, Москва, 23 XI. 1911 г.

⁴² *D. P. Bogdan. Legăturile* . . . , p. 193, Прил. № 67, 77, 82, 86, 105, 112—114, 125, 127.

⁴³ Ср. Библиотека Академии наук ССР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5219 л. 181 р.; *I. Bogdan. Letopisețul lui Azarie*. București, 1909, p. 5—6.

⁴⁴ Ср. И. Богдан к Н. Йопре, Петербург, 6 X. 1908 г. (*I. E. Torouțiu. Studii și documente* . . . , VII, p. 152—153; *D. P. Bogdan. Legăturile* . . . , p. 306—307, Прил. № 94).

⁴⁵ *D. P. Bogdan. Legăturile* . . . , p. 188, Прил. № 93.

собраны Богданом без дружеской помощи, оказанной ему главным архивариусом С. А. Белокуровым, который сделал все возможное для копирования, фотографирования или резюмирования по-русски множества документов, относящихся к русско-молдавским и валахским отношениям⁴⁶. Работа в архиве в Москве в 1908 г. была во многом облегчена и дружеской помощью филолога В. Ф. Ржиги⁴⁷. Помощь, о которой вспоминал сам румынский славист⁴⁸, получил Богдан и от знаменитого русского специалиста по латинской и греческой палеографии С. В. Рождественского.

Своими открытиями и исследованиями в России Богдан внес важный вклад в изучение древних славяно-молдавских летописей до Уреке, почти неизвестных до тех пор.

Понимая, что в основе всякого научного исследования должны находиться источники, Богдан посвятил значительную часть своей работы изучению и критическому изданию текстов, подготавливая в первую очередь издания летописей, сопровождая их критическими примечаниями. Первой работой румынского слависта в этой области была «Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtsschreibung»⁴⁹, написанной на основе сборника, который составлен Исаией из Слатины, датируемого 1554—1561 гг. Из этого сборника Богдан скопировал: а) летопись от Адама до Мануила Палеолога (1425), которая представляет собой болгарскую редакцию общей части сербских анналов; б) сербские анналы от смерти Стефана Душана (1355) до 1490 г.; в) средневековую болгарскую летопись с 1296 до 1413 г. Все три южнославянские летописи были изданы Богданом. Он определяет византийские источники первой и влияние, оказанное всеобщей летописью на древние русские (вошла в Воскресенскую летопись) и румынские летописи (вошла в летопись Моксы). Сербские анналы сравнены с анналами, которые редактировались в Четиные (опубликованы ранее В. Ягичем), а болгарская летопись, которая «обогащает наши знания по среднеболгарской литературе подлинным памятником болгарской историографии, неизвестным до сих пор», датирована Богданом 1413—1421 гг. Им установлено, что она была написана в Болгарии каким-то болгаринцем. Богдан анализирует

⁴⁶ Библиотека Академии наук СРР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5244, лл. 97 р., 122 в., 134 р.

⁴⁷ В. Ф. Ржига был «кандидатом» в Московском университете, готовился к магистерскому экзамену и работал в Музее Н. П. Румянцева. Он был профессором в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и умер в 1961 г. (*D. P. Bogdan. Legăturile . . .*, p. 302, Прил. № 88 и прим. 191).

⁴⁸ Библиотека Академии наук СРР, Отдел рукописей, Рукоп. № 5244, л. 92 в. Другие многочисленные примеры помощи, оказанной И. Богдану в его исследованиях 1908 и 1911 гг. В. И. Ламанским, А. И. Яцимирским, Ф. Е. Фортунатовым, П. А. Лавровым, В. Н. Щепкиным, Р. Ф. Брандтом, Е. В. Барсовым и др., см.: *D. P. Bogdan. Legăturile . . .*, p. 213—338.

⁴⁹ «Archiv für slavische Philologie», Bd. XIII, 1891, S. 481—543.

время написания летописи, ее язык и уточняет заимствования, сделанные Моксой из этих трех южнославянских летописей.

Самой важной среди этих трех летописей является болгарская, что заставило В. Ягича перевести ее на латынь и издать в том же номере своего журнала как продолжение работы Богдана, что сделало ее таким образом доступной и тем, кто не знает средневекового болгарского языка. Исключительное значение этих трех южнославянских летописей, открытых Богданом в России, было подчеркнуто вскоре после их издания К. Иречком⁵⁰, одним из лучших знатоков истории балканских славян. Без находок Богдана болгарская историография была бы лишена неопценимого повествовательного источника, который описывает важные этапы наступления турок на Балканский полуостров. Что касается сербских анналов, написанных к 1490 г., то они являются самыми древними в сербской историографии⁵¹.

Издание упомянутых южнославянских летописей Богданом было высоко оценено специалистами. Так, Б. Цонев, лучший болгарский филолог, заявил, что «Иоан Богдан составил себе бессмертное имя для Болгарии», а болгарские газеты перепечатали несколько частей из этого исследования. Цонев также сообщил Богдану, что пишет рецензию в «Sbornik za narodni umotvoronija», а другой болгарский ученый уже пишет положительную рецензию для журнала «Periodicesko spisanie na balgarskoto knizevno druzestvo v Suedes». К. Иречек заявил В. Ягичу, что эта работа делает Богдану и опубликовавшему ее журналу честь, а выводы Богдана, относящиеся к источникам летописи Моксы, приняты румынской исторической наукой⁵².

Болгарская летопись, опубликованная Богданом в «Archiv für slavische Philologie» 1891 г., была высоко оценена болгарскими историками-литературоведами в работах, относящихся к древнеболгарской литературе⁵³.

В книге «Vechile cronice moldovenești pînă la Ureche»⁵⁴ Богдан издал вслед за киевским сборником летопись и анналы Путны, летописи Макария и Евфимия, молдавскую летопись (Богдан называет ее анонимной), находящуюся в русском переводе в Воскре-

⁵⁰ К. Иречек. Zur Wirdigung der neuentdeckten bulgarischen Chronik. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. XIV, 1894, S. 255—277.

⁵¹ Ср. Е. Турдеану. La literature bulgare du XIV-e siècle et sa diffusion dans les pays roumains. Paris, 1947, p. 159—161.

⁵² Д. Р. Богдан. Ioan Bogdan, activitatea științifică și didactică. — «Romanoslavica», vol. III. București, 1958, p. 190, где говорится, что в летописи Моксы, наряду с указанными Богданом источниками, использованы и другие источники, например краткие летописи, изданные Григоровичем, Шафариком и в последнее время Л. Слюжковичем (ср. Р. Р. Панайтеску. Interpretări românești. București, 1947, p. 240).

⁵³ И. Иванов. Старобългарски разкази. София, 1935, стр. 66—71, 223—227; В. Ангелов, М. Генев. Стара българска литература. София, 1926, стр. 468—470.

⁵⁴ I. Bogdan. Vechile cronice moldovenești pînă la Ureche. București, 1891, p. 291—3 facsimile.

сенской летописи (опубликована в т. VII «Полного собрания русских летописей», а также молдавско-польскую летопись (*Spisane kroniki o ziemi voloskiey takze i o gospodarach jey*), скопированную Богданом в Краковском музее и приписанную им Николаю Бржескому⁵⁵.

Богдан использовал исторический метод издания славяно-молдавских летописей, которым пользовались на Западе при издании латинских и немецких средневековых текстов. Этот метод обязывает издателя восполнить самому дефекты текстов, раскрыть аббревиатуры, ввести знаки препинания и прописные буквы⁵⁶.

Богдан сопровождает свое издание летописей подробными вступительными статьями, в которых он, между прочим, проводит сравнительное изучение этих летописей с византийскими и южнославянскими и приходит к выводам, ценным и в настоящее время, устанавливая, что славяно-молдавские летописи «имеют неоспоримое превосходство над их моделями»⁵⁷. Славянские тексты были сопровождены Богданом переводами.

Издание летописей в 1891 г. предшествовала статья «Manuscripte slavo-române în Kiev»⁵⁸, в которой Богдан опубликовал выдержки из киевского сборника с сохранением «орфографии подлинников, со всеми знаками и сокращениями, чтобы они служили моделью и для текста летописей, издающихся без знаков и без сокращений»⁵⁹.

Издание Богдана 1891 г. было хорошо принято современниками. Например, Д. А. Стурдза писал, что работа Богдана «дает возможность дополнить, улучшить и проверить массу данных, сохраненных в летописи Уреке. Выясняется, кроме того, вопрос об источниках Уреки и почти все развитие молдавской историографической литературы в византийско-славянскую эпоху или эпоху до Уреки». И. Биану утверждал, «что работа Иоана Богдана создает эпоху в нашей исторической литературе как большим значением текстов, которые И. Богдан имел счастье открыть, так и углубленными исследованиями, которыми он разъяснил их, издавая их в этом красивом томе». Крупный историк балканских народов К. Иречек считал летописи, опубликованные Богданом, «весьма важным открытием для румынской истории», а работа Богдана в этом смысле делает «добросовестностью, с которой она написана, содержанием и красивым изданием много чести славянским источ-

⁵⁵ Подробнее см.: *G. Mihăilă*. Op. cit., p. 53, где упоминаются и другие три рукописи, обнаруженные в архивах СССР в разрядных книгах XVI—XVII вв. (*В. И. Бузанов*. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962, стр. 61—62, 67).

⁵⁶ Ср. *D. P. Bogdan*. Ioan Bogdan, activitatea . . . , p. 190—191.

⁵⁷ *P. P. Panaitescu*. Ioan Bogdan et la culture medievale chez les roumains. — «Revue Roumaine d'Histoire», t. IV. Bucurest, 1965, N 5, p. 974.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ *I. Bogdan*. Manuscripte slavo-române în Kiev. — «Convorbiri literare», XXV. Bucuresti, 1901, p. 503—511.

никам, которые пренебрегаются до сих пор в большой степени» в нашей стране⁶⁰. Далее Иречек утверждает, что издание Богдана содержит «точное описание рукописей, тщательный анализ трех летописей и неизданных литературных памятников», «тексты изданы так, что могут служить образцами», «наконец, тексты содержат подробные примечания»⁶¹.

В 1924 г. Н. Йорга писал, что «Богдан заложил основу нашей историографии в изучении истории княжения Стефана Великого, эта книга создана с безграничной любовью, тщательным вниманием. Никогда до сих пор ни один источник не издавался с таким уважением к читателям. Широко развернутые примечания всякого рода облегчают понимание текстов летописи Путны, молдавско-польской летописи, компиляций, связанных с ними, а также летописей Макария и Евфимия. Те немногие, кто в состоянии высказать свое мнение об этом труде, не встречали подобного издания в нашей научной литературе».

О той же работе Богдана высказал свое мнение и русский славист А. И. Яцимирский, писавший, что в большинстве своем сопровождающие работу примечания очень вероятны. Однако он не соглашался с мнением Богдана, что молдавская летопись из Воскресенской летописи является русской копией с среднеболгарского подлинника. По мнению Яцимирского, — это русский подлинник⁶². Яцимирский отметил затем некоторые недостатки издания той же летописи — перестановки текста и качество румынского перевода.

Следующее издание летописей, осуществленное по тому же историческому методу, как и издание 1891 г., было завершено Богданом в 1895 г. и вышло под заглавием «Cronice inedite atinǎtoare de istoria românilor»⁶³. Оно содержит тексты и переводы следующих летописей: Бистрицкой летописи (из сборника Тульчи), сербско-молдавской летописи из Нямца, молдавско-польской летописи Николая Бржеского по рукописи Залуского из Петербургской публичной библиотеки (которую Богдан считает оригинальной) и «Chronika ziem moldawskich i multanskich» Мирона Костина (из фонда Залуского Петербургской публичной библиотеки). Автор дает славянский или польский текст, как и в «Vechile cronice moldovenești pînă la Ureche»⁶⁴, раскрывая аббревиатуры, оговаривая слова, вписанные над строкой, и т. д., сопровождает его переводами на румынский язык и подробными примечаниями.

⁶⁰ D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea . . . , p. 191.

⁶¹ Ibid., p. 191—192.

⁶² Ср. противоположное мнение П. П. Панайтеску («Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ioan Bogdan». Ed. revăzută și completată de P. Panaitescu. București, 1959, p. 152—154).

⁶³ D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea . . . , p. 193, ссылаясь на статью А. И. Яцимирского «Сказание вкратце о молдавских господах» в Воскресенской летописи. — ИОРЯС, т. VI, кн. 1. СПб., 1901, стр. 88—89.

⁶⁴ București, 1895, 205 p., XIX facsimile.

Из «Cronice inedite» И. Богдан опубликовал предварительно выдержку в «Convorbiri literare»⁶⁵.

В 1901 г. Богдан издал отрывок молдавской летописи на славянском языке⁶⁶. Этот фрагмент, опубликованный по копии, полученной от А. И. Яцимирского с рукописи № 280 Славянского фонда Библиотеки Академии Румынии, Богдан считал сокращением «летописи из Бистрицы или другой близкой летописи». Эта летопись была напечатана вторично А. И. Яцимирским⁶⁷.

П. П. Панаитеску датирует ее концом XVI — началом XVII в. и именует Краткой летописью Молдавии (1359—1451)⁶⁸. Эта летопись содержит, по существу, список господарей с указанием годов их княжения. Панаитеску⁶⁹ считает, что эта летопись могла быть краткой летописью до Стефана Великого.

Наконец, последняя славяно-молдавская летопись, обнаруженная Богданом, — это летопись Азария⁷⁰. Азарий писал ее по приказанию молдавского господаря Петра Хромого. Богдан опубликовал летопись Азария по рукописи Петербургской публичной библиотеки (О.ХVII.13), предпослав тексту и переводу изложение летописи и сравнив ее с молдавско-польской летописью и с летописью из Слатины. Летопись Азария была издана почти в то же время и русским славистом А. И. Яцимирским⁷¹. Издание Богдана сопровождается переводом, в который вкрались незначительные ошибки, а издание Яцимирского лишено перевода. Издание П. П. Панаитеску имеет хороший перевод на румынский язык⁷². Что касается издания Богдана, то из приведенного научно-справочного аппарата мы видим, что он использовал и сборник Е. В. Барсова, который содержит летопись Макария, переписанную Богданом осенью 1908 г., затем сборник Исаия из Слатины, находящийся в Киеве, и, наконец, среднеболгарский перевод летописи Константина Манассии по изданию, которое Богдан начал печатать в 1902 г. Сборник Е. В. Барсова он обозначил в научно-справочном аппарате сиглой Б, сборник из Слатины — сиглой С, а летопись Манас-

⁶⁵ «Letopisețul de la Bistrița. Letopisețele moldovenești în limba slavonă». — «Convorbiri literare», XXIX. București, 1895, p. 753—778.

⁶⁶ «Un fragment de cronică moldovenească în limba slavă». — «Convorbiri literare», XXXV. București, 1901, p. 527—530.

⁶⁷ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905, стр. 429.

⁶⁸ «Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ioan Bogdan». Ed. revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959, p. 38—40.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Издано в «Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii istorice», Seria II, vol. XXXI. București, 1909, 159 p., 4 facsimile.

⁷¹ «Славяно-молдавская летопись монаха Азария». — ИОРЯС, т. XIII, кн. 4. СПб., 1909, стр. 23—80.

⁷² «Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ioan Bogdan». Ed. revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959, p. 126—129, 129—139, 139—151.

сии — Ман⁷³. Богдан опубликовал летопись Азария, как и летописи 1891 и 1895 гг., пользуясь тем же историческим методом, кроме того, он лишь вносит в строку выносные буквы и дополняет сокращенные слова, вставляя недостающие буквы в круглые скобки. В том же году его русский друг А. И. Яцимирский издал работу «Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг.» и опубликовал летопись Азария, в которой мы находим более полное по сравнению с изданием Богдана описание этой летописи.

О летописи Азария Н. Йорга писал, что «она издана столь же совершенно», как и опубликованные Богданом в 1891 и 1895 гг. летописи⁷⁴. К. Иречек также высоко оценивает издание Богдана⁷⁵. Румынские слависты утверждают, что почти в течение семи десятилетий, т. е. до выхода в свет в 1959 г. издания П. П. Панаитеску, «Cronicile vechi» являлись настольной книгой исследователей средневековой румынской истории. Однако и после 1959 г. работа Иоана Богдана не потеряла своего научного значения...»⁷⁶

Двенадцать славяно-молдавских летописей, изданных Богданом, дают нам впервые тексты летописей, сопровождаемые переводами, подробными исследованиями и историческими, лингвистическими и литературоведческими комментариями.

Уже после смерти Богдана, в 1922 г., под редакцией Иоана Биану, его друга, появился среднеболгарский перевод 1345 г. византийской хроники Константина Манассии. Еще с 1889 г., по совету В. Ягича, Богдан начал в Москве исследовать этот среднеболгарский перевод упомянутой византийской летописи, помещенной в рукописи Московской синодальной библиотеки, взятой за основу его издания. Он сличил этот кодекс с рукописью сборника из Тульчи, и с той, находящейся в Ватикане, которая имеет миниатюры и, кажется, принадлежала бывшему болгарскому царю Ивану Александру. Среднеболгарский перевод византийской летописи Константина Манассии является исключительно важным и лежит в основе средневековой болгарской, сербской, русской и румынской историографии⁷⁷. В своем письме 31 октября 1889 г. к Биану Богдан писал, что хроника Манассии является источником летописи Моксы, и что он хочет переиздать и Моксу, так как

⁷³ *I. Bogdan. Letopisețul lui Azarie . . .*, примечания; ср. *D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea . . .*, p. 196, где отмечается, что основные рукописи Е. В. Барсова находятся ныне в Государственном историческом музее в Москве (*D. P. Bogdan. Ioan Bogdan și manuscrisele lui din Biblioteca Academiei*, p. 23).

⁷⁴ *N. Iorga. Ioan Bogdan. — «Buletinul Comisiei istorice a României», t. 3, par. 2. București, 1924.*

⁷⁵ «Slavische Chroniken der Moldau». — «Archiv für slavische Philologie», Bd. 15, 1892, S. 85—91, перепечатано вкратце в «Convorbiri literare», t. XXIV. București, 1892, p. 686—694.

⁷⁶ *D. P. Bogdan. Ioan Bogdan în cercurile slavistice europene. — «Studii», București, 1966, N 1, p. 4—5.*

⁷⁷ *D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea . . .*, p. 197—198.

издание Б. П. Хашдеу не точно. Во время своих исследований в России Богдан принялся за изучение летописи Моксы. Однако это исследование осталось незаконченным и издано Г. Михэилз ⁷⁸.

Текст хроники Манассии начал издаваться в 1902 г., и в 1909 г. она была уже напечатана, однако Богдану не удалось закончить всю работу. Она вышла в свет в незаконченном виде лишь после смерти румынского слависта. Но утверждение Биану, что Богдан не смог сличить среднеболгарский текст Манассии из Московской синодальной библиотеки с рукописью из Ватикана, не соответствует действительности, так как в 1890 г. Богдан ездил в Рим, как это доказывают его письма как раз к Биану. Так, 11 октября 1890 г. Богдан сообщил ему из Рима, что один из префектов Ватикана, «Боллиг удивился, когда узнал, что Иоан Богдан является румыном и хочет заниматься хроникой Манассии, которую Боллиг скопировал полгода назад и намеревался издать». 25 октября 1890 г. Богдан извещал из Рима Биану, что кончил сличение рукописи Манассии из Ватикана; он работал 15 дней, описал 65 миниатюр и прочитал 205 страниц. Летопись Манассии не была издана еще в 1896 г., когда Богдан получил от своего друга Л. Милетича из Софии два письма — от 5 июля и 8 ноября 1896 г. Милетич обещал Богдану написать работу о языке перевода хроники Манассии и сообщил о своем ходатайстве у министра просвещения Величкова, чтобы хроника Манассии была напечатана в Софии ⁷⁹. Между тем Богдан интенсивно работал над редактированием глоссария хроники Манассии, как пишет он 7 сентября 1901 г. Биану.

В 1902 г. текст перевода хроники Манассии по копии Московской синодальной библиотеки был сличен со сборником из Тульчи и с вариантом из Ватиканской библиотеки и началось печатание летописи. Богдан отмечал сборник из Москвы сиглой С, из Тульчи — сиглой Т и из Ватикана — сиглой В ⁸⁰.

В конце славянского текста находится славяно-греческо-румынский глоссарий, в котором Богдан отмечает звездочкой слова, отсутствующие в работе В. Миклошича «*Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum*», и я, использовавший глоссарий Богдана, могу утверждать, что его глоссарий и в настоящее время является полезным для понимания румынских текстов, написанных на среднеболгарском языке ⁸¹.

Издание хроники Манассии Богдана было хорошо принято почти всеми специалистами. Так, болгарский ученый Ю. Трифонов писал, что «славистика давно нуждалась в издании средне-

⁷⁸ *I. Bogdan. Scrieri alese. Ediție îngrijită, studiu introductiv și note de G. Mi-hăilă. București, 1968, p. 627—632.*

⁷⁹ *D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea . . . , p. 199—200; М. Дан. О научных румыно-болгарских связях в XIX в. — «Revue des études sud-est européennes», t. I. Bucarest, 1963, N 1—2, p. 159—165.*

⁸⁰ *D. P. Bogdan. Ioan Bogdan, activitatea. . . , p. 202.*

⁸¹ *Ibidem.*

болгарского перевода хроники Манассии. Эта потребность была удовлетворена упорной работой покойного румынского профессора Иоана Богдана. Его издание осуществлено по трем самым важным копиям среднеболгарского перевода (из Москвы, Ватикана и Тульчи), первая взята за основу, а другие использованы для вариантов. . . Благодаря изданию Богдана стало возможным более основательно исследовать много проблем, связанных с среднеболгарским переводом летописи Манассии. . . Издание Богдана может оказать довольно большую помощь в исследовании вопроса об отношении между текстом летописи и миниатюрами копии из Ватикана. . . »⁸²

Тот же автор отрицает ниже и датировку «к 1350 году», которой Богдан определяет архетип среднеболгарского перевода хроники Манассии, это по крайней мере на несколько лет позже, чем копия рукописи 1345 г. из Москвы, которую Богдан принял в основу своего издания⁸³.

По той же проблеме Б. Д. Филов писал следующее: «Полный текст болгарского перевода летописи Манассии был издан лишь недавно выдающимся румынским ученым Иоаном Богданом по трем главным копиям — из Москвы, Тульчи и Ватикана». Дальше Филов, следуя за ошибочным утверждением Биану, напоминает, что «Богдан не сличил летопись с кодексом из Ватикана». Он также отрицает 1350 г. как дату написания текста, утверждая, что «копия из Москвы, которая, прочем, не является самой древней, датируется 1345 г. Следовательно, сам перевод следовало бы отнести по крайней мере на несколько лет раньше этой даты»⁸⁴.

Советский славист С. Б. Бернштейн утверждает следующее: «Богдану принадлежит отличное издание славянского перевода летописи Манассии, указывая варианты по всем копиям»⁸⁵.

Издание Иоана Богдана было широко использовано в исследованиях по славистике; например, в исследовании чешского слависта М. Вейнгарта, касающемся византийских летописей⁸⁶. Вейнгарт заявляет, что «издание Богдана не имеет в сносках вариантов из Хиландарской рукописи, диакритические знаки в нем отсутствуют, сокращения раскрыты, значит, оно является историческим изданием и не филологическим, а глоссарий — очень подробный»⁸⁷. И румынская славистка М. Штефэнеску посвя-

⁸² Ю. Трифонов. Бележки върху средно-болгарския превод на Манасиевата Хроника. — «Известия на българския археологически Институт», т. II (1922—1924). София, 1924, стр. 139—140.

⁸³ Там же, стр. 159 и сл.

⁸⁴ B. D. Filov. Les miniatures de la chronique de Manasses. Sofia, 1927.

⁸⁵ С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I. Язык валахских грамот XIV—XV вв. М.—Л., 1948, стр. 46.

⁸⁶ M. Weingart. Byzantske Kroniky v literature cirkevne-slovanske. — «Spisy filosofickej fakulty Universitu Komenskeho v Bratislave», т. II. Bratislava, 1929, стр. 187.

⁸⁷ Ibidem.

тила ряд своих исследований изданиям Иоана Богдана⁸⁸. Конечно, особенно ценной частью работы является славяно-греческо-румынский глоссарий, хотя предисловие Биану явно недостаточно и содержит некоторые ошибки, и, следовательно, мы должны жалеть, что Иоан Богдан не успел написать вступительную статью, для которой он собрал много материала и которая пролила бы новый свет на перевод хроники Манассии на среднеболгарском языке. Этот глоссарий лежит в основе некоторых специальных исследований среднеболгарского языка⁸⁹.

После Богдана и другие ученые занимались среднеболгарским переводом летописи византийца Манассии. Так, болгарский ученый И. Дуйчев, занимающийся летописью Манассии около трех десятилетий, подготовил новое ее издание⁹⁰. Занимались летописью Манассии также немецкий византинолог А. Хейзенберг и французский славист А. Боассен⁹¹. Однако и теперь труд Богдана не утратил своей ценности как сведениями, относящимися к русской и болгарской истории, отсутствующими в компиляции Константина Манассии, так и своим ценным глоссарием среднеболгарского перевода, восполняющим пробел в славистике.

⁸⁸ *M. Ștefănescu*. Influența operei lui Manassie în traducerea mediobulgară pe literatura română-slavonă și românească. — «Arhiva», XXXIV. Iași, 1927, p. 150—186; *idem*. Influența lui Manassie pe poezia românească. — «Arhiva», XXXIV. Iași, 1930, p. 121—123.

⁸⁹ *Ioan Bogdan*. Scrieri alese. . ., p. 46.

⁹⁰ *И. Дуйчев*. Летописца на Константин Манаси. София, 1963 (издание-факсимиле). Дуйчев издал и миниатюры Ватиканской рукописи — «Миниатюрите на Манасиевата летопис». София, 1962.

⁹¹ *H. H. Botssin*. Le Manasses moyen-bulgare. Etude linguistique. Paris, 1946; *ср. D. P. Bogdan*. Ioan Bogdan în cercurile slavisticii europene, p. 7.

IV. ПУБЛИКАЦИИ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КОРМЧЕЙ ЕФРЕМОВСКОЙ РЕДАКЦИИ

Я. Н. Шапов

Кормчая Ефремовской редакции — древнеславянский (древнеболгарский) перевод византийской компиляции, объединившей церковно-юридический сборник — Синтагму 14 титулов с хронографическими, календарными, церковно-дисциплинарными и церковно-политическими статьями. Перевод был сделан в первой четверти X в. (вскоре после 912 г.), очевидно в Преславе, при царе Симеоне (ум. в 927 г.)¹.

Этот памятник очень рано, еще в XI в., получил распространение на Руси и оказал определенное влияние на такие разделы древнерусской письменности и знания, как церковное право, хронография, календарные исчисления и др.

Историко-правовому и историко-литературному исследованию кормчей препятствует неизученность ее состава, ее языка, отсутствие полного издания ее текстов. В. Н. Бенешевич начал полное издание ее славянских текстов параллельно с их предполагаемыми греческими источниками, но был подготовлен и издан только первый том публикации, включающий текст древнейшего, XI—XII вв., но дефектного (не имеющего конца) Ефремовского списка с вариантами из списков XIII—XVI вв.² Продолжение текста кормчей было издано по найденному Рогожскому списку конца XV в.³, который восходит (через опосредствующие звенья) к Ефре-

¹ О времени и месте перевода см.: А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 122, 127; В. Златарски. Какви канонични книги и граждански закони Борис е получил от Византия. — «Летопис на Българската Академия на науките. I. За године 1911». София, 1914, стр. 79—115; J. Vašica. Collectio 87 (93) capitulorum dans les Nomocanons slaves. — «Byzantinoslavica», t. 20, 1959, N 1, p. 1—8; С. В. Троицки. Спор Старог Рима са Новим на страпама словенске крмчије. Београд, 1960, стр. 47, 49—50; Я. Н. Шапов. О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 214.

² «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича», т. I, вып. 1—3. СПб., 1906—1907.

³ Я. Н. Шапов. Новый список кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 258—276.

мовскому, но списан с дефектного протографа, в котором были утрачены вторая часть календарной статьи «Великого книжника антиохийского» о каландех, нонах и идах и три хронографические статьи. Поэтому при публикации Рогожского списка хронографические статьи кормчей изданы не были.

Полный текст древнеславянской кормчей Ефремовской редакции содержат два списка рубежа XV—XVI вв. — Троицкий и Плигинский. В них есть статьи, утраченные как в Ефремовском, так и в архетипе позднейших, Рогожского и Соловецкого. Это продолжение календарной статьи «Великого книжника антиохийского», начиная со слов «(увѣждь) же премудре, котории от мѣсѣць кѣде новии имуть идусы. . .», и три хронографические статьи, которые публикуются в настоящей работе:

1. «Летописец вскоре» Никифора, патриарха константинопольского (806—815 гг.), с продолжением до 910-х годов ⁴.

2. Перечни епископов и патриархов Константинополя, приписываемые тому же Никифору, с продолжением до того же времени.

3. Сведения о семи вселенских соборах («Разум 7 събор») со справкой о дате смерти императора Константина VI.

Эти хронографические статьи представляют первостепенный интерес для истории южнославянского и древнерусского летописания, а отчасти и византийской хронографии, поскольку они являются наиболее ранними переводами соответствующих византийских сочинений. Часть из них легла в основу многочисленных славянских компиляций, известных под названием «Летописец вскоре» и под именем того же автора; эти сочинения оказали определенное влияние на состав и хронологическую схему славянских летописных памятников местного происхождения. Несохранившиеся греческие тексты, которые были непосредственным источником перевода, могут быть реконструированы на его основе и возвращены в число памятников византийской хронографии.

1. «ЛЕТОПИСЕЦ ВСКОРЕ» НИКИФОРА ПАТРИАРХА

«Летописец вскоре» (далее—ЛВ) в Троицком и Плигинском списках является переводом сочинения патриарха Никифора (с продолжениями, сделанными после его смерти), которое известно чаще всего под названием *хронографикὸν συντομικόν*, а в списке, бывшем оригиналом перевода, называвшегося *хронографикὸν ἐν συντομῇ*. Это первая редакция «Хронографика» Никифора, изданная

⁴ В издании и исследовании привлечены следующие славянские списки кормчей Ефремовской редакции: Т — ГБЛ, Троицк. 207, кон. XV — нач. XVI в.; П (Плигинский) — ГПБ, Ф. II.250, посл. четв. XV в.; У (Уваровский) — ГИМ, Увар. 124, перг., XIII в. Краткую характеристику списков с библиографией их описаний см.: Я. Н. Шапов. О составе. . ., стр. 209—210. В издании «Разума 7 събор» использованы также два дополнительных списка (см. стр. 251).

в 1880 г. К. де Боором⁵ и перепечатанная с добавлением чтений из московских списков в 1912 г. Н. В. Степановым⁶.

Анализ чтений показывает, что славянский переводчик имел в своем распоряжении текст, близкий к двум спискам: к *L* (*Oxonijs Laudianus* 39, XI в.), привлеченному де Боором, и к *Y* (*Mosqui. Synod.* 467, XI в.), введенному в науку Степановым. Источник славянского перевода оканчивался на упоминаниях императора Василия I, царствовавшего 18 лет и 11 месяцев (в действительности — 867—886), и императоров Льва и Александра, царствовавших 25 лет (Лев VI с Александром — 886—912; Александр — 912—913). Этим он отличается от обоих названных греческих списков: по *L* Василий VI царствовал 18 лет, 1 месяц и 29 дней, а после него указаны его сын Лев (число лет вписано другой рукой), его брат Александр (13 месяцев), Константин Багрянородный с матерью Зоей (4 года и 10 месяцев), Роман (26 лет и 9 месяцев), Константин Багрянородный как автократор (без числа лет)⁷; по *Y* Василий царствовал 18 лет и 11 месяцев (как в славянском переводе), а далее указаны его сын Лев (25 лет и 9 месяцев), брат Александр (1 год и 1 месяц), Константин, сын Льва, с матерью (6 лет), Роман Великий (27 лет) и Константин, сын Льва, один (15 лет)⁸.

Характер древнеболгарского перевода «Хронографикона» должен стать теперь, после его издания, предметом специального исследования. Но уже сейчас можно сказать, что перевод этого памятника сделан так же малоквалифицированно, как и перевод других составных частей кормчей, бывших объектом специальных исследований⁹. Переводчик затруднялся в передаче на славянском языке многих понятий греческого языка, делал ошибки. Его перевод буквален, очень близок к греческому тексту, что позволяет хорошо судить о том источнике, который был перед глазами переводчика.

Славянский текст «Летописца вскоре» был предметом специального текстологического и историко-хронологического исследования Степанова. Автор поставил целью своей работы выяснить, в каком виде доходили до наших летописцев иностранные сочинения по хронологии, в частности, в каком отношении к греческому тексту этой известной статьи Никифора находится славянский

⁵ «Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica, edidit Carolus de Boor». Lipsiae, 1880, p. 81—102 (далее в тексте — *B*).

⁶ Н. Степанов. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей. — ИОРЯС, т. 17, кн. 3. СПб., 1912, стр. 293—316 (далее — Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 3).

⁷ De Boor, p. 101—102, примечания.

⁸ Н. Степанов. Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей. — ИОРЯС, т. 17, кн. 2. СПб., 1912, стр. 216 (далее — Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 2).

⁹ V. Benešević. Zur slavischen Scholie angeblich aus der Zeit der Slavenapostel. — «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 36, 1936, S. 102; J. Vašica. Op. cit., p. 5—6.

текст в старшем его списке XIII в. Степанову были известны все основные группы текста перевода — в Новгородской Синодальной кормчей 1280-х годов, в кормчей Публичной библиотеки F.II.250, в Никоновской летописи, в сборнике Никифорова. Объектом исследования он выбрал текст в Синодальной кормчей, несомненно, основываясь на том, что этот список старший. Так же оценил он и текст Летописца в этой кормчей: «Извод НК (т. е. в кормчей. — Я. Щ.) признаю древнейшим из известных»¹⁰. Что касается взаимоотношения с изводом НК других славянских текстов, то он определил, что у изводов НК и Никоновского общий источник (КК), который переработал древний славянский перевод (этот первоначальный перевод обозначен сиглой К). Основываясь на издании греческого текста Летописца, Степанов выяснил также, что из этого текста К было опущено при создании текста КК, что добавлено или изменено.

Относительно текста в кормчей F.II.250 (он обозначен сиглой F) Степанов установил, что это Летописец, наиболее близкий к греческому подлиннику, и отметил, что подобный список является копией «с более древнего перевода, ныне или утраченного, или еще не найденного»¹¹. Однако он не считал, что тексты в кормчей Публичной библиотеки и в Синодальной кормчей связаны между собой: «НК и F настолько отличаются, что говорить хотя бы о косвенном влиянии НК и F совершенно невозможно»¹².

Степанов не занимался изучением русских дополнений, отличающих текст НК от греческого текста, изданного де Боором, но высказал свое мнение об источнике добавочных сведений по византийской истории, находящихся в НК и совпадающих со сведениями Георгия Амартола. В отличие от одного из первых исследователей этого сюжета, О. М. Бодянского, который не знал греческих текстов и считал, что вся византийская часть ЛВ в Синодальной кормчей воспроизводит греческий текст, а Амартол заимствовал эти сведения у Никифора¹³, Степанов предложил другое решение вопроса о взаимоотношении НК и Амартола. Определив, что указанных сведений нет в греческом тексте Никифора, он видит в них вставку переводчика, заимствованную из хроники Амартола. Однако сравнение текста НК с текстом Ефремовской редакции, очень близким к греческому оригиналу, показывает, что эти вставки сделаны значительно позднее и из другого источника.

«Летописец вскоре», как источник сведений о византийских событиях, использованный в Повести временных лет, изучал А. А. Шахматов. Вслед за де Боором он выделил две редакции

¹⁰ Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 2, стр. 251.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 269—271.

¹³ О. Бодянский. Подробный обзор Истории руссов. — «Чтения ОИДР», 1846, кн. 3, отд. II, стр. 1—45.

греческих списков: первую (у де Боора N), восходящую к труду самого Никифора, с добавлениями о царствовании Михаила II, сделанными его продолжателями, перевод которой дает кормчая Публичной библиотеки (т. е. список Ефремовской редакции), и вторую (у де Боора N¹), более позднюю, доведенную до смерти Михаила III (867 г.) и составленную до 870 г., не сохранившуюся в славянском переводе.

Среди русских списков он выделяет две другие группы: 1) первоначальной, нераспространенной редакции, в кормчей Публичной библиотеки (Ефремовской редакции) и 2) распространенной редакции, древнейший список которой — в Новгородской Синодальной кормчей XIII в., но более ранний ее извод сохранился в Никоновской летописи и сборниках¹⁴. Вторая группа отличается вставками и сокращениями, отсутствующими в первой. Касаясь источников этих вставок, Шахматов писал, что вставки сведений о соборах заимствованы из кормчей типа Румянцевской (т. е. ГБЛ, Рум. 230), имеющей статью о соборах с перечнем шести соборов, указанием числа присутствовавших и сведениями о содержании работы соборов. Основываясь на этих связях дополнений к Летописцу с кормчей, Шахматов верно определил, что сведения о соборах из самостоятельных статей кормчих были включены во вторую группу текстов Летописца и что эта «распространенная редакция составлялась именно в кормчей»¹⁵.

Определяя источники статьи 6360 (852) г. ПВЛ с ее «Хронологической выкладкой» числа лет от Адама до отдельных событий, вплоть до императора Михаила III (842—867), Шахматов пришел к выводу, «что Повесть временных лет не имела в своем распоряжении славянского перевода первой (греческой) редакции Никифорова летописца», а составитель Повести использовал вторую греческую редакцию, которая была также известна в славянском переводе¹⁶.

Публикуемый текст «Летописца вскоре» из кормчей Ефремовской редакции очень важен для исследования древнерусской летописной хронологии, поскольку он позволяет определить источники и Летописца в Синодальной кормчей, и Повести временных лет иначе, чем это делали Степанов и Шахматов. Существование этого текста значительно упрощает схему взаимоотношений местных древнерусских летописных памятников и компиляций с первоначальным текстом Летописца Никифора и между собой.

Текст Ефремовской редакции совпадает с гипотетическим текстом K, о котором писал Степанов и который был основным источником Летописца в Новгородской Синодальной кормчей.

Славянский переводчик пользовался греческим текстом, который принадлежал первой, старшей редакции (N по де Боору) и

¹⁴ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 62—63.

¹⁵ Там же, стр. 62.

¹⁶ Там же, стр. 64.

восходил к архетипу списков Laud. 39 (*L*) и Synod. gr. 467 (*Y*), но не имел пропуска в начале, который отличает список *L*. С этими двумя списками славянский перевод сближают следующие чтения: доб. «Прѣстааго оца нашего» в заглавии (и в *Y*); число лет, прожитых Ноем после потопа .т.н. (91⁷, так и в *L* и *Y*), пропуск статьи ἀλλόφυλοι ἔτη η' (между 28 и 29; Б, 86⁶; *Y*, л. 1 об.) добавление позиции «Ахавъ лѣтъ 31» (58; Б, 87¹¹; *Y*, л. 1 об.). Только в Ефр., в *L* (судя по Б, 94⁹) и в *Y* (л. 3) есть выделенный эпитет «Леонид отец Оригена *Зломысльнаго*» (112; τοῦ κακοφρόνου). Этот эпитет есть также и во второй редакции (*N*¹) «Хронографика», но присутствие его только в двух известных списках первой редакции очень показательно для характеристики группы, объединяющей эти списки и источник славянского перевода.

Вместе с тем каждый из списков этой группы имеет особые чтения, что свидетельствует об отсутствии непосредственных связей с ними текста Ефр. Так, в *Y* опущена позиция 100 (Ὁθων ἐβασίλευσεν μῆνας γ' καὶ ἑαυτὸν ἀνεῖλε; Б, 93¹; *Y*, л. 3), которая есть и в *L* и в Ефр.; в *L* имя св. Дорофея изменено на св. Феодора (Б, 97⁶), а в Ефр. дается верно (133, «стыи Дорофии»).

В славянском переводе оказались пропуски и изменения, которых нет во всех известных греческих списках, в том числе в *L* и *Y*. Таковы ошибочная повторная вставка на месте союза «и» выделенных ниже слов в позиции 3: «(Енох) роди Каинана *Ψ* и *б*и до *ф* и *г* лѣтъ Мафусаль вкупъ живе лѣтъ *Ψб*и до пятидесят и *г* лѣтъ Мафусалы вкупъ живе лѣтъ *а* и *б*», отсутствующая во всех греческих списках (Б, 81¹⁷). Таковы пропуск двух следующих друг за другом позиций (между 69 и 70): Ἐλιακῆμ ἔτη ββ'. Ἰσχυρίας μῆνας γ', имеющихся и в *L* (Б, 88⁷⁻⁸) и в *Y*, пропуск слов Πτολεμαῖος ὁ Δάγου ἔτη μ'. Δεύτερος [πτολεμαῖος] (в позиции 85; Б, 90¹²), пропуск между 86 и 87 группы из четырех позиций: Πτολεμαῖος ὁ Φυλοπάτωρ ἔτη ιζ'! Πτολεμαῖος ὁ Επιφανῆς ἔτη κδ'. Τὰ κατὰ τῶν Μακκαβαίων ἐπ'. τοῦτου γεγέννηται. Πτολεμαῖος ὁ φιλομητὴρ ἔτη λς' (Б, 90¹⁶⁻¹⁹), перевод прозвища Φούσκων (или Φόσκων) через Явленный (т. е. Ἐπιφανῆς 88; Б, 90²¹). Пропущено прозвище императора Александра «ὁ Μαμαίας» (116; Б, 94¹⁷). Есть пропуски отдельных слов (ἐβασίλευσεν, — εν 100, 146; οὗτος αὐτοῦ 151; πάλιν 163), чисел лет (ἔτη ι' 161; ἔτει 129) и дней (158). Число покоренных Александром Великим греческих племен 13 (ιγ' Б, 90⁹) изменено на 23 (κγ', позиция 84).

Все или почти все эти изменения, главным образом пропуски, можно считать результатом ошибок, невнимательности писцов греческого или славянского списков, к которым восходит текст Ефр.

¹⁷ Здесь и ниже даю ссылку на номер позиции в публикуемом тексте.

В одном случае из трех оказалась опущенной при переводе ссылка на 70 толковников (*κατὰ τοὺς 70*) — переводчиков библейского текста. Этому сокращению подверглась фраза с расчетом лет от Адама до потопа (позиция 9; Б, 83¹³⁻¹⁴). В то же время два других их упоминания: при указании на возраст Арфаксада при рождении Кайнана («от семидесятных же не является»; позиция 11, Б, 83²⁷⁻²⁸) и при исчислении лет от потопа до исхода из Египта («по семьдесятнымъ» 26; Б, 85²²), — сохранены.

Вряд ли этот пропуск одного упоминания 70 толковников можно считать намеренным, в связи, например, с тем, что работа 70 толковников не была известна славянскому переводчику. Хотя переводчик, возможно, и не понимал значения слов *κατὰ τοὺς 70*¹⁸, он старался буквально следовать оригиналу. Этот пропуск также можно считать случайным.

Представляют особый интерес добавления, внесенные переводчиком или ранними писцами сознательно. Таковы добавления заголовка «Царство христьяньско» перед позицией 129, о царствовании Константина Великого, и вставка в той же позиции после упоминания первого Никейского собора слов «На Ария злочестивааго, «сздание и тварь сына божія» глаголюща, «и менша отца, и яко бѣ нѣкогда егда не бѣ сынъ», блядушу» (Б, 96³).

Нет оснований считать, что эти вставки могли быть сделаны исключительно славянским переводчиком; не менее, а более вероятно их присутствие в том греческом списке, который был источником перевода.

Степанов обратил внимание на странное усечение слова в славянской фразе (позиция 136) «в Ефесѣ гъ съборъ бысть святыхъ сѣ отецъ и вторый ра[збойнический]» (собор), соответствующей греческой «... καὶ ἡ δευτέρα ἡ ληστρικὴ (σύνδος)». Эфесский собор 449 г. привел к временной победе монофизитства, проповедовавшегося Евтихием, и александрийской (египетской) церкви над константинопольской; своей победы на соборе сторонники Евтихия и александрийского епископа Диоскора достигли такими способами, что их противники называли собор «разбойничьим», а на четвертом вселенском соборе в Халкидоне в 451 г. его постановления были осуждены¹⁹. В древнеславянской письменности история поместных соборов, не вошедших в число признанных и почитаемых константинопольской церковью, вряд ли была известна, хотя основные перипетии борьбы между различными течениями были изложены уже в древнейших переводах Изборника Симеона-Святослава и Ефремовской кормчей.

¹⁸ Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 2, стр. 288.

¹⁹ Р. Martin. Le pseudo-synode connu dans l'histoire sous le nom de Brigandage d'Ephèse. Paris, 1875; S. G. Perry. The second synod of Ephesus. Dartford, 1875; A. Largent. Le brigandage d'Ephèse et le concile de Chalcédoine. — «Revue des questions historiques», 27, 1880, p. 83—150; «История Византии», т. I. М., 1967, стр. 195—196.

Степанов предполагал, что усечение слова «разбойнический» объясняется тем, что писец испугался такого отзыва о соборе и стер часть слова²⁰. Однако такая сознательная акция писца, если бы она имела место, требовала уничтожения всего компрометирующего слова, а не только его части. Скорее всего, здесь также случайная утрата, связанная, может быть, с правкой этого слова.

«Летописец вскоре» в кормчей Ефремовской редакции был основным источником других текстов Летописца, известных в древнерусской письменности, таких, как опубликованный С. А. Белокуровым²¹, находящийся в Новгородской Синодальной кормчей 1280-х и других кормчих, восходящий к обработке 1280 г., и в Никоновской летописи.

Так, Летописец в сборнике, опубликованном Белокуровым, представляет собой текст Ефремовской редакции, незначительно измененный и компилированный со сведениями, заимствованными из хроники Георгия Амартола. В списке и публикации представлена только начальная библейская история, до праотца Авраама. Соответственно этому текст Никифора включен только до рождения Авраама.

В части текста, заимствованной из Летописца Никифора, изменений немного. Это только сокращения, частью для упрощения, как, например, указано в одном месте одинаковое число лет жизни Салы («Салусалы»), Евера и Фалека, большей же частью — вследствие непонимания или невнимательности автора этой обработки. Пропущено слово «Ное», очевидно, понятое как часть слова «Шестисотное» во фразе «в лѣто $\bar{\chi}$ ное потоп бысть»; так возникло указание на рождение Рагава Евером, изменение фразы Ефр. (соответствующей греческому оригиналу) «По потопе же $\bar{\epsilon}$ Сима Ноева сына роди Арфаксада и живе лет $\bar{\phi}$...» в «По потопе $\bar{\gamma}$ сынове Ноеви разделиша землю. Роди же Сим Арфаксада и жив лѣт $\bar{\phi}$...». Последнее изменение было вызвано, очевидно, тем, что его автор принял цифру $\bar{\epsilon}$ не за год после потопа, а за ошибочное обозначение числа сыновей Ноя.

Летописец в кормчих русских редакций (в Новгородской Синодальной, Варсонофьевской, Софийской и других) представляет собой другую обработку текста Ефремовской редакции. Эта же обработка находится в Никоновской летописи.

Зная Летописец в составе древнеславянской кормчей, можно реконструировать работу редакторов и переписчиков славянского перевода иначе, чем это делал Степанов. Так, значительные пропуски справок Никифора о библейских событиях были сделаны не славянским переводчиком, как думал Степанов, а лишь позд-

²⁰ Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 3, стр. 268—269.

²¹ «Русские летописи», I—III. Летописец патриарха Никифора. С предисловием С. Белокурова. — «Чтения ОИДР», 1898, кн. 4, стр. III—V, 1—6.

нейшим редактором — этих пропусков еще нет в Ефр. Таков, например, рассказ о времени Фалека. Отпадает, следовательно, и предложенное им объяснение причины этих пропусков — плохое знание переводчиком греческого языка и непонимание им содержания этих справок. То же с изменениями текста в славянском переводе. Эти изменения также характерны только для НК и Никоновской летописи. Так, в Ефр., как и в греческом тексте, говорится о «разделении земли», а не о «разделении язык», как в НК; в Ефр. (как и в греческом тексте) дата первого Никейского собора указана «от възчлчєніа» (ἀπὸ τῆς ἐνανθροπήσεως) Христа, и только в НК эта формула изменена «от възнесения Христова». Также лишь для НК характерно число лет до пленения Иерусалима 648, в то время как в греческом тексте и в Ефр. указано 448.

Зависимостью НК от Ефр. вызвано большинство общих их чтений, совпадение которых Степанов стремился объяснить входящими обстоятельствами²². Таково, например, прозвище Юстина I Волосатый (Θρίξ) в Ефр. и НК, в то время как в греческом стоит Фракиец (Θράξ). Возможно, что источником ошибочного перевода была описка в греческом списке, бывшем в руках переводчика. С зависимостью НК от Ефр. связано отсутствие в обоих текстах позиции Πτολεμαῖος ὁ Δάγρου ἑτη μ'. Δεύτερος («Птоломей Лаг лет 40, Второй» в позиции 85). Этот случайный пропуск возник уже при переводе, если его не было в использованном греческом списке.

Однако, хотя зависимость НК от перевода Ефр. несомненна, нет оснований утверждать, что источником НК был тот извод славянского перевода, который дошел до нас в списках *Π* и *Τ*. В обоих этих списках есть случайный пропуск двух позиций: Ἐλκισίμ ἑτη ιβ'. Ιεχονίας μῆνας γ' (между позициями 69 и 70). Эта позиция входит во все греческие списки, использованные де Боором, есть они и в списке Y. Вместе с тем эти позиции есть и в древнерусской обработке «Летописца вскоре» в НК — в списках кормчей, восходящих к ее обработке 1280 г. (Иѡкимъ лѣт а; Сѡхоніа г лѣта)²³, хотя и в извращенном виде. Нет оснований видеть в этом соответствии НК греческому тексту мимо текста Ефр. свидетельство об использовании при создании НК другого источника, кроме Ефр. Известно, что в другом изводе Ефр., к которому принадлежат списки Рог., Сол., «Летописец вскоре» вместе с несколькими другими статьями отсутствует в результате

²² Степанов предполагал, что оба независимых друг от друга переводчика перевели это слово неверно, руководствуясь одним гипотетическим греческо-славянским словарем, в котором содержалась ошибка (*Н. Степанов. Летописец вскоре*, кн. 3, стр. 269—271).

²³ *Н. Степанов. Летописец вскоре*, кн. 3, стр. 299; *М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. I. Древнейший датированный список русской летописи*. — АЕ за 1960 г. М., 1962, стр. 236.

утраты листов в архетипе этих списков. Особенности текста этого архетипа (до утраты листов) мы не знаем, но там могло не быть пропуска указанных двух позиций, и именно такой текст (а не *Π*, *Τ*) мог быть источником обработки НК.

Центральная часть проблемы возникновения текста НК должна быть, таким образом, перенесена в другую плоскость, чем это представлял себе Степанов. Основные особенности НК возникли не в древнеславянском переводе в результате плохого знания переводчиком греческого текста и неумения передать сложное (?) содержание оригинала, а на Руси, при переработке полного перевода греческого текста, содержащегося в Ефр., и по совсем другим причинам.

Очевидно, прав Шахматов, считавший, что «распространенная редакция» Летописца (НК) составлялась в кормчей книге. Эта редакция появилась в составе кормчей после 1274 г., года утверждения Русской редакции кормчей в раннем ее составе. В этой кормчей «Летописца вскоре» еще не было, как нет его в Волынской кормчей 1284 г. (сохранившейся в списках XVI—XVII вв.), принадлежащей той же редакции. Лишь при следующей обработке этой редакции, которую я связываю с Переславльской землей, «Летописец вскоре» был включен вместе с большим числом давно известных на Руси, в том числе и по Ефремовской кормчей, переводных, а также местных церковно-правовых и церковно-исторических сочинений²⁴. Однако этот Летописец был включен в новую кормчую не в старом виде, а в значительной переработке. Характер этой переделки и время, когда она производилась, может быть предметом особого исследования. Но самые последние позиции этой «распространенной редакции» относятся к 1270-м годам и датируются 1277 г. (смерть кн. Бориса Ростовского) и декабрем 1278 г. (смерть кн. Глеба Ростовского). Автор этой редакции с особым вниманием фиксировал даты, связанные с правлением великих князей владимирских, а также ярославских и ростовских князей, что позволяет считать, что она была произведена при дворе владимирского великого князя или в Ростове²⁵. Эта же редакция была использована в приложениях к Никоновской летописи.

Вернемся к изложенным выше кратко наблюдениям Шахматова о связи оригинальных русских летописных памятников с «Летописцем вскоре». Ряд цифр и позиций ПВЛ действительно совпадает с греческой редакцией N¹, а не с N. Так, число лет от потопа до Авраама в ПВЛ (1082) соответствует числу в N¹ (απβ'), в то время как в N и в Ефр. указано число 1072 (αοβ'); в N и Ефр. нет сумм числа лет, прошедших от пленения Иерусалима до

²⁴ Я. Н. Шапов. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей. — «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 299; *он же*. Варсонофьевская кормчая. — АЕ за 1971 г. М., 1972, стр. 94—95.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 235.

Александра Великого (в ПВЛ 318 лет), от Александра до Рождества (в списках А и П Повести временных лет — 333 г., в списке Л 313 лет), и от Константина до Михаила (в ПВЛ 542 г.), в то время как в особой краткой хронологической сводке Συναγοναι δε ἐπὶ ὅλης, ὡς ὑποτάχται, приложенной в конце текста редакции N¹, они есть (соответственно 318, 303 и 530 лет), хотя не все эти числа совпадают в обоих памятниках. В N и Ефр. указанные события датированы годами от Адама (соответственно 5167, 5500 и 6338 г.). Однако нет оснований отвергать знакомство составителя ПВЛ с переводом редакции N в том виде, какой дает Ефр.

Нельзя согласиться с утверждением, что в редакции N совсем нет итоговых данных, и использовавший эту редакцию должен был бы постоянно делать кропотливую выборку цифр из текста. На деле в N (и Ефр.) есть суммы лет от Адама до потопа (позиция 9 «Въкоупь всех от Адама до потопа 2242 лета»), от потопа до Авраама (19: «от потопа же леть 1072»); от Авраама до исхода из Египта (два разных подсчета: 19. «Аврааму бо сущу лет 75 божественнаго видѣния сподобися. Отнюду же на Егупетъ Моисѣемъ шествие сътвори бывает убо лѣт 430...» и 26: «Бываетъ же вкупъ лѣт от прѣвааго лѣта Авраама до исхода из Егупта шествиа лѣт 505»); от исхода до Давида (50: «Вкупъ всех лѣт от исхода сыновъ Израилевъ до Давыда лет 630»), от Давыда и Соломона до пленения Иерусалима (70: «Вкупъ всех от начатъка царства Соломона до пленения Ерусалимова лет 448»). Эта система подсчета числа лет между важнейшими событиями в редакции N далее нарушается и подсчет ограничивается только указанием лет от Адама (до смерти Александра, воплощения Христа, смерти Михаила). Таким образом только эти последние события не имеют указаний на хронологическую дистанцию от предшествующего события. Вместе с тем и составитель хронологической таблицы в ПВЛ, использовавший данные редакции N¹, должен был сам делать выборку и сложение чисел: число лет от Константина до Михаила (542 г.) составлено, как считает Шахматов, в результате сложения числа лет от Константина до смерти Феофила (580 лет) и числа лет правления Феофила (12 лет с лишним)²⁶. Шахматов ознакомился со славянским переводом сочинения Никифора по изданной Степановым его переработке в Новгородской Синодальной кормчей и сделал поэтому неверные выводы о пропуске в переводе редакции N цифр, имеющих соответствие в ПВЛ, например, числа лет от потопа до Авраама или и от Авраама до исхода из Египта. На самом деле, как указано, это пропуски не переводчика, а редактора текста, вошедшего в кормчую XIII в. Указание Шахматова на различие числа лет от Авраама до исхода в ПВЛ (430 лет) и в Летописце Никифора (Шахматов дает 505 лет) учитывает только одно число из двух, приводимых в этом летописце. А между тем там находится и другое число — 430, соответствующее

²⁶ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» ..., стр. 65—66.

щее числу лет, проведенных сынами израильскими в Египте, по указанию Моисеевой книги Исход (XII, 40). В обработке Летописца в Синодальной кормчей это число, так же как и цитата из книги Исход, опущены.

318 лет от Христа до Константина в ПВЛ находит соответствие в дополнительной сводке, приложенной к редакции N¹. Но и в основном тексте обеих редакций эта дата также есть, хотя она совмещена там с датой созыва Никейского собора (в Ефр. «в лето же 300 и 18 от вочеловечения господя нашего Исуса Христа», позиция 129), так что нельзя исключить возможность знакомства и с этим текстом летописца.

Нужно обратить внимание и на несоответствие дат ПВЛ и основной части текста редакций N и N¹, с одной стороны, и дат дополнительной сводки в редакции N¹, с другой, которые не отметил Шахматов. Так, в этой сводке нет двух позиций: числа лет от исхода до Давида и числа лет от Давида (и Соломона) до пленения Иерусалима. Вместо этого там приведены раскладки лет от исхода до возведения храма господня (757 лет) и от этого возведения до пленения (525 лет), которые не использованы в ПВЛ. Поэтому трудно согласиться с мнением, что дополнительная сводка в N¹ находит «полное соответствие данным хронологической выкладки ПВЛ». Скорее нужно признать, что сводка в статье 852 г. ПВЛ могла быть составлена по нескольким источникам, среди которых текст, близкий к редакциям N и N¹ «Летописца вскоре», в том числе и славянский перевод текста редакции N (т. е. Ефр.), текст редакции N¹ (дата от потопа до Авраама) и текст, частично совпадающий с заключительной частью (даты от пленения до Константина и, условно, от Александра до Христа) дополнительной сводки в редакции N¹. При этом основное заключение Шахматова об использовании на Руси редакции N¹, неизвестной в славянском переводе, будет оставаться в силе до тех пор, пока не будут выявлены другие возможные источники дат: 1082 лет от потопа до Авраама, 318 лет от пленения Иерусалима до Александра, 333 лет от Александра до Христа и даты 6360 лет от Адама до Михаила III.

2. ПЕРЕЧНИ ЕПИСКОПОВ И ПАТРИАРХОВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Перечни епископов восточных церквей, как принято считать, также принадлежат перу патриарха Никифора и его продолжателей. Уже старшие, наиболее краткие перечни патриархов кончаются именем Игнатия (847—858), т. е. завершены через 50 лет после смерти Никифора, а списки перечней, которые кончались бы при его жизни, судя по материалам, собранным де Боором, неизвестны. Наряду с епископами Константинополя, греческие списки содержат перечни епископов Рима (до Бонифация IV,

608—615 гг.), Иерусалима (до Софрония, 634—638 гг., после которого в течение более 50 лет кафедра пустовала), Александрии (до Петра III, 634/44—645 гг.) и Антиохии (до Анастасия II, 598—609 гг.)²⁷.

Эти перечни находятся почти во всех тех же списках, что и «Хронографикон» Никифора. Так, из списков редакции N де Боором привлечены тексты перечней по спискам M, B, P (списки L, E и S в вариантах не упоминаются), из списков редакции N¹ использованы списки O, R, C, J, т. е. те же, что и для первого сочинения.

В составе древнеславянской кормчей находятся перечни епископов только одной, Константинопольской церкви. Перечни римских пап, епископов и патриархов Иерусалима, Александрии и Антиохии в ее состав включены не были.

Что касается источника славянского перевода, то список перечней в его основной, главной части, несомненно, принадлежал редакции N.

Характерными для этой редакции являются заглавия в перечне:

Ефр.	Ред. N	Ред. N ¹
Еще епискупия Костянтина града рекше разума учивших в немъ Еще патриархъ Константинограда	"Εστὶ τῆς ἐπισκοπῆς Κωνσταντινουπόλεως ἦτοι γνῶσις τῶν ἐν αὐτῇ διδασκάντων "Εστὶ πατριάρχων Κωνσταντινουπόλεως	Καὶ ὅσοι ἐπίσκοποι ἐν Βυζαντίῳ ἀπὸ Χριστοῦ καὶ τῶν ἀποστόλων Οὗτοι πάντες ἐπίσκοποι πρὸ τῆς τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου ἀναδείξεως ἐν τῷ Βυζαντίῳ ²⁸

Принадлежность Ефр. к редакции N подтверждается и чтениями в тех позициях (1, 2, 11, 15, 19, 22 и др.), которые значительно различаются в двух редакциях. Сходство Ефр. с N обнаруживается не только там, где N¹ полнее и различие между Ефр. и N¹ может быть объяснено сокращением текста в Ефр. или его источнике, но и там, где полнее текст N. Так, указание в позиции 2 ἐν Ἀργυροπόλει есть только в N и Ефр. («в Арьгоулополи»), а в N¹ его нет. Та же близость обнаруживается в позиции 23 («Митрофанъ брат Прова») и др.

Конец перечня в списках различен. Большая часть использованных де Боором списков оканчивается именем Игнатия (847—858), Оксфордский список (O) продолжается до Стефана I (886—893),

²⁷ V. Grumel. La Chronologie. Paris, 1958, p. 431, 444, 447, 451.

²⁸ De Boor, p. 112, 114.

а Ефр. продолжается далее и оканчивается именем Евфимия (907—912).

Однако Ефр. представляет сравнительно со списками N более краткий текст; начиная с Иоанна Златоустого некоторые подробности о патриархах, главным образом сведения об их прошлой деятельности, отсутствуют. Так, в позиции 34 в Ефр. нет указания, что Иоанн Златоустый был прежде *πρεσβύτερος Αντιοχείας*, о Нестории (38) не указаны его прозвище, его связь с Антиохией, место его ссылки ἐν 'Οάσει и т. д. Кроме того, Ефр. отличается от использованных де Боором списков редакции N тем, что в славянском тексте есть указания на то, при каких патриархах были семь вселенских соборов («сѣборъ пьрвыи. Митрофанъ брат Прова. . .»; «сѣборъ в. Григории Богословець. . .», «сѣборъ г. Прокль лѣт[o] а. . .» и т. д., «Сѣбор ѿ. Тараси лѣт[o] ка. . .»), причем упоминания соборов не всегда стоят рядом с именами тех патриархов, при которых эти соборы были.

Все указанные особенности Ефр., т. е. славянских списков T и II, не являются, однако, характерными только для славянского текста перечня. Один из греческих списков, несомненно также принадлежащий редакции N, неизвестный де Боору, представляет греческий текст того же извода, что и списки Ефр. Это список ГИМ Mosqu. Synod. 467 XI в. в приложении (вернее, среди вводных статей) к Номоканону 14 титулов, названный Владимиром в его описании этой рукописи²⁹. «Хронографикон» Никифора из этой рукописи использовал в своем издании славянского и греческого текста «Летописца вскоре» Степанов как список Y.

Перечень епископов и патриархов Константинополя в Syn. 467 следует сразу после «Хронографикона» и, так же как в Ефр., не имеет продолжения перечней епископов других трех кафедр. Как было сказано, этот текст вместе с текстом двух славянских списков T и II можно объединить в один извод: для всех этих списков характерны вставки с упоминанием семи вселенских соборов; во всех них подробности о прежней службе церковных деятелей отсутствуют. В списке Syn. 467 находят соответствие и некоторые числа Ефр., отличающиеся от других списков N.

Соотношение этих текстов показывают чтения, приведенные на стр. 244.

Хотя текст Syn. 467 и Ефр. в большей части (в основном начиная с Иоанна Златоуста) короче, чем в других списках N, упоминание в изводе Syn. 467 и Ефр. семи соборов говорит о том, что этот текст был подвергнут некоторым дополнениям позже, чем возник основной текст N.

Что касается подробностей соотношения архетипа Ефр. с текстом извода Syn. 467, которые могли бы бросить свет на непосред-

²⁹ Владимир, архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М. 1894, стр. 449.

T	Syn. 467	N
Ар'сакы брат Некта- риевъ лѣт I.	'Αρσάκιος ἀδελφὸς Νεκτα- ρίου ἔτη ι'	λδ'. 'Αρσάκιος πρεσβύτερος ἀδελφὸς Νεκταρίου ἔτη β'
Атикъ лѣт к мець г.	'Αττικὸς ἔτη κ' μῆνας ε'	λε'. 'Αττικὸς πρεσβύτερος Κωνσταντινουπόλεως ἔτη κ'.
...
Несториѣ лѣт[a] г меца к изгнанъ быс(тъ).	Νεστόριος ἔτη γ' μῆνας β'. Τούτου ἐξορισθέντος.	λζ'. Νεστόριος ἀνθρωπολά- τρης τῆς 'Αντιοχείων πρεσ- βύτερος ἔτη γ' μῆνας β'. Τούτον ἐξορισθέντος ἐν 'Οάσει.
Максимѣанъ лѣт[o] а и мець е	Σύνδοδος γ'. Μαξιμιάνος ἔτη α' μῆνας ε' ³¹	λη'. Μαξιμιανὸς πρεσβύ- τερος Κωνσταντινουπόλεως ἔτη β' μῆνας ε' ³²
Съборъ г ³⁰		

ственный греческий источник Ефр. и характер работы переводчика, то они показывают следующее.

Список Syn. 467 был подвергнут последней обработке вскоре после первого поставления на кафедру патриарха Николая I Мистика, т. е. после 1 марта 901 г. и до февраля 907 г., когда он был смещен: последние позиции в этом списке Στέφανος καὶ Ἀντώνιος ἔτη ιε'. Νικολάος ἔτη, без указания на число лет. Можно думать, что и вставки упоминаний соборов могли быть сделаны при этой обработке.

Греческий текст, бывший непосредственным источником славянского перевода, принадлежал несколько более позднему времени: в нем упоминается об изгнании Николая I (это было в феврале 907 г.) и патриаршестве и изгнании Евфимия (февраль 907 г.—15 мая 912 г.) ³³. Таким образом, этот источник имел последние добавления в 912 г.: об изгнании Евфимия он был информирован, а о возвращении на кафедру Николая Мистика в том же 912 г. ничего не сообщал.

Список Syn. 467 не отличается от других греческих шести списков (как и от славянских) своей исправностью. В нем есть и значительные пропуски, и описки. Так, в нем целиком пропущены семь позиций, которые есть и в других греческих списках редакции N, и в Ефр. (позиции 14, 15, 58—62) ³⁴. Есть в Syn. 467

³⁰ ГБЛ, Троицк. 230, л. 290 об.

³¹ ГИМ, Спн. гр. 467, л. 5—5 об.

³² De Boor, p. 116.

³³ V. Grumel. Op. cit., p. 436.

³⁴ De Boor, p. 113¹⁰⁻¹¹, 118¹¹⁻²⁰.

и мелкие пропуски и искажения (среди последних Πόρος вместо Κόρος³⁵ (Ефр., позиция 69).

Архетип Ефр. также имеет сравнительно с Syn. 467 и другими списками N несколько пропусков и искажений. Так, опущены три позиции во второй половине перечня: Евтихий (второе патриаршество) и Иоанн IV Постник (между позициями 54 и 55) и затем Георгий I (между позициями 65 и 66). Оба пропуска объясняются, несомненно, ошибкой прочтения из-за гаплографии³⁶. В Ефр. при упоминании Мефодия I (позиция 81) нет слова «православный», характеризующего отношение к нему официальной церковной традиции. А в греческих списках редакции N и части списков редакции N¹ оно есть (ὁρθόδοξος)³⁷. В Syn. 467 эта характеристика в форме ἡ ορθοδοξία приписана киноварью на чистой части строки, так же, как вписаны ранее упоминания соборов. Поскольку и по изданию де Боора видно, что это слово является добавлением к позиции (оно стоит после указания на число лет и месяцев), можно думать, что оно не было опущено специально, а или отсутствовало в источнике Ефр., или находилось на поле списка и не было замечено писцом или переводчиком. Ошибочны в Ефр. и не имеют аналогии в греческих списках имена Филипп (вместо Φίλιξ в N³⁸ и Syn. 467) и Антоний (вместо Ἀνατόλιος в N³⁹ и Syn. 467).

Числа лет, месяцев и дней в греческих списках разнятся нередко. Славянские списки и текст Ефр. также не представляют здесь исключения. В некоторых случаях можно заметить близость чтений Ефр. к Syn. 467, а не к другим спискам N. Так, патриаршество Прокла (434—446) по N продолжалось 12 лет 3 месяца⁴⁰; а по Ефр. (40) «лѣт[о] а мѣсѣ г». Чтение Syn. 467 ἐτη κα' μῆνας γ' позволяет объяснить ошибку Ефр. пропуском иоты. В одном случае можно объяснить ошибку в числах употреблением в греческом списке в значении двойки цифры υ', которая сходна в написании с цифрой τ', восьмеркой. Так, патриаршество Тарасия (784—806) исчислено: в Ефр. (76): «лѣт ка мѣса (без числа) днѣи»; в Syn. 467: ἐτη κα' μῆνας υ'; в N: ἐτη κα' ἡμέρας β'⁴¹.

³⁵ Ibid., p. 119⁹.

³⁶ Важно отметить, что в перечнях в составе кормчих русских редакций (Новгородской Синодальной и других) пропуска Георгия I нет. Это указывает на то, что списки T и II и список, бывший источником при формировании текста русской редакции, восходили к разным протографам, причем второй был в этом случае более исправен.

³⁷ De Boor, p. 120⁸.

³⁸ Ibid., p. 113¹.

³⁹ Ibid., p. 116²⁰.

⁴⁰ Ibid., p. 116¹⁸.

⁴¹ Де Боор дает в издании для двойки только знак β', не указывая, какой знак был в рукописи: β' или υ'.

3. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА
О СЕМИ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРАХ («РАЗОУМЪ 7 СЪБОРЪ»)
С ЗАПИСЬЮ О ДАТЕ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА VI

Последним хронографическим сочинением, включенным в древнеславянскую кормчую, является краткая справка под названием «Разоумъ 7 съборъ, колико лѣтъ от кождо съкончяся»⁴². Слово «разоумъ» в древнеславянском переводе этой кормчей соответствовало греческому слову γνῶσις, т. е. «знание». Таким образом, это заглавие может быть переводом греческого Γνῶσις τῶν ἁγίων ὁἰκομενικῶν συνόδων πόσα ἔτη ἀπὸ ἐκείτης αὐτῶν ἐγένοντο⁴³, т. е. «Сведения о семи соборах, сколько лет прошло между ними».

Системы датировки соборов в справке различны. Даты первого (он был в 325 г.) и последнего, седьмого (в 787 г.) вселенских соборов исчислены от внешних событий: первый собор от Вознесения (318 лет); седьмой собор — от сотворения мира (6296 г.) и от индикта (11 лет). Остальные пять соборов датированы только интервалом от предыдущего, т. е. здесь указано, сколько лет прошло от первого собора до второго (60⁴⁴), от второго до третьего (50 лет⁴⁵), от третьего до четвертого (10 лет⁴⁶), от четвертого до пятого (100 лет⁴⁷) и от пятого до шестого (130 лет⁴⁸). Таким же способом дается и еще одна (уже третья) дата и седьмого собора; от шестого до седьмого 122 года (на самом деле 107 лет). После даты седьмого собора и без всякой внешней связи с содержанием этой справки указывается дата смерти императора Константина VI по трем системам исчисления: 5 год индикта, 6305 год от сотворения мира и 805 год от Христа.

Такого рода хронологические справки о соборах были распространены в византийской письменности. Даты соборов и интервалы между ними, довольно широкие хронологические ориентиры, в этом отношении более удобные, чем даты правления императоров, указывались и в хронографических сочинениях. Таковы, например, вставки упоминаний соборов в обработках «Хронографика» Никифора, попавшие и в славянский его перевод.

В. Н. Бенешевич для подготавливавшегося продолжения издания древнеславянской кормчей собрал сведения о семи видах

⁴² В древнеславянской кормчей в составе «Исповедания веры» Михаила Синкелла находится еще одна, более подробная справка о соборах (Я. Н. Шапов. Новый список. . ., стр. 264—265). Однако она лишена хронологических указаний и не может рассматриваться в кругу хронографических статей.

⁴³ Так предлагает восстановить заглавие В. Н. Бенешевич (Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 192, оп. III, д. 55, стр. 79).

⁴⁴ На самом деле 54 года, ибо второй собор был в 381 г.

⁴⁵ Так и в действительности: дата третьего собора 431 г.

⁴⁶ На самом деле 20 лет, ибо четвертый собор был в 451 г.

⁴⁷ На самом деле 102 года, ибо пятый собор был в 553 г.

⁴⁸ На самом деле 127—128 лет, ибо шестой собор был в 680/681 г.

таких справок различного состава и с разными числами. Наиболее близким к славянскому тексту является список Vatic. 723, XIII в., р. 99^b — 100^b 49. В этом тексте нет только заглавия справки, а сама она входит в состав краткого рассказа о семи соборах с надписанием Αἱ ἄγιοι ἐκτὰ οἰκουμένης σύνοδοι. Текст же ее почти полностью соответствует славянскому переводу. Она имеет и справку о смерти императора Константина, так же буквально соответствующую славянскому переводу 50.

Интервалы между соборами в этом памятнике большей частью не совпадают ни с теми, которые, насколько выяснено, были в действительности, ни с интервалами, известными по другим памятникам 51. Так, в греческих списках хроники Амартола указываются интервалы: между первым и вторым соборами 52 года, вторым и третьим 41 год, третьим и четвертым 30 лет; четвертым и пятым 102 года, пятым и шестым 129 лет, шестым и седьмым 120 лет 52. В славянском переводе статьи «О святых и мирских шести съборах», в той редакции, которая находится в Изборнике Святослава 1073 г., указаны интервалы: между первым и вторым 56 лет, третьим и четвертым 30 лет, четвертым и пятым 102 года, пятым и шестым 129 лет 52а, частично отличающиеся от последних. Наконец, во вводных статьях к Летописи Авраамки XV в. также указаны интервалы между соборами, очень близкие к сведениям Амартола. Они отличаются только в одном случае: интервал между пятым и шестым соборами указан не 129, а 149 лет 53.

Интервалы «Разума» отличаются от интервалов всех указанных памятников не только абсолютным числом лет, но и тем, что большая их часть не имеет единиц, а только сотни и десятки.

49 Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 192, оп. III, д. 55, стр. 78—79.

50 'Από δὲ τῆς ἀναλήψεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἕως τῆς συνόδου τῆς α' ἐτὶ τη'.

'Από δὲ τῆς α' συνόδου ἕως τῆς β' ἐτὶ ζ'.

'Από δὲ τῆς β' συνόδου ἕως τῆς γ' ἐτὶ α'.

'Από δὲ τῆς γ' συνόδου ἕως τῆς δ' ἐτὶ δέκα.

'Από δὲ τῆς δ' συνόδου ἕως τῆς ε' ἐτὶ ρ'.

'Από δὲ τῆς ε' συνόδου ἕως τῆς σ' ἐτὶ ρλ'.

'Από δὲ τῆς σ' συνόδου ἕως τῆς ζ' ἐτὶ ρχβ'.

Δεῖ δὲ εἰδέναι ὅτι ἡ ζ' σύνοδος γέγονεν ἐν ἔτει, σαχζ' ἰνδίκτ. ια'.

Ἡ δὲ ἀπομάκρυνσις Κωνσταντινίου βασιλέως γέγονεν ἰνδίκτ. ε' ἐν ἔτει τετ'. 'Από δὲ τοῦ σωτήρος ἡμῶν θεοῦ ἔτους ωε'.

51 В списке Vatic. gr. 723 интервал между вторым и третьим соборами указан в 20 лет, что является опиской и не соответствует ни реальному числу (50 лет), ни указанию других памятников.

52 Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 3, стр. 280.

52а «Изборник вел. кн. Святослава Ярославича 1073 г.» Издание Общества Любителей Древней письменности, с предисловием Г. Ф. Карпова. СПб., 1880, лл. 23 об.—26 об.

53 ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стр. 28; Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 3, стр. 280.

Степанов, анализировавший соотношение этих интервалов, считает, что они округлены до десятков лет, и называет этот приблизительный хронологический ряд рядом «дилетантов, а не ученых»⁵⁴. Действительно, результатом такого округления можно считать числа 60 (вместо 56 у Михаила Синкелла), число 100 (вместо 102 во всех указанных текстах), 130 (вместо 129 во всех текстах, кроме Летописи Авраамки). Источник округления интервала 50 (между вторым и третьим соборами) не ясен: у Амартола и Авраамки 41 год, а у Михаила Синкелла число интервала опущено. Однако не является результатом округления число 10 (между третьим и четвертым соборами) при числе 30 во всех других названных текстах. Кроме того, интервал между шестым и седьмым соборами указан с единицами (122), и отличие его от числа 120 у Амартола и Авраамки (у Михаила Синкелла упоминания седьмого собора нет) не может быть объяснено округлением⁵⁵. Очевидно, причины отличий не только в том, что числа округлены, но и в соединении сведений из различных источников, которые не всегда могут быть выявлены.

Особенностью хронологии в этой справке является и указание в ней на дату первого собора — 318 лет от Вознесения, а не от Рождества («Вочеловечения»), как эта дата указывается в других памятниках. Такое же указание есть и в некоторых греческих хронологических справках о соборах, и его нельзя рассматривать поэтому как ошибочное, случайное изменение терминов при переводе или переписке.

Нужно, очевидно, согласиться со Степановым, что изменение отсчета от Рождества на отсчет от Вознесения в греческом тексте сделано под влиянием магии чисел: число отцов — участников собора и дата собора оказывались выраженными одним и тем же числом 318.

Степанов, занимавшийся выяснением того, как связаны интервалы 318 лет «от Воплощения» и «от Рождества» до первого собора с работой Никифора, считал, что «сам Никифор должен был быть не чуждым сомнений в правильности этого интервала»⁵⁶, и, анализируя интервалы в различных славянских текстах, он «косвенным путем» показал, что интервалы с округлением до десяти лет не могли принадлежать Никифору, а были вставлены славянским переводчиком «Хронографикона»⁵⁷.

Изучение славянского перевода «Хронографикона» и «Разума 7 събор», публикуемых в настоящей работе, показывает, что эти интервалы и счет «от Вознесения» в Летописце в составе Новго-

⁵⁴ Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 3, стр. 284.

⁵⁵ В списке II, в отличие от списков У и Т, указан 121 год (р.ка.), что ближе к интервалу, принятому в названных памятниках, но отличается от числа греческого списка Vatic. gr. 723.

⁵⁶ Н. Степанов. Летописец вскоре, кн. 3, стр. 273.

⁵⁷ Там же, стр. 279—284.

родской кормчей не связаны ни с греческим текстом «Хронографикона», ни с его славянским переводом. Они указаны в особом памятнике — справке о хронологии соборов, принадлежащей другой традиции, чем сочинение Никифора, и были включены в Летописец на Руси при его переработке во второй половине XIII в.

К хронологической справке о соборах добавлены сведения о времени смерти Константина царя в 5 год индикта, 6305 год «от начала мира», 805 год от «Спаса нашего бога»⁶⁸. Даты 6305 и 5 год индикта согласно указывают на 797 год н. э. В этом году был ослеплен и свергнут по приказу своей матери Ирины император Константин VI, неудачник в войнах с болгарами, «прелюбодей» в глазах его противников⁶⁹. Очевидно, его и имеет в виду наша запись.

Составление справки «Разум 7 събор» можно отнести ко времени после 797 г., причем, очевидно, вскоре после этой даты: в сознании хрониста, ее автора, никакое политическое событие еще не вытеснило смерти Константина VI, жестоко ослепленного и умершего после этого. Очевидно, сама приписка о его смерти к сообщению о седьмом соборе была сделана в связи с тем, что этот собор имел место во время правления Константина (вместе с его матерью).

Начало эры «от Христа» в записи о смерти Константина VI отстоит от эры «от Адама» на 5500 лет, а по нынешнему летосчислению относится к 5 г. н. э. Оказывается, что это та же эра, в какой указана дата первого собора (318 год, но не от Вознесения, а от Рождества; $318+8=326$. Дата первого собора 325 г. н. э.).

Справка «Разум 7 събор» имела на Руси значительное распространение и пользовалась вниманием со стороны книжников, авторов и редакторов хронографических сочинений по византийской истории.

Свидетельством внимания к этой справке является прежде всего оставление ее в составе кормчей при сокращении древнеславянской кормчей, представленной Уваровским списком. Здесь из хронологических статей, входивших в архетип кормчей Ефремовской редакции, оказались исключены «Летописец вскоре» и перечни патриархов и епископов, но полностью сохранена статья «Разум 7 събор» вместе с записью о смерти Константина (л. 163—163 об.). Мало того, эта статья указана и в оглавлении к рукописи («Ке. Разоумъ семи съборъ»), которое не всегда адекватно отражает содержание списка, пропускает некоторые статьи.

⁶⁸ В списке II в отличие от списков У и Т дата имеет вид «лѣто-ѡ-е», т. е. «лето 800-е», что является опiskой в результате пропуска точек и титла.

⁶⁹ «История Византии», т. 2. М., 1971, стр. 63; ср. «Georgii Monachi Chronicon», ed. C. de Boor, t. II. Leipzig, 1904, p. 770—771; В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920, стр. 485.

Эта справка, также без предшествующих ей статей: «Летописца вскоре» и перечня епископов и патриархов, — вошла в состав церковно-юридического сборника, известного под названием «Устюжской кормчей» (в обоих его списках Рум. 230, л. 71—71 об.; МДА Фунд. 54, лл. 48 об.—49). Перед ней на лл. 63—71 Рум. находятся отдельные отеческие и соборные правила в переводе Ефремовской кормчей, а отчасти (правила Трульского собора) в том же переводе, но исправленном позже по греческому тексту. После «Разума» в Устюжском сборнике (в обоих его списках) переписаны также статьи Ефремовской кормчей: рассказ о содержании работы шести вселенских соборов, статьи о запрещенных браках («О възбранных жен[итв]ах» из Прохирона и «Иного закона глава» из Эклоги), о епископах и монахах (из Прохирона). Это позволяет считать, что весь указанный раздел архетипа Устюжского сборника, с л. 63 об. по л. 85 Рум., заимствован из Ефремовской редакции кормчей.

Наконец, свидетельством внимания к этому памятнику является включение его сведений в обработку Летописца Никифора, вошедшую в состав кормчей книги Русской редакции второй половины XIII в. и распространившуюся на Руси как в кормчих XIII—XVI вв., так и в русских летописных сводах и сборниках.

* * *

Предварительное изучение трех хронографических памятников в составе кормчей Ефремовской редакции вместе с полной публикацией их дают важный материал для истории древнеславянской и древнерусской культуры и характера ее связей с византийской культурой. В составе византийского церковно-юридического сборника в начале X в. в Болгарии были переведены три распространенных в то время византийских хронографических памятника — «Летописец вскоре» патриарха Никифора в ранней его редакции (N) с дополнениями до конца IX—начала X в., перечень епископов и патриархов Константинополя, приписываемый тому же автору, также в редакции N с дополнениями до 912 г. и хронологическая справка о семи вселенских соборах. Славянский перевод является очень точным, сделанным буквально, иногда слепо. Такое буквальное следование переводчика за текстом позволяет частично реконструировать характер и греческого списка, бывшего оригиналом перевода, и славянского, бывшего архетипом сохранившихся славянских списков. Греческий источник перевода принадлежал тому виду текста, к которому относятся сохранившиеся списки L и Y, но он отличался от этих списков некоторыми вставками и случайными пропусками.

Таким образом, сравнительное изучение славянских и греческих текстов дает новый материал для истории византийских списков и текстов памятников на Балканах в IX—X вв. Славянский текст, близкий к архетипному тексту русских списков, отличался от сохранившихся ныне списков XIII—XVI вв., хотя

Публикатором текст разделен на слова и фразы, причем начала фраз и имена выделены прописными буквами. Текст разделен на позиции — осмысленные куски текста, и они снабжены нумерацией курсивными цифрами. Сокращения под титлами и в конце слов раскрыты. Буквы и слова, вставленные публикатором, даны в угловых скобках < >; дополнения и исправления по другим спискам даны в квадратных скобках [].

При подготовке текстов использованы материалы к изданию второго тома «Древнеславянской кормчей XIV титулов без толкования» В. Н. Бенешевича.

I

А. 285 об.,
стб. 2

Прѣс<вя>тааго | ѡ<т>ца нашего Никѣфора. патриарха Костан-
тина града лѣтописецъ въ|скорѣ: —

1. Адамъ п'рвыи | ч<е>л<о>в<е>къ бывъ лѣт .сѧ. роди | Сифа. и
живе лѣт .ѱ. до Малелѣила. Вкоупъ живѣ | лѣт .мл.

2. Сифъ¹ лѣт бывъ². | сѧ. роди Еноса. и живѣ. лѣт | .ѱа.
Вкоупъ живѣ лѣт .мѧ. |

3. Енос бывъ лѣт .р. и ч. роди | Каинана .ѱ. и .еи. до .ф.³ и
.г. лѣт. Мафоусалъ вк[и] живѣ лѣт .ѱ. еи. до пяти|десат и .г.
лѣт. Мафоуса[и] ^а Вкоупъ живѣ лѣт .а. и .е.

4. Каинанъ бывъ | лѣт .р. и .е. роди Малелѣ|ила. и живѣ
лѣт. ѱм до .п.а. го лѣт<а>. Ламеха Вкоупъ живѣ лѣт .м.и.

5. Малелѣиль | бывъ лѣт .рѣе. роди Арета и | живѣ лѣт .ѱл.
а. 286 до .мн. лѣт. Ное В[и]коупъ живѣ лѣт .мче.

6. Иаре[дъ] бывъ лѣт .рѣе. роди Еноха. | и живѣ лѣт .ѱ. до
.не. лѣт Ное | Вкоупъ живѣ лѣт .а.а.и. |

7. Енохъ бывъ лѣт .рѣе. роди | Матоусала. и живѣ лѣт .с. и
прѣставленъ быс<тъ>. въ лѣто .мг. Ламеха Вк[и] живѣ лѣт
.мѣе. Въ тѣ по|топѣ скончася.

8. Ламехъ⁴ бывъ лѣт .рви. роди Ноа. |

9. Нои бывъ лѣт .ф. роди Сима | Хама. и Афета. и живѣ
до потопа лѣт сто. Въ | лѣто .х. Ное потопъ. быс<тъ>. | и живѣ
по потопѣ лѣт | .т.и. до .п. и Гавара.

В[и]коупъ всѣх ѡт Адама до | потопа .в.с.м.в. лѣт<а>. |

10. По потопѣ же .в. Сима. Ноева с<ы>на^б. роди Арфаксада |
и живѣ лѣт .ф. до .р.а. лѣт. | Фалеса.

11. Арфаксад же бы|въ лѣт .рл. роди Каинана. шкоже нѣции
рѣша. Ѡт семидесятныхъ же не | швлаетьсѧ.

^а исправлено из мафоусалалы
сна — а, над ноа — б

¹⁻² бывъ лѣт ³ пятьдесятъ

^б цифры изменения порядка слов: над

⁴ ламеха ⁵ сна ноа

12. Кая[на|нь же | бывъ лѣтъ .⁹⁴л. роди Салоу.

13. Са|ла бывъ лѣт [—]рѣг. роди || Евера.

cm6. 2

14. Еврейъ бывъ лѣтъ 400. | роди Фалека.

15. Фалекъ бывъ | лѣтъ .рѣг. роди Рагава. Въ дѣхнѣ | же Фа-
лека. раздѣлиса | земля. Тѣмъ и знаме|нается фалеково имѣ.
жидовскимъ языкомъ | раздѣлене. Съ перве | мѣста | своего
оум'ре. При томъ | столѣтнотворене съ|стависа. и въ единомъ вѣтхѣхъ
рѣчи. многогла|сие бысть. и на кыждо | языкъ. различае | мого
рече бо | о | же | ственное писане. |

16. По Фалецъ же Рагавъ. лѣтъ . [843.⁸] роди Сероуса⁷.

17. Сероух бы|въ лѣт .943.⁸ роди Нахора. |

18. Нахоръ бывъ лѣтъ .xx. роди | Фароу.

19. Фара бывъ лѣт. [с. роди Аврама.

Вькоуиѣ ѡт | Адама до конца Аврамъла | лѣтъ .^{т.т.т.} Ѣтъ по-
топа | же лѣтъ .^{а.а.а.} Авра|моу бо соущоу лѣтъ .^{е.е.} б^ож^е|ст-
венаго видѣша спо|добиса. Ѣтнудоу же на | Егуюеть. Моисѣ-
емь | шестви|е| сѣтвори. бываетъ || оубо лѣтъ .^{ѣ.а.} ико же и ан^о- а. 288 16.
стоуль послушествоуетъ гл^аголъ | «завѣтъ ѡт б^ог^а. по .^{ѣ.} и
ла. лѣтъ | хъ, законъ не раздроуша|еть. на оупражненіе ѡбѣща-
н^а | и самъ въ Исходѣ извѣща|етъ. Моси в нихъ же рече. | «вѣсе-
леніе же с^ыиъ из^араи^лс^евъ. | им^съ же вселишася въ Ег^в-
петъ. и в земли Ханан^и. | и сами и ѡст^аи ихъ. лѣтъ .^{ѣ.а.} П.

20. Аврамъ бывъ лѣтъ 100. роди Исака.

21. Исакъ бывъ лѣтъ 5. роди Ишкова.

22. Ишковъ⁸ бывъ лѣтъ 14.з. роди Лев'гю.

23. Левгта бывъ лѣтъ .^м.е. роди Каафа.

24. Каафъ бывъ ^е лѣт .15. роди Авраама.

25. Аврамъ | бывъ лѣт 75. роди Моисей.

26. Моисей бывъ лѣтъ 80. наведе люди изъ Египта.

Бывають же вкоупь лѣтъ ѿ прѣваго лѣта Авраама, до исхода изъ Египцѣа | шестива лѣтъ .ѿ. ѿ потопа же лѣтъ. .г.х.л.ѿ. по Семьдесятнымъ. По сихъ же, | Моси вожааше люди въ поу|стыни. лѣтъ .м.

суб. 2

27. Ісусъ Навгинъ. | лѣт .кѣ.

28. Старьци ⁹. лѣт ¹кг.

29. Гофониль от племene Июдина | дѣт .m

30. Иноплеменици | лѣт .н.

31. По них же **Вадъ**. **от пле|мене Ефремова** лѣтъ **л**.

^в ошибочно повторенное далее быть вычеркнуто

¹ Галат. III, 17 ² Исх. XII, 40

6-8 нет 7 сороуха 8 никовна 9 старци

32. Ино|племен'ници же лѣт .и̇.
 33. Девора и Варах литъ ¹⁰ .и̇.
 34. Иноплемен'ници лѣт .к̇.
 35. Мадиниѣно. лѣт .з̇.
 36. Геде|виѣ. лѣт .м̇.
 37. Авимелехъ | лѣт<а> три.
 38. Фола лѣт .к̇.
 39. Аиръ | лѣт .к̇.
 40. Аманати лѣт .и̇.¹¹
 41. Иевтае лѣт .з̇.
 42. Есевонъ. | лѣт .з̇.
 43. Елом лѣт .и̇.
 44. Лавдон лѣт .и̇. |
 45. Иноплеменници лѣт .м̇. |
 46. Сам'псонъ лѣт .к̇.
 47. Или жре|ць .к̇.
 48. и без начала лѣт .и̇.
 49. Самонъ и Саулъ лѣт .и̇.
 50. Давид .м̇.
 Вкоупъ всѣх лѣт. | от исхода с<ы>нѣвъ Из<раи>л<е>въ до
 Да|вида лѣт .х̇.
 51. Соломонъ лѣт .и̇.
 52. Ров<о>амъ лѣт .з̇.
 53. Авиѣ лѣт .и̇.
 54. Аса лѣт .м̇.
 55. Иасафат лѣт .и̇. При томъ прор<о>чество|ва Михеѣ Плим
 и Елисеѣ.
 56. Ишарамъ лѣт .и̇.
 57. Охозии. | лѣт<о> .и̇.
 58. Ахавъ лѣтъ .з̇.
 59. Гофолѣи м<а>ти Хозиева. лѣт .з̇. ||
 60. Иоасъ. лѣт .м̇.
 61. Амасии. | лѣт .к̇.
 62. Азарии и Охозии | лѣт .и̇. При томъ прор<о>чѣ|ствова
 Ишии. и Амосъ. | Исаии. Иона. Иииль. |
 63. Ишафа<мъ> лѣт .г̇.
 64. Ахаз. лѣт .и̇.
 65. Иезекии лѣт .и̇.
 66. Манаста | лѣт .и̇. Воузанѣи при | томъ създанъ бысть.

¹⁰ лѣт ¹¹ и̇ нет

67. А|мосъ лѣтъ .лѣ.

68. Иѡста | лѣтъ .лѣ. При томъ прор<о>чь|ствова Ерема и Со-
фона | и Варѣх.

69. Иахааъ .г. м<ѣ>с<а>ца.

70. Седе|кимъ лѣтъ .лѣ. Того волѣ|шивъ Навъходоносоръ. | плѣ-
нена ва.м. и ц<е>ркы | пожжена бысть. по | пяти м<ѣ>с<а>цъ.
ѡт Навоуаа|рѣдава прѣбы ѡтнелѣ|же съаданъ бысть .лѣ.

Вкоупъ всѣх ѡт начатъ|ка. ц<а>рства Соломона. | до плѣне-
на Ер<у>с<а>л<и>м<о>ва лѣтъ .лѣ. По сихъ плѣненна. | иудѣи
въ Вавилонъ. | и заложены на мѣсто | лѣто .лѣ. Съ исплѣняется.
въ второе лѣто. Дарии прѣскаго ц<а>рѣ. || иже люди изаѣтъ стб. 2
ѡт плѣненна | и въ Ер<у>с<а>л<и>мѣ ѡбнови ц<е>рк<о>въ. |

71. Прѣвое оубо въ Пер'сихъ ц<а>рь|ствова Коуръ. лѣтъ .лѣ.

72. По не|м же Камвоуси лѣтъ .лѣ.

73. Дарии лѣтъ .лѣ. и .лѣ. В того оубо | лѣто иже речено
есть | другомъ ц<е>ркы ѡбнове|на есть.

74. По семь. Ксеръ|кси. Дарии лѣтъ .лѣ.

75. Аръ|таванъ м<ѣ>с<а>цъ .лѣ.

76. Аръта|ксер'кси Долгороукыи | лѣтъ .лѣ. Аже на Естирь.
и на Мардохѣ. при том | рѣша.

77. Ксерке нѣ м<ѣ>с<а>ца .лѣ.

78. Согдоанъ м<ѣ>с<а>цъ .лѣ.

79. Дарии другомъ лѣтъ .лѣ.

80. Арта|ксеръкси Памативыи лѣтъ .лѣ.

81. Арта|ксеръкси [и]нѣ | лѣтъ .лѣ.

82. Арьсис Оха лѣтъ .лѣ.

83. Дарии. Арьсамоу лѣтъ .лѣ. |

84. Сего оуби Александ'ръ | Македонскыи. и раздрѣши
Прѣскоюу ѡбласть. | и ц<а>рьствова лѣтъ .лѣ. Прѣже | раадрѣ-
шити Дарии. ц<а>рьствова иже нѣ|ции рѣша. лѣтъ .лѣ. Оумре |
же въ Вавоулонѣ лѣтъ .лѣ. || Покори же поганыихъ | странъ .лѣ. и л. 287 об.
племень ели|нѣскъ .лѣ.

Вкоупъ всихъ лѣтъ | ѡт Адама до оум<ь>ртвѣ Але|ксандрова
лѣтъ .лѣ. .лѣ. .лѣ.

85. По | оум<ь>ртвѣи же того въ Египтъ и въ Александрѣи
ц<а>рьствова|ша. первие Пътолемѣи. | Братълюбивъ¹³ лѣтъ .лѣ.
При томъ с<в>а|щенныи книги. на | елиньскыи глас приложены |
быша.

86. Птолемѣи и¹³ Бл<а>го|дѣтеливыи лѣтъ .лѣ.

87. Пътолемѣи [Оуншии]¹⁴ | лѣтъ .лѣ.

¹² братолюбивыи ¹³ нет ¹⁴ в Т ошибочно благодѣтеливыи, дается
чтение П

88. Пѣтолемѣи Мвѣлѣ|ныи лѣтъ .зѣ. и .зѣ. мѣѣсѣа>цѣ.

89. Пѣто|лемѣи же [и] Александръ лѣтъ .лѣ. |

90. Пѣтолемѣи ¹⁸ [же] ¹⁸ братъ его лѣтъ .нѣ. |

91. Пѣтолемѣи Дѣвовстро|выи лѣтъ .лѣ.

92. Клевпатра ¹⁷ | Птоломѣева ¹⁸ лѣтъ .ккѣ.

93. Въ | третьеѣ еѣ лѣто. пѣрвыи единоначальство|ва въ Рим-
ланехъ Июли|и Кесарь. Ѡтъ него же ⁷ и кесари. прочии цѣа>ри
на|речени быша. То[и] цѣа>рство|ва. | лѣтъ .дѣ. и мѣѣсѣа>цѣ .зѣ.

стб. 2

94. Ѡтъ того цѣа>р|ствова кесарь чѣе>стныи. || иже и Ав-
гоустъ. лѣтъ .нѣ. и | мѣѣсѣа>цѣ .зѣ. Ѡттоудѣ Анти|хѣане лѣта ихъ
чтоуть. | Сице. въ пѣтоенѣдесѣтъ лѣто цѣа>рства того. Кле|впат-
роу. оубивъ раздрѣ|ши. Пѣтоломѣ|н|скоую вла|сть. иже цѣа>р-
ствоваша | лѣтъ .сѣѣ.

Бываѣтъ оубо въ|сѣхъ ѡтъ Адама. до начала | цѣа>рства Ав-
гоуста. по извѣ|стныи[и]мъ лѣтописце|мъ лѣтъ .е.ѣ.нѣ.зѣ.

Въ четве|ртодесѣтѣе же второе | лѣто. цѣа>рства его роди|са
по плоти ѡтъ свѣа>тымъ де|вицѣ ⁴ Мѣа>риа гѣосподѣ нашѣ
Исѣоу>сѣ | Хѣристо>сѣ. пѣрвѣчныи бѣогъ ⁶. Коури|нии же ѡтъ
соуклиты сѣ>вѣѣта. посланъ бывъ въ Июде|ю написаніе сѣтвори
и|мѣни и житель.

Бываѣтъ оубо всѣхъ лѣтъ въкоу|пѣ. ѡтъ Адама д[о] въ|плоче-
нѣа. гѣосподѣа бѣогѣа и спѣа>са нашего Исѣоу>сѣа. Хѣри>сѣтѣа.
лѣтъ .е.ѣ.ѣ.

л. 288

95. По Августѣ | Римѣстѣмъ третьеѣ цѣа>рствова Тиверии.
лѣтъ .ккѣ. Въ пѣтое на десѣтъ лѣто || того цѣа>рства. еѣвѣа>нгѣе|ль-
ское оучене начѣтъ гѣосподѣ на|шѣ Исѣоу>сѣ Хѣристо>сѣ.
Въ .нѣ. постра|да въ Иерѣоу>сѣа>лѣи>мѣ за ны. спѣа>се|ноую
моукоу въ .ккѣ. ма|ртіа.

Вкоупѣ всѣхъ лѣтъ | ѡтъ Адама до спѣа>сенныи мѣ|кы и въскрѣ>-
сѣе>нѣа .е.ѣ.ѣ.лѣ.гѣ.

96. По Тиверии же цѣа>рство|ва. Ган. лѣта .гѣ. и мѣѣсѣа>цѣ
.лѣ. и заколенъ бысѣтъ> вѣ пола|тѣ.

97. Клавди лѣта .гѣ. | мѣѣсѣа>цѣ .ѣѣ.

98. Гавла ⁸. мѣѣсѣа>цѣ .дѣ. | и заколенъ бысѣтъ вѣ Римѣ. |

99. Неронѣ цѣа>рства лѣтъ .гѣ. | и мѣѣсѣа>цѣ .лѣ. и бѣжавъ
погрѣ|бе себѣ живѣа. Петръ же ¹⁹ | и Павелъ апѣсѣо>сто|ла. при
томъ | моучена быста. и Мѣко|въ братъ гѣосподѣе>нѣ. ѡтъ [и]юдѣи
камѣ|нѣемъ побие>нъ бысѣтъ. | въ Иерѣу>сѣа>лѣи>мѣ.

100. Ѡнѣнъ мѣ|сацѣ .гѣ. и себѣ оуби.

101. Оустѣ|песинѣнѣ. лѣтъ .лѣ. Въ дроу|гѣе лѣто того цѣа>р-

⁷ далее в Т его же ⁴ ѣ исправлено из а ⁶ в рукоп. бѣ ⁸ так в Т и П, должно быть гавла

¹⁸ в Т и П вѣтолемѣи ¹⁸ в Т нет, дается по П ¹⁷ в Т и П вѣвпатра
¹⁸ в Т и П вѣтолемѣева ¹⁹ нет

ства, плѣненіе естъ Иер<оу>с<а>лимъ. | ѿт с<ы>на его Тита. по
м. и г. лѣт. възнесеніа г<о>спода и<а>шего І<с>ус<а>. Х<р>ист<а>.

102. Титъ с<ы>нъ его. || лѣт .ж. м<ѣ>с<а>ца .ж. и заколенъ | стб. 2
быс<тъ> в полатѣ.

103. Домен'тиа^ъ лѣт .еи. м<ѣ>с<а>щъ .е. И томуу | гонение^ъ
въздвиг'шу. Ив<а>нъ ап<о>сто<л>ъ въ Патемстѣ^ъ м<ѣ>с<а>щъ^ъ остроу жити
м<о>уж<е> | нъ бысть. исповѣданіа | ради въ Х<р>ист<а> По Домен-
тиа^ъ же оумертви. възвратисѣ ѿ острова. | и пребываше
въ Ефесѣ. |

104. Нероуи ц<а>рствова лѣто .д. и м<ѣ>с<а>щъ .д.

105. Травишъ лѣт .еи. и м<ѣ>с<а>щъ .е. При семъ Игна<т>еи
б<о>гомоу|сѣ|щъ м<о>уж<е> нъ быс<тъ>.

106. Адри<а>нъ лѣто .ка. И с<е>и<а> раздру<и>шивъ Ер<оу>с<а>-
л<и>мъ. Елии град на|реч<е>. И с<е>и<а> водинимъ троу<д>омъ
м<о>удоватѣвъ | оубиенъ быс<тъ>.

107. Титъ Анто<и>ниѣ наречени. Бл<а>гоче<с<т>ивни съ дѣтми
сво<и>ми лѣт .ж. и м<ѣ>с<а>щъ .г.

108. Ма|рко с<ы>нъ его лѣт .ки. и м<ѣ>с<а>щъ .д. | При томъ
Оустинъ фило<с>фъ^ъ м<о>уж<е> нъ быс<тъ>.

109. Анто<и>ниѣ же и Виръ лѣт .ки.

110. Комодъ лѣта .г.

111. Ели^ънъ²⁰ Протинакъ и²¹ м<ѣ>с<а>щъ .с. || и заколенъ л. 288 об.
быс<тъ> в полатѣ. |

112. Севиръ лѣт .ни. При томъ Левиндъ | м<с>те<щъ> Оригена Зло-
мыслна<а>го м<о>уж<е> нъ быс<тъ>. и <И>политъ | Римъскыи пи-
сецъ. раста<и>ше^ъ же и Григоръи Чудо<т>ворецъ.

113. Анто<и>ниѣ. | с<ы>нъ Севировъ ц<а>рствова лѣт .з. и за-
коленъ быс<тъ>.

114. Ма|ркинъ²² лѣтъ .д. и зако<л>енъ быс<тъ>.

115. Анто<и>ниѣ Га<л>адъ²³ лѣт .д. и заколенъ | быс<тъ> в Римѣ.

116. Александръ | лѣт .г. и заколенъ быс<тъ>.

117. Максимъ лѣт .г. и заколенъ | быс<тъ>.

118. Гръди лѣт .с. и оуда<и>висѣ въ Африкии.

119. Фили<п>ъ. лѣт .з. и заколенъ быс<тъ> | въ м<г>радѣхъ.

120. Декии лѣт<о> .д. и м<ѣ>с<а>щъ .г. и заколенъ быс<тъ> |
на торгоу. При томъ мѣ<ч>енъ быс<тъ> с<в>а<т>ыми Вавоула | въ Ан-
тихнии.

121. Галъ и Вѣ<л>оусинъ лѣт<о> .д. и м<ѣ>с<а>щъ. |

122. Оувалериинъ. и Галинъ | лѣт .ни. и заколена быста. |

123. Клавди лѣт<о> .д. и м<ѣ>с<а>щъ .с. |

⁸ в рукоп. гоению ^к мъ зачеркнуты ^к в рукоп. филолосѣфъ

² в рукоп. раста<и>ше

²⁰ далее же

²¹ нет

²² так в Т и П;

должно быть макринъ

²³ га-

лад; должно быть гаваль или галваль

138. Левитъ Ве|ликии ц|а|р|ствова лѣтъ .[з].

139. Левитъ Малии лѣтъ .[д].

140. Звионъ лѣтъ .[з].

141. Анаста|си лѣтъ .[кз. м|ѣ|с|с|а|цѣ] .[д].

142. Иоусти|нъ Власати лѣтъ .[г. д|ѣ|л|ни] .[кг].

143. Иоустиниинъ ц|а|р|ствова лѣтъ .[ли. м|ѣ|с|с|а|цѣ] .[з. | Приі
нем же .[г. съборъ быс|тъ]. | в Костантинѣ градѣ.]

144. Иоустинъ нетни Оусти|нтаиъ. лѣтъ .[ли. м|ѣ|с|с|а|цѣ] .[г.
д|ѣ|л|ни] .[к. | Въ .[з. е же лѣто ег|о| сконьчаса. | кроугъ с|с|а|тъ|а
наскы лѣтъ .[ф.а.в. ѿтнюдѣ же г|о|сподѣ н|с|а|шѣ И|с|с|ус|е Х|ри|с|
стосѣ], распать с|а. в лѣто ѿт с|з|дана мира .[б.д.е].

145. Тиверии ц|а|р|ствова | лѣтъ .[е].

146. Маврикии лѣтъ .[к. | м|ѣ|с|с|а|цѣ] .[д].

147. Фока лѣтъ .[и].

148. Ира|кли съ с|с|ы|номъ своимъ. | лѣтъ .[м. Въ лѣт|о|] .[г. ²⁸
ц|а|р|с|тъ|а его | прьсанинъ бол'шюу час|тъ] || Римьскыи в|б|ласти л. 289 об.
при|и. Иер|оу|с|с|а|л|си|иъ и ч|с|тъ|наиъ | м|ѣ|ста пожьже. м'иожество
же людии плѣни | [сѣ] патриархомъ Захарьею | [и] с|ч|с|тъ|наиъ
древомъ. | въ Персы ѿтведе. Лѣто | же его второе на десать. |
Ховрон оубиенъ ² | быс|тъ]. и плѣнение въ|з|вращено быс|тъ]. и
ч|с|е|с|тъ|ныи кр|е|с|тъ | на своемъ м|ѣ|стѣ по|с|тавленъ быс|тъ]. Сра|
цинѣ ²⁹ же начаща. вс|а|кого запоустѣна въ .[в.р.к.в. иньдик'та
же ³⁰ .[з.

149. Костанти же с|с|ы|иъ И|ра|клиевъ ц|а|р|ствова лѣтъ .[ки.
Съ въ Сикили оубиен. | быс|тъ].

150. Костантинъ вѣи|к | Раклиевъ ц|а|р|ствова лѣтъ .[зи. При
нем же Възанти | ѿт срацинъ ѿб|стоуплен | быс|тъ]. Съборъ .[з.
въ .[г. лѣт|о|. | быс|тъ] в Костантинѣ градѣ. с|с|а|тъ|иныхъ .[с.п.е.
в|с|т|е|цѣ]. | и на срацины ,моужество|ва. въ|з|бранѣвъ имъ и оу|
страшивъ ^о и вѣло. ||

151. Иоусти|ниинъ царствова лѣтъ .[и].

стб. 2

152. Левити лѣтъ .[г].

153. Тивери иж[е] | [и] | Апси лѣтъ .[з].

154. Иоусти|ниинъ | второе лѣтъ .[з].

155. Филиппи|скыи лѣтъ .[в].

156. Анастаси иж[е] | и Артемии лѣт|а| .[и].

157. Феод|си лѣтъ .[д].

158. Львъ. иже и Ко|ионъ ц|а|р|ствова лѣтъ .[ж. | м|ѣ|с|с|а|цѣ].
[г. д|ѣ|л|ни].

² в рукоп. далее зачеркнуто бьенъ ^Р ц исправлено из ч ^о исправлено
из оустрашивъ

²⁸ далее и ²⁹ срацини ³⁰ далее въ

159. Костанти|нъ с<ы>нъ его лѣт<о> .лм. м<ѣ>с<л>ца .|к.
д<л>ни .не.

160. Львъ с<ы>нъ Ко|станти<а> лѣт .б.

161. Костань|тинъ²¹ с<ы>нъ Львовъ съ ма|терию Ериною м<ѣ>-
с<л>ца .к. | дни .к. Въ тою .н. лѣт<о> быс<тъ> | в Никен^т вторыи
сѣбор. | с<в>а<т>ыхъ .т.н. ш<те>ць.

162. Ко|стинъ же шдинъ. | лѣт .б. м<ѣ>с<л>ць. дни .н.
Оубием. | же быс<тъ> на тор'гоу доблесті | ради его.

163. Ерина же м<а>ти его | лѣт .б. м<ѣ>с<л>ца .к. дни .н.

164. Никифоръ ц<а>рствова лѣт |.б.²² м<ѣ>с<л>ць .б.

165. Ставракыи | с<ы>нъ его. м<ѣ>с<л>ца .к.

166. Михайлъ аать его лѣт .а. м<ѣ>с<л>ць .б. | дни .л.

167. Львъ лѣт .з. м<ѣ>с<л>ць .б. дни .д. † заколен быс<тъ>
в полать.

168. Михаил лѣт .н. м<ѣ>с<л>ць .б.

л. 290 Вкѣп<ъ> всег<о> || шт Адама до оум<е>ртвѣ Миха|ила лѣт
.з.т.л.н.

169. Феѡфи | лѣт .к. м<ѣ>с<л>ць .г. дни .к.

170. Ми|хаиль с<ы>нъ его съ Феѡдору | м<а>т<е>рю его. и
съ Феоклю. | сестрою его лѣт д.

171. Миха|иль единъ лѣт .к. ц<а>рствова | съ Васильемъ
лѣт<о> † м<ѣ>с<л>ць. д и заколенъ быс<тъ>.

172. Васильи | лѣт .н. м<ѣ>с<л>ць .д.

173. Львъ и Але|ксандръ лѣтъ .к.

II

л. 290 Еще епи|скопни^а. Костан'ти|на града. рек'ше разоума|
оучившихъ в' немъ. |

1. Яндрѣи ап<о>с<то>ль

2. Стахи. в А|рьгоулополии лѣтъ .в. |

3. Ѧнисимъ лѣт .д.

4. Поликар'пъ лѣт .н.

5. Плоутар'хъ | лѣт .в.

6. Седеки лѣт .б.

7. Дво|родныи лѣт .б.

8. Ѧлеферии | лѣт .з.

9. Филипъ лѣт .б.¹.

10. Поликарпъ друуги лѣт .в.

^т в рукоп. никени ^а в рукоп. епископоуи

²¹ КОСТАНТИ ²² в рукоп. нет ¹ в

11. Афинодоръ лѣтъ .д̄.
12. Евѣ|зои лѣтъ .я̄.
13. Лаврентии лѣтъ | .д̄. м<ѣ>с<а>щѣ .я̄.
14. Ѡлѣмпи лѣтъ .г̄. | м<ѣ>с<а>щѣ .я̄.
15. Прѣтинакъ лѣтъ .ѣ̄.
16. Ѡлѣмпіанъ² лѣтъ .д̄.
17. Ма|рко .г̄.
18. Кѣрлиимъ лѣтъ .ѣ̄.
19. Кастинъ лѣтъ .з̄.
20. Тити лѣтъ . || .д̄. м<ѣ>с<а>щѣ [.я̄.] стб. 2
21. Домети брат Прова | ц<а>рѣ лѣтъ .к̄.д̄. м<ѣ>с<а>щѣ .з̄.
22. Провъ | Дометіевъ с<ы>нъ лѣтъ .ѣ̄. |
- Еще патриар'хъ Костанъ|тина града.
- Съборъ пѣ|рвыи.
23. Митрофанъ брат | Прова Дометіевъ с<ы>нъ первыи ѿ
- патриар'хъ Костантинъ³ града лѣтъ .п̄.
24. Александръ вторыи | лѣтъ .к̄.г̄.
25. Павелъ Исповѣ|дникъ третии лѣтъ .п̄. и изъ|гнанъ бысѣтъ.
26. Евѣсевич. Ни|комидійскыи лѣтъ .ѣ̄. | ариим.
27. Павелъ Исповѣдникъ. | по см<ъ>рти Евѣсевича. пакы | поса-
- женъ бысѣтъ. и абие изъ|гнанъ бысѣтъ.
28. Макидонни | д<у>хоборець. лѣтъ .п̄. [и] изъгнанъ | бысѣтъ.
29. Евдокси пѣрвѣе прѣ|лож<е>нъ. ѿ Ге[р]маси<и>киа⁶ в[ъ]⁸
- Анѣ|тихию лѣтъ <ӣ.>
30. Димифиль | лѣтъ .ѣ̄. м<ѣ>с<а>щѣ .ѣ̄.
31. Евагрии | ѿ Евѣстафия. въ Анти<охию> | поставленъ.
- Абие въ изъ|гнаніе поущенъ бысѣтъ.
- Съборъ .я̄.
32. Григории Б<о>гословець. посѣ|шествова по ц<е>ркви
- Коста|нтина града лѣтъ .ѣ̄.
33. Некта|рии лѣтъ⁴ .ѣ̄. и м<ѣ>с<а>щѣ. л. 290 об.
34. Иванъ Златаоустыи⁵ лѣтъ .з̄. м<ѣ>с<а>щѣ .з̄. [и] изъгнанъ
- бысѣтъ.
35. Ар'са|кы брат. Нектаріевъ. | лѣтъ .п̄.
36. Атикъ лѣтъ .к̄. м<ѣ>с<а>щѣ .з̄.
37. Сисинии лѣтъ<о> .д̄. м<ѣ>с<а>щѣ .п̄.
38. Нестории лѣтъ<а> .г̄. м<ѣ>с<а>щѣ .ѣ̄. [и] изъгнанъ бысѣтъ.
39. Макси|минъ. лѣтъ<о> .д̄. и м<ѣ>с<а>щѣ .ѣ̄.
- Съборъ .г̄.
40. Прокль лѣтъ<о> .д̄. м<ѣ>с<а>щѣ .г̄.
41. Флавианъ лѣта .ѣ̄. | м<ѣ>с<а>щѣ .з̄. и изъгнанъ бысѣтъ.

⁶ в рукоп. гемарки ⁸ в рукоп. вв
⁷ ѡлѣмпіанъ ³ костантина ⁴⁻⁵ нет

42. Антонии лѣт<а> .А. днии .н. |
Съборъ .А.
43. Генадии | лѣт .Г. м<ѣ>с<а>ца .Е.
44. Акакии лѣт .Я. м<ѣ>с<а>ць .Е.
45. Фравит м<ѣ>с<а>цѣ .Г.
46. Ефтимии лѣт .З. м<ѣ>с<а>ць .З. и изъгнанъ быс<ь>.
47. Макидонии⁶ лѣт .Е. м<ѣ>с<а>ць .Г.
48. Тимофѣи лѣт .З. м<ѣ>с<а>ць | сем<ь>.
49. Иванъ лѣт<о> .А. м<ѣ>с<а>ць .Г. |
50. Епифании лѣт .Я. м<ѣ>с<а>цѣ .Г. |
51. Антимъ. м<ѣ>с<а>ць. .Г. [и] изъгнанъ | быс<ь>?⁷
52. Мина м<ѣ>с<а>ць .Я.
53. Евтѣхии лѣт .Е. м<ѣ>с<а>ць .Е. и изъгнанъ быс<ь>⁸.
Съборъ .Е.
54. Иванъ лѣт .Г.
55. Коуриксъ | лѣт .Я.
56. Фома лѣт<а> .Г.
57. Сергии | лѣт .К. м<ѣ>с<а>ць .Я.
58. Перось лѣт<а> .Г. м<ѣ>с<а>ць .Е. и изъгнанъ быс<ь>.
59. Павелъ лѣт .Я.
60. Поурось | пакы⁹ лѣт<а> .Г. м<ѣ>с<а>ца .Е.
61. Петръ | лѣт<а> .Е.
62. Фома лѣт<а> .Г. м<ѣ>с<а>ць .З. |
63. Иванъ лѣт<а> .А.
64. Костантии | лѣт .И.
65. Феодоръ лѣт<а> .Е. и изъгнанъ быс<ь>.
66. Феодоръ лѣт<а> .Е. |
67. Павелъ лѣт .З.
Съборъ .З. |
68. Калиникъ лѣт .К.
69. Коуръ | лѣт .З. и изъгнанъ быс<ь>.
70. Иванъ лѣт<а> .А.
71. Германъ лѣт .Е. и изъгнанъ быс<ь>.
72. Анастаси лѣт .К.
73. Костантиинъ лѣт .К.
74. Никита | лѣт .Г. м<ѣ>с<а>ца .Е.
75. Павелъ лѣт<а> .А. м<ѣ>с<а>ць .З. днѣ .А.
Съборъ .З. |

⁶ македонии 7-8 нет 9 далее и

76. Тараси лѣт<а> .ка. м<ѣ>с<а>ца. дни .н.]
 77. Никифоръ лѣт .ѣ. и изъгна|нѣ быс<ть>.
 78. Феодотъ лѣт .ѣ.
 79. Анто|нии лѣт .ѣ.
 80. Ишанъ лѣт .з. | м<ѣ>с<а>цѣ .г.
 81. Мефодии лѣт<а> .д. | м<ѣ>с<а>цѣ .г.
 82. Игнатии лѣт .и. и и|з'гнанъ быс<ть>.
 83. Фотии лѣт .н. м<ѣ>с<а>цѣ .н. дни .ка. [и] изъ|гнанъ быс<ть>.
 84. Игнатии пакы лѣт .і.
 85. Фотии пакы | лѣт .н. м<ѣ>с<а>цѣ .и. дни .д. и и|з'гнанъ быс<ть>.
 86. Стефанъ | лѣт .з. м<ѣ>с<а>цѣ .з.
 87. Антонии лѣт .з. | м<ѣ>с<а>цѣ .з.
 88. Фоти иже и Нико|ла лѣт .з. и изъгнанъ быс<ть>.
 89. Ефимѣи лѣт<а> .к. и м<ѣ>с<а>ца .к. | и изъгнанъ быс<ть>.

III

Разоумъ .з. съборъ. | колико лѣт ѿт кого|ждо¹ съконь- *л. 163, стб. з*
 цаса² ♦

Отъ възнесеніи | Сп<а>са и³ г<оспод>а⁴ нашего Ис<оус>а |
 Х<ри>с<та>. до първаго събо|ра. лѣт .т.и.⁵

Ѿт първа|го събора⁶. до втора|го⁷. лѣт .д.

Ѿт втораго || же⁸ до третимго. лѣт .н. *л. 163 об.*

Ѿт третимго же⁹ | до четвъртаго. лѣт. | .і.

Ѿт четвъртаго | же до патаго. лѣт. | .р.

Ѿт патаго же до | шестаго. лѣт .рл.¹⁰

Ѿт шестаго же до се|маго. лѣт .рка.¹¹

Подобаѣтъ же въ|дѣти¹². яко семъ|и съборъ быс<ть>.
 въ. лѣт<о> .[.з.с.ч.с.¹³ индикъ|та¹⁴ .и.

Прѣставле|ніе Костанти|на ц<е>с<а>ра¹⁵. быс<ть> въ па|тъи¹⁶
 индикта. | ѿт начала мира | въ лѣт<о>¹⁷ .з.т.с. ѿт Съ|наса¹⁸ на-
 шего¹⁹ б<ог>а | лѣт<а>²⁰ .в.с.²¹ ♦

¹ Т, П коегождо; Р. Ф ковиждо ² Т съконьчаса; П, Р, Ф скончаса

³ Т нет ⁴ Р, Ф ба ⁵ Ф .т. и .и. ⁶ Р нет ⁷ Т, Р далее събора

⁸ Р нет ⁹ Р нет ¹⁰ П .рл.; Т¹¹ исправлено на ¹² П. рка. ¹³ Т

далее и ¹⁴ Р .з.с.ч.ч.; Ф .з.с.с.; Т далее и ¹⁵ Т, П, Р индиктъ

¹⁶ Т, П, Ф црл ¹⁷ Р .с. и ¹⁸ Т, П лѣто ¹⁹ Т, П, Р, Ф далее же

²⁰ Р далее и ²¹ П лѣто; Ф лѣтъ ²² П ѿс; Т .ѿс. с титлом, постав-
 ленным позднее

ВОЛОГОДСКО-ПЕРМСКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XV В.

Б. М. Клосс

Еще до составления обширного Вологодско-Пермского летописного свода в северных областях Руси получили распространение краткие летописцы, включавшие известия по истории этого края. Один такой летописец, доведивший изложение до 1486 г., известен уже давно: список его конца XV—начала XVI в. находится в сборнике ГБЛ, Муз. № 3271¹, содержащем одновременно фрагмент московского общерусского свода, положенного в основу Вологодско-Пермской летописи. Но Музейный список является дефектным: из-за утери листов в нем читаются известия лишь 1415—1453, 1485—1486 гг. К этому сборнику или его протографу восходит Воронцовский список конца XVI в. (БАН, 34.2.31); краткий летописец соединен здесь с упомянутым фрагментом московского свода и использован как его продолжение (из летописца взяты статьи 1481—1486 гг.)².

Таким образом, из Вологодско-Пермского летописца 1486 г. до нас дошли статьи 1415—1453 и 1481—1486 гг. Об остальной части представление можно получить, во-первых, на основании того факта, что летописец, по справедливому замечанию И. М. Кудрявцева³, имеет общий протограф с «Летописцем русским», опубликованным А. Н. Насоновым⁴, во-вторых, путем изучения некоторых летописных текстов вологодско-пермского происхождения.

I

В первую очередь представляет интерес сборник ГИМ, Син. № 951, составленный, кажется, в 1484 г.⁵ В рукописи поме-

¹ Текст опубликован: И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962, стр. 285—288.

² Известия 1481 г. помещены после слов «игумень Паисей Сергеевский» (ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 266) и опубликованы А. А. Шахматовым в работе «Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в.» («Сборник статей в честь Д. А. Корсакова». Казань, 1913, стр. 406). Известия 1482—1486 гг. опубликованы в ПСРЛ, т. XXVI, стр. 327.

³ И. М. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 250—251.

⁴ А. Н. Насонов. Летописный свод XV века (по двум спискам). — «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 273—321. Свод доведен до 1482 г., после которого следует известие 6999 г. о поставлении Зосимы в митрополиты. Другая редакция «Летописца русского», как любезно сообщил нам Я. С. Лурье, сохранилась в списке Чуд. № 274 (текст доведен до 1481 г.).

⁵ Водяные знаки: 1) гроздь винограда — типа Брикe, № 13008 (1416—1483 гг.); 2) корона — типа Брикe, № 4643, 4645 (варианты, датируемые 20—80-ми годами XV в.). Внизу л. 168 об. тайнописью сделана запись: «Почато месяца июня в 8 день, на память святого мученика Феодора Стра-

щены три летописных фрагмента, написанных разными почерками. Первый фрагмент (лл. 75—85), принадлежащий руке основного писца сборника XV в., — компиляция из разных источников, доводящая изложение до 1451 г.; сведений о севере Руси здесь не содержится. Другим почерком (на лл. 85 об.—86) написаны статьи 1388—1486 гг., имеющие близкое сходство с Кирилло-Белозерским летописцем из сборника ГПБ, Пог. № 1554 (лл. 13—17)⁶. Но в тексте имеются дополнения, касающиеся Вологды: под 1427 г. говорится о море в Вологде и на Белоозере, а под 1486 г. приводится известие о пожаре в Вологде, отличное от помещенного в Музейном и Воронцовском сборниках.

Текст данного фрагмента публикуется в конце статьи.

II

Далее, на лл. 86—86 об. сборника Син. № 951 почерком конца XV—XVI в.⁷ написан летописный фрагмент с известиями 1421—1489 гг. Фрагмент представляет тот самый Вологодско-Пермский летописец, о котором шла речь в начале, но в иной редакции и имеющий продолжение до 1489 г. Известия 6929, 6930, 6934 гг. совпадают или являются сокращением текста Музейного списка (и одновременно «Летописца русского»). Статьи 6971, 6975, 6977, 6979, 6981, 6986 гг. мы не можем сопоставить с Музейным списком (из-за утери листов), но они вновь совпадают или дают сокращенное изложение «Летописца русского», — стало быть, отражают текст Вологодско-Пермского летописца. Статья 6989 г. в значительной мере совпадает с Воронцовским списком и «Летописцем русским», но содержит некоторые дополнения (например, указана дата смерти князя Андрея Меньшого — имеется в Вологодско-Пермской летописи и московских сводах). Известие 6991 г. читается в Воронцовском списке. Сообщение 6992 г. о походе на вогуличей сближается с текстом Воронцовского списка: во-первых, по краткости изложения событий, во-вторых, по дополнению, отсутствующему в Вологодско-Пермской летописи, что Юмшан убежал в лес (в Воронцовском списке — «в непроходимые места и стремнины») ⁸. О походе в Сибирь читается

тилата, а кончано того же месяца в 30 день, на память сбора 12 апостол, в лето же егда пача саидати Новгород». В 1484 г., по сообщению Воскресенской летописи, как раз «начаша здати в Великом Новгороде град камен дитинец по старой основе, на Софейской стороне» (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 215). В новгородских летописях под 1490 г. отмечено уже окончание строительства: «поставлен бысть град камены в Великом Новгороде» (там же, т. IV, ч. 1. Пг., 1915, стр. 459, 527).

⁶ А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 22—27. Совпадают или очень близки известия обоих летописцев за 6896, 6900, 6935, 6936, 6939, 6942, 6961 гг.

⁷ Заметим, что ниже приписаны два известия, из которых позднейшее — о женитьбе Василия III на Соломонии Сабуровой относятся к 1505 г.

⁸ Так же читалось в летописце, который был привлечен для пополнения известий Никоновской летописи в Лицевом своде (ПСРЛ, т. XII. СПб., 1911, стр. 215).

и в Вологодско-Пермской летописи, но зато здесь отсутствует известие нашего летописца, что «побиша много татар Тюмеских». Отсутствуют в Музейном и Воронцовском списках (где текст заканчивается 6994 г.) известия 6995 и 6997 гг.; в летописце имеется ряд деталей, не отыскиваемых в известных нам сводах: сообщается, что в походе на Казань участвовали рати «конная и судовая», что казанский царь был захвачен вместе «с двема князи Чеботаевыми детьми», что пленных великий князь велел «побити на Кучкове»; рассказ о походе на Вятку дополняется известием, что Даниил Щеня был послан «с конною ратью», а «в судовой Звенец да Юрьи Шестак да Салтык Травин».

Указанный фрагмент Вологодско-Пермского летописца публикуется в конце статьи.

III

Важный материал о Вологодско-Пермском летописании XV в. содержится в первой рукописи (лл. 3—94, 96—102 об.) сборника ГИМ, Син. № 963. Эта часть сборника датируется (по водяным знакам) концом XVI в., состав ее описан М. Н. Тихомировым⁹. Летописный текст начинается на л. 8 об. выпиской из Сказания о князьях Владимирских («Бысть убо некий воевода новгородский именем Гостомысл»). «Летописные сведения, — отмечает М. Н. Тихомиров, — даны в сокращении, а отчасти и в переделке; известия начала XVI в. даны в более полном виде и близки к Русскому Временнику; последнее известие 1524 (7032) г. посвящено походу на Казань»¹⁰. Состав этой части (лл. 8 об.—67 об.) является сложным. После упомянутой выписки из Сказания о князьях Владимирских следуют известия, заканчивающиеся рассказом об убийстве Бориса и Глеба и о поражении Святополка на Альте. Затем изложение возвращается к более ранней статье 991 г. и уже последовательно доводится до 1500 г. (лл. 21 об.—49). В этой части также имеются выписки из Сказания о князьях Владимирских, помещенные по существу на отдельных листах и отделенные от летописного текста пропусками¹¹. Известия 991—1500 гг. наиболее близки к Вологодско-Пермской летописи (далее — ВП). Последующий текст (начинается со статьи 1504 г.) к ВП никакого отношения уже не имеет и в определенной части, как отметил М. Н. Тихомиров, сходен с «Русским Временником».

⁹ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 120—122.

¹⁰ Там же, стр. 121.

¹¹ Л. 23 чистый, на лл. 23 об.—26 об. первая выписка («От великого князя Рюрика четвертое колено великий князь Владимир»), остальная часть л. 26 об. и половина л. 27 оставлены чистыми; на лл. 28—32 вторая выписка («Родство великих князей Литовских»), после оковчания выписки на л. 32 оставлены чистыми несколько строк, а внизу помещена летописная статья 6774 г.

Самостоятельный характер летописца 1500 г. подтверждается существованием отдельного его списка, содержащего летописный фрагмент от 1454 до 1500 г., — ЦГАДА, Маз. № 373 (лл. 71—83), XVII в.¹² Текст в Маз. № 373 оканчивается в точности теми же словами, что и статья 1500 г. в сборнике Син. № 963.

Летописец 1500 г. в сокращенном виде передает текст ВП, повторяя ее основную конструкцию [до 1418 г. источником являлась Софийская I летопись (далее — С I) старшей редакции, после этого года — московское великокняжеское летописание конца XV в.] и характерные особенности текста (в том числе и специфические северные известия). Так, под 6499 г. здесь представлена та же переделка известия С I, что и в ВП (Лондонский список). Как и в ВП, имеем аналогичное сокращение текста С I в статьях 6501, 6545, 6557, 6849, 6861, 6879, 6885, 6906 гг.¹³ Интересно, что в качестве известий летописца в ряде случаев использованы заголовки ВП (под 6677, 6745, 6754, 6827, 6836, 6849, 6879, 6887, 6898, 6939, 6954, 6955, 6958, 6971 гг.). Под 6991 г., как и в ВП, помещено северное известие о походе московских воевод на вогуличей. В перечислении участников военных экспедиций под 7004 и 7007 гг., как и в ВП, указаны «Пермичи». Совпадает с ВП такое общерусское известие, как сообщение под 7000 г. об аресте Андрея Большого и вызове в Москву князя Бориса Волоцкого.

Редакция ВП, использованная в летописце 1500 г., отличается близостью к старшим редакциям этой летописи (списки Лондонский и Академический) и ее общерусской основе (списки Беловского, Музейный и Воронцовский). Так, статья 6499 г. совпадает со списком Беловского и Лондонским (в редакции 1538 г. в тексте имеется дополнение). Под 6501 г. в летописце читается «брати» — как в списке Беловского и С I, во всех списках ВП — «бити». Совпадают со списками Лондонским и Академическим известия 6861 г. — о вокняжении Ивана Ивановича, 6900 г. (в летописце под 6905 г.) — о женитьбе князя Василия Дмитриевича, 6948 г. — о рождении князя Ивана Васильевича. Под 6955 г. сказано, что Шемяка отпустил великого князя «со княгинею», — так читается в списках Беловского, Воронцовском и Лондонском, во всех остальных списках ВП — «с великою княгинею»¹⁴. Под 7007 г., как и в списке Беловского (во второй его части), читается «на Югорскую землю», во всех остальных списках — «в Ноугородцкую землю»¹⁵; как в списках Беловского и Лондонском, сообщается,

¹² М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 88—91. Содержание летописца, правда, не определено, отмечен только его краткий характер и опубликованы частично известия 7006 и 7007 гг.

¹³ Характерно также, что под 6906 г., в известии о походе новгородцев, читается «рати», «наши», — как в старшей редакции С I и ВП (в младшей редакции — «вои», «новгородци»).

¹⁴ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 205.

¹⁵ Там же, стр. 291.

что князя Ивана Мунынду «посадили на Москве в железех», — в других списках это известие отсутствует. В летописце подробнее говорится о венчании Дмитрия-внука (под 7006 г.). События 7007 г. изложены полнее и в более ранней версии, чем в ВП: сообщается, что великий князь велел арестовать Патриكيةва и Ряполовского за «их измену», что при назначении Василия Ивановича великим князем новгородским Иван III «вину ему отдал». Последняя деталь (как и некоторые другие) связывает наш летописец с великокняжеским сводом конца XV в., фрагмент которого сохранился в новгородской владычной летописи¹⁶.

Таким образом, в летописце 1500 г. отразилась редакция ВП, которая предшествовала Лондонскому списку. Заключительные статьи летописца донесли до нас текст великокняжеского летописания конца XV в., не прошедшего цензуры при Василии III.

Другим источником летописца 1500 г. был известный нам Вологодско-Пермский летописец 1486 г. Его влияние сказывается сначала в отдельных чтениях статей 6959 г. («того же дни и прочь поидоша»), 6960 г. («июня в 4 день женися князь велики Иван»). Целиком заимствованы из данного источника статьи 6963, 6966, 6980, 6981, 6984 гг., а также отдельные известия под 6986 (поход на Новгород), 6987 (освящение Успенского собора), 6989 («стояние» Ахмата на Угре), 6991 (женитьба Ивана Ивановича), 6993 (поход на Тверь), 6994 (взятие Твери) гг.

Следует отметить влияние фольклорных традиций в тексте летописца, которое сказалось в наименовании Сотко «Богатым» (под 6557 г.) и князя Дмитрия Ивановича — «Задонским» (под 6895 г.)¹⁷.

В конце статьи публикуется текст летописца 1500 г.¹⁸ Следует учитывать, что в Синодальном сборнике летописец находится в составе компиляции, «чистый» его текст дает лишь Мазуринский список. Тем не менее за основной список принят Син. № 963 (лл. 21 об.—49) как более полный и ранний; две выписки из Сказания о князьях Владимирских (лл. 23 об.—26 об., 28—32), носящие характер механической вставки, в издание не включены. Для вариантов использован Маз. № 373. Синодальный список обозначается буквой С, Мазуринский — буквой М.

¹⁶ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 180—181; см. также А. А. Зимин. События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III. — В сб.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 91—103.

¹⁷ «Задонским» называют Дмитрия Ивановича связанные с ранними этапами вологодско-пермского летописания Холмогорская летопись и летописный фрагмент из сборника Увар. № 206 (Я. С. Лурье. Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 144; Н. Ф. Дробленкова. Летописные заметки за 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар. № 206 (1776). — Там же, стр. 314).

¹⁸ Буквы старого алфавита заменяются современными, «ъ» в конце слова опускается, выносные знаки вносятся в строку.

В лѣто 6896. Мая 19 преставися князь велики Дмитрей *л. 85 об.* Иоановиче.

В лѣто 6900. Преставися старецъ Сергии Троицкой.

В лѣто 6934. Преставися князь велики Василии Дмитреевичъ при Фотее митрополите в само мор.

В лѣто 6935. Бысть мор на Вологдѣ и на Бѣлозерѣ.

В лѣто 6935. Преставися преподобны игумен Кирил, старецъ святы Бѣлозерскы.

В лѣто 6936. Преставися преподобны игумен ¹ Никон чудотворецъ.

В лѣто 6939. Июля 1 в неделю преставися Фотѣи митрополит.

В лѣто 6942. Марта 14 преставися Христофор игумен Кириловской.

В лѣто 6961. Априля погорѣ вноути града Москва. Того же || лѣта преставися княгини великая Софѣя. В то же лѣто преставися *л. 86* князь Дмитрей Юрьевичъ.

В лѣто 6961. Убиша Вогуличи епископа Питирима Пърмьскаго.

В лѣто 6970. Марта 27 в неделю преставися князь велики Василии Васильевичъ.

В лѣто 6900 девятыдесять третье. Князь велики Иоан Васи[ль]евичъ всея Руси ходил ратию на Тѣверь, да Твере взял, а князь тѣверскы бѣжал в Литву.

В лѣто 6994. Мѣсяца мая 10 день, на память святого апостола Симона Зилота, в 12 на десять час дни бысть посещение божие ², град на Вологдѣ погоре мало не весе. А церкви погорѣли: Въскресе-ние съборная, Вознесение, Благовещение, Рожество Христово, Покров святыя Богородица, Иоан Предтеча, Собор святы[я] Бого-родица, Илия Велики; и добро оу люд[ей] много сгорѣло.

II

В лѣто 6929. Была коркота.

л. 86

В лѣто 6930. Меженина.

В лѣто 6934. Приде мор велик из Немець во Псков и на Тѣфирь и на Москву ¹ и на всю Русь¹.

В лѣто 6971. Явишася чудотворци в Ярославли.

В лѣто 6975. Преставися княгини великая Марья Ивана Васильевича.

В лѣто 6977. Рать болшаа на Казань.

В лѣто 6979. Побиты Наугородци на Шелонѣ и на Двинѣ, а на зиму ту по Рожестве явися звѣзда хвостата. || И царь Махмут *л. 86 об.* на лѣто Олексин взял.

В лѣто 6981. Князь Юрьи Васильевичъ преставися. Тое же осени князь велики Иван Васильевичъ другою женою женися, приведена из Рима, царевну Софью.

¹ в *рукоп.* игумены ² в *рукоп.* божие въ ¹⁻¹ *приписано над строкой*

В лѣто 6986. Князь Иваи Васильевичъ взялъ Новгород Велики, и колоколъ вѣщной спустили, привезли на Москву.

В лѣто 6989. Стоялъ Ахмут царь на Угрѣ до зимы. Страшно. А на лѣто июля 5 преставился князь Андрѣи Меншии Васильевичъ.

В лѣто 6991. Князь велики И[в]аи Ивановичъ женися, поят за са дщерь Ивана Стефана воеводы Молдовлахискаго Елену.

В лѣто 6992. Великого князя воеводы ходили князь Федор Курбьской да Иваи Салтыкъ Травни на Вогуличи, на Асыку да на Юмшана, с Вологжанъ да со Устюжанъ. И бися Юмшан и убѣжа в лѣс; и побиха много татар Тюмеских и Сибирь плѣнниша и одолѣша.

В лѣто 93. Преставился великая² Марфа инока Василья Васильевича.

В лѣто 6995. Посылалъ князь велшки на Казань воевод своих, князя Данила Холмьского, рать конная и судовая. И одолѣша Казань и царя поимали Алягама со царицею и с матерью и с двѣма князи Чеботаевыми дѣтьми. И велѣлъ их князь велики побити на Кучковѣ, а царя Алегаму заточи на Вологду.

В лѣто 6997. Посылалъ князь велики на Вятку своих воевод: с конною ратью князя Данила Щейя, а в судовои Звенець да Юрьи Шестак да Салтыкъ Травни, — Вятку одолѣлъ да и развел.

III

л. 21 об. В лето 6499. Посла Владимир к Новгороду архиепископа Иакима требища разарити и Перуна посещи и вся люди крестити.

В лето 6501. Иде Владимир на Ховраты с вои. И се Печенежи приидоша об ону страну Сулы. Владимир же поиде противу им и стрете я на Трубежи на бродѣ, где ныне Переславль. И ста Владимир на сей стране, а Печенежи на той стране. И приехав князь Печенежский к рече и позва Владимира и рече: выступи ты свой мужь, а яз свой да ся борета, да аще твой мужь ударит моим, да ся не воюем
л. 22 за три лета, аще ли нашъ ударит твоим, да ѿ воюем¹ за три же лета. И разыдошася разнѡ. И на утрии приидоша Печенежи и начаша звати: есть ли мужь, се нашъ готов. Владимир же тоѡ ноци повеле облещися во оружие и приступиша к рече обои и выпустиша свой мужь. Печенежский бе бо великъ и страшенъ зело, выпусти же Владимир свой мужь, бе бо средній телом. И узре Печенежанинъ и восмеяся. И размеривше оба помы и пустивше друг ко другу. И яста ся крепко брати и удави Печенежанина в руце до смерти и удари им о землю. И крикуша Печенежи и побегоша, а Русь гониша их, секущи я. Владимир же рад бысть и заложилъ церковь соборную святого Михаила, занеже перея славу отрок той. Владимир же великим мужеством сотвори его и отца его, и возвратися в Киев с победою и славою великою.

В лето 6545. Град Киев свершеи и церковь святая София совершена.

² далее пропущено княгини ¹ в рукоп. не воюем

В лето 6553. Владимир князь заложи церковь святую Софию в Великом Новеграде.

В лето 6557. Згоре церковь святая Софья 13 верхов имуща, идеже ныне постави церковь камениую Бориса и Глеба Сотко Богатой.

В лето 6558. Священна бысть святая Софья в Новгороде сентября в 14 день повелением великого князя Ярослава. || ...

В лето 6667. Князь велики Андрей Юрьевич заложи церковь л. 27
в Володимере Успение святей богородицы о едином версе, и дасть ей многое имение, слободы и села лутчая и Владимирское княжение.

В лето 6677. Отселе наста Суздальское княжение князем Андреем Юрьевичем, а стол великое княжение град Владимирь. ||

В лето 6683. Убиен бысть князь велики Андрей Боголюбский, л. 27 об.
свои его слуге убиша, ²Петр Кучков зять, Анбал ключник его, Аким Кучковичь, 20 их числом².

В лето 6745. О взятъи Руской земли от царя Батъи. На зиме пришед попленили землю Рускую.

В лето 6754. Убиение князя Микхала Черниговскаго и боярина его Феодора от царя Батъи во Орде. || ...

В лето 6774. Блаженный князь Домант з дружиною своею л. 32
и со всем домом своим оставлеше отечество свое и землю Литовскую, приеха во Псков, и бе ему нмя во святом крещении Тимофей. ||

В лето 6796. Преставися Игнатей епископ Ростовский. л. 32 об.

В лето 6827. Убиение великого князя Микхала Ярославича Тверскаго во Орде от царя Азбьяка.

В лето 6833. Заложена бысть церкви каменна святыя богородица на Москве. И того же лета приеха изо Орды посол именем Щолкан на Тверь.

²В лето 6834-е. Преставися Петр митрополит всеа Русии².

В лето 6836. Княжение великого князя Ивана Данильевича Московскаго. Того же лета преставися князь Костянтин Ростовски.

В лето 6849. Преставися князь велики Иван Данильевич, л. 33
княжив лет 18, а преставися в черньцех и в схиме. Княжение великого князя Семиона Ивановича Московскаго.

В лето 6861. Преставися князь велики Семен Иванович, княжив 13 лет. Того же лета сяде на великое княжение князь Иван Ивановичь.

В лето 6862. Поставлен бысть во Цариграде Алексей митрополитом Киеву и всеа Русии.

В лето 6867. Преставися князь велики Иван Ивановичь, княжив лет 6.

В лето 6870. Сяде на великое княжение князь велики Дмитрий Ивановичь.

В лето 6879. Княжение великого князя || Микхала Тверскаго. л. 33 об.
Тое же зимы у великого князя Дмитрея Ивановича родися сын князь Василей.

²⁻² приписано другим почерком

³⁻³ приписано другим почерком

В лето 6885. Преставися Алексей митрополит Киевский на Москве. Того же лета взяша татарове Нижний Новгород.

В лето 6887. Побойще великому князю Дмитрею Ивановичю на Дону с Мамаем.

В лето 6890. О Московском взятии от царя Тактамышя и о пленении земли Руския.

В лето 6895. Преставися князь велики Дмитрий Иванович Задонской.

л. 34 В лето 6898. Княжение великого князя || Василия Дмитриевича.

В лето 6905. Князь велики Василей Дмитриевич женися, понял у князя Витовта.

В лето 6906. Ходяша Новгородцы ратью за Волок, воевода посадник Тимофей Юрьевич, да Юрьи Дмитриевич, да Василей Синец, а рати с ними было 3000. И воеваша Белозерские волости и Галицкие взяша на щит и Устьюг пожгоша, а под Орлецем стояша месяц бьющися, за руки нмаючи. Заволочаны же з городка убиша Левушку. Наши же взяша Орлец и раскопаша, а на Двинянех взяли окупа 2000 рублей да 3000 коней, а наместника великого князя сослаша.

л. 34 об. В лето 6926. Убыен бысть на Вятке || Анфал Никитин и сын его Нестер от Михаила Росохина июня 11 дня.

В лето 6930. Глад бысть велик по всей Руской земли, на Москве оков ржи по рублю, на Костроме по два рубля, в Нижнем Новгороде оков ржи по двести алтын. Мор бысть от гладу и всякую мертвечину ели.

В лето 6933. Февраля в 27 день в 3 час ночи преставися князь велики Василей Дмитриевич.

В лето 6935-е ⁴. Преставися ⁵преподобный Кирил игумен Белозерский⁶.

В лето 6939. О великом князе Василии Васильевичи, как его пожаловал царь великим княжением ⁶.

л. 35 В лето 6940. Сентября в 8 день || князь Юрьи Дмитриевич поиде за великим князем Василием ко Орде княжения просити.

В лето 6941. Женился князь велики Василей Васильевич на Москве февраля 8 день, понял Ярославлю дщерь Владимирича княжну Марью.

В лето 6944. Ослеплен бысть князь Василей Юрьевич, князю Дмитрею Шемяке брат.

В лето 6948. Родися великому князю сын Иван генваря 22 день.

В лето 6949. Сентября в 22 день преставися князь Дмитрий Юрьевич Красной.

л. 35 об. В лето 6954. О поимании великого князя, како поиман бысть у Троицы в Сергиеве монастыре князем Иваном Андреѣвичем Можайским, а велел князь Дмитрий Шемяка, да и очи выняли.

⁴ в дате 6935 цифра 5 написана по стертую ⁵⁻⁶ написано по стертую другим почерком ⁶ этот заголовок относится к следующему году

В лето 6955. О великом князи Василии Темном и о его детех, как их князь Дмитрей Шемяка выпустил с Углича, и вотчину дал великому князю Вологду со всем, отпусти а детми и со княгинею.

В лето 6958. Побл князь велики Василей князя Дмитрея Шемяку под Галичем и град Галич омилив и иаместники своя посажав по всей вотчине той и поиде к Москве. И прииде на Москву на маслеиной неделе, а Шемяка убеже к Великому Новуграду.

В лето 6959. Был на Москве князь Семен Олелкович у своей бабы у великих княгини Софы Витовтовны и у дяди своего у великого князя Василия. Тое же весны было великомученика Георгия в великий пяток. Того же лета прииде весть великому князю, что идет на него изгоном из Седи-Ахметовы Орды царевич Ма-зовша, и князь велики съеха за Волгу, бе бо не успел собратися. А татарове пришедше посады у Москвы пожгоша и много зла сотвориша, того же дни и прочь поидоша.

В лето 6960. Прииде весть великому князю, что князь Дмитрей Шемяка идет к Устюгу. Князь же велики с Васильева дни поиде против его. Крещенье бысть ему у Троицы в Сергиеве монастыре, а оттуду поиде к Ярославлю. Из Ярославля же отпусти сына своего великого князя Ивана на Кокшенгу против князя Дмитрея, а сам поиде к Костроме, а с Костромы отпустил с сыном своим сниматися царевича Ягуа. А преже того послал князя Василия Ярославича да князя Семена Иваиовича Оболенского да Федора Басенка и иных многих дворян своих к Устюгу ж. А князь Дмитрей стоя под Устюгом же, услышав то, что идет рать на него, пожег посад Устюжской и побеже. А князь велики Иваи да царевич с ним шед на Кокшенгу и градки их поимаша, а землю плевиша, а ходиша до усть Ваги и до Осипова Поля. И оттоле возвратишася назад вси здрави со многим пленом и с великою корыстью. Того же лета июня в 4 день женися князь велики Иваи, у великого князя Бориса Александровича Тверского поиял дщерь его Марью. Того же лета августа 8 день родися великому князю Василию сын князь Ондрей Мейшой.

В лето 6961. Преставися великая княгини Софья Витовтовна во мнишеском чину. Того же лета июня в 23 день прииде весть к великому князю из Новгорода, что князь Дмитрей Шемяка умре напрасно в Новгороде и положен бысть в Юрьеве монастыре. Пригонил с тою вестью подьячей Беда, а оттоле бысть дьяк.

В ? лето 6962. Можайск взял⁸, а князь Иваи Можайской к Литве побежал.

В лето 6963. Приходили к берегу татарове Седи-Ахметевы⁹. И убит¹⁰ тогда князь Семен Бабичь.

В лето 6965. Июля¹¹ 10 день поимал князь велики¹² князя Василия Ярославича¹³ на Москве и послал его в заточение на

? Отсюда начинается список М³⁻⁸ князь великий Василей Васильевич
взя за себя Можаяск⁹ Седи-Ахметовы¹⁰ убиен бысть
11 июля в 12 великий Василей Васильевич¹³ Ярославича

Угличь ¹⁴, а сын его князь Иван первые ¹⁵ жены и княгини ¹⁶ его другая бежали ¹⁷ в Литву. ¹⁸Тое же зимы, февраля в 15 день, родися великому князю сын Иван¹⁸.

В лето 6969. Преставися князь велики ¹² Борис ¹⁹Тверский Александрович ¹⁹ и ²⁰седе по нем сын его князь Михайло во Твери²⁰. ²¹Тое же весны, марта в 31 день, преставися Иона митрополит на Москве²¹.

В лето 6970. ²²Марта в 7 день ²³ преставися князь велики ²³ Василей Васильевич.²⁴И седе²⁴ на ²⁵великом княжении²⁵ сын его а. 38 Иван ²⁶; а дру||гому сыну своему князю Юрию дал Дмитров, Можайск ²⁷, Серпухов ²⁸ и тех ²⁹ градов ³⁰ власти и села и казну, чем его благословила ³¹баба его великая княгини Софья³¹; а ³² князю Ондрию ³³ Болшему ³⁴ дал Угличь ³⁵, ³⁶Бежецкий Верх, Звенигород³⁶ и иные власти и села; а ³⁷ князю Борису дал Волок Ламский ³⁸ да Ржеву да Русу ³⁹ и все волости ⁴⁰ и села прабабы его Мары Голтыевы по ее приказу; а меншему ⁴¹ князю Ондрию ⁴² дал Вологду со всем да Заозерье ⁴³ и к тому и ⁴⁴ иные волости ⁴⁵ и села многие ⁴⁶. А казну свою всю и Романов городок и что есть власти и села ⁴⁷во всем⁴⁷ великом княжении, что ⁴⁸ бывало за ⁴⁹великими княгинями прежними⁴⁹ и что сам поимал у кого у изменников многое а. 38 об. множество и что прикупил, || то все дал своей великой княгини ⁵⁰ Мары ⁵¹.

В лето 6971. ⁵²Обретенъе мощем⁵² благовернаго князя Феодора⁵³ Ростиславича и ⁵⁴его детей⁵⁴ во граде Ярославли ⁵⁵ в монастыре ⁵⁶ святого ⁵⁷ Спаса.

В лето 6975. Апреля ⁵⁸ в 25 день преставися великая княгини ⁵⁹ Марья ⁶⁰, положена ⁶¹ в церкви Вознесении ⁶².

В лето 6976. ⁶³Февраля в 11 день⁶³ женися князь ⁶⁴ Иван Васильевич вторые ⁶⁵ на Софьи ⁶⁶ от царства Константинограда ⁶⁷.

¹⁴ Угличь ¹⁵ первая ¹⁶ княгиня ¹⁷ бежаше ¹⁸⁻¹⁸ В лето 6966. Родися великому князю Ивану Васильевичу сын Иван февраля в 15 день ¹⁹⁻¹⁹ Александровичъ Тверский ²⁰⁻²⁰ по нем сядя на великое княжение во Твери сын его князь Михайло ²¹⁻²¹ нет ²²⁻²² нет ²³ великий ²⁴⁻²⁴ а по нем сяде ²⁵⁻²⁵ великое княжение на Москве бо|шой ²⁶ князь великий Иван Васильевичъ. А при себе князь великий Василей Васильевичъ детей своих поделил городами: большого сына своего князя Ивана Васильевича благословил его быти ему на Москве и дал великое княжение ²⁷ Можаяск ²⁸ Серпухов, Медынь ²⁹ всех ³⁰ техъ ³¹ городов ³¹⁻³¹ Можаяск ³² Серпухов, Медынь ³³ баба его ³⁴ а третьему сыну своему ³⁵ Андрею ³⁶ Болшому ³⁷ Угличь Поле ³⁸⁻³⁸ Звенигород, Бежецкой Верхъ ³⁹ четвертому сыну своему ⁴⁰ Ламской ⁴¹ Рузу ⁴² власти ⁴³ меншему сыну своему ⁴⁴ Андрею ⁴⁵ Заозерье и Кубею ⁴⁶ нет ⁴⁷ власти ⁴⁸ многия ⁴⁹⁻⁴⁹ нет ⁵⁰ и что ⁵¹⁻⁵¹ прежними великими княгинями ⁵² княгине ⁵³ Марии. Того же году митрополит Феодосей оставя митрополитство иде в Чюдоев монастырь. ⁵⁴⁻⁵⁴ Обретенъе мощи ⁵⁵ Федора ⁵⁶⁻⁵⁶ детей его Давыда и Константина, Смоленских и Ерославских ⁵⁷ Ерославле ⁵⁸ монастыри ⁵⁹ святого ⁶⁰ Апреля ⁶¹ княгиня ⁶² Мария и ⁶³ положена бысть ⁶⁴ в Вознесенском монастыри ⁶⁵⁻⁶⁵ нет ⁶⁶ князь великий ⁶⁷ во вторых Софье ⁶⁸ Константинограда, приведена из Рима, дщерь Фомы деспота

В лето 6978. Маия в 27 день женися князь Андрей Васильевич Углицкий ⁶⁸ на Москве, понял ⁶⁹ княжну Ульянию ⁷⁰ князь ⁷¹ Романиову дщерь.

В лето 6979. Был бой воеводам великого князя з Двиняны, Василию Федоровичю Образцу, а с ним Устюжане ⁷², || да Борису ^{а. 39} Слещу, а с ним Вятчане ⁷³. А ⁷⁴бой им был ⁷⁴ на Двине со князем Василием Шуйским, а с ним Заволочье все, Двиняне; было же с ним ⁷⁵ рати 12 000 ⁷⁶, а с великого князя воеводами ?? было рати 4000 ⁷⁸ без 30 ⁷⁹ человек.

⁸⁰В лето 6980. Июля в 14 день, в неделю порану, на память святого апостола Акилы, бой был великого князя воеводам перебрэд реку Шелону. Новгородские рати было 40 000, а великого князя рати было 5000⁸⁰, не устрашишася и побиха их. А сам князь велики ⁸¹ не был с силами. На память святых мученик Бориса и Глеба прииде князь велики ⁸² в Русу и тут ⁸³ повелел ⁸⁴ казнити главною казнию новгородских ⁸⁵ посадников за их измену: || Дмитрия Иса- ^{а. 39 об.} кова Борецкого ⁸⁶, да ⁸⁷ Василия Селезнева ⁸⁸, да ⁸⁹ Еремея Сухо-щека, да ⁹⁰ Киприяна Арзубиева, а иных многих послал ⁹⁰ на Москву⁹⁰, повеле ⁹¹ их вметати в тюрьму, а мелких велел отпущати к Новгороду, а ⁹² Василия Казимерова, да Кузму ⁹³ Григорьева, да Якова Федорова, да ⁹⁴ Матфея Селезнева, ⁹⁵ да Кузму Грузева, да⁹⁶ Федота Базина велел отвести ⁹⁶ на Коломну ⁹⁷ да поковать их⁹⁷. И новгородцы ⁹⁸ добиша челом; а полон, которой туто ⁹⁹ есть, велел ¹⁰⁰ отпустить, а которой отведен, и ¹ тех отдати. А ¹ добиша челом великому князю 16 000 рублей опричь ² братьи ³ великого князя и ⁴ прочих бояр⁴ и воевод ⁵ и опричь всех бояр⁶, которые не печаловались о ⁶ них. А земля их вся плеле||на и пож- ^{а. 40} жена ? и ⁸ до моря ⁹.

¹⁰В лета 6980. Начата делати на Москве церковь Пречистые успения соборная¹⁰.

Амморейского ⁶⁸ Углицкой ⁶⁹ понел ⁷⁰ Ульяну ⁷¹ князя ⁷² Устюжане ⁷³ Вятчане ⁷⁴⁻⁷⁴ был им бой ⁷⁵ ними ⁷⁶ двенадцать тысящ ⁷⁷ воеводы ⁷⁸ 4 тысящи ⁷⁹ тридцати ⁸⁰⁻⁸⁰ Был бой июля в 14 день, в понедельник порану, на память святого апостола Акилы, а новгородские рати было 40 тысящ, а великого князя рати было 15 000, те ся с ними были перебрэдчи реку Шелону и ⁸¹ великий ⁸² великий Иван Васильевич ⁸³ тех ⁸⁴ повеле ⁸⁵ нов[го]родцов ⁸⁶ Берецкого ⁸⁷ нет ⁸⁸ Селезнева ⁸⁹ нет ⁹⁰⁻⁹⁰ к Москве, а ⁹¹ велел ⁹² нет ⁹³ Козму ⁹⁴ нет ⁹⁵⁻⁹⁵ Козму Грузова ⁹⁶ отвести ⁹⁷⁻⁹⁷ нет ⁹⁸ новгородцы ⁹⁹ тута ¹⁰⁰ повелел ¹⁻¹ тот велел отдати. И ² опроче ³ братьи ⁴⁻⁴ бояр прочих ⁵⁻⁵ нет ⁶ об ⁷ позжена ⁸ нет ⁹ моря. А князь великий прииде из Новгорода в лето 6980, сентября в 1 день. Того же лета, апреля в 30 день, заложил Филип митрополит церковь на Москве Успение пречистые богородицы, первыя болши, на том же месте. И егда раскопаше рвы, обретоша мощи святых митрополитов Киприяна и Фотия и святого Иону митрополита вынеша целы мощи и Петра чудотворца вынеша из гроба, его же сам себе своими руками сотвори, и положиша его в нове гробе камене. И июня в 1 день пренесоша его и положиша на старом месте у жертвенника. Того же лета приходил царь Ахмет Болшие Орды и взял град Алексин. В лето 6981. Преставися князь Юрий Васильевич ¹⁰⁻¹⁰ нет

В лето 6982. Мая в 8 день, в 1¹¹ час нощи, паде церковь¹² Пречистые¹³, бе бо¹⁴ аделана до сводов¹⁵, и¹⁶ чудотворца Петра¹⁶ гроб засыпа, но¹⁷ ничим же вреди его¹⁷.

¹⁸В лето 6981. Преставися князь Юрьи Васильевичъ. Тое же а. 40 об. осени женился князь || велики Иван Васильевичъ другою женою, приведе за него из Рима дщерь Фомы деспота Амореяского Софья¹⁸.

В лето 6986. Прииде князь велики¹⁹ ратью к²⁰ Новугороду к Великому²⁰ и²¹ град взя²¹ и колокол²² свесити повеле²² и привез на Москву, и прочая грады²³ и места поимал, а²³ посадников сведе. Того же лета преставися преподобны²⁴ Пафнотей игумен Боровский²⁵ мая 1²⁶ день.

В лето 6987. Марта в 25 день, в²⁷ 1²⁸ час нощи, родися великому князю Ивану Васильевичю сын от царевны Софьи и наречен бысть Василей²⁹ Парийски; крести его архиепископ Ростовски Васьян, у Троицы в Сергиеве монастыре, да игумен Троицкой Паисия³⁰ апреля³¹, || в неделю цветоносную³⁰.

В лето 6980³¹. Поиде³² князь велики³³ князь³⁴ Иван³⁵ к Новугороду³⁶ миром. Тое же зимы братья великого князя, князь Ондрей³⁷ да князь Борис, отступшиа от великого князя про удел отчины княжъ³⁸ Юрьевы брата своего, княгини отослаша³⁹ во Ржеву, а князь Борис⁴⁰ поиде с Волока⁴⁰ к⁴¹ Угличю⁴² ко князю Ондрею⁴³, да⁴⁴ на Угличи были⁴⁴ доколе князь⁴⁵ велики пришел из Новагорода к Москве. И как пришел князь велики⁴⁵, и братья его поидоша с⁴⁶ Углича по Тверскому⁴⁶ ко Ржеве⁴⁷ февраля в 13 день⁴⁷, а отголе к Лукам к⁴⁸ Великим. Того же лета⁴⁹, марта 23⁵⁰ день, родися великому князю сын и наречен бысть⁵¹ Георгие Митулински.

а. 41 об. В лето 6989. Июля в 5 день преставися || князь Андрей Васильевич Меншой на Москве⁵¹. Того же лета прииде царь Ордынский Ахмет к Угре реке и⁵² стоя на бреже лето все и осень и до зимы,

¹¹ первый ¹² соборная церковь ¹³ пречистые богородицы ¹⁴ бо уже ¹⁵ сводов, и паде две стены предняя да северная страна вся по олтарь, и полаты, и столпы, и своды вси ¹⁶⁻¹⁶ Петра чудотворца ¹⁷ нет ¹⁸⁻¹⁸ В лето 6984. Ходил князь великий к Новуграду миром. Того же году на масляное заговенье, февраля в 25 день, в 1 час дни тма бысть яко с пол часа, и смятохомся и страх и трепет велик нападе на люди ¹⁹ великий Иван Васильевич ²⁰⁻²⁰ Великому Новуграду ²¹⁻²¹ взял град ²²⁻²² свесил ²³⁻²³ новгородцкие поимал и ²⁴ преподобный ²⁵⁻²⁵ игумен Пафнотий иже в Боровске ²⁶ в 1 ²⁷ во ²⁸ 8 ²⁹⁻²⁹ Парийский; крещен бысть у Троицы в Сергиеве монастыре, а крестил его епископ Ростовский Касьян да Троецкой игумен Паисей апреля ³⁰ цветоносную. Того же лета совершена бысть на Москве соборная церковь Успения святых богородицы и освящена бысть месяца августа во второй на десять день Геронтием митрополитом ³¹ 6988 ³² Прииде ³³ великий ³⁴ нет ³⁵ Иван Васильевич ³⁶ Новуграду ³⁷ Андрей ³⁸ князя ³⁹ отослаше ⁴⁰⁻⁴⁰ с Волока поиде ⁴¹ ко ⁴² Угличю ⁴³ Андрею ⁴⁴⁻⁴⁴ были на Угличе ⁴⁵⁻⁴⁵ великий пришел из Новагорода к Москве. Тое же зимы, февраля в 13 день, и как князь великий к Москве пришел ⁴⁶⁻⁴⁶ Углича ко Твери и ⁴⁷⁻⁴⁷ нет ⁴⁸ нет ⁴⁹ году ⁵⁰ в 23 ⁵¹⁻⁵¹ Георгий ⁵² а князь

и мрази ⁶²велики быша⁶³ тогда. А ⁶⁴братья великого ⁶⁵князя князь Ондрей ⁶⁶да ⁶⁷князь Борис ⁶⁸помиршася с великим князем⁶⁹ и приидоша к великому князю на Угру. Царь же слышав ⁶⁹⁶⁹приход их и⁶⁰ побеже ко Орде⁶¹. ⁶²Того же лета, октября в 6 день⁶² родися великому князю ⁶³сын, наречен ⁶⁴Дмитрей. Того же лета Перекопский царь Мен-Гирей ⁶⁵воевал Подолскую землю королеву.

В лето 6991⁶⁶. Отпустил князь велики ⁶⁷с Москвы на ⁶⁸Вогулскаго князя на Асыку⁶⁸ своего сына боярского ⁶⁹воеводу Ивана Ивановича Салтыка, а другого ⁷⁰воево⁷⁰ду князя Феодора ⁷¹Курбьскаго ⁷². ⁷³Тое же осени родися великому князю сын. Тое же весны, мая 6 день князь велики Иван Васильевич заложил церковь каменну Благовещенье святей богородицы на своем дворе. А. 42

В лето 6991. Женился князь велики Иван Иванович Московский, понял за себя дочь Стефана воеводы Молдовлахийскаго Елену⁷³.

В лето 6992. По слову с великим князем ⁷⁴царь Мен-Гирей ⁷⁵взял град Киев ⁷⁶и огнем зжег и воеводу пана Ходка свел⁷⁶. Того же лета ⁷⁷родися великому князю дочь княжна Елена, иже бысть за королем Александром Литовским. ⁷⁸Того же лета второе князь велики рать посылал ко Твери, и много воеваша || и плелу много А. 42 об. взяша, и много крови⁷⁸ от обою страну излился. И князь велики ⁷⁹Тверской ⁸⁰добил челом на всей воли великого князя. ⁸¹Того же лета родися великому князю княжна Феодосия⁸¹.

⁸²В лето 6993. Июля 19 день заложена бысть на Москве на реце стрелница⁸², а под нею веден тайник, делал ⁸³Антон ⁸⁴Фрязин. ⁸⁵Того же лета преставися великая княгини Марья великого князя Василия Васильевича, наречена во мнишеском чину Марфа⁸⁵. Того же лета, августа в 31 день, священа бысть церкви на митрополич ⁸⁶дворе пречистые Ризыположенье ⁸⁷. ||

⁸⁸Ваятье Тверское⁸⁸.

А. 43

великий Иван с силами своими ⁵³⁻⁵³быша великий ⁵⁴нет ⁵⁵же великово ⁵⁶Андрей ⁵⁷и ⁵⁸⁻⁵⁸смиршася ⁵⁹услышав ⁶⁰⁻⁶⁰их приход ⁶¹Орде. В лето 6989. Привезоша из Волох за великого князя Ивана Ивановича Стефанову дочь воевину именем Елену, а посылал по нее князь великий боярина Михаила Плещеева и множество детей боярских, и привезли в Филипово говенно, а женился по Крещению в тот же день. Того же лета, июля в 5 день, преставися князь Андрей Васильевич Меншой на Москве ⁶²⁻⁶²В лето 6990 ⁶³князю Ивану Васильевичю ⁶⁴нет ⁶⁵Мин-Гирей ⁶⁶6991. Родися великому князю Ивану Ивановичю сын князь Дмитрий октября в 10 день. Тое же весны, мая в 6 день князь великий Иван Васильевич заложил церковь каменную Благовещенье святыя богородицы на своем дворе. Того же лета ⁶⁷великий ⁶⁸⁻⁶⁸князя Вагульского на Ясыку ⁶⁹боярского ⁷⁰другово ⁷¹Федора ⁷²Кипрскаго ⁷³⁻⁷³нет ⁷⁴князем Иваном Васильевичем ⁷⁵Мин-Гирей ⁷⁶⁻⁷⁶нет ⁷⁷году ⁷⁸⁻⁷⁸В лето 6993. Преставися великая княгиня Мария великого князя Василия Васильевича, во инокинях Марфа. Того же лета посылал князь великий ко Твери рать, и много плелу взяша и воеваша и кровь ⁷⁹великий ⁸⁰Тверский ⁸¹⁻⁸¹нет ⁸²⁻⁸²Того же лета заложена бысть на Москве реке стрелница июля в 9 день ⁸³а делал ее ⁸⁴Онтон ⁸⁵⁻⁸⁵нет ⁸⁶митрополичье ⁸⁷Ризыположение ⁸⁸⁻⁸⁸нет

В лето 6994. Поиде князь велики⁸⁹ с сыном своим великим⁹⁰ князем Иваном и з братьею своею на великого князя Михаила Борисовича Тверского⁹¹. Князь же Михайло не возможе противу стати⁹², бежа в Литву в мале дружине. Князь же велики⁹³ Иван Васильевич взял⁹⁴ град⁹⁵ Тверь и мать его великую княгиню Елену и богатства⁹⁶ много взя⁹⁷ и вся грады и места, и посади⁹⁸ в нем⁹⁹ на столе сына своего⁹⁹ великого князя⁹⁹ Ивана¹⁰⁰.

л. 43 об.

В лето 6995. Марта 21¹ день родися великому князю² сын Семион, а иже в Персиде³. Того же лета великого князя воеводы, князь Данило Холмской, да князь Олександр⁴ Оболенской, да князь Семен Рязполовской и прочии⁵ воеводы, взяли || град Казань⁶ и царя Казанского⁷ Алегамы⁸ изымали и⁹ со¹⁰ царицею и¹¹ мать его и братью¹¹ и сестры поимали и привели к великому князю на Москву. И князь велики¹² послал их в заточенье, а на Казани посадил князь велики¹² из своей руки Ахмет-Аминя. ¹³Того же лета¹³ великого князя воеводы, князь Данило Васильевич Щеня, ¹⁴Вятку взяли¹⁴, а лутчих¹⁵ людей свели з¹⁶ женами и з детьми. Того же лета, августа ¹⁷в 8 день, священа бысть церкви придел у Благовещенья Василей Кесарийски, а ¹⁷в 9 день ¹⁸того же месяца¹⁸ священа бысть церкви Благовещенье ¹⁹святий богородицы¹⁹ на великого князя дворе²⁰.

л. 44

В лето 6998. Преставися князь велики¹² Иван Иванович Молодой²¹ на столе своем на Москве²² марта 7²³ день. Того же месяца роди||ся великому князю Ивану Васильевичу сын князь Ондрей²⁴.

В лето семь тысящное. Сентября в 20 день, ²⁵в 3 час ночи²⁵, князь велики¹² Иван Васильевич поимал брата своего князя Ондрея²⁶ Васильевича Угличского у себя на своем дворе и посади его на казенном дворе. А по дети княжь²⁷ Ондреевы²⁸ послал на Углич того же часа князя Василия княжь²⁷ Иванова сына Юрьевича, да з ним детей боярских, а велел их поимати и посадити в Переславле. А ²⁹княжь Ондреевых бояр и детей боярских²⁹, кои с ним на Москву приехали, ³⁰всех велел³⁰ поимати. А на Углич послал наместником³¹ Ивана Шадру Васильева сына Вельяминова, а в Можаяск послал князя³² Ивана Ромодановского Телеляшу³².

⁸⁹ великий Иван Васильевич ⁹⁰ со ⁹¹ Тверского, и прииде подо Тверь со всеми сидами сентября в 8 день и обступил град ⁹² стояти ⁹³ великий ⁹⁴ взял ⁹⁵ нет ⁹⁶ богатство ⁹⁷ взял ⁹⁸⁻⁹⁹ во Твери ⁹⁹⁻⁹⁹ великим князем ¹⁰⁰ Ивана Ивановича. Того же году родися великому князю княжна Федосья. О Тверском взятъ ¹ в 25 ² князю Ивану Васильевичу ³⁻⁸ нет ⁴ Александра ⁵ прочии ⁶⁻⁸ Казань взяли ⁷ Казанского ⁸ Алемага ⁹ нет ¹⁰ с ¹¹⁻¹¹ матерью и з братью ¹² великий ¹³⁻¹³ в лето 6997 ¹⁴⁻¹⁴ взяли Вятку в останюшны ¹⁵ лутчих ¹⁶ с ¹⁷⁻¹⁷ нет ¹⁸⁻¹⁸ нет ¹⁹⁻¹⁹ пресвятая богородицы на Москве ²⁰ дворе. Того же месяца во 8 день священа бысть церкви предел у Благовещения Василей Кесарийский ²¹ нет ²² во Твери ²³ в 7 ²⁴ Андрей ²⁵⁻²⁵ на Остафьев день Плакиды, во вторник, во 2 час ночи ²⁶ Андрея ²⁷ князя ²⁸ Андреевы ²⁹⁻²⁹ бояр и детей боярских князя Андреевых ³⁰⁻³⁰ велел всех ³¹ наместников ³²⁻³² Романа Ивановича

А князь Борис Васильевич, ³³великого князя брат³³, после || поимания ³⁴княжь Одреева³⁴ брата своего ³⁵приежжал ³⁶к великому князю из своей отчины ³⁷с Волока и быв у великого князя и поехал к собе на Волок ³⁸. А. 44 об.

В лето 7004. Апреля ³⁹24 день князь велики ¹²Иван Васильевич послал воевод своих князя Василия Косого, князя Ивана Юрьевича, Якова Захарьина ⁴⁰, Андрея Федоровича и иных воевод многих со многими силами ⁴¹под град Выбор немец воевати⁴¹. И града не ваяша, а волости повоеваша и ходиша до Полины ⁴²реки, а полону ⁴³безчислено ⁴⁴приведоша. Тогда же убиша под градом Выбором Ивана Суботу Андреева ⁴⁵сына Плещева пицалью. ⁴⁶Того же лета⁴⁶ посмал князь велики ¹²Иван Васильевич воевод своих, князей Ушатых, || Ивана Бородатого да Петра, за море Немец воевати да Каян, а с ними силы: Устюжане ⁴⁷, Пермичи, ⁴⁸Двиняне, Важане⁴⁸, — погосты повоеваша ⁴⁹и бусу ваяша. Того же лета пришед ⁵⁰Немцы с моря в бусах ваяша Ивангород пицальми огненными ⁵¹. ⁵²Во граде был воевода великого князя⁵² князь Юрьн Бабичъ, и убежа из града чрез стену, а княгиню ⁵³свою выпровадил наперед себя⁵³, и наимались добра ⁵⁴безчислено ⁵⁵. А. 45

В лето 7006. Декабря вспалился ⁵⁶князь велики ¹²Иван Васильевич на сына своего на князя Василия и на его мать великую княгиню Софью. Тое ⁵⁷же зимы, февраля в 4 день ⁵⁸, князь велики ¹²Иван Васильевич всея Русии ⁵⁹благословил и пожаловал великим княжением Владимирским ⁶⁰и Московским⁶⁰ и всея Русии ⁶¹. А. 45 об.

В лето 7000 седмаго. Князь велики Иван Васильевич посла воевод своих ратию, князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василия Ивановича Бражника, на Югорскую землю, оттуду на Вогуличи, а с ними Устюжане, Вятчане,

В лето 7007. Велед князь великий Иван Васильевич поимати бояр своих за их измену князя Ивана Юрьевича з детьми, со князем Василием да со князем Иваном, да князя Семена Ряполовского, и обыскав их измену хотел казнити смертною казнию, и упросил ихъ Симон

Одоевскаго Телеляху ³³⁻³³ брат великого князя ³⁴⁻³⁴ нет ³⁵ князя Андрея ³⁶ приезжал ³⁷ в отчины ³⁸ Волок. Тое же осени приидоша с Печеры Одрей Петровичъ да Василей Иванов сын Болтац, что посмал князь великий с ними немец Ивана да Виктора на Печеру искати руды серебряные. И они руду нашли меденую в великого князя вотчине на реке на Цылле, не доходя Космы реки за пол динца, а от Печеры реки за семь динищ ³⁹Апреля в ⁴⁰Захарьевича ⁴¹⁻⁴¹ немец воевать под Выбар ⁴² оные ⁴³ полон ⁴⁴ безчисленно плениша и ⁴⁵ Одреева ⁴⁶⁻⁴⁶ В лето 7005 ⁴⁷ Устюжане, да ⁴⁸⁻⁴⁸ да Двиняне, да Важане ⁴⁹ повоеваше ⁵⁰ пришедше ⁵¹ огненными ⁵²⁻⁵² а воевода был великого князя в том городе ⁵³⁻⁵³ наперед выпровадил ⁵⁴ Немцы добра ⁵⁵ безчисленна ⁵⁶ в 8 день воспалился ⁵⁷ И тое ⁵⁸ день, в неделю о мытари и фарисен, на память Сидора Пилусийскаго ⁵⁹ России ⁶⁰⁻⁶⁰ нет ⁶¹ Руси ⁶² Дмитрия ⁶³ Ивановича. А посажение его быше в церкви Пречистые на Москве по благословению Симона митрополита, архиепископов и епископов и всего священнаго собора Руския митрополии. Возложи на него бармы Манамаховы и шапку и сына его князь Юрьн Ивановичъ, дядя его, алатом и серебром трижды пред Пречистою и пред Архангелом. И князь

Пермичи, Двиняне, Важане. Того же лета велел князь велики Иван Васильевич поимати бояр своих за их измену, князя Ивана Юрьевича з детми да князя Семена Рязполовского, и обыскав их измену велел князя Семена казнити смертною казнью, а князя Ивана Юрьевича по печалованию митрополичю и владык || пожаловал, смертную казнь отдал, отпустил его с сыном со князем Василием в черицы, а князя Ивана Мунынку посадили за приставы. Того же лета, марта 21 день, князь велики Иван Васильевич пожаловал сына своего князя Василия, вину ему отдал и нарек его государем великим князем и дал ему в великое княжение Великий Новгород и Псков, да и свою великую княгиню Софью пожаловал, нелюбья отдал и начат жити с нею по первому.*

митрополит и владыки; князь же великий повеле князя Ивана Юрьевича постричи на Москве и в железех послати в Сергиев монастырь, а сына его князя Василия послати в Кирилов монастырь, постригши, в железех же, а князя Ивана посадити на Москве в железех, а князя Семена Рязполовского казни смертию на Москве реке. Того же году, марта в 21 день, князь великий Иван Васильевич пожаловал сына своего князя Василия, вину ему отдал и нарек его государем великим князем и дал ему великое княжение Великий Новгород и Псков, да и свою великую княгиню Софью пожаловал, нелюбья отдал⁶⁴, почал с нею жити по прежнему. Того же году князь великий Иван Васильевич послал воевод своих ратью, князя Семена Федоровича Кипрьского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василия Ивановича Бражника, на Югорскую землю и оттуду на Углич, а с ними Устюжәне и Вятчане, Пермичи, Двиняне, Важане.**

Того же лета прииде⁶⁵ весть к великому князю Ивану Васильевичу, что зять его князь велики¹² Александр Литовский учал нудити дщерь⁶⁶ его, свою⁶⁶ великую княгиню Елену, от греческаго закона в римский. И послал⁶⁷ послов своих || к нему князя Василия Ромодановского да дьяка Василия Кулешина, чтоб дщери его⁶⁸, а своей⁶⁹ великой⁷⁰ княгини Елены⁷¹, чрез утверженне⁷² грамоты не нудил⁷³ от греческого⁷⁴ закона в римский, а⁷⁵ держал бы еси⁷⁶ в греческом законе. И князь велики¹³ Александр Литовский отказал к великому князю послы⁷⁷ его⁶⁸, что его⁷⁸ дщери⁷⁹ к римскому закону не нудити⁸⁰.

В лето 7008. Прислал⁸¹ к великому князю Ивану Васильевичу бити челом князь Семен Бельский, чтоб его⁶⁸ пожаловал и с вотчиною ваял в службу. И князь велики¹³ князя Семена пожаловал,

великий того же дни сотвори шир велик на внука своего на великого князя Дмитрия Ивановича и на митрополита и на владык, и дарил князь великий внука своего — крест золот парашиньской с ченью златою да пояс златой с камением драгим да сердоличную коробку

* Текст по списку С. ** Текст по списку М

⁶⁴ Над строкой надписано: ей и вину ⁶⁵ приде ⁶⁶⁻⁶⁶ ево ⁶⁷ посла ⁶⁸ ево ⁶⁹ а свое ⁷⁰ великие ⁷¹ Елену ⁷² утверженне ⁷³ нудил бы ⁷⁴ греческого ⁷⁵ и ⁷⁶ ее ⁷⁷ с послы ⁷⁸ он ⁷⁹ дщерь ево ⁸⁰ нудил ⁸¹ призлал

взял его и ⁸² с вотчиною со отказом. А ⁸³ приехал князь Семен
 к великому князю ⁸⁴апреля 12⁸⁴, в неделю цветную. И того же ме-
 сяца апреля ⁸⁵ прислал к великому князю князь Олександр ⁸⁶
 Литовский о Бельском и о иных делах ⁸⁷посла своего ⁸⁸пана Стани-
 слава Кишку, воеводу Смоленского ⁸⁹, да писаря Феодора ⁹⁰ Тол-
 стого ⁹¹. И князь велики ⁹² отвечал послом литовским, что ⁹³ взял
 князя Семена и с вотчиною тоя для нужи, что нудит приступить
 к римскому закону, а приказал к нему ⁹⁴ сь ⁹⁵ его послы ⁹⁶, паном
 Станиславом и с ⁹⁷ Федором, чтоб дщери его Елены, а своею ⁹⁸
 великие ⁹⁹ княгини, не нудил от греческого ¹⁰⁰ закона в римский
 да и ¹⁰¹ всея Руси, которые ему служат, а учнешь иудити и от тое
 нужи ¹⁰² поедут к нам, и нам их примати и с вотчинами и стояти
 за них сколке ¹ нам ² бог поможет. И ³ после того, того же месяца
 апреля ⁴, прислал к великому князю Ивану Васильевичю || бити ^{4. 47 об.}
 челом князь Семен князь ⁵ Иванов сын Оидреевича ⁶ Можайской
 да князь Василей князь Иванов сын Андреевича Шемякии, что на
 них пришла великая нужда ⁷ о греческом законе и государь бы их по-
 жаловал, взял и ⁸ с вотчинами. И ⁹ послал от ¹⁰ них со отказом Ивана
 Телешова, а с ¹¹ розметною ¹² послал к великому князю Александру
 Офонаса ¹³ Шеюка Вязметина, а ко князем послал боярина ¹⁴
 и воеводу своего ¹⁵ Якова Захарьича ¹⁶ и иных воевод со многими
 людьми. И Яков Захарьич ¹⁷ пошел ¹⁸ с Москвы мая в 3 день,
 в неделю, и пришед в Литовскую землю город Брянеск взял, а вое-
 воду и наместника Брянского ¹⁹ пана Станислава Бартошевича
 поймал и послал к великому князю на Москву, и ²⁰ земских людей
 и ²¹ го||родских привел к целованию за великого князя Ивана Ва-
 сильевича всея ²² Руси ²³. И оттоле ²⁴ пошел Яков Захарьич ²⁵
 ко князю Семену Можайскому да ко князю Василию Шемячичю
 и привел их х ²⁶ крестному целованию на том, что им служити госу-
 дарю великому князю Ивану ²⁷ и з своими вотчинами. И оттоле
 шед Яков Захарьич ²⁸ со князьми, город Путимль взял, а воеводу
 и наместника князя Богдана Глинского ²⁹ поймал и з жеюю. А Юрья
 Захарьича, боярина своего и воеводу, послал князь велики ³⁰
 к Дорогобужу со многими же людьми. Юрьи же шед, Дорогобужь
 взял. Слышав ³¹ то князь велики ³² Александр Литовский, собра
 силу многу и посла на Юрья на ³³ Захарьича воевод своих, панов,
 князя Коистянтина Острожского || гетмана ³⁴, пана Григорья Ости-
 ковича Маргих с людьми. А в ту пору пришел на помощь ³⁵ к Юрью
 Захарьичю князь Данило Васильевич Щеня со тверскою силою.

⁸² нет ⁸³ и ⁸⁴⁻⁸⁴ апреля в 4 день ⁸⁵ апреля ⁸⁶ Александр
⁸⁷⁻⁸⁷ нет ⁸⁸ Смоленского ⁸⁹ Федора ⁹⁰ Толстово ⁹¹ нет ⁹² нему
 Литовскому королю ⁹³ с ⁹⁴ послы с ⁹⁵ нет ⁹⁶ своея ⁹⁷ великия
⁹⁸ греческого ⁹⁹ нет ¹⁰⁰ нужди ¹ сколко ² нет ³ а
⁴ апреля ⁵ князь ⁶ Андреевича ⁷ нужда ⁸ нет ⁹ И князь
 великий Иваи Васильевич ¹⁰ об ¹¹ со ¹² ответною ¹³ Афо-
 наса ¹⁴⁻¹⁴ своего и воеводу ¹⁵ Захарьевича ¹⁶ Захарьевич
¹⁷ пошел ¹⁸ Брянского ¹⁹ нет ²⁰ всея ²¹ Руси ²²⁻²² Яков
 Захарьевич пошел ²³ к ²⁴ Ивану Васильевичю всея России ²⁵ нет
²⁶ Глинского ²⁷ великий ²⁸ слышав же ²⁹ етмана ³⁰ помочь

И снидошася воеводы великого князя с ³¹литовскими людьми³¹ на Миткове, на речке на Ведроше, июля в 14 день, во вторник, на память святого апостола Акилы. И бысть промежь ими бой велик и сеча зла, и божнею милостью и пречистые его матери и молитвами святых отец новых чудотворцов ³² русских одолеша воеводы великого князя и многих князей и панов многих ³³ побиха, ³⁴а иных многих князей и панов³⁴ понмаша ³⁵ и послаша ³⁶ их к великому князю на Москву. А се имена ³⁷ изымаемых панов: князь Константин ³⁸ Острожской ³⁹ гетман ³⁹, да пан Григорей Остиковичь, да пан Литовар Хребтовичь ⁴⁰. А после того мир ваяша. Того же лета князь великий ⁴¹ Иван Васильевич ⁴¹ в Новгороде⁴¹ поотнимал у владыки и у монастырей земли ⁴².

³¹⁻³¹ литовского силою ³² чудотворцев ³³ нет ³⁴⁻³⁴ нет ³⁵ пон-
 маше ³⁶ послаше ³⁷ имена ³⁸ Острожский ³⁹ етман ⁴⁰ Хребто-
 вичь ⁴¹⁻⁴¹ нет ⁴² земли в Новгороде Великом

КРАТКИЙ МОСКОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ
КОНЦА XVII В.
ИЗ ИВАНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В. И. Буганов

В последние десятилетия все большее внимание исследователей, источниковедов и археографов, привлекает позднее русское летописание, до сих пор слабо изученное в отечественной историографии. Широко распространенное в летописеведении представление о том, что русское летописание после ряда столетий бурного развития (примерно с XI до третьей четверти XVI в.) приходит в упадок, даже замирает во второй половине XVI и в XVII в., в последнее время начинает пересматриваться. Этому способствовали описания рукописей с летописными текстами и исследования советских ученых о памятниках летописания этого времени (М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов и др.). В ходе изучения и публикации памятников выясняется сложная и богатая история позднего русского летописания. Помимо сравнительно больших сводов (Новый летописец, Летопись о многих мятежах, Пискаревский летописец и др.), так или иначе введенных в научный оборот, стали известны подчас очень значительные по объему своды, составлявшиеся при патриархе Никоне и царе Алексее Михайловиче, при регентше Софье и в начале правления ее соперника — брата Петра I. Кроме того, характерной чертой этих полутора столетий является составление довольно большого количества кратких летописцев, часто встречающихся в хранилищах нашей страны.

В последнее время найдено и опубликовано, полностью или частично, несколько кратких летописцев XVII в. Среди них — московские летописцы 1630-х и 1690-х годов¹, Бельский летописец² и др. Они важны не только наличием в них ряда интересных сведений по отечественной истории, но и в качестве своеобразных историографических памятников XVII в. К их числу можно отнести и краткий летописчик, хранящийся ныне в Ивановском областном краеведческом музее³. Он написан на столбце почерком конца

¹ ПСРЛ, т. 31. М., 1968; В. И. Буганов, В. И. Корецкий. Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», т. 32. М., 1971.

² В. И. Корецкий. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова. — «Вопросы истории», 1971, № 5; ПСРЛ, т. 34 (подготовлен к печати).

³ Ивановский областной краеведческий музей, Отдел фондов, № 323.

XVII в. на 11 сставах. Водяной знак — герб Амстердама — относится примерно к тому же времени ⁴. На обороте некоторых листов имеются записи и пометы.

Владельческая запись на л. 1 об. почерком 10-х годов XVIII в.: «Лета 1717-го. Сей ⁵ столбец Патриарша духовного приказу подъячего Леонтия Строителева, а подписал я, Леонтей, своею рукою 1718-го марта в 16 день» ⁶.

Запись на л. 3 об. почерком 30-х годов XVIII в.: «в 737-м году ⁷ мая 29 числа, то есть в день пятикостия, в вечерния молитвы загорелось на Знаменке на дву дворах — Милославского да Прозоровского».

Пометы на л. 1 об.: красным карандашом — «1792»; синим карандашом — «XVI [I в.]».

Помета на л. 4 об. красным карандашом: «1792».

Помета на л. 6 об.: синим карандашом — «XVI [I в.]»; красным карандашом — «1793».

Верхняя часть первого сстава оторвана, но отсутствует, по-видимому, небольшая часть текста — вероятно, заголовок и начало переходной фразы от него к основному тексту, конец которой сохранился: «... [написано] ниже сего». Начинается летописец с библейских известий, точнее с исчисления лет: «От Адама до потопа 2242 лета» и т. д. После очень краткого изложения библейской истории идет столь же сжатый, конспективный рассказ об основных событиях русской церковной и светской истории. Заметно сугубое внимание автора к описанию важных, с его точки зрения, событий из истории русской православной церкви: принесению «чудотворных» икон, описанию «чудес» от них, zaloжению церквей и соборов, явлений и преставлений святых, «чудотворцов» — черниговского князя Михаила с боярином Федором, четырех митрополитов XIV—XVI вв. Петра, Алексея, Ионы, Филиппа, игумена Сергия Радонежского, юродивого Василия Блаженного, поставлению и кончинам трех патриархов XVII в. Филарета, Иоасафа, Питирима.

Другой объект пристального интереса автора — московский великокняжеский, царствующий дом, причем в угоду правящим в конце XVII в. особам в летописце явно и в ряде случаев с открытым нарушением исторической правды подчеркивается роль их предков, московских князей, в событиях, в которых они не участвовали, например, в битве на Калке 1223 г. (здесь датируется 6687-м, т. е. 1178/79, годом!). В тексте отмечаются рождения, вокняжения, смерти владимиро-суздальских, затем московских

⁴ К. Тромонин. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844, № 1543, 1592 (1686 г.); Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899, № 3547 (1689 г.); А. А. Гераклитов. Филигрны XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 53—56 (1687—1690 гг.).

⁵⁻⁶ Зачеркнуто коричневыми чернилами (текст написан черными чернилами).

⁷ Далее зачеркнуто: бысть в.

великих князей и царей, их военные подвиги и строительная деятельность. Правда, как и в других случаях, записи кратки, лапидарны; в них упоминаются отнюдь не все правители, а лишь некоторые — Андрей Боголюбский, Александр Невский, Дмитрий Иванович Донской, Василий Дмитриевич (тоже «Донской», как и его отец!), Василий III Иванович, Иван IV, Федор Иванович, Борис Годунов и его сын Федор, Василий Иванович Шуйский, наконец первые три царя династии Романовых — Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Федор Алексеевич. В отдельных случаях упоминаются члены их семейств (например, жена Дмитрия Донского Евдокия, сын Ивана Грозного Дмитрий-царевич, мать Михаила Романова инока Марфа Ивановна). Записи о правящих особах и патриархах становятся несколько более подробны в части за XVII в.; здесь автор сообщает о кончинах этих лиц с наибольшей для его краткого летописца подробностью, обозначая, помимо года, месяца и дня, более детальные данные о времени событий (час, его более дробные составные части).

Данные, которые выходят из пределов только что очерченного круга сведений, тоже вращаются в основном вокруг жизни Москвы, событий, поразивших воображение современников-москвичей; это записи о небесных знамениях, больших пожарах, которые наблюдали и описали жители столицы.

Летописец, вероятно, был составлен в конце XVII в. москвичом, лицом духовного звания. Об этом говорит московский характер записей, особое внимание к московским царям и патриархам, к записям на церковно-исторические темы. С сугубым почитанием относится он к памяти известных на Руси святых, прежде всего московских митрополитов. Для мышления автора, человека, с одной стороны, глубоко верующего, с другой — сугубо житейского, реалистичного, патриархального, характерно «очеловечивание» бесплотных образов, небесных ликов; Иисус Христос для него не только «бог наш», но и «государь наш», Сергей Радонежский — это «преподобный отец наш».

С особым почтением автор относится к Романовым. Он сообщает не только о воцарении Михаила Федоровича, но и дне прихода его из Костромы в Москву и дне царского венчания. Под 1631 годом («генваря в 17 день в 6-м часу ночи») говорит о смерти его матери, которую величает «государыня наша царица и великая старица инока Марфа Ивановна». Далее он пишет о смерти Филарета, рождении Алексея Михайловича. Запись о кончине последнего в 1676 г. датирована с исключительной подробностью: «Лета 7184-го году генваря против 30-го числа в ночи в 4-м часу в 1-й четверти». Здесь же кратко говорится о воцарении его сына «царевича и великого князя Федора Алексеевича всеа России». Любопытно, что брат Федора Петр, о рождении которого под 1672 г. сообщает летописец, называется им «великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем». Это предпочтительное внима-

ние к Петру, сыну Алексея Михайловича от второго брака с Н. К. Нарышкиной, по сравнению с отношением к Федору, его же сыну от первого брака с М. И. Милославской, еще больше подкрепляется тем, что автор, обычно не сообщаящий сведений о браках, женах великих князей и царей, сделал единственное исключение; он поместил только одну запись подобного рода — о браке царя Алексея именно с Н. К. Нарышкиной, умолчав о первом его браке. 25 января 1671 г., по словам автора, Алексей Михайлович (дается пышный титул) «венчался царским вторым венцом, а понял за себя Нарышкиных родов девицу Наталью Кириловну, а венчался в соборной церкви в 7-м часу дня». Эта теплота тона, сравнительная подробность записей позволяют предполагать в авторе сторонника Нарышкиных, Петра I и тех светских и духовных деятелей, которые их поддерживали. Среди последних был патриарх Иоаким (1674—1690), при котором, возможно, и служил автор этого летописца, какой-то анонимный священник или монах одного из московских монастырей. В летописце упоминаются, помимо Успенского и Благовещенского кремлевских соборов, Чудов и Вознесенский монастыри, церкви троицкого и симоновского подворий и некоторые другие. Не исключено также, что автор имел отношение к печатанию книг — под 28 мая 1633 г. особо отмечен факт опустошительного пожара, испепелившего Печатный двор, который «выгорел весь дочиста без остатку». Последняя запись летописца — о московском пожаре 9 июня 1676 г. — явно принадлежит автору, жившему на Петровке: «... Загорелось на Москве в Белом городе на Петровке... А людей згорело у Петровских ворот 370 человек, а иных и не весть сколько». Возможно, автор служил в Петровском монастыре; здесь же располагались палаты Нарышкиных, сохранившиеся до нашего времени («Нарышкинские палаты»).

Последние записи летописца посвящены событиям 1676 г. Вряд ли это означает, что он составлен в том же году или вскоре после него. Особое внимание к Петру I, который называется «царем», и к его матери, сдержанное отношение к Милославским заставляют предполагать, что этот интересный памятник появился в годы правления Софьи в качестве регентши при братьях Иване — «первом царе» и Петре — «втором царе», т. е. в промежутке между маем-июнем 1682 г., когда она и Милославские пришли к власти, и августом 1689 г., когда их от власти устранили. Именно это обстоятельство делает понятным тот факт, что автор предусмотрительно поставил точку в своем сочинении на описании смерти царя Алексея и воцарении его сына Федора, ибо, если бы он продолжил свой рассказ, ему бы пришлось, выдавая еще больше свои симпатии и антипатии, описывать перипетии ожесточенной борьбы за власть между Нарышкиными и Милославскими. А это было небезопасно, учитывая взгляды автора, работавшего, вероятно, в годы торжества Милославских. Думается, эта обстановка борьбы между Милославскими и

Нарышкиными в 1680-е годы, когда сторонники Петра опасались даже за его жизнь, продиктовала включение в летописец записей о рождении Дмитрия-царевича (под 7071, т. е. 1562/63, годом) и его убийстве «повелением Бориса Годунова на Угличе» (под 20 июля 7097, т. е. 1589, года, с ошибкой на два года).

Сочинение нашего летописца не свободно от ряда ошибок, особенно хронологических. Прежде всего это относится к употребляемым в нем системам отсчета лет. В его начале говорится, что Иисус Христос «плотию родися. . . в 5500 лето». Это как будто означает, что отсчет лет основан на т. н. александрийской эре, согласно которой «сотворение мира» состоялось за 5500 лет до рождения Христа, а не за 5508 лет, как принято по византийскому летосчислению. Между тем в последующем изложении события в летописце датируются по византийскому летосчислению; эти датировки сопровождаются ошибками, подчас весьма значительными. Так, битва великого князя Александра на Неве 1240 г. датируется здесь 6689, т. е. 1180/81 годом; взятие Астрахани при Иване IV — 1654 годом!

Имеется и ряд других несообразностей, например в освещении отдельных исторических фактов, событий. Так, убийцами Андрея Боголюбского (во Владимире, 12 марта 1173 г.) выступают его бояре «Овдоким Кубецкий с товарищи». Под 1246 г.: хан Батый сначала убил Михаила черниговского и его боярина Федора и лишь «потом. . . пленил Рускую землю». Под 1407 г.: церковь Вознесения и монастырь при ней заложены по повелению великой княжны Евдокии Лукьяновны (так звали жену царя Михаила Федоровича Романова, урожденную Стрешневу; здесь же имеется в виду, очевидно, Евдокия — Евпраксия Дмитриевна, вдова Дмитрия Ивановича Донского).

Эти и другие неточности говорят об авторе, как о человеке, то ли не очень сведущем в том деле, за которое он взялся, то ли небрежном. При этом, правда, нужно иметь в виду, что для авторов конца XVII в. вообще не был характерен пуризм, ригоризм в смысле точности и ясности изложения. В это время появляется немало сочинений, в том числе исторических, в которых достоверные сведения обильно приправлены вымыслом, легендами и т. д. Таковы многочисленные летописные, хронографические компиляции, сборники, в изобилии составлявшиеся в то время и до сих пор слабо изученные. Среди них — известная Иоакимовская летопись, которая ввела в заблуждение В. Н. Татищева своей якобы «древностью» и вместе с тем удивила его баснословными подробностями. На самом деле это большой летописный свод, составленный по инициативе Иоакима, новгородского митрополита и затем патриарха всероссийского⁸. Вспомним также бесчисленные родословно-разрядные сочинения, компиляции, по-

⁸ М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII в. — «Новгородский исторический сборник», вып. 7. Новгород, 1940; Л. В. Черепнин. «Смута»

делки конца XVII в., времени отмены местничества, сожжения разрядных книг и составления родословных росписей с их неизбежными легендами и фальсификациями.

Некоторые погрешности автора носят явно преднамеренный характер. Таково уже упоминавшееся выше включение московских великих князей в число участников битвы на Калке (под 1178/79 г.). Еще более характерно именование Мамай (под 1380 г.) и Тохтамыша (под 1382 г.) «крымскими царями». Приглашение в начале XVII в. на русский престол иноземца — «литовского короля» (на самом деле — его сына королевича) автор объясняет так: «... для обиды от крымских и немецких людей» (под 1606 г.). Все это вполне объяснимо и актуально в условиях той ожесточенной борьбы с Крымом и Турцией, которую Россия вела в 1670-е—1680-е годы.

Таким образом, перед нами — любопытный памятник позднего русского летописания, своеобразный памфлет, остро и злободневно откликающийся на события внутренней и международной жизни, которые волновали жителей России, ее столицы в переломное время конца XVII столетия. Он принадлежит перу сторонника Петра I и Нарышкиных из числа лиц духовного звания, печатников, возможно из окружения последних русских патриархов. На Печатном дворе, кстати говоря, готовили к изданию прежде всего богослужебные книги; напомню, что в бурные дни Московского восстания 1682 г. по распоряжению патриарха Иоакима были напечатаны сочинения против раскольников — участников движения — «Слово» против Никиты Пустосвята и «Увет духовный»⁹. Из этой среды священников и печатников и вышел, вероятно, автор публикуемого ниже летописца.

Летописец издается по правилам, принятым для публикации источников XVI—XVII вв. Текст передается по современной орфографии с заменой вышедших из употребления букв современными. Буквенные обозначения цифр передаются арабскими. Записи за каждый новый год начинаются с нового абзаца. Киноварные буквы передаются полужирным шрифтом.

А. 1

... ано ниже сего.

От Адама до потопа 2242 лета.

А от потопа до разделения язык 550 лет.

А от разделения язык до Аврама 552 лета.

А от Аврама до исхода 555 лет. А от исхода до Давыда царя 638 лет. А от Давыда царя до пленения 648 лет. А от пленения

А. 2

до Александра, царя македонского, 660 лет. || А от Александра, царя македонского, до Августа, кесаря римского, 260 лет, 90 лет жития его Августова.

и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания). — «Исторические записки», т. 14, 1945; С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — Там же, т. 21, 1947.

⁹ В. И. Буганов. Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

Родися святая богородица до рождества Христова за 14 лет. В пятое на десять лето роди Христа, бога нашего, при том Августе, кесаре римском. Плотию родися государь наш Иисус Христос в 5500 лето. А от рождества Христова до пришествия волхов лето. А от пришествия волхов до Августовой смерти 13 лет. Крестися господь наш Иисус Христос от Иоанна во Иердани в 30 лет. А от крещения Христова до усекиновения Иоаннова лето и месяц 6. А от усекиновения Иоаннова до страсти Христовы 6 месяц. Распят же бысть господь наш Иисус Христос в лето 5533 лето в 30 день в пяток в 6-м часу дня. А воскресе апреля в 1 день в петелегласный в недельный день. И бысть по воскресению являся учеником днем до вознесения своего. Тако же вознесся мая в 19 день в четверг в 9-м часу дня. || А в 20 день мая посла пресвятыи свой дух на свя- **д. 3** тые своя ученики и апостолы.

В день недельный в 3-й час дни пресвятая владычица богородица пребысть в дому Иоанна Богослова. До убийения Стефана архидиакона 6 лет и дней 350. А от вознесения Христова до убийения Стефанова 7 лет. А от Стефанова убийения до являшаго света Павлу 6 месяц. Святая же богородица пребысть в дому Иоанна Богослова 16 лет и месяц 6. Всех лет живота богородицыных от рождества ея 72 лет. Бысть же успению богородицы в лето 5556 лето.

Лета 6662-го году сентября в 7 день принесена бысть чудотворная икона образ пресвятыя богородицы владимирския ис Царяграда великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским. А написан чудотворный образ апостолом и евангелистом Лукою. И в то время богородица была во плоти. А в Володимере стояла чудотворный образ 240 лет. ||

Лета 6677-го году мая в 8 день бысть чудо от иконы честнаго **д. 4** и славнаго знамения пресвятыя богородицы в Великом Новеграде.

Лета 6681-го году марта в 12 день убиен бысть великий князь Андрей Юрьевич Боголюбской от бояр своих от Овданима Кубецкого с товарищи в Володимере.

Лета 6687-го году на реке на Калке в полянах было Кольское побоище у великих князей киевских и московских с татарами с царем Урменем (Умернем, Умренем? — В. Б.). И на том бою побито много русских людей и великих князей киевских и московских и войско их.

Лета 6689-го году был бой на Неве великому князю Александру Невскому с немцами свитцкими. И немец на том бою побито много.

Лета 6755-го году ноября в 4 день убиен бысть благоверный князь Михайло черниговской и болярии его Феодор от безбожнаго царя Батия. И потом царь Батый пленил Рускую землю.

Лета 6833-го году июля в 7 день заложена бысть церковь каменная соборная апостольская Успения пресвятыя богородицы.

Лета 6834-го году декабря в 21 день преставися на Москве чудотворец Петр, митрополит Московской всеа России, пас церковь божию 18 лет 6 месяц.

Лета 6841-го году поставлен на Москве Кремль град деревянной.

- Лета 6873-го году апреля в 2 день Алексей митрополит заложил делать церковь каменную Чюдо архистратига Михаила. ||
4. 5 Лета 6875-го году совершен был Кремль град каменной великим князем Дмитрием Ивановичем Донским.
- Лета 6887-го году ноября в 4 день преставися на Москве чюдотворец Алексей, митрополит Московской всеа Росии.
- Лета 6888-го году великий князь Дмитрий Иванович всеа Росии побил крымского царя Мамай.
- Лета 6890-го году крымской царь Тахтамыш взял Московское государство обманом и крестным целованьем и много православных христиан побил.
- Лета 6892-го году сентября в 5 день преставися преподобный отец наш Сергей игумен, радуженский чюдотворец.
- Лета 6915-го году мая в 12 день великая княжна Евдокея Лукьяновна повеле заложить церковь каменную Вознесения господа нашего Иисуса Христа и монастырь возгради.
- Лета 6951-го году октября в 1 день в 6-м часу нощи спящим людем потрясся град Москва и посады вся, яко же людем живота отчаятися.
- Лета 6961-го году февраля в 17 день преставися на Москве великий князь Василей Дмитриевич Донской, а был на Московском княжении 36 лет.
- Лета 6968-го году поставлена на Москве церковь каменная, что на Троецком подворье.
- Лета 6969-го году ноября в 20 день преставися на Москве чюдотворец Иона, митрополит Московской всеа Росии.
- Лета 6974-го году декабря в 25 день явися чюдотворцы в Ярославле князь Федор Родиславич и дети его князь Константин и князь Давыд. ||
4. 6 Лета 6976-го году апреля в 5 день преставися на Москве преосвященный митрополит Филипп Московской всеа Росии.
- Лета 6998-го году июня в 2 день заложена бысть церковь каменная Благовещения пресвятыя богородицы.
- Лета 6999-го году свершена бысть церковь каменная Введения в церковь пресвятыя богородицы, что на Симоновском подворье. И того же году совершили мастера на Спаских воротах башню.
- Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новгород, вначале Тверскую башню. И того же году бысть явления на небеси — звезда хвостовая была 33 дни.
- Лета 7022-го году великий князь Василей Иванович всеа Росии взял Смоленск град.
- Лета 7030-го году мая в 8 день великий князь Василей Иванович всеа Росии повеле воздвигнути под Москвою Новодевич монастырь, а соборная церковь Смоленская богородица.
- Лета 7038-го году родился на Москве великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии.
- Лета 7060-го году августа в 1 день преставися на Москве Ва-

силий Блаженной, странствовал, нах ходил от десяти лет; а всего жития его было 94 года. ||

Лета 7061-го году царь Иван Васильевич всеа Росии взял ¹ 4.7 Казань град.

Лета 7068-го году октября в 1 день совершена бысть церковь каменная Покров пресвятыя богородицы, что на рву, предивными и различными обрасцы, на одном основании 9 пределов.

Лета 7071-го году родися на Москве царевич Дмитрий Иванович всеа Росии.

Лета 7079-го году во всей Руской земли мор силен был, яко ж многия грады и селы заустели.

Лета 7089-го году король литовской был с великим собранием подо Бсковым ² градом, а с ним было 17 орд. А подо Бсковым ² градом стоял 6 лет, а Пскова града не взял.

Лета 7091-го году марта в 19 день на память святых мученик Хрисанфа и Дария за полтора часа до вечера преставися на Москве великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Росии. И того же году воцарился на Москве сын его царевич Феодар Иванович всеа Росии.

Лета 7094-го году мая в 6 день великий государь царь и великий князь Феодар Иванович всеа Росии повеле заложить город каменной Белой около болшаго посаду, вначале Тверския ворота. А делали его 7 лет. А мастер был имя ему Конь.

Лета 7097-го году июля в 20 день повелением Бориса Годунова на Угличе изменники Данило Битяговской да Митка Качалов убили благовернаго царевича Дмитрия Ивановича всеа Росии. ||

Лета 7104-го году марта в 2 день преставися на Москве царь ^{4.8} Феодар Иванович всеа Росии. И того же году воцарися на Москве царь Борис Годунов.

Лета 7113-го году апреля в 19 день преставися на Москве царь Борис Годунов. И бысть царства его 7 лет 3 месяца. И того же году воцарися на Москве сын его царевич Феодар Борисович всеа Росии 16 лет. А царства его было 2 месяца. И того же году поущением божим чернец и богаотступник Гришка Отрепьев назвался ложно царевичем Дмитрием Ивановичем и велел убить на Москве царя Феодора Борисовича и царицу Борисову жену Марью Годунову. И того же году тот же вор Гришка Отрепьев пришел к Москве со многими литовскими людьми и с рускими воры и сел на Москве царем. И бысть царства его блиско году. И Московского государства бояря и все граждана по совету между собою и того вора Гришку убили и русских воров побили, да литовских изымали да в Литву отослали.

Лета 7114-го году из русских людей из Шуйских князей сел на Москве царем государем Василей Иванович всеа Росии. И бысть царства его 4 года. И грех ради наших учинилося в русских людях смута и царя Василья Ивановича постригли да в Литву отослали,

¹ повторено дважды ² так в рукописи

да литовскому королю крест целовали, а прошали ево на Московское государство для обиды крымских и немецких людей.

а. 9

Лета 7119-го году в великий пост на страстной неделе во вторник Московское государство литва разоряла все дочиста без остатку. || И то же весны пришли под Москву бояря князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Прокофей Лепунов со многими литовскими людьми для очищения Московского государства литовских людей. И того же году на Московское государство выбрали из русских людей Рамаиновых родов царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии. И того же году государь пришел к Москве с Костромы мая в 1 день, а венчался царским венцом того же году июня в 1 день.

Лета 7127-го году июля в 24 день сел на потриарше столе ростовской митрополит Филарет Никитич Московской всеа Росии.

Лета 7134-го году апреля в 6 день бысть за грех ради наших на Москве пожар велик, згорел град Кремль и Китай, и все церкви каменные и деревянные, и царский дом, и потриаршей двор, и государев казенной дворец, и мало не все царское сокровище. И горело каменное и железное и деревянное, и не осталось во всех градах ничево деревянного. И с Ывана Великого и с ыных церквей спесло железо с верхов, до Девичья монастыря и дале бурей несло бес числа силно.

Лета 7137-го году родися на Москве благоверный великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии.

Лета 7139-го году генваря в 17 день в 6-м часу нощи преставися на Москве государыня наша царица и великая старица инока Марфа Иванаовна. ||

а. 10

Лета 7141-го году мая в 28 день горел на Москве в Китае городе и в Белом двор Печатиной, выгорел весь дочиста без остатку.

Лета 7142-го году октября в 1 день преставися на Москве святейший патриарх Филарет Никитич Московской всеа Росии.

Лета 7162-го году июля в 2 день князь Юрья Иванович Пронской взял Астраханское царство и царя Дербипша.

Лета 7176-го году февраля в 1 день поставлен на Москве святейший Иосаф, патриарх Московской всеа Росии, а вят был ис Троецкого монастыря изю архимандритов. И того же году августа в 22 день погорел на Москве Китай город весь дочиста без остатку.

Лета 7179-го году генваря в 25 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, венчался царским вторым венцом, а понял за себя Нарышкиных родов девицу Наталью Кириловну, а венчался в соборной церкви в 7-м часу дня.

Лета 7180-го году февраля в 17 день преставися на Москве святейший Иосаф, патриарх Московской всеа Росии, в полчаса дни, а на потриаршестве был 3 годы. И того же году родися на Москве великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец.

Во 182-м году поставлен на Москве святейший Пятимир, патриарх Московской всеа Росии, а преже сего был в митрополитах в Великом Новеграде. || И того же году апреля в 20 день преставися на Москве святейший Пятимир, патриарх Московской всеа Росии, а на потриаршестве был бес полутора месяца год. 4. 11

Лета 7184-го году генваря против 30-го числа в ноци в 4-м часу в 1-й четверти преставися на Москве великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии. И того же году воцарися на Москве сын ево царевич и великий князь Феодар Алексеевич всеа Росии. И того же году июня в 9 день на память святого отца нашего Кирилла Александрейского загорелося на Москве в Белом городе на Петровке и выгорело до Земляного города да по Тверскую и по Неглинну. А людей згорело у Петровских ворот 370 человек, а иных и не весть сколько.

V. БИБЛИОГРАФИЯ

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЛЕТОПИСАНИЮ (1960—1972 гг.)

А. Н. Казакевич

В настоящей библиографии представлены работы по истории русского, белорусского, украинского и славяно-молдавского летописания, написанные на русском, украинском и белорусском языках и изданные в СССР в 1960—1972 гг. [всего 424 (включая литературные номера) работы и 51 рецензия]. Для составления ее были использованы «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», «Летопись рецензий» и подобные периодические издания Украины и Белоруссии. Учитывались и труды по истории СССР периода феодализма, в которых находятся исследования летописей, сведения о новых списках, описания неизвестных памятников, за исключением описаний славяно-русских рукописей. Не включались в настоящую библиографию работы, в которых исследуются не летописи, а их сведения; не помещались также и рецензии, в которых не затрагиваются вопросы летописания, а также находящиеся в иностранных изданиях.

Аннотация каждой работы дается после названия ее; особенное внимание при этом уделялось источникам и составным частям того или иного летописного памятника, складыванию свода или летописи. Не аннотировались работы, содержание которых достаточно подробно раскрывают их названия.

Составитель выражает глубокую благодарность сотрудникам Института истории СССР АН СССР, а также С. А. Левиной и А. И. Рогову, которые просмотрели настоящую библиографию и сделали ряд ценных замечаний.

1960

1. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.

Глава 1. Новгородская Уваровская летопись, ее списки и состав. Различные составные части летописи: 1-я — до 1500 г., 2-я — с 1500 по 1646 г. Сравнение известий 1-й части с известиями С1Л младшей редакции, списком Царского С1Л, Хронографическим списком Н5Л, Лавр., Н4Л; ее основа — Московский свод 1500—1505 гг., одним из источников которого является список С1Л, — с. 11—27; 2-я часть летописи (после 1500 г. и вставки в текст до 1500 г.). Источник вставок до 1500 г. — Московский летописный свод 1500—1505 гг. и две новгородские летописи. Схема (отношение НУЛ к предшествующим летописям) — с. 27—32.

- Глава 2. НЗЛ. Историография (подробнее — о статье С. К. Шамбинаго) — с. 33—36; обзор издания и 22 списков НЗЛ XVII—XVIII вв. (двух списков пространной редакции и 20 списков краткой) — с. 36—42; пространная редакция, ее основа — НУвЛ; она составлялась при архиепископском дворе — с. 42—44; краткая редакция и ее состав — с. 44—47; НЗЛ и Иоакимовская летопись; между ними нет ничего общего — с. 47—55; пространная редакция НЗЛ составлена в 1682 г., первоначальный вид ее — в 1674—1676 гг.; сокращенный вид краткой редакции составлен не позже 1695 г., полный вид ее — в 1682—1690 гг. — с. 55—71. Глава 3. Новгородская Забелинская летопись. Краткий обзор ее 9 списков XVII—XVIII вв. — с. 71—72; основа НЗабЛ — пространная редакция НЗЛ, дополненная летописцем Псково-Печорского монастыря, особой редакцией Нового летописца, вставками из Синописа, Кратким летописцем новгородских владык, выписками из новгородских летописей, в том числе из «харатейного» летописца — с. 72—76. Глава 4. Новгородская Погодинская летопись. Обзор ее списков XVIII в. — с. 77—83; время составления ее — 80—90-е годы XVII в. — с. 83—84. Глава 5. Компиляции и извлечения из рассмотренных летописей — с. 85—87. Глава 6. Литературная работа составителей новгородских летописей XVII в. — с. 88—133; выводы — с. 134—136; описание рукописей, содержащих списки новгородских летописей XVII в., — с. 137—274; указатель шифров использованных рукописей — с. 290—291.
2. Азбелев С. Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 270—287.
- Обзор списков и состав сборников ГИМ, Увар. № 568; ГПБ, Погод. № 1408; БАН, 34.4.1 — с. 270—271; основа первой части НУвЛ — младшая редакция СЛЛ, дополненная на основании свода 1491 г. и общего источника Воскресенской, Львовской и других летописей, т. е. Московского свода 1500—1505 гг. Источник дополнений до 1500 г. — две новгородские летописи.
3. Альшиц Д. Н. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 617—625.
- Опровержение мнения Н. Е. Андреева, что автором приписок мог быть дьяк Иван Висковатый.
4. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, изд. 2. М.—Л., 1960, в. 1. XVII в. 280 с.

«Летописец Тобольский»; издание С. Я. Румовским в 1791 г. «Краткого Сибирского летописца», издание Г. И. Спасским в 1821 г. отрывков Черепановской летописи, в 1822 и 1824 гг. Есиповской; издание Д. Н. Блудовым сибирских летописей; мнения Н. М. Карамзина, П. Н. Небольсина и С. М. Соловьева о достоверности и предпочтительности Есиповской и Строгановской летописей; предположение А. Ф. Бычкова издать в Археографической комиссии сибирские летописи; записка П. В. Павлова о сибирских летописях и плане их издания; фотолитографическое издание Ремезовской летописи 1880 г.; издание 1907 г. В. В. Майкова — с. 195—207; древнейший список Строгановской летописи и его палеография; Новый летописец и Строгановская летопись — с. 207—213; отрицание Строгановской летописи как исторического источника — с. 213—217;

полемика с С. В. Бахрушиным по поводу палеографических данных Строгановской летописи — с. 217—223; обзор издания сибирских летописей 1907 г. и исследований Н. А. Дворецкой по сибирскому летописанию — с. 223—226; «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири» и летопись Станкевича — с. 227—232; списки «Описания»: ГПБ, Q.IV. № 26; ГПБ, Погод. № 1491; ГБЛ, Муз. № 9087; ГПБ, F.IV. № 858; БАН, 16.8.6; ГБЛ, МДА, № 181; «Описание» в ДРВ; список Библиотеки Тобольского собора в сб. № 8; издание его в 1792 г.; списки: ЦНБ АН УССР, Печ. № 200; ГБЛ, ОИДР, № 452; ГИМ, Забел. № 184/26; БАН, 17.16.3; ЦГАДА, ф. 181, № 223; ГПБ, Титов. № 4173; ГПБ, Q.XVII. № 310; ГБЛ, Муз. № 7564 и их обзор — с. 233—245; Сибирский летописец — с. 245—249; Ремезовская летопись — с. 250—260.

Рец.: Гольденберг Л. А. Источниковедческие очерки о Сибири. XVII—XVIII вв. — «История СССР», 1966, № 5, с. 132—139.

5. Бевзо О. А. «Львівський літопис» и «Острозький літописец» як джерело для вивчення історії України в другій пол. XVI—перш. пол. XVII ст. — В сб. статей «Наук. зап. ін-ту історії АН УРСР», К., 1960, т. 13, с. 39—62.

Историография (труды Д. И. Зубрицкого, М. Н. Тихомирова, его издание Острожского летописца) — с. 39; обзор известий Львовской летописи и Острожского летописца и социальная направленность этих летописей.

6. Бем Ю. О. Научно-теоретическая конференция, посвященная 1100-летию Новгорода (Новгород, август 1959 г.). — ВИ, 1960, № 1, с. 199—205.
Д. С. Лихачев о НЗЛ — с. 200.

7. Будовиц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, 488 с.

Древнейший свод и обзор мнений А. А. Шахматова, Н. К. Никольского, В. М. Истрина, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова относительно его состава — с. 24—47.

8. Генсьорський А. І. Помилкова інтерпретація Длугошем деяких місць Галицько-Волинського літопису. — В сб. статей «Дослідження і матеріали з укр. мови», Львів, 1960, т. 3, с. 16—26.

Источник известий о походе Мстислава в 1208 г. в «Истории» Яна Длугоша — неизвестный галицкий летописный свод.

9. Голобуцкий В. О. Проблема козацтва в українській та іноземній історіографії XVI—перш. пол. XVIII ст. — ВІЖ, 1960, № 1, с. 109—117.

Казачество в летописях Самовидца, Грабянки, Велички — с. 114—117.

10. Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. Учебное пособие. М., 1960. 36 с.

Публикации и исследования русских летописей (деятельность Археографической комиссии, труды И. А. Тихомирова, А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, Д. С. Лихачева) — с. 4—6; свод 1489 г., Уваровская летопись, Сокращенный летописный свод конца XV в. (ЦГАДА, Магур. № 289; ЦГАДА, МГАМИД, № 365), Симеоновская летопись, свод 1493—1494 гг., Хронограф 1512 г., Хронограф 1506 г., Хронограф 1538 г., СЛ по списку Царского, свод 1518 г., Иоасафовская летопись — с. 6—12; областное летописание первой половины XVI в. (свод новгородского архиепископа Геннадия, Русский Временник 1533 г.,

летопись Дубровского, Тверской сборник, Устюжский летописный свод, Псковский свод 1547 г., Двинской летописец, Ростовский летописный свод 1484 г., Типографская Акад. летопись, летописец Марка Левкеинского, отрывок летописи за 1518—1526 гг.) — с. 12—18; Воскресенская летопись, Вологодско-Пермская летопись — с. 18—19; Хронограф западно-русской редакции, Никоновская летопись и ее списки, «Летописец начала царства», Казанский летописец, Степенная книга — с. 19—24; Александро-Невская летопись, приписки к Лицевому своду, свод Корнилия 1547 г. (ПЗЛ), «Летописец новгородским церквам», Волоколамский летописчик Игнатия Зайцева — с. 24—26; методика изучения летописей — с. 27—32; библиография — с. 34—36.

11. Пльенко В. В. Псковизмы в лексике Псковской Первой и Псковской Второй летописей. — В сб. статей «Научные записки Днепропетровского ун-та», Днепропетровск, 1960, т. 70, с. 85—96.

12. Караваяева Е. М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 82—83.

Упоминание о сожжении Хронографа в описи 1788 г.

13. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике XV—начала XVI в. М.—Л., 1960. 532 с.

Оппозиционные к великокняжеской власти своды: свод 70-х годов XV в., С1Л по списку Царского, свод 1489 г. в составе С2Л и Львовской летописей — с. 58—65; жидовствующий еретик Иван Черный как переписчик списка Еллинского летописца 1485 г. — с. 201; политические тенденции сводов 1472 и 1479 гг. — с. 364—367; рассказ о коронации Дмитрия в 1498 г. в летописном отрывке за 1498—1500 гг. — с. 383—384.

14. Мещерский Н. А. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. — ВВ, М.—Л., 1960, т. XVII, с. 57—69.

Летописец Еллинский и Римский 2-го вида — с. 59, 65—66.

15. Милов Л. В., Рогов А. И., Тихомиров М. Н. Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен до конца XV в. М., 1960. 735 с.

Тексты летописей, их переводы и комментарии, посвященные отдельным событиям.

- 15а. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960. 187 с.

Г. Ф. Миллер о Есиповской и Ремезовской летописях — с. 14—15; мнение Н. М. Карамзина о Строгановской летописи и «Истории» Ремезова — с. 14—15; П. А. Словцов о Строгановской летописи — с. 16—18; П. И. Небольсин об «Истории Сибирской» Ремезова, Есиповской и Строгановской летописях — с. 19—21; критика С. М. Соловьевым мнений Небольсина относительно Есиповской и Строгановской летописей — с. 22—25; Л. Н. Майков и его замечания по «Истории» Ремезова и Строгановской летописи — с. 26—27; С. А. Адрианов о Есиповской летописи и ее источниках, об «Истории» Ремезова, полемика с А. А. Дмитриевым — с. 32—37; И. И. Тызнов о протографе Есиповской летописи — с. 37—38; первое издание сибирских летописей — с. 38—39; С. Ф. Платонов о связи между «Повестью о Смутном времени» кн. Катырева-Ростовского и Строгановской летописью — с. 39—40; А. М. Ставрович о Сергее Кубасове как авторе Строгановской летописи — с. 40—41; опровержение ее воззрения

А. А. Введенским — с. 41—43; С. В. Бахрушин о едином протографе Есиповской и Строгановской летописей, оценка самостоятельности Кунгурской повести, об «Истории» Ремезова — с. 43—47; А. И. Андреев о Строгановской летописи — с. 47—49; Д. С. Лихачев о сибирском летописании — с. 54—55; Н. А. Дворецкая о тенденциозности Есиповской летописи — с. 55; Кунгурская летопись — с. 90—97; Есиповская и Строгановская летописи и их идеология — с. 107—135; «История Сибирская» С. У. Ремезова и ее источники — с. 155—159.

Рец.: *Кривошеина Е.* Проблемы присоединения и освоения Сибири. — «Сибирские огни», 1981, № 8, с. 191—192.

16. Очерки истории исторической науки в СССР, М., 1960, т. 2. 862 с.

Труды И. И. Срезневского и М. И. Сухомлинова по исследованию ПВЛ; работы К. Н. Бестужева-Рюмина, И. А. Тихомирова; сводный текст ПВЛ Л. И. Лейбовича; изучение летописей и реформы 60-х годов XIX в. — с. 574—579; фотолитографическое издание сибирской летописи — с. 598—599.

17. Пештич С. Л. О новом периоде в русской историографии и о так называемых официальных петровских летописцах. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 314—322.

«История о владении российских великих князей вкратце» Федора Поликарпова (БАН, 32.6.30), летописи (ЦГАДА, ф. 181, № 849, 358) не являются летописными произведениями.

18. Половой Н. Я. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 105—111.

Источник известий о походе Игоря в 941 г. в ПВЛ, Еллинском летописце, Хронографической палее, НПЛ — народное предание; полемика с В. М. Истриным и А. А. Шахматовым по этому вопросу.

19. Рыбаков Б. А. Спорные вопросы образования Киевской Руси. — ВИ, 1960, № 9, с. 18—26.

Новгородский летописный свод 1050—1054 гг. («Остромирова летопись») — с. 19—20; переработка киевских летописей в Новгороде, недостоверность ее; 3-я редакция ПВЛ 1118 г., ее новгородско-варяжская концепция; авторский текст Нестора, 2-я редакция Сильвестра 1116 г. — с. 20—23.

20. Тихомиров М. Н. Великий Новгород в истории мировой культуры. Расширенный текст доклада, прочитанный в Новгороде на заседании, посвященном 1100-летию города. — ВИ, 1960, № 1, с. 42—52.

Краткий летописец патриарха Никифора, НПЛ по Син. списку — с. 50.

21. Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники. 1. Летописец XV в. с названиями «Россия» и «Российская земля». — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 452—454.

Описание ркп. (Псалтырь — ГИМ, Увар. № 806) и публикация летописи.

22. Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. — ВИ, 1960, № 5, с. 41—56.

Значение вопроса о начале русского летописания; ПВЛ в Устюжской летописи и в НПЛ — с. 41—45; «Повесть о начале Русской земли» (первой

половины XI в.) — с. 47—49; «Сказание о русских князьях» (X в.) — с. 56.

23. Тихомиров М. Н. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — «Вестник АН СССР», 1960, № 8, с. 69—73.

Издание и изучение летописей — комплексная проблема; предложения по их изданию.

24. Черепнин Л. В. Источники по истории антимонольского восстания в Твери в 1327 г. — АЕ за 1958 г. М., 1960, с. 37—53.

Разбор редакций известий о восстании в летописях Рогожской, Тверском сборнике, Ермолинской, Львовской, Воскресенской, Московском летописном своде конца XV в., Никоновской.

1961

25. Азбелев С. Н. Памятники древнерусской письменности в хранилищах Болгарии. — ИА, 1961, № 2, с. 208—212.

Русский Хронограф (XVII в., 473 лл., 3-я разряд., 3-я редакция) в собрании Гос. библиотеки им. В. Коларова в Софии, № 774/346 — с. 209.

26. Бегунов Ю. К. Памяти М. Д. Приселкова. — «История СССР», 1961, № 3, с. 236—237.

Информация о заседании ИРЛИ АН СССР, посвященном 20-летию со дня смерти М. Д. Приселкова; краткий обзор докладов Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье.

27. Брюсова В. Г. Холмогорский летописец и художник XVII в. (об одном из авторов Двинской летописи). — ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVII, с. 445—453.

Составитель летописи — Иван Погорельский.

28. Генсборский А. И. Галицко-волинский летопис. К., 1961, 284 с.

Лексические, фразеологические и стилистические особенности летописи.

29. Дзира Я. І. До питання про джерела архаїзмів у мові творів Тараса Шевченка. — «Укр. мова в школі», 1961, № 5, с. 30—37.

Летопись Велички, история ее издания и использование ее Т. Г. Шевченко.

30. Жаворонков А. З. Летописная книга о Тобольске. — ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVII, с. 495—499.

Изложение текста ее и описание ркп. (архив Тобольского музея, № 11570); рукопись о Тобольске — источник Черепановской летописи.

31. Зуев Е. М. и Копыцкий З. Ю. Хрестоматия по истории СССР, Минск, 1961, ч. 1, с. 156.

Выписки из ПВЛ и «Летописца великих князей литовский» — с. 7—11.

- 31а. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции (Учебное пособие для вузов СССР под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева). М., 1961, 511 с.

Летописи как исторические произведения — с. 23—24; ПВЛ, первая Несторова редакция 1110—1113 гг., переработка Сильвестра — с. 24—27; летописи периода феодальной раздробленности; Галицко-Волинская летопись — с. 27—29; летописание XIV—XV вв.: «Летописец великий

- русский», Троицкая летопись, Московский свод середины XV в., Тверская летопись XV в., общерусский летописный свод в Новгороде середины XV в. — с. 33—34; хронографы (Русский Хронограф Пахомия) — с. 35; летописи конца XV—XVI в.: своды 1472, 1479—1480 гг., белорусско-литовские летописи, Летопись Авраамки, Воскресенская, Никонская летописи, Личевой свод, Псковская летопись, «Летописец начала царства», Царственная книга, Степенная книга — с. 39—43; Хронографы (редакции 1512 г., Продолжение Хронографа редакции 1512 г.) — с. 45—46; ПЛ — с. 50—51; Хронографы XVII в. (1617 г. — 2-я редакция; 1620 г. — 3-я редакция) и их источники — польские и немецкие хроники — с. 51; Новый летописец и его обновленная редакция — «Летопись о многих мятежах» — с. 52; Сибирские летописи (Есиповская, Строгановская, Ремезовская, «Краткая летопись Сибирская», Кунгурская) — с. 56—57; украинские летописи (Густынская, Грабянки, Велички, Самовидца, Львовская, Межигорская, Острожская, Хроника Феодосия Софоновича и «Синописис» Кохановского, Синописис) — с. 58—60; В. Н. Татищев и летописи (Несторова и Иоакимовская) — с. 72; А. Л. Шлецер и его оценка ПЛ — с. 84—85; К. Н. Бестужев-Рюмин и его работы по летописанию — с. 252—253.
32. История Белорусской ССР (в 2 т.), Минск, 1961, т. 1. 655 с.
Белорусские летописи (летопись Авраамки, Баркулабовская, Летописец неизвестного автора середины XVII в.) — с. 148—151.
33. Казакова Н. А. Книгописная деятельность и взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVII, с. 169—200.
Летописец, писанный Гурием Тушиным (ГПБ, Соф. № 1468, лл. 173—179), — с. 190—194; публикация его — с. 198—200.
- 33а. Кузьмин А. Г. Заголовки и киноварные заметки на полях рукописи Симеоновской летописи. — «Вестник Моск. ун-та», История, 1961, № 5, с. 70—79.
Заголовки и заметки находились в протографе Симеоновской летописи; они были механически перенесены в последний в Рязани в конце XV—начале XVI в.
34. Кучкин В. А. О тверском летописном материале в составе двух рукописных сборников. — «Проблемы источниковедения», М., 1961, в. IX, с. 341—349.
Палеографическое описание двух сборников: а) рукописной коллекции Гос. архива Калининской обл., № 1129; б) № 1554, оба конца XVII—начала XVIII в. Содержание указанных сборников: № 1129, лл. 88—139 — летописные отрывки о тверских событиях 1390—1522 гг.; родословие великих тверских князей — лл. 140—141; те же статьи в сб. № 1554; разночтения в летописных статьях и их источники (Кашинская редакция Тверского свода 1425 г., митрополичье летописание XV—начала XVI в. и великокняжеское летописание XV—начала XVI в.).
35. Лихачев Д. С. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников. — ИА, 1961, № 6, с. 145—150.
Опровержение мнения А. М. Ставровиц относительно поддельности Строгановской летописи — с. 146; вставка в Хрущовскую Степенную книгу как подделка (ЦГАДА, МГАМИД, № 26/34) — с. 146—147.

36. Лихачев Д. С. Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961. 120 с.

ПВЛ, местные летописи XI—XIII вв. — с. 18—20; летописание XIV—XV вв. (летописи Троицкая, новгородские, Ипатьевская, Радзивилловская, летописец Еллинский и Римский, Русский Хронограф) — с. 45—46.

37. Марченко М. І. Історія української культури в найдавніших часів до середини XVII ст. К., 1961. 288 с.

ПВЛ и ее редакции — с. 39—43; западнорусское летописание конца XII—XIII в.; Киевская летопись 1200 г., Повесть о битве на реке Калке; Галицко-Волынская летопись и ее редакции (1201—1234, 1265—1266 гг., до 1285 г., до 1289 г. и до 1292 г.) — с. 79—285; западнорусские летописи: Супрасльская или Краткая Киевская, летописец Быховца, Баркулабовская — с. 143—147; украинская историография первой половины XVII в.: Густынская летопись, Киевская летопись — с. 232—245.

38. Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. 400 с.

Летописные записи о Рязани: собственно рязанские — с. 9; анонимные сообщения — с. 9—10; рязанские записи в Никоновской летописи — с. 10—11; элементы рязанского летописания в Воскресенской летописи — с. 11—12; рязанская летопись, бывшая у В. Н. Татищева, — с. 12; свод Ингваря Игоревича — с. 13.

39. Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — «Проблемы источниковедения», М., 1961, в. IX, с. 350—385.

События в Новгороде и свод 1479 г. — с. 350—352; борьба церкви за единство Русской земли и летописание (список «всем градом русским» дальним и ближним) — с. 353—358; Ермолинская летопись и свод 1479 г. — с. 358—364; южнорусский материал в своде 1479 г. — извлечение из новгородско-софийского материала и Троицкой летописи — с. 364—372; южнорусский материал свода и Ипатьевская летопись — с. 372—377; сокращения в своде, влияние дьяков Посольской канцелярии — с. 377—385.

40. Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В сб. статей «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, с. 218—222.

Взаимоотношение текстов свода 1479 г. и Ермолинской летописи в части после ПВЛ до 1425 г.; Ермолинская летопись — сокращение свода 1479 г., сокращенный текст не являлся Владимирским полихроном 1423 г.

41. Орешников А. С. К истории Начального летописного свода (О составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих»). — «Труды МГИАН», М., 1961, т. 16, с. 481—487.

Краткая историография вопроса (труды А. А. Шахматова, Л. В. Черепнина, Д. А. Казаchkовой, И. И. Срезневского, Н. И. Петрова, Е. Е. Голубинского) — с. 481—482; предположение о двух летописных комплексах в Начальном своде: 1) 60—80-е годы XI в.; 2) 90-е годы XI в. Поучение составлено в конце 90-х годов XI—нач. XII в.

42. Петличний І. З. Лексика мови літопису Самовидця. — «Доповіді та повідомлення Львівського ун-ту», Львів, 1961, в. 9, ч. 1, с. 129—132.

Семантические группы слов в летописи; связь ее с народным языком и иноязычные слова в летописи.

43. Подобедова О. И. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — «Проблемы источниковедения», М., 1961, в. IX, с. 280—332.

Обзор литературы по Лицевому своду (издания Царственной книги М. М. Щербатова, И. Е. Глебовского и Г. В. Козицкого, исследования и гипотезы Д. В. Поленова, Н. В. Калачова, А. Ф. Бычкова, И. Е. Забелина, Я. И. Бередникова, А. П. Барсукова, Н. В. Покровского, А. И. Соболевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, А. А. Шахматова); подробнее о работах Н. П. Лихачева и А. Е. Преснякова — с. 280—286; описание томов Лицевого свода и указания на перестановку листов текста — с. 286—297; источники свода, поправки, надписи на полях — с. 297—300; сравнительный обзор текста Лицевого свода и Никоновской летописи — с. 301—309; миниатюры Лицевого свода — с. 309—312; датировка свода, его создатели и мнения исследователей по этому вопросу — с. 312—320; таблица последовательного чтения текста Лицевого свода — с. 321—332.

44. Позднеев А. В. «Слово о полку Игореве» и летописи. — «Проблемы истории литературы», М., 1961, в. 1, с. 5—32.

Сравнение текстов статей 1185 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях — с. 8—12.

45. Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников). — ВВ, М., 1961, т. 18, с. 85—104.

Известия о походе 941 г. в НПЛ, Лаврентьевской, Ипатьевской летописях, Еллинском летописце и влияние на описание этого известия Хроники Амартола и Жития Василия Нового.

46. Поляков Ю. А. и Черепнин Л. В. Вопросы истории СССР на XI Международном конгрессе историков (Стокгольм, август 1960 г.). — «История СССР», 1961, № 1, с. 12—27.

Доклады М. Н. Тихомирова и Б. А. Рыбакова по летописанию — с. 18—19.

47. Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. — ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVII, с. 369—373.

Источник Н2Л — Лисицкая летопись.

48. Сербина К. Н. О происхождении сборника № 645 Синодального собрания Гос. Исторического музея. — В об. статей «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, с. 218—222.

Описание сборника и характеристика летописного свода 1518 г.

49. Шаскольский И. П. Современные норманисты о русской летописи. — «Труды ЛОИИ АН СССР», М.—Л., 1961, в. 3, с. 335—373.

А. А. Шахматов и место рассказа о призвании варягов в ПВЛ — с. 336—337; Начальная летопись в оценке А. Стендер-Петерсена, Г. Пашкевича и Н. Чедвик.

50. Азбелев С. Н. Новгородские былины и летопись. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», М.—Л., 1962, т. 7, с. 44—51.
Летописные известия о Сотко Сытиниче и посаднике «Ваське Буславиче» — с. 44; влияние Никоновской летописи на Новгородскую Погодинскую летопись первоначальной редакции — с. 45.
51. Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. — ТОДРЛ, М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 117—148.
Историография (труды А. Н. Ясинского, А. Е. Преснякова, А. А. Шахматова, С. Ф. Платонова, С. В. Бахрушина, С. Б. Веселовского, Д. Н. Альшица) — с. 117—121; автор приписки 1553 г. — Иван Висковатый — с. 121—139; период приписок — 1568—1570 гг. — с. 138—148.
52. Бегунов Ю. К. V Всесоюзное совещание по древнерусской литературе (Ленинград, май 1962 г.). — «История СССР», 1962, № 6, с. 217—220.
Н. К. Гудзий о роли киевской летописной культуры в создании поздних западнорусских и украинских летописей; мнения других о необходимости изучения киевского летописного наследия в летописании Северо-Восточной Руси — с. 218.
53. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. 308 с.
Споры о степени достоверности Строгановской и Есиповской летописей (работы П. И. Небольсина, С. А. Адрианова, С. В. Бахрушина, А. М. Ставрович, А. И. Андреева) — с. 65—66; описание рукописи Строгановской летописи (ГПБ), изданной в 1907 г.; датировка ее 30—40-ми годами XVII в. — с. 69—70; Строгановская летопись — достоверный исторический источник — с. 70—72; мнения о достоверности Черепановской летописи (работы Н. М. Карамзина, Л. Н. Майкова, Г. Ф. Миллера, А. А. Дмитриева, А. И. Андреева) — с. 85—86; части ее — «Сказания Татарские», «Сказание о происхождении Ермака» — составлены в XVII в. — с. 86—88.
54. Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1962. 372 с.
Свод 1037 г. — с. 25—31; Киево-печерский свод 1073 г. — с. 42—44; второй Киево-печерский летописный свод конца XI в. — с. 44—47; ПВЛ, ее общая характеристика — с. 54—58; ПВЛ редакции Сильвестра — с. 68—69; ПВЛ 3-й редакции — с. 69—70; Галицко-Волынская летопись — с. 127—132; Степенная книга — с. 240; Лицевой свод — с. 241—242.
55. Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (из истории русско-византийских отношений XII в.). — ВВ, М., 1962, т. 21, с. 29—50.
Редакции летописных известий о ростовском епископе Феодоре, епископах Несторе и Леоне в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях — с. 32; опровержение мнения М. Д. Приселкова относительно текста статьи 1164 г. о «леонтианской» ереси — с. 36.
56. Дзира Я. І. Творчість Шевченка і літопис Величка. — «Вітчизна», 1962, № 5, с. 187—203.
История издания летописи и влияние ее на творчество Т. Г. Шевченко.
57. Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.—Л., 1962, 354 с.

Аннотированный указатель названий публикаций летописных текстов

и их исследований с 1674 по 1959 г. на русском, украинском и белорусском языках (всего 2017 названий+литературе). В приложении помещена библиография иностранных работ по русскому летописанию (всего 177 названий), составленная Ю. К. Бегуновым.

Рец.: Гудзий Н. Труд по библиографии русского летописания. — «Вопросы литературы», 1962, № 12, с. 185—187.

Дворецкая Н. А. — «Сов. библиография», 1962, № 6, с. 61—62.

Дзира Я. — УІЖ, 1963, № 2, с. 153—155.

58. Емельянов Л. И. К вопросу о фольклоризме древней русской литературы. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», М—Л., 1962, т. 7, с. 26—43.

Влияние фольклора в ПВЛ (Поучение Владимира Мономаха) — с. 29.

59. К истории московских пожаров 1547 г. (публикация статей летописного сборника XVII в. Подг. И. А. Жарков). — ИА, 1962, № 3, с. 223—256.

Публикация статей летописного сборника XVII в. (ЦГАДА, МГАМИД, № 385/815).

60. Каршиковський П. Й. Балканські походи Русі при Святославі у пізньому руському та слов'янському літописанні. — В сб. статей «Праці Одес. ун-ту», Одесса, 1962, т. 152, Серия ист. наук, в. 9, с. 105—112.

Известия о походе Святослава в Лаврентьевской летописи и Полихроне Фотия — с. 106; Хронограф Пахомия Сербя и Еллинийский летописец как его источник; источники Еллинийского летописца 2-й редакции — славянский перевод хроник Амартала и Иоанна Малалы, особый перевод Хроники Манассии, сербская Александрия, сербские жития святых — с. 106—107; редакция Хронографа 1512 г., Хроника Манассии, Хроника Зоары — с. 108; источник 175-й главы Хронографа редакции 1512 г. — Манассиева хроника и статья ПВЛ «О русских князьях»; известия Никонской, Воскресенской, Иоакимовской летописей о походах Святослава — с. 108—111; Хроника Яна Длугоша (источники ее — Фотиев Полихрон и Галицкая летопись) — с. 111—112.

61. Каршиковський П. Й. «Повість Времених лет» про балканські походи русі при князі Святославі. — В сб. статей «Праці Одес. ун-ту», Одесса, 1962, т. 152, Серия ист. наук, в. 9, с. 96—104.

ПВЛ и ее общая характеристика — с. 96—97; вставки в ПВЛ: известие об осаде Киева печенегами в 6476 г., известия 6478 г. о новгородцах, ищущих князя, 6479 г. об испытании Святослава, договоры с греками, их легендарность и пр. — с. 98—100; переработка Никоном Древнейшего свода и дополнения в летописные известия о Святославе — с. 103—104.

62. Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 208—249.

Краткий обзор летописей: Литовской по списку Уварова, летописи Авраамки, Быховца, летописца Великого княжества Литовского и Жемоньского — с. 208—211.

63. Карский Е. Ф. Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именного летописью Авраамки. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды... с. 345—372.

Описание сборника — с. 345—349.

64. **Корецкий В. И., Александров В. А.** Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М., 1962, 751 с.

Тексты из летописей XVI—XVII вв., посвященные отдельным событиям.

65. **Кочетов С. И.** Троицкий пергаменный список летописи 1408 г. — АЕ за 1961 г. М., 1962, с. 18—27.

Список в описаниях рукописей Троицкой духовной семинарии — с. 19—22; его перемещения — с. 22—24; краткая характеристика летописи, ее влияние на текст Владимирского летописца (ГИМ, Сн. № 793) — с. 24—27.

66. **Крип'якевич І. П.** Джерела з історії Галичини періоду феодалізму. Огляд публікацій. К., 1962. 83 с.

Русские летописи (ПВЛ, Галицко-Волынская летопись) — с. 19—21; летописные заметки Галиции, их надания и указания на них — с. 72—76.

67. **Кудрявцев И. М.** Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания (М.3271). — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1962, в. 25, с. 220—288.

Исторнография (работы А. Н. Насонова) — с. 221; обзор особой редакции Вологодско-Пермской летописи, находящейся в сборнике (лл. 66—255 об.); близость ее к Лондонскому списку Вологодско-Пермской летописи — с. 222—233; другие летописные материалы: отрывок «Повести откуда есть пошла Русская земля» (л. 1—1 об.); совпадение списка новгородских архiereев со списком в Вологодско-Пермской — с. 234—235; краткий летописец с известиями за 1415—1453 и 1485—1486 гг., близость их с соответствующими известиями Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей; Летописец Русский (ГБЛ, Муз. 3841 и ГИМ, Сн. 941) — с. 242—252; публикация в приложении Краткого летописца за 1485—1486 гг.

68. **Курилова Л. А.** Летописное сказание о смерти Олега и его отавуки в некоторых произведениях восточнославянской письменности. — «Наукові записки Дрогобицького пед. ін-ту», Дрогобыч, 1962, т. 9, с. 87—105.

Обзор точек зрения относительно Нестора как автора ПВЛ. Автор легенды о смерти Олега — бывший язычник.

69. **Курмачева М. Д.** В секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР. — «История СССР», 1962, № 4, с. 226—227.

Доклады Н. Н. Воронина и Ю. А. Лимонова по летописанию — с. 226.

70. **Лимонов Ю. А.** Ростово-суздальское летописание середины XII в. (Летописец Юрия Долгорукого). — ИЗ, М., 1962, т. 72, с. 184—216.

Исторнография (работы К. Н. Бестужева-Рюмина, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, В. А. Рыбакова) — с. 185; выделение летописца из сводов Изяслава Мстиславича и Святослава Ольговича — с. 187—213.

71. **Лихачев Д. С.** Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962. 172 с.

Днионисий и Лаврентий — авторы Лаврентьевской летописи — с. 22; Русский Хронограф, его источники: вторая русская редакция Еллинского летописца, Паралипоменон Зонары, Житие Стефана Лазаревича, сербская Александрия, Житие Стефана Дечанского, Житие Илария Мелленского, Житие Саввы, Хроника Манассина — с. 71—72; его литератур-

ное описание — с. 72—80; русское летописание конца XIV—XV в., общий обзор, в котором, между прочим, отмечается рязанская летопись, раздобытая новгородским летописцем Тимофеем в середине XIII в., — с. 100; Тверской великокняжеский свод и свод 1281 г., Киприановский свод 1409 г., Повесть о нашествии Едигея, свод митрополита Фотия 1418 г., Софийский Временник, новгородский свод 30-х годов XV в., великокняжеские своды 1426 и 1462 гг. — с. 100—107.

72. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962. 605 с.

Работа летописца (записи в Троицкой летописи, своде тверского князя Бориса Александровича, Софийском Временнике, Син. списке НПЛ, псковских летописях, летописи Авраамки, Н5Л, С1Л) — с. 341—348; перечень имен летописцев, термин «летописец»; вводимый в научный оборот летописный памятник и его определение — с. 351—357; особенности сличения летописных текстов (в качестве примера — статья А. Н. Насонова «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник») — с. 357—360; комплексность изучения летописных текстов (мнение А. А. Шахматова, критика Д. С. Лихачевым воззрений С. А. Бугославского) — с. 360—365; примат сознательных изменений текста над механическими, мнения А. А. Шахматова и В. М. Истрина — с. 365—368; критика случайности в изменении текста (на примере изучения НПЛ А. А. Шахматовым) — с. 368—377; привлечение исторических данных (на примере исследований А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова) — с. 377—380; использование дублировок, установление местного происхождения летописи — с. 380—389.

73. Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. К 20-летию со дня смерти. — ТОДРЛ, М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 464—480.
74. Лурье Я. С. Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре». — ТОДРЛ, М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 289—293.

Описание и публикация краткого летописца в составе сборника ГПБ, Кир.-Белоз. 14/139, XVI в.

- 74а. Макина М. А. О демократических традициях в литературе древнего Новгорода. — «Новгородский исторический сборник», Новгород, 1962, в. 10, с. 227—233.

Демократические тенденции в своде 1680 г. (ГИМ, Забел. № 261).

75. Мальцев А. Н. Баркулабовская летопись. — АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 291—320 (публикация).
76. Насонов А. Н. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. — «Проблемы источниковедения», М., 1962, в. 10, с. 349—392.

Принадлежность ранних записей о Ростове и Суздале южнорусскому летописанию — с. 351—355; местные записи первой половины XII—XIII в. — с. 355—359; «Старый летописец ростовский» — с. 361; владимирские записи 1149—1152 гг. написаны в Киеве по повелению Юрия Долгорукого — с. 364—368; «Сказание о чудесах от Владимирской иконы богоматери» и владимирское летописание — с. 369—373; две редакции Сказания об убиении Андрея Боголюбского — с. 373—386; владимирская окраска известий 6683—6685 гг. — с. 386—392.

77. Насонов А. Н. Новые источники по истории казанского взятия. — АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 3—26.

Связь и взаимоотношения «Сказания» и «Повести» о казанском взятии с «Летописцем начала царства» — с. 5—6.

78. Полное собрание русских летописей, М., 1962, т. 1. Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку (воспроизведение текста издания 1926 г.). 578 стлб.
79. Полное собрание русских летописей, М., 1962, т. 2. Ипатьевская летопись (воспроизведение текста издания 1908 г.). 93, 87 с.
80. Полное собрание русских летописей, М.—Л., 1962, т. 27 (Никаноровская летопись, Сокращенные летописные своды конца XV в.). 418 с.

Никаноровская летопись, описание ее списков — Ленинградского (БАН, 16.17.1) и Московского (ГБЛ, Муз. № 2913) — с. 3—7; Сокращенный летописный свод 1493 г. и описание его списков (ГПБ, Погод. № 1409; Погод. № 2036; ГБЛ, Беляева № 1512) — с. 7—10; Сокращенный летописный свод 1495 г., описание его списков: Мазуринский (ЦГАДА, Мазур. № 289), Архивский (ЦГАДА, МГАМИД, № 365) — с. 10—11.

Рец.: ИА, 1962, № 5, с. 207.

Лиманов Ю. А. — ВИ, 1963, № 6, с. 133—135.

81. Сахаров А. М. и Муравьев А. В. Очерки русской культуры IX—XVII вв. Пособие для учителя. М., 1962. 347 с.

Свод 1037—1039 гг. — с. 40—41; летописный свод Киево-Печерского монастыря, Начальный свод 90-х годов XI в., ПВЛ и ее редакции — с. 44—51; летописный свод 1200 г. (Киевская летопись), Галицко-Волынская летопись, НПЛ по Синодальному списку, Владимирский свод 1177 г., Летописец Ростова — с. 76—81; Летописание XIV—XV вв. (общий обзор) — с. 128—133; летописи Воскресенская, Никоновская, Ляцевой свод, Царственная книга, Степенная книга — с. 186—189; Новый летописец, Хронограф 1617 г., сибирские летописи — с. 287—288.

82. Тальман Е. М. Археографическая деятельность Института истории АН СССР в 1945—1959 гг. — «Труды МГИАИ», М., 1962, т. 15, с. 113—146.

План издания ПСРЛ М. Д. Приселкова, проспект Института истории АН СССР «Об издании русских летописей» — с. 114—115; издания т. 25 ПСРЛ, НПЛ, псковских летописей — с. 116—118.

83. Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. 1. Древнейший датированный список русской летописи (публикация). — АЕ за 1960 г. М., 1962, с. 234—243+9 лл. таблиц.

Публикация летописца патриарха Никифора.

84. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, М., 1962, в. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. 495 с.

ПВЛ в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях — с. 34—40; источники ПВЛ: Хроника Амартола, Краткий летописец патриарха Никифора, Житие Василия Нового, Библия, договоры Игоря, Святослава с греками, Жития Ольги, Владимира, Сказание об убийстве Бориса и Глеба, легенды — с. 40—47; Начальный свод 1093 г. (НПЛ и ее наводки) — с. 47—49; летописные своды XII—XIII вв. (Владими́ро-Суздальская летопись,

Киевская летопись 1199 г., Галицко-Волынская летопись XIII в., НПЛ, Летописец Переяславля-Залесского) — с. 49—54; хронология летописей, обзор их сведений, мировоззрение их составителей — с. 54—57; изучение Начальной летописи (труды В. Н. Татищева, А. Л. Шлецера, М. Т. Каченовского, П. Г. Буткова, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. А. Шахматова, В. М. Истрина, Н. К. Никольского, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова) — с. 57—67; новгородские летописи — с. 177—190; П1Л, П2Л — с. 180—182; Рогожский летописец, Краткий летописец патриарха Никифора, Ермолинская летопись — с. 183—184; московские летописные своды XV в.: Троицкая летопись, Фотиев Полихрон 1418 г., свод 1448 г., «Летописец великий Русский», Никаноровская летопись, свод 1471 г., свод 1479 г. — с. 184—189; московские летописи XVI в.: Воскресенская, Никоновская, Львовская, Вологодско-Пермская, Типографская, С1Л — с. 254—257; лицевые летописи (Царственная книга) — с. 257—259; Пискаревский летописец и местные летописи: Н2Л, летописцы Лисицкий, Устюжский — с. 260—262; Казанский летописец — с. 262—266; Степенная книга — с. 266—268; хронографы — с. 269—271; Новый летописец — с. 271—273; сибирские летописи: Есиновская, Строгановская, Ремезовская, Кунгурская — с. 274—275; украинские летописи: Густынская, Супрасльская — с. 353—354; белорусско-литовские летописи: краткие летописи, Хроника Великого княжества Литовского и Жемонтского — с. 355—357; Баркулабовская летопись — с. 358—359; поздние украинские летописи: летопись Самовидца, летописи Хмельницкая, Львовская, Грабянки, Велички — с. 362—364.

85. Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. 184 с.

Перечень летописных произведений, преимущественно XVII в., и их описание.

Рец.: Кобрин Б. В. — ВИ, 1962, № 10, с. 142—144.

Буганов В. И. — «Москва», 1962, № 9, с. 216—217.

Сахаров А. М., Шапиро А. Л. Советская литература по проблемам истории русского феодализма в 1962 г. — «История СССР», 1963, № 4, с. 138—157 (о работе М. Н. Тихомирова — с. 145).

86. Тихомиров М. Н. Начало Русской земли. — ВИ, 1962, № 9, с. 40—42.

Известия о начале Русской земли и их датировка в НПЛ и других летописях.

87. Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: Татищев В. Н. История Российская, М.—Л., 1962, т. 1, с. 39—53.

Летописи, использованные В. Н. Татищевым: новгородские XVII в., летопись Иосифа келейника, Несторова летопись, ее редактор Сильвестр и дополнитель Нифонт, епископ новгородский; Симон, епископ владимирский, как летописатель XIII в. — с. 41—45; Кабинетная летопись до 1239 г. — с. 46; Никоновская и Воскресенская летописи и их списки — с. 47; Раскольниковый летописец — с. 47—49; Голицынский манускрипт, Ростовская летопись, Иоакимовская, «Времяни Руский» — с. 49—52.

88. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 583 с.

Летописец Лисицкий — с. 316.

89. Третьякова О. А. и Третьяк В. И. Библиография литературы по истории Новгорода и Новгородской земли, вышедшей во второй половине 1958, 1959 и 1960 гг. — «Новгородский исторический сборник», Новгород, 1962, в. 10, с. 263—275.

Труды С. Н. Азбелева под №№ 84, 85 — «Новгородские летописи XVII в.» (Новгород, 1960) и «Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи» (ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVI, с. 270—287) и А. А. Зимина — «Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в.» (М., 1960) под № 97 по русскому летописанию.

90. Федосова Н. П. Літопис Самовидця і літературний процес другої пол. XVII ст. — «Наукові записки Київ. пед. ин-ту», К., 1962, т. 32, с. 164—176.

Влияние летописи Самовидца в украинской литературе XVII в.

91. Черепиния Л. В. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки. — АЕ за 1961 г. М., 1962, с. 215—235.

Парижский список Воскресенской летописи, содержащий текст с 1353 по 1541 г. (ныне в ГПБ) — с. 224.

92. Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Курсы лекций. Л., 1962. 235 с.

А. А. Шахматов и его труды по летописанию — с. 99—112.

1963

93. Басенко К. В. Научная деятельность А. А. Шахматова (Лингвист. К 100-летию со дня рождения). — «Ученые записки Ровенского педагогического ин-та», Ровно, 1963, т. 8, с. 5—8.

А. А. Шахматов как исследователь летописания — с. 7.

94. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.

Хронология летописей Лаврентьевской, Ипатьевской, НПЛ старшего извода и НПЛ младшего извода.

95. Буганов В. И. Источниковедение в трудах академика М. Н. Тихомирова. — «Проблемы источниковедения», М., 1963, в. 11, с. 514—523.

Работы М. Н. Тихомирова по истории русского летописания (Московский свод конца XV в., Вологодско-Пермская летопись, начальное летописание, издание летописей) — с. 517—518.

96. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в. — В сб. статей «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, с. 158—165.

Румянцевский список (ГБЛ, Рум. № 246) и оригинал — Лондонский список. Копия летописи: список А. Беловского (Библиотека АН УССР во Львове, ф. Оссолинских, № 2126) и список Оссолинских (там же, № 2178).

97. Валяк С. Н. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 5—20.

«Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы» М. Н. Тихомирова; работа М. Н. Тихомирова над краткими летописцами и над изданием ПСРЛ; Эрмитажный и Уваровский списки свода 1479 г.

98. Винокур Т. Г. К вопросу об использовании языка как исторического источника. — «Труды МГИАИ», М., 1963, т. 17, с. 437—465.
Значение лексикографии в исследованиях А. А. Шахматова — с. 452—454.
99. Воронин Н. Н. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. — «История СССР», 1963, № 3, с. 80—97.
Мнения историков о составлении Повести — с. 80—83; ее агнографические черты — с. 84; автор ее — поп Микула, составитель Сказания о чудесах от Владимирской иконы богородицы — с. 88—91; сравнение текста Повести в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях — с. 91—97.
100. Гудзий Н. К. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах. — В сб. статей «Славянские литературы». М., 1963, с. 14—46.
Галицко-Волинская летопись — с. 16; «Летописец русских царей» — с. 17; летописи Супрасльская, Уваровская, Авраамки, «Летописец русских князей и земли Русские» — с. 17—20; Густинская летопись, летописец Волыни и Украины, Хроника Феодосия Софоновича, Синописис, Хроника Боболинского — с. 20—26.
101. Дзыра Я. И. Летопись Самийла Величко и творчество Т. Г. Шевченко (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук). К., 1963. 24 с.
Летопись Величко — с. 6—8.
102. Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана [в] древнерусской литературе. — ТОДРЛ, М.—Л., 1963, т. XIX, с. 215—254.
Митрополит Киприан и русское летописание (свод 1409 г.) — с. 226—228.
103. Зимин А. А. Древняя Русь в трудах академика М. Н. Тихомирова. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», М., 1963, т. 26, с. 10—23.
М. Н. Тихомиров и его изучение русских летописей: издание Московского летописного свода конца XV в., Летописца патриарха Никифора НПЛ, переиздание Лаврентьевской и Ипатьевской летописей; исследование им летописного свода 1039 г., летописных известий Хроники Яна Длугоша, летописных источников «Истории Российской» В. Н. Татищева — с. 20—22.
104. Корольюк В. Д. Авары (обрывы) и дулебы русской летописи. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 24—31.
Источник статьи об аварях в ПВЛ — западнославянская легенда.
105. Кралик О. Повесть временных лет и легенда Кристиана о святом Вячеславе и Людмиле (перевод с чешского). — ТОДРЛ, М.—Л., 1963, т. XIX, с. 177—207.
«Сказание о преложении книг» в ПВЛ в работах А. А. Шахматова, Н. К. Никольского, В. М. Истрина, Р. О. Якобсона, Н. К. Гудзия — с. 178—181.
106. Кузьмин А. Г. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 111—120.
В. Н. Татищев, А. А. Шахматов, С. П. Розанов, Н. Ф. Лавров, Н. П. Лихачев о времени создания Никоновской летописи — с. 111—114;

- водные статьи (перечни митрополитов) в Симеоновской и Никоновской летописях; источник их — протограф Иоасафовской летописи; два этапа создания Никоновской летописи: до 1503 г. и 1539—1542 гг. — с. 115—116; источник первоначальной редакции Никоновской летописи — рязанская летопись — с. 117—120.
107. Кузьмин А. Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем. — Вестник Моск. ун-та», История, 1963, № 2, с. 55—70.
Рассказ НПЛ о нашествии татар на Рязань; мнение В. Л. Комаровича — с. 55—56; рассказ в летописях Северо-Восточной Руси — с. 57; сказание в Никоновской летописи как результат соединения Симеоновской летописи и летописного свода середины XV в., осуществленного рязанским компилятором, — с. 62; сказание об обновлении Рязани — с. 68—70.
108. Кузьмин А. Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева. — ВИ, 1963, № 9, с. 214—218.
Работы И. П. Сенигова, А. А. Шахматова, С. Л. Пештича относительно использования источников, и в частности летописей, в «Истории» — с. 214—215.
109. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук). М., 1963. 18 с.
Рязанские известия в Никоновской, Симеоновской, Раскольниковой, Ростовской, Муромской летописях — с. 5—7.
110. Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук). Л., 1963. 20 с.
Северо-восточные известия XII в. в летописях Лаврентьевской, Троицкой, Симеоновской, Ермодиинской, Львовской, Типографской, Тверской; один из источников Киево-Печерского патерика — Ростовский летописец — с. 4—7; Летописец Юрия Долгорукого — с. 7—8; Летописец Андрея Боголюбского — с. 8—9; источники известий XII в. Лаврентьевской летописи — Киевская летопись 1200 г., Летописец Переяславля-Русского, «Сказание о чудесах от Владимирской иконы богородицы»; один из источников свода 1480 г. — список Радзивилловской летописи — с. 10—12; северо-восточный источник свода 1480 г. — первый московский свод 1330 г. — с. 12—13; ростовские известия в Лаврентьевской и Троицкой летописях и Ростовский свод 1278—1282 гг.; владимирские своды 1215, 1239, 1252 гг. — с. 14—18.
111. Лимонов Ю. А. О южнорусском источнике Московского летописного свода конца XV в. — В сб. статей «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, с. 146—149.
Источник южных известий свода не Ипатьевская летопись, а Киевская летопись 1199 г.
112. Лихачев Д. С. К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 48—51.
В. Л. Комарович о летописной статье 1238 г. в НПЛ — с. 49; источник статей 1218 и 1238 гг. в НПЛ — рязанская летопись.
113. Ловмянский Г. Рюрик Фрисландский и Рюрик Новгородский. — «Скандинавский сборник», Л., 1963, в. 7, с. 221—250.

Летописные известия о Рюрике в своде 1093 г., различие известий в сводах 1050 и 1093 гг. — с. 244—245; критика даты прихода Рюрика (862 г.) — с. 246—247.

114. Лурье Я. С. Краткий летописец Погодинского собрания. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 431—444.

Описание его (ГПБ, Погод. № 1612, XVII в.) и публикация.

- 114а. Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 260—268.

Правка Татищевым 4-й главы 4-го тома и влияние Иоакимовской летописи; изменение текста летописи при передаче ее Татищевым.

115. Насонов А. Н. Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — «Проблемы источниковедения», М., 1963, в. 11, с. 428—480.

Нижегородское летописание при соборе Спаса Преображения и при Печерском монастыре — с. 431—437; Лаврентий и его роль в создании летописи — с. 438—439; сведения о Батыевом нашествии в летописях С1Л, НПЛ, Лавр. — с. 440—445; Нижегородский летописец, его списки (БАН, 16.17.23 и ф. Строганова, № 38, XVII в.) — с. 446—449; связь владимирского летописания XIII в. с ростовским — с. 449—457; восстановление частей владимирского великокняжеского свода первых десятилетий XIII в.; параллельные места свода 1479 г. и Лаврентьевской летописи — с. 457—464; рассмотрение отдельных фрагментов под 6715—6723 гг., 6725—6728 гг., иноземельные фрагменты за этот период; разные редакции статей 6715—6717 гг. в Лаврентьевской летописи и своде 1479 г. — с. 464—477; сходство предисловия к посланиям апостола Павла в Апостоле 1220 г. с некоторыми статьями летописи — с. 477—480.

116. Новицкий Г. А. Жизненный и творческий путь академика М. Н. Тихомирова. — «Вестник Моск. ун-та», История, 1963, № 3, с. 3—11.

М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания — с. 5.

117. Очерки истории исторической науки в СССР, М., 1963, т. 3. 831 с.

Труды А. А. Шахматова по русскому летописанию — с. 565—567; работа над изданием ПСРЛ; фототипическое издание летописей (Лавр. и Ипат.); издание сибирских летописей 1907 г. — с. 583.

118. Петличний І. З. До питання про автора літопису Самовидця. — «Питання слов'янського мовознавства», Львів, 1963, кн. 7—8, с. 24—30.

Автор летописи жил на Юго-Западной Украине, на Правобережье.

119. Полное собрание русских летописей, М.—Л., 1963, т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). 411 с. Свод 1497 г., описание его списка (ГИМ, Увар. № 592) — с. 3—5; свод 1518 г., описание его списков (ГИМ, Увар. № 188 и ГИМ, Син. № 645) — с. 5—9.

120. Рогов А. И. Древнерусские переводы Хроники Стрыйковского. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 206—214.

Обзор переводов Хроники 70—80-х годов XVII в.

121. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. 361 с.

Краткий обзор работ по летописанию — с. 157—159; летописание XVI в. (Никоновская летопись), записи по IX в. — с. 160—173; гипотеза

Л. В. Черепнина относительно существования свода 996 г. — с. 174—175; хронология летописных записей X в., их эпический стиль — с. 173—182; киевский свод 996—997 гг. — с. 188—192; полемика с Д. С. Лихачевым по поводу новгородских сведений в ПВЛ — с. 194—196; Новгородский свод 1050 г. («Остромирова летопись») — с. 196—206; Киевский летописный свод 1072 г. — с. 207—214; Нестор, Сильвестр и составитель 3-й редакции ПВЛ; анализ вводной части ПВЛ — с. 218—236; реконструкция ПВЛ Нестора — с. 236—241; свод 1093—1097 гг. — с. 248—254; Нестор как летописец Святополка — с. 261—274; летопись, написанная по повелению Мономаха за 1066—1117 гг.; Повесть Василия об ослеплении Василька Ростиславича — с. 275—280; редакция Сильвестра ПВЛ — с. 282—286; дополнения Владимира Мономаха в летопись — с. 286—289; 3-я редакция ПВЛ — с. 289—299; Киевский свод 1199 г. и летопись Изяслава Мстиславича — с. 303—316; грамоты Изяслава Мстиславича, помещенные в летопись, — с. 319—333; Петр Бориславич как автор свода Изяслава Мстиславича — с. 336—341; дополнения В. Н. Татищева — с. 341—344.

Ред.: Федоров Г. История и поэзия. — «Новый мир», 1964, № 2, с. 275—278.

Дорош Ефим. Образы России (По страницам книг, посвященных литературе и искусству Древней Руси). — «Новый мир», 1969, № 3, с. 181—208.

122. Свердлов М. Б. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке». — «Вестник Ленинградского ун-та», 1963, № 2, Серия истории, языка и литературы, в. 4, с. 139—144.

Изучение взаимовлияния летописи и Повести в историографии; редакции Повести: краткая (НПЛ, Ипат., Лавр.) и пространная (Московский свод конца XV в., С1Л) — с. 140; источник Повести — Владимирский летописец — с. 141; Повесть в летописи Даниила Галицкого — с. 142—143.

123. Сербина К. Н. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — «Проблемы источниковедения», М., 1963, в. 11, с. 391—428.

Палеографическое описание списка (ГИМ, Увар. № 592); приписки, сделанные в Спасо-Прилуцком монастыре в XVI—XVII вв., — с. 391—397; составные части свода: 1) до 1417 г., близость ее к тексту Ермолинской летописи и тождество со сводом 1518 г. — с. 398—402; 2) 1418—1477 гг., ее тождество с текстом свода 1518 г. и близость к тексту Московского свода 1479 г.; использование источника, сходного с Типографской летописью, — с. 402—407; 3) 1478—1497 гг., ее совпадение с Типографской летописью и со сводом 1518 г. — с. 407—413; источник всего свода в целом — свод 1484 г. — с. 413—415.

124. Сербина К. Н. Летописный свод 1518 г. — В сб. статей «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР» («Труды ЛОИИ АН СССР», в. 5). М.—Л., 1963, с. 587—608.

Палеографическое описание списков (ГИМ, Увар. № 188, XVI в., ГИМ, Син. № 645, XVI в.) — с. 587—590; разделение свода на части А. А. Шахматовым, М. Н. Тихомировым и автором; близость его составных частей к летописям Ермолинской, Симеоновской, Московским сводом конца XV в., Типографской, Львовской, С1Л — с. 590—594; бли-

зость свода во второй его части (1418—1477 гг.) со сводом 1497 г. и Московским сводом конца XV в.; в третьей (1477—1484 гг.) — с Типографской; в четвертой (1485—1518 гг.) — со Львовской и СЛ — с. 595—597; разночтения и оригинальные известия — с. 597—604; расхождения между сводами 1497 и 1518 гг. — с. 604—606.

125. Чистякова Е. В. Летописные записи о народных движениях середины XVII в. — В сб. статей «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, с. 242—252.

Записи о восстаниях в летописном своде 1652 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 94/123—124), в «Летописце от Адама и до нынешних времен о великой России» (ГИМ, Увар. № 670), летописце Титова № 1 (ЦГАДА, Приказные дела новой разборки, д. 87), «Летописи о многих мятежах» (ГБЛ, Тихонр. № 553; Унд. № 773), «Летописце» (ГБЛ, Унд. № 611; ф. 37, № 415; ЦГАДА, ф. 181, № 358).

126. Шмидт С. О. «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII—начала XVIII в. — «Труды МГИАИ», М., 1963, т. 17, с. 393—398.

Описание рукописей, в которых находится Сказание (ГИМ, ф. Е. В. Барсова, № 1841, XVII в. и ГБЛ, ф. 242, № 150); сходство Сказания с Никоповской и Львовской летописями; протограф Сказания — первоначальный вариант официального летописного текста.

1964

127. Болдур А. В. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи. — АЕ за 1963 г. М., 1964, с. 72—86.

Историография (работы С. А. Левиной, В. В. Лаптева, Б. П. Хашдеу, Д. Ончиула, И. Богдана, Г. Братиану, П. П. Панаитеску, И. А. Яцимирского) — с. 72—76; славяно-молдавская хроника как источник поздних молдавских летописей — с. 77—81; политические причины составления хроники и включения ее в Воскресенскую летопись — с. 82—86.

128. Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964. 136 с.

Летописец 1624—1691 гг. — с. 29—30.

129. Демкова Н. С. Хронологический список научных трудов И. П. Еремина. — ТОДРЛ, М.—Л., 1964, т. XX, с. 425—431.

130. Дзира Я. Шевченко і українська рукописна література. — «Вітчизна», 1964, № 5, с. 149—155.

Украинские казацкие летописи и их влияние на творчество Т. Г. Шевченко.

131. Дзира Я. І. Т. Г. Шевченко і рукопис Величка. — УІЖ, 1964, № 1, с. 86—99.

История издания летописи, ее использование М. А. Максимовичем, О. М. Бодянским, Н. И. Костомаровым. Копия, переписанная в 1844—1845 гг. О. М. Бодянским для Т. Г. Шевченко.

132. Дмитриев Л. А. Игорь Петрович Еремин (Филолог. 1904—1963. Некролог). — ТОДРЛ, М.—Л., 1964, т. XX, с. 418—424.

Его монография «Повесть Временных лет», статьи «Волинская летопись 1289—1290 гг.», «Киевская летопись как памятник литературы» — с. 421.

133. Жовтобрюх М. А. Вклад О. О. Шахматова у вітчизняну науку. — УІЖ, 1964, № 3, с. 120—122.

А. А. Шахматов как исследователь русского летописания — с. 121.

134. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 535 с.

Исправления в Синодальном списке Лицевого свода — с. 67—77; интерполяции Царственной книги — с. 71—72; свод Корнилия, игумена Псково-Печерского монастыря (обработка свода 1547 г.), — с. 74.

135. Казакова Н. А. «Европейской страны короли» (к исследованию дополнительной статьи летописи XVI в.). — В сб. статей «Исследования по отечественному источниковедению» («Труды ЛОИИ АН СССР», в. 7). М.—Л., 1964, с. 418—426.

Источники Уваровской летописи — документы Посольского приказа.

136. Киреева Р. А. Историографический курс В. О. Ключевского. — «История СССР», 1964, № 2, с. 91—100.

Рассмотрение летописей в курсе — с. 96.

137. Копанев А. И. и Носов Н. Е. Советская литература по истории русского феодализма (до XIX в.) в 1963 г. (обзор). — «История СССР», 1964, № 3, с. 150—169.

Издание Ипатьевской, Лаврентьевской летописей, т. 28 ПСРЛ, монографии Н. Г. Бережкова «Хронология русского летописания» — с. 152—153; монография Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» — с. 155—156.

138. Корещкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. — «История СССР», 1964, № 3, с. 67—88.

Известие о закрепощении в летописце ГИМ, Муз. № 2347 — с. 78.

139. Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. 383 с.

Летописная статья 981 г. — с. 80—82, 86—88, 93—98; статья 907 г. — с. 90—93; статья 992 г. — с. 100—104; статья 1016 г. — с. 239—240; статьи 1041 и 1047 гг. — с. 308—318.

140. Крип'якевич І. П. Літописі XVI—XVIII ст. в Галичині. — В сб. статей «Історичні джерела та їх використання», К., 1964, в. 1, с. 63—80.

Крехивская хроника 1494—1648 гг. — с. 67—68; Львовский летописец — с. 68—70; летописец Подгорецкого монастыря — с. 70—71; «Записки з околиць Львова» — с. 71—72; «Тисьменичанские записки» — с. 72—73; Городенковские записки, записки Павла Свидзинского, Перемышльская летопись, Поморянские записки, Записки Григория Гаваньского — с. 73—76.

141. Лимонов Ю. А. Происхождение северо-восточного источника Московского летописного свода 1480 г. — В сб. статей «Исследования по отечественному источниковедению» («Труды ЛОИИ АН СССР», в. 7). М.—Л., 1964, с. 444—449.

При составлении свода привлекался северо-восточный источник самостоятельно, а не из Ростовского свода Ефрема.

142. Лимонов Ю. А. Северо-восточный источник Московского летописного свода 1480 г. — В сб. статей «Исследования по истории феодально-крепостнической России». М., 1964, с. 3—39.

Источники свода: С1Л, Н4Л, Троицкая, южная неизвестная летопись, источник, близкий к летописцу Переяславля-Суздальского (статьи XII—XIII вв.) — с. 3—19; летопись, близкая к Радзивилловской, как один из источников свода — с. 19—21; источники свода в части известных XIII—XIV вв.: Лавр., Троиц., С1Л, южный источник, Суздальская летопись — с. 22—26; киевская летопись 40-х годов XIII в. как источник свода 1480 г. — с. 26—27; источник статей 1207 г. — начала XIV в. — неизвестный владими́ро-сузда́льский источник с небольшими вставками из Троицкой летописи — с. 28—38; главный источник свода 1480 г. — первый московский свод 1330 г. — с. 39.

143. Лихачев Д. С. Шахматов-текстолог. Доклад на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русского языка АН СССР, посвященной памяти А. А. Шахматова (25 июня 1964 г.). — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 23, в. 6, с. 481—486.

Труд А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.», своды 1039, 1073, 1095 гг. в оценке А. А. Шахматова — с. 484—485.

144. Лурье Я. С. Новые памятники русского летописания конца XV в. (К выходу в свет тт. 27 и 28 ПСРЛ). — «История СССР», 1964, № 6, с. 118—131.

Свод 1493 г. (сокращенная Погодинская летопись), кирилло-белозерский характер его; своды 1493 и 1495 гг. — различные редакции одной летописи — с. 118—125; Прилуцкая летопись — свод 1497 г.; критика исследований К. Н. Сербиной по этому вопросу; гипотеза о существовании великокняжеского свода между 1472 и 1479 гг. — с. 125—127; великокняжеский характер Прилуцкой и Уваровской летописей — с. 129—131.

145. Лурье Я. С. О неизданной Холмогорской летописи. — В сб. статей «Исследования по отечественному источниковедению» («Труды ЛОИИ АН СССР», в. 7). М.—Л., 1964, с. 449—455.

Описание рукописи (ГПБ, Погод. № 1405, середины XVII в., 454 л.) и ее состава.

146. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (XVII—первая половина XIX в.) (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук). М., 1964. 37 с.

Кунгурская, Еси́повская и Строга́новская летописи — с. 6—7; «История Сибирская» С. У. Ремезова — с. 9.

147. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма (от древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1964. 440 с.

Славяно-молдавские летописи: анналы двора Стефана III, Анонимная, Путнянская, Макария, Евфимия, Азария — с. 35—39.

148. Новгородская харатейная летопись. М., 1964. 344 с.

Фототипическое издание ркп. Синодального списка НПЛ.

149. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1964. 334 с.

Миниатюры Тверского списка Хроники Георгия Амартола (ГБЛ, ф. 173, № 100) — с. 11—48; миниатюры Радзивилловской летописи (БАН, 34.5.30) — с. 49—101; древние лицевые летописи как источники Радзивилловской: а) летописи, миниатюры которых носят киевский

характер, и б) летопись, содержащая ПВЛ особой редакции западно-русского или южнорусского происхождения, — с. 56—60, 85—90.

150. **Рогов А. И.** Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мадея Стрыйковского и их источники. — В сб. статей «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», М., 1964, в. 42, с. 52—64.

Работа Стрыйковского над русскими летописями — с. 54—57; летописные источники Хроники: ПВЛ, Новг.-Соф. свод 30-х годов XV в., Тверской сборник, Летописец Переяславля-Суздальского — с. 58—60.

151. **Рогов А. И.** Хроника Стрыйковского как исторический источник по истории России, Украины, Белоруссии и Литвы (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук). М., 1964. 20 с.

Источники Хроники Стрыйковского: ПВЛ в редакции Новг.-Соф. свода, Львовская летопись, Тверской летописный сборник, Летописец Переяславля-Суздальского, «Хроничка» — с. 8—10; белорусско-литовские летописи — источники Хроники Стрыйковского (летописи типа Быховца и списков Археологического общества и Евреинковского) — с. 12—15; древнерусские переводы Хроники 60—80-х годов XVII в. — с. 15—17; использование Хроники в украинских историографических сочинениях — с. 18.

152. **Русинов Н. Д.** К истории угличского летописания. — «Ученые записки Горьковского ун-та», Горький, 1964, т. 2, Серия историко-филологическая, в. 72, с. 719—741.

Супоневская летопись (Углич. госархив, ф. 52, оп. 1, д. 7, 8, списки Ярославского музея) — с. 724—730; Серебренниковская летопись (ГБЛ, Муз. № 934, 1773 г.) — с. 730—735; остатки 3-й Угличской летописи (Углич. госархив, ф. 52, оп. 1, д. 2) — с. 736; 4-я Угличская летопись (Углич. госархив, ф. 52, оп. 1, д. 7) — с. 736—738; утраченные летописи — с. 738—741.

153. **Салмина М. А.** Повести о начале Москвы. М.—Л., 1964. 273 с.

Летописи ГПБ, F.IV.343 и ГИМ, Увар. № 670, Хронограф 1512 г. как источники Повести — с. 47—61; летописец ГИМ, Муз. № 3996 — с. 83—88.

154. **Стецюк К. І.** Літопис Самовидця — визначна пам'ятка української історичної літератури другої половини XVII ст. — УІЖ, 1964, № 2, с. 58—64.

Издание летописи О. М. Бодянским — с. 58; списки летописи, издание ее в 1878 г. — с. 59—60; Роман Ракушка-Романовский как ее автор — с. 61—62.

155. **Тихомиров М. Н.** Великий Новгород в истории мировой культуры. — В сб. статей «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, с. 23—37.

Краткий летописец патриарха Никифора, НПЛ по Син. списку — с. 34.

156. **Черепнин Л. В.** К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — «Средние века», М., 1964, в. 25, с. 176—187.

Краткий летописец («Сказание летом вкратце») ГБЛ, ф. 178, № 939 — с. 178—187.

157. Шмидт С. О. Исследования по социально-политической истории России XVI в. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук). М., 1964. 41 с.
Синодальный том Лицевого свода, Царственная книга, Н4Л — с. 7—8.

1965

158. Аниченко В. В. Вопросы разграничения белорусских и украинских памятников письменности. — «Сов. славяноведение», 1965, № 6, с. 25—34.
Палеография летописей Авраамки, Виленского списка летописи 1495 г., Баркулабовской летописи — с. 33.
159. Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. 584 с.
ПВЛ, «Летописец великий русский», Московский свод 1479 г.; обзор ПВЛ как памятника историографии, оценка ее и начального летописания А. А. Шахматовым, Н. К. Никольским, советскими историками — с. 29—48.
160. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965. 231 с.
НПЛ старшего извода и 1-й и 2-й виды Жития Александра Невского — с. 17—21; летопись и «Слово» — с. 92—97.
161. Білецький О. І. Козацькі літописи. — В кн.: Білецький О. І. Давня українська і давня російська літератури. К., 1965, с. 354—356.
Краткий обзор летописей Самовидца, Грабянки, Велички.
162. Білецький О. І. Українські літописи XIII—XVI ст. — В кн.: Білецький О. І. Давня українська і давня російська літератури. К., 1965, с. 250—263.
Краткий обзор летописей Галицко-Волынской, Литовской, Краткой Киевской.
163. Воронин Н. Н. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания. — АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 19—39.
Летопись Юрия Долгорукого — с. 19—20; Старый Ростовский летописец, Летопись Суздальского Димитриевского монастыря — с. 24—27; Тверской летописный сборник и известие о Георгии Шимоновиче — с. 29—32; Суздальский летописец — с. 32—39.
164. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642—после 1720 гг. М., 1965. 262 с.
Ремезовская летопись — с. 110—120; «Описание о сибирских народах» — с. 120—127; Ремезовский хронограф — с. 127—131.
- Рец.: Троицкий С. М. Новейшие исследования по истории Сибири в период феодализма. — «История СССР», 1966, № 6, с. 124—132 (о кн. Гольденберга Л. А. — с. 129—130).
165. Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. 152 с.
«История Сибирская» С. У. Ремезова, ее источники: записи легенд, летопись Есиповская основной редакции, краткая летопись, близкая статье Нового летописца, Синописис, Хроника Стрыйковского; исследование палеографических особенностей ркп. «История»; сравнение статей

- летописи, заклеенных и наклеенных, обзор ее сведений — с. 18—49; «Написание» и «Синодик» как «устные летописи»; «устная летопись» в составе Краткого Кунгурского летописца — с. 93—99; «устная летопись» в составе повествовательной части о Ермаке сборника Кирши Данилова — с. 102—108; «устная летопись» в составе Ремезовской летописи — с. 108—111; «Сказание Сибирской земле» в сборнике конца XVIII в. (Бузуновский летописец) — с. 112—116; «Синодик» Киприана, архиепископа тобольского, — с. 116—122; Есиповская летопись как распространение «Повести о Сибири», Погодинский летописец, «Абрамовский летописец», «Летописец Тобольский», краткая летопись о взятии царства Сибирского, Черепановская летопись — с. 122—145; схема сибирского летописания помещена на вклейке между сс. 144—145.
166. История Молдавской ССР (в 2 тт.), Кишинев, 1965, т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 659 с. Молдавское летописание — с. 265—267.
167. Котляр М. Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? — УІЖ, 1965, № 1, с. 117—120.
Обзор известий о нем в Ипатьевской, Лаврентьевской летописях и в «Слове о полку Игореве».
168. Кузьмин А. Г. «Летописец великий русский». — СИЭ, М., 1965, т. 8, с. 598.
Источник его — московская великокняжеская летопись XIV в.
169. Кузьмин А. Г. Летописец Переяславля Суздальского. — СИЭ, М., 1965, т. 8, с. 598.
Источник Летописца — владимирский летописный свод начала XIII в., близкий Радзивилловской летописи.
170. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. 286 с.
Краткая историография рязанского летописания — с. 3—7; известия о Рязани в летописях Ипатьевской, Густынской, НПЛ, Летописце Переяславля-Суздальского, Радзивилловской, Суздальской, Троицкой, Рогожской, Н4Л, С1Л, Ермолинской, в хронографах — с. 8—14; известия о Рязани в Симеоновской летописи — с. 14—20; собственно рязанские летописи: летопись Рязанская (ЦГАДА, МГАМИД, № 680) — с. 49; «Роспись князьям рязанским» (Гос. архив Рязанской обл., ф. 627, св. 678, № 93) — с. 51—54; древнейшие известия о Рязанской земле; начальные этнографические статьи ПВЛ относятся к X—XI вв.; обзор рязанских известий за этот период в Никоновской летописи, их источник — ростово-суздальский свод, предшествующий традиции Лавр. и сходных с ней летописей, — с. 71—107; обзор летописных известий о Рязани и Муроме конца XII—начала XIII в.; их источники — Симеоновская летопись, летопись, близкая Н4Л, и оригинальный свод третьей четверти XV в. — с. 107—154; летописные известия о разорении Рязани Батыем в летописях НПЛ, Лавр., Суздальской по Акад. списку, С1Л, Никоновской — с. 154—180; летописные известия о Рязани середины XIII—начала XIV в.; запись 1258 г. о кончине князя Олега Рязанского составлена в Рязани; рязанское происхождение сообщения об убийстве в Орде рязанского

князя Романа Ольговича; регулярность записей о Рязани середины XIII—начала XIV в.; их источник в Никоновской летописи — летопись Симеоновская — с. 185—200; летописные известия о Рязани середины XIV—начала XV в. в летописях Троицкой, Никоновской, Львовской, Симеоновской; один из источников Троицкой летописи — свод, составленный в Рязани в княжение Олега Ивановича Рязанского, — с. 201—255; записи о Рязани XV—начала XVI в. в летописях Никоновской, Симеоновской, Львовской, С2Л; окончательный упадок рязанского летописания — с. 255—272; в основе известий Никоновской летописи до 1445 г. — свод 1502 г., после 1445 г. источником ее известий является протограф Иоасафовской летописи — с. 272—281.

171. Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова (Историк. 1898—1965). — «История СССР», 1965, № 6, с. 225—228.

Список научных трудов — с. 227—228.

172. Лихачев Д. С. В чем суть различий между древней и новой русской литературой. — «Вопросы литературы», 1965, № 5, с. 170—186.

Половецкий эпос в летописях Киева и Галицко-Волынской Руси — с. 176.

173. Лотман Ю. М. Радищев — читатель летописи. [С приложением заметок Радищева на тексте ПВЛ]. — «Ученые записки Тартуского ун-та», Тарту, 1965, Труды по русской и славянской филологии, в. 167, с. 213—234.

Летопись в оценке А. Н. Радищева — с. 213—219; заметки его — с. 219—233.

174. Львівський літопис і Острозький літописець. Підготував до друку О. А. Бевзо. — УІЖ, 1965, № 4, с. 154—160; № 5, с. 157—160; № 6, с. 156—160; № 7, с. 153—160; № 8, с. 157—160; № 9, с. 155—159.

Комментированное издание летописей.

175. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (первая половина XIX в.). Кемерово, 1965. 290 с.

Н. М. Карамзин о сибирских летописях: Строгановской, Есиповской, Черепановской, Ремезовской — с. 16—23; три краткие соликамские летописи — с. 28—29; сибирский летописец, найденный В. Н. Берхом, — с. 29; П. А. Словцов о сибирском летописании (о летописях Есиповской и Строгановской) — с. 100—101; П. И. Небольсин о сибирских летописях — с. 265—272.

176. Моргайло В. М. Неизвестная работа П. М. Строева («Критический розыск к объяснению и поправлению бытосказаний и хронологии в начальной истории Сибирского царства»). — «История СССР», 1965, № 4, с. 150—152.

Обзор указанной неопубликованной работы П. М. Строева, хранящейся в ЦГА г. Москвы, ф. 31, оп. 4, д. 6; Архивский летописец, его изучение и публикация — с. 151.

177. Муравьева Л. Л. О списках Латухинской Степенной книги. — АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 85—91.

Обзор списков: а) пространной редакции (ГПБ, F.IV.221; БАН, 17.15.1; ГБЛ, Муз. № 2900 — с. 86—87; б) краткой редакции (ГБЛ, Муз. (Пискарев.), № 179/164; ЦНБ АН УССР, Собр. Киев. Дух. семинарии, № 188;

ГПБ, F.IV.597) — с. 87—88; в) особая краткая редакция: Синод. список (ГИМ, Син. № 297) — с. 88; списки, обнаруженные автором: а) Нижегородский (Горьковская обл. библиотека им. В. И. Ленина, Отдел ценной книги, Ц—2658/2), б) Музейный (ГБЛ, Муз. № 1665), в) Костромской (Собрание Историко-архитектурного музея г. Костромы, № 645), г) Румянцевский (отрывок) (ГБЛ, Муз. № 741/2) — с. 89—91.

178. Назаревский А. А. Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе. — «Вісник Київського ун-ту, Серія філології та журналістики». К., 1965, № 7, с. 47—55.

Использование «Слова» в Киевской летописи; отголоски его в Галицкой летописи; знакомство со «Словом» составителя младшего извода НПЛ и ППЛ; «Слово» и Степенная книга.

179. Памяти М. Н. Тихомирова. — «История СССР», 1965, № 5, с. 217—232.

Исследования М. Н. Тихомирова по летописанию — с. 220—221.

180. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в., Л., 1965, ч. 2. 344 с. В. Н. Татищев и летописи — с. 155—163.

181. Полное собрание русских летописей, М., 1965, тт. 9, 10. Патриаршая или Никоновская летопись. 256, 244 сс.

Воспроизведение текста т. 9 издания 1862 г., т. 10 — с издания 1885 г.

182. Полное собрание русских летописей, М., 1965, тт. 11, 12. Патриаршая или Никоновская летопись. 254, 266 сс.

Воспроизведение т. 11 с издания 1897 г., т. 12 — с издания 1901 г.

183. Полное собрание русских летописей, М., 1965, т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. 532 с.

Воспроизведение т. 3 с издания 1904 г.

184. Полное собрание русских летописей, М., 1965, т. 14. 1. «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси». 2. Новый летописец. 3. Указатели к тт. 9—14 ПСРЛ. 154, 286 с.

Воспроизведение «Повести» и Нового летописца с издания 1910 г., указателя к Никоновской летописи и к 14 т. ПСРЛ — с издания 1918 г.

185. Полное собрание русских летописей, М., 1965, т. 15, в. 1. Рогожский летописец; т. 15. Тверской сборник. 186, 504 стлб.

Воспроизведение текста изданий соответственно 1922 и 1863 гг.

186. Полное собрание русских летописей, М., 1965, т. 29. «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. 390 с.

«Летописец начала царства», обзор издания его в ПСРЛ, т. 13, ч. 1 (СПб., 1904) и изучения; описание его списков: Кирилловского 1-го (ЛЮИИ, Археогр. ком., № 244), Кирилловского 2-го (ГИМ, Син. № 486), Публичного (ГПБ, F.IV.№ 585), Музейного (ГБЛ, Муз. № 1509) — с. 3—5; Александро-Невская летопись, характеристика ее издания в ПСРЛ, т. 13, ч. 2 (СПб., 1906) и описание ее списков ГПБ, ф. СПб. Дух. акад., № 298 и ГПБ, F.IV. № 792 — с. 5—6; публикация указанных летописей — с. 9—355.

187. Полное собрание русских летописей, М., 1965, т. 30. Владимирский летописец. Новгородская Вторая (Архивская летопись). 240 с.

Владимирский летописец, его изучение М. Н. Тихомировым; списки его: Синодальный (ГИМ, Син. № 793) и Чертковский (ГИМ, Чертков.

- собр. № 362); Н2Л, ее издание в ПСРЛ, т. 3 (СПб., 1841) и в публикации «Новгородские летописи» (СПб., 1879). Списки ее: Архивский (ЦГАДА, МГАМИД, № 62/85) и Ленинградский (ГПБ, IV. № 213); публикация указанных летописей — с. 7—205.
188. Поше А. Заснування Софії Київської. — УІЖ, 1965, № 9, с. 97—104.
Известия о пожаре св. Софии в 1017 г. в Лавр., Радз., Акад., Ипат., Хлеби. списках ПВЛ; реконструкция статьи 1017 г. А. А. Шахматовым; статья 1017 г. в НПЛ.
189. Тихомиров М. Н. Летописи. — СИЭ, М., 1965, т. 8, с. 599—602.
Краткий летописец патриарха Никифора; ПВЛ, ее редакции; 2-я Сильвестра 1116 г., 3-я, созданная в Печерском монастыре в 1118 г.; основа ПВЛ — Начальный свод 1093 г.; Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, НПЛ по Синодальному изводу, тверское летописание; источник Троицкой летописи — летопись, близкая к Лаврентьевской; Н4Л и С1Л, их общий источник — свод 30-х годов XV в.; Воскресенская летопись, ее источник — Московский свод конца XV в.; Лицевой свод, Царственная книга, Никоновская летопись; Вологодско-Пермская летопись, ее источник — свод епископа Филофея, составленный около 1500 г.; сибирское и белорусско-литовское летописание.
190. Троицкий С. М. и Хорошкевич А. Л. Обзор литературы по истории СССР периода феодализма, вышедшей в 1964 г. — «История СССР», 1965, № 3, с. 168—190.
О фототипическом издании Новгородской харатейной летописи — с. 169.
191. Чамярыцкі В. А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII—XIII ст.). — «Весці АН БССР. Серыя грамад. навук», 1965, № 3, с. 90—98.
Полоцкие известия 50—60-х годов XII в. в Ипат. летописи — фрагменты Полоцкой летописи — с. 90—97; Летописец Еропкина, использованный В. Н. Татищевым, — с. 97—98.
192. Шмидт С. О. «Летописец начала царства». — СИЭ, М., 1965, т. 8, с. 598.
Обзор сведений летописца; источники летописца — архивные материалы.

1966

193. Адрианова-Перетц В. и др. Дмитрий Сергеевич Лихачев (Литературовед. К 60-летию со дня рождения). — «Русская литература», 1966, № 3, с. 233—242.
Д. С. Лихачев как издательский редактор «Обозрения. . .» А. А. Шахматова — с. 233; труды Д. С. Лихачева по летописанию — с. 234.
194. Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. 295 с.
Летописи Ипатьевская и НПЛ о Полоцкой земле — с. 18—19; Еропкинская летопись, бывшая у В. Н. Татищева, — с. 19—20; статья 1151 г. в Ипатьевской летописи — с. 268—269; придворный летописец Святослава Ольговича — с. 270—274.
195. Буганов В. И. Русское летописание в советской историографии. — ВИ, 1966, № 12, с. 143—155.

- Работы А. А. Шахматова, В. М. Истрина, Н. К. Никольского, М. Д. Приселкова, Н. Н. Вороина, Л. В. Черепнина, А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова по начальному летописанию — с. 143—146; работы М. С. Грушецкого, А. С. Орлова, М. Д. Приселкова, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина, И. П. Еремина — с. 147—148; М. Д. Приселков, М. И. Артамонов, А. В. Арциховский о северо-восточном летописании — с. 148—149; новгородские летописи — с. 149—150; летописание XV—XVI вв. в трудах М. Н. Тихомирова, В. В. Лаштева, С. А. Левинной, Н. Ф. Лаврова, С. П. Розанова, А. В. Арциховского, О. И. Подобедовой, С. О. Шмидта, А. А. Зимина, Д. Н. Альшица, А. Г. Кузьмина — с. 150—152; труды по летописанию XVII в. П. Г. Васенко, Л. Л. Муравьевой, С. К. Шамбинаго — с. 152—153; работы обобщающего характера — с. 153—155.
196. Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1966. 383 с. Хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, первая и вторая редакции Еллинского и Римского летописца — с. 13; древнейшая летопись, составленная до 1044 г., — с. 26—31; киево-печерский летописный свод — с. 40—44; второй киево-печерский свод — с. 44—47; Нестор как автор ПВЛ — с. 54—58; исправление ПВЛ выдубицким игуменом Сильвестром — с. 71—73; Лицевой свод — с. 242; Степенная книга — с. 248—249.
197. Грицай М. С. Українські літописи XVII—XVIII ст. і народна творчість (з історії укр. літератури). — «Вісник Київського ун-ту, Серія філології та журналістики», К., 1966, № 8, с. 29—35.
- Народное творчество и Киевская летопись, Хмельницкая летопись, летописи Грабянки, Самовидца, Велички.
198. Дзира Я. І. Великове оповідання про Івана Сірка в українській літературі (в літопису Самійла Величка). — УІЖ, 1966, № 6, с. 154—156.
- Краткий обзор летописи Велички и ее использование Н. И. Костомаровым и Д. И. Эворинским.
199. Дмитриев Л. А. Миниатюры Сказания о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, М.—Л., 1966, т. XXII, с. 239—263.
- «Сказание» с миниатюрами в составе Древнего летописца (БАН, 31.7.30) — с. 241, 259—260.
200. Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Евфросина. — В сб. статей «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 264—291.
- Летописец (ГПБ, Погод. № 1554), переписанный Евфросином, — с. 265; Летописец патриарха Никифора, переписанный Евфросином (ГПБ, ф. Кирилло-Белозерского монастыря, № 22), — с. 287.
201. Еремин И. П. Литература древней Руси (Этюды и характеристики). М.—Л., 1966. 263 с.
- ПВЛ как памятник литературы — с. 42—97; Киевская летопись как памятник литературы — с. 98—131; повести об убийстве Игоря Ольговича (под 1147 г.), о кончине Ростислава Мстиславича (под 1168 г.), об убийстве Андрея Боголюбского, о кончине Мстислава Ростиславича (под 1178 г.), о кончине Давида Ростиславича — с. 114—124; Волынская летопись 1289—1290 гг. как памятник литературы — с. 164—184; Ле-

топись Даниила Галицкого, Повесть о Куремсе и Бурундае, Повесть о Владимире Васильковиче, Повесть о событиях в Литве после смерти Миндовга — с. 165—174.

Рец.: Афанасьев В. — «Новый мир», 1967, № 2, с. 285—286.

Розов Н. Н. Книга о «словесном художестве» древнерусской литературы. — «Русская литература», 1967, № 2, с. 184 — 188.

Прашкович М. ! Чамарычкі В. Слова пра настаўніка. — «Полымя», 1967, № 4, с. 236—238.

202. История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12 тт., в 2 сериях. Первая серия, т. 1. Древняя Русь и древнейшие государства на территории СССР до начала XIII в., М., 1966. 719 с.

Летописи — с. 673.

203. История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12 тт., в 2 сериях. Первая серия, т. 2. Образование единого Русского государства. М., 1966. 631 с.

Троицкая летопись — с. 362; публицистические произведения в сводах XV в. — с. 367—368; «Казанская история» — с. 367; Лицевой свод, Степенная книга — с. 375; Свод Корнилия, игумена Псково-Печерского монастыря, — с. 376; Новый летописец — с. 387.

204. Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966. 232 с.

Степенная книга и хронографы в исторических лекциях В. О. Ключевского — с. 37; летописи в его трудах (Галицко-Волынская, Воскресенская, Никоновская) — с. 51—60; Степенная книга и летописи XVI—начала XVII в. — с. 64—66; Новый летописец (ркп. Филарета) и Иное сказание — с. 71.

Рец.: Гельфман О. А. — УИЖ, 1967, № 11, с. 140—144.

205. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966, 328 с. Новый летописец — с. 18; Карамзинский Хронограф — с. 60.

206. Кусков В. В. История древнерусской литературы. Курс лекций (для гуманитарных факультетов гос. ун-тов и пед. ин-тов). М., 1966. 231 с.

ПВЛ — с. 13—34; гипотезы в отношении начального летописания (состав, источники и редакции ПВЛ): а) А. А. Шахматова — с. 13—14; б) Д. С. Лихачева — с. 14—18; в) Б. А. Рыбакова — с. 19—28; Галицко-Волынская летопись — с. 91—92; «Летописец великий Русский», Владимирский Полихрон, Троицкая летопись — с. 118; Воскресенская летопись, Никоновская летопись, Львовская летопись, Лицевой свод, Степенная книга — с. 159—160.

207. Лебедева И. Н. Греческие и русские списки Хроники Псевдо-Дорофея в БАН СССР. — «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, с. 28—37.

Обзор переводов Хроники конца XVII—XVIII в. (БАН, ф. Петра I, Арханг. С. 133, С. 134; ф. Н. Ф. Романченко, № 56; ф. Н. Я. Колобова, № 464; 21.6.8; 17.4.15) — с. 34—37.

208. Лимонов Ю. А. Летописец Андрея Боголюбского. — В сб. статей «Культура Древней Руси». М., 1966, с. 113—116.

Летописец в первом владимирском своде 70-х годов XII в. и в составе северо-восточного источника Киевского свода 1200 г.

209. Линтур П. В. Литературные традиции Древней Руси в творчестве закарпатских писателей XVIII—XIX вв. — «Вопросы русской литературы», Львов, 1966, в. 1, с. 73—79.
Гукливская летопись начала XIX в. — с. 77.
 210. Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия. — В сб. статей «Культура Древней Руси». М., 1966, с. 121—126.
Критика «потребительского» подхода к изучению, в частности «Казанского летописца», «Истории Российской» В. Н. Татищева.
 211. Мингалев В. С. Летописная повесть — источник Сказания о Мамаевом побоище. — «Труды МГИАИ», М., 1966, т. 24, с. 55—72.
Летописная Повесть распространённого типа — с. 55; Повесть в митрополичьем своде 1423 г., своде 1448 г., Н4Л, С1Л, Московском своде 1479—1480 гг., Воскресенской летописи, сводах 1493, 1508, 1520, 1526 гг., Хронографе, Архангелогородской летописи, летописи Дубровского — с. 55—57.
 212. Наш край в документах и иллюстрациях (сборник о Западной Сибири XII в. — 1917 г.). Тюмень, 1966. 590 с.
Выдержки из изданий сибирских летописей [«Летопись Сибирская» (СПб., 1821), т. е. Строгановская, и из издания Кунгурской летописи — «Краткая Сибирская летопись» (СПб., 1880)] — с. 23—35.
 213. Подвигина Н. Л. К вопросу о месте составления Синодального списка НПЛ. — «Вестник Моск. ун-та», История, 1966, № 1, с. 67—75.
Историография — с. 67—69; послесловие Лобковского Пролога и статья 1230 г. НПЛ — с. 71—75.
 214. Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, с. 5—19.
Источник текста «Иудейской войны» Иосифа Флавия во 2-м т. Лицевого свода (БАН, 17.17.9) — ркп. «Иудейской войны» (ГПБ, Сол. № 8).
 215. Попов П. М. Неопублікований віршований переклад І. Франком «Початкового літопису» з розвідкою та коментарями. — «Укр. літературознавство», К., 1966, в. 1, с. 158—167.
Исследование И. Франко ПВЛ — с. 158.
 216. Поппе А. В. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, М.—Л., 1966, т. XXII, с. 24—45.
Сходство миниатюр Сильвестровского сборника XIV в. с миниатюрами Радзивилловского списка Лавр. летописи — с. 25.
 217. Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. 310 с.
Обзор летописных известий в Хронике Стрыйковского и влияние ее на русское и украинское летописание XVII в.
- Рец.: Уласчык М. М. Книга пра «Кроніку» Мацея Стрыйкоўскага. — «Полымя», 1966, № 7, с. 180—181.
Балаз И. Монография о Стрыйковском. — «Советское славяноведение», 1967, № 1, с. 84—86.

218. Салмина М. А. Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина». — В сб. статей «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла». М.—Л., 1966, с. 344—384.

Повесть в летописях Н4Л, С1Л, своде 1448 г., Н5Л, Авраамки, Переяславской, Н2Л, списке Царского С1Л, С2Л, Воскресенской, Никаноровской, своде 1479 г., Типографской, Ермолинской, Львовской, Прилуцкой, Уваровской, Комисс. списке НПЛ, списке Дубровского Н4Л, Хронографе 1512 г., Архангелогородской, Вологодско-Пермской, Степенной книге, Никоновской, Рогожском летописце, Моск. Акад. списке Суздальской летописи, Симеоновской.

219. Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. — ТОДРЛ, М.—Л., 1966, т. XXII, с. 264—276.

Изображения св. Владимира и князей и Степенная книга — с. 266—268, 269.

- 219а. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. 418 с.

А. Ф. Адашев как составитель и редактор «Летописца начала царства» за 1534—1553 гг. и его продолжений за 1553—1560 гг. — с. 21—25; Иван IV как составитель и редактор Синодального списка Лицевого свода и Царственной книги — с. 25—34; Псковский летописный свод, составленный игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, Н2Л, Н3Л — с. 34—36; Пискаревский летописец — с. 61—64.

220. Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966. 174 с.

Запись писца в конце Лавр. летописи — с. 162; краткий обзор новгородского, псковского, тверского, московского летописания — с. 163—164.

221. Удальцова З. В. Хроника Иоанна Маламы в Киевской Руси. — АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 47—58.

222. Хроника Быховца. М., 1966. 155 с.

История ее обнаружения; обзор ее публикаций в 1846 г. Т. Нарбутом и в т. XVII ПСРЛ; ее исследование И. Климашевским, Т. Нарбутом, И. Н. Даниловичем, В. Б. Антоновичем, Н. П. Дашкевичем, М. К. Любавским, Ф. П. Сушицким, Е. Ф. Карским — с. 5—30 и публикация.

Рец.: Zimin A. — «Полымя», 1966, № 9, с. 169—171.

Чамарчүкі В. Голас гісторыі. — «Малаядэсць», 1967, № 4, с. 129—132.

223. Шмидт С. О. Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода. — В сб. статей «Культура Древней Руси». М., 1966, с. 300—301.

224. Шмидт С. О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — «Сов. архивы», 1966, № 1, с. 31—36; № 2, с. 46—51.

Обзор приписок в Лицевом своде и Царственной книге.

1967

225. Алешковский М. Х. «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук). Л., 1967. 20 с.

Уточнение времени редакционной обработки ПВЛ; авторская ПВЛ в НПЛ по Синодальному списку, ее источник — Киевская начальная летопись 1070-х годов, которая была составлена на основе воспоминаний автора Яна Вышатича, 1-я Печерская летопись 90-х годов XI в. и княжеский летописец Всеволода.

226. Алешковский М. Х. «Повість времних літ» та її редакції. — УІЖ, 1967, № 3, с. 37—47.

Историография (исследование и выявление А. А. Шахматовым трех редакций ПВЛ и Начального свода 1095 г.) — с. 37—38; противоречия в записях 1094—1117 гг. — результат 3-й промонаховской редакции — с. 33—41; основа извода Всеволода 1117 г. в НПЛ — 1-я редакция ПВЛ, заканчивающаяся 1115 г., — с. 41—42; Хроника Амартола введена в ПВЛ составителем 3-й редакции, 1-я редакция и новгородский текст основывались на Хронографе; наличие сокращенных и пространных редакций одних и тех же статей в НПЛ объясняется борьбой Всеволода и новгородских бояр — с. 42—45; вставки о варяжском происхождении руси сделаны 3-м редактором ПВЛ — с. 46—47.

227. Буганов В. И. Летописные известия о Московском восстании 1682 г. — В сб. статей «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, с. 310—319.

Краткий летописец ГБЛ, Муз. № 1341 — с. 311; Краткий летописец, составленный при дворе патриарха Адриана (ГБЛ, ф. 199, № 69), близость его к Повести о восстании 1682 г. — с. 311—312; Летописец, составленный в конце XVII в. (ГБЛ, Муз. № 9479), и обзор его сведений — с. 312—314; Повесть о восстании 1682 г., находящаяся в составе Краткого летописца, написанного дьячком Благовещенского погоста на Ваге, — с. 314—315; повесть о Московском восстании в составе летописца 1624—1691 гг. (ГПБ, Сол. № 988/878) — с. 315—317.

228. Буганов В. И. Повесть о Московском восстании 1682 г. — В сб. статей «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., 1967, с. 317—354.

Обзор сборника (ГПБ, Сол. № 988/878), в котором, между прочим, имеется Хронограф 1-й редакции; записи по истории России церковно-исторического содержания за 1458—1601 гг.; летописные записи за 1624—1691 гг. — с. 317—323.

- 228а. Гольденберг Л. А. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII—начала XVIII в. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени докт. ист. наук). Л., 1967, 32 с.

Сходство основной части «Истории Сибирской» С. У. Ремезова и Кунгурской летописи — с. 19.

229. Гринцай М. С. Проблема взаєм впливу української літератури XVI—XVIII ст. і народно-поетичної творчості в працях дореволюційних і радянських вчених. — «Вісник Київського ун-ту, Серія філологія», К., 1967, в. 9, с. 98—104.

Украинские летописи XVII—XVIII вв. (Самовидца, Грабянки и Вельчки) и их изучение.

230. Дундулис Б. И. Борьба Литвы за государственную самостоятельность в XV в. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени докт. ист. наук). Вильнюс, 1967. 43 с.

- «Литовские» летописи (Хроника Быховца) — с. 5.
231. **Жарков И. А.** Из каких кругов вышла Летопись о многих мятежах. — В сб. статей «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, с. 232—234.
Летопись возникла в гражданской среде после 1658 г., и Василий Григорьевич Меньшой Ромодановский мог выступать как ее заказчик.
232. **Жураўскі А. І.** Гісторыя беларускай літаратурнай мовы (у 2 тт.), Мінск, 1967, т. 1. 371 с.
Язык белорусско-литовских летописей: списков гр. Красинских, Рачинских, Евреинновского, Румянцевского и Патриаршего — с. 263—264.
233. История советской археографии, М., 1967, в. 3. 56 с.
План издания летописей М. Д. Приселкова; издание «Псковские летописи» А. Н. Насонова — с. 46—47.
234. История советской археографии, М., 1967, в. 5. 83 с.
Издания Вологодско-Пермской летописи (т. 26 ПСРЛ), Никаноровской летописи (т. 27 ПСРЛ) — с. 41—43; издание Пискаревского летописца — с. 48.
235. История советской археографии, М., 1967, в. 6. 110 с.
Планы издания ПСРЛ М. Д. Приселкова и Института истории АН СССР — с. 23—24; издание Московского летописного свода конца XV в. (т. 25 ПСРЛ), издание НПЛ по Синодальному списку, издание псковских летописей — с. 24—26.
236. Історія української літератури (у 8 тт.), т. I. Давня література (XI—перш. пол. XVIII ст.). К., 1967. 539 с.
Хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола, их краткий обзор; Хроника Малалы как источник Еллипского и Римского летописца, ПВЛ и Галицко-Волынской летописи — с. 72—74; народные предания и легенды как источники раннего летописания — с. 88—93; переработка Древнейшего летописного свода, сделанная игуменом Никоном, — с. 93—94; Начальная летопись 1073 г.; ПВЛ, ее редакции: 1-я — до 1113 г.; 2-я — 1116 г., иг. Сильвестра; 3-я, сделанная для сына Мономаха Мстислава в 1118 г.; списки ПВЛ: Лавр., Радзивилл., Троицкий, Моск., Акад., Ипат. и ее состав — с. 94—101; использование Библии, Хроники Георгия Амартола, Хронографа, Летописца патриарха Никифора в ПВЛ, портретные характеристики в ПВЛ — с. 101—106; Киевская летопись 1200 г., повести в ее составе — с. 106—108; Галицко-Волынская летопись — с. 171—174; Литовская, или Западнорусская, летопись, ее редакция 1440, 1550, 1560 гг. — с. 174—175; Краткая Киевская летопись — с. 175—176; Острожская и Львовская летописи; Михаил Гунашевский как автор Львовской; Хмельницкая летопись — с. 292—294; Густынская летопись как произведение второй половины XVII в., Хроника Феодосия Софоновича, Синописис — с. 402—407; Хронограф Леонтия Боболинского, летописи Черниговская, Добромилская, Густынская монастырская, Подгорецкая, Межигорская — с. 407—408; летопись Самовидца, Роман Ракушка-Романовский как ее автор и другие гипотезы — с. 408—411; летопись Грабянки — с. 411—416; летопись Велички — с. 416—425.
237. Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г. Л., 1967. 652 с.

ПВЛ — с. 24—31; летописание XII—XIII вв. — с. 31—33; Лаврентьевская летопись, Владимирской летописный свод 1281 г.; Тверской свод 1305 г., свод Кириана 1409 г., Софийский Временник — с. 66—70; Хронограф — с. 81; Московский летописный свод 1479 г., Воскресенская летопись, П1Л — с. 101; Никоновская летопись, «Летописец начала царства», Лицевой свод — с. 117—118; Новый летописец — с. 152; Есиповская летопись, Хронографы 2-й и 3-й редакций — с. 153.

238. Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — В сб. статей «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, с. 42—53.

Историография (труды А. А. Шахматова, Н. К. Никольского, Б. А. Рыбакова) — с. 42—44; одновременное существование двух редакций ПВЛ в Лавр. летописи; обзор ладожского варианта варяжской легенды в Ипат. и Радзивилов. летописях; сказание о призвании варягов попало в П1Л из 3-й редакции ПВЛ.

239. Кучкин В. А. Один из источников Еллинского летописца второго вида. — ВВ, М., 1967, т. 27, с. 319—324.

Известные источники его: Хроника Иоанна Малалы, Пасхальная Хроника, Александрия, Сказание о Софии Цареградской, Видения пророка Даниила с толкованием Ипполита и др.; статьи, не определенные А. Н. Поповым и В. М. Истриным; статья «О взятии Иерусалиму» — с. 320; Ответ Анастасия Синаита — один из источников Еллинского летописца; Еллинский летописец — источник Жития Михаила Тверского — с. 320—324.

240. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук). М., 1967. 42 с.

Повести о Михаиле Тверском в составе С1Л старшего и младшего изводов, в Типографской, Львовской, Воскресенской, Никоновской летописях; Степенной книге, Тверском сборнике, Московском своде 1479 г., Ермолинской летописи — с. 13—26.

241. Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. 199 с.

Историография (работы И. Д. Беляева, Д. В. Поленова, И. А. Тихомирова, А. А. Шахматова, Е. Ю. Перфецкого, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, Н. Н. Ворошина, А. С. Орлова, В. Т. Пашуто, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, И. У. Будовница) — с. 5—16; источники реконструкции северо-восточного летописания: летописи Лавр., Ипат., Ермолинская, Львовская, Тверской сборник, проложная статья 1 августа 1164 г., Сказание о чудесах от Владимирской иконы богородицы, Киево-Печерский патерик; «Летописец Ростовский старый», его состав: печерская летопись, ПВЛ, местные известия, Житие епископа Леонтия, Завещание Георгия Симоновича — с. 17—24; Летописец Юрия Долгорукого; выявление его среди известных 40—50-х годов XII в.; летописец Андрея Боголюбского, предположение, что его автором был сам Андрей Боголюбский — с. 18—68; источник Владимирского свода 1178 г. — Летописец Переяславля-Русского, а также некоторые литературные произведения; использование ростовского летописного сборника при создании свода, местных записей 50—60-х годов XII в. и записей при церкви св. Богородицы во Владимире; политическая направленность

свода 1178 г.; свод 1189 г. и его установление; основа северо-восточного источника Ипат. летописи (Киевского свода 1200 г.) — свод 1189 г. — с. 69—91; источник известий свода 1480 г. за XII—XIII вв. — летописи новгородские, Троицкая, южная, близкая к Ипатьевской, Лавр., Радзивилл. особой редакции; источник известий свода за XIII—начало XIV в. — Н4Л и С1Л, Суздальская летопись; источник южных известий свода — киевская летопись, не подвергавшаяся галицкой редакции, — с. 92—119; обзор известий Син. списка НПЛ, посвященных Владимиро-Суздальской земле. Источник Син. списка — северо-восточный летописный свод, который использовал владимирскую летопись XII в., отредактированную в XIII в. и содержащую в своем составе южные известия первой половины XIII в. без галицких добавлений; источник Московского летописного свода 1480 г. — первый московский свод 1330 г. — с. 120—135; ростовское летописание XIII в.; ростовская летопись в составе Новгородского краткого летописца, ее источник — Владимирская летопись 1276—1277 гг.; отражение Владимирской летописи в Суздальской летописи по Акад. списку и в Рогожском летописце; характер ростовской редакции Владимирской летописи — с. 135—156; летописец Переяславля-Суздальского; сходство его некоторых известий с сообщениями Син. списка НПЛ; обзор владимирских сводов 1212, 1215, 1230, 1239, 1247—1249 гг. — с. 157—184.

В приложении к работе помещен указатель реконструированных летописных памятников (с. 187—188), а также схемы северо-восточного летописания XII—XIII вв.

242. Лимонов Ю. А. Первое упоминание о Сибири в русских источниках. — «Известия Сибирского отд. АН СССР», 1967, № 1, Серия общ. наук, в. 1, с. 115—116.

Источник сообщений о Сибири под 1406 г. в своде 1480 г., своде 1472 г., летописях С1Л, Ростовской, Симеоновской, Никоновской — Московский митрополичий свод 1418 г.

243. Моисеева Г. Н. Из истории изучения русских летописей в XVIII в. (о работах Г.-Ф. Миллера). — «Русская литература», 1967, № 1, с. 130—137.

Первая публикация ²/₃ Радзивилловской летописи — с. 130; ошибки Миллера и неправильный перевод И. В. Паузе; влияние «Истории Российской» В. Н. Татищева на труд Миллера «О первом летописце российском преп. Несторе» — с. 130—137.

244. Муравьева Л. Л. Новгородские известия Владимирского летописца. — АЕ за 1966 г. М., 1967, с. 37—40.

245. Рогов А. И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. — В сб. статей «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, с. 145—157.

Влияние Хроники Стрыйковского и летописей на «Историю Российскую» В. Н. Татищева — с. 150—157.

246. Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись. — В сб. статей «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, с. 218—231.

Источник Коми-Вымской летописи — Устюжский летописный свод — с. 218—222; источник известий 1483—1499 гг. — Вологодско-Пермская

летопись — с. 222—224; Никоновская летопись как один из источников Коми-Вымской летописи — с. 224; уникальные записи представляют собою выборку из неизвестного источника с целью обосновать права московских великих князей на русский Север вообще и Пермскую землю в частности; их обзор — с. 224—231.

247. **Флоря Б. Н.** О «Летописце Быховца». — В сб. статей «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, с. 135—144.

Источники Летописца Быховца: тексты, извлеченные из Ипат. летописи, из неизвестного белорусско-литовского свода, близкого к Евреиновскому списку, Летописец великих князей литовских первой редакции середины XV в., а также этот же Летописец со вставками 50—60-х годов XV в. и летописные записи конца XV—начала XVI в., которые велись при дворе слущких князей.

248. **Чамярыцкі В. А.** Беларускія летапісныя зводы і іх рэдакцыі. — «Весці АН БССР. Серыя грамад. навук», 1967, № 1, с. 86—94.

Список белорусских летописей — с. 86; Летопись Авраамки, ее источники (по А. А. Шахматову); выписки из Новгородского свода 1448 г., Н4Л и Н5Л и критика мнения А. А. Шахматова, что эти выписки не являются памятниками белорусской литературы, — с. 86—88; классификации белорусских летописей Н. И. Костомарова, Б. А. Вахевича, В. Ф. Сушицкого — с. 88—89; Белорусские 1-я и 2-я летописи — с. 89—94.

249. **Чемерицкий В. А.** Белорусские летописи как памятники литературы (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук). Минск, 1967. 21 с.

Полоцкая летопись, Летописец Ерошкина и связь его со второй редакцией «Истории Российской» В. Н. Татищева — с. 2—5; Первый белорусский летописный свод (списки Никифоровский, Академический, Суспрасльський, Слуцкий) — с. 7—8; источники Белорусской 1-й летописи: Н4Л, Симеоновская, Никоновская летописи, свод 1446 г.; местные летописные материалы (Смоленская хроника, Похвала Витовту, Краткий Смоленский летописец за 1432—1445 гг.) — с. 11—12; «Летописец великих князей литовских» — с. 12—14; источники Белорусской 2-й летописи: Белорусская 1-я летопись, Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского — с. 14—18; Хроника Быховца — с. 18—20.

250. **Черепнин Л. В.** 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. — «История СССР», 1967, № 6, с. 77—99.

Два разных мнения в оценке текстологического анализа летописей, проделанного А. А. Шахматовым, — с. 84.

251. **Чумаченко Э. Г. В. О.** Ключевский — источниковед (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук). М., 1967, 18 с.

Методика исследования летописей В. О. Ключевским, влияние К. Н. Бестужева-Рюмина — с. 14.

252. Алпатов М. А. Концепции всемирной истории в русской исторической традиции (XII—XVIII вв.). — ВИ, 1968, № 12, с. 59—71.

Концепционный характер русского летописания — с. 59—62.

253. Ахрыменка П. П., Ларчанка М. Р. Старажытная беларуская літаратура (вучэб. дапаможнік для філал. фак-ов). Минск, 1968. 179 с.

ПВЛ, ее редакции: 1-я — Нестора, 2-я — Сильвестра; ее источники: книги Библии, народные сказания и легенды — с. 13—17; белорусско-литовские летописи: Летопись Авраамки, сходство ее с Софийским Временником и новгородскими летописями; Летописец великих князей литовских; влияние белорусских летописей на Краткую Киевскую летопись и польские хроники Длугоша, Бельского и Стрыйковского — с. 49—54.

254. Бевзо О. А. Феодосій Сафонович та його «Кройника». — УІЖ, 1968, № 8, с. 101—104.

Краткий обзор «Кройники», ее исследований и работы над ее изданием.

255. Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры (у 2 тт.), Минск, 1968, т. 1. 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. 446 с.

Древний Киевский свод 1039 г., своды 1073 и 1095 гг.; 1-я редакция Нестора 1113 г., 2-я редакция Сильвестра, 3-я редакция 1118 г. — с. 85—90; Киевский свод 1200 г. — с. 90—91; Галицко-Волинская летопись — с. 91—92; Полоцкая, Смоленская, Новгородская летопись XIII—XV вв. — с. 109; Летописец великих князей литовских — с. 112—118; Белорусская 1-я летопись; «Избрание летописания», источники его — Смоленская хроника, Похвала Витовту, краткие смоленские записи; обзор Смоленской хроники — с. 118—127; Белорусская 2-я летопись — с. 127—133; Хроника Быховца — с. 133—140.

256. Дзяржа Я. І. Украінські літописи XVI—XVIII ст. в радянській історіографії. — В сб. статей «Історичні джерела та їх використання», К., 1968, в. 3, с. 177—189.

Украинские летописи Самовидца, Грабянки, Велички, хроники и компиляции и их изучение советскими историками.

257. Дзяржа Я. І. Чиста криниця (Видання укр. мовою серії найвидатніших пам'яток літописної літератури). — «Дніпро», 1968, № 8, с. 134—137.

Интервью с Я. И. Дзырой; обзор летописей Грабянки, Велички, Самовидца в связи с их предстоящим изданием.

258. Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968. 208 с.

Летописание, общее понятие о нем — с. 36—38; ПВЛ в Лавр. и Ипат. летописях; обзор гипотез А. А. Шахматова и В. М. Истрина о редакциях ПВЛ — с. 38—42; литературные особенности ПВЛ, обзор содержания ее — с. 42—61.

Рец.: Абрианова-Перетц В. П. — ВИ, 1969, № 4, с. 172—175.

259. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 тт.), Л., 1968, т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 538 с.

Хронограф конца XVII в. С. У. Ремезева — с. 166; Ремезовская летопись — с. 168.

260. Кюсс Б. М. Новый памятник русского зпоса в записи XVI в. — «История СССР», 1968, № 3, с. 151—157.

Сказание об Александре Поповиче в составе краткого новгородского летописца (ГБЛ, ф. 304, № 805, XVI в.); в основе последнего лежит сокращенная новгородская летопись, доведенная до начала 60-х годов XV в.

261. Кошыллов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968. 168 с.

Сибирские летописи XVII в. (Синодик Киприана, летописи Есиповская и Строгановская, «История Сибирская» С. У. Ремезова) — с. 20—22; летописание XVIII в. («Записки, к сибирской истории служащие», «Краткое показание о воеводах», домовые летописи, Летопись И. Л. Черепанова) — с. 158—159.

Рец.: Гольденберг Л. А. — ВП, 1969, № 5, с. 158—160.

262. Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова. — «История СССР», 1968, № 4, с. 120—130.

Обзор сведений летописца в сборнике первой четверти XVIII в. (ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 137, лл. 105—114 об.) и его публикация.

263. Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. — В сб. статей «Славяне и Русь». М., 1968, с. 282—290.

Источники летописца (ЦГАДА, Мазур. № 522): Степенная книга, Никоновская летопись, Новый летописец, «харатейная летопись», сочинения о Смуте — с. 282—284; источник Мазуринского летописца — «История Иосифа о разорении Российском» — с. 285—289.

264. Кузьмин А. Г. Индикты Начальной летописи (К вопросу об авторе Повести временных лет). — В сб. статей «Славяне и Русь». М., 1968, с. 305—313.

Нестор не употреблял индиктный счет; все индиктные статьи составлялись в XII в.

265. Кузьмин А. Г. Хронология Начальной летописи. — «Вестник Моск. ун-та», История, 1968, № 6, с. 40—53.

Критика наблюдений И. И. Срезневского и А. А. Шахматова; договор 6420 г. и летопись — с. 41—45; договор 6453 г. и статья 6449 г.; выделение трех слоев хронологии в Начальной летописи — с. 46—53.

266. Лурье Я. С. Изучение русского летописания. — В сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1968, в. 1, с. 4—32.

Принципы издания ПСРЛ и его история; предварительное текстологическое исследование летописей — основа их издания — с. 10—19; А. А. Шахматов и критика мнений его предшественников относительно летописных сводов как сводок разнородного материала — с. 19—23; труды М. Д. Приселкова (пересмотр политической истории России XI—XV вв. ввиду тенденциозности летописцев) — с. 23—26; труды Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова по летописанию — с. 26—32.

267. Муравьева Л. Л. О Повести временных лет Владимирского летописца. — В сб. статей «Славяне и Русь». М., 1968, с. 331—339.

Сравнение известий Владимирского летописца с известиями Лавр., Троицкой летописей, НПЛ.

268. Назаревский А. А. К истории русско-украинских литературных связей. Памятники русской литературы XIV—XVII ст. в украинских списках, переводах и переделках. — «Вопросы русской литературы», Львов, 1968, в. 1, с. 3—13.

«Литовские» летописи — с. 8.

269. Полное собрание русских летописей. М., 1968, 31. Летописцы последней четверти XVII в. 263 с.

Мазуринский летописец, его состав и описание списка ЦГАДА, Мазур. № 522 — с. 3—5; Летописец 1619 г., Соловецкий список его (ГПБ, Сол. № 988/878) — с. 5—7; Золотаревский летописец, его списки: Музейный (ГИМ, Муз. № 1481), Уваровский (ГИМ, Увар. № 547), Академический (ГПБ, ф. СПб. дух. акад., № 313) — с. 7—9, и публикация указанных летописей.

Рец.: Кузьмин А. Г. — «История СССР», 1971, № 1, с. 187—189.

270. Поппе А. В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии. — ВВ, М., 1968, т. 28, с. 85—108.

Летописная статья 1017 г. в Лавр., Радзивилл., Акад., Ипат., Хлебн. летописях — с. 88—89; летописная статья 1090 г. ПВЛ в Ипат., Радзивилл., Акад. летописях — с. 105.

271. Рогаль М. С. Польска мова як джерело чеських лексичних запозичень в українських літописах кінця XVII—першої пол. XVIII ст. — «Мовознавство», 1968, № 3, с. 34—40.

Полонизмы чешского происхождения в летописях Велички, Самовида, Грабянки. «Летописце, или описании кратком знатнейших действий и случаев».

272. Советское литературоведение за 50 лет. М., 1968. 429 с.

Исследования по летописанию Д. С. Лихачева и М. Д. Приселкова — с. 48—49; издание ПСРЛ — с. 54.

273. Тихомиров М. Н. Великий Новгород в истории мировой культуры. — В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 185—199.

Вставной характер фразы о варягах в ПВЛ — с. 187; Краткий летописец патриарха Никифора и Син. список НПЛ — с. 196.

274. Тихомиров М. Н. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв. — В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 21—39.

А. А. Шахматов о характере летописания; гражданский характер Галицко-Волынской летописи — с. 31—32; светские сочинения как источник летописи — с. 35—39.

275. Тихомиров М. Н. Культурная жизнь России в XIV—XV вв. — В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 226—243. Летописи XIV—XV вв. — с. 237—238.

276. Тихомиров М. Н. Москва и культурное развитие русского народа в XIV—XVII вв. — В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 255—276.

Московские записи в летописи с 1317 г.; их источник — семейная хроника Ивана Калиты и митрополичий летописец — с. 257.

277. Тихомиров М. Н. *Философия в Древней Руси*. — В кн.: Тихомиров М. Н. *Русская культура X—XVIII вв.* М., 1968, с. 90—172.

ПВЛ, летописи «южнорусские», новгородские — с. 145—152.

278. Улащик Н. Н. «Литовская и Жмоитская Хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского. — В сб. статей «Славяне и Русь». М., 1968, с. 357—365.

Сравнение «Хроники» с хрониками Стрыйковского и Быховца.

279. Чамярыцкі В. А. Игнат Данилович. — «Полымя», 1968, № 7, с. 251—252.

Изучение белорусских летописей И. Даниловичем — с. 252.

280. Черепнин Л. В. *Исторические взгляды классиков русской литературы*. М., 1968. 383 с.

А. С. Пушкин о летописях — с. 24; Н. В. Гоголь о летописях — с. 104—106.

281. Шусторович Э. М. *Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе*. — ТОДРЛ, М.—Л., 1968, т. XXIII, с. 62—70.

Выдержка из Хроники в Ипатьевской летописи — с. 70.

1969

282. Азбелев С. Н. *Летопись петровского времени, содержащая поэму Симеона Полоцкого*. — В сб. статей «От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»». Л., 1969, с. 261—265.

Краткая характеристика летописей XVIII в. — с. 261—262; летопись, автором которой был предположительно Карнон Истомино (ГБЛ, Муз. № 10562), — с. 262—265.

283. Алешковский М. Х. *Первая редакция Повести временных лет*. — АЕ за 1967 г. М., 1969, с. 13—40.

Исследование редакций ПВЛ А. А. Шахматовым; предположение, что сохранилась 3-я редакция ПВЛ в отредактированном виде в Лавр. летописи и в более исправном — в Ипатьевской, — с. 13—17; Хронограф был использован в авторском тексте ПВЛ, Хроника Георгия Амартола — в редакторском; редакторские вставки 3-й редакции (русские события) — с. 20—27; источник свода Всеволода в НПЛ — Киевская летопись 1115 г., отличавшаяся от редакторского текста ПВЛ 1119 г., — с. 28—32; грекофильство авторского текста ПВЛ, антилатинство 1-й редакции и латинская направленность 3-й редакции — с. 33—35; авторское предисловие в ПВЛ — с. 35—36; Сильвестр не является автором ПВЛ; выводы: авторский текст создавался в 1091 г., 1-я редакция — в 1115 г., 2-я — в 1116 г., Сильвестром, 3-я — в 1119 г.; в Лаврентьевской летописи находится переяславская копия 3-й редакции.

284. Бакланова Н. А. *Описание русской природы в «Хождении митрополита Пимена в Царьград» и отображение этого описания в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.* — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 122—128.

285. Буганов В. И. *Московские восстания конца XVII в.* М., 1969. 440 с.
Летописные источники для изучения московских восстаний: Краткий

летописец, писанный дячком Благовещенского погоста на Ваге, — с. 28; летописец 1618—1691 гг. (ГПБ, Сол. № 988/878) — с. 29—31; Краткий летописец (ГБЛ, Муз. № 1341); Краткий летописец до 1690 г. (ГБЛ, Никифор. собр., № 69) — с. 33—34; летописец до 1699 г. (ГБЛ, Муз. № 9479) — с. 34—36; летопись (ГБЛ, Муз. № 1841) — с. 36; сибирская летопись (Томский гос. ун-т, витрина 752) — с. 37; летописец первой половины XVIII в. (БАН, Текущие поступления, № 104) — с. 54—55; летопись (ЦГАДА, ф. 196, № 1142) — с. 55; летопись (ГБЛ, ф. 178, № 9479) — с. 55; летописец (ГБЛ, ф. 178, № 5710) — с. 55; летописец до 1700 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 358) — с. 55—56; летописный свод, принадлежавший Ф. Поликарпову (ЦГАДА, ф. 181, № 849), — с. 56.

286. Волинський П. К. и др. Історія української літератури. Давня література. К., 1969. 432 с.

ПВЛ — с. 42—52; Киевская летопись — с. 52—54; Галицко-Волинская летопись — с. 54—58; западнорусская летопись — с. 111—114; Краткая Киевская летопись — с. 114—115; летописи Самовидца, Грабянки, Велички — с. 298—307.

287. Генсьорський А. І. З коментарів до Галицько-Волинського літопису. — В сб. статей «Історичні джерела та їх використання», К., 1969, в. 4, с. 171—184.

Волинские и галицкие грамоты XIII столетия в Галицко-Волинской летописи.

288. Грицай М. С. Українська література XVI—XVII ст. и фольклор. К., 1969. 114 с.

Мгарский, Хмельницкий, Львовский, Межигорский, Добромилский летописцы — с. 32; Киевская летопись — с. 33; летописи Самовидца, Грабянки, Велички — с. 34—44.

289. Дворецкая Н. А. Из истории позднего сибирского летописания. — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 239—241.

Характеристика особой редакции «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири», возникшей при тобольском воеводе А. П. Головине (ГБЛ, ф. МДА, № 141).

290. Добрушкин Е. М. Летописные рассказы о походе русских князей на половцев 1185 г. — В сб. статей «Вопросы историографии и источниковедения», Казань, 1969, в. 4, с. 261—271.

Рассмотрение статьи 1185 г. в Лавр. и Ипат. летописях; полемика с А. Г. Кузьминым относительно ее изучения.

291. Зыков Э. Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник. — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 48—53.

Источник болгарских записей в ПВЛ — болгарское историческое сочинение.

292. История Украинской ССР (в 2 тт.), К., 1969, т. 1. 835 с.

ПВЛ — с. 77; Киевская летопись 1113—1200 гг. — с. 110; Галицко-Волинская летопись — с. 115; Краткая Киевская летопись — с. 173; летописание первой половины XVII в. (летописи Густынская, Межигорская, Хмельницкая, Лизогубовская, Львовская, Русская, Острожская) — с. 206; Синописис — с. 283; летописи Велички и Грабянки — с. 357.

293. Каштаиов С. М. Влияние крестьянской реформы на развитие источниковедческой мысли в России. — В сб. статей «Вопросы историографии и источниковедения», Казань, 1969, в. 4, с. 48—61.

Обзор исследований И. И. Срезневского, М. И. Сухомлинова, И. А. Тихомирова, К. Н. Бестужева-Рюмина по летописанию — с. 49—51.

294. Кузьмин А. Г. Мнимая загадка Святослава Всеволодовича. — «Рус. литература», 1969, № 3, с. 104—110.

Киевский свод конца XII в. и мнение М. Ф. Котляра — с. 106;

А. А. Шахматов о переработке летописного текста после 1194 г. — с. 107.

295. Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. 240 с.

Глава I. Начальное летописание в исторической литературе. Обзор исследований В. Н. Татищева, А. Л. Шлецера, И. Добровского, Г. Эверса, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича, Я. С. Лурье, Д. С. Лихачева, Д. И. Иловайского, А. А. Шахматова, В. М. Истрина, И. П. Хрущева, Н. К. Никольского — с. 5—30. Глава II. Взаимоотношение летописных текстов. Полемика с Д. С. Лихачевым относительно значения текстологии в исследовании летописей; определение понятий «протограф», «список», «редакция» и т. п. применительно к изучению летописей, конъектуральная и текстологическая критика по отношению к летописным текстам — с. 31—39; ПВЛ в летописях Ипат., Лавр., Радзивилл.; общие чтения Лавр. и Радзивилл. относятся ко времени не позднее начала XIII в., Лавр., Радзивилл. и Ипат. — до 1193 г. — с. 41—46; НПЛ по Сип. и Комисс. спискам; в основе НПЛ — не первоначальная редакция ПВЛ, а киевский летописный источник, доведенный до 1115 г., — с. 46—53; обзор летописных известий за XI—XII вв. в летописных сводах XV—XVI вв. (в С1Л, Н4Л, Никоновской и др.); они используют неизвестный киевский источник — с. 53—59; начальная летопись и вие-летописные параллельные тексты — с. 59—62. Глава III. Хронология начального летописания (использование разных стилей и космических зр в ПВЛ) — с. 68—98. Глава IV. Расслоение текста по содержанию: поляно-славянская и варяжская концепция начала Руси в ПВЛ с. 100—101; разные версии крещения Руси в ПВЛ — с. 111—125; проблема Нестора (различия в житиях и ПВЛ) — с. 125—137. Глава V. Датирующие признаки, содержащиеся в тексте, — с. 138—159; публикация отдельных отрывков из ПВЛ, НПЛ и вие-летописных произведений — с. 164—239.

296. Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII вв. — «История СССР», 1969, № 2, с. 62—94.

Известия о Ростове в статьях 862 и 907 гг. Лавр. и Ипат. летописей — вставки сводчика начала XII в. — с. 63—64; статья 1071 г. объединяет известия разных годов — с. 67—68.

297. Кучкин В. А. Судьба «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности. — ВИ, 1969, № 5, с. 67—77.

«Хожение» в составе Краткого летописца конца XV в., помещенного в сборнике ГБЛ, ф. 178, № 3274, его вологодское происхождение — с. 72; митрополичий дьяк Родион Кожух как составитель свода 1489 г. — с. 76—77.

298. Кучкин В. А. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризпы. — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 196—198.
Источники патерика (ГБЛ, ф. 304, № 714): Тверской летописный сборник (его первая часть), Ростовский свод 1534 г., летописи Никоновская и Ипатьевская; перечень статей Ипатьевской летописи, из которой был взят материал для патерика; предположение о существовании особой редакции Ипатьевской летописи.
299. Левина С. А. Тринадцатый список Воскресенской летописи. — АЕ за 1967 г. М., 1969, с. 96—98.
Краткое описание его (ГПБ, ф. Быстрова, № 2).
300. Лимонов Ю. А. Герберштейн и русские летописи. — В сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1969, в. 2, с. 214—228.
Близость к его запискам летописных сводов 1497 и 1518 гг., летописей Ипат., Переяславля-Русского, Ермолинской, Типографской, свода 1480 г., Львовской, Никоновской.
301. Лурье Я. С. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, Л., 1969, т. XXIV, с. 142—146.
Мнение А. А. Шахматова и А. В. Маркова, что свода 1448 г. не было; предположение автора на основании известий Акад. списка Суздальской летописи, что свод 1448 г. все же существовал.
302. Магнер Г. І. Русько-угорський союз IX ст. у світлі літописів. — УІЖ, 1969, № 7, с. 76—84.
Название «угорское» в летописях Лаврентьевской, Ипатьевской, Комиссионном списке НПЛ, Устюжском летописном своде, Иоанимовской, Киевском синописе, Хронике Феодосия Софоновича.
303. Михайлина П. Висвітлення історії Північної Буковини XV—XVII ст. на сторінках слов'яно-молдавських літописців. — «Архіви України», 1969, № 4, с. 81—84.
Краткий обзор лавяно-молдавских летописей: Анонимной 1359—1486 гг., Быстрицкой 1359—1507 гг., Путиянской 1359—1526 гг. и Путиянской 1359—1518 гг., молдаво-немецкой хроники, «Сказания вкратце о молдавских государях», находящегося в Воскресенской летописи, летописей Макария, Евфимия и Азария — с. 82—83.
304. Мохов Н. А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства. Кишинев, 1969. 88 с.
Молдавские летописи: «Сказание вкратце о молдавских государях» — с. 20.
305. Мурьянов В. М. Андрей Первозванный в Повести временных лет. — «Палестинский сборник», Л., 1969, в. 19, с. 159—163.
Обзор точек зрения М. П. Погодина, А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева относительно сообщения о св. Андрее в ПВЛ.
306. Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 555 с.
Глава 1. Начальный период киевского летописания. Историография (мнения А. А. Шахматова, С. А. Бугославского, Н. К. Никольского относительно взаимоотношений начальной части НПЛ младшей редакции и ПВЛ); летопись и «Слово о законе и благодати»; обзор гипотез о своде 996 г. и роли Десятинной церкви в летописании — с. 12—21;

Пролог как один из источников древнерусского летописания (проложное Житие Ольги, Житие мученика Варяга); «Память и похвала князю Владимиру» и начальное летописание — с. 22—34; составитель труда о распространении христианства — Никон, иг. печерский, а лицо, приближенное к Ярославу; вышгородские записи — с. 34—47; отсутствие следов летописания Изяслава Ярославича — с. 47—50; летописные записи в Выдубицком монастыре второй половины XI в., летописание при церкви св. Спаса в Чернигове; кияжеский Синодик при Десятиной церкви как один из источников Начального свода; печерские записи — с. 50—57; Начальный свод (кончается 1093 г.) в составе ПВЛ; Сильвестровы прибавления (рассказ Гюрыты Роговича, сообщения 1095, 1096, 1107 гг.) — с. 57—65; редакция вводных статей (легенда о св. Андрее, легенда об Афетовом колене, сказание о варяжском происхождении Руси); идеология ПВЛ — с. 65—79. Глава 2. Взаимоотношения летописания Киева, Чернигова, Переяславля-Русского. Историография (работы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева) — с. 80—83; местные переяславские записи в Лавр. и Ипат. летописях; их источник — летописный свод Переяславля-Русского, использовавший киевский летописный источник, который отличался от Ипат. редакции; отсутствие в нем вставок из черниговского летописца — с. 63—107; переяславская кафедра и летописная работа в Переяславле-Русском; предположение о ведении ее при соборе св. Михаила — с. 108—111. Глава 3. Летописание Ростово-Суздальской земли XII в. Ранние «ростовские» записи вваты из южнорусского свода — с. 112—118; собственно ростовские записи о событиях начала XII в. в Ростовской земле, которые составлялись при Ростовском Успенском соборе, — с. 118—131; летописные известия о Юрии Долгоруком — с. 131—138; «Сказание о чудесах от Владимирской иконы богоматери» — с. 138—143; Сказание об убиении Андрея Боголюбского, две его редакции: Краткая в Лавр. и в близких к ней летописях, и Пространная в Ипат.; историография (труды Н. П. Хрущева, Н. И. Серебрянского, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева); влияние черниговского летописного свода; влияние Жития Бориса и Глеба — с. 143—158; обзор владимирских летописных известий 6683—6685 гг. — с. 158—167. Глава 4. Ростово-владимирское летописание XIII в., Лаврентьевская летопись, нижегородское летописание XIV в. Нижегородские записи, которые составлялись при соборе св. Спаса и при Печерском Нижегородском монастыре; причины составления Лавр. летописи и ее кодикология — с. 168—180; анализ рассказа о Батиевом нашествии 1237—1238 гг., отсутствующего в Лавр. летописи и сохранившегося в своде 1479 г. и в Воскресенской летописи, С1Л; источники его: 1) летопись, близкая к НПЛ по Комисс. списку, 2) летопись, близкая к Лавр., 3) южнорусский летописный источник — с. 180—187; отрицание возможности того, что существовал нижегородский летописный свод, в основании которого был великокняжеский владимирский свод 1305 г.; рассмотрение в связи с этим Нижегородского летописца XVII в. — с. 187—191; владимирское летописание XIII в., его соединение с ростовским; Летописец патриарха Никифора с ростовскими вставками (составлен ок. 1281 г.); роль Владимирского Рождественского монастыря в летописании —

с. 191—201; выделение фрагментов владимирского летописания в составе свода 1479 г. — с. 201—210; новгородские и киево-галицкие известия в составе владимирских фрагментов, их источник — владимирский великокняжеский летописец; источник сходных фрагментов в Лавр. летописи — ростовская редакция владимирского великокняжеского летописца 1281 г. — с. 210—275. Глава 5. Галицко-волинское летописание. Различия между Ипат. и Хлебн. списками; поздняя разбивка Галицко-Волинской летописи (конца XIII в.); общий оригинал Ипат. и Хлебн. списков составлялся в Турово-Пинском княжестве — с. 226—232; летописание Владимира-Волинского в Ипат. летописи — с. 233—236; «Слово о законе и благодати» как источник последней части Ипат. летописи — с. 236—245. Глава 6. Московские общерусские своды 50—70-х годов XV в. Общая характеристика летописей Троицкой, Владимирского Полихрона 1423 г., Супрасльской, Тверского летописного свода середины XV в. — с. 246—249; обзор мнений относительно времени прекращения московского митрополичьего летописания — с. 250—253; свод 1479 г., его составные части: 1) до 1425 г. 2) с 1425 до 1471 г. и 3) с 1472 г. до конца; разночтения между Эрм. и Увар. списками, причины и цели составления; взаимоотношения Ермолинской летописи и свода 1479 г.; в основе Ермолинской летописи — источник свода 1479 г., представляющий общерусский свод, составленный между 1464—1472 гг., — с. 255—274. Глава 7. Реконструкция киевского источника общерусских сводов второй половины XV в. Московские митрополиты в южной Руси; южнорусские летописные источники С1Л, свода 1479 г. — с. 275—279; сравнение Эрм. и Увар. списков свода 1479 г.; освобождение текста свода от южнорусского материала, сходного с известиями С1Л и НПЛ; вставки из Троицкой летописи — с. 279—288; источник южнорусских известий свода 1479 г. — киевская летопись, отличавшаяся от Ипат. редакции, — с. 289—293; сокращение киевского летописного источника — с. 293—296; среда, в которой составлялся свод, роль дьяков; активные источники свода и пр.: итинерарий, разрядные книги — с. 296—300. Глава 8. Тексты, восходящие к московскому митрополичьему своду последней четверти XV в. Известия, выделенные из С1Л и Львовской летописи, не вошедшие в свод 1479 г., их антикняжеская направленность — с. 304—316. Глава 9. Происхождение основной части Ермолинской летописи. Описание сборника, в котором содержится Ермолинская летопись; вставки В. Д. Ермолина; мнение А. А. Шахматова, что в Ермолинской летописи отразился ростовский владычный свод в редакции архиепископа Трифона (1462—1467); критика мнения Д. С. Лихачева, что протограф Ермолинской летописи составлялся в Москве, а не в Ростове — с. 316—324; похвала великому князю и обличение московских наместников и дьяков; известия после 1425 г., отсутствующие в С1Л, С1Л по списку Царского, Львовской летописи; источник этих известий — свод 1491 г.; общий протограф свода 1491 г. («Сокращенного») и Ермолинской летописи — с. 324—346; Устюжский летописный свод; составитель его использовал Сокращенный летописный свод в редакции 1474 г. — с. 347—351; обзор сведений о Федоре Басеике в Ермолинской летописи — с. 351—353; вставки о роде Квашинных и Тучковых в Новгородском своде 1539 г.

и в отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку — с. 353—361. Глава 10. Малоизученные летописные своды конца XV—середины XVI в. Троицкий монастырский источник Троицкой летописи; семейный летописец князя Владимира Андреевича Серпуховского как один из источников Троицкой летописи — с. 362—369; свод митрополита Геронтия, сохранившийся в виде редакции 1518 г. в Архивском списке С2Л, — с. 369—372; свод 1497 г. — с. 372—374; свод 1518 г., Типографская летопись, источник ее известный до 1484 г. — ростовский владычный свод в редакции архиепископа Тихона, с 1484 г. — свод 1497 г. и общерусский свод, в котором встречались троицкие монастырские записи; митрополит Даниил как возможный заказчик Типографской летописи — с. 374—394; Уваровская летопись, изданная в т. 28 ПСРЛ; ее источники: до 1484 г. — свод 1518 г., с 1485 г. до конца — текст, близкий к С2Л, — с. 394—397; Иоасафовская летопись, ее источники: в части до 1479 г. — Московский свод 1479 г., с 1479 г. — Сокращенный свод 1493 г. — с. 397—402; Свод 1558 г., или Типографско-Академическая летопись, ее троицкое происхождение; источник ее до 1484 г. — ростовский владычный свод архиепископа Тихона; источник ее известный 6693—6698 гг. — своеобразный вариант С2Л; Иоасафовская летопись как один из источников Никоновской летописи — с. 402—409. Глава 11. Так называемая Костромская летопись. Хронограф редакции 1512 г., Летописец патриарха Никифора с русским продолжением, составленным в Ростове, свод владимирского князя Дмитрия Александровича 1281 г.; Летописец патриарха Никифора в составе Музейного списка ростовского владычного свода как предисловие к Сокращенному своду 1493 г. и в составе летописцев ЦГАДА, ф. 181, № 66; ГИМ, Синод. № 965; ГБЛ, Муз. № 2422 — с. 410—418; «Русский Временник», его изучение Н. М. Карамзиным, Д. В. Полновым, А. А. Шахматовым, С. П. Розановым; описание ркп. Временника в ГБЛ в собр. Чертова; ее отличия от изданной; источники Чертовской рукописи: Хронограф 1601 г. в части до известных конца X в., Хронограф 1599 г. от конца X до середины XIII в. и свод 1533 г. — с. 418—450; сравнение чертовской рукописи со Львовской и Румянцевской; их протограф — летописный свод середины XVI в., соединявший великокняжескую и митрополичью традиции — с. 450—465; новгородский летописный свод 1539 г., в основе его — владычный свод архиепископа Евфимия — с. 465—472; обзор двух летописей, сходных с чертовской рукописью, — с. 472—477. Глава 12. Летописи XVII—начала XVIII в. Обзор летописного свода ГБЛ, Муз. № 2422, ГИМ, Увар. № 593, свода патриарха Никона 1652 г., петровских летописных сводов.

Рец.: Буганов В. Новый труд о русских летописях. — «Новый мир», 1971, № 1, с. 270—273.

307. Николаева М. В. О некоторых источниках «Подробной летописи». — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 344—348.

Источник «Подробной летописи» — петровское издание Синописа; списки ее: БАН, 21.6.8, 1744 г.; БАН, 32.13.7; БАН, 16.3.8 (последние два списка — 60-х годов XVIII в.).

308. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 602 с.

Львовская летопись (приписка В. Н. Татищева) — с. 48; летописец XVIII в. (ГБЛ, Рум. № 257) — с. 49—50.

309. Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969. 181 с.

Западнорусский Хронограф — с. 19, 35—38.

310. Покровская В. Ф. Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей. — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 167—170.

Хронограф редакции 1512 г. (БАН, 21.6.5) в списке 30-х годов XVIII в., в тексте которого находятся описания миниатюр Лицевого свода.

311. Поппе А. В. К чтению одного места в ПВЛ. — ТОДРЛ, М.—Л., 1969, т. XXIV, с. 54—57.

Статья 1043 г. и ее толкование.

312. Порохова О. Г. Лексика сибирских летописей XVII в. Л., 1969. 203 с.

Летописи Есиповская, Строгановская и их изучение, Ремезовская и ее источники, Куингурская, статья о завоевании Сибири в Новом летописце, «Описание новых земли Сибирского государства» — с. 7—15.

Рец.: Попов А. И., Федоров А. И. — «Известия Сибирского отд. АН СССР», 1971, № 1, Серия общественных наук, в. 1, с. 145.

313. Пронштейн А. П., Задера А. Г. Практикум по истории СССР. М., 1969. 376 с.

Тематические извлечения из НПЛ, Рогожского летописца, псковских летописей, Московского свода конца XV в.

314. Рогаль М. С. Лексические заимствования в украинских летописях конца XVII—половины XVIII в. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук). К., 1969. 16 с.

Тюркизмы, полонизмы, германизмы, латинские, французские, итальянские и русские заимствования в летописях Самовидца, Грабянки, Велички и в «Лѣтописце».

315. Рыбаков Б. А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. — ТОДРЛ, Л., 1969, т. XXIV, с. 58—63.

Характеристика летописцев Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича в Киевском своде.

316. Тихомиров М. Н. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша. — В кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 226—237.

Источник «Истории» — русский летописец, более древний и исправный, чем НПЛ, начинавшийся повествованием о начале Киева и завершавшийся княжением Владимира после крещения.

317. Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969. 191 с.

Списки белорусско-литовских летописей: Супрасльская (1519 г.), Слуцкая (начала XVI в.), Никифоровская (третьей четверти XV в.), Академическая (середины XVI в.), список Красинского (середины XVI в.), Ольшевский (1550 г.), Археологического товарищества (второй половины XVI в.), Румянцевская (конца XVI в.), Патриаршая А (второй половины XVI в.), Патриаршая Б (второй половины XVI в.), спи-

сок Тихонравова (1636 г.), Познаньский (последней четверти XVI в.), Евреинновский (конца XVII в.), Быховца (XVII в.), *Origo regis* (начала XVI в.), Виленская (конца XV—начала XVI в.), список Дубровского (середины XVI в.), ЦГАДА № 20/25 (начала XVIII в.), Погодинская (второй половины XVI в.), БАН, 34.4.32 (XVII в.), Архангельский (второй четверти XVI в.), ЦГАДА, № 365 (815) и их классификация — с. 13—28; ранние белорусско-литовские летописи: Супрасльская, ее близость к Н4Л в части до 1309 г. включительно, Симеоновской, Никоновской и частично Воскресенской в части от 1310 до 1388 г., к С1Л (от 1383 до 1418 г.), к Никоновской (от 1419 по 1446 г.) — с. 30—40; особенности общерусской части первых белорусско-литовских летописей (замена ПВЛ «Сказанием о верных святых князях русских» и выписками по истории Киевской Руси; обработка русских известий) — с. 40—78; анализ смоленской части летописей — с. 78—97; Похвала Витовту, ее источники и редакции — с. 85—94; «Летописец великих князей литовских» — с. 97—118; *Origo regis* как его источник — с. 103—110; особые редакции летописца — с. 116—118; первый белорусско-литовский свод — с. 119—135; летописи (Архангельский список и ЦГАДА № 365 (815)), которые его использовали, — с. 127—132; схема свода — с. 132; летописные своды XVI в.: «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского» — с. 136—162; Хроника Быховца — с. 162—187.

Рец.: Федчанка Э. Сведкі гісторыі. — «Звязда», 1969, 4 лістап.

Паршковіч М. Крыніцы нашай гісторыі. — «Літаратура і мастацтва», 1970, 31 сак.

Коршуняў А. Па слядах летапісу. — «Маладосць», 1970, № 7, с. 146—158.

Улашчэч М. Пра беларуска-літоўскія летапісы. — «Полымя», 1970, № 7, с. 243—245.

Ларченко М. На современном уровне. — «Вопросы литературы», 1971, № 2, с. 230—231.

1970

318. Алешковский М. Х. К датировке первой редакции ПВЛ. — АЕ за 1968 г. М., 1970, с. 71—72.

Подтверждение мнения автора о датировке 1-й редакции ПВЛ 1115 г.

319. Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. Джерелознавче дослідження. К., 1970. 199 с.

Комментированное издание Львовской летописи и Острожского летописца.

Рец.: Мельник М. Українські літописи. — «Друг читача», 1970, 9 черв.

Михайленко А. У скарбницю джерелознавства. — «Друг читача», 1971, 17 серп.

Жовтобрюх М. Нові видання пам'яток староукраїнської писемності. — «Мовознавство», 1971, № 4, с. 80—83.

320. Бегунов Ю. К. Повесть о втором браке Василия III. — ТОДРЛ, М.—Л., 1970, т. XXV, с. 105—118.

Повесть в составе летописных записей 1518—1526 гг. (ГБЛ, Муз. № 3841), Синодального списка Типографской летописи (ГИМ, Син. № 789); Летописец 1527 г. (ЦГАДА, ф. 201, № 46) — с. 106—108.

321. Гумецька Л. Л. Антін Іванович Генсьюрський. Некролог. — «Мовознавство», 1970, № 5, с. 96.

А. А. Шахматов как учитель Генсьюрского; работы Генсьюрского по русскому летописанию.

322. Дзира Я. І. Самійло Величко (до 300-річчя з дня народження укр. письменника XVIII ст.). — «Укр. мова і література в школі», 1970, № 2, с. 85—86.

Краткий обзор летописи Величко и ее изданий.

323. Добрушкин Е. М. О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. — В сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1970, в. 3, с. 280—290.

Сопоставление известий «Истории» с данными летописи.

324. Добрушкин Е. М. и Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева). — «Русская литература», 1970, № 2, с. 219—224.

Летописец Петра Бориславича — с. 221.

325. Дробленкова Н. Ф. Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар. № 206 (1776). — ТОДРЛ, М.—Л., 1970, т. XXV, с. 309—318.

Летописная заметка о княжении Василия Дмитриевича в сборнике ГПБ, Q.XVII.82 — с. 309—311; сходство заметки в сборнике ГИМ с некоторыми списками Вологодско-Пермской летописи. Публикация заметок из сборника ГИМ — с. 315—318.

326. Ермаловіч М. І. Беларускія летапісы і іх лёс. — «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1970, № 4, с. 10—16.

Краткий обзор полонских записей Ипатьевской летописи; «Летопись Великого княжества Литовского», Смоленский свод 1446 г., «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», Хроника Выховца, Баркулабовская летопись.

327. Истоки русской беллетристики (Отв. ред. Я. С. Лурье). Л., 1970. 595 с.

Рассказы и сказания в ПВЛ, Лаврентьевской и др. летописях — с. 31—66; Хроника Георгия Амартола — с. 108—117; Хроника Иоанна Малалы — с. 117—124; Хронографическая Александрия — с. 130—134; рассказ о Куликовской битве в летописях Симеоновской, в своде 1408 г., С1Л и Н4Л — с. 265; переделка этого рассказа в Ермолинской летописи — с. 269; княжеские жития в летописях Лавр., Троицкой, НПЛ младшей редакции, С1Л и Н4Л — с. 269—270; «Словеса избранна от святых Писаний» (о победе над Новгородом в 1471 г.) в С1Л — с. 271—272; рассказы о событиях 1471 г. в Строевском списке Н4Л — с. 272—273; Повесть о разорении Трои в хронографах западнорусской редакции, редакций 1512, 1599 и 1601 гг. — с. 277—284; Повесть о ваянии Царьграда турками в Хронографе 1512 г. — с. 310, 317—318; своды 1534 и 1542 гг. — с. 395; «Летописец начала царства» — с. 395—396; Лицевой свод — с. 396; рассказ о последних днях Василия III в сводах 1534 и 1542 гг., в «Летописце начала царства», в Царственной книге — с. 244—245, 437—439; Степенная книга — с. 426—429; Казанская история — с. 429—432; польские хроники Мартина Бельского. Александра Гваньини — с. 478.

328. Кузьмин А. Г. «Варяги» и «русь» на Балтийском море. — ВИ, 1970, № 10, с. 28—55.

- Противоречивость известий о первоначальном местожительстве варягов в русском летописании — с. 28—30.
329. Кузьмин А. Г. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи. — МИА, 1970, № 176, с. 125—127.
- Источник «Сказания о предложении книг» — текст летописного свода со «славянофильской» конценцией — с. 126.
330. Кузьмин А. Г. Летописные источники посланий Симона и Поликарпа (к вопросу о «Летописце старом Ростовском»). — АЕ за 1968 г. М., 1970, с. 73—92.
- Историография (труды Р. Ф. Тимковского, А. М. Кубарева, П. С. Казанского, П. Г. Буткова, Е. Е. Голубинского, А. А. Шахматова, Д. И. Абрамовича, Н. Н. Воронина, Ю. А. Лимонова, Р. В. Ждакова, А. Н. Насонова) — с. 73—77; Поликарп при составлении послания пользовался не ПВЛ — с. 77—84; грекофильство летописной традиции Печерского монастыря; проростовские наслоения в ПВЛ и в севернорусском летописании — с. 85—86.
331. Лимонов Ю. А. Заметки о Холмогорской летописи. — В сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1970, в. 3, с. 249—252.
- Холмогорская летопись как источник для реконструкции «Летописца Федора Ярославского» — с. 249—251; летописная традиция в Поморье — с. 251—252.
332. Литвищенко М. А. Джерела історії України XVIII ст. Харків, 1970. 204 с.
- «Краткое описание Малороссии», ее источник — Летопись Грабянки — с. 179—181; Черниговская летопись, «Летописец, или описание краткое знатнейших действ и случаев», два его варианта: первый — с 1506 по 1787 г., другой — с 1506 по 1737 г.; летопись Самовидца как источник известий «Описания» о гетманстве Самойловича — с. 181—184.
333. Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. 180 с.
- Хронограф 2-й редакции (1617 г.) — с. 11—16; Русский Хронограф Пахомия — с. 81—89; Степенная книга — с. 98—103.
- Рец.: Перцов В. Аксиомы и неизвестное. — «Новый мир», 1971, № 4, с. 208—214.
334. Лурье Я. С. Проблемы изучения русского летописания. — В сб. статей «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л., 1970, с. 43—48.
- Предложение о разграничении понятий «летописный свод» и «летопись»; периодизация летописания на два периода: 1) XII—XV вв. и 2) XVI—XVII вв.; необходимость изучения летописи как памятника литературы.
335. Лурье Я. С. Холмогорская летопись — ТОДРЛ, М.—Л., 1970, т. XXV, с. 135—149.
- Установление сходства ее (ГПБ, Погод. № 1405) в определенных частях с летописями Вологодско-Пермской, Двинской, Типографской, Львовской.
336. Мавродин В. В. Источники для изучения древнерусского государства. — «Сборник документов по истории СССР (для семинарских и практических занятий)», М., 1970, ч. 1 (IX—XIII вв.), с. 3—23.
- ПВЛ, ее списки: Лавр., Ипат.; НПЛ по Сии. списку — с. 6—9.

337. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. 391 с.
Летопись Саввы Есипова и Строгановская летопись — с. 24—31; «История Сибирская» С. У. Ремезова — с. 31—36.
338. Охрименко П. П. и Охрименко О. Г. Взаимосвязи древних русской и белорусской литератур. — «Вопросы русской литературы», Львов, 1970, в. 2, с. 34—45.
Общерусские летописные своды, летописец Авраамки — с. 34—35.
339. Покровская В. Ф. Об одном списке русского Хронографа редакции 1512 г. — В сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1970, в. 3, с. 252—268.
Описание его (БАН, 21.6.5) — с. 252—256; Хронограф и Лицевой свод (Хронограф пересказывает его миниатюры) — с. 256—268.
340. Попов Г. В. Пути развития тверского искусства в XIV—начале XVI в. — В сб. статей «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств в XIV—XVI вв.» М., 1970, с. 310—353.
Лицевой список Хроники Георгия Амартола XIV в. (ГБЛ, ф. 173, № 100) — с. 311.
341. Прокофьев Н. И. Русские Хождения XII—XV вв. — В сб. статей «Литература Древней Руси и XVIII в.» М., 1970, с. 3—264.
Хождения в ПВЛ; Хождение Ольги — с. 21—23; путешествие апостола Андрея — с. 24—27; связь Хождения Даниила и летописного рассказа о Шаруканском походе — с. 48—50; «Повесть о Митяе» в летописях Никоновской, Воскресенской, Московском летописном своде конца XV в., Сокращенном летописном своде 1493 г., летописном своде 1518 г. — с. 132—135; Игнатий Смольнянин как автор некоторых статей в «Сказании летом вкратце» — с. 167—170 и публикация Хождений.
342. Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. 127 с.
Влияние чешской гомиллы о св. Людмиле на летописное повествование о крещении Ольги — с. 22—24; влияние «Востоковской легенды» о св. Вячеславе на летописную повесть о Васильке Теребовльском — с. 29—30.
343. Ромодановская Е. К. Изучение сибирской литературы XVII—начала XVIII в. — В сб. статей «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л., 1970, с. 131—141.
Есиповская и Черепановская летописи — с. 138.
344. Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в обработке В. Н. Татищева. — ТОДРЛ, М.—Л., 1970, т. XXV, с. 29—46.
Возможный источник рассказа — летописный свод, близкий к Ермолаевскому списку Ипат. летописи.
345. Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича. — ТОДРЛ, М.—Л., 1970, т. XXV, с. 81—104.
Летопись ГИМ, Собр. Уварова, № 206 (1776), XVI в. — с. 85; сообщения Троицкой летописи как основа Слова — с. 96—98.

346. Сборник документов по истории СССР (для семинарских и практических занятий), М., 1970, ч. 1 (IX—XIII вв.). 262 с.

Извлечения из ПВЛ, НПЛ, Лавр. и Ипат. летописей.

347. Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания. — ВИ, 1970, № 12, с. 45—60.

Историография изучения Есиповской и Строгановской летописей (работы С. В. Бахрушина, С. А. Адрианова) — с. 42—48; доказательство первичности Строгановской летописи; она составлена в 1621 г. — с. 48—53; один из источников Ремезовской летописи — Новый летописец; использование С. У. Ремезовым при составлении ее некоторых статей Кунгурского летописца — с. 53—59; схема взаимоотношений указанных летописей — с. 59.

348. Творогов О. В. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, М.—Л., 1970, т. XXV, с. 162—177.

Обзор основной редакции; вид А указанной редакции и его списки: БАН, Арханг. собр., № 139; 45.10.16; ГБЛ, Собр. Егорова, № 220, 231; Муз. № 3358, 3697; Собр. Пискарева, № 165; Собр. Попова, № 7; ГПБ, F.IV.139, F.IV.273; Собр. Вяземского, Q.9; Эрм. № 566; вид Б и его списки: ГПБ, F.IV.167; F.IV.300; вид В и его списки: БАН, 19.1.4, 34.2.29; ГПБ, F.IV.85, F.IV.182, F.IV.274; Собр. Вяземского, F.5; Собр. ОЛДП, F.183; Собр. Погодина, № 1445; Соф. № 1411; ЛОИИ, Коллекция 115, № 82 и 607; Собр. Археогр. ком., № 144; вид Г и его списки: БАН, 19.2.1; ГБЛ, Собр. Пискарева, № 164, 166; ГПБ, F.IV.244 (главы 1—52), F.IV.245, F.IV.843, Собр. Вяземского, F.24; Собр. Титова, № 259, 4238; ЛОИИ, Коллекция 115, № 78; Собр. Археогр. ком., № 141; Собр. Лихачева, № 493; вид Д и его списки: БАН, 31.6.28; ГПБ, F.IV.246, F.IV.680; Соф. № 1380, Собр. Титова, № 3634; вид Е и его списки: ГПБ — F.IV.24, F.IV.562, Q.IV.360, Соф. № 1381.

349. Творогов О. В. Русский хронограф и задачи его изучения. — В сб. статей «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л., 1970, с. 48—55.

Просмотр и классификация списков хронографа (на примере ркп. ГПБ, F.IV.236 конца XVII—начала XVIII в.); предложение классифицировать хронографы на три группы: собственно хронографы, исторические сборники с выписками из них, оригинальные хронографические компиляции; вопросы описания, критика описаний хронографов редакций 1617 и 1512 гг., сделанных А. Н. Поповым.

350. Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970. 223 с. Летописи в курсе источниковедения В. О. Ключевского — с. 154; Н4Л, Тверская летопись — с. 158; начальное летописание в курсах 1882/83 и 1883/84 гг. (Киевский летописец XI—XII вв., Нестор и Сильвестр) — с. 159—160; греческие хроники в курсе В. О. Ключевского (анализ хроник Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Константина Манассии, Иоанна Зонары) — с. 161—166; хронографы русского состава (редакции 1512, 1617, 1620—1646 гг., хронограф Сергея Кубасова) — с. 161—168; источники 1-й и 2-й редакций хронографов; хронографы как исторический источник — с. 168—170.

351. Шолом Ф. Я. Давня українська література в дослідженнях радянських вчених. — «Укр. літературознавство», К., 1970, в. 8, с. 23—25.
«Библиография русского летописания» Р. П. Дмитриевой — с. 24.

1971

352. Азбелев С. Н. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. — В сб. статей «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, с. 110—117.

Описание битвы в Новгородской Забелинской летописи, Новгородской Погодинской летописи, в летописях БАН, 16.4.1 и 34.2.26.

353. Алешковский М. Х. Повесть Временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971. 136 с.

Обзор летописных статей ПВЛ 1114 и 1117 гг. — с. 9—13; противоречия в ПВЛ — с. 14—21; обзор выдержек в ПВЛ из Хронографа по великому изложению и Хроники Амартала; ПВЛ была окончательно составлена в 1114 г., начата в 1090 г. Нестором; текст Нестора как основа НПЛ младшего извода до 1116 г. — с. 21—32; редакция ПВЛ, сделанная Василием в 1119 г., — с. 32—52; ПВЛ как соединение рассказов без абсолютных дат и погодных записей; записи за 1060—1080 гг., за 1090—1110 гг. и ПВЛ составлены одним лицом; источник ПВЛ — Начальная летопись, составленная в конце 60—начале 70-х годов XI в., — с. 53—71; в НПЛ — текст Нестора 1115 г. в составе свода Мстислава 1116 г. с поправками по источнику Лавр. летописи, сделанными под руководством Добрыни Ядрейковича в 1225—1228 гг., — с. 71—83; статьи о канонизации Бориса и Глеба в ПВЛ — с. 83—93; вопрос об авторе ПВЛ — с. 93—105.

354. Блажес В. В. Ермаковские предания XVII в. в составе Кунгурской летописи. — В сб. статей «Вопросы русской и советской литературы». Новосибирск, 1971, с. 36—47.

Источники Кунгурской летописи — повествования фольклорного характера.

355. Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1971, в. 32, с. 127—167.

Описание сборника, в котором находится летописец (ГБЛ, Муз. № 6033); летописец составлялся в окружении патриарха Гермогена; источники его — разрядные книги, принадлежавшие Яновым, и летописные записи за вторую половину XVI—начало XVII в., которые велись при московской митрополии и патриархии, — с. 127—130; публикация его — с. 137—167.

356. Греков И. Б. Страны Восточной Европы и Золотая Орда на рубеже XIV—XV вв. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора ист. наук). М., 1971. 46 с.

Предположение о создании в Москве в 90-х годах XIV в. свода («Летописец великий русский»), носящего более общерусский характер, чем Троицкая и Лавр. летописи, — с. 32—33.

357. **Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции** (Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева), изд. 2-е, испр. и доп. М., 1971. 458 с.
- ПВЛ, ее первая редакция 1110—1113 гг., переработка Сильвестра — с. 27—28; летописи Владимира и Новгорода, Галицко-Волынская летопись — с. 27—29; «Летописец великий русский», Троицкая летопись, свод середины XV в., Новгородский свод середины XV в., — с. 33—34; хронографы — с. 35; своды 1472 и 1495 гг., летопись Авраамки, летописи Никоновская, Воскресенская, Лицевой свод, новгородские и псковские летописи — с. 39—42; хронограф редакции 1512 г. — с. 46; хронографы редакций 1617 и 1620 гг., Новый летописец — с. 50—51; летописи сибирские: Саввы Есипова, Строгановская, «История Сибирская» С. У. Ремезова — с. 56—57; украинские летописи: Густынская, Самовидца, Острожская, Хроника Феодосия Софоновича — с. 58—60.
358. **Клосс Б. М.** Книжки, редактированные и писанные Иваном Черным. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1971, в. 32, с. 61—72.
- Иван Черный как переписчик и составитель Пискаревского списка Еллинского летописца 2-го вида (ГБЛ, ф. 228, № 162, 1485 г.); его оригинал — ркп. БАН, 33.8.13 — с. 61—65.
359. **Клосс Б. М.** О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, М.—Л., 1971, т. XXVI, с. 244—255.
- Влияние московских сводов конца XV в. на Хронограф первой редакции.
360. **Корецкий В. И.** Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова. — ВИ, 1971, № 5, с. 130—152.
- Обзор сведений летописи, находящейся в сборнике ГИМ, Увар. № 569 (лл. 309—354), составленной в начале 30-х годов XVII в., и ее публикация.
361. **Кузьмин А. Г.** Был ли В. Н. Татищев историком? — «Русская литература», 1971, № 1, с. 59—63.
- Критика статьи Е. М. Добрушкина о известии 1185 г. в летописях — с. 62; работа В. И. Корецкого по разысканию летописца Иосифа — с. 62—63.
362. **Кузьмин А. Г.** Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в. (по материалам летописаний XI—XII вв.). — ВИ, 1971, № 10, с. 55—76.
- Обзор литературы и критика представлений о начальном летописании как о цепи печерских сводов (труды А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, Н. К. Никольского) — с. 55—58; обоснование предположения относительно существования летописного свода при Десятинной церкви — с. 58—76.
363. **Кузьмин А. Г.** К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка НПЛ. — АЕ за 1969 г. М., 1971, с. 90—91.
- Опровержение мнения М. Х. Алешковского о киевском источнике новгородской летописи как первоначальной редакции ПВЛ (1115 г.).
364. **Кузьмин А. Г.** Начальные этапы древнерусского летописания (Автореферат диссертации на соискание ученой степени докт. ист. наук). М., 1971. 36 с.

- История изучения летописей — с. 1—12; редакция Ростислава Мстиславича Ипат. летописи; свод Ростиславичей 1128 г.; сводчик князя Ярополка Владимировича; НПЛ в начальной части — поздняя обработка русских и нерусских источников, отражающая в части до 945 г. киевский летописный источник, составленный до 1115 г., — с. 13—16; Нестор-летописец и Нестор-агиограф; традиция Нестора в русском летописании; летописание при Десятинной церкви; особенности хронологии летописания — с. 16—26; поляно-славянская и варяжская концепции происхождения Руси в начальном летописании — с. 26—35.
365. Лимонов Ю. А. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси. — В сб. статей «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, с. 76—81.
- А. А. Шахматов и А. Н. Насонов об источниках Хроники Яна Длугоша — с. 76—77; источники Хроники Длугоша — свод 1423 г. и Галицко-Волинская летопись в составе московского свода.
366. Літопис Самовидця (історіогр. пам'ятка другої пол. XVII ст.). К., 1971. 207 с.
- Обзор изданий и изучения летописи О. М. Бодянским, О. И. Левицким, М. А. Максимовичем, М. Петровским, М. С. Грушевским — с. 9—20; войсковой подскарбий Роман Ракушка-Романовский — автор летописи — с. 20—22; обзор известных летописи — с. 22—41; текст — с. 45—166; комментарий к тексту.
- Рец.: Михайленко А. Пам'ятка нашої минавшини. — «Друг читача», 1971, 1 лип.
 Жотобрюх М. Нові видання пам'яток староукраїнської писемності. — «Мовознавство», 1971, № 4, с. 80—83.
 Горючий В. — «Десятилісна правда», 1971, 2 жовт.
 Дашкевич Я. З'під пилу сторіч. — «Вітчизна», 1971, № 10, с. 205—208.
 Николенко Я. Из глубины веков. — «Красное знамя» (Харьков), 1972, 2 февр.
367. Ломов А. Г. Летописная тавтология. — «Труды Самаркандского ун-та», Самарканд, 1971, в. 205, с. 23—40.
- Обзор тавтологических сочетаний в русских летописях.
368. Лурье Я. С. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. — В сб. статей «Исследования по социально-политической истории России». Л., 1971, с. 89—95.
- Присоединение Новгорода в сводах 1477 и 1479 гг., в Устюжской летописи и сравнение статей.
369. Мишко Д. І. Густинський літопис як історичне джерело. — УІЖ. 1971, № 4, с. 69—73.
- Списки летописи (Густинский, Мгарский, Архивский); историография (работы В. С. Иконникова, М. С. Грушевского, А. Ершова, М. Н. Тихомирова) и обзор летописи.
370. Мойсеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. 284 с.
- Указатель летописей, над которыми работал М. В. Ломоносов, — с. 269—273.
- Рец.: Розов А. И. — ВП, 1973, № 1, с. 163—165.
 Прокофьев Н. И. — «Известия АН СССР, Серия литературы и языка», 1973, т. 32, в. 2, с. 184—186.

371. Моисеева Г. Н. Орывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. XXVI, с. 93—99.

Предположение о наличии копии Троицкой летописи в архиве и библиотеке Эрмитажа, архиве Зимнего дворца.

372. Мордасов В. И. К истории текста введения ПВЛ. — В сб. статей «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, с. 38—42.

Введение в ПВЛ и в НПЛ; его сокращение в НПЛ; первичность его в ПВЛ.

373. Мордовина С. П. Земский собор 1598 г. Источники, характер представительства (Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук). М., 1971. 27 с.

«Утвержденная грамота» собора 1598 г. и ее влияние на статьи Пискаревского и Нового летописцев — с. 9.

374. Публикация летописи XVII в. (Подготовлена к печати В. И. Корецким). — ВИ, 1971, № 5, с. 130—152.

Сведения по истории крестьянского закрепощения в конце XVI—начале XVII в. и восстанию И. И. Болотникова в Бельском летописце, находящемся в сборнике ГИМ, Увар. № 569, середины XVII в.; его публикация.

375. Ромодановская Е. К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. — В сб. статей «Вопросы русской и советской литературы Сибири». Новосибирск, 1971, с. 10—35.

Есиповская летопись — с. 11—26.

376. Руссов Е. Славянский вклад в древнемолдавскую культуру. — «Кодры», 1971, № 8, с. 134—148.

«Сказание вкратце сущим от Адама» — с. 138; летописание XV в. («Сказание вкратце о молдавских господарях», Анонимная летопись Молдавии, летописи Макария и Азария) — с. 138.

377. Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. — АЕ за 1969 г. М., 1971, с. 43—89.

Даниил Заточник и его роль во владимирском летописании XII в.

378. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. 294 с.

Краткий обзор составных частей Киевского свода 1198 г. (Киево-Печерская летопись, доведенная до начала 1170-х годов, составленная архимандритом монастыря Поликарпом, митрополичье летописание эпохи владения Андрея Боголюбского над Киевом, чернигово-суздальское летописание 1174—1176 гг., летописание Рюрика Ростиславича, летопись Святослава Всеволодича, окончательная обработка свода 1198 г., принадлежащая игумену Выдубицкого монастыря Моисею, выписки из узкосемейной хроники о рождении старших сыновей Игоря и о взаимоотношениях его с Владимиром Галицким) — с. 171—172; киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. — с. 172—194; рассказ о походе Игоря в Лавр. летописи — с. 194—198; источник «Истории Российской» В. Н. Татищева относительно похода 1185 г. — рукопись, содержащая фрагменты летописи Всеволода Черного, — с. 201.

Рец.: Лошниц Ю. Факт с большой буквы. — «Молодая гвардия», 1971, № 2, с. 289—294.
 Буганов В. И. Преданья и были русской старины. — «Новый мир», 1972, № 2, с. 268—271.
 Лихачев Д. С. Опираясь на знание эпохи. — «Вопросы литературы», 1972, № 2, с. 207—210.
 Шмидт С. О. — «История СССР», 1972, № 5, с. 192—195.
 Котенко С. «... Войну и мир, управу государей ...» — «Москва», 1973, № 3, с. 217—219.

379. Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. — «История СССР», 1971, № 1, с. 91—109.

Кабинетный список летописи типа Никоновской и летописец Ерошкинский, которые использовал В. Н. Татищев при работе над «Историей Российской», — с. 91—92; тщательность В. Н. Татищева в использовании летописного материала; критика отношения С. Л. Пештича к В. Н. Татищеву как к фальсификатору летописей — с. 93—101; рассмотрение известий в хронологическом отрезке ПВЛ — Киевский свод 1198 г. в «Истории Российской» и в Ипат. летописи — с. 101—109.

380. Чирков С. В. Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова. — АЕ за 1970 г. М., 1971, с. 307—314.

Рукопись А. Е. Преснякова «Московские летописные своды», копия летописи А. Н. Лебедева, выписки из трудов по летописанию — с. 308—310. Список трудов А. Е. Преснякова помещен в АЕ на с. 323—331.

381. Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков. По материалам архива А. Е. Преснякова. — ИЗ, М., 1971, т. 88, с. 384—395.

Оценка А. Е. Пресняковым трудов И. А. Тихомирова по летописанию, переписка с К. Н. Бестужевым-Рюминым и Л. Н. Майковым — с. 386—387.

382. Шапов Я. Н. Материалы по истории народов СССР в Польской Народной Республике. — «История СССР», 1971, № 5, с. 233—237.

Список ПЗЛ в Национальной библиотеке в Варшаве — с. 235; Хронограф Леонтия Боболинского, украинские летописи — с. 236.

1972

383. Алешковский М. Х. Русские глебо-борисовские зиклонии 1072—1150 гг. — В сб. статей «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, с. 104—125.

Известия о канонизационных актах Бориса и Глеба в ПВЛ — с. 119.

384. Брюсова В. Г. Русско-византийские отношения середины XI в. — ВИ, 1972, № 3, с. 51—62.

Статья 1043 г. в Начальной летописи — с. 53—55.

385. Буганов В. И. Об издании русских летописей. — АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 17—28.

ПСРЛ и перспективы издания последующих томов; обзор планов издания ПСРЛ М. Д. Приселкова, работа по выявлению новых списков летописей, составлению справочников-указателей к выпущенным томам ПСРЛ, факсимильное и фототипическое воспроизведение летописей.

386. Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура Древней Руси. — ВИ, 1972, № 9, с. 111—132.

Новгородское и киевское летописание — с. 123—124.

387. Гісторыя Беларускай ССР (у 5 тт.), Мінск, 1972, т. 1. Першабытнаабшчыны лад на тэрыторыі Беларусі. Эпоха феадалізму. 632 с.

Баркулабовская летопись — с. 260; издание Синописа Виленским Святодуховским монастырем — с. 262.

388. Дзяра Я. І. Ще раз про публікацію історичних джерел. — УІЖ, 1972, № 2, с. 113—115.

Ответ на рецензию М. Жовтобрюха («Нові видання пам'яток староукраїнської писемності». — «Мовознавство», 1971, № 4, с. 80—83); обоснование передачи текста в изданиях летописи Самовидца, Острожской и Львовской летописей.

389. Добрушкін Г. М. До історії походу руських князів на половців 1185 р. — УІЖ, 1972, № 8, с. 108—110.

Творческий подход В. Н. Татищева к изучению похода Игоря и невозможность пользоваться «Историей Российской» как источником в этом отношении.

390. Добрушкін Е. М. «История Российская» В. Н. Татищева и русские летописи (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата ист. наук). Л., 1972. 22 с.

В. Н. Татищев использовал в основном известные летописи и комбинировал их сообщения. Известия, не находящиеся в летописных сводах, — результат творческой и редакторской деятельности историка.

391. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. 452 с.

Летописи (свод 1508 г., С1Л по списку Царского, свод 1518 г., С2Л по Архивскому списку, свод 1520 г., Шумиловский список Никоновской летописи, Вологодско-Пермская, свод 1533 г., Владимирский летописец, «Русский Временник», Румянцевский летописец (ГБЛ, Рум. № 255), Новгородский свод 1539 г., Голицынский список Н4Л, Псковский свод 1547 г., Устюжский летописный свод, краткий галицкий летописец, Холмогорская, Коми-Вымская, Типографская, краткие монастырские летописцы) — с. 37—48.

392. Класе Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — В сб. статей «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, с. 318—337.

Взаимоотношения списков Оболенского и Патриаршего Никоновской летописи; источник списка Оболенского — Хронографический список Н5Л, летописи Симеоновская и Иоасафовская; митрополит Даниил как редактор Хронографического списка Н5Л, Иоасафовой и списка Оболенского Никоновской летописи.

393. Класе Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. XXVII, с. 370—379.

Источники ЕЛ-2 — 1-я редакция Летописца в соединении с Хронографом по великому изложению, НПЛ, ПВЛ в редакции, близкой к Троицкой; ЕЛ-2 был создан в конце XIV—первой четверти XV в. в Новгороде.

394. Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. — В сб. статей «Рукописное наследие Древней Руси». Л., 1972, с. 57—91.

- Описание рукописи (ИРЛИ, ОДРЛ, Пинежское собрание, № 144) — с. 57—65; публикация — с. 65—91.
395. **Корецкий В. И.** Новая летопись о «Смутном времени» (О находке новой летописи конца XVII в.). — «Знание — сила», 1972, № 1, с. 46—48.
Описание летописи начала XVII в. в сборнике из Собрания Уварова, ГИМ.
396. **Королюк В. Д.** К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет». — «Советское славяноведение», 1972, № 1, с. 76—77.
Возможный источник статьи о волохах в ПВЛ — «Сказание о преложении книг».
397. **Кузьмин А. Г.** Статья 1113 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева. — «Вестник Моск. ун-та», История, 1972, № 5, с. 79—89.
Летописные источники статьи 1113 г.
398. **Литаврин Г. Г.** Война руси против Византии в 1043 г. — В сб. статей «Исследования по истории славян и балканских народов». М., 1972, с. 178—222.
Поход 1043 г. в освещении русских летописей.
399. **Лихачев Д. С.** Новые открытия памятников русской письменности и литературы. — «Вестник АН СССР», 1972, № 4, с. 55—65.
«Синодик ермаковским казаком» — с. 58; Холмогорская летопись (ГПБ, Погод. № 1405), Музейный летописец (ГБЛ, М. 3271) — с. 61.
400. **Лурье Я. С.** Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца. — АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 120—129.
Источник их — свод 70-х годов XV в., составленный в Кирилло-Белозерском монастыре.
401. **Лурье Я. С.** К изучению летописного жайра. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. XXVII, с. 76—93.
Историография изучения летописи как литературного памятника (труды М. И. Сухомлинова, В. Н. Перетца, А. А. Шахматова, М. Д. Присекова, М. Н. Тихомирова, курсы древнерусской литературы) — с. 76—81; свод 1408 г., свод, лежащий в основе С1Л и Н4Л, вторичность Ермолинской летописи по отношению к «Новгородско-Софийскому своду» — с. 81; критика теории стирания «границ между летописанием и собственно художественными жанрами» на примере работ И. П. Еремина по ПВЛ — с. 83—84; летопись как «конгломерат нескольких жанров», изменение их соотношения в сводах 1448 г., 1472 г., летописях Троицкой, Воскресенской, Никоновской, Лицевом своде, Царственной книге — с. 85—93.
402. **Лурье Я. С.** Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской 2-й и Львовской летописей. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. XXVII, с. 405—419.
Историография (труды А. А. Шахматова и А. Н. Насонова) — с. 405—406; источник Львовской и С2Л по Архивскому списку — свод 1518 г. — с. 406—409; источник отдельных, отличных от С2Л, чтений Львовской и Типографской летописей — свод конца XV в., — источник свода 1518 г. (в части до 1490 г.) — с. 409—411; уникальные известия С2Л и Львовской летописей, их возведение к своду конца XV в. и своду 1518 г. — с. 412—415; свод конца XV в. (1489—1490 гг.) — неофициальная летопись, вышедшая из среды оппозиционного духовенства; его переработка в своде

- 1518 г. и заимствования в Уваровской, Чертковской, Воскресенской, Иоасафовской летописях — с. 415—420.
403. **Муравьева Л. Л.** Заметки о первых московских летописных записях. — АЕ за 1971 г. М., 1972, с. 113—119.
- Обзор московских записей за 1261—1340 гг. в летописях Лавр., Тверской, Симеоновской, Владимирском летописце, Суздальской по Акад. списку, Троицкой, Воскресенской, своде 1480 г., НПЛ.
- 403а. **Мыцык Ю. А.** Влияние «Кройники» Феодосия Софоновича на киевский «Синописис». — В сб. статей «Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения». Днепропетровск, 1972, с. 129—136.
- Первое издание Синописиса 1674 г. не обнаруживает влияния «Кройники» Ф. Софоновича; в двух других (1678 и 1680 гг.) есть заимствования из «Кройники».
404. **Подобедова О. И.** Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40—70-х годов XVI в. М., 1972. 197 с.+27 лл. иллюстраций.
- Лицевой летописный свод — с. 68—88.
- Рец.: **Алпатов М.** Книга о русской живописи середины XVI в. — «Искусство», 1972, № 4, с. 68—69.
405. **Пронштейн А. П.** Использование вспомогательных исторических дисциплин в работе над историческими источниками. М., 1972. 118 с.
- Хронология летописания (летописей Лаврентьевской, Ипатьевской, Московского свода конца XV в.) — с. 20—35.
406. **Прохоров Г. М.** Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В сб. статей «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1972, в. 4, с. 77—104.
407. **Рогов А. И.** Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период. — «Исследования по истории славянских и балканских народов». М., 1972, с. 165—177.
- Обзор гипотезы Н. К. Никольского о влиянии мораво-паннонских хроник на русские летописи — с. 166.
408. **Рыбаков Б. А.** Кто же автор «Слова о полку Игореве»? — «Наука и жизнь», 1972, № 10, с. 51—57.
- Обзор авторов-летописцев Киевского свода 1198 г. (Кузьмище Киянин, Петр Бориславич, «Галичанин», летописец Святослава Всеволодича, игумен Моисей).
409. **Рыбаков Б. А.** Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. 520 с.
- Русские летописцы конца XII в. (летописец Поликарп, игумен Моисей, Кузьмище Киянин, летопись 1179 г., Рюриков летописец 1187—1196 гг., книжник Тимофей, летописец Петра Бориславича); летописные источники «Истории Российской» В. Н. Татищева.
- Рец.: **Котенко С. С.** . . . Войну и мир, управу государей . . . — «Москва», 1973, № 3, с. 217—219.
- Рогов А. И.** — «История СССР», 1973, № 5, с. 201—205.
- Кузьмин А. Г.** Важный вклад в изучение древнерусской историографии. — ВИ, 1974, № 4, с. 121—131.

410. Салмина М. А. Вновь обнаруженный список Устюжской летописи. — В сб. статей «Рукописное наследие Древней Руси». Л., 1972, с. 267—271.
Обзор списка Мацевича (ИРЛИ АН СССР, ф. Отдельных поступлений, оп. 23, № 134, конца XVII в.).
411. Творогов О. В. К изучению древнерусских хронографических сводов (1. Редакции Еллинского летописца. 2. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — ТОДРЛ, Л., 1972, т. XXVII, с. 380—404.
Известные списки Еллинского летописца 1-го вида; списки, принадлежащие к разным видам Еллинского летописца — Чудовскому и Академическому, и их обзор; архетип Академического вида возник не ранее 1391 г. — с. 380—385; списки БАН, 45.10.6; ГПБ, Погод. № 1437; ГИМ, Син. № 280 восходят к общему архетипу ЕЛ-1 — с. 385—391; схема взаимоотношений списков ЕЛ — с. 392; Хронограф западнорусской редакции восходит к Погодинскому виду Хронографа 1512 г. — с. 393—404.
412. Творогов О. В. К истории жанра Хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. XXVII, с. 203—226.
Источник Хронографа редакции 1512 г. восходит к Акад. списку ЕЛ-2 — с. 203—212; источник русских известий Хронографа редакции 1512 г. — сокращенные своды конца XV в. — с. 212—214; Хронограф редакции 1617 г.; сокращения Хронографа редакции 1512 г. — с. 214—226.
413. Філіповіч І. І. Хроніка Магілёва. — «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1972, № 4, с. 29—30.
Сообщение о рукописи Хроники (находится в ГПБ); краткий обзор ее известных за 1526—1856 гг. и ее составителей.
414. Чамярыцкі В. А. Летапісы. — «Бел. СЭ», Минск, 1972, т. 6, с. 343.
Краткий обзор ПВЛ, летописей Киевской, Галицко-Волынской, Новгородской, Радзивилловской, Лавр., Троицкой, свода Фотия 1418 г.
415. Чамярыцкі В. А. Летапісы беларускія. — «Бел. СЭ», Минск, 1972, т. 6, с. 344—345.
Обзор Полоцкой, Ипатьевской, Смоленской летописей, Летописца великих князей литовских, свода 1446 г., «Хроники великого княжества Литовского и Жемойтского», Хроники Быховца, Баркулабовской, Могилевской хроники.
416. Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах XX в. — «История СССР», 1972, № 4, с. 46—64.
Полемика с А. Г. Кузьминым относительно общих вопросов изучения раннего русского летописания.
417. Шапов Я. Н. Русская летопись о политических взаимоотношениях Древней Руси и Византии. — В сб. статей «Феодалыная Россия во всемирно-историческом процессе». М., 1972, с. 201—208.
Версии похода 941 г. в русском начальном летописании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук»
АЕ	— «Археографический ежегодник»
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
«Бел. СЭ»	— «Белорусская советская энциклопедия»
ВВ	— «Византийский временник»
«Временник ОИДР»	— «Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете»
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ВИ	— «Вопросы истории»
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ИА	— «Исторический архив»
ИЗ	— «Исторические записки»
ИОРЯС	— «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук»
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
ЛЗАК	— «Летопись занятий Археографической комиссии»
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР
МГАМИД	— Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАН	— Московский государственный историко-архивный институт
МДА	— Московская духовная академия
МИА	— «Материалы к исследованиям по археологии»
НПЛ	— Новгородская первая летопись
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИЕ	— «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»

СИЭ	— «Советская историческая энциклопедия»
СЭ	— «Советская этнография»
ТОДРЛ	— «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР»
УЗ ЛГУ	— «Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова»
УЗ МГУ	— «Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова»
УІЖ	— «Український історичний журнал»
ЦГА г. Москвы	— Центральный государственный архив города Москвы
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦНБ АН УССР	— Центральная научная библиотека Академии наук УССР в г. Киеве
«Чтения ОИДР»	— «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»
AR BSH	— «Academie Romaine. Bulletin de la Section Historique»
BS	— «Byzantinoslavica»
Byz.	— «Byzantion»
BZ	— «Byzantinische Zeitschrift»
FRB	— «Fontes rerum Bohemicarum»
JÖBG	— «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft»
KH	— «Kwartalnik Historyczny»
MPH	— «Monumenta Poloniae Historica»
MPH, Ser. II	— «Monumenta Poloniae Historica», Seria II
MGH SS	— «Monumenta Germaniae Historica», Scriptores
PH	— «Przegląd Historyczny»
REB	— «Revue des études byzantines»
RESEE	— «Revue des études Sud-Est Européennes»
UJb	— «Ungarische Jahrbücher»
VMPL	— «Vetere Monumenta Poloniae et Lituaniae»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		3
<i>В. И. Буганов</i>	М. Н. Тихомиров и отечественное летописание	5
I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ		
<i>И. С. Чичуров</i>	Об одной конъектуре к «Хронографин» Феофана	12
<i>М. В. Бибииков</i>	Византийские хроники и локализация половецко-византийской войны 1148 г.	17
<i>И. В. Шталь</i>	Русь в компиляции Гервасия Тильберийского	23
<u><i>Н. Н. Воронин</i></u>	К характеристике владимирского летописания 1158—1177 гг.	26
<i>Н. И. Щавелева</i>	Древнерусские известия Великопольской хроники	54
<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград)	«Лѣтописец Великий Русьскій». Анализ его упоминания в Троицкой летописи	67
<i>С. Н. Азбелев</i> (Ленинград)	Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла)	78
<i>В. А. Кучкин</i>	Тверской источник Владимирского Полхрона	102
<i>В. И. Корецкий</i>	Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева	113
<i>Т. В. Дианова</i>	К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца	142
II. ИСТОРИОГРАФИЯ		
<i>Л. Л. Муравьева</i>	Проблема общерусского летописания Северо-Восточной Руси XIV в.	148
<i>Ф. А. Грекул</i>	Исторнография славяно-молдавского летописания XV—XVI вв.	172
		359

III. АРХЕОГРАФИЯ

<i>О. В. Творогов</i> (Ленинград)	Задачи и перспективы издания хроник и хронографов	189
<i>Н. Н. Улащик</i>	Открытие и публикации Супрасльской летописи	203
<i>М. П. Дан</i> (СРР)	Издание славяно-молдавских летописей румынским славистом Иоаном Богданом и его связи с русскими славистами в конце XIX—начале XX в.	214

IV. ПУБЛИКАЦИИ

<i>Я. Н. Шапов</i>	Византийские хронографические сочинения в древнеславянской кормчей Ефремовской редакции	230
<i>Б. М. Клосс</i>	Вологодско-Пермские летописцы XV в.	264
<i>В. И. Буганов</i>	Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея	283

V. БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. Н. Казакевич</i>	Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.)	294
Список сокращений		357

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1976 г.

М. Н. Тихомиров и летописеведение

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *С. А. Левина*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*.
Технический редактор *В. В. Волкова*. Корректор *Е. Н. Белоусова*

Сдано в набор 9/II 1976 г. Подписано к печати 15/XI 1976 г. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 3000. Т-16577. Тип. вак. 1104.
Цена 1 р. 86 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука». 199034, Ленинград В-34, В. О. 9-я линия, д. 12

